15168.

15168.

БИБЛИОТЕКА
УЧЕБНОГО КОМИТЕТА МИН. ФИН.

15168
2 вод
17872
БИБЛІОТЕКА
ЦЕНТРАЛЬНАГО КОМИТЕТА МИН. ФИН.

ПРАВО И МИРЪ

въ

МЕЖДУНАРОДНЫХЪ ОТНОШЕНІЯХЪ

СБОРНИКЪ СТАТЕЙ,

составленный подъ редакціею

Проф. гр. **Л. А. Камаровскаго** и **П. М. Богаевскаго**.

Изданіе магазина „Книжное Дѣло".
Москва, Моховая, домъ Бенкендорфъ.
1899.

39
Библиотека НКФ СССР

К

79285

Дозволено цензурою. Москва, 26 мая 1899 г.

БИБЛІОТЕКА
УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИН. ФИН.

Посвящается

Институту международнаго права.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стр.
Отъ редакторовъ	VII—VIII
Манифестъ мира	IX—XI
Верховенство и независимость (суверенитетъ) государства	1—68
Международный союзъ и его право	69—118
Всемірныя уніи и ихъ организація	119—242
Война и законъ	243—328
Мирное разрѣшеніе международныхъ несогласій	329—411
Организація международнаго третейскаго суда	412—499

ПРИЛОЖЕНІЯ:

I. Будущая война	503—514
II. Юридическій характеръ вопроса о разоруженіи	515—523
III. Общія положенія Брюссельской декларації	524
IV. Брюссельская декларація о законахъ и обычаяхъ войны	525—566
V. Проектъ договора о третейскомъ судѣ между Англіей и Соединенными Штатами	537—541
VI. Проектъ постояннаго международнаго третейскаго суда, предложенный междупарламентскою конференціею 1895 г.	542—545

ОТЪ РЕДАКТОРОВЪ.

Предлагаемый Сборникъ статей ставитъ себѣ цѣлью въ доступномъ, хотя и научномъ, изложеніи ознакомить образованнаго читателя съ наиболѣе выдающимися вопросами и задачами современнаго международнаго права и международной жизни. Для этого выбраны статьи нѣкоторыхъ извѣстныхъ иностранныхъ и русскихъ интернаціоналистовъ, которыя и помѣщаются въ настоящемъ изданіи либо въ переводѣ и перепечаткѣ (съ указаніемъ ихъ происхожденія), либо въ нѣкоторой передѣлкѣ (съ сокращеніями и дополненіями), какъ того потребовала цѣль изданія. Сборникъ посвящается разсмотрѣнію лишь коренныхъ вопросовъ международной жизни, каковыми являются: принципы *независимости* государствъ и правильныхъ между ними *сношеній*, ведущіе въ наши дни къ постепенной выработкѣ *международной организаціи*, зачатки которой не трудно усмотрѣть въ современныхъ *уніяхъ*, стремящихся стать *всемірными*; вопросы о подчиненіи *войны*,—все еще являющейся, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, хотя печальною, но пока неустранимою необходимостью,—*нормамъ права*; о замѣнѣ ея гораздо болѣе справедливою формою рѣшенія международныхъ споровъ посредствомъ *третейскихъ разбирательствъ*, быстро завоевывающими себѣ, по

мѣрѣ *успѣховъ идеи мира* въ сознаніи всего цивилизованнаго общества нашего времени, общія симпатіи не только теоретиковъ, но и практическихъ государственныхъ людей.

Все это вопросы, заслуживающіе серьезнаго вниманія каждаго образованнаго читателя, умѣющаго съ интересомъ слѣдить за политическою жизнью, развертывающеюся передъ нимъ. Но, ознакомившись, хотя въ сжатомъ изложеніи настоящаго Сборника, съ этими *основными проблемами международнаго права*, онъ, надѣемся, получитъ охоту и возможность приступить къ дальнѣйшему и болѣе детальному изученію науки, которая въ наши дни, силою обстоятельствъ, все болѣе и болѣе, получаетъ для всѣхъ интересъ практическій и живой. Наше отечество, въ качествѣ державы міровой, принимаетъ все рѣшительнѣе дѣятельное участіе въ всемірномъ гражданскомъ оборотѣ, а такое участіе само собою возлагаетъ на его образованныхъ гражданъ обязанность изученія всѣхъ сторонъ этого оборота и обезпечивающаго его права, т. е. международнаго.

Редакторы посвящаютъ настоящее изданіе **Институту международнаго права**, который праздновалъ осенью 1898 г. двадцатипятилѣтіе своей плодотворной дѣятельности. Желая ему въ будущемъ еще большихъ успѣховъ, они особенно хотѣли бы и настоящимъ скромнымъ своимъ изданіемъ содѣйствовать большему торжеству въ жизни девиза, котораго держится Институтъ:—*упроченію мира путемъ права.*

2 іюня 1899 г.

По Высочайшему **Государя Императора** *повелѣнію, министръ иностранныхъ дѣлъ вручилъ въ 12-й день сего августа всѣмъ пребывающимъ въ С.-Петербургѣ иностраннымъ представителямъ нижеслѣдующее сообщеніе:*

«Охраненіе всеобщаго мира и возможное сокращеніе тяготѣющихъ надъ всѣми народами чрезмѣрныхъ вооруженій являются, при настоящемъ положеніи вещей, цѣлью, къ которой должны бы стремиться усилія всѣхъ правительствъ.»

«Взглядъ этотъ вполнѣ отвѣчаетъ человѣколюбивымъ и великодушнымъ намѣреніямъ Его Императорскаго Величества, Августѣйшаго моего Государя.»

«Въ убѣжденіи, что столь возвышенная цѣль соотвѣтствуетъ существеннѣйшимъ потребностямъ и законнымъ вожделѣніямъ всѣхъ державъ, Императорское правительство полагаетъ, что настоящее время весьма благопріятно для изысканія, путемъ международнаго обсужденія, наиболѣе дѣйствительныхъ средствъ обезпечить всѣмъ народамъ истинный и прочный миръ и, прежде всего, положить предѣлъ все увеличивающемуся развитію современныхъ вооруженій.»

«Въ теченіе послѣднихъ двадцати лѣтъ миролюбивыя стремленія особенно твердо укрѣпились въ сознаніи просвѣщенныхъ народовъ. Сохраненіе мира поставлено было цѣлью международной политики. Во имя мира великія державы сплотились въ могучіе союзы. Для лучшаго огражденія мира увеличили

онѣ въ необыкновенныхъ доселѣ размѣрахъ свои военныя силы и продолжаютъ ихъ развивать, не останавливаясь ни предъ какими жертвами.»

«Однако, усилія эти не могли пока привести къ благодѣтельнымъ послѣдствіямъ желаемаго умиротворенія.»

«Все возрастающее бремя финансовыхъ тягостей въ корнѣ расшатываетъ общественное благосостояніе. Духовныя и физическія силы народовъ, трудъ и капиталъ, отвлечены, въ большей своей части, отъ естественнаго назначенія и расточаются непроизводительно. Сотни милліоновъ расходуются на пріобрѣтеніе страшныхъ средствъ истребленія, которыя, сегодня представляясь послѣднимъ словомъ науки, завтра должны потерять всякую цѣну въ виду новыхъ изобрѣтеній. Просвѣщеніе народа и развитіе его благосостоянія и богатства пресѣкаются или направляются на ложные пути.»

«Такимъ образомъ, по мѣрѣ того какъ растутъ вооруженія каждаго государства, они менѣе и менѣе отвѣчаютъ предпоставленной правительствами цѣли. Нарушенія экономическаго строя, вызываемыя въ значительной степени чрезмѣрностью вооруженій, и постоянная опасность, которая заключается въ огромномъ накопленіи боевыхъ средствъ, обращаетъ вооруженный миръ нашихъ дней въ подавляющее бремя, которое народы выносятъ все съ большимъ трудомъ.»

«Очевиднымъ поэтому представляется, что, если бы такое положеніе продолжилось, оно роковымъ образомъ привело бы къ тому именно бѣдствію, котораго стремятся избѣгнуть и предъ ужасами котораго заранѣе содрогается мысль человѣка.»

«Положить предѣлъ непрерывнымъ вооруженіямъ

и изыскать средства предупредить угрожающія всему міру несчастія—таковъ нынѣ высшій долгъ для всѣхъ государствъ.»

«Преисполненный этимъ чувствомъ, Государь Императоръ повелѣть мнѣ соизволилъ обратиться къ правительствамъ государствъ, представители коихъ аккредитованы при Высочайшемъ Дворѣ, съ предложеніемъ о созваніи конференціи въ видахъ обсужденія этой важной задачи.»

«Съ Божьею помощью, конференція эта могла бы стать добрымъ предзнаменованіемъ для грядущаго вѣка. Она сплотила бы въ одно могучее цѣлое усилія всѣхъ государствъ, искренно стремящихся къ тому, чтобы великая идея всеобщаго мира восторжествовала надъ областью смуты и раздора. Въ то же время она скрѣпила бы ихъ согласіе совмѣстнымъ признаніемъ началъ права и справедливости, на которыхъ зиждется безопасность государствъ и преуспѣяніе народовъ.»

12 авг. 1898 г.

17672

Верховенство и независимость (суверенитетъ) государства.

Разногласіе въ мнѣніяхъ отдѣльныхъ авторитетныхъ писателей, нѣкоторая неустановленность общихъ понятій и опредѣленій, извѣстные пробѣлы и неровности въ самой научной системѣ—все это тѣ слабыя стороны, отъ которыхъ, строго говоря, въ той или иной мѣрѣ, не свободна ни одна изъ общественныхъ наукъ. Но, что бы ни говорили о слабыхъ сторонахъ обществовѣдѣнія сравнительно съ точными науками, никто не усомнится въ самомъ существованіи, напримѣръ, государственнаго, уголовнаго или гражданскаго права, никто не станетъ оспаривать авторитета и важнаго значенія научно-юридическихъ дисциплинъ, изучающихъ эти отрасли права. Между тѣмъ наука международнаго права до сего времени вынуждена, говоря словами Іеллинека: „вести борьбу за самое свое существованіе“. Въ литературѣ и въ обществѣ нерѣдко приходится встрѣчаться съ отрицаніемъ положительнаго характера международнаго права и, притомъ, по самымъ различнымъ основаніямъ. Долгое время господствовало убѣжденіе, что международное право, есть, такъ называемое, естественное право въ примѣненіи къ международнымъ отношеніямъ и противъ международнаго права, въ частности, приводились всѣ тѣ возраженія, которыя вообще при-

*) Настоящая статья составлена *С. И. Живаго* по указаннымъ въ текстѣ работамъ Гейдельбергскаго профессора *Георга Іеллинека*.

вели къ паденію школы естественнаго права. Противники международнаго права, отрицая положительное значеніе его нормъ, указываютъ на отсутствіе въ области международныхъ отношеній верховнаго законодателя, организованнаго международнаго суда и особой исполнительной власти, надѣленной самостоятельными средствами принужденія. Затѣмъ въ подтвержденіе той же мысли нерѣдко ссылаются на мнимое господство силы въ международныхъ отношеніяхъ, приводятъ примѣры политическаго эгоизма правительствъ, которыя-де на практикѣ не считаютъ себя связанными какими-либо нормами и признаютъ въ своихъ отношеніяхъ къ другимъ народамъ лишь законъ собственной выгоды и право сильнаго.

Всѣ эти возраженія не выдерживаютъ серьезной критики, и наука международнаго права, въ лицѣ своихъ лучшихъ представителей, дала своимъ хулителямъ блестящую и вмѣстѣ съ тѣмъ заслуженную отповѣдь *). Но отрицатели международнаго права нерѣдко какъ будто глухи къ доводамъ его защитниковъ. Представители такихъ „безспорныхъ“ и никѣмъ неоспариваемыхъ отраслей правовѣдѣнія, какъ, напримѣръ, государственное, уголовное или гражданское право, какъ будто не понимаютъ языка интернаціоналистовъ и, при всякомъ удобномъ случаѣ, готовы набросить тѣнь на юридическое значеніе нормъ международнаго права, относя ихъ то къ области нравственныхъ требованій, то къ числу правилъ политической мудрости.

Какъ же въ такомъ случаѣ интернаціоналисту добиться признанія доказательной силы своихъ доводовъ?

Едва ли не однимъ изъ наиболѣе цѣлесообразныхъ

---

*) На русскомъ языкѣ см. *Мартенсъ*. Современное международное право цивилизованныхъ народовъ. Спб. 1895. I, § 2. *Даневскій*. Пособіе къ изученію исторіи и системы международнаго права. Харьковъ. 1892. I, стр. 114—119. Сравн. также *Блюнчли*. Современное международное право, изложенное въ видѣ кодекса. Переводъ подъ редакціей гр. Л. Камаровскаго. Москва. 1877. Введеніе.

средствъ было бы: заговорить съ представителями иныхъ отраслей правовѣдѣнія на ихъ собственномъ языкѣ, если можно такъ выразиться, т.-е. доказать, что международное право не только не противорѣчитъ общепризнаннымъ въ наукѣ понятіямъ о правѣ, но что оно, какъ право положительное, можетъ быть обосновано и въ дѣйствительности покоится на тѣхъ же началахъ, какъ право государственное, уголовное и гражданское.

Такую въ высшей степени остроумную и, надо сказать, вполнѣ удачную попытку сдѣлалъ извѣстный нѣмецкій юристъ Georg Iellinek въ небольшомъ по объему, но весьма богатомъ по глубинѣ и оригинальности мыслей трактатѣ, посвященномъ вопросу о юридическомъ значеніи договоровъ между государствами (Die rechtliche Natur der Staatenverträge, ein Beitrag zur juristischen Construction des Völkerrechts, von Dr. Georg Iellinek. Wien, 1880.)

Становясь на господствующую точку зрѣнія, что государство является творцомъ всего существующаго положительнаго правового порядка и принимая догматъ о суверенитетѣ государства, Іеллинекъ разбираетъ эти основныя положенія современной, называющей себя строго-юридическою, школы. Путемъ блестящаго анализа Іеллинекъ указываетъ на истинное значеніе того и другого начала и постепенно приводитъ читателя къ убѣжденію, что они не только не исключаютъ возможности существованія международнаго права, но, наоборотъ,необходимы для него нисколько не менѣе, чѣмъ для другихъ отраслей положительнаго права.

Вся сила остроумныхъ доводовъ Іеллинека направлена, главнымъ образомъ, на доказательство того положенія, что суверенитетъ или верховенство государства, будучи неограниченнымъ извнѣ, въ то же время неявляется абсолютнымъ, т.-е. безусловнымъ, въ томъ смыслѣ, что яко бы не допускаетъ существованія, основанныхъ на самоограниченіи государственной власти, юридическихъ нормъ, регулирующихъ порядокъ отношеній го-

сударствъ между собою и каждаго отдѣльнаго государства къ его подданнымъ. Чтобы обосновать эти свои заключенія, Іеллинеку пришлось дать общее ученіе о суверенитетѣ государства. Въ названномъ выше изслѣдованіи о договорахъ между государствами это ученіе намѣчено въ общихъ чертахъ. Окончательное развитіе оно получаетъ въ дальнѣйшихъ трудахъ того же автора. Въ своемъ изслѣдованіи о соединеніяхъ государствъ (Die Lehre von den Staatenverbindungen. Wien, 1882) Іеллинекъ посвящаетъ особую главу вопросу о суверенитетѣ и о значеніи этого начала въ международномъ правѣ. Въ трактатѣ „Законъ и административное распоряженіе (Gesetz und Verordnung. Freiburg, 1887) авторъ примѣняетъ свое ученіе для рѣшенія одного изъ важнѣйшихъ вопросовъ науки государственнаго права и этимъ, между прочимъ, лишній разъ доказываетъ справедливость своей идеи о единствѣ основныхъ началъ отдѣльныхъ научно-юридическихъ дисциплинъ и отдѣльныхъ отраслей положительнаго права. Въ своемъ послѣднемъ капитальномъ сочиненіи „Система субъективныхъ публичныхъ правъ“ (System der subjectiven öffentlichen Rechte. Freiburg, 1892.) Іеллинекъ, по самому предмету своего труда, не имѣетъ случая многое прибавить къ ученію о суверенитетѣ, но въ то же время онъ съ особенною ясностью указываетъ здѣсь на задачи и область изслѣдованія юриста при рѣшеніи всякаго рода вопросовъ о государствѣ и государственной власти.

Пользуясь названными сочиненіями Іеллинека *), мы предлагаемъ вниманію читателя въ связномъ очеркѣ, возможно близкое къ оригиналу, изложеніе взглядовъ одного изъ авторитетнѣйшихъ современныхъ ученыхъ-юристовъ на вопросы о суверенитетѣ государства. Отъ

*) Главнымъ образомъ, Staatenverträge, S. 8—45. Staatenverbindungen, S. 16 - 36, 91—100. Gesetz und Verordnung., 2. Abth. Кар. I. System der subjectiven öffentlichen Rechte. Кар. III. Въ текстъ введены нѣкоторыя замѣчанія и дополненія, которыя вызваны были условіями ясности и цѣльности изложенія.

того или иного рѣшенія этого вопроса зависитъ воззрѣніе на существо государственной власти и правильное пониманіе всего внутренняго государственнаго строя и правового порядка. Для международнаго права этотъ вопросъ не менѣе важенъ. Самая допустимость существованія положительнаго международнаго права зависитъ отъ того, можно ли доказать, что верховенство и независимость суверенаго государства не исключаетъ возможности установленія правового порядка въ отношеніяхъ между государствами.

Считаемъ нелишнимъ предпослать нижеслѣдующей статьѣ краткій обзоръ ея содержанія.

Понятіе о суверенитетѣ представляетъ собою краеугольный камень современнаго ученія объ юридической природѣ государства. Между тѣмъ вопросъ о томъ, что такое суверенитетъ, какъ юридическое понятіе, остается въ наукѣ спорнымъ и нерѣшеннымъ. Существуетъ много теорій, предлагающихъ самыя различныя рѣшенія этого вопроса, но ни одна изъ нихъ не выдерживаетъ строго-научной критики. Чтобы получить правильное представленіе объ юридической сущности суверенитета, надо выяснить, съ юридической точки зрѣнія, особенности дѣятельности государства какъ такового. А чтобы притти къ правильнымъ выводамъ, надо установить точные предѣлы изслѣдованія и оставаться въ рамкахъ строго-юридическаго рѣшенія основной задачи. Съ юридической точки зрѣнія характерная особенность дѣятельности государственной власти вообще заключается въ томъ, что она можетъ обязывать самое себя; другими словами: государство обладаетъ способностью связывать свою волю рѣшеніями этой же собственной воли. Если такая способность является исключительной, если государство можетъ быть обязано только рѣшеніями собственной воли, а не какой-либо чужой, внѣшней волей, то такое государство называется суверенным. Суверенитетъ, слѣдовательно, есть такое юридическое свойство государства, въ силу котораго государство можетъ быть юридически обя-

зано лишь своею собственною волей. Противъ такого опредѣленія суверенитета, основаннаго на идеѣ о самообязываніи и самоограниченіи государственной власти, могутъ быть сдѣланы различныя возраженія, но ни одно изъ этихъ возраженій не выдерживаетъ критики. Представленіе о самообязываніи рѣшеніями собственной воли не заключаетъ въ себѣ ничего логически несообразнаго. Самоограниченіе государственной власти необходимо практически, какъ основа правового порядка: господство абсолютнаго произвола сдѣлало бы невозможной самую жизнь въ государствѣ. Самообязываніе и вытекающее отсюда самоограниченіе суверенаго государства не теоретическое измышленіе, а существуетъ въ положительномъ правѣ современныхъ культурныхъ государствъ, чему можно привести не мало примѣровъ и доказательствъ. Отсутствіе для суверенаго государства какихъ-либо иныхъ юридическихъ ограниченій, кромѣ связанности рѣшеніями собственной воли, не заключаетъ въ себѣ никоимъ образомъ возможности абсолютнаго произвола. Въ то же время *самоограниченіе* суверенаго государства не уничтожаетъ его свободы, верховенства и независимости. Если воля суверенаго государства является формальнымъ и субъективнымъ источникомъ обязательныхъ для самого государства юридическихъ нормъ, то внутреннее, объективное основаніе слѣдуетъ видѣть въ самой природѣ тѣхъ жизненныхъ цѣлей, ради которыхъ существуетъ само государство. Къ числу этихъ цѣлей современнаго, культурнаго государства безспорно принадлежитъ поддержаніе правильнаго общенія съ другими культурными государствами. Только путемъ общенія современныя государства могутъ удовлетворять своимъ возрастающимъ потребностямъ и всесторонне осуществлять, какъ свои національныя задачи, такъ и общекультурныя цѣли всего человѣчества. Правовой порядокъ, опредѣляющій юридическія отношенія государствъ въ ихъ общеніи между собою, и есть международноправовой порядокъ.

I.

Античное и современное ученіе о государствѣ.—Практическое значеніе вопроса о суверенитетѣ.—Опредѣленія суверенитета съ политической точки зрѣнія: суверенитетъ, какъ сумма отдѣльныхъ правомочій государства; элементъ фактической мощи, какъ признакъ суверенитета; отдѣленіе понятія суверенитета отъ самого государства.—Опредѣленія суверенитета съ юридической точки зрѣнія: полнота власти; единство верховныхъ правъ; юридическое господство надъ компетенціей.

Политическая мысль древняго міра, задаваясь вопросомъ, что такое государство, искала, главнымъ образомъ, нравственныхъ основъ этой формы общежитія. Философское рѣшеніе задачи сводилось по существу къ указанію на полное самоудовлетвореніе и нравственное самодовлѣніе государства, какъ на отличительную черту государственнаго союза среди другихъ видовъ общественныхъ союзовъ.

Современное ученіе о государствѣ стоитъ на совершенно иной точкѣ зрѣнія. Научное государствовѣдѣніе новаго времени разсматриваетъ государство, прежде всего, какъ одно изъ явленій правовой жизни народовъ и видитъ въ государствѣ воплощеніе независимой мощи, носителя верховныхъ правъ. Съ тѣхъ поръ какъ Боденъ, который справедливо признается основателемъ новаго ученія о государствѣ, съ особой силой указалъ на независимость, верховенство „суверенной“ государственной власти, понятіе о суверенитетѣ становится въ наукѣ права краеугольнымъ камнемъ, основнымъ положеніемъ какъ для объясненія всего юридическаго строя государства, такъ и для сужденія

о характерѣ взаимныхъ отношеній между отдѣльными независимыми государствами. Тѣмъ болѣе приходится удивляться тому безконечному разногласію, которое до сего времени господствуетъ въ воззрѣніяхъ на самое существо суверенитета и, притомъ, въ спеціальной научно-юридической литературѣ ничуть не менѣе, чѣмъ среди писателей, являющихся выразителями несходныхъ политическихъ интересовъ.

Вмѣсто безпристрастныхъ сужденій зачастую приходится слышать тенденціозныя партійныя рѣчи, вмѣсто точныхъ юридическихъ опредѣленій—общія мѣста и болѣе или менѣе искусный наборъ фразъ. Неустановленность и неясность основныхъ положеній неизбѣжно ведетъ къ разногласіямъ при рѣшеніи многихъ частныхъ вопросовъ государственнаго и международнаго права, представляющихъ не одинъ только теоретическій интересъ. Укажемъ для примѣра, хотя бы на безконечный споръ о томъ, кому принадлежитъ суверенитетъ въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки: центральному правительству или отдѣльнымъ штатамъ. Отъ рѣшенія его зависитъ, считать ли великую заатлантическую республику дѣйствительно за единое государственное цѣлое, или, наоборотъ—видѣть въ Соединенныхъ Штатахъ союзъ отдѣльныхъ самостоятельныхъ государствъ. На этотъ вопросъ первостепенной важности въ спеціальной литературѣ предмета можно найти самые противорѣчивые отвѣты. Одни писатели утверждаютъ, что отдѣльные штаты, образовавъ унію, утратили только свою самостоятельность въ области международныхъ отношеній, но вполнѣ сохранили суверенитетъ въ смыслѣ внутренняго государственнаго верховенства (Wheaton, Hallek). Другіе говорятъ, что отдѣльные штаты безусловно утратили верховенство и независимость (Ortolan, Vollgraff); третьи утверждаютъ, наоборотъ, что именно отдѣльные штаты являются единственными носителями суверенитета, а органы центральнаго правительства дѣйствуютъ лишь въ качествѣ ихъ представителей и уполномоченныхъ

(Calhoun). Наконецъ, еще цѣлый рядъ писателей допускаетъ, что суверенитетъ какимъ-то образомъ подѣленъ между союзною властью и его штатами, при чемъ и цѣлое и отдѣльные члены одинаково свободны и независимы (Tocqueville, Rüttiman).

Такъ различно рѣшается одинъ и тотъ же вопросъ даже съ научной точки зрѣнія. Легко представить себѣ, какъ должна обостриться полемика, если къ теоретическимъ несогласіямъ присоединятся еще политическія страсти—интересы различныхъ, часто враждующихъ между собою партій. Историки американской междоусобной войны справедливо замѣчаютъ, что именно отсутствіе точныхъ представленій о суверенитетѣ, теоретическая и практическая неопредѣленность носителя верховной государственной власти въ Соединенныхъ Штатахъ были одною изъ главныхъ причинъ самой возможности той кровопролитной внутренней борьбы, которую пришлось испытать великой с.-американской республикѣ. Отпавшіе южные штаты считали свой образъ дѣйствій вполнѣ правомѣрнымъ: ссылаясь на свой предполагаемый суверенитетъ, они заявляли, что выступили изъ прежняго союза и образовали новую конфедерацію. Наоборотъ, другая сторона—сѣверные штаты, стоявшіе за цѣлость первоначальной уніи,—настаивали на суверенитетѣ союзной власти и вполнѣ послѣдовательно называли своихъ противниковъ „мятежниками“.

Не менѣе разногласій возбуждаетъ также хотя бы вопросъ объ юридическомъ положеніи государства, состоящаго подъ протекторатомъ другого. Одни говорятъ, что такое государство безусловно не утрачиваетъ своей независимости, другіе относятъ покровительствуемыя государства къ особому разряду полунезависимыхъ, третьи, наконецъ, совершенно отказываются дать какое-нибудь общее рѣшеніе. Укажемъ, напримѣръ, на положеніе современной Болгаріи въ ея отношеніи къ своему сюзерену Турціи и къ остальнымъ державамъ. Разрѣшеніе вопроса о юридическомъ положеніи

государствъ, находящихся подъ протекторатомъ, имѣетъ, конечно, весьма важное практическое значеніе какъ для Болгаріи, такъ и для государствъ, находящихся съ нею въ постоянныхъ и правильныхъ сношеніяхъ.

Приведенные примѣры—а число ихъ, конечно, можно очень увеличить—взяты не изъ области отвлеченной теоріи. Сама жизнь ставитъ на очередь цѣлый рядъ вопросовъ, и наука должна сказать свое авторитетное и безпристрастное слово при ихъ рѣшеніи. Правильное представленіе о томъ, что слѣдуетъ разумѣть подъ понятіемъ суверенитета, представляетъ, такимъ образомъ, далеко не одинъ кабинетный интересъ, но, очевидно, имѣетъ самое глубокое и непосредственное практическое значеніе.

Что же такое суверенитетъ, какъ юридическое понятіе?

Прежде чѣмъ дать отвѣтъ на этотъ вопросъ, разсмотримъ въ краткомъ очеркѣ наиболѣе характерныя изъ существующихъ въ литературѣ предмета опредѣленій; это поможетъ намъ не повторять чужихъ ошибокъ.

Всего менѣе цѣны представляетъ, съ научной точки зрѣнія, мнѣніе тѣхъ писателей, которые видятъ признакъ верховенства и независимости въ наличности извѣстнаго рода внѣшней дѣятельности и сводятъ такимъ образомъ суверенитетъ къ случайной суммѣ отдѣльныхъ правомочій государства безъ внутренняго единства. Такое воззрѣніе ведетъ свое начало отъ Лейбница и чаще другихъ повторяется представителями международнаго права. Право войны и мира, право посольства, право заключенія международныхъ договоровъ — вотъ тотъ обычный рядъ верховныхъ правъ, изъ которыхъ, какъ говорятъ, слагается суверенитетъ государства. Но правильно ли требовать отъ государства осуществленія всѣхъ этихъ правъ, чтобы считать его суверереннымъ? Конечно нѣтъ! Государство, какъ и всякій другой субъектъ правъ, можетъ обязаться не пользоваться какимъ-либо право-

мочіемъ, вовсе не теряя юридически самого права. Правда, въ политическомъ отношеніи подобное обязательство можетъ иногда быть почти равносильно утратѣ независимости, но въ томъ и дѣло, что право и политика—двѣ совершенно различныя области. Затѣмъ, юридически вполнѣ возможно перенесеніе любого изъ предполагаемыхъ основныхъ верховныхъ правъ въ другія руки, безъ того, чтобы передающій утратилъ суверенитетъ, а получающій права, съ своей стороны, пріобрѣлъ юридическій характеръ суверена. Остъ-Индская кампанія въ свое время имѣла право объявлять войну и заключать миръ, но она ни въ какомъ случаѣ не была суверенным политическимъ союзомъ. Вице-король британской Индіи имѣетъ право отправлять посольства и принимать чужестранныхъ пословъ, но развѣ онъ суверенъ? Развѣ Индійская имперія можетъ считаться независимымъ государствомъ въ своихъ отношеніяхъ съ другими странами, не говоря уже объ Англіи?

Итакъ, представленіе о суверенитетѣ, какъ о механическомъ сочетаніи отдѣльныхъ верховныхъ правомочій, не только неправильно теоретически, но и на практикѣ оказывается совершенно несостоятельнымъ.

Ни на чемъ иномъ, какъ на смѣшеніи права съ политикой, основано также требованіе наличности извѣстной фактической мощи, внѣшней силы, чтобы признать данное государство юридически суверенным. Но исходя отъ такой точки зрѣнія, пришлось бы отказаться отъ мысли допустить хотя бы самую отдаленную возможность какого-либо юридическаго порядка отношеній между государствами.

Самыя тяжкія нарушенія элементарныхъ правилъ справедливости и основныхъ принциповъ международнаго права, съ этой точки зрѣнія, должны быть признаны вполнѣ дозволенными *). Между тѣмъ одно изъ

*) Philimmore, одинъ изъ представителей этого направленія, оправдываетъ такія безпримѣрныя нарушенія международнаго пра-

первыхъ положеній международнаго права — именно признаніе начала равенства всѣхъ государствъ, независимо отъ размѣровъ территоріи, количества населенія и соотвѣтствующаго политическаго значенія. Если даже принять за признакъ независимости милліонные списки армій и значительный боевой флотъ, то на провѣрку окажется, что даже, такъ называемыя, великія державы фактически зависимы другъ отъ друга и далеко не всегда располагаютъ той свободой распоряжаться и пользоваться своими силами, которая, конечно, безусловно необходима, разъ уже ставить юридическій суверенитетъ въ зависимость отъ внѣшняго могущества. Юридическая суверенность государства ни въ какомъ отношеніи не можетъ подлежать подсчету и измѣренію. Суверенитетъ не есть какая-либо производная величина, получающаяся путемъ количественнаго сочетанія извѣстныхъ фактическихъ элементовъ, а, наоборотъ, юридическое слѣдствіе самаго существованія государства, въ качествѣ носителя власти надъ извѣстной территоріей съ соотвѣтствующимъ населеніемъ и въ качествѣ признаннаго самостоятельнаго члена международной семьи государствъ. Какими средствами располагаетъ данное государство, чтобы поддерживать свое господство и авторитетъ, это несомнѣнно очень важно для политики, но съ юридической точки зрѣнія совершенно безразлично.

Нерѣдко вопросъ о суверенитетѣ переносится иными писателями на совершенно неправильную почву. Понятіе суверенности хотятъ отдѣлить отъ самого государства, и произвольно облекаютъ этимъ качествомъ какой нибудь изъ его составныхъ элементовъ въ отдѣльности; такъ говорятъ о суверенитетѣ государя, или о народномъ верховенствѣ, какъ о чемъ-то отличномъ отъ государственнаго суверенитета. Такое

ва—какъ захватъ англичанами датскаго флота и бомбардировка Копенгагена въ 1807 г.

воззрѣніе основано на отсутствіи яснаго представленія о томъ, что такое государство (какъ единство, какъ личность).

Если разсматривать государство отдѣльно отъ его составныхъ элементовъ, то получится отвлеченное сочетаніе условныхъ терминовъ,—пустой звукъ, которому въ дѣйствительности не отвѣчаетъ никакое конкретное явленіе, никакая реальная величина. Если человѣкъ живетъ не иначе, какъ жизнью своего духовнаго „я“, и дѣйствуетъ не иначе, какъ мускульною силой своихъ личныхъ физическихъ органовъ, то и государство проявляетъ свою волю и дѣятельность не иначе, какъ черезъ посредство своихъ органовъ... Когда дровосѣкъ рубитъ дерево, то взмахами топора управляютъ его руки, но въ то же время активную силу развиваетъ самъ человѣкъ; мы говоримъ—не топоръ срубилъ дерево, не руки, которыя держали топоръ, а срубилъ дерево самъ человѣкъ. Налицо одинъ только результатъ и одинъ только актъ дѣятельности, будемъ ли мы обращать вниманіе на орудіе или органъ, непосредственно производящій работу, или на человѣка, которому это орудіе или органъ принадлежитъ. Точно такъ же и относительно государства: дѣятельность органа государства есть дѣятельность самого государства. Въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ проявленія этой дѣятельности совершаются не два какихъ-либо акта, а одинъ, равно какъ и результатъ одинъ, а не два. Въ монархическихъ государствахъ, напримѣръ, окончательное утвержденіе закона исходитъ непосредственно отъ монарха, но въ то же время надѣленіе новаго закона санкціей не есть только дѣйствіе самого монарха, но вмѣстѣ съ тѣмъ несомнѣнно и актъ государственной воли—дѣятельность даннаго государства.

Такимъ образомъ, суверенитетъ государства и суверенитетъ органа, черезъ который проявляется суверенная воля государства, прямо совпадаютъ, поскольку данный органъ дѣйствительно служитъ юридическимъ выразителемъ этой воли. Всякій суверенитетъ

есть суверенитетъ государства, но въ то же время онъ не можетъ существовать безъ органа, который является его непосредственнымъ носителемъ. Перемѣна въ личномъ составѣ органовъ въ каждомъ данномъ государствѣ нисколько не вліяетъ на юридическую сторону дѣла. Монархъ можетъ умереть, страна можетъ получить совершенно иное устройство, но государство, какъ таковое, ни на минуту не остается безъ органа, воля котораго и есть воля самого государства.

До сихъ поръ мы говорили о тѣхъ (довольно обычныхъ въ литературѣ государственнаго и международнаго права) представленіяхъ о суверенитетѣ, которыя основаны, очевидно, на полномъ смѣшеніи права съ политикой, или съ внѣшними фактическими условіями (жизни). Перейдемъ теперь къ такимъ теоріямъ, которыя, болѣе или менѣе, свободны отъ этихъ недостатковъ и задаются цѣлью дать точное опредѣленіе понятія суверенитета съ юридической точки зрѣнія.

Начиная съ 16-го столѣтія большинство писателей опредѣляютъ суверенитетъ, какъ summum imperium, suprema potestas (верховная власть, полнота господства, oberste Gewalt, Machtvollkommenheit, puissance supreme). Но что же даетъ подобное опредѣленіе? Оно заключаетъ въ себѣ, во первыхъ, утвержденіе, что государство стоитъ выше всѣхъ иныхъ силъ и властей, которыя могутъ существовать въ его предѣлахъ, и, во-вторыхъ, отрицаніе возможности какой-либо внѣшней власти, которой бы государство должно было подчиняться. Это опредѣленіе говоритъ только о томъ, что извѣстнаго рода *отношеніе* для государства существуетъ и является общимъ правиломъ, а другого рода *отношеніе* не можетъ имѣть мѣста. Такимъ образомъ, очевидно и самое опредѣленіе суверенитета получаетъ относительный характеръ; оно не разъясняетъ, что же такое верховная власть государства, въ чемъ она проявляется.

Согласно другому опредѣленію, суверенитетъ есть единство государственныхъ силъ. Это опредѣленіе на-

ходится въ несомнѣнной связи съ весьма обычнымъ, особенно среди представителей школы естественнаго права, философскимъ олицетвореніемъ государства. Если замѣнить философскіе термины юридическими понятіями, то суверенитетъ придется опредѣлить, какъ *единство* верховныхъ правъ государства.

Нетрудно убѣдиться, что это значило бы смѣшивать слѣдствіе съ причиной. Въ силу того, что государство разсматривается въ правѣ какъ единая личность, въ силу того, что стройная система органовъ государства дѣлаетъ приложимымъ къ нему понятіе цѣлостнаго организма,—волю и дѣятельность государства, съ юридической точки зрѣнія, нельзя и представить себѣ иначе, какъ единоцѣльной по своему источнику и недѣлимой по существу. Единство—непремѣнное свойство суверенаго государства, но оно само по себѣ не есть суверенитетъ. Такимъ образомъ и это послѣднее опредѣленіе не достигаетъ цѣли. Оно устанавливаетъ одинъ изъ внѣшнихъ признаковъ суверенаго государства, но ничего не говоритъ о тѣхъ верховныхъ правахъ, единство которыхъ должно составлять суверенитетъ; единство неизвѣстныхъ элементовъ такъ и остается неизвѣстною величиной.

Въ чемъ же заключается внутренняя сторона государственнаго верховенства, въ чемъ она выражается?

Суверенное государство, говоритъ одинъ изъ современныхъ германскихъ ученыхъ публицистовъ—Haenel, само устанавливаетъ тѣ законные пути и способы, которыми образуется его властная воля, оно само свободно опредѣляетъ правовыя формы проявленія этой воли и ту сферу интересовъ и отношеній, на которые распространяется (въ данный моментъ, по дѣйствующему праву страны) властное господство государства. Ни по одному изъ этихъ вопросовъ суверенное государство не обязано и не можетъ руководствоваться велѣніями какой-нибудь чужой, посторонней воли, предписаніями какого-либо внѣшняго авторитета. Суверенное государство юридически властно надъ

конкретнымъ содержаніемъ и предѣлами своего господства: вотъ въ чемъ, по мнѣнію Haenel'я, заключается юридическая сущность суверенитета.

Конкретный объемъ чьей-либо власти въ научной терминологіи называется компетенціей того, кому эта власть принадлежитъ. Такимъ образомъ, суверенитетъ — съ указанной точки зрѣнія — есть не что иное, какъ юридическое господство государства надъ своей компетенціей *).

Это опредѣленіе значительно приближается къ намѣченной цѣли — объяснить юридическое значеніе суверенитета, но не вполнѣ рѣшаетъ вопросъ вслѣдствіе одного серьезнаго недостатка — односторонности. Опредѣленіе Haenel'я построено, очевидно, на слѣдующемъ соображеніи. Въ предѣлахъ государствъ ни отдѣльный человѣкъ, ни какой-либо союзъ или корпорація не могутъ самостоятельно ни установить, ни расширить своей компетенціи, а должны довольствоваться въ этомъ отношеніи тѣмъ, что признаетъ за ними властная воля государствъ. Государство есть юридическій источникъ дѣйствующаго въ его предѣлахъ права; государство опредѣляетъ правоспособность и „компетенціи" подчиненныхъ ему отдѣльныхъ лицъ и союзовъ, слѣдовательно, и его собственная компетенція можетъ зависѣть только отъ него же самого.

Но развѣ вся жизнь государства заключается въ его собственныхъ предѣлахъ? Развѣ каждое государство не находится въ самыхъ разнообразныхъ сношеніяхъ и отношеніяхъ съ другими государствами?

Отрицать послѣднихъ фактовъ, конечно, никто не станетъ. Наука права, съ своей стороны, должна объяснить юридическій характеръ взаимныхъ отношеній между государствами. А именно для этой цѣли только что приведенное опредѣленіе суверенитета оказывается совершенно непригоднымъ.

Не споримъ, суверенное государство въ своихъ

---

*) Rechtsmacht des Staates über seine Competenz.

собственныхъ предѣлахъ дѣйствуетъ во всемъ согласно своей волѣ: оно свободно, ибо всегда можетъ законнымъ порядкомъ устранить тѣ ограниченія своей компетенціи, которыя само же установило. Но нѣсколько иначе складываются для государства его внѣшнія отношенія. Правда, заключая, положимъ, какой-либо договоръ съ другой державой, государство дѣйствуетъ свободно: оно и въ этомъ случаѣ собственной волей опредѣляетъ свои отношенія къ другому участнику соглашенія. Но, разъ договоръ заключенъ, разъ государство приняло на себя извѣстное обязательство, оно тѣмъ самымъ является юридически связаннымъ относительно другого государства. Чтобы состояніе такой юридической связанности въ данномъ отношеніи прекратилось, необходима какая-нибудь юридическая причина, напримѣръ—исполненіе самаго обязательства, наступленіе извѣстнаго условія, истеченіе срока и т. п., но, во всякомъ случаѣ, недостаточно уже одной воли самого государства: въ этомъ отношеніи, выражаясь условнымъ терминомъ, государство уже не компетентно.

Г9285

Такимъ образомъ, очевидно, нельзя опредѣлять суверенитетъ какъ *безусловное* правовое господство государства надъ своей компетенціей. Это значило бы въ принципѣ отрицать самую возможность существованія международнаго права. Государства, вступая между собою въ договорныя отношенія, тѣмъ самымъ, признаютъ для себя обязательность объективнаго договорнаго права. Договоры между государствами, правда, обыкновенно заключаются съ молчаливой оговоркой „rebus sic stantibus“. Но значительное измѣненіе „положенія вещей“ является въ такомъ случаѣ именно однимъ изъ взаимно-предусмотрѣнныхъ сторонами, а слѣдовательно юридическихъ, поводовъ къ прекращенію договора, и вовсе не ставитъ самую дѣйствительность и обязательность договора въ зависимость отъ произвола какой-либо изъ обязавшихся сторонъ.

Итакъ, предложенное Haenel'емъ опредѣленіе суве-

ренитета нельзя признать вполнѣ правильнымъ съ теоретической точки зрѣнія. Еще съ большею очевидностью говорятъ противъ его ученія факты дѣйствительной юридической жизни современныхъ государствъ.

Если опредѣлить суверенитетъ какъ безусловное господство надъ своей компетенціей, то, при всемъ желаніи, мы рѣшительно не найдемъ суверенной власти, напримѣръ, для Болгаріи. Сюзеренъ не можетъ расширить рамки своего господства надъ вассаломъ; вассалъ, въ свою очередь, не имѣетъ *юридической* возможности увеличить въ какомъ-либо отношеніи свою политическую свободу и внутреннюю автономію. Такимъ образомъ оказывается, что нельзя признать суверенитета ни за самой Болгаріей, ни суверенитета Турціи или какой-либо иной державы надъ вассальнымъ болгарскимъ княжествомъ. По соглашенію между великими державами, Іоническіе острова съ 1815—по 1864 г. состояли подъ протекторатомъ Англіи, при чемъ британскому правительству были предоставлены извѣстныя полномочія и въ области внутренняго управленія. Но развѣ Англія могла расширить свою компетенцію относительно покровительствуемыхъ ею семи острововъ, или развѣ парламентъ этихъ острововъ властенъ былъ умалить въ чемъ-либо права англійскаго лордъ-комиссара? Кому же въ такомъ случаѣ въ періодъ 1815—1864 гг. принадлежалъ суверенитетъ надъ Іоническими островами? Въ 1868 г. государственно-правовыя отношенія Кроаціи и Славоніи къ венгерской коронѣ были установлены такимъ образомъ, что для измѣненія ихъ недостаточно одного рѣшенія Венгріи, но надо также согласіе упомянутыхъ зависимыхъ земель. Такимъ образомъ ни Венгрія, ни Кроація и Славонія въ отдѣльности не компетентны въ области опредѣленія своихъ государственно-правовыхъ отношеній. Если бы юридическое господство надъ свой компетенціей дѣйствительно составляло сущность суверенитета, то, конечно, напрасно было

бы пытаться отвѣтить на вопросъ, кому же принадлежитъ суверенитетъ надъ венгерской провинціей Кроаціей и Славоніей.

II.

Юридическая природа современнаго государства. — Разнорѣчивость существующихъ въ литературѣ опредѣленій. — Задача юриста при изученіи государства и отношеніе его къ другимъ дисциплинамъ. — Характерная особенность государственной власти, какъ дѣятельной силы. — Самообязываніе собственною волей — признакъ государства съ юридической точки зрѣнія. — Опредѣленіе понятія суверенитета.

Послѣ всѣхъ этихъ предварительныхъ критическихъ замѣчаній, попытаемся установить окончательное опредѣленіе суверенитета и съ этою цѣлью, прежде всего, зададимся вопросомъ, въ чемъ заключается, съ *юридической* точки зрѣнія, характерная особенность дѣятельности государства, какъ такового*).

Здѣсь мы неизбѣжно встрѣчаемся съ другимъ, болѣе общимъ, вопросомъ — о юридической природѣ государства. На этотъ вопросъ современная научная литература публичнаго права не даетъ какого-либо одного точнаго отвѣта. Самое понятіе государства служитъ предметомъ оживленныхъ споровъ. Впрочемъ, все разнообразіе обычныхъ въ современной литературѣ опредѣленій не выходитъ изъ весьма ограничен-

---

*) Все дальнѣйшее рѣшеніе вопроса находится въ непосредственной зависимости отъ основныхъ воззрѣній Іеллинека на юридическую природу государства. Въ виду этого, въ текстъ изложенія здѣсь введены нѣкоторыя изъ соображеній, высказанныхъ имъ въ позднѣйшемъ сочиненіи System der subjektiven öffentlichen Rechte, гл. III. Die rechtliche Natur des Staates, гдѣ авторъ мастерски опредѣляетъ цѣль и границы изслѣдованія юриста въ области вопросовъ о государствѣ и государственной власти. Нѣкоторыхъ замѣчаній читатель, впрочемъ, не найдетъ и въ нѣмецкомъ оригиналѣ; они сдѣланы мною въ интересахъ ясности изложенія и замѣняютъ иногда передачу цѣлыхъ страницъ подлинника.

наго круга представленій и образовъ, къ которымъ тотъ или иной ученый пытается приравнять юридическую сущность государства. Въ отдѣльныхъ формулахъ воспроизводятся однѣ и тѣ же типическія воззрѣнія на государство, какъ на организмъ, какъ на личность; въ государствѣ хотятъ видѣть то субъектъ власти, то, наоборотъ, объектъ властнаго господства; считаютъ государство то юридическимъ отношеніемъ, то чисто-фактическимъ состояніемъ.

Чѣмъ-же объяснить такую несогласимую противоположность мнѣній по одному и тому же вопросу? Если вникнуть ближе въ самую суть дѣла, то легко убѣдиться, что эта противоположность скорѣе кажущаяся, чѣмъ дѣйствительная. Конечно, попытка согласить между собою далеко несходныя отдѣльныя опредѣленія государства не привела бы ни къ какимъ положительнымъ результатамъ: внѣшнее противорѣчіе дѣйствительно неустранимо. Но изъ этого еще нельзя сдѣлать заключенія, что всѣ разнорѣчивыя опредѣленія государства, за исключеніемъ одного какого-либо, безусловно неправильны. Въ большинствѣ случаевъ читателю (а нерѣдко и самимъ авторамъ) только кажется, что всѣ ученыя изслѣдованія, претендующія выяснить существо и природу государства, посвящены рѣшенію одного и того же основного вопроса. Въ дѣйствительности же почти каждый изслѣдователь приступаетъ къ изученію природы государства съ какой-нибудь особой предвзятой точки зрѣнія и ставитъ себѣ, такимъ образомъ, зачастую даже безсознательно, совершенно самостоятельную задачу. Что же удивительнаго, если при такихъ условіяхъ результаты изслѣдованій въ отдѣльныхъ случаяхъ далеко не совпадаютъ? Прибавимъ къ сказанному еще отсутствіе полнаго единства въ научныхъ методахъ и различіе въ самыхъ пріемахъ изслѣдованія, и тогда разнорѣчивость существующихъ въ современной литературѣ опредѣленій государства перестанетъ возбуждать въ насъ чувство тревожнаго, а то и скептическаго недоумѣнія.

Вообще, чтобы, съ нѣкоторою увѣренностью, разсчитывать на успѣхъ изслѣдованія, необходимо, прежде всего, точно установить его цѣль и границы. Приступая къ рѣшенію какихъ-либо вопросовъ спеціально въ области научнаго правовѣдѣнія, слѣдуетъ съ особой тщательностью устранить изъ предѣловъ изслѣдованія все не юридическое, не относящееся непосредственно къ дѣлу.

Если поставленъ вопросъ, что такое государство съ юридической точки зрѣнія, то отвѣтъ на этотъ вопросъ не можетъ и не долженъ заключать въ себѣ всестороннее объясненіе существа государства, а одни только юридическіе признаки этого понятія.

Настаивая на необходимости для юриста рѣшать научные вопросы права въ области чисто юридическихъ представленій, мы этимъ вовсе не хотимъ сказать, что государство нельзя изслѣдовать со всякой иной точки зрѣнія (исторической, политической, экономической и т. п.). Если болѣе спеціальное, строго-юридическое опредѣленіе выведено и построено правильно, то оно ни въ какомъ случаѣ не можетъ противорѣчить другимъ (не юридическимъ) признакамъ государства, а, наоборотъ, должно занять свое мѣсто, какъ необходимая логическая часть въ общемъ или, какъ говорятъ, философскомъ понятіи о государствѣ.

Эту именно простую истину слишкомъ часто упускаютъ изъ вида. Можетъ быть даже смутное опасеніе, какъ бы обособленіе и извѣстная самостоятельность отдѣльныхъ точекъ зрѣнія не порвали связи между разнокачественными признаками общаго, цѣлостнаго понятія,—можетъ быть подобное опасеніе, до извѣстной степени, и заставило большинство нѣмецкихъ ученыхъ включить въ свои опредѣленія юридической сущности государства черты, не имѣющія ничего общаго съ правомъ. Такой пріемъ, очевидно, совершенно неправиленъ, но онъ, къ сожалѣнію, такъ обыченъ въ современной литературѣ предмета, что

даже ко всякой попыткѣ ограничить свою задачу рѣшеніемъ исключительно однихъ только правовыхъ вопросовъ относятся какъ-то съ недовѣріемъ, хотятъ усмотрѣть здѣсь коварное нежеланіе считаться со всѣми трудностями задачи. Между тѣмъ, указанный характеръ научнаго изслѣдованія съ логическою необходимостью вытекаетъ изъ самой его цѣли и, кромѣ того, вовсе не представляетъ собою чего-либо исключительнаго, свойственнаго только наукѣ права.

Для большей ясности приведемъ примѣръ изъ совершенно иной области.

Что такое представляетъ собою (каждое) музыкальное произведеніе, хотя бы любая симфонія Бетховена? Спросите натуралиста,—онъ заведетъ рѣчь о численныхъ соотношеніяхъ колебаній звуковыхъ волнъ и о рядѣ гармоническихъ впечатлѣній органовъ слуха. Психологъ, напротивъ, будетъ говорить о томъ, что великая идея родилась въ душѣ генія, запечатлѣлась его рукой на бумагѣ, и путемъ какого сложнаго психологическаго процесса совокупнаго воспріятія условныхъ нотныхъ знаковъ эта идея воспроизводится, затѣмъ, цѣлымъ оркестромъ музыкантовъ и т. п. Но ни натуралистъ, ни психологъ, оставаясь въ предѣлахъ своей спеціальности, не въ состояніи передать намъ сколько-нибудь точнаго представленія о музыкальномъ совершенствѣ твореній великаго композитора.

Иное дѣло, если отвѣчать на вопросъ придется эстетику. Для него симфонія Бетховена не объектъ сухихъ теоретическихъ изысканій, а предметъ высокаго художественнаго наслажденія. Только въ этой области и съ этой точки зрѣнія представленіе о данной именно симфоніи получаетъ внутренній смыслъ и ничто въ глазахъ эстетика не можетъ уничтожить дѣйствительности бытія твореній Бетховена и высокой художественной жизненности его музыкальныхъ образовъ.

Слѣдуетъ ли изъ этого, что воззрѣнія на тотъ же предметъ естествоиспытателя и психолога неправиль-

ны? Разумѣется— нѣтъ! Но въ то же время они нисколько не противорѣчатъ тому значенію, которое придаетъ музыкальному произведенію эстетика; они только характеризуютъ предметъ съ совершенно различныхъ точекъ зрѣнія и даютъ о немъ въ области каждой спеціальности соотвѣтствующее, вполнѣ самостоятельное понятіе.

Наука права, съ своей стороны, ни въ какомъ случаѣ не можетъ задаваться цѣлью всесторонняго, исчерпывающаго познанія самой „сущности вещей".

Къ сожалѣнію, нельзя сказать, чтобы всѣ современные представители юридическихъ наукъ съ достаточною точностью умѣли отдѣлить область правовѣдѣнія, какъ самостоятельной науки, отъ другихъ отраслей знанія. Въ настоящее время, напротивъ, стали все неразборчивѣе злоупотреблять сочетаніемъ методовъ и пріемовъ различныхъ наукъ, хотя бы онѣ не имѣли между собою ничего общаго. Въ юридической литературѣ существуетъ даже особое „эмпирическое" или опытное направленіе, которое во всеоружіи естественно-историческаго метода и точныхъ біологическихъ знаній, съ одной стороны, провозглашаетъ великую истину, что государство нельзя считать лицомъ или личностью: у него нѣтъ-де ни головы, ни ногъ, ни рукъ..., а съ другой—дѣлаетъ неожиданное открытіе, что государство, на ряду со всѣми остальными общественными союзами, относится къ той же обширной категоріи, какъ и микробы, растенія, млекопитающія животныя и т. п.

Но, и помимо такихъ крайнихъ несообразностей и увлеченій, юристу-изслѣдователю грозитъ опасность уклониться въ сторону отъ области своей науки и впасть въ другую ошибку, отъ которой, пожалуй, еще труднѣе уберечься.

Дѣло въ томъ, что право есть явленіе общественной жизни и, какъ такое, можетъ быть предметомъ изученія не одного только догматическаго правовѣдѣнія. Соціологія и исторія, напримѣръ, хотятъ знать причи-

ны возникновенія права и постепенный ходъ его развитія, подвергаютъ анализу экономическія, политическія, національныя условія его существованія и наблюдаютъ воздѣйствіе правового порядка на различныя стороны народной жизни. Безъ сомнѣнія, данныя соціологіи и исторіи могутъ быть въ высшей степени полезны для юриста, такъ какъ совокупностью знаній человѣка опредѣляется вообще весь его умственный кругозоръ. Но изъ этого никакъ нельзя вывести заключенія, что въ своей спеціальной области юристъ долженъ слѣдовать чуждымъ его наукѣ пріемамъ или замѣнять точныя юридическія понятія историческими справками, данными политической экономіи, или соціально-политическими соображеніями, болѣе или менѣе, гадательнаго свойства.

То, что юристъ можетъ найти въ богатой сокровищницѣ человѣческихъ знаній вообще, т.-е. данныя другихъ наукъ, существующихъ одновременно съ правовѣдѣніемъ, все это можетъ служить для дополненія и поясненія научно-юридическихъ опредѣленій, но ни въ какомъ случаѣ не для замѣны. Для юриста, напримѣръ, очень важно свидѣтельство исторіи, что государство вообще представляетъ собою явленіе въ извѣстномъ смыслѣ всемірноисторическое, а не случайное, свойственное какой-нибудь кратковременной, преходящей эпохѣ или одному какому-либо народу. Отсюда слѣдуетъ, что несомнѣнно должны были выработаться черты, одинаково свойственныя всѣмъ вообще государственнымъ союзамъ; является, такимъ образомъ, увѣренность въ возможности подвести единицы подъ видовые типы, а затѣмъ установить и родовыя категоріи. Но, тѣмъ не менѣе, исторія не даетъ намъ отвѣта, что-же такое государство съ юридической точки зрѣнія. Отвѣчать на этотъ вопросъ приходится юристу на основаніи данныхъ и заключеній его собственной науки.

Народъ, ведущій осѣдлый образъ жизни на опредѣленномъ пространствѣ занятой имъ земли и подчиняющійся извѣстной власти, которая надъ нимъ гос-

подствуетъ—вотъ то явленіе, которое вообще называется государствомъ. Это явленіе, какъ несомнѣнный фактъ дѣйствительной жизни *), и составляетъ предметъ всѣхъ изслѣдованій о государствѣ.

Территорія — это то основаніе, на которомъ, такъ сказать, — покоится государство; люди, населяющіе территорію,—единицы, изъ которыхъ образуется цѣлое государство,—члены государственнаго союза.

Но *сами по себѣ* эти элементы государства стоятъ внѣ области изслѣдованія юриста. Какъ въ геометріи, математикъ не говоритъ, напримѣръ, о химическомъ составѣ или физическихъ свойствахъ того куба или призмы, которые онъ измѣряетъ циркулемъ и линейкой, такъ и юристъ не изслѣдуетъ географическаго устройства и естественныхъ качествъ территоріи, не касается безотносительно вопроса о племенномъ составѣ населенія и объ его распредѣленіи по классамъ съ экономической точки зрѣнія.

Юристъ изучаетъ только порядокъ тѣхъ *правовыхъ* отношеній, которыя возникаютъ и существуютъ въ силу того, что опредѣленное пространство земли и населяющіе его люди подчинены господству извѣстной власти, которая ими управляетъ. Именно это отношеніе подчиненности и господства составляетъ ту юридическую связь, которая сплочиваетъ государство въ единое цѣлое; система соотвѣтствующихъ органовъ государственной власти, въ свою очередь, дѣлаетъ государство самостоятельною личностью, т.-е., способнымъ имѣть свою волю и проявлять ее во внѣшнихъ дѣйствіяхъ.

Такимъ образомъ, государственная власть—ея природа и дѣятельность—вотъ что составляетъ непосредственный предметъ изслѣдованія о государствѣ съ юридической точки зрѣнія.

Итакъ, въ чемъ же заключается, съ юридической

---

*) Die unzweifelhafte Thatsache des auf abgegrenztem Gebiete sesshaften Volkes.

точки зрѣнія, характерная особенность государственной власти, какъ дѣятельной силы государства?

Дѣятельность государства юристу приходится разсматривать съ двухъ различныхъ точекъ зрѣнія.

Для того, кто подчиненъ государственной власти, для подданныхъ, государство является господиномъ, носителемъ авторитета и властной мощи (herrschende Macht). Въ этомъ качествѣ государство издаетъ повелѣнія съ безусловно обязательной силой; совокупностью такихъ предписаній государственной власти устанавливаются предѣлы правоспособности отдѣльныхъ лицъ какъ въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ между собою, такъ и относительно самого государства. Такимъ образомъ, съ точки зрѣнія подданныхъ юридическая сущность дѣятельности государства заключается именно въ томъ, что государство отправляетъ акты власти, однимъ словомъ— господствуетъ.

Содержаніе велѣній государства, конечно, разнообразно до безконечности, но ихъ юридическое значеніе и назначеніе всегда одно и то же: въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ одностороннимъ актомъ государственной власти создается извѣстная юридическая обязанность для подданныхъ.

Юридическія обязанности вообще могутъ возникать только двумя путями: или источникомъ обязанности служитъ рѣшеніе собственной воли, или же, наоборотъ, на лицо налагается извѣстная обязанность извнѣ—какой-либо чужой, посторонней волей. Разъ лицо подчинено власти государства, то его юридическія обязанности вытекаютъ, конечно, не изъ его собственной воли, а обусловливаются велѣніями государства. Въ предѣлахъ дѣйствующаго права подданному можетъ быть предоставлена весьма широкая свобода самодѣятельности, да и помимо того, въ области отношеній гражданскаго права, напримѣръ, отъ желанія всякаго зависитъ, положимъ, заключать или не заключать извѣстный договоръ, вступить или не вступить въ какую-либо сдѣлку и т. п.

Но изъ этого вовсе не слѣдуетъ, что источникомъ самой юридической связанности подданнаго въ томъ или иномъ отношеніи будетъ его собственная воля. Подданный только потому и можетъ заключать извѣстный договоръ, что государство заранѣе предписало, что извѣстныя дѣйствія подданнаго при наличности опредѣленныхъ условій будутъ сопровождаться опредѣленными правовыми послѣдствіями. Если бы не было предварительнаго акта воли государства, направленнаго на то, чтобы создать при извѣстныхъ условіяхъ самую возможность возникновенія юридической обязанности для подданнаго, то всѣ соглашенія и сдѣлки подданнаго остались бы юридически ничтожны. (Купить вексельной бумаги и изобразить на ней свое имя можетъ, напримѣръ, всякій, но „обязываться векселями“ могутъ только тѣ лица, которыхъ законъ признаетъ правоспособными выдавать векселя.) Такимъ образомъ, всякая безъ исключенія юридическая обязанность подданнаго, въ концѣ концовъ, непремѣнно основана на нормѣ объективнаго права, т.-е. на волеизъявленіи государства. Неспособность юридически обязываться иначе, какъ волей государства, т.-е. не своей, а чужой волей, — вотъ что вытекаетъ для лица изъ его подчиненности государству; въ этомъ и заключается, говоря точнѣе, характерный юридическій признакъ подданнаго.

На дѣятельность государства можно смотрѣть не съ одной только точки зрѣнія подданнаго, а, наоборотъ, разсматривать само государство, какъ субъектъ этой дѣятельности. Въ качествѣ дѣйствующаго лица государство выступаетъ въ своихъ отношеніяхъ къ подданнымъ и къ другимъ государствамъ. Какъ относительно подданныхъ, такъ и относительно другихъ государствъ, государство можетъ проявлять свою дѣятельность не иначе, какъ выражая свою волю въ точно опредѣленныхъ нормахъ или рѣшеніяхъ, съ тѣмъ, чтобы эти именно нормы и рѣшенія служили въ каждомъ данномъ случаѣ руководящею нитью для отдѣльныхъ

актовъ государства. Если бы этого не было, то образъ дѣйствій государства носилъ бы характеръ совершеннаго произвола: немыслимо было бы никакое довѣріе гражданъ въ ихъ отношеніяхъ между собою и относительно государства, невозможенъ былъ бы даже, хотя слабый, намекъ на правильный порядокъ въ сношеніяхъ и общеніи между независимыми государствами.

Только благодаря тому, что государство признаетъ проявившуюся въ какомъ-либо предписаніи или рѣшеніи свою волю обязательной и для самого себя, только благодаря этому возникаетъ необходимое довѣріе къ устойчивости правового порядка, который создается во всѣхъ направленіяхъ волей государства.

Въ тѣхъ правоположеніяхъ, которыя государство издаетъ, оно обращается не только къ своимъ подданнымъ, къ тѣмъ, кто подчиненъ его власти, но въ то же время и къ себѣ самому. Такъ называемые основные законы опредѣляютъ устройство государства и общія рамки его дѣятельности; законы относительно порядка управленія регулируютъ эту дѣятельность въ подробностяхъ; даже предписанія, обращенныя, повидимому, непосредственно только къ подданнымъ, обязываютъ само государство, ибо, издавая, напримѣръ, уголовный кодексъ, государство тѣмъ самымъ заявляетъ, что извѣстные именно поступки подданнаго, а не какія-либо иныя дѣйствія, будутъ считаться за преступленія и преслѣдоваться установленнымъ порядкомъ опредѣленной мѣрой наказанія.

Въ своей внѣшней дѣятельности государство также не можетъ обойтись безъ руководящихъ нормъ. Вступая въ правильныя отношенія съ себѣ подобными, государство не можетъ не признавать обязательности для себя извѣстныхъ нормъ, которыя логически сами собою вытекаютъ изъ начала международнаго общенія, напримѣръ, принциповъ равенства и взаимности и т. п. Государство признаетъ, кромѣ того, и нормы, слагающіяся путемъ международнаго обычая, и, такимъ образомъ, своею волей сообщаетъ имъ обязательную для

себя силу. Наконецъ, путемъ договоровъ, государства создаютъ цѣлую систему нормъ положительнаго международнаго права, признавая обязательность своихъ согласныхъ волеизъявленій для самихъ себя.

Во всякомъ дѣйствіи государства для самого государства не только заключается проявленіе его власти, но въ то же время содержится элементъ наложенія на свою волю извѣстныхъ юридическихъ узъ въ данномъ именно отношеніи. Весь государственный и международный правовой порядокъ покоится именно на томъ началѣ, что государство признаетъ себя юридически связаннымъ высказанными имъ изъявленіями воли, въ томъ смыслѣ, что вся дѣятельность государства можетъ имѣть юридическое значеніе лишь въ установленныхъ имъ самимъ предѣлахъ, а воля государства можетъ быть измѣнена не иначе, какъ установленнымъ правовымъ порядкомъ.

Итакъ, всякій актъ государственной воли есть вмѣстѣ съ тѣмъ актъ подчиненія дальнѣйшей дѣятельности нормамъ, поставленнымъ собственной волей, говоря короче, актъ самообязыванія собственной волей (Act der Selbstverpflichtung, der Verpflichtung durch eigenen Willen). Въ этомъ именно свойствѣ государственной дѣятельности, въ такой способности обязываться собственной волей, и слѣдуетъ, съ юридической точки зрѣнія, видѣть характерный признакъ государства.

Это положеніе чрезвычайно важно для всего настоящаго изслѣдованія; оно даетъ намъ вѣрный ключъ для рѣшенія спеціально интересующаго насъ вопроса о юридической сущности суверенитета.

Въ самомъ дѣлѣ, если государство должно обладать верховенствомъ, т.-е., высшею властью и независимостью, то оно, очевидно, не можетъ подчиняться никакой чужой, внѣшней волѣ. Присоединимъ это выраженное отрицательно требованіе къ установленному выше общему положительному признаку государства и мы получимъ слѣдующій выводъ: суверенное госу-

дарство можетъ быть юридически обязано исключительно лишь своей собственной волей. Такая *способность обязываться исключительно своей волей составляетъ характерный юридическій признакъ суверенаго государства.*

Поэтому *суверенитетъ* можно опредѣлить, какъ *такое свойство государства, въ силу котораго оно можетъ быть юридически обязано лишь своею собственною волей.*

III.

Логическая возможность самоограниченія государственной власти.—Практическая необходимость такого самоограниченія: самоограниченіе воли съ точки зрѣнія этики и права.—Примѣры самоограниченія государственной власти: „октроированіе“ конституціи; „общія гарантіи свободы“; законы вообще.—Наличность самообязыванія государства въ процессѣ образованія закона.

Прежде чѣмъ сопоставлять наше опредѣленіе суверенитета съ другими или дѣлать какія-либо дальнѣйшія заключенія, устранимъ возраженія, которыя могутъ быть сдѣланы противъ только что выставленныхъ основныхъ положеній.

Намъ скажутъ: самое представленіе о возможности обязываться собственной волей логически несостоятельно! Развѣ тотъ, кого обязываетъ лишь его собственная воля, не можетъ во всякое время этой же волей быть освобожденъ отъ добровольно принятыхъ узъ? Государство, какъ носитель верховной, общей воли, юридически можетъ дѣлать все, что ему угодно, а, слѣдовательно, и освободиться отъ всякихъ обязательствъ; правонарушенія здѣсь не будетъ, ибо государство само источникъ всякаго права. Общая воля (воля государства) не можетъ признавать для себя обязательность какихъ бы то ни было юридическихъ нормъ!

Всѣ подобныя возраженія вытекаютъ изъ представленія объ абсолютномъ характерѣ государственной

власти, съ которой не мирится идея объ юридическомъ самоограниченіи суверена.

Princeps legibus solutus est — вотъ изреченіе, которое должно было служить выраженіемъ всевластія римскихъ цезарей. Та же самая мысль о безусловной формальной неограниченности государственной власти является однимъ изъ основныхъ положеній политическихъ теорій новаго времени, при чемъ по этому вопросу съ замѣчательнымъ единодушіемъ высказываются писатели самыхъ несходныхъ направленій, напримѣръ, Бодэнъ и Гоббсъ, съ одной стороны, и, хотя бы Руссо и такіе видные представители германской школы естественнаго права, какъ Кантъ, съ другой.

Суверенъ, по словамъ Бодэна *), „не можетъ быть подчиненъ своимъ законамъ“, ибо невозможно, по природѣ вещей (par nature), издавать законы для самого себя, равно какъ и приказывать себѣ самому что-либо зависящее отъ собственной же воли. „Какъ нельзя дать или подарить себѣ самому что-либо, — говоритъ Гоббсъ**)—такъ нельзя и обязаться (себѣ самому) относительно самого себя; подобное обязательство было бы лишено всякаго значенія, такъ какъ отъ него можно было бы освободиться по собственному произволенію... Государство само не связано законами, ибо законы суть законы самого государства, и если бы они обязывали само государство, то это было бы обязательство относительно самого себя“. „Противно природѣ государства (il est contre la nature du corps politique),— замѣчаетъ Руссо***),—чтобы суверенъ налагалъ законъ на себя самого, чтобы онъ могъ ограничить (enfreindre) себя..., иначе бы онъ былъ въ положеніи частнаго лица, заключающаго договоръ съ самимъ собой“... „Властителю въ государствѣ,—говоритъ Кантъ****), — принадлежатъ относительно подданныхъ только одни пра-

*) Les six livres de la Républiqne. Paris. 1576. I, ch. IX p. 129.
**) De Cive c. VI, 14.
***) Du Contrat social. Livre I, ch. VII.
****) Rechtslehre, § 49.

ва, но онъ не имѣетъ относительно нихъ никакихъ (принудительныхъ) обязанностей".

Основная мысль объ отсутствіи какихъ-либо ограниченій полноты господства суверенной власти встрѣчается и въ новѣйшей нѣмецкой философіи права. Этой точки зрѣнія придерживался, напримѣръ, Шталь, который, между прочимъ, защищалъ положеніе, что „законодатель вообще не можетъ быть связаннымъ своими собственными законами" *).

Нѣтъ ничего удивительнаго, что ученіе о неограниченномъ верховенствѣ государственной власти имѣло всегда такъ много приверженцевъ и защитниковъ. Въ XVI столѣтіи это ученіе было лозунгомъ побѣдоносной борьбы централизующихся національныхъ государствъ съ остатками средне-вѣкового разъединенія; въ концѣ XVIII вѣка революціонная политическая мысль спѣшила сдѣлать съ радостью изъ этого ученія выводы о неотчуждаемости народнаго суверенитета и т. п.

Но какъ бы односторонне и узко ни понималось начало государственнаго верховенства писателями различныхъ направленій, можно смѣло утверждать, что одновременно съ провозглашеніемъ самой идеи неограниченнаго суверенитета сложилось сознаніе необходимости какихъ-либо гарантій, чтобы государственная власть осуществлялась на благо подданныхъ. Уже Бодэну далеко не чужда мысль, что господство государства, какъ всякая вообще власть и господство въ области отношеній людей между собою, не можетъ и не должно проявляться въ безусловномъ и безпредѣльномъ произволѣ. Правда, оставаясь вѣренъ самому себѣ, Бодэнъ могъ указать лишь на „Божественный законъ"—какъ на нравственный мотивъ обузданія такого произвола и на „законъ природы"—какъ на естественный предѣлъ всемогущества государства. Но нравственныхъ гарантій или одного только благопріятнаго сочетанія фактическихъ условій, конечно, не доста-

*) Staatslehre. S. 282.

точно для огражденія интересовъ подданныхъ отъ произвола государствъ. Чтобы создать болѣе прочныя гарантіи, дѣлаются попытки пріурочить дѣятельность государства къ опредѣленной, юридически очерченной области и создать, такимъ образомъ, для господства суверенной власти извѣстныя правовыя рамки. Сначала эта идея дѣлаетъ лишь очень робкіе успѣхи. О какихъ-либо положительныхъ ограниченіяхъ полноты всевластія государства не возникаетъ и рѣчи, а всѣ аргументы черпаются изъ широкаго круга понятій, такъ называемаго, „естественнаго“ права. Господство государства нерѣдко толкуется по аналогіи съ отношеніями гражданскаго права, и отсюда дѣлается выводъ, что носитель власти долженъ считаться связаннымъ тѣми обѣщаніями, которыя были даны имъ и приняты со стороны подданныхъ. Той же цѣли служитъ иногда и ученіе о первоначальныхъ договорахъ, которые, якобы лежатъ въ основаніи государственнаго союза, и заключаются при самомъ образованіи государства. Первоначальный договоръ предоставляетъ государственной власти лишь такія полномочія, какія безусловно необходимы для того, чтобы государство могло удовлетворить своему назначенію. На такое предполагаемое pactum unionis et subjectionis и указываютъ, какъ на законное основаніе для осуществленія власти со стороны суверена; господство суверена поэтому не абсолютно, а опредѣляется именно условіями первоначальнаго договора. Затѣмъ въ нѣмецкой философіи права начинаетъ высказываться идея, что государству, по самой его природѣ, присущи такія свойства, которыя не позволяютъ считать его господство и власть абсолютными и безграничными въ смыслѣ невозможности существованія для самого государства какихъ-либо юридическихъ правилъ жизни и дѣятельности.

Вообще стремленіе найти правильную точку опоры, чтобы установить границу между правами государства, съ одной стороны, и правами гражданъ, съ другой, является одной изъ основныхъ проблемъ философіи

права новаго времени (начиная съ Гуго Гроція, Спинозы, Локка, Сиднея и т. д.). Стремленіе это такъ естественно и такъ сильно, что ему невольно подчиняется даже, напримѣръ, такой рѣшительный защитникъ безусловнаго суверенитета государства, какъ Руссо. Впадая въ прямое противорѣчіе со своими основными положеніями, Руссо включаетъ въ свой политическій трактатъ особую главу подъ заглавіемъ: „Des bornes du pouvoir souverain“. Правда, Руссо предупреждаетъ читателей, что противорѣчіе это лишь внѣшнее, зависящее отъ недостатка подходящихъ терминовъ для точнаго выраженія его мысли, но въ дѣйствительности оказывается, что авторъ пытается примирить между собою прямыя противоположности, и у него не получается никакихъ положительныхъ результатовъ. Признавъ суверенитетъ абсолютнымъ, нельзя говорить о предѣлахъ верховной власти. Единственнымъ исходомъ было бы допустить для неограниченной извнѣ государственной власти необходимость и возможность самоограниченія. Но именно противъ этой возможности, какъ мы видѣли, съ особенною настойчивостью и возстаютъ абсолютисты.

Неужели представленіе о самоограниченіи суверенаго государства и лежащая въ основѣ этого представленія мысль о возможности обязываться рѣшеніями собственной воли дѣйствительно такъ неправильны и несостоятельны, какъ можно подумать со словъ Бодэна, Гоббса, Руссо и т. п., а также и нѣкоторыхъ современныхъ юристовъ-теоретиковъ?

Подчиненіе воли своимъ собственнымъ велѣніямъ—не какое-либо наше нарочитое измышленіе, а краеугольный камень современныхъ философскихъ воззрѣній на основы нравственности. Нравственными, въ дѣйствительномъ значеніи этого слова, считаются именно только тѣ дѣйствія человѣка, которыя возникаютъ благодаря нравственному его настроенію и умонаклоненію (Gesinnung), т. е. согласно съ установленными волею самого человѣка правилами нравственности. Совѣсть человѣка

настойчиво напоминаетъ ему о необходимости соблюдать эти правила; слѣдуя голосу совѣсти, человѣкъ поступаетъ нравственно и подчиняетъ, въ то же время, свою волю не внѣшнему авторитету, а ею же самою установленнымъ для себя законамъ. Ежедневный опытъ подтверждаетъ справедливость этихъ общихъ соображеній. Какъ часто приходится слышать: у этого человѣка твердыя правила или сильный характеръ. Что же это значитъ, какъ не то, что данное лицо обладаетъ способностью возводить разъ принятое рѣшеніе на степень непоколебимыхъ предписаній для своего дальнѣйшаго образа дѣйствій, обязывая, такимъ образомъ, свою волю въ будущемъ опредѣленіями этой воли въ настоящемъ? Такъ называемая „сила воли“ заключается именно въ этой способности приводить принятое рѣшеніе, какъ наиболѣе сильный, рѣшающій мотивъ для собственной воли, и заставлять его торжествовать надъ всѣми иными побужденіями.

Что значитъ вообще „связать“ или „обязать“ волю? Это значитъ заставить ее признать извѣстный мотивъ въ данномъ случаѣ безусловно болѣе сильнымъ, чѣмъ всѣ остальные; отъ кого исходитъ подобное требованіе: возникаетъ ли оно въ сознаніи самого лица, или предъявляется ему другимъ лицомъ, это для самаго акта связыванія или обязыванія воли совершенно безразлично. Можно пойти еще далѣе и утверждать, что, собственно говоря, всякое обязываніе есть въ то же время самообязываніе. Дѣйствительно, всякое рѣшеніе чужой воли, которое должно меня обязать, должно прежде войти какъ извѣстное представленіе въ мое сознаніе, сдѣлаться моимъ собственнымъ представленіемъ и только затѣмъ оно уже получаетъ возможность воздѣйствовать, какъ опредѣляющій мотивъ, на мою волю. Человѣкомъ руководятъ всегда только представленія его собственнаго сознанія и выводы его разума. Поэтому всякое внѣшнее правило, всякій предписанный постороннею волей законъ остается для каждаго изъ насъ пустымъ звукомъ, пока не пройдетъ черезъ

этотъ, такъ сказать, передаточный пунктъ нашего личнаго сознанія и получитъ для насъ обязательную силу уже какъ предписаніе нашей собственной воли.

Такимъ образомъ, очевидно, не можетъ быть и рѣчи о логической неправильности понятія возможности для воли обязывать себя своими собственными опредѣленіями. Это понятіе съ необходимостью вытекаетъ изъ основныхъ законовъ мышленія и, не впадая въ противорѣчіе съ этими законами, нельзя отрицать возможность самообязыванія. Оспаривать это заключеніе будутъ, пожалуй, только сторонники безусловной свободы воли – тѣ, кто отождествляютъ свободу съ произволомъ. Въ самомъ дѣлѣ, если считать волю человѣка совершенно недоступной воздѣйствію разумныхъ мотивовъ, тогда, конечно, нельзя говорить о какихъ-либо правилахъ и законахъ..., но вмѣстѣ съ тѣмъ придется отвергать существованіе и нравственности, и права! Разъ сдѣлано допущеніе, что воля человѣка дѣйствуетъ совершенно произвольно, то нельзя поручиться, что рѣшеніе, принятое въ данный моментъ, не измѣнится черезъ минуту, и такъ до безконечности. При такихъ условіяхъ немыслимъ никакой устойчивый порядокъ отношеній между людьми, немыслимо никакое общеніе. Если бы въ дѣйствительности существовало что-либо подобное свободѣ воли, понимаемой въ смыслѣ безусловнаго произвола волевыхъ актовъ, то міръ походилъ бы на огромный домъ сумасшедшихъ, и его обитатели были бы совершенно неспособны составить себѣ какое-либо понятіе о томъ, что такое долгъ, обязанность, вина, вмѣненіе и т. п.

Итакъ, представленіе о возможности обязывать самого себя не только вполнѣ допустимо логически, но прямо необходимо съ точки зрѣнія нравственности и права, какъ одно изъ основныхъ условій нравственнаго и правового порядка совмѣстной, „общественной“ жизни людей.

Для насъ, въ данномъ случаѣ, важны только тѣ выводы изъ этихъ общихъ положеній, которые имѣютъ значе-

ніе для рѣшенія интересующихъ насъ правовыхъ вопросовъ. Юристъ можетъ предоставить желающимъ упражняться въ безплодныхъ схоластическихъ тонкостяхъ, въ родѣ утвержденія, что свобода воли можетъ проявляться и въ отказѣ отъ самой свободы и т. п. Сознаніе, что воля наша способна обязываться и находиться въ состояніи связанности въ какомъ-либо отношеніи—вотъ тотъ неоспоримый психологическій фактъ, съ которымъ приходится имѣть дѣло юристу. Въ чемъ бы мы ни видѣли первоначальный источникъ права — въ предписаніяхъ ли Бога (богословствующее направленіе философіи права), въ законахъ ли природы человѣка (натуралистическое направленіе), въ договорѣ (школа естественнаго права) и т. п.,—способность воли быть обязанной одинаково останется для права такимъ же необходимымъ предположеніемъ, какъ, напримѣръ, для геометріи представленіе о пространствѣ или для физики ученіе объ атомахъ... Правовой порядокъ и существованіе общей воли, которая его поддерживаетъ въ предѣлахъ даннаго общественнаго цѣлаго, мыслимы вообще лишь подъ тѣмъ условіемъ, что члены даннаго союза признаютъ для себя обязательность установленнаго правового порядка, другими словами, что они считаютъ свою индивидуальную волю связанной предписаніями воли общей. Сопротивленіе отдѣльныхъ лицъ можетъ быть подавлено общими силами союза и оно не нарушаетъ господства правового порядка, но непризнаніе этого порядка со стороны всѣхъ членовъ даннаго союза было бы равносильно его уничтоженію. Наоборотъ, признаніе общей воли есть конечное основаніе всякаго общественнаго цѣлаго. Такое признаніе можетъ заключаться именно только въ подчиненіи обязательной силѣ опредѣленій этой общей воли. Признаніе свидѣтельствуетъ о томъ, что признающій считаетъ свою волю связанной извѣстнымъ правиломъ. Признаніе возводитъ это правило на степень обязательной для признающаго юридической нормы (das Recht zum Rechtsmacht) и есть поэтому не единичный законче-

ный актъ, а особое длящееся отношеніе лица къ извѣстному правоположенію,—отношеніе, основаное на сознаніи обязанности слѣдовать выраженнымъ въ этомъ правоположеніи требованіямъ или запретамъ.

Итакъ, при внимательномъ разсмотрѣніи устраняется кажущаяся несообразность мысли о созданіи юридическихъ нормъ путемъ самообязыванія опредѣленіями собственной воли. Вся совокупность условій, при которыхъ въ отношеніяхъ людей между собою должно устанавливаться господство правового порядка, свидѣтельствуетъ о безусловной необходимости такого самообязыванія. Независимость вовсе не исключаетъ автономіи, т. е., возможности подчиненія собственнымъ законамъ, а самая идея права и представленіе о господствѣ правового порядка не допускаютъ произвола, указывая на необходимость самоограниченія для того, кто хочетъ быть независимымъ.

Поэтому мы и утверждаемъ, что не безусловный (абсолютный) произволъ, а способность къ самообязыванію и, слѣдовательно, къ самоограниченію есть вообще характерное юридическое свойство государства. Если же государство находится въ такомъ положеніи, что можетъ быть и дѣйствительно является юридически обязаннымъ только предписаніями собственной воли, другими словами: если государство не знаетъ юридическихъ ограниченій извнѣ, а исключительно только одно самоограниченіе, то такое государство мы и называемъ независимымъ, суверенным.

Подкрѣпимъ наши общія теоретическія соображенія доказательствами изъ области положительнаго права. Приведемъ нѣсколько наглядныхъ примѣровъ того, что государственная власть дѣйствительно обязываетъ самое себя своими собственными волеизъявленіями.

Всего очевиднѣе такое самообязываніе государственной власти проявляется въ тѣхъ случаяхъ, когда суверенъ, по собственному побужденію, измѣняетъ свое прежнее положеніе въ государствѣ и добровольно

провозглашаетъ для себя обязательность извѣстныхъ правилъ, формъ и условій дѣятельности. Такъ это бываетъ, напримѣръ, при добровольномъ установленіи конституціоннаго образа правленія. Даруя или, какъ принято говорить, „октроируя“ конституцію, неограниченный монархъ заявляетъ, что въ будущемъ онъ будетъ издавать законы не иначе, какъ при участіи народныхъ представителей. Въ настоящее время уже никто изъ юристовъ не станетъ серьезно говорить, что подобный актъ есть договоръ монарха съ подданными. Приходится или вовсе отказаться отъ попытки объяснить юридическое значеніе дарованія конституціи, или же признать въ образѣ дѣйствій носителя суверенной государственной власти рѣшеніе подчиняться имъ же самимъ установленнымъ юридическимъ нормамъ.

Съ этой же точки зрѣнія слѣдуетъ вообще смотрѣть на всѣ остальныя „ограниченія“ государственной власти, которыя безспорно существуютъ въ положительномъ правѣ современныхъ культурныхъ государствъ. Воля и дѣятельность государства можетъ юридически проявляться лишь въ извѣстныхъ формахъ и черезъ посредство опредѣленныхъ органовъ. А такъ какъ суверенное государство само устанавливаетъ господствующій въ его предѣлахъ публично правовой порядокъ, то, очевидно, опредѣляя юридическія формы и условія своей дѣятельности, государственная власть, тѣмъ самымъ, обязываетъ самое себя. При изданіи всякаго закона, имѣющаго своимъ предметомъ какой либо изъ основныхъ вопросовъ государственнаго устройства, законодатель прежде всего предъявляетъ извѣстныя требованія къ самой государственной власти. „Общія гарантіи свободы“ и признаніе, такъ называемыхъ, „основныхъ правъ гражданина“, составляющія, обыкновенно, необходимую часть конституціонныхъ актовъ, съ юридической точки зрѣнія представляютъ собою не что иное, какъ поставленное себѣ государственною властью въ обязанность ограниченіе своего

властнаго воздѣйствія на сферу индивидуальныхъ интересовъ подданныхъ *). Историческое дарованіе гражданамъ извѣстныхъ „вольностей“, въ большинствѣ случаевъ, является только устраненіемъ запрещеній „стараго порядка“ и отмѣною прежнихъ полномочій правительства. Такъ, на смѣну строгой цензуры явилась „свобода печати“, когда были уничтожены ограниченія пользованія печатнымъ словомъ для воспроизведенія и обмѣна мыслей. „Свобода совѣсти“ возникла вмѣстѣ съ законодательнымъ устраненіемъ вмѣшательства государствъ въ религіозные вопросы въ духѣ прежней нетерпимости и исповѣднической исключительности. Въ современныхъ конституціяхъ можно указать на ясно выраженные запреты, съ которыми государственная власть, очевидно, обращается къ себѣ самой. Такъ, напримѣръ, первое добавленіе (Amendement I) къ конституціи Соединенныхъ Штатовъ Сѣверной Америки гласитъ: „Конгрессъ не долженъ издавать законовъ ни о введеніи какой-либо религіи, ни о запрещеніи исповѣдывать какую-либо религію“. Въ ст. 18 Бельгійской конституціи, между прочимъ, читаемъ: „...цензура никогда не должна быть вводима; отъ авторовъ, издателей или типографовъ нельзя требовать залога...“ Такое провозглашеніе или признаніе индивидуальной свободы въ извѣстномъ направленіи не создаетъ само по себѣ никакихъ особыхъ правомочій для отдѣльнаго лица. Воспринятый конституціей опредѣленный принципъ обязываетъ непосредственно саму государственную власть. Торжественное перечисленіе законодательнымъ порядкомъ „основныхъ правъ“, съ одной стороны, имѣетъ цѣлью поставить гражданина внѣ произвола суда и администраціи, а съ другой—ставитъ на будущее время и самое свободное усмотрѣніе законодателя

*) Эту мысль, высказанную мимоходомъ въ ученіи о договорахъ между государствами (Staatenverträge, S. 20), Iellinek подробно развиваетъ въ своемъ позднѣйшемъ сочиненіи System der subjectiven öffentlichen Rechte, главнымъ образомъ, въ гл. VIII, откуда мы и заимствуемъ нѣкоторыя соображенія автора.

въ извѣстныя юридическія рамки. Такимъ образомъ, государственная власть является обязанной установленными ею же самой законами какъ въ области дѣятельности ея административныхъ и судебныхъ органовъ, такъ и въ области законодательства, т. е. образованія воли государства.

Основные законы, опредѣляющіе главныя черты всего публично-правового строя государства, могутъ служить только однимъ изъ наиболѣе наглядныхъ примѣровъ самообязыванія государственной власти. Но, строго говоря, съ юридической точки зрѣнія, нельзя не видѣть и въ каждомъ вообще правоположеніи актъ обязыванія воли государства собственными законами (autonomes Binden des Staatswillens). Всякій законъ заключаетъ въ себѣ опредѣленное указаніе, въ какой мѣрѣ должно проявляться воздѣйствіе государственной власти въ извѣстномъ направленіи. Законъ не есть какое-либо простое, безотносительное пожеланіе законодателя, а всегда актъ властной воли государства, которая затѣмъ должна получить дальнѣйшее осуществленіе въ дѣятельности различныхъ органовъ государственной власти. Поэтому всякій законъ, независимо отъ тѣхъ отношеній и интересовъ, которые служатъ предметомъ непосредственной законодательной регламентаціи, устанавливаетъ, въ тоже время, и юридическія условія отправленія опредѣленныхъ функцій государственной власти. Если законъ, по своему содержанію, касается, повидимому, исключительно частныхъ интересовъ и отношеній, то все-таки несомнѣнно въ немъ заключается извѣстное юридическое ограниченіе—вѣрнѣе самоограниченіе — государственной власти: всѣ явленія юридической жизни (сдѣлки, договоры, обязательства и т. п.), подходящія подъ данный законъ по его содержанію, должны быть обсуждаемы только на основаніи именно этого закона, и только этимъ закономъ, а не какими-либо иными соображеніями, должны опредѣляться отношенія органовъ государственной власти къ поставленнымъ

подъ его охрану правамъ и интересамъ. Одно изъ существенныхъ свойствъ закона, какъ и всякой вообще объективной юридической нормы, заключается въ томъ, что въ извѣстномъ направленіи устраняется возможность произвола: воля государства приняла рѣшеніе опредѣленнаго содержанія, и всякое иное отношеніе государства къ тому же вопросу въ данный моментъ является и юридически, и фактически невозможнымъ. Такимъ образомъ, законъ и юридическое самоограниченіе воли государства суть такія явленія, изъ которыхъ первое всегда съ необходимостью обусловливаетъ наличность второго.

Индивидуальная воля, т. е., воля человѣка, также неспособна одновременно принимать два противоположныхъ рѣшенія. Опредѣленное содержаніе хотѣнія, пока продолжается самый волевой актъ, исключаетъ возможность всякаго иного содержанія воли. Но разъ волевой актъ закончился, то воля человѣка ничѣмъ уже болѣе не связана, если только лицо не считаетъ себя нравственно обязаннымъ держаться разъ принятаго рѣшенія или не понуждается къ тому предписаніями какой-либо внѣшней авторитетной власти. Наоборотъ, связанность государства опредѣленіями его собственной воли по самому своему существу является длящейся. Разъ выразивъ свою волю опредѣленнымъ образомъ, государство не можетъ отрѣшиться отъ даннаго содержанія воли, пока не послѣдуетъ новый самостоятельный актъ государственной воли, который только и полагаетъ конецъ дѣйствію и обязывающей силѣ предыдущаго *). Поэтому воля государства, по крайней мѣрѣ современнаго правового государства, несравненно устойчивѣе и менѣе подвержена колебаніямъ, чѣмъ воля индивидуальная. На этомъ относительномъ постоянствѣ воли государства покоится, собственно говоря, въ своихъ основахъ самая возмож-

*) Конечно, если только заранѣе государство не установило само опредѣленнаго срока.

ность господства правового порядка. Воля государства является обязанной разъ принятымъ рѣшеніемъ до того момента, пока новое формальное волеизъявленіе не дастъ этой волѣ новое содержаніе. Это обстоятельство вселяетъ въ гражданъ то элементарное чувство безопасности и то сознаніе обезпеченности ихъ правовыхъ интересовъ, которое составляетъ одно изъ первыхъ условій спокойнаго труда и правильной производительной дѣятельности подданнаго. Если бы у подданныхъ не было увѣренности въ обязательности законовъ и для самого государства, если бы никто не могъ разсчитывать со стороны государства на признаніе и уваженіе установленныхъ его же властной волей правоположеній, то самая жизнь въ предѣлахъ такого государства стала бы совершенно невыносимой. Такъ это и было, напримѣръ, въ предреволюціонную эпоху во Франціи; тогда, между прочимъ, было весьма распространено воззрѣніе на жизнь людей до образованія государства, какъ на золотой вѣкъ въ исторіи человѣчества.

Самообязываніе государства рѣшеніями своей воли можетъ быть усмотрѣно и въ самомъ процессѣ образованія закона. Всякій законопроектъ становится закономъ, т. е. входитъ въ составъ положительнаго права страны путемъ санкціи и послѣдующей публикаціи. Санкція—это утвержденіе закона суверенною властью, которое сообщаетъ данному матеріальному содержанію воли государства юридическое значеніе формальнаго, окончательно состоявшагося рѣшенія. Публикація—есть обнародованіе закона установленнымъ порядкомъ. Цѣль обнародованія сдѣлать волю государства извѣстной подданнымъ, и только съ момента обнародованія законъ становится юридически обязательнымъ для подданныхъ. Такимъ образомъ, санкція закона еще не обязываетъ подданныхъ, но она уже обязываетъ самого законодателя. Утверждая законопроектъ, законодатель, тѣмъ самымъ, заявляетъ, что извѣстное правило или предписаніе становится содержаніемъ его воли. Въ

промежутокъ времени между утвержденіемъ и обнародованіемъ законъ является уже составною частью положительнаго права страны, но онъ имѣетъ обязательную силу только для законодателя. Подданные свободны отъ дѣйствія новаго закона, но самъ законодатель уже испытываетъ на себѣ его обязывающую силу: онъ можетъ измѣнить или отмѣнить состоявшееся законодательное проявленіе воли государства только путемъ изданія направленнаго къ этой цѣли новаго закона *). Итакъ, законъ въ процессѣ своего образованія проходитъ черезъ промежуточную стадію, гдѣ общій юридическій признакъ нормы положительнаго права — наличность самообязыванія государственной власти—выступаетъ съ неоспоримою очевидностью и безъ всякихъ постороннихъ примѣсей. Одинъ этотъ примѣръ могъ бы служить достаточнымъ доказательствомъ, что существуютъ или могутъ существовать юридическія нормы, обязательныя для государства, но не для подданныхъ. Въ самомъ дѣлѣ, даже рѣшеніе государственной власти, которое ни когда не будетъ обнародовано, можетъ юридически обязывать государство, хотя бы подданные и не знали о состоявшемся актѣ самоограниченія воли государства. Этотъ выводъ имѣетъ, между прочимъ, важное значеніе для ученія о юридическомъ характерѣ международныхъ договоровъ.

Можно, конечно, привести еще примѣры изъ области явленій той же непререкаемой юридической дѣйствительности, но это отвлекло бы насъ слишкомъ далеко отъ предмета нашего изслѣдованія. Начало самообязыванія государства, какъ необходимое представленіе для пониманія основъ всего положительнаго правового порядка, представляется достаточно выясненнымъ.

---

*) Въ своемъ спеціальномъ трактатѣ „Законъ и распоряженіе“ Іеллинекъ указываетъ болѣе точно, съ какого момента наступаетъ связанность законодателя своими рѣшеніями. Мы не входимъ въ подробности, но для насъ важно отмѣтить, что рѣшеніе законодателя, не обязывая подданныхъ, можетъ формально обязывать его собственную волю.

IV.

Самоограниченіе государства и возможность постояннаго измѣненія его воли.—Отношеніе дѣятельности государства къ его жизненнымъ цѣлямъ.—Предѣлы связанности государства нормами права.—Обязательства частныхъ лицъ и международные договоры.—Формально юридическая (субъективная) и матеріальная (объективная) стороны явленій общественной жизни.

Перейдемъ теперь къ оцѣнкѣ того коренного возраженія противъ установленной здѣсь точки зрѣнія, о которомъ мы уже имѣли случай упомянуть раньше. Не теряетъ ли ученіе о самообязываніи государственной власти всякое значеніе въ силу того простого соображенія, что государство всегда можетъ измѣнить свою волю и устранить добровольно принятое на себя самоограниченіе? Государство, соблюдая свойственныя его устройству формы и условія образованія и проявленія воли, можетъ хотѣть рѣшительно все, т. е., можетъ предпринять любое рѣшеніе. Не слѣдуетъ ли отсюда, что государство имѣетъ возможность отвергнуть всякое правоположеніе, которое раньше было содержаніемъ его обязывающей воли, и замѣнить его хотя бы совершенно противоположнымъ волеизъявленіемъ? Не подрываетъ ли такое самоосвобожденіе государства въ корнѣ представленіе о возможности существованія для государственной власти какихъ-либо юридическихъ нормъ и условій дѣятельности?

Всѣ подобныя возраженія со стороны противниковъ ученія о самообязываніи государства не заключаютъ въ себѣ указаній на то, что есть въ дѣйствительности, а лишь, болѣе или менѣе, гадательныя соображенія относительно того, что можетъ быть. Поэтому нельзя ихъ оспаривать и опровергать, оставаясь исключительно на почвѣ положительнаго права. Приходится поневолѣ покинуть строго-юридическую, „формальную“ точку зрѣнія и обратиться къ разсмотрѣнію тѣхъ мотивовъ, которые руководятъ волей государства въ его правосозидающей дѣятельности.

Какъ бы мы ни смотрѣли на природу государства, безспорно, что воля его опредѣляется не безпричиннымъ произволомъ и случайнымъ капризомъ, а разумными мотивами. Самое существованіе правового порядка вообще, и то или иное содержаніе дѣйствующаго въ данное время въ предѣлахъ даннаго государства положительнаго права вовсе не зависятъ исключительно отъ простого усмотрѣнія государства. Напротивъ, вся дѣятельность государства обусловливается тѣми цѣлями, ради которыхъ государство существуетъ. Къ числу этихъ цѣлей принадлежитъ также важная задача—быть для своего народа органомъ установленія и охраны права и правового порядка. Если дѣятельность государства не отвѣчаетъ его жизненнымъ цѣлямъ, а тѣмъ болѣе если она оказывается въ прямомъ противорѣчіи съ его дѣйствительными интересами, то такое государство, очевидно, разрушаетъ условія своего собственнаго бытія и преуспѣванія,—однимъ словомъ, оно готовитъ себѣ гибель. Конечно, такого рода явленія, какъ рѣдкое исключеніе, возможны, но они только поддерживаютъ справедливость убѣжденія, что, какъ разъ обратное положеніе вещей, должно считаться единственно нормальнымъ. Нельзя отрицать, что извѣстный законъ можетъ быть далеко не вполнѣ цѣлесообразнымъ и даже прямо неблагоразумнымъ, но съ другой стороны трудно допустить мысль, чтобы въ какомъ-либо изъ культурныхъ государствъ могъ быть изданъ законъ, который бы, по крайней мѣрѣ въ глазахъ самого законодателя, не казался направленнымъ на благо государства. Воля государства образуется при посредствѣ органовъ, которыми является или одно лицо или совокупность лицъ. Такимъ образомъ, воля государства въ своихъ основахъ покоится на волѣ человѣка и, до извѣстной степени, несомнѣнно подвержена ея недостаткамъ. Человѣку свойственно заблуждаться и подчиняться ошибочнымъ представленіямъ. Государство также можетъ дѣлать серьезныя ошибки въ преслѣдованіи своихъ цѣлей, но это нисколько не

нарушаетъ того общаго правила, что каждое государство должно признавать, и въ дѣйствительности признаетъ, себя обязаннымъ къ установленію такого правового порядка, который бы удовлетворялъ, по возможности, всѣмъ настоятельнымъ запросамъ и потребностямъ общественной жизни.

Но если, съ одной стороны, эти запросы и потребности опредѣляютъ собою необходимое и желательное содержаніе волеизъявленій государства, которыми государство юридически обязываетъ себя самого, то, съ другой стороны, то же основное требованіе соотвѣтствія положительнаго права жизненнымъ цѣлямъ государства указываетъ тотъ предѣлъ, далѣе котораго государство не можетъ и не должно считать себя связаннымъ своими собственными рѣшеніями. Высшая обязанность государства—созидать такое право, которое наиболѣе удовлетворяетъ его жизненнымъ цѣлямъ и задачамъ; предъ этою высшею обязанностью теряютъ свое значеніе и силу всѣ остальныя. Разъ извѣстное правоположеніе вступаетъ въ противорѣчіе съ цѣлями самого государства, т.-е. перестаетъ соотвѣтствовать его существеннымъ, жизненнымъ интересамъ, то для государства падаетъ самая обязанность поддерживать подобное правоположеніе и видѣть въ немъ юридическое самоограниченіе своей воли. Въ такомъ случаѣ происходитъ тоже, что и при всякомъ столкновеніи двухъ обязанностей: высшая обязанность исключаетъ относительно слабѣйшую. Если бы населеніе государства всегда оставалось то же самое, и если бы вся совокупность условій общественной жизни не была подвержена безусловно никакимъ измѣненіямъ, тогда, конечно, не могло бы возникнуть ни малѣйшаго повода измѣнять положительное право страны, такъ какъ всякій законъ навсегда сохранилъ бы свою первоначальную цѣлесообразность. Но ничего подобнаго нѣтъ въ дѣйствительности. Право призвано не охранять берега какого-либо мертваго, спящаго сномъ вѣчнаго застоя моря, а, наоборотъ, его задача регули-

ровать теченіе живого потока общественной жизни, которая находится въ процессѣ вѣчнаго движенія и измѣненія. Если бы государство стало считать себя разъ навсегда связаннымъ своими законами, несмотря на то, что жизнь далеко ушла впередъ отъ условій, на которыя эти законы были разсчитаны, то оно тѣмъ самымъ нарушило бы свои первыя и основныя обязанности; такое государство было бы похоже на самоубійцу.

Государство не можетъ даже обязаться безусловно всегда признавать какой-либо, хотя бы самый справедливый, съ отвлеченной точки зрѣнія, юридическій принципъ. Разъ на практикѣ въ извѣстномъ случаѣ примѣненіе даннаго правоположенія оказывается несогласнымъ съ высшими цѣлями государства, то оно теряетъ свою обязывающую силу для государственной власти. Ни съ чѣмъ несообразно было бы предполагать, что государство должно лучше погибнуть, чѣмъ отступить отъ исполненія принятой на себя обязанности. За государствомъ слѣдуетъ признать, какъ и за отдѣльнымъ человѣкомъ, право дѣйствовать въ силу крайней необходимости (Nothrecht).

Нерѣдко само государство устанавливаетъ цѣлый рядъ исключеній изъ провозглашенныхъ имъ правоположеній. Такъ, государство обращается къ подданнымъ съ безусловнымъ запретомъ: „не убивай!“ Но его же приказы: палачу—совершить смертную казнь надъ осужденнымъ или войскамъ—нести смерть въ ряды враговъ и т. п., устраняютъ для извѣстныхъ случаевъ обязательность для государства его собственныхъ юридическихъ нормъ. Далѣе, государство провозглашаетъ, напримѣръ, неприкосновенность права частной собственности, но оно само, въ видахъ общага блага, ради какого-либо общеполезнаго учрежденія (желѣзная дорога, оборудованіе порта, проведеніе канала и т. п.) или въ интересахъ самозащиты, нерѣдко должно бываетъ прибѣгать къ экспропріаціи, т.-е., къ принудительному изъятію земельныхъ участковъ изъ рукъ частныхъ лицъ.

Такимъ образомъ, никакое принятое на себя государствомъ обязательство не можетъ считаться абсолютнымъ, т.-е., ни безусловнымъ, непреложнымъ по своему обязывающему значенію, ни вѣчнымъ, непреходящимъ въ самомъ своемъ существованіи. Государство можетъ принять на себя извѣстную обязанность лишь потому, что оно считаетъ это необходимымъ для достиженія своихъ жизненныхъ цѣлей. Поэтому всякая обязанность государства и соотвѣтствующее ей состояніе юридической связанности государственной власти есть, въ то же время, не что иное, какъ одинъ изъ путей или способовъ осуществленія цѣлей государства. Разъ такое необходимое и нормальное соотношеніе нарушено въ силу измѣнившихся внѣшнихъ условій и обстоятельствъ, то прекращается и самая обязанность государства, такъ какъ она болѣе уже не можетъ отвѣчать высшимъ цѣлямъ государства. Поэтому всякій актъ государственной власти, по самому существу дѣла, долженъ считаться изданнымъ съ молчаливой оговоркой — „Rebus sic stantibus“: самообязываніе государства имѣетъ для него силу дѣйствительной юридической обязанности лишь до тѣхъ поръ, пока не измѣнится существенно это „положеніе вещей“, т.-е., пока не измѣнятся характеръ и значеніе тѣхъ внѣшнихъ отношеній, которыми было вызвано извѣстное волеизъявленіе государства, напримѣръ, тотъ или иной законъ.

Съ этой точки зрѣнія, между прочимъ, легко устранить одно изъ наиболѣе распространенныхъ возраженій противъ юридическаго характера международнаго права. Разъ будетъ признана справедливость нашего вывода, что всякая обязанность государства дѣйствительна, лишь пока она разумна, т.-е., согласна съ цѣлями государства, то скептикамъ нельзя уже указывать на ту пропасть, которая будто лежитъ между обязательствами частныхъ лицъ и договорами государствъ. Первыя, говорятъ обыкновенно, имѣютъ юридическое значеніе и регулируются правомъ, а вторые,

наоборотъ, не подчиняются будто никакимъ юридическимъ началамъ, а соблюдаются или нарушаются исключительно въ зависимости отъ соображеній выгоды и условій внѣшней мощи каждой изъ сторонъ. Но такое сопоставленіе безусловно неправильно. Трактаты слѣдуетъ сравнивать не съ гражданскими договорами и обязательствами, которые всѣ стоятъ въ подчиненномъ отношеніи къ положительнымъ законамъ, а, конечно, только съ нормами, которыя государство устанавливаетъ для самого себя. Съ указанной точки зрѣнія, не можетъ быть рѣчи о какомъ-либо принципіальномъ различіи внутреннихъ и внѣшнихъ обязанностей государства, а, наоборотъ, приходится признать полное тождество въ отношеніи ихъ устойчивости и предѣловъ обязательной силы во времени. Интересы и виды государства, говорятъ обыкновенно, руководятъ имъ во всѣхъ отношеніяхъ къ другимъ государствамъ. Но что же какъ не такіе же интересы и виды государства, которые тождественны съ его разумными жизненными цѣлями, опредѣляютъ всю совокупность отношеній государства къ его подданнымъ? Дѣйствующій въ предѣлахъ даннаго государства правовый порядокъ является священнымъ и неприкосновеннымъ только для отдѣльныхъ гражданъ, но это вовсе не значитъ, что онъ безусловно изъятъ отъ властнаго воздѣйствія воли самого государства. Что для подданнаго, взирающаго снизу вверхъ на прочные устои правового порядка, не можетъ быть и казаться иначе, какъ незыблемой твердыней, то для государства, которое съ высоты своей власти и мощи должно слѣдить за соотвѣтствіемъ права запросамъ и условіямъ жизни, не можетъ не представляться подлежащимъ постояннымъ измѣненіямъ, несмотря на присущій всякой положительной юридической нормѣ элементъ самообязыванія государственной власти. Но развѣ можно изъ такой необходимой способности дѣйствующаго законодательства страны къ измѣненіямъ сдѣлать заключеніе, что въ государствѣ вообще немыслимо су-

ществованіе правового порядка, обязывающаго, въ указанномъ выше смыслѣ, и само государство? Конечно, нѣтъ! Но какъ же въ такомъ случаѣ считать за аргументъ противъ международнаго права то обстоятельство, что государство здѣсь подчиняется тѣмъ же условіямъ, какія ставитъ самая природа государства и для его внутренняго правового порядка?

Однако только какое-либо *разумное* основаніе можетъ освободить государство отъ священной обязанности соблюдать договоры, подобно тому, какъ только въ силу разумнаго основанія государство можетъ считать себя несвязаннымъ болѣе извѣстнымъ закономъ. Если государство безъ нужды и необходимости нарушаетъ договоръ, то не только поступаетъ неправо, но грѣшитъ также и противъ себя самого, ибо подобный образъ дѣйствій столько же несогласенъ съ истинными цѣлями государства, какъ и безпричинное, произвольное несоблюденіе внутреннихъ государственныхъ законовъ.

Къ числу важнѣйшихъ задачъ государства относится также установленіе и поддержаніе правильныхъ сношеній и общенія съ другими государствами. Только тотъ, кто не хочетъ считаться съ условіями дѣйствительной жизни и думаетъ всего вѣрнѣе найти истину съ закрытыми глазами, только такой поклонникъ отвлеченныхъ кабинетныхъ умозрѣній и можетъ считать государство безусловно самодовлѣющимъ, т.-е. способнымъ удовлетворить всѣмъ своимъ потребностямъ исключительно своими собственными силами. Наглядный фактъ развитыхъ международныхъ сношеній и простой здравый смыслъ убѣждаютъ въ противномъ и говорятъ, что современное культурное государство не можетъ обойтись безъ сношеній съ другими государствами и что оно должно, слѣдовательно, признать существованіе рядомъ съ собой другихъ независимыхъ государствъ. Этого требуетъ самая природа современнаго культурнаго государства, которое не можетъ, оставаясь изолированнымъ и отрѣшеннымъ отъ об-

щенія съ другими государствами, всесторонне осуществлять свои жизненныя цѣли. Съ этой точки зрѣнія, конечно, не можетъ быть рѣчи о произволѣ отдѣльныхъ государствъ относительно того, жить ли имъ въ общеніи другъ съ другомъ или нѣтъ. Если можно было бы, пожалуй, съ формально-юридической точки зрѣнія говорить въ данномъ вопросѣ о свободѣ усмотрѣнія независимаго государства, то въ дѣйствительности такому усмотрѣнію нѣтъ мѣста: принадлежность къ „обществу государствъ“ составляетъ одно изъ условій самого существованія и прочнаго развитія современнаго культурнаго государства.

Нѣтъ ли однако въ нашихъ разсужденіяхъ извѣстнаго самопротиворѣчія? Позвольте,—скажутъ намъ,—съ одной стороны, вы утверждаете, что весь правовой порядокъ основанъ на волѣ государства, и что воля суверенаго государства не подчиняется никакому внѣшнему авторитету и способна быть обязанной лишь собственными рѣшеніями и т. п., а съ другой, вы говорите о какой то высшей необходимости, которая, очевидно, должна ограничивать свободу самоопредѣленій государства.

Въ отвѣтъ на это послѣднее возраженіе мы скажемъ, что противорѣчіе въ нашихъ выводахъ было бы лишь въ томъ случаѣ, если бы мы не хотѣли или не считали нужнымъ строго отличать формально-юридическую сторону изучаемыхъ явленій и отношеній общественной жизни, отъ матеріальной, т.-е. отъ совокупности тѣхъ естественныхъ условій или законовъ природы, которые вызываютъ данное явленіе, какъ фактъ, какъ свое необходимое слѣдствіе. Если эта „матеріальная сторона“ и не входитъ непосредственно въ область изслѣдованія юриста, то, въ то же время, не слѣдуетъ забывать, что юридическія понятія должны быть не безпочвеннымъ вымысломъ изслѣдователя, а научнымъ отвлеченіемъ отъ данныхъ конкретной дѣйствительности; юридическія нормы положительнаго права такъ же должны быть разсчитаны на регули-

рованіе отношеній дѣйствительной жизни, а не свидѣтельствовать только о безпредметной изобрѣтательности и безцѣльной игрѣ фантазіи законодателя. Поэтому, если мы утверждаемъ, что воля государства является единственнымъ формальнымъ источникомъ положительнаго права, т.-е., что только воля государства можетъ ввести извѣстную норму въ составъ дѣйствующаго права и надѣлять ее обязательной какъ для себя самой, такъ и для подданныхъ юридической силой, то этимъ мы вовсе не хотимъ сказать, что самое бытіе права вообще и необходимость правового порядка покоятся въ своихъ конечныхъ основаніяхъ исключительно на одномъ только субъективномъ началѣ личной воли государства. Право регулируетъ отношенія дѣйствительной жизни, и *въ природѣ этихъ жизненныхъ отношеній* (Lebensverhältnisse) слѣдуетъ видѣть послѣднее, объективное основаніе права. Это объективное основаніе не зависитъ отъ воли государства, какъ и вообще природа вещей неприкосновенна для воли человѣка, и не можетъ измѣниться по его желанію. Если человѣкъ хочетъ оказать какое-либо воздѣйствіе на явленія внѣшняго міра, то онъ долженъ сообразоваться съ естественными законами природы и направить свою волю на выполненіе всѣхъ необходимыхъ для достиженія извѣстнаго реальнаго результата условій. Рѣшеніе только тогда и можетъ перейти въ дѣйствіе, когда эти независимыя отъ воли человѣка условія будутъ выполнены. Поэтому, дѣйствительно хотѣть, т.-е., сдѣлать непосредственнымъ предметомъ акта воли человѣкъ можетъ только то, что вообще достижимо и осуществимо по законамъ природы, а обо всемъ остальномъ ему остается только мечтать и удовлетвориться неисполненными желаніями. Отъ человѣка зависитъ начать хотѣть, т.-е., принять или не принимать извѣстное рѣшеніе. Но разъ человѣкъ чего-либо хочетъ, то онъ долженъ непремѣнно хотѣть и все то, что, при данныхъ условіяхъ, должно входить въ ту общую цѣпь причинъ и слѣдствій, которая по есте-

ственнымъ законамъ природы можетъ привести къ намѣченному волей человѣка конечному результату. Если я, положимъ, хочу закурить сигару, то, очевидно, я долженъ вмѣстѣ съ тѣмъ хотѣть зажечь ее, а, слѣдовательно, и добыть огня и т. п. Способы воспроизведенія необходимаго причиннаго ряда могутъ быть весьма различны. Чтобы закурить сигару, я могу воспользоваться горящей свѣчой или пламенемъ камина, могу самъ зажечь спичку или прибѣгнуть къ любезности другого лица и т. п. Въ выборѣ этихъ способовъ я свободенъ, но моя воля непремѣнно должна остановиться на одномъ изъ нихъ, чтобы мое рѣшеніе закурить сигару могло осуществиться. Сигара моя такъ и останется незакуренной, если я не захочу такъ или иначе зажечь ее ,но, съ другой стороны, ничто не можетъ заставить меня воспользоваться любымъ изъ доступныхъ мнѣ естественныхъ («объективно существующихъ») способовъ добыванія огня для закуриванія, пока у меня окончательно не созрѣетъ рѣшеніе курить и пока я не направлю свою волю на осуществленіе этого рѣшенія.

Такимъ образомъ, объективная необходимость не уничтожаетъ субъективной свободы. Въ самомъ дѣлѣ то, что необходимо для наступленія извѣстнаго результата по независящимъ отъ человѣка законамъ природы, становится содержаніемъ нашей воли лишь потому, что мы хотимъ достиженія опредѣленнаго результата; слѣдовательно, воля наша въ этомъ отношеніи повинуется только своему основному рѣшенію (закурить сигару — въ приведенномъ выше примѣрѣ) и остается свободной, хотя и направлена на воспроизведеніе объективно необходимыхъ для реализаціи этого рѣшенія условій (Das objectiv Nothwendige ist dennoch frei gewollt).

Все сказанное относительно индивидуальной воли вполнѣ сохраняетъ свою силу и въ примѣненіи къ волѣ государства. Государство также не способно дѣятельно проявлять свою волю иначе, какъ дѣлая ея

содержаніемъ также и все то, что является условіемъ выполнимости его хотѣній. Если государство хочетъ поддерживать свое бытіе и осуществлять свои жизненныя цѣли, то оно должно хотѣть также и всѣ необходимыя для этого средства. Къ числу задачъ государства принадлежитъ, между прочимъ, установленіе и поддержаніе правового порядка. Хотя эта задача, какъ общее требованіе, вытекаетъ изъ самой природы государства и есть необходимая для самаго его существованія, а не свободно и безотлагательно избранная его волей цѣль дѣятельности, но, тѣмъ не менѣе, извѣстный положительный правовой порядокъ, который данное государство устанавливаетъ въ своихъ предѣлахъ, есть его собственное созданіе, продуктъ рѣшеній его собственной воли. Устанавливая правовой порядокъ и поддерживая его господство, государство свободными изъявленіями своей воли осуществляетъ то, чего требуетъ независимо отъ его воли самая его природа. Современное культурное государство не можетъ существовать внѣ условій правового порядка. Установленіе и охрана правового порядка есть, слѣдовательно, одна изъ объективно необходимыхъ жизненныхъ цѣлей государства; задача самого государства въ этомъ отношеніи сводится къ тому, чтобы сдѣлать все, также объективно-необходимое для достиженія этой цѣли, субъективнымъ содержаніемъ своихъ хотѣній, предметомъ свободно принятыхъ рѣшеній своей воли. Воля государства дѣйствуетъ свободно, хотя и направлена на выполненіе объективно-необходимыхъ для осуществленія указанной цѣли условій. Государство могло бы и отказаться отъ подобной дѣятельности и даже направить свою волю въ совершенно обратную сторону, но въ такомъ случаѣ оно само бы готовило себѣ неизбѣжную гибель. Чтобы жить, человѣкъ, напримѣръ, по самой своей природѣ долженъ поддерживать свое существованіе ѣдой и питьемъ. Но развѣ не было примѣровъ добровольной голодной смерти, и развѣ можно утверждать, что человѣкъ, когда ѣстъ

и пьетъ, поступаетъ менѣе свободно, чѣмъ когда отправляется въ театръ или на охоту? Повторимъ, что объективная необходимость не уничтожаетъ той субъективной свободы, о которой намъ приходилось говорить раньше.

V.

Отдѣльныя качества и свойства государственной власти, какъ логическія слѣдствія понятія суверенитета: верховенство и независимость; юридическое господство надъ компетенціей; недѣлимость; вѣчность.—Неправильность дѣленія суверенитета на государственно-правовой и международно-правовой.

Мы разобрали цѣлый рядъ возраженій, которыя могутъ быть сдѣланы противъ ученія о самообязываніи государственной власти опредѣленіями собственной воли. Послѣдовательно были указаны логическая возможность, практическая необходимость и дѣйствительное существованіе такого самообязыванія въ положительномъ правѣ современныхъ государствъ. Затѣмъ было выяснено, что подчиненіе сувереннаго государства исключительно собственнымъ автономнымъ рѣшеніямъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ имѣть значенія *абсолютной* свободы, *произвола* государственной власти. Наконецъ, было устранено кажущееся противорѣчіе между субъективной свободой самоопредѣленія суверенаго государства и тѣми требованіями, которыя вытекаютъ изъ самой его природы и имѣютъ значеніе условій, объективно необходимыхъ для достиженія государствомъ его жизненныхъ цѣлей.

Теперь, когда наша главная посылка—идея о самообязываніи государственной власти—является всесторонне обоснованной и провѣренной, обратимся къ тѣмъ немногимъ замѣчаніямъ, которыя необходимо сдѣлать по поводу установленнаго выше опредѣленія суверенитета.

Суверенитетъ есть такое свойство государства, въ

силу котораго государство можетъ быть юридически обязано лишь своею собственною волей.

Изъ этого опредѣленія съ логическою необходимостью вытекаютъ всѣ тѣ отдѣльныя свойства и качества государства, въ каждомъ изъ которыхъ нерѣдко хотятъ видѣть все существо суверенитета. Установленное выше понятіе суверенитета, какъ уже было показано, предполагаетъ суверенное государство обладающимъ *верховною и независимою властью*. Изъ того же понятія объ исключительномъ юридическомъ самоопредѣленіи суверяннаго государства слѣдуетъ, что суверенное государство само устанавливаетъ конкретныя границы своей дѣятельности. Если нельзя согласиться съ Haenel'емъ, что суверенитетъ есть не болѣе, какъ *безусловное* полновластіе государства надъ своей компетенціей, то, во всякомъ случаѣ, должно признать, что исключительное юридическое господство надъ своей компетенціей является для государства однимъ изъ прямыхъ послѣдствій суверенитета. Въ самомъ дѣлѣ, *юридическими* границами дѣятельности суверяннаго государства могутъ быть только рѣшенія его собственной воли, поэтому существующая въ данный моментъ по дѣйствующему праву страны компетенція государственной власти всегда должна считаться установленной, юридически очерченной, ни чѣмъ инымъ, какъ волей самого государства. Правда, вполнѣ естественно требовать отъ суверяннаго государства, чтобы оно стремилось къ возможно полному и совершенному выполненію тѣхъ національныхъ и общечеловѣческихъ цѣлей, ради которыхъ оно существуетъ. Но потому именно и необходимо признать за нимъ право на самоопредѣленіе свсей компетенціи; потому именно суверенное государство и должно само имѣть возможность рѣшать, слѣдуетъ ли при данныхъ обстоятельствахъ расширить, оставить безъ измѣненій или, можетъ быть, даже сократить сферу своей дѣятельности. Въ силу суверенитета государство въ принципѣ имѣетъ воз-

можность подчинить своему господству всѣ стороны общественной жизни. Но, съ другой стороны, въ силу того же суверенитета государство можетъ воздержаться отъ властнаго вмѣшательства въ цѣлый рядъ отношеній и интересовъ подданныхъ, сообразуясь при этомъ съ данными общечеловѣческаго историческаго опыта и съ національными особенностями жизни своего народа. Государство можетъ, но вовсе не должно, во что бы то ни стало, подчинять общественную жизнь во всѣхъ ея направленіяхъ своему руководству и надзору. Въ дѣйствительности сфера дѣятельности государственной власти, какъ тому не мало примѣровъ въ исторіи, нерѣдко колебалась между такими крайними предѣлами, какъ всепоглощающее, всюду проникающее господство—въ одномъ случаѣ—и полное безсиліе власти—въ другомъ. Какъ далеко должна простираться дѣятельность государства, это вопросъ здравой, разумной политики, основанной на правильномъ пониманіи жизненныхъ цѣлей государства и тѣхъ условій, въ которыхъ данному государству въ данное время приходится жить и дѣйствовать. На вопросъ, какова въ данный моментъ компетенція извѣстнаго государства, слѣдуетъ искать отвѣта въ дѣйствующемъ положительномъ правѣ страны, которое и укажетъ юридическія границы, поставленныя самимъ государствомъ для своей дѣятельности. Поэтому, между прочимъ, нѣтъ ничего удивительнаго или безотносительно несообразнаго съ природой государства или съ видами общаго блага, если оказывается, что данное государство подчиняетъ своему надзору и подробной регламентаціи такіе интересы и отношенія, которые въ другомъ государствѣ предоставлены частной самодѣятельности подданныхъ.

Суверенитетъ не опредѣляетъ самаго положительнаго содержанія дѣятельности государства, а заключаетъ въ себѣ только отрицаніе внѣшняго, не основаннаго на самообязываніи, формально-юридическаго ограниченія государствомъ своей компетенціи. Отсюда слѣдуетъ,

что суверенному государству вообще принадлежитъ право верховной регламентаціи и высшаго руководства во всѣхъ направленіяхъ государственной жизни. Вотъ общій источникъ тѣхъ отдѣльныхъ *„верховныхъ правъ“*, изъ которыхъ нерѣдко хотѣли механически составить самый суверенитетъ.

Отдѣльное „право верховенства“ (Hoheitsrecht), если уже употреблять такое выраженіе, можетъ означать только господство государства въ области какихъ-либо отношеній и интересовъ, внѣшнимъ образомъ опредѣленныхъ и по самому своему содержанію отличныхъ отъ другихъ сторонъ государственной и общественной жизни. Когда государство подчиняетъ своему господству, напримѣръ, дѣло организаціи и употребленія вооруженныхъ силъ страны, то говорятъ, что оно осуществляетъ свое военное верховенство. Равнымъ образомъ и всѣ остальныя „верховныя права“ государства (напримѣръ, монетная регалія въ области финансоваго управленія, или въ области суда право установленія судебныхъ органовъ и право отправленія правосудія) возникаютъ въ силу того, что государство даетъ своей властной дѣятельности именно данное, опредѣленное направленіе. Суверенное государство, говоря вообще, можетъ обладать какими угодно „верховными правами“, ибо въ принципѣ, съ юридической точки зрѣнія, каждая сторона общественной жизни страны должна считаться одинаково доступной его властному воздѣйствію. Однако на дѣлѣ всякое государство обладаетъ лишь тѣми „верховными правами“, которыми оно считаетъ необходимымъ пользоваться для достиженія своихъ жизненныхъ цѣлей, формально заявивъ о такомъ своемъ рѣшеніи введеніемъ соотвѣтствующихъ юридическихъ нормъ въ составъ дѣйствующаго положительнаго права. Нельзя поэтому перечислить всѣ „верховныя права“ государства въ какомъ-либо, разъ на всегда установленномъ, спискѣ; такой списокъ пришлось бы дополнять или сокращать почти съ каждымъ новымъ законодательнымъ актомъ, измѣняющимъ конкретные

предѣлы компетенціи государственной власти. Долгое время въ государствахъ средней Европы не существовало „верховнаго права въ дѣлѣ народнаго образованія“ (Unterrichtshoheit); это право возникло вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ измѣнившіяся условія религіозной, національной и экономической жизни, сдѣлали желательнымъ и умѣстнымъ вмѣшательство государства въ постановку обученія подрастающихъ поколѣній. Кругъ дѣятельности государства вообще имѣетъ стремленіе расширяться по мѣрѣ того, какъ усложняющіяся потребности общественной жизни предъявляютъ новые запросы на эту дѣятельность. Государство беретъ въ свои руки разныя общеполезныя предпріятія и учрежденія, напримѣръ, почту, телеграфъ; то же самое болѣе или менѣе справедливо относительно желѣзныхъ дорогъ, относительно эксплуатаціи горныхъ богатствъ и т. п. Въ современной экономической наукѣ существуютъ теоріи, которыя предсказываютъ, что многія отрасли народнаго хозяйства, предоставленныя въ настоящее время частной предпріимчивости, въ будущемъ перейдутъ въ руки государства, какъ представителя общихъ интересовъ. Въ этомъ нѣтъ ничего невѣроятнаго. Тогда, напримѣръ, къ верховенству почтовому, телеграфному, желѣзнодорожному и т. п. присоединятся еще „верховныя права“, положимъ, въ области банковаго и страхового дѣла, въ области добывающей и обрабатывающей промышленности. Съ другой стороны, вполнѣ возможно сокращеніе числа наличныхъ, т.-е., установленныхъ въ положительномъ правѣ и осуществленныхъ въ данное время, „верховныхъ правъ“ извѣстнаго государства. Такое сокращеніе происходитъ всякій разъ, какъ государство упраздняетъ у себя какую-либо „казенную монополію“ (напримѣръ, винную, табачную, соляную). То же самое бываетъ, когда государство совершенно устраняется отъ регулированія извѣстныхъ отношеній и воздерживается отъ вмѣшательства въ опредѣленный кругъ интересовъ подданныхъ; напримѣръ, при полномъ отдѣленіи государства

отъ Церкви и при послѣдовательномъ проведеніи начала „свободы совѣсти“ нельзя говорить уже о „религіозномъ“ или о „церковномъ верховенствѣ“ государства.

Такимъ образомъ, суверенитетъ, очевидно, не есть ни сумма какихъ-либо „верховныхъ правъ“ въ отдѣльности, ни совокупность всевозможныхъ верховныхъ правъ, взятыхъ въ общей сложности, какъ составные элементы одного цѣлаго. Суверенитетъ предполагаетъ только для государства общую, формально-юридическую возможность обладать всякимъ верховнымъ правомъ, т.-е. подчинить своему верховному надзору и руководству любую изъ сторонъ общественной жизни*). Поэтому мы и говоримъ, что отдѣльныя „верховныя права“ не составляютъ суверенитета, но имъ предполагаются, изъ него вытекаютъ.

Изъ установленнаго выше опредѣленія суверенитета слѣдуетъ далѣе съ логическою необходимостью представленіе объ его безусловной *недѣлимости*. Суверенное государство, какъ было показано, способно обязываться *исключительно* рѣшеніями собственной воли. Суверенитетъ есть, слѣдовательно, *исключительное* юридическое свойство или качество. Поэтому не можетъ быть рѣчи о какомъ-либо раздѣленномъ, частичномъ, половинномъ суверенитетѣ.

Наконецъ изъ того же опредѣленія вытекаетъ и *вѣчность* суверенитета, которую одни оспариваютъ, а другіе склонны считать за особый, самостоятельный признакъ верховной государственной власти. Суверенитетъ вѣченъ уже потому, что не можетъ быть срочнымъ: нѣтъ такой власти, которая имѣла бы юридическую возможность положить предѣлъ существованію суверенаго государства или, что то же, сдѣлать срочными его верховенство и независимость. Если, напримѣръ, нѣсколько государствъ связаны между собою

*) См. Gesetz и Verordnung, S. 200, 201. Въ виду важности вопроса о „верховныхъ правахъ“ онъ изложенъ нѣсколько подробнѣе, чѣмъ у автора.

исключительно одною тождественностью личности государя и если съ прекращеніемъ правящей династіи должна будетъ прекратиться эта связь, то такія государства во время своей „срочной уніи“ не составляютъ единаго цѣлаго и не управляются единой суверенной государственной властью.

Въ заключеніе еще одно замѣчаніе. Въ литературѣ давно установился обычай говорить о суверенитетѣ государственно-правовомъ и о суверенитетѣ международно правовомъ.

Если въ первомъ случаѣ подъ терминомъ государственно-правовой суверенитетъ мы будемъ разумѣть всѣ верховныя права, которыми пользуется государство относительно своей территоріи и населенія, а во второмъ случаѣ согласимся обозначать, какъ международно-правовой суверенитетъ, верховныя права, которыя должны быть признаны за каждымъ сувереннымъ государствомъ въ его отношеніяхъ къ другимъ государствамъ, то это будетъ, пожалуй, только не вполнѣ точный способъ выражаться. Можно поэтому и не спорить особенно противъ привычнаго словоупотребленія, если только не предъявлять къ общепринятой терминологіи болѣе серьезныхъ, строго-научныхъ требованій. Но нерѣдко утверждаютъ, что государственно-правовой и международно-правовой суверенитетъ обозначаютъ два совершенно различныхъ понятія, а именно: верховенство, какъ *высшую* власть государства, съ одной стороны, и верховенство, какъ власть *независимую*,—съ другой. Послѣ того, что говорилось выше объ юридическомъ значеніи понятія суверенитета,—нѣтъ надобности доказывать, что такая точка зрѣнія совершенно неправильна. Нельзя ни логически расчленить понятіе суверенитета на двѣ якобы независимыя другъ отъ друга части, ни представить подобное раздѣленіе и обособленіе практически осуществимымъ. Обѣ стороны суверенитета—государственно-правовая и международно-правовая, какъ ихъ обыкновенно называютъ,—находятся между собою въ

самой неразрывной связи, другъ друга необходимо обусловливаютъ и дополняютъ. Высшая власть непремѣнно должна быть независимой; если бы она зависѣла отъ какой-либо иной власти, то тѣмъ самымъ перестала бы быть высшей даже для непосредственно подчиненныхъ ея господству; зависимая власть, наравнѣ съ ей подвластными, сама знаетъ всегда общаго верховнаго господина — власть высшую и независимую. Всякое государство, обладающее высшею властью въ своихъ предѣлахъ, является въ силу этого независимымъ въ международно-правовомъ отношеніи. Внутреннее верховенство, такимъ образомъ, не только „обыкновенно“, какъ говоритъ Гефтеръ, но и всегда безъ исключенія служитъ основаніемъ для верховенства внѣшняго. Нельзя, напримѣръ, считать союзъ государствъ за самостоятельное цѣлое, обладающее международно-правовою суверенностью *). Въ союзѣ государствъ нѣтъ единой суверенной власти вообще, а существуютъ лишь нѣсколько общихъ органовъ, которые дѣйствуютъ въ качествѣ общихъ уполномоченныхъ отдѣльныхъ государствъ, входящихъ въ составъ союза. Съ другой стороны утрата независимости, конечно, влечетъ за собой и утрату высшей власти, т.-н., государственно-правового суверенитета; разъ государство дѣлается зависимымъ, то нарушается основной признакъ суверенности — исключительность самообязыванія рѣшеніями одной только собственной воли.

---

*) Союзомъ государствъ называется такое соединеніе, обыкновенно ради взаимнаго обезпеченія внутренней и внѣшней безопасности нѣсколькихъ независимыхъ государствъ, при которомъ отдѣльныя государства, члены союза, не теряютъ своего суверенитета. Въ области международныхъ отношеній каждое изъ вошедшихъ въ союзъ государствъ сохраняетъ полную независимость, за однимъ, впрочемъ, исключеніемъ: члены союза не могутъ вести другъ противъ друга войны и заключать договоры, вредящіе интересамъ всего союза. Союзъ государствъ получаетъ право международнаго представительства и право веденія войны. Примѣромъ такого союза государствъ можетъ служить Германскій союзъ 1815 г., просуществовавшій до 1866 г.

VI.

Подчиненіе всѣхъ отношеній государственнаго властвованія единому началу. — Фикція изолированнаго государства и ея слѣдствіе. — Международное общеніе государствъ и вытекающее отсюда ихъ самоограниченіе. — Содержаніе международно-правовыхъ нормъ.

Только то опредѣленіе юридической сущности суверенитета можетъ считаться правильнымъ, которое позволяетъ свести всѣ проявленія верховенства государства къ извѣстному единству и указать для пониманія всѣхъ отношеній государственнаго властвованія одно общее руководящее начало. Поэтому мы и указывали съ особою настойчивостью на недопустимость принципіальнаго обособленія отдѣльныхъ сторонъ государственнаго верховенства, а также расчлененія суверенитета.

Между тѣмъ почти одновременно съ тѣмъ, какъ мысль человѣка обратилась къ сколько-нибудь глубокому рѣшенію вопросовъ о существѣ и природѣ государства, установились такіе пріемы и методы рѣшенія этихъ вопросовъ, которые неизбѣжно влекли къ одностороннимъ, а потому и неправильнымъ, заключеніямъ. Уже Платонъ полагалъ наиболѣе цѣлесообразнымъ разсмотрѣть государство сначала совершенно изолированнымъ, какъ будто на свѣтѣ и есть всего одно единственное государство. Когда при помощи указаннаго искусственнаго пріема получались извѣстные выводы относительно природы такого предполагаемаго государства, тогда только считалось возможнымъ обратиться къ толкованію явленій дѣйствительной жизни. Для объясненія отношеній между государствами должно было служить все то же представленіе о государствѣ, построенное при помощи условнаго отрицанія самаго факта существованія нѣсколькихъ государствъ. Всестороннее самодовлѣніе и самоудовлетвореніе — вотъ въ чемъ философская мысль хотѣла обыкновенно видѣть главную особенность государства,

отличающую его отъ другихъ формъ общежитія. Исходя изъ фиктивной посылки изолированнаго существованія одинокаго во вселенной государства, не трудно было притти къ такому опредѣленію. Дальнѣйшіе выводы слѣдовали уже сами собой: государство вовсе не нуждается въ сношеніяхъ съ другими государствами; между ними не можетъ быть никакой общей связи; каждое государство самовластно и независимо въ самомъ безусловномъ смыслѣ этого понятія. Въ каждомъ государствѣ, впрочемъ въ отдѣльности, государственная власть проявляется, прежде всего, какъ господствующая сила; весь правовой порядокъ вытекаетъ изъ предписаній властвующей воли государства. Поэтому и говорятъ, обыкновенно, что суверенная власть сама стоитъ выше всякаго права и что, слѣдовательно, не можетъ существовать юридическихъ нормъ, которыя устанавливали бы правовой порядокъ въ отношеніяхъ между государствами и были бы обязательны для самихъ государствъ. Съ описанной точки зрѣнія отрицаніе международнаго права является неизбѣжнымъ слѣдствіемъ основныхъ представленій о природѣ государства.

Но въ томъ и дѣло, что эти основныя представленія совершенно не отвѣчаютъ дѣйствительности.

Какое изъ современныхъ культурныхъ государствъ живетъ въ безусловной замкнутости и можетъ похвалиться полнымъ самоудовлетвореніемъ по рецепту абстрактной философіи? Вопросъ не требуетъ отвѣта.... даже пресловутая китайская стѣна начинаетъ отходить въ область преданій! Современныя государства находятся другъ съ другомъ въ постоянныхъ правильныхъ сношеніяхъ и большинство изъ нихъ образуютъ прочную семью культурныхъ народовъ. Государства обѣщаютъ другъ другу помощь и различныя услуги, соединяются въ союзы для достиженія общими силами общихъ цѣлей, устанавливаютъ нормы, регулирующія ихъ взаимныя отношенія въ такомъ совмѣстномъ преслѣдованіи культурныхъ цѣлей. Факты ежедневной

дѣйствительности свидѣтельствуютъ, что такіе обѣщанія и договоры исполняются на дѣлѣ, что задачи, непосильныя отдѣльнымъ государствамъ (напримѣръ, уничтоженіе торговли неграми), выполняются общими средствами, что государства признаютъ для себя обязательность установленныхъ ими правилъ совмѣстнаго существованія и солидарной дѣятельности.

Замкнутость и самоудовлетвореніе—понятія, которыя совершенно не вяжутся со всѣми условіями жизни современнаго государства. Всякое государство оказываетъ защиту и покровительство своимъ гражданамъ и за предѣлами своей собственной территоріи; каждое государство имѣетъ право совершать извѣстные акты управленія (консулы) и требовать, согласно трактатамъ, признанія значенія рѣшеній своихъ судовъ на территоріи другихъ государствъ; каждое государство должно, въ свою очередь, допустить то же самое на своей территоріи въ силу начала взаимности и т. п. Современныя государства сознаютъ необходимость взаимопомощи и ищутъ удовлетворенія своихъ возрастающихъ потребностей не путемъ обособленія, а средствами правильнаго общенія.

Существованіе нѣсколькихъ государствъ и правильное общеніе между ними не нуждается въ доказательствѣ. Это фактъ, который не только нельзя игнорировать, какъ требуетъ абстрактная философія,—но который, наоборотъ, долженъ служить однимъ изъ основныхъ положеній государственной науки въ широкомъ значеніи этого слова.

Другое основное положеніе—это, что государство, какъ таковое, въ ряду другихъ общественныхъ союзовъ есть, въ настоящее время, высшая форма политически организованнаго, т.-е. способнаго быть субъектомъ самостоятельной воли и власти, общежитія.

Отсюда слѣдуетъ, что общеніе государствъ (Staatengemeinschaft)—не ставитъ ихъ другъ къ другу въ отношенія господства и подчиненія. Суверенныя государства существуютъ рядомъ другъ съ другомъ; об-

щеніе между ними покоится на началѣ равенства. Но именно потому независимыя государства и видятъ себя поставленными въ необходимость налагать извѣстныя ограниченія на себя самихъ, признавая для своей воли опредѣленныя правила, какъ обязательное руководство въ своихъ взаимныхъ отношеніяхъ. Самоограниченіе суверенаго государства есть необходимое слѣдствіе общенія, а самая возможность подобнаго самоограниченія путемъ самообязыванія рѣшеніями собственной воли, въ свою очередь, вытекаетъ, какъ было показано, изъ юридическихъ свойствъ суверенаго государства. Такимъ образомъ, возникаетъ дѣйствительное положительное право, которому государства подчиняются въ своемъ общеніи другъ съ другомъ. Источникомъ обязательности этого права, регулирующаго отношенія между независимыми государствами, съ формально-юридической точки зрѣнія, является воля самихъ государствъ, но содержаніе этихъ нормъ обусловливается природой тѣхъ жизненныхъ отношеній, которыя обусловливаютъ и самую необходимость международнаго общенія. Международное общеніе, слѣдовательно, есть общеніе юридическое (Rechtsgemeinschaft); правовой порядокъ отношеній между государствами въ международномъ общеніи есть *международно-правовой порядокъ*.

Итакъ, *международное право*, въ точномъ значеніи этого слова, можно опредѣлить, какъ совокупность юридическихъ нормъ, по существу вытекающихъ изъ самой природы жизненныхъ международныхъ отношеній, покоящихся на правосознаніи культурныхъ народовъ и получившихъ, путемъ, признанія (Sanction) суверенныхъ государствъ, обязательную силу положительнаго права.

Предѣлы дѣйствія и примѣненія международнаго права—всѣ государства, которыя обнимаетъ въ данное время международное общеніе. Всякое культурное государство, которое не захотѣло бы признавать международнаго права, т.-е. вышло бы изъ общенія съ другими

государствами, — готовитъ себѣ вѣрную гибель. Каждая страна, каждый народъ представляетъ собою только одну изъ частей великаго цѣлаго—человѣчества и поэтому безусловно нуждается въ самомъ разностороннемъ восполняющемъ содѣйствіи другихъ частей и внѣ этихъ жизненныхъ условій не можетъ осуществлять ни своихъ жизненныхъ цѣлей, ни общихъ культурныхъ задачъ.

Международный союзъ и его право.

I.

Необходимость международнаго союза и международнаго права.— Отсутствіе въ международномъ союзѣ верховной власти. —Вопросъ о политической организаціи международнаго союза. – Солидарность интересовъ цивилизованныхъ государствъ.—Положительный характеръ нормъ международнаго союза.

Общественная жизнь, по мѣрѣ успѣховъ культуры, развивается, совершенствуется и все болѣе распространяется, а потому тѣ изъ ея формъ, которыя вполнѣ удовлетворяли человѣчество на первыхъ ступеняхъ его существованія, непригодны для удовлетворенія потребностей при болѣе высокой степени развитія. Было время, когда государство являлось высшею формою человѣческаго общежитія. Замкнувшись въ предѣлахъ своихъ границъ, каждый народъ жилъ обособленно, не помогая остальнымъ въ осуществленіи ихъ культурныхъ задачъ. Постепенно, однако, пришли къ убѣжденію, что нѣкоторыя изъ этихъ задачъ, при данномъ уровнѣ цивилизаціи,—и именно наивысшія,—общи всему человѣчеству и что, ради ихъ осуществленія, на-

---

Настоящая статья составлена по работѣ *G. Roszkowski*, Ueber das Wesen und die Organisation der internationalen Staatengemeinschaft (Zeitschrift für. internat. Priv.—und Strafrecht B. III), дополнена, въ нѣкоторыхъ частяхъ, по статьямъ *Holtzendorff'a*, въ Handbuch des Völkerrechts, и §§ 48 -- 50, съ нѣкоторыми, впрочемъ, сокращеніями, изъ книги проф. *Мартенса* (Современное международное право цивилизованныхъ народовъ т. I. Спб. 1895), которые и составляютъ III главу настоящей статьи.

роды, признающіе ихъ значеніе, должны соединиться въ единый союзъ, не взирая на свои племенныя и историческія различія.

Такимъ образомъ, несоотвѣтствіе прежнихъ формъ общежитія новымъ потребностямъ жизни содѣйствовало возникновенію новой, удовлетворяющей этимъ потребностямъ, общественной формы: образовался международный союзъ. Государства являются его членами, соединеніемъ силъ и средствъ укрѣпляется ихъ дѣятельность, при чемъ создается возможность осуществлять и такого рода задачи, для которыхъ у каждаго изъ нихъ въ отдѣльности не хватило бы силъ.

Чѣмъ прочнѣе коренится въ народахъ сознаніе общности ихъ жизненныхъ цѣлей, чѣмъ многочисленнѣе и разнообразнѣе становятся задачи современной цивилизаціи, тѣмъ тверже основанія международнаго союза и тѣмъ шире раздвигаются его границы. Въ настоящее время мы не знаемъ государства, которое признавало бы право на существованіе исключительно для себя одного, отрицая юридическія обязанности въ отношеніи къ другимъ, и мы назовемъ цивилизованнымъ лишь то государство, которое поддерживаетъ постоянныя и правильныя сношенія съ остальными народами, восполняя, такимъ образомъ, недостающія ему блага, духовныя и матеріальныя. Современный политическій міръ нельзя себѣ представить внѣ постоянныхъ сношеній государствъ другъ съ другомъ. Отрицать юридическій характеръ этихъ сношеній можно лишь въ томъ случаѣ, если они не отмѣчены постоянствомъ, не выражаются въ опредѣленныхъ формахъ и не имѣютъ своею цѣлью достиженіе опредѣленныхъ задачъ; другими словами, международныя отношенія были бы лишены юридическаго характера, если бы они являлись результатомъ простого случая, каприза, соображеній даннаго момента и выражали собою лишь единичныя явленія, хотя бы и часто повторяющіяся. Но такъ какъ современное государство понимаетъ неизбѣжную необходимость международ-

ныхъ сношеній и невозможность изолированнаго существованія, не будучи, въ то же время, настолько сильнымъ, чтобы подчинить своему исключительному господству всѣ остальныя государства, то вполнѣ понятно, что современное государство, развившись до сознанія права, регулирующаго его собственную жизнь, равно какъ жизнь его подданныхъ, не можетъ поставить свои внѣшнія отношенія, признанныя имъ необходимыми, въ зависимость отъ случая, постоянно измѣняющихся обстоятельствъ, отъ эфемерныхъ соглашеній лишь съ непосредственно заинтересованными государствами.

Ubi societas ibi jus est (гдѣ общеніе тамъ и право)— вмѣстѣ съ новымъ союзомъ возникло новое право, международное, которое, опредѣляя взаимныя отношенія государствъ, направляетъ ихъ дѣятельность къ достиженію цѣлей всего союза, а потому и не ограничиваетъ область своего дѣйствія предѣлами того или иного государства.

Субъектами (носителями) этого права являются только государства. Но такъ какъ въ международномъ союзѣ фактическими дѣятелями выступаютъ отдѣльныя лица, напримѣръ, представители государствъ, и даже частныя лица въ ихъ отношеніяхъ къ иностраннымъ государствамъ и къ подданнымъ послѣднихъ, то международное право распространяется и на нихъ, обезпечивая имъ опредѣленныя права. Но эти послѣднія принадлежатъ имъ лишь постольку, поскольку они признаны за государствомъ, къ которому принадлежатъ указанныя лица.

Опредѣленіе международнымъ правомъ взаимныхъ отношеній государствъ совершается такимъ же образомъ, какимъ опредѣляются юридическія отношенія всякимъ другимъ правомъ, обезпечивающимъ существованіе опредѣленнаго общественнаго союза въ цѣляхъ осуществленія присущихъ ему задачъ культуры. Международное право обезпечиваетъ достиженіе жизненныхъ цѣлей, ради которыхъ образовался между-

народный союзъ. Чѣмъ онѣ разнообразнѣе, тѣмъ обширнѣе область международнаго союза и его права.

Свойства общества, среди котораго развивается извѣстное право, накладываютъ на это послѣднее свой особый отпечатокъ: своеобразное положеніе международнаго союза въ ряду другихъ общественныхъ формъ имѣетъ своимъ послѣдствіемъ особенности, отличающія международное право отъ остальныхъ областей юриспруденціи.

Международный союзъ не знаетъ надъ собой верховной власти; общеніе цивилизованныхъ государствъ находитъ свое выраженіе въ соединеніи независимыхъ державъ, которыя лишились бы своей самостоятельности, если бы подчинились поставленной надъ ними власти. А соединяетъ независимыя государства въ международный союзъ и поддерживаетъ этотъ союзъ: 1) признаніе общихъ культурныхъ задачъ, осуществляемыхъ лишь соединенными силами; 2) организація юридическихъ установленій этого союза.

Въ основаніи международнаго союза мы наблюдаемъ дѣйствіе двухъ первоначальныхъ силъ, которыя взаимно проникаютъ и обусловливаютъ другъ друга. Одна изъ нихъ является въ области нравственнаго и юридическаго общенія людей, способныхъ къ совершенствованію и развитію, силою космополитическою или міровою, другая—національно-политическая сила, обнаруживается въ постоянной смѣнѣ государствъ, какъ нравственныхъ личностей, осуществляющихъ опредѣленныя жизненныя задачи, но далеко не обладающихъ неистощимымъ запасомъ жизненной энергіи. Такъ какъ эта послѣдняя сила имѣетъ въ своемъ основаніи фактъ раздѣленія человѣчества на отдѣльныя группы и коренится, такимъ образомъ, въ тѣхъ народахъ, которые являются членами единаго цѣлаго, человѣчества, то ея вліяніе и ея дѣйствіе должны, по времени, предшествовать вліянію и дѣйствію космополитической силы. Затѣмъ, въ различные періоды развитія международнаго союза взаимное отно-

шеніе этихъ силъ выражалось въ томъ, что каждая изъ нихъ имѣла то активное, то, болѣе или менѣе, пассивное значеніе. Вначалѣ основной историческій законъ сосуществованія нѣсколькихъ независимыхъ государствъ, какъ мы уже указывали, представляется силою почти исключительно активною, на которую, по мѣрѣ развитія цивилизаціи, начинаетъ оказывать вліяніе этическая идея всемірнаго права, вліяніе, на первыхъ порахъ, случайное и временное, но, мало-помалу, становящееся все болѣе замѣтнымъ, необходимымъ, постояннымъ.

Національная и космополитическая идеи права могутъ быть поняты лишь какъ проявленіе одной и той же общественной силы цивилизаціи. Мы сравнимъ ее съ электричествомъ, которое вырабатывается въ двухъ противоположныхъ направленіяхъ, взаимно вліяющихъ другъ на друга, въ направленіи положительномъ и отрицательномъ, и противоположность эта, въ концѣ концовъ, лишь кажущаяся. Политическая независимость отдѣльныхъ государствъ, положительная съ точки зрѣнія государственнаго права, образуетъ, поскольку она касается международнаго права и международныхъ отношеній, стремленіе, главнымъ образомъ, отрицательное; но космополитическая идея международнаго общенія, съ которою законодательство отдѣльныхъ государствъ первоначально не считалось, образуетъ, съ точки зрѣнія международнаго права, положительное стремленіе человѣчества.

Итакъ, если, съ одной стороны, международное право, не зная въ международномъ союзѣ верховной власти, можетъ осуществляться лишь черезъ посредство органовъ государственной власти, то, съ другой стороны, и отдѣльное государство жизнеспособно только до тѣхъ поръ, пока оно развивается и живетъ, постоянно обновляясь черезъ соединеніе міровой цивилизаціи и національной культуры. Совмѣстное дѣйствіе въ развитіи международнаго права означенныхъ факторовъ въ теченіе долгаго времени усколь-

зало отъ вниманія писателей, которые относились къ этому праву скептически, указывая на существенную необходимость верховной власти, находящейся внѣ государства и стоящей надъ нимъ. То же слѣдуетъ замѣтить и относительно писателей, которые видѣли въ государствѣ совершенный, высшій и неизмѣнный союзъ.

Неоднократно предлагались различные проекты установленія въ международномъ союзѣ верховной власти. Пытались, напримѣръ, придать ему опредѣленную, неизмѣнную организацію и средствомъ къ этому должно было служить установленіе въ международномъ союзѣ законодательной, судебной и исполнительной власти. Проектъ Генриха IV и его министра Сюлли, впослѣдствіи (1713) вновь выдвинутый аббатомъ С-Пьеръ, имѣлъ въ своемъ основаніи мысль о соединеніи всѣхъ государствъ Европы. Мечтали образовать Соединенные Штаты Европы; другіе, напротивъ, видѣли во всемірной монархіи единственно возможную организацію международнаго союза. Рядъ другихъ проектовъ отличался отъ указанныхъ тѣмъ, что ихъ авторы, не желая ничего измѣнять въ современныхъ отношеніяхъ между государствами, предлагали установленіе постояннаго европейскаго конгресса для разрѣшенія вопросовъ, общихъ всѣмъ цивилизованнымъ странамъ, составленнаго изъ монарховъ и дипломатовъ. Фарнезе удовлетворялся періодическимъ созывомъ подобнаго конгресса, тогда какъ Лоримеръ и Блюнчли предлагали образовать постоянное международное правительство; другіе ученые (графъ Камаровскій, Ревонъ) считали необходимымъ, прежде всего, создать такое постоянное судебное учрежденіе, которое разрѣшало бы всѣ споры между государствами, членами международнаго союза не посредствомъ войны, а по соображеніямъ справедливости.

Но всѣ эти проекты неудачны, такъ какъ независимость каждаго отдѣльнаго государства не можетъ быть согласована съ какою либо властью, поставлен-

ною надъ всѣми государствами. Они не могутъ отказаться отъ права самостоятельно распоряжаться собою, ибо, въ противномъ случаѣ, они потеряютъ свою независимость. По этой причинѣ международный союзъ, несмотря на свое болѣе чѣмъ двухсотлѣтнее существованіе, не вылился ни въ одну изъ существующихъ политическихъ формъ, подобную монархіи или республикѣ, и, насколько можно предвидѣть, этого не произойдетъ и въ будущемъ.

Правда, идея независимости государства, въ различныя эпохи всемірной исторіи измѣняясь въ своемъ содержаніи, не является абсолютною. Крайнее выраженіе этой идеи—возможность для государства удовлетворяться исключительно національнымъ порядкомъ. Но съ того момента, какъ государства приходятъ къ сознанію недостаточности своихъ силъ, они уже болѣе склонны ограничивать свою независимость и признавать то значеніе, какое имѣетъ въ международныхъ отношеніяхъ принципъ общенія. Приблизиться къ идеалу всемірной политической организаціи человѣчество можетъ лишь чрезъ посредство самоограниченія каждымъ народомъ своей самостоятельности и независимости, самоограниченіе мыслимое только тогда, когда государство придетъ къ сознанію необходимости поступиться своимъ личнымъ интересомъ въ пользу потребностей международнаго общенія. Едвали, однако, когда нибудь государство согласится уступить принадлежащее ему право принужденія въ пользу какой бы то ни было центральной власти.

Но въ то же время солидарность интересовъ отдѣльныхъ государствъ, лежащая въ основаніи международнаго союза, должна усиливаться по мѣрѣ развитія цивилизаціи: разнообразныя отношенія, нравственныя и экономическія, создадутъ еще большую, чѣмъ въ настоящее время, зависимость государствъ другъ отъ друга и тѣмъ увѣнчаютъ дѣло ихъ соединенія. Начало такому соединенію уже положено нынѣ религіей,

политическими и культурными стремленіями, оно поддерживается и развивается также постояннымъ примѣненіемъ средствъ, которыя тѣсно связаны съ осуществленіемъ этихъ стремленій. Международная торговля, морское судоходство, телеграфъ и желѣзныя дороги, выдача преступниковъ, охрана правъ изобрѣтателей и авторовъ и т. д.—все это первые шаги въ указанномъ направленіи. Международный союзъ не нуждается ни въ какой политической формѣ, пока существуютъ всѣ эти многочисленныя и разнообразныя связи, непрерывно поддерживающія взаимную зависимость государствъ другъ отъ друга; совпаденіе общихъ интересовъ, которое съ развитіемъ культуры будетъ лишь возрастать—лучшая гарантія прочности международнаго союза.

Не зная политической организаціи, международный союзъ и его право не знаютъ ни законодательной, ни исполнительной власти, какъ отдѣльныхъ и самостоятельныхъ органовъ, но государства сами служатъ для себя законодателями и стоятъ на стражѣ принадлежащихъ имъ правъ.

Отсутствіе верховной власти въ международномъ союзѣ привело многихъ писателей юристовъ, дѣятельность которыхъ сосредоточивалась преимущественно въ областяхъ, мало соприкасающихся съ международными отношеніями, и которые поэтому выработали слишкомъ одностороннее представленіе о правѣ, къ заключенію, что международныя нормы совершенно лишены положительнаго характера. Такое отрицательное отношеніе развилось, главнымъ образомъ, въ двухъ направленіяхъ. Одни изъ писателей недостаточно ясно представляютъ себѣ сущность войны, другіе, какъ уже было указано, принимаютъ слишкомъ одностороннее опредѣленіе понятія права.

Сравнивая источники права международнаго съ таковыми же въ правѣ государственномъ, уголовномъ и гражданскомъ, утверждаютъ, что государство единственный творецъ права и что, такимъ образомъ, не

существуетъ власти, отъ которой могли бы исходить предписанія, обязательныя для членовъ международнаго союза. Сравненіе средствъ охраны международныхъ нормъ съ таковыми же въ другихъ областяхъ права привело къ утвержденію, что международныя нормы лишены той формальной санкціи, которою должно быть защищено всякое матеріальное право, чтобы имѣть практическое значеніе. Но ни одно изъ этихъ соображеній не подтверждаетъ заключенія, которое отсюда выводится. Можно сказать лишь, что для международнаго права тѣ черты, которыя присущи національному праву, ограничивающему свое дѣйствіе предѣлами даннаго государства, не являются существенными и необходимыми, но таковыми же онѣ не являются и для понятія права вообще.

Всякая норма, которая въ общемъ сознаніи отдѣльнаго союза, будь то семья, родъ, племя, государство, союзъ государствъ, разсматривается, какъ необходимое правило поведенія членовъ этого союза въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ—есть положительная юридическая норма.

Несомнѣнно, что обязательность юридическихъ нормъ вытекаетъ изъ воли верховной власти въ государствѣ; но нѣтъ никакой необходимости, чтобы эти нормы создавались непосредственно и исключительно тѣмъ государствомъ, которое ихъ примѣняетъ. Юридическая норма получаетъ положительный характеръ, какъ слѣдствіе исторически развившагося правового общенія, признаннаго государствомъ. Практическая примѣнимость нормъ международнаго права, тотъ фактъ, что ими опредѣляются внѣшнія отношенія независимыхъ государствъ, ихъ соотвѣтствіе волѣ и дѣйствіямъ послѣднихъ ставятъ внѣ всякаго сомнѣнія положительный характеръ международнаго права и исключаютъ какую бы то ни было возможность видѣть въ немъ лишь простое проявленіе требованій разумной необходимости.

Каждое государство, желающее явиться въ между-

народномъ общеніи носителемъ правъ не только въ глазахъ своихъ подданныхъ, но и быть признаннымъ таковымъ со стороны другихъ государствъ, членовъ международнаго союза, добровольно подчиняется юридическимъ нормамъ, безъ соблюденія которыхъ не можетъ существовать международное общеніе. Всѣ государственныя и частныя права, при современномъ уровнѣ культуры, не получатъ никакого значенія и не могутъ быть охраняемы, если каждое отдѣльное государство, разсматривая себя въ сферѣ международныхъ отношеній юридически независимымъ, не явится въ каждый данный моментъ настолько могущественнымъ, чтобы быть въ состояніи противодѣйствовать всѣмъ внѣшнимъ затрудненіямъ. Вотъ почему вмѣсто отрицанія международнаго права болѣе цѣлесообразно обратиться къ разсмотрѣнію вопроса о томъ, насколько государство, если только оно не достигло всемірнаго господства, юридически ограничено остальными державами и въ какой степени оно отказывается отъ осуществленія своего господства за предѣлами своихъ границъ, чтобы обезпечить себѣ черезъ это внутренній порядокъ.

Возраженія противъ положительнаго характера международнаго права указываютъ также на насильственный характеръ войны, которая, по ученію писателей этого направленія, не имѣетъ значенія организованнаго принужденія. Нельзя, конечно, не согласиться, что защита международнаго порядка, дѣйствительно, крайне несовершенна.

Несовершенные способы охраны гражданскаго права въ Средніе вѣка не лишали его, однако, положительнаго характера. Въ продолженіе нѣсколькихъ столѣтій нечего было и думать, даже въ случаяхъ очевидной правоты, добиться черезъ посредство правильно организованной юстиціи осуществленія своего права. Самозащита и частныя войны разсматривались въ то время неизбѣжною необходимостью. Стороны, не подчинившіяся добровольно приговору суда, не могли быть

принуждены къ этому органами власти, и свободные люди съ оружіемъ въ рукахъ добывали свое право.

То же самое наблюдается и въ историческомъ развитіи уголовнаго права. Государство, не обладая еще органами для исполненія приговоровъ надъ преступниками, уполномочивало непосредственно заинтересованныхъ лицъ прибѣгать къ мести, или же объявляло преступника лишеннымъ покровительства законовъ.

Кто же, однако, рѣшится утверждать, что въ Европѣ и въ Германіи до уничтоженія частныхъ войнъ, до установленія земскаго мира, не знали права, регулирующаго отношенія между частными лицами? Нормы права существуютъ совершенно независимо отъ того, господствуетъ ли рядомъ съ судомъ, получившимъ еще крайне несовершенную организацію, начала самозащиты и частной войны, какъ это было въ Средніе вѣка или какъ это наблюдается въ современныхъ международныхъ отношеніяхъ, гдѣ не существуетъ еще постоянныхъ судебныхъ учрежденій. Противники положительнаго характера международнаго права совершенно забываютъ, что война долгое время разсматривалась, какъ естественное и необходимое средство охраны права и между частными лицами, и между націями. Старое германское право, нашедшее свое выраженіе въ обычаѣ и въ законодательныхъ сборникахъ, не смотря на существованіе кровной мести и судебнаго поединка, было правомъ положительнымъ, каковымъ является и современное международное, не смотря на то, что самозащита и война господствуютъ въ немъ до настоящаго времени.

Въ области международныхъ отношеній возможность вызвать противъ себя принужденіе, въ какой бы формѣ оно ни выразилось, а главное необходимость подчиненія началамъ, получившимъ общее признаніе, имѣютъ силу и значеніе часто большія, чѣмъ приговоръ суда въ другихъ областяхъ права.

II.

Степень культурнаго развитія членовъ международнаго союза.— Независимость государствъ и политическая свобода ихъ подданныхъ. — Равноправность государствъ, членовъ международнаго союза.— Признаніе необходимости международнаго права и международной организаціи.

Возникновеніе международнаго союза, преслѣдующаго опредѣленныя жизненныя цѣли, достиженіе которыхъ обезпечивается международнымъ правомъ, зависитъ отъ наличности нѣсколькихъ условій, сложившихся и развившихся лишь въ Новые вѣка.

Прежде всего необходимо, *чтобы государства, образующія международный союзъ, достигли довольно высокой степени цивилизаціи*, ибо только она одна и даетъ народамъ ясное сознаніе, что существуютъ жизненныя задачи, осуществленіе коихъ не подъ силу отдѣльному государству. Международное право опредѣляетъ внѣшнія отношенія лишь тѣхъ народовъ, которые подчиняются данной юридической нормѣ вслѣдствіе общности своего правосознанія.

Подобно тому какъ право каждаго отдѣльнаго государства развивается въ соотвѣтствіи съ требованіями его національной культуры, такъ и международное право въ своемъ возникновеніи и развитіи пріурочивается къ такому культурному уровню, который возвышается надъ государствами, признающими для себя обязательность соотвѣтствующаго этому уровню строя жизни. Дѣйствіе идеи права переходитъ за границы данной территоріи только тогда, когда народы, организованные въ государственный союзъ, приходятъ къ сознанію своего сосуществованія и, такимъ образомъ, международное право создаетъ высшую форму въ сферѣ общественныхъ отношеній, которой предшествуетъ развитіе прочныхъ основаній въ правѣ гражданскомъ, уголовномъ, государственномъ. Международный союзъ не только не уничтожаетъ значенія прочихъ формъ общежитія, но онъ зиждется на нихъ,

какъ бы на фундаментѣ, признавая независимость государствъ, своихъ членовъ, существеннымъ условіемъ своего развитія. Вотъ почему международное право опирается на всѣ возникшія по времени ранѣе его вѣтви права и воспринимаетъ въ себя принципы права государственнаго, каноническаго, уголовнаго, гражданскаго, торговаго. Лишь когда всѣ эти вѣтви права получаютъ широкое развитіе въ удовлетвореніи потребностей общественной жизни, становится, благодаря необходимости для государства внѣшнихъ сношеній, очевиднымъ значеніе международнаго права.

Вотъ почему существованіе какого бы то ни было международнаго права *) также мало возможно между варварскими племенами, какъ и существованіе его между этими племенами и цивилизованными народами. Цивилизація и варварство исключаютъ взаимое признаніе правъ другъ за другомъ. Невозможны также юридическія отношенія съ государствами, которыя не считаютъ для себя обязательными предписаній нравственности и права и вступаютъ въ международныя отношенія, повинуясь или насилію со стороны какого нибудь заинтересованнаго государства, или склоняясь передъ силою фактическихъ обстоятельствъ. Такимъ образомъ, международное право регулируетъ отношенія, добровольно признанныя государствами, которыя разсматриваютъ эти отношенія, какъ необходимыя для удовлетворенія своихъ культурныхъ задачъ, и признаютъ ихъ поэтому для себя обязательными.

Само собою разумѣется, нѣтъ необходимости требовать, чтобы культурное развитіе народовъ, вступающихъ въ сношенія другъ съ другомъ, совершенно и во всемъ стояло на одномъ и томъ же уровнѣ; желательно лишь, чтобы государство, входящее въ составъ международнаго союза, добровольно подчинилось общимъ нормамъ, регулирующимъ взаимныя права

---

*) Напомнимъ извѣстное выраженіе Монтескье, что и Ирокезы, съѣдающіе своихъ плѣнныхъ, имѣютъ свое международное право.

и обязанности. Разнообразіе національныхъ законодательствъ и нѣкоторыя различія въ культурномъ строѣ государствъ, членовъ международнаго союза, нисколько не препятствуетъ развитію международнаго права, которое, охраняя независимость и индивидуальныя особенности государствъ, тѣмъ самымъ, какъ бы освящаетъ эти различія. Но пока будутъ существовать различія, о которыхъ намъ говорятъ исторія, психогія и этнографія, называя ихъ варварствомъ, полуцивилизаціей и цивилизаціей, до тѣхъ поръ международное право не распространится на все человѣчество.

Послѣ паденія въ Испаніи мусульманской цивилизаціи въ Европѣ не существуетъ болѣе иныхъ культурныхъ вліяній, кромѣ вліянія классической древности и христіанства, однимъ изъ плодотворнѣйшихъ результатовъ котораго и является современное международное право. Мы не коснемся вопроса о томъ, можно ли признать современную европейскую цивилизацію апогеемъ культуры во всѣхъ отношеніяхъ человѣческой жизни. Но, во всякомъ случаѣ, поскольку этотъ вопросъ относится до внѣшнихъ отношеній, политическихъ и юридическихъ, европейская цивилизація всегда являлась въ глазахъ народовъ другихъ частей свѣта могущественною силой, торжествующей надъ всѣми препятствіями. Употребляя, слѣдовательно, выраженіе „европейское“ международное право, мы можемъ придавать этому термину значеніе, выражающее собою опредѣленный культурный уровень, при которомъ современныя государства считаютъ необходимымъ поддерживать постоянныя и правильныя сношенія другъ съ другомъ. Конечно, нѣтъ ничего невѣроятнаго въ томъ, чтобы создались и развились системы международнаго права Азіи, Америки, но практически осуществленіе этого возможно лишь при условіи принципіальной противоположности цивилизацій Азіи, Америки, Европы. Пока такой антитезы не существуетъ, до тѣхъ поръ „европейскій“ международный союзъ слѣдуетъ противополагать не союзу государствъ, взаимныя

отношенія которыхъ опредѣляются иной, отличающейся отъ дѣйствующаго нынѣ международнаго права, системой юридическихъ нормъ, а отдѣльнымъ народностямъ, не доразвившимся до сознанія необходимости международныхъ отношеній. Такимъ образомъ, европейское международное право—міровое право цивилизованныхъ государствъ.

Второе условіе возникновенія международнаго союза—*наличность политически независимыхъ государствъ, которыя одни только могутъ быть членами этого союза.* Лишь въ XVII в. въ Европѣ окончательно сложились и окрѣпли современныя государства, а потому этотъ вѣкъ и считается исходнымъ пунктомъ въ развитіи современнаго международнаго права.

Въ предшествующую этому времени эпоху, и, главнымъ образомъ, въ Средніе вѣка, понятіе государства, завѣщанное намъ античною древностью, равно какъ идея современнаго государства, были совершенно чужды народамъ, основавшимся на развалинахъ западной Римской Имперіи.

Въ странахъ, завоеванныхъ германцами, суверенное господство развивалось подъ вліяніемъ, во-первыхъ, теократической идеи папства, властвующаго надъ христіанскимъ міромъ и дарующаго, по своему произволенію, земнымъ владыкамъ ихъ власть, во-вторыхъ, идеи феодальной инвеституры, т.-е., договора, устанавливающаго отношенія между сюзереномъ и вассаломъ, наконецъ, въ-третьихъ, подъ вліяніемъ представленій о поземельной собственности, какъ источникѣ публичныхъ правъ. Понятно, что при такихъ условіяхъ суверенитетъ государя (или что то же государства) въ смыслѣ независимости и свободы самоопредѣленія развиваться не могъ, такъ какъ всѣ вышеуказанные факторы, вліявшіе на развитіе средневѣковой политической жизни, обусловливали собою извѣстную зависимость, устанавливавшуюся по договору или по существу даннаго отношенія. Полное разъединеніе и раздробленіе царили въ политической жизни Среднихъ вѣковъ и

только сосредоточеніе власти въ рукахъ представителей главнѣйшихъ династій Европы содѣйствовало установленію, къ концу этого періода, національной политической жизни въ нѣсколькихъ центрахъ нашей части свѣта.

Начиная съ XV вѣка, Франція и Испанія стоятъ во главѣ движенія, результатомъ котораго явилось развитіе монархическихъ учрежденій и современное государство, движенія, являющаго собою рѣзкій контрастъ сравнительно съ традиціями Германской Имперіи и времени, когда папское вмѣшательство въ свѣтскія дѣла государей было обычнымъ явленіемъ. Главнѣйшія теченія этого движенія содѣйствуютъ возникновенію среди представителей монархій стремленій завязать и установить международныя отношенія.

Въ противоположность Среднимъ вѣкамъ начинаетъ складываться представленіе о единствѣ и нераздѣльности государственной территоріи, переходящей отнынѣ лишь по праву первородства къ представителю національной династіи. Это единство національной территоріи уже съ XIV ст. является предметомъ народныхъ желаній и, въ интересахъ развитія верховной власти, оно находитъ себѣ защиту въ многочисленныхъ постановленіяхъ королевскихъ статутовъ. Непрерывныя войны Франціи съ Англіей, которыя тянулись отъ эпохи Плантагенетовъ и до конца XVI ст., содѣйствовали, въ значительной степени, его развитію, и именно во время этихъ войнъ окрѣпъ и развился національный духъ Франціи, содѣйствовавшій ея сплоченію въ могучее государство. Національное единство Франціи дало возможность ея королямъ съ успѣхомъ вмѣшиваться въ отношенія государствъ, дотолѣ болѣе сильныхъ, въ взаимныя отношенія Испаніи, Италіи, Германіи.

Запрещеніе и окончательное прекращеніе частныхъ войнъ имѣло своимъ слѣдствіемъ сосредоточеніе въ однѣхъ рукахъ, въ рукахъ верховной власти, начальства надъ войскомъ въ каждомъ изъ европейскихъ государствъ и уже со времени Реформаціи получаетъ всеобщее

признаніе того принципъ, что вооруженное сопротивленіе государственной власти есть актъ измѣны. Образовавшіяся въ разсматриваемый періодъ постоянныя арміи явились силою, которая дала государству возможность бороться съ своими внутренними и внѣшними врагами.

Наконецъ, образованіе государства, въ современномъ смыслѣ этого слова, постепенно сглаживаетъ и, затѣмъ, окончательно уничтожаетъ всѣ тѣ многочисленныя и разнообразныя отношенія вассальной зависимости, привилегій, прерогативъ, связанныхъ съ владѣніемъ земельной собственностью, которыя дотолѣ препятствовали установленію права одинаковаго для всѣхъ членовъ данной народности. Верховная власть въ государствѣ сосредоточила въ своихъ рукахъ право законодательства, и въ области международныхъ отношеній это сосредоточеніе имѣетъ то значеніе, что съ этого времени устраняется всякое иностранное вмѣшательство въ сферу національной юридической жизни.

Усиленіе международныхъ сношеній несомнѣнно находится въ прямой зависимости отъ государственнаго устройства страны и отъ системы ея законодательства, а въ связи съ послѣднимъ стоитъ и участіе отдѣльныхъ лицъ и обществъ въ международной жизни. Чѣмъ глубже проникаетъ дѣятельность этихъ лицъ и обществъ въ область культурной работы, тѣмъ болѣе она переходитъ за предѣлы отдѣльной страны. Тѣ государства, которыя ограничиваютъ у себя дѣятельность частныхъ лицъ и союзовъ, дадутъ на поприщѣ международныхъ отношеній весьма мало жизненныхъ силъ; напротивъ, въ государствахъ, гдѣ частной дѣятельности предоставлена, въ предѣлахъ законнаго порядка, свобода, создастся и разовьется не мало полезныхъ элементовъ для международнаго союза.

Но если, съ одной стороны, независимость государствъ есть условіе возникновенія международнаго союза, а политическая свобода внутри каждаго государства составляетъ условіе успѣшнаго сотрудничества въ международныхъ дѣлахъ, то, съ другой сто-

роны, международный союзъ, въ свою очередь, даетъ гарантію самостоятельности государствъ и защиту правъ, принадлежащихъ отдѣльнымъ лицамъ и обществамъ. Во что обратилась бы при современныхъ международныхъ отношеніяхъ дѣятельность этихъ послѣднихъ, если бы за рубежемъ родной страны они не находили защиты своимъ правамъ? Несомнѣнно, что лишь существованіе такой защиты служитъ одной изъ побудительныхъ причинъ развитія ихъ дѣятельности, переходящей за предѣлы отечества.

Третьимъ условіемъ существованія международнаго союза является *признаніе, вопреки историческимъ и культурнымъ различіямъ отдѣльныхъ государствъ, ихъ равноправности въ области взаимныхъ отношеній.* Въ теченіе продолжительнаго времени международный союзъ не могъ образоваться именно вслѣдствіе непризнанія государствами другъ за другомъ одинаковыхъ правъ на существованіе. Въ Древности это право признавалось каждымъ народомъ исключительно для себя самого и цѣлью внѣшней политики являлось уничтоженіе чужихъ государствъ и утвержденіе на ихъ развалинахъ своего собственнаго существованія. Даже философскія ученія древне-греческихъ мыслителей проводятъ мысль о необязательности договоровъ и трактатовъ, заключенныхъ съ народами не греческаго происхожденія. Въ Средніе вѣка христіанскія государства находятся въ постоянной и ожесточенной борьбѣ съ народами, не исповѣдующими христіанской религіи и только Вестфальскій миръ (1648 г.), послѣ котораго католическая религія не является болѣе основнымъ и единственнымъ принципомъ христіанства и международнаго порядка, кладетъ предѣлъ этой ожесточенной ненависти.

Государи, которые продолжаютъ и послѣ Вестфальскаго мира всячески преслѣдовать своихъ подданныхъ еретиковъ, съ этого времени, однако, не высказываютъ болѣе сомнѣній по поводу международной правоспособности государей еретиковъ.

Въ серединѣ XVII ст. мы видимъ рядъ независимыхъ государствъ, различныхъ по вѣроисповѣданію, внутренній строй которыхъ отличается существенно одинъ отъ другого, но которыя, тѣмъ не менѣе, взаимно признаютъ другъ друга субъектами опредѣленныхъ правъ и обязанностей. Съ одной стороны, группа государствъ съ ярко выраженною національностью и съ абсолютною властью ихъ правителей, каковы Франція и Испанія и тяготѣющія къ нимъ Австрія, Пруссія и Данія, съ другой стороны—республики, каковы Венеція, Швейцарія и Нидерланды, послѣднія двѣ въ формѣ федерацій; наконецъ, какъ бы переходную группу между перечисленными видами государствъ составляютъ Англія, Шотландія и Швеція, гдѣ абсолютная власть государей ограничена парламентомъ.

Итакъ, Вестфальскій миръ составляетъ въ развитіи международнаго права эпоху въ томъ отношеніи, что онъ выдвигаетъ основной вопросъ о равенствѣ всѣхъ независимыхъ государствъ и разрѣшаетъ этотъ вопросъ въ положительномъ смыслѣ. Въ эпоху предшествовавшую Вестфальскому миру также складывались и развивались отношенія между государствами, заключались союзы, образовывались федераціи, но между ними и отношеніями государствъ послѣ 1648 г. та существенная разница, что лишь послѣднія предполагаютъ въ своемъ основаніи идею равенства европейскихъ государствъ и одинаковую международную правоспособность всѣхъ государствъ, какъ сосѣднихъ, такъ и отдаленныхъ другъ отъ друга.

Отрицаніе равенства въ международномъ союзѣ независимыхъ суверенныхъ государствъ равносильно отрицанію международнаго права—это положеніе признается почти всѣми авторитетными писателями интернаціоналистами. Различія въ титулѣ, рангѣ, въ почетныхъ правахъ нисколько не умаляетъ значенія этого положенія, такъ какъ они не уничтожаютъ его главнаго слѣдствія, а именно способности и возможности для всѣхъ независимыхъ государствъ, не смотря

на какія бы то ни было фактическія различія, обязываться лишь собственною волею.

Итакъ, идея равноправности народовъ, которые, вслѣдствіе присущей имъ жизненной силы, пользуются, независимо отъ ихъ историческихъ и культурныхъ особенностей, одинаковымъ правомъ на существованіе, даетъ возможность государствамъ сблизиться въ единый международный союзъ.

Четвертымъ условіемъ существованія международнаго союза является *признаніе государствами необходимости постоянныхъ международныхъ сношеній ради осуществленія общихъ культурныхъ задачъ, а также признаніе необходимости юридической организаціи этихъ отношеній.*

По окончаніи дѣла Вѣнскаго конгресса (1815 г.), когда Европа послѣ многочисленныхъ и кровавыхъ войнъ Наполеоновской эпохи достигла, наконецъ, періода продолжительнаго мира, взаимныя сношенія государствъ увеличились въ значительной степени и укрѣпилось убѣжденіе, сложившееся еще раньше, въ прошлыхъ столѣтіяхъ, что лишь путь права долженъ опредѣлять эти сношенія. На Ахенскомъ конгрессѣ (1818 г.) державы торжественно признали необходимость повиненія нормамъ международнаго права. Съ этого времени начинается быстрое развитіе международно-правовыхъ нормъ, такъ какъ на каждомъ изъ своихъ собраній государства опредѣляли новыя правила или формулировали тѣ изъ нихъ, которыя дотолѣ дѣйствовали въ международныхъ обычаяхъ.

На Вѣнскомъ конгрессѣ (1815 г.) опредѣлили рангъ дипломатическихъ агентовъ, установили нормы, касающіяся международнаго судоходства, и провозгласили необходимость прекращенія негроторговли. На Парижскомъ конгрессѣ (1856 г.) распространили постановленія о международномъ судоходствѣ, нѣсколько дополнивъ ихъ, на Дунай и провозгласили постановленія, касающіяся морского судоходства во время войны, имѣющія огромное значеніе для развитія міровой тор-

говли. Женевская конференція (1864 г.) установила международную охрану больныхъ и раненыхъ воиновъ и опредѣлила права санитарнаго персонала на войнѣ. Петербургская декларація (1868 г.) разрѣшила употребленіе разрывныхъ пуль лишь опредѣленнаго вѣса, такъ какъ таковыя при незначительномъ вѣсѣ причиняютъ человѣку лишь излишнія страданія. На Берлинскомъ конгрессѣ (1878 г.) постановлены были новыя нормы, касающіяся международнаго судоходства. На Берлинской конференціи (1885 г.) приняты нормы, регулирующія судоходство по рѣкамъ Конго и Нигеру, уничтожающія негроторговлю въ Центральной Африкѣ и опредѣляющія условія занятія государствами новыхъ земель *).

Международное право защищаетъ общіе интересы государствъ; съ увеличеніемъ и развитіемъ международныхъ отношеній количество нормъ международнаго права становится все многочисленнѣе, но, въ тоже время, этотъ ростъ международнаго права, упорядочивая отношенія между государствами, содѣйствуетъ возникновенію новыхъ интересовъ и новыхъ отношеній и способствуетъ ихъ развитію. Словомъ, существуетъ взаимная зависимость международныхъ отношеній и нормъ права, регулирующихъ эти отношенія.

Каждый общественный союзъ имѣетъ своею цѣлью охрану интересовъ отдѣльныхъ личностей, его составляющихъ, а также интересовъ, общихъ всему союзу; въ международномъ союзѣ, съ одной стороны, осуществляются интересы отдѣльныхъ государствъ, а съ другой—тѣ общіе интересы, которые выражаютъ собою требованія міровой культуры.

Обѣ эти группы интересовъ не всегда совпадаютъ, и исторія международнаго союза свидѣтельствуетъ

---

*) Понятно, что означенное перечисленіе далеко не исчерпываетъ богатаго положительнаго матеріала, который даютъ международные конгрессы, конференціи, договоры и соглашенія, усиленіе каковыхъ, особенно во второй половинѣ текущаго столѣтія, весьма велико.

объ ихъ вѣчномъ антагонизмѣ и борьбѣ. Эгоизмъ отдѣльныхъ государствъ въ Древности исключалъ возможность возникновенія международнаго союза. Въ настоящее время государства, признавая общность своихъ культурныхъ задачъ, соединились въ единомъ общеніи ради ихъ осуществленія, но національный антагонизмъ, эгоистическія стремленія въ политикѣ, торговлѣ и т. д. служатъ причиною того, что нѣкоторыя изъ великихъ державъ преслѣдуютъ исключительно собственные интересы и вредятъ общимъ. Польза, которую онѣ такимъ образомъ получаютъ, преходяща и часто несущественна. Предвѣчный законъ природы, требующій всеобщаго равновѣсія, находитъ свое примѣненіе и въ общественныхъ отношеніяхъ. Международная жизнь государства можетъ правильно развиваться только при условіи равновѣсія интересовъ отдѣльныхъ государствъ и ихъ совокупности. Нарушеніе этого равновѣсія грозитъ ущербомъ или отдѣльному государству или всему союзу. Международный союзъ долженъ преслѣдовать благо обѣихъ сторонъ, требуя, чтобы договоры между государствами не упускали изъ виду частные интересы государствъ и не ослабляли, въ то же время, связь между ихъ совокупностью.

III.

Основныя задачи международнаго общенія: 1. Въ области взаимныхъ отношеній государствъ: a) въ сферѣ законодательства; b) въ сферѣ администраціи; c) въ сферѣ судебной власти. 2. Въ области общественныхъ интересовъ. 3. Въ области отношеній отдѣльныхъ подданныхъ.

Для болѣе точнаго пониманія сущности международнаго союза и его права остановимся на разсмотрѣніи того вліянія, какое оказываетъ международное общеніе на современную жизнь культурныхъ государствъ.

Международное общеніе служитъ удовлетворенію разумныхъ жизненныхъ потребностей своихъ членовъ.

Различные интересы, удовлетвореніе которыхъ предполагаетъ взаимную помощь и содѣйствіе государствъ, могутъ быть сведены къ тремъ главнымъ группамъ, соотвѣтствующимъ троякаго рода субъектамъ, которые являются дѣятелями въ области международныхъ отношеній. Предметомъ международной дѣятельности государствъ, какъ членовъ международнаго союза, могутъ быть, во 1-хъ, задачи, относящіяся къ вѣдомству государственной власти каждаго народа; во 2-хъ, тѣ цѣли, которыя преслѣдуютъ въ международной области различныя общественныя группы, существующія въ государствахъ; наконецъ, въ 3-хъ, интересы экономическіе и духовные отдѣльныхъ лицъ, подданныхъ государствъ.

Разсмотримъ отдѣльно каждый изъ этихъ трехъ разрядовъ задачъ, лежащихъ на государствахъ, какъ членахъ международнаго общенія.

1.

а) Международное общеніе проявляетъ свое дѣйствіе *во всѣхъ функціяхъ верховной власти, осуществляемыхъ въ предѣлахъ отдѣльныхъ государствъ.*

Вліяніе международнаго общенія на *внутреннее законодательство* государствъ огромно, хотя не всегда признается. Внутреннее право каждаго государства, законодательство и обычай, обыкновенно разсматривается, какъ лучшее свидѣтельство національной индивидуальности даннаго народа, какъ выраженіе самобытной народной жизни. Не есть ли положительное право каждаго народа результатъ исключительно его правосознанія? Какимъ же образомъ можно говорить о взаимномъ воздѣйствіи чуждыхъ другъ другу народовъ въ такой по преимуществу личной и самостоятельной дѣятельности каждаго государетва, какъ законодательная?

Между тѣмъ положительные факты доказываютъ, что современныя государства могутъ удовлетворитель-

но разрѣшить задачи внутренняго законодательства не иначе, какъ сознавая себя членами международнаго союза. Они необходимо должны принимать во вниманіе разнообразные международные обороты, въ которыхъ участвуютъ и они сами, и ихъ подданные; они должны регулировать законодательнымъ образомъ тѣ интересы, которые преслѣдуются во взаимныхъ сношеніяхъ народовъ. Вотъ почему вліяніе международнаго общенія особенно рельефно обнаруживается на законодательствѣ тѣхъ государствъ, которыя наиболѣе чутко относятся къ законнымъ потребностямъ своихъ подданныхъ, которыя понимаютъ международныя сношенія, какъ орудіе культурнаго развитія народа.

Замѣчательный примѣръ этого вліянія представляетъ новѣйшее законодательство Итальянскаго королевства. Гражданское уложеніе, изданное въ Италіи въ 1865 г., является замѣчательной попыткой изложить въ отдѣльныхъ постановленіяхъ закона тѣ начала международнаго частнаго права, которыя вытекаютъ изъ принципа международнаго общенія и основывались прежде на теоріи юристовъ и судебной практикѣ. Эти начала были приняты законодателями Италіи ради обезпеченія развивающихся международныхъ ея сношеній, какъ начала, совершенно согласныя съ интересами и воззрѣніями итальянскаго народа.

Насколько международныя отношенія могутъ измѣнять исторически и самобытно сложившіяся правовыя нормы, показываетъ современное *англійское* законодательство. Въ теченіе многихъ столѣтій въ Англіи господствовалъ взглядъ, что англійскій подданный никогда не можетъ выйти изъ ея подданства; что „разъ подданный—всегда подданный“ (once a subject, always a subject). Такимъ образомъ, многія тысячи Англичанъ, эмигрировавшихъ заграницу и тамъ натурализованныхъ, продолжаясь считаться въ Англіи ея законными подданными, въ случаѣ международной войны подвергались опасности быть судимыми, какъ измѣнники. Съ другой стороны, иностранцы, какъ бы

долго они ни находились въ Англіи, всегда оставались, въ глазахъ англійскаго законодателя и суда, иностранными подданными. Этотъ противорѣчащій международному общенію взглядъ кореннымъ образомъ измѣнился въ 1870 г., съ изданіемъ парламентскаго акта о натурализаціи, согласно которому всякій Англичанинъ можетъ отказаться отъ подданства Англіи, и иностранцы, послѣ пятилѣтняго пребыванія въ предѣлахъ англійской территоріи, могутъ пріобрѣсти всѣ гражданскія и политическія права Англичанъ.

Развитіе всего *швейцарскаго* законодательства съ 1848 г. до настоящаго времени нельзя понять, разсматривая его исключительно съ точки зрѣнія условій внутренней жизни въ Швейцаріи. Такъ, пересмотръ швейцарской конституціи въ 1876 г., повед-шій къ усиленію союзной власти надъ автономіей кантоновъ, значительно обязанъ своимъ успѣхомъ международнымъ отношеніямъ. Они требовали, чтобы Швейцарія, какъ полноправный членъ международнаго общенія, дѣйствительно имѣла возможность исполнять свои обязанности въ отношеніи другихъ государствъ, а для этого было необходимо, чтобы Союзный Совѣтъ сосредоточилъ въ своихъ рукахъ международныя сношенія Союза съ ограниченіемъ въ этомъ отношеніи правъ отдѣльныхъ кантоновъ.

Вообще новѣйшіе кодексы вырабатываются въ современныхъ государствахъ на основаніи сравнительнаго изученія законодательствъ различныхъ цивилизованныхъ народовъ, потому что послѣдніе проникнуты болѣе или менѣе одинаковыми правовыми воззрѣніями, выясненіе которыхъ составляетъ главную задачу законодательной дѣятельности.

Но вліяніе международнаго общенія на законодательство государствъ не исчерпывается приведенными случаями. Общіе международные интересы, въ особенности торговые, составляющіе предметъ постоянныхъ сношеній и сдѣлокъ между подданными различныхъ государствъ, вызвали попытки ввести общее между-

народное законодательство по тѣмъ вопросамъ, которые наиболѣе часто возникаютъ въ сферѣ международныхъ, въ особенности коммерческихъ, оборотовъ. Настоятельность въ подобномъ законодательствѣ особенно сильно чувствовалась въ прежнемъ Германскомъ Союзѣ, состоявшемъ изъ множества независимыхъ государствъ, изъ которыхъ каждое имѣло свои особые законы. Съ цѣлью облегчить сношенія между взаимными ихъ подданными были изданы въ 1848 г. Общегерманскій вексельный уставъ, а затѣмъ Общегерманское торговое уложеніе (1861 г.) Въ послѣднее время былъ возбуждаемъ вопросъ объ изданіи общеевропейскихъ законовъ, касающихся финансовыхъ и торговыхъ сдѣлокъ, заключаемыхъ подданными разныхъ государствъ. Сюда относится предложеніе германскаго правительства 1878 г., обращенное ко всѣмъ европейскимъ государствамъ, объ изданіи общаго вексельнаго устава. Голландское правительство еще въ 1874 году предложило издать общій законъ относительно исполненія рѣшеній иностранныхъ гражданскихъ и коммерческихъ судовъ. Въ 1893 году Голландское правительство вновь обратилось къ европейскимъ державамъ съ предложеніемъ выработать основныя начала международнаго частнаго права. Это предложеніе было сочувственнымъ образомъ принято 13-ю европейскими державами, и въ 1893 году состоялась первая конференція въ Гагѣ, а въ 1894 году вторая. На этихъ двухъ конференціяхъ былъ подписанъ актъ, названный Protocole final, въ которомъ содержатся основные принципы относительно дѣйствія законовъ о бракѣ, разводѣ, правѣ наслѣдованія, опекѣ и попечительствѣ, относительно предварительнаго обезпеченія иска и т. д. Хотя Гагскій актъ еще не получилъ обязательной силы международнаго трактата, все-таки его огромное практическое и научное значеніе обнаружится, безъ сомнѣнія, въ ближайшемъ будущемъ и укрѣпится съ каждымъ годомъ, даже помимо санкціонированія его формальнымъ международнымъ соглашеніемъ.

в) Внутреннее управленіе есть безспорно та область дѣятельности верховной власти каждаго государства, которая должна быть совершенно свободна отъ вмѣшательства со стороны другихъ государствъ. Но обязанное руководствоваться въ разрѣшеніи задачъ управленія исключительно пользою своихъ подданныхъ, ни одно правительство не обладаетъ достаточными средствами для полнаго удовлетворенія ихъ законныхъ потребностей. Недостающія ему силы оно восполняетъ помощью другихъ государствъ, членовъ международнаго общенія. Союзъ государствъ имѣетъ своей задачей содѣйствовать своимъ членамъ въ удовлетвореніи какъ общихъ имъ всѣмъ административныхъ интересовъ, такъ и конкретныхъ нуждъ управленія данной страны.

Каждое государство должно имѣть тѣ правительственныя учрежденія и органы, въ которыхъ оно нуждается для цѣлей своего управленія. Но, по взаимному соглашенію государствъ, существуютъ, кромѣ того, *международныя административныя учрежденія*, съ компетенціей и средствами дѣйствія, отдѣльными отъ мѣстной территоріальной власти. Эти совершенно самостоятельныя учрежденія вызваны убѣжденіемъ заинтересованныхъ государствъ, что своими правительственными органами и властью они не въ состояніи разрѣшить различныя задачи, которыя имѣютъ международное значеніе и вмѣстѣ съ тѣмъ ставятся разумными интересами собственныхъ ихъ подданныхъ. Въ виду этого они отказываются отъ осуществленія административныхъ своихъ правъ, которыя прежде разсматривались, какъ неотъемлемая регалія каждаго независимаго государства, или же они бываютъ вынуждены, подъ давленіемъ другихъ правительствъ, признать существованіе какого-нибудь устроеннаго международнаго учрежденія.

Въ особенности же необходима международная помощь государствамъ въ исполненіи различныхъ положительныхъ задачъ администраціи, находящихся въ

вѣдѣніи собственныхъ ихъ органовъ. Перечислить эти задачи нѣтъ никакой возможности. Въ каждой отрасли управленія—въ сферѣ духовной, физической, экономической жизни народовъ — возникаютъ вопросы, которые требуютъ для своего разрѣшенія участія членовъ международной ассоціаціи, ихъ помощи и содѣйствія.

Государство не исполнило бы своего назначенія относительно духовнаго развитія своихъ подданныхъ, еслибъ замкнуло свою территорію для доступа образовательныхъ средствъ, научныхъ идей, произведеній художественной дѣятельности иностранныхъ народовъ, еслибъ оно запретило посѣщать учебныя заведенія другихъ государствъ или участвовать въ научныхъ международныхъ конгрессахъ. Регулированіе переселеній, борьба съ эпидеміями и падежами, мѣры противъ голода и другихъ физическихъ бѣдствій получаютъ силою вещей международный характеръ. Чѣмъ сильнѣе развивается промышленная жизнь народа, тѣмъ настоятельнѣе ея обезпеченіе международными трактатами и учрежденіями.

Наконецъ, цивилизованные народы нуждаются въ международныхъ сношеніяхъ даже для возможности сохранить свое самостоятельное политическое бытіе. То правительство, которое не слѣдило бы за изобрѣтеніями и усовершенствованіями въ области военной техники и искусства, вводимыми въ другихъ государствахъ, и не пользовалось бы ими, лишило бы свою страну необходимыхъ средствъ обороны. Китаизмъ приводитъ не только къ пагубному застою во всѣхъ сферахъ жизни, но и къ опасности потерять національную независимость.

c) *Взаимная помощь государствъ въ сферѣ гражданскаго и уголовнаго суда* съ каждымъ днемъ становится необходимѣе.

Если установленіе и отправленіе правосудія составляютъ ближайшую задачу самодержавія государства, то, съ другой стороны, усиливающіяся между-

народные сношенія и обороты все болѣе требуютъ отъ него уступокъ и услугъ въ судебныхъ дѣлахъ на пользу другихъ государствъ. Ни одно современное государство не въ состояніи собственными силами охранить уваженіе къ праву и порядку внутри страны; это—задача международнаго общенія. Никакой мѣстный судъ не можетъ руководствоваться только территоріальными законами и ограничиваться разрѣшеніемъ только тѣхъ тяжбъ, которыя возникаютъ между туземными подданными. Столкновеніе національныхъ законодательствъ по уголовнымъ и гражданскимъ дѣламъ, весьма нерѣдкое въ современной судебной практикѣ, не разрѣшимо иначе, какъ на основаніи началъ международнаго права.

Въ области гражданскаго правосудія современныя государства считаютъ себя обязанными признавать законно существующими тѣ юридическія отношенія, которыя установились на основаніи и въ предѣлахъ дѣйствія иностраннаго законодательства. Въ случаѣ споровъ, касающихся этихъ отношеній, территоріальная судебная власть руководствуется началами не только отечественнаго, но и иностраннаго права. Начало взаимнаго признанія и общенія особенно обнаруживается въ соглашеніяхъ между государствами относительно исполненія рѣшеній иностранныхъ судовъ.

Охраненіе юридическаго порядка посредствомъ карательной власти во многихъ случаяхъ требуетъ совмѣстнаго дѣйствія государствъ. Для открытія преступника или для доказательства его вины часто бываетъ необходимо просить иностранные суды объ отобраніи ими свидѣтельскихъ показаній или констатированіи извѣстныхъ фактовъ. Затѣмъ, виновное лицо, совершившее преступленіе въ одномъ государствѣ, можетъ укрыться въ территоріи другого; тогда возбуждаются переговоры о его выдачѣ, условія которой составляютъ предметъ картельныхъ конвенцій, заключаемыхъ государствами.

2.

Понятно само собой, что въ качествѣ могущественныхъ факторовъ международнаго общенія, общественныя группы должны находить содѣйствіе и уваженіе къ своимъ интересамъ со стороны всѣхъ образованныхъ государствъ. Право международнаго общенія опредѣляетъ, какія общественныя группы могутъ участвовать въ международныхъ сношеніяхъ, какъ юридическія лица, и въ чемъ заключается та помощь, на которую онѣ въ правѣ разсчитывать со стороны иностранной государственной власти.

Цивилизованныя государства, какъ члены международнаго общенія, въ принципѣ, должны признавать законно существующими всѣ тѣ общества, которыя признаются таковыми въ своемъ государствѣ.

На этомъ основаніи никакія общества, товарищества, компаніи, образовавшіяся противъ воли своего правительства, не разрѣшенныя закономъ, вообще не пользующіяся правами юридическихъ личностей въ собственной странѣ, не должны считаться законными союзами и на чужеземной территоріи. Члены подобныхъ обществъ всегда должны оставаться, въ глазахъ иностраннаго правительства, отдѣльными частными лицами; въ противномъ случаѣ, оно явно нарушитъ суверенныя права чужого государства.

Законно существующіе въ государствѣ соціальные группы и классы имѣютъ право на содѣйствіе своимъ интересамъ въ другихъ государствахъ.

Нельзя перечислить тѣ общества, которыя пользуются въ этомъ смыслѣ международнымъ покровительствомъ. Наиболѣе значительными изъ подобныхъ союзовъ являются, безъ сомнѣнія, *церкви*, существующія во всѣхъ государствахъ. Содѣйствіе, оказываемое ихъ цѣлямъ иноземной властью, часто принимало огромные размѣры, какъ показываетъ, напримѣръ, экспедиція французскихъ войскъ (1848 г.) въ пользу папы. *Общества научно-литературныя* фактически,

или на основаніи міждународныхъ соглашеній, имѣютъ право принимать мѣры для защиты заграницей интересовъ своихъ членовъ. Другія общества, различныя *торговыя компаніи, сословія, цехи, общины* также могутъ пользоваться покровительствомъ въ иностранныхъ государствахъ и, какъ признанныя юридическія лица, могутъ владѣть здѣсь имуществомъ, защищать свои права въ судебномъ порядкѣ и проч...

3.

Международное общеніе предоставляетъ каждому человѣку право искать удовлетворенія своихъ жизненныхъ и законныхъ потребностей *повсюду* въ области международныхъ оборотовъ. На этомъ основаніи государства, какъ члены международной ассоціаціи, обязаны не отказывать въ покровительствѣ закона и мѣстныхъ властей ни одному лицу въ предѣлахъ своей территоріи, какого бы государства оно ни было подданнымъ.

Въ настоящее время образованныя государства обезпечиваютъ въ своихъ предѣлахъ защиту закона и суда для всѣхъ иностранцевъ. Для лучшаго охраненія свободы сношеній и правъ своихъ подданныхъ они заключаютъ другъ съ другомъ трактаты: коммерческіе, консульскіе, о поселеніи и судоходствѣ и т. д. Государства нецивилизованныя, какъ Китай, Японія, Сіамъ и Марокко даже силою оружія принуждаются уважать законные интересы отдѣльныхъ лицъ. Въ случаѣ непризнанія правъ человѣка образованныя правительства предпринимаютъ общія международныя мѣры. О поголовномъ изгнаніи иностранцевъ изъ предѣловъ государства не можетъ быть и рѣчи.

Мало того, современныя государства оказываютъ, на основаніи договоровъ или фактически, матеріальную помощь тѣмъ иностранцамъ, которые, по разнымъ неблагопріятнымъ обстоятельствамъ, нуждаются въ ней. Между Россіей и Англіей заключенъ трактатъ (9-го

августа 1880 г.) объ охраненіи и выдачѣ наслѣдствъ, оставшихся послѣ мореходцевъ, потерпѣвшихъ кораблекрушеніе. На основаніи соглашеній между Австріей и Швейцаріей, Швейцаріей и Франціей и другими державами, взаимные подданные договаривающихся сторонъ, впавшіе въ бѣдность, получаютъ помощь отъ мѣстной государственной казны. Но и помимо договоровъ современные народы считаютъ себя связанными обязанностью взаимной матеріальной помощи, и въ случаѣ войны, наводненія, пожара, голода и другихъ бѣдствій спѣшатъ облегчить нужду пострадавшихъ, жертвуя свой трудъ и свои средства на общечеловѣческое дѣло.

IV.

Поддержаніе существованія международнаго союза, какъ его ближайшая, непосредственная цѣль. — Начало справедливости и потребности дѣйствительной жизни, руководящія основанія международнаго права.—Осуществленіе задачъ международнаго союза, какъ его дальнѣйшая, посредственная цѣль.

Ближайшею непосредственною цѣлью права является поддержаніе того союза (напримѣръ, семьи, общины, государства, церкви), въ которомъ оно регулируетъ взаимныя отношенія членовъ, тогда какъ его дальнѣйшая посредственная цѣль заключается въ содѣйствіи достиженію культурныхъ задачъ, ради которыхъ образовалась данная общественная форма.

Международное право имѣетъ своею ближайшею цѣлью поддержаніе существованія международнаго союза. Мы уже говорили, что союзъ этотъ образуютъ суверенныя государства и что онъ не только не уничтожаетъ ихъ независимости, а, напротивъ, разсматриваетъ ее, какъ условіе своего существованія и какъ обезпеченіе послѣдняго ради достиженія опредѣленныхъ цѣлей *). Подобно тому какъ само государство не

*) Система политическаго равновѣсія въ своемъ основаніи служила именно этой защитѣ политическаго существованія государства.

уничтожаетъ свободы отдѣльныхъ лицъ и ставитъ границы ихъ дѣятельности лишь въ видахъ общей пользы, международный союзъ, направляя развитіе права, ограничиваетъ дѣятельность государствъ, насколько это необходимо для его собственнаго сохраненія и развитія, признавая въ то же время ихъ самостоятельность и не вмѣшиваясь въ ихъ внутреннія дѣла. На этомъ основаніи создались, напримѣръ, стремленія международнаго союза уничтожить негроторговлю, невольничество, морской разбой, дать охрану общеполезнымъ учрежденіямъ и т. п. *)

Итакъ, одной изъ главныхъ задачъ, непосредственно вытекающихъ изъ цѣли, преслѣдуемой международнымъ союзомъ, является, какъ мы указали выше, защита существованія отдѣльныхъ государствъ. Но отсюда уже вытекаетъ необходимость обезпечить нормальный порядокъ ихъ сосуществованія посредствомъ такой организаціи взаимныхъ отношеній, при которой дѣятельность каждаго изъ нихъ не вторгалась бы въ сферу дѣятельности другого и не ограничивала бы ее. Затѣмъ, конечно, осуществленіе цѣли международнаго союза возможно лишь при условіи обезпеченія отдѣльнымъ государствамъ, въ ихъ культурной работѣ, содѣйствія остальныхъ членовъ этого союза; и дѣйствительно, мы видимъ, что какъ обычное, такъ равно и договорное международное право, устанавливаютъ въ области промышленности, торговли, санитарныхъ потребностей, отправленія правосудія, обмѣна и распространенія произведеній науки и искусства, изобрѣтеній и т. п. взаимопомощь государствъ.

Опредѣленіе границъ дѣятельности отдѣльныхъ государствъ совершается международнымъ правомъ въ предѣлахъ очерченныхъ нами задачъ международнаго союза, т. е. въ предѣлахъ охраненія суверенной не-

*) Вліяніе международнаго общенія на измѣненіе законодательства отдѣльныхъ государствъ, находящагося въ противорѣчіи съ общими принципами международнаго права, было уже отмѣчено нами въ предшествовавшей главѣ.

зависимости, сосуществованія и взаимопомощи государствъ, членовъ международнаго союза. Это разграниченіе сферъ дѣятельности совершается посредствомъ опредѣленія правъ и обязанностей государствъ.

Какъ и всякое другое право, международное опредѣляетъ права и обязанности государствъ на основаніи начала справедливости (Gerechtigkeit), такъ какъ, въ сущности, его задачею является *осуществленіе идеи справедливости во взаимныхъ отношеніяхъ между государствами*. Идея справедливости, являясь руководящею нитью права, имѣетъ для него то же значеніе, какое для религіи имѣетъ идея Бога, а для нравственности—идея добра. Право должно допускать или запрещать лишь то, что требуетъ или запрещаетъ справедливость. Но такъ какъ всякое право предназначено для руководства въ обыденной жизни, то и международное право не можетъ руководствоваться исключительно принципами справедливости, а должно принимать въ соображеніе, разсматривая ихъ въ духѣ той же справедливости, и потребности практической жизни народовъ, коренящіяся въ ихъ историческомъ прошломъ и въ современномъ состояніи ихъ культуры.

Невниманіе вообще къ жизненнымъ потребностямъ отдѣльныхъ государствъ или исключительное вниманіе къ интересамъ только нѣкоторыхъ государствъ, а именно великихъ державъ,—причина того, что многія изъ предписаній международнаго права не уважаются и не исполняются совершенно, а иногда примѣняются лишь отчасти. Право, не замѣчающее требованій жизни, руководится правиломъ: fiat justitia, pereat mundus, а это правило не только вредно, но даже и неисполнимо въ международныхъ отношеніяхъ, гдѣ ни одинъ народъ ради отвлеченной идеи не откажется отъ принадлежащаго ему права. Навязываніе великими державами государствамъ болѣе слабымъ опредѣленныхъ обязанностей ведетъ къ безпрестанному стремленію послѣднихъ сбросить съ себя стѣснительное иго,—и это стремленіе не исчезаетъ,

пока не ослабнетъ давленіе, препятствующее ихъ самостоятельному развитію. А право, которое, вопреки справедливости, распредѣляетъ права и обязанности лишь къ выгодѣ великихъ державъ, является исключительно выраженіемъ произвола и перевѣса матеріальной силы. Требованія справедливости должны сообразоваться съ потребностями дѣйствительной жизни и только при равновѣсіи тѣхъ и другихъ право получаетъ надлежащее направленіе.

Организація международныхъ отношеній, разграниченіе сферъ дѣятельности отдѣльныхъ государствъ и ея опредѣленіе посредствомъ нормъ права—все это не самодовлѣющая цѣль, а лишь средство къ ея достиженію. Существованіе международнаго союза даетъ возможность осуществлять его задачи, т.-е. принимать соотвѣтствующія мѣры для достиженія высшихъ культурныхъ цѣлей союза и входящихъ въ него государствъ.

Итакъ, конечная цѣль международнаго права заключается въ защитѣ общихъ культурныхъ интересовъ государствъ, соединившихся въ международный союзъ ради ихъ осуществленія. Отсюда понятно, что международное право—вѣрнѣйшее выраженіе означенной цѣли и что, если оно окажется въ противорѣчіи съ духомъ времени и съ потребностями международнаго союза, то дальнѣйшее его развитіе должно пріостановиться. Но международное право необходимо должно сообразоваться съ опредѣленнымъ направленіемъ цивилизаціи и удовлетворять не только современнымъ потребностямъ жизни, но и содѣйствовать дальнѣйшему прогрессу человѣческой цивилизаціи, хотя въ то же время оно и само подчиняется вліянію этого прогресса, отражая на себѣ опредѣленный уровень культуры, въ зависимости отъ котораго оно измѣняется и пересоздается.

Вслѣдствіе такой тѣсной связи международнаго права съ міровой культурой исторія его органически слита съ исторіей цивилизаціи.

Такъ какъ въ цивилизованныхъ массахъ прочно

укоренилось религіозное чувство, приверженность къ церкви и вѣрѣ, то международное право ограждаетъ свободу вѣрованій, независимость различныхъ церквей, поскольку послѣдняя совмѣстима съ государственнымъ и правовымъ порядкомъ, а также защищаетъ исключительное положеніе въ международномъ союзѣ папы, подобающее ему, какъ главѣ церкви, наиболѣе распространенной и стремящейся охватить весь міръ. Гигантскій ростъ наукъ, изящныхъ искусствъ и промышленныхъ изобрѣтеній вызвалъ множество международныхъ договоровъ, ограждающихъ въ области международнаго общенія права авторовъ, художниковъ и изобрѣтателей. Экономическія, сельскохозяйственныя и торговыя сношенія цивилизованныхъ странъ, получившія широкое развитіе, упорядочены торговыми договорами, на толковое составленіе которыхъ теперь обращено особое вниманіе государствъ. Соглашенія послѣднихъ въ области желѣзнодорожныхъ, морскихъ, почтовыхъ и телеграфныхъ отношеній упрощаютъ какъ передвиженіе лицъ, такъ и обмѣнъ произведеніями ручного и умственнаго труда. Договоры о правахъ иностранцевъ, о натурализаціи и эмиграціи сближаютъ народы другъ съ другомъ и въ сильной степени уменьшаютъ значеніе государственныхъ границъ. Даже болѣе того,—всѣ международные договоры, обезпечивающіе равенство гражданскихъ правъ туземцевъ и иностранцевъ, исполненіе приговоровъ иностранныхъ гражданскихъ судовъ и защиту юридическихъ отношеній, возникшихъ за границею, равнымъ образомъ договоры о выдачѣ преступниковъ, объ оказаніи взаимной судебной помощи—всѣ они въ интересахъ отправленія правосудія совершенно стираютъ территоріальныя границы, обезпечивая покровительство закона и за предѣлами отечества, а также содѣйствуя силами отдѣльныхъ государствъ поддержанію правового порядка въ предѣлахъ международнаго союза. Наконецъ, многочисленные международные договоры охраняютъ взаимныя отношенія государствъ

по вопросамъ санитарной безопасности, охраняя, главнымъ образомъ, отъ занесенія заразительныхъ болѣзней какъ человѣка, такъ равно животныхъ и растеній.

Приведенные примѣры наглядно показываютъ, что международное право, съ одной стороны,—выраженіе міровой цивилизаціи, а съ другой — могущественный факторъ ея роста и развитія.

V.

Характеристика современныхъ международныхъ отношеній: I.—желаніе мира; II.—конгрессы и конференціи; III.—вниманіе къ требованіямъ права и справедливости; IV.—расширеніе сферы международныхъ интересовъ; V.—вліяніе общественнаго мнѣнія; VI.—гуманность; VII.—нѣкоторые виды трактатовъ; VIII.—облагороженіе права войны.

Если мы бросимъ общій взглядъ на современныя международныя отношенія, то несомнѣнно должны отмѣтить здѣсь слѣдующія характерныя черты:

1. Былое преклоненіе предъ войною исчезаетъ, тогда какъ расположеніе къ миру постоянно укрѣпляется. Ни правительства, ни народы не стремятся въ настоящее время въ войнамъ. Исполинскія арміи, находящіяся подъ ружьемъ не только въ большихъ, но и въ менѣе обширныхъ государствахъ, ихъ дорогое вооруженіе, а также снабженіе военными припасами и продовольствіемъ, изготовленіе убійственныхъ орудій, превращающихъ прежнюю рыцарскую борьбу почти въ простую бойню,—все это приводитъ къ тому, что правительства не довѣряютъ вполнѣ силѣ своихъ армій, опасаются противника и не рѣшаются начать войны.

Между тѣмъ общественное мнѣніе рѣшительно становится на сторону мира. Благодаря всеобщей воинской повинности, каждое предположеніе о возможности войны возбуждаетъ опасенія во всей странѣ, такъ какъ почти нѣтъ ни одной семьи, которая въ военное время не должна бы опасаться искалѣченія или

смерти своихъ самыхъ дорогихъ членовъ. Затѣмъ, поддержаніе мира необходимо въ интересахъ успѣха современной культурной работы народовъ, такъ какъ становится все очевиднѣе, что благополучіе человѣчества поддерживается лишь благами мира, что войны приносятъ болѣе вреда, чѣмъ пользы, и часто одна единственная война уничтожаетъ памятники всего прошлаго и продукты дѣятельности цѣлыхъ поколѣній.

Рука объ руку съ расположеніемъ къ миру развивается стремленіе улаживать международныя несогласія не насильственнымъ путемъ. Какъ монархи, такъ и президенты республикъ не только поддерживаютъ эти стремленія, но охотно берутъ на себя обязанности посредниковъ и третейскихъ судей. Добрыя услуги и посредничество, послѣ постановленій Парижскаго конгресса (1856) и Берлинской конференціи (1885), находятъ себѣ частое примѣненіе, а третейскіе суды для разрѣшенія международныхъ споровъ стали чуть не ежедневнымъ явленіемъ. По почину Италіи многія государства вносятъ въ заключаемые ими трактаты статью, на основаніи которой рѣшеніе несогласій, могущихъ возникнуть относительно даннаго трактата, предоставляется третейскому суду. Писатели въ своихъ многочисленныхъ ученыхъ трудахъ даютъ должную оцѣнку этой формѣ договорныхъ отношеній, такъ какъ она не только устраняетъ войну, но утверждаетъ также въ международныхъ сношеніяхъ уваженіе къ праву, на которомъ основываются приговоры третейскихъ судовъ.

II. Характерною чертой современныхъ международныхъ отношеній является огромное значеніе, придаваемое конгрессамъ и конференціямъ, которые созываются въ настоящее время чаще, чѣмъ прежде, и образуются изъ значительно большаго, чѣмъ прежде, числа государствъ.

Если конгрессы и созывались въ прежніе вѣка почти исключительно по окончаніи войны, то предметъ совѣщаній новѣйшихъ международныхъ собраній соста-

вляютъ различныя задачи современной цивилизаціи и культуры. Кодифицированіе опредѣленныхъ областей международнаго права, упорядоченіе путей сообщенія, почты, телеграфа, установленіе покровительства авторскихъ и изобрѣтательскихъ правъ, упорядоченіе торговли, таможенныхъ пошлинъ и т. п. — все это является предметомъ совѣщаній современныхъ конгрессовъ и конференцій, установливающихъ въ настоящее время *правовыя нормы*. Такимъ образомъ, мы видимъ, что конгрессы и конференціи, не имѣя значенія международнаго правительства, являются, тѣмъ не менѣе, органомъ, призваннымъ разрѣшать при участіи всѣхъ заинтересованныхъ сторонъ вопросы, получающіе общій интересъ для всего международнаго союза.

III. Все очевиднѣе становится стремленіе внести въ международныя отношенія господство права и справедливости. Правда, окончательное разрѣшеніе этой задачи возможно лишь въ будущемъ, однако успѣхи въ этомъ направленіи, особенно сравнительно съ прошлымъ, значительны. Въ настоящее время уже ясно сказывается сознаніе того обстоятельства, что договоръ, наносящій какому-нибудь государству ущербъ, не представляетъ гарантій продолжительности мира, а, напротивъ, заключаетъ въ себѣ зародышъ новыхъ международныхъ осложненій. Непрочность договоровъ прежняго времени находитъ себѣ объясненіе, главнымъ образомъ, въ томъ фактѣ, что они заключались часто исключительно къ выгодѣ сильнѣйшей стороны, нарушая, такимъ образомъ, право слабѣйшаго государства. Очевидно, что такой договоръ соблюдался лишь до тѣхъ поръ, пока слабѣйшая сторона не собиралась съ силами и, воспользовавшись первымъ удобнымъ случаемъ, не свергала угнетающее ее иго, чтобы избавиться отъ навязанныхъ ей обязанностей. Только когда международныя сношенія будутъ основаны на требованіяхъ права, а не на политическихъ соображеніяхъ, установятся между ними истинное равновѣсіе и постоянство.

IV. Международный союзъ постоянно распространяется въ территоріальномъ отношеніи, такъ какъ его границы раздвигаются все шире. Сначала онъ охватывалъ лишь Европу и колоніи европейскихъ государствъ, но съ теченіемъ времени въ его составъ вошли вновь возникшія государства или такія изъ существовавшихъ еще раньше, развитіе культурнаго уровня которыхъ вызвало необходимость ихъ присоединенія къ международному союзу. Одни изъ нихъ провозгласили въ опредѣленномъ законодательномъ актѣ признаніе международнаго права, какъ напримѣръ, С.-Штаты Сѣверной Америки при объявленіи своей независимости, другія, какъ напримѣръ, Турція при заключеніи Парижскаго трактата (1856), были допущены въ „концертъ европейскихъ державъ“. Нынѣ къ международному союзу принадлежатъ европейскія, американскія и нѣкоторыя изъ африканскихъ государствъ (Конго, Либерія, Марокко и Занзибаръ). Нѣкоторыя изъ азіатскихъ странъ, Персія, Китай, Японія, Корея и Сіамъ, связаны съ международнымъ союзомъ договорами, которые согласуютъ экономическія условія Востока и Запада, а также постепенно пролагаютъ азіатскимъ державамъ путь къ участію въ международномъ союзѣ. Чѣмъ шире распространится европейская цивилизація, тѣмъ большее число государствъ примкнетъ къ международному союзу.

Въ другомъ отношеніи ростъ международнаго союза сказывается въ томъ, что международное право, регулируя взаимныя отношенія государствъ, расширяетъ, какъ это уже было указано, кругъ международныхъ интересовъ. Первоначальною цѣлью международнаго союза было обезпеченіе лишь политическихъ интересовъ государствъ, въ настоящее время онъ охватываетъ уже всѣ отрасли управленія и значительную часть т. н. соціальныхъ интересовъ. Современный международный союзъ не только охраняетъ независимость государствъ, но обезпечиваетъ имъ

также взаимное достиженіе ихъ жизненныхъ цѣлей въ области земледѣлія, торговли, промышленности, санитарныхъ мѣръ, путей сообщенія, охраны произведеній науки и искусства, открытій и изобрѣтеній, обезпечиваетъ, наконецъ, взаимопомощь при отправленіи гражданскаго и уголовнаго правосудія. По мѣрѣ успѣховъ цивилизаціи взаимная зависимость между государствами усилится въ еще большей степени и сфера интересовъ международнаго союза будетъ все болѣе расширяться.

Постоянное увеличеніе числа международныхъ договоровъ и постоянное присоединеніе къ этимъ договорамъ новыхъ участниковъ, признающихъ содержаніе договора въ томъ видѣ, въ какомъ оно было установлено при его подписаніи первоначальными участниками, какъ бы является выраженіемъ современнаго направленія международной жизни, ея стремленія выяснить и опредѣлить общіе интересы международнаго союза. Такимъ образомъ, потребности государствъ становятся одинаковыми и международный союзъ все болѣе сознаетъ необходимость общей правовой охраны общихъ интересовъ.

V. Между тѣмъ какъ въ минувшіе вѣка дѣятельность дипломатіи была окружена глубокою тайной, въ настоящее время она, по большей части, происходитъ открыто. Не только политическія газеты посвящаютъ цѣлые столбцы внѣшней политикѣ, не только международные вопросы обсуждаются въ законодательныхъ собраніяхъ, находясь, такимъ образомъ, до извѣстной степени, подъ контролемъ парламентовъ, но въ настоящее время и самые дипломатическіе документы публикуются во всеобщее свѣдѣніе, если, впрочемъ, интересы государства не требуютъ сохранить ихъ въ теченіе нѣкотораго времени втайнѣ. Послѣднее обстоятельство, однако, какъ показываетъ практика современной жизни, — не особенно частое явленіе.

Такимъ образомъ, внѣшняя политика является нынѣ предметомъ общественнаго мнѣнія и даже великія

державы признаютъ необходимость направлять его въ свою пользу. Когда общественное мнѣніе высказывается противъ притязаній того или иного государства, они стараются расположить его въ свою пользу, обращаясь къ услугамъ дипломатіи, оффиціозной прессы или, наконецъ, посредствомъ спеціальныхъ агентовъ, посылаемыхъ ко дворамъ иностранныхъ державъ. Въ 1870 г. французское правительство обвинило прусскую армію въ нарушеніи военныхъ законовъ и князь Бисмаркъ разослалъ тогда къ иностраннымъ дворамъ рядъ нотъ для снятія съ Пруссіи этого упрека. То же сдѣлало и русское правительство во время послѣдней восточной войны 1877 г.

VI. Современныя международныя отношенія отмѣчены, далѣе, стремленіемъ внести начало гуманности во взаимныя сношенія государствъ и воспрепятствовать повторенію прежнихъ жестокостей, особенно въ военное время. Укажемъ, напримѣръ, на петербургскую декларацію 1868 г., въ которой правительства признали пользованіе опредѣленными средствами на войнѣ и недопустимымъ, и незаконнымъ; упомянемъ также о стараніяхъ парижскаго „Общества для улучшенія положенія военноплѣнныхъ“ склонить правительства, во избѣжаніе возможныхъ злоупотребленій силы, къ заключенію договора о положеніи плѣнныхъ, а также упомянемъ о Женевской конвенціи (1864 г.) и о тѣхъ многочисленныхъ примѣрахъ, когда правительства апеллировали къ общественному мнѣнію въ случаѣ нарушенія международнаго права. Достаточно указать на все это, чтобы придти къ убѣжденію, что миновали тѣ времена, когда въ международныхъ сношеніяхъ можно было безнаказанно попирать ногами право, справедливость и человѣколюбіе.

VII. Особаго вниманія изъ числа современныхъ договоровъ заслуживаютъ соглашенія о торговлѣ и о выдачѣ преступниковъ, а также тѣ изъ договоровъ, которые устанавливаютъ тѣсное соединеніе государствъ ради достиженія опредѣленной цѣли.

а) Торговые договоры получаютъ въ наше время особенное значеніе по слѣдующимъ двумъ причинамъ: во-первыхъ, потому, что торговля, какъ бы рычагъ экономической жизни государства, а во-вторыхъ, потому, что торговые договоры опредѣляютъ взаимныя отношенія государства не только по вопросамъ торговли и мореплаванія, но также и другія стороны ихъ взаимныхъ отношеній. Въ особенности въ сношеніяхъ между европейскими и восточными государствами торговые трактаты являются, какъ бы Magna Charta при опредѣленіи разнообразныхъ сторонъ въ области ихъ взаимныхъ отношеній.

Область торговыхъ интересовъ народовъ регулируется на основаніи одной изъ двухъ системъ—покровительственныхъ пошлинъ и свободной торговли. Въ настоящее время преобладаетъ господство системы покровительственныхъ пошлинъ.

Основной принципъ, на которомъ зиждется дѣятельность государствъ въ разсматриваемой области, признаетъ за государствами, членами международнаго союза, право на взаимныя торговыя сношенія, которыя фактически и существуютъ, при чемъ ни одно государство, говоря вообще, не можетъ быть исключено путемъ договора изъ сферы общаго торговаго общенія или изъ сферы сношеній съ какимъ-либо опредѣленнымъ государствомъ. Но въ то же время каждое отдѣльное государство свободно:

1) во всякое время прекратить торговыя сношенія съ извѣстною страной;

2) воспретить на своей территоріи торговлю опредѣленными предметами;

3) въ предѣлахъ своей территоріи поставить собственную торговлю въ болѣе льготныя условія, чѣмъ иностранную торговлю, предоставить послѣдней свободу или установить покровительственныя пошлины, обложить дифференціальными пошлинами одинъ и тотъ же товаръ, идущій изъ разныхъ государствъ, и

даже предоставить опредѣленному государству монополію въ извѣстной отрасли торговли.

Торговые трактаты опредѣляютъ, обыкновенно, положеніе иностранцевъ и, сообразно съ внутреннимъ законодательствомъ договаривающихся сторонъ, ихъ права и обязанности. Иностранцы въ настоящее время, если не считать политическихъ правъ, сравнены въ отношеніи своего юридическаго положенія съ туземцами и даже занимаютъ какъ бы болѣе выгодное положеніе, такъ какъ въ чужой странѣ они не несутъ воинской повинности.

b) Договоры о выдачѣ преступниковъ связываютъ въ настоящее время почти всѣ государства, обезпечивая, такимъ образомъ, взаимную помощь въ дѣлѣ наказанія преступниковъ. Весьма характерно, что договоры эти въ прежнее время оберегали лишь интересы правительствъ и династій, тогда какъ въ настоящее время выдача преступниковъ, на основаніи международнаго соглашенія, осуществляется лишь въ интересахъ поддержанія общаго правового порядка въ каждомъ государствѣ. Вслѣдствіе этого прежніе договоры обезпечивали выдачу только политическихъ преступниковъ, а современные, напротивъ, исключаютъ ихъ выдачу, такъ какъ ихъ преступленія угрожаютъ государственному порядку лишь данной страны, но въ то же время современные договоры обезпечиваютъ выдачу преступниковъ, нарушающихъ гражданскій порядокъ вообще. Затѣмъ, слѣдуетъ отмѣтить, какъ характерную черту договоровъ о выдачѣ, то обстоятельство, что способъ выдачи, устанавливаемый договорами, по своей формѣ не административный, а судебный. Такимъ образомъ, въ былое время обвиняемый узналъ о своей судьбѣ, когда она уже была рѣшена, тогда какъ теперь во многихъ государствахъ ему предоставляются всѣ средства защиты, какъ при любомъ уголовномъ процессѣ.

c) За послѣднія десятилѣтія въ сферѣ международнаго союза образовались опредѣленныя, отмѣчен-

ныя особымъ характеромъ, международныя уніи, имѣющія своею задачею осуществленіе матеріальныхъ и духовныхъ интересовъ современной культуры *).

VIII. Выдающеюся чертою современныхъ международныхъ отношеній является облагороженіе права войны.

Прежде всего сознается необходимость его кодификаціи и сознаніе это существуетъ не только у теоретиковъ ученыхъ, но также и у дипломатовъ и правительствъ. Доказательствомъ этого служитъ брюссельская декларація 1874 г. **). Въ то время какъ въ прежніе вѣка передовые умы мечтали объ установленіи вѣчнаго мира, современное человѣчество стремится къ тому, чтобы сдѣлать войну возможно рѣдкимъ явленіемъ, допустимымъ лишь въ исключительныхъ случаяхъ, и чтобы ея послѣдствія были, по возможности, ограничены и смягчены.

Общественное мнѣніе, равно какъ и наука, требуютъ, чтобы война объявлялась лишь послѣ того, какъ были употреблены всѣ мирныя средства улаживанія международныхъ несогласій. Если въ прежніе вѣка война являлась непрерывнымъ состояніемъ, въ которомъ находились государства, если она часто предпринималась изъ-за ничтожныхъ основаній, если война велась противъ всего населенія и для ея веденія не знали никакихъ юридическихъ нормъ, то къ чести современной цивилизаціи должно сказать, что въ настоящее время война лишь исключительное явленіе, которое правомѣрно лишь при условіи ея возникновенія ради защиты принадлежащихъ государству правъ и что она ведется лишь противъ военной силы, а не противъ всего населенія государства, и что, наконецъ, юридическія нормы все болѣе и болѣе опредѣляютъ способъ ея веденія, ограничивая ненависть, грубость и варварство.

---

*) Объ этихъ уніяхъ см. слѣдующую статью настоящаго сборника.

**) См. ниже статью проф. Мартенса.

Населенію, которое не принимаетъ непосредственнаго участія въ войнѣ, обезпечивается полная неприкосновенность, такъ какъ его собственность, если не считать случаевъ реквизицій и контрибуцій, относительно которыхъ въ настоящее время существуетъ множество ограниченій, не подлежитъ праву войны. Гуманность и человѣчность въ войнѣ находятъ свое внѣшнее проявленіе не только въ тѣхъ требованіяхъ, которыя право войны предъявляетъ относительно соблюденія въ военныхъ дѣйствіяхъ начала добросовѣстности, относительно запрещенія пользоваться варварскими и безчестными средствами ея веденія (отравленное оружіе, внесеніе заразы), но въ особенности они проявляются въ основномъ принципѣ права войны, который гласитъ, что война имѣетъ своею цѣлью лишь ослабленіе силы врага, а отнюдь не осуществленіе надъ нимъ мести.

Главнѣйшія культурныя пріобрѣтенія нашего столѣтія въ области права войны—это признаніе обязанностей государствъ по отношенію къ раненымъ и больнымъ воинамъ, человѣчное отношеніе къ военноплѣннымъ, даже къ лазутчикамъ и шпіонамъ, ограниченіе права бомбардировки, отношеніе къ непріятельскимъ подданнымъ, находящимся на территоріи воюющаго.

Во время военнаго занятія страны охраняются личныя права и собственность жителей, а также и публичная собственность вражескаго государства, за исключеніемъ движимости, могущей служить цѣлямъ войны.

Наименьшее вліяніе оказала современная цивилизація на отношенія воюющихъ государствъ въ морскихъ войнахъ, хотя ограниченія, касающіяся блокады, военной контрабанды и осмотра въ открытомъ морѣ, равно какъ дополнительныя статьи (1868 г.) къ Женевской конвенціи свидѣтельствуютъ о томъ, что и въ этой области международное право пробиваетъ себѣ путь для дальнѣйшаго совершенствованія.

VI.

Необходимость прочныхъ основаній международнаго союза. — Принципъ политическаго равновѣсія. — Принципъ легитимизма.— Принципъ національности.

Если мы взглянемъ на международныя отношенія въ цѣломъ, чтобы выяснить себѣ вполнѣ значеніе въ этой области международнаго права, то мы придемъ къ убѣжденію, что оно сближаетъ народы, ослабляетъ между ними соперничество, соединяетъ ихъ на общую культурную работу, дѣлаетъ возможнымъ осуществленіе высшихъ задачъ цивилизаціи, обезпечиваетъ нормальную организацію взаимныхъ отношеній между государствами, стремясь замѣнить господство физической силы господствомъ справедливости, охраняетъ существованіе и независимость отдѣльныхъ государствъ и, наконецъ, устанавливаетъ равновѣсіе между матеріальными и духовными интересами государства.

Однако, несмотря на несомнѣнныя заслуги, оказанныя международнымъ правомъ въ дѣлѣ развитія цивилизаціи, приходится, тѣмъ не менѣе, слышать жалобы на его малую полезность. Его постановленія вызываютъ недовѣрчивое отношеніе, такъ какъ до послѣдняго времени въ области международныхъ сношеній столько разъ нарушалась справедливость, безполезно проливалось столько крови, гибло столько значительныхъ силъ, права народовъ въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ стѣснялись, и такъ какъ даже въ настоящее время, какъ бы смѣясь надъ справедливостью, сила неоднократно торжествуетъ надъ правомъ.

Безспорно все это было, но не менѣе безспоренъ фактъ все большаго пробужденія въ народахъ сознанія, что международныя отношенія должны покоиться на иныхъ основахъ, чѣмъ доселѣ, что въ міровой политикѣ справедливость должна занять мѣсто произвола и свобода должна осчастливить народы.

Но какимъ образомъ сложатся эти новыя основанія

для международныхъ отношеній, въ этомъ именно и заключается весь вопросъ.

До сихъ поръ въ основаніе международнаго союза принимались различные принципы, но безуспѣшно.

Первымъ и наиболѣе устойчивымъ былъ принципъ политическаго равновѣсія. Принципъ этотъ, въ силу котораго ни одно государство, въ интересахъ собственной выгоды, не имѣетъ права наносить ущербъ политической самостоятельности другого, ни даже предпредпринимать чего-либо могущаго ей угрожать, является совершенно справедливымъ.

Но чего не можетъ злая воля направить къ дурнымъ цѣлямъ? Великія державы поэтому часто обращались къ разсматриваемому принципу, какъ къ средству для вмѣшательства, въ интересахъ своей эгоистической политики, во внутреннія дѣла болѣе слабыхъ державъ, ради контроля надъ ихъ дѣятельностью и, подъ предлогомъ поддержанія европейскаго мира, навязывали имъ свою волю, по меньшей мѣрѣ, задерживая, такимъ образомъ, ихъ внутреннее, ничѣмъ не грозящее общему благу, развитіе. Въ свою очередь, угнетенныя государства обнаруживали жажду мести и стремились къ возстановленію своей полной независимости. Такимъ образомъ, принципъ политическаго равновѣсія, долженствовавшій обезпечить миръ и неприкосновенность территоріальныхъ границъ всѣхъ государствъ, явился, при плохомъ своемъ примѣненіи, источникомъ войны и необезпеченности слабѣйшихъ державъ.

Послѣ 1815 года, какъ основаніе международнаго общенія, выдвигается принципъ легитимизма, въ силу котораго должны были, въ интересахъ европейскаго мира, поддерживаться права династій и подавляться революціонныя движенія народовъ. Всѣ на свѣтѣ арміи выступали на защиту этого принципа и, тѣмъ не менѣе,—какъ бы въ доказательство, что сила духа превосходитъ силу штыка, — онъ палъ почти въ минуту своего укрѣпленія, такъ какъ немедленно при-

шлось убѣдиться, что онъ не можетъ быть принятъ за основаніе мировыхъ отношеній. Естественное теченіе жизни разрушаетъ въ своемъ движеніи старыя политическія формы, уже утратившія свою жизненность, и создаетъ, рано или поздно, новую организацію, болѣе соотвѣтствующую новымъ жизненнымъ потребностямъ. Политическія учрежденія, основы которыхъ разрушены теченіемъ времени, нельзя поддержать ссылкою на ихъ древность Заблужденіемъ является также намѣреніе основать государственную власть и династическія права на понятіи собственности. Международное право не можетъ и не должно препятствовать свободному развитію жизни народовъ. Напротивъ того, оно должно его поддерживать, оно должно способствовать развитію жизни народовъ, а въ какую политическую форму выльется ихъ жизнь, рѣшить это могутъ только сами народы. Международный союзъ можетъ лишь принимать къ свѣдѣнію эти факты, но не создавать ихъ.

Послѣ паденія начала легитимизма въ 1830 г., политическія событія выдвигаютъ на первый планъ развитіе принципа національности. Правда, международный союзъ не создаетъ государствъ, а лишь регулируетъ отношенія между государствами, уже существующими. Но какъ религія предписываетъ догматы вѣры только для вѣрующихъ, какъ мораль устанавливаетъ свои правила лишь для удовлетворенія нравственныхъ потребностей тѣхъ, кто имѣетъ стремленіе къ добру, какъ право въ государствѣ опредѣляетъ отношенія въ послѣднемъ на благо частныхъ лицъ, семействъ и товариществъ, такъ и международное право устанавливаетъ отношенія между странами такимъ образомъ, чтобы каждой обезпечить подобающія права и привести къ торжеству не политики, а справедливости.

Даже въ эпохи сильнѣйшаго политическаго гнета никогда въ человѣчествѣ не исчезала надежда на лучшее будущее. Благодаря этой вѣрѣ народы въ тече-

ніе столѣтій двигались впередъ, благодаря этой надеждѣ они посылали на борьбу за національную свободу цвѣтъ своего юношества—своихъ лучшихъ сыновъ. Въ этомъ направленіи, признавая присущія народамъ права, развивается человѣчество и въ настоящее время, въ эпоху, когда совершилось освобожденіе Италіи, соединеніе Германіи, въ эпоху возстановленія свободы Бельгіи, Греціи и многихъ другихъ народностей, сложившихся въ независимыя государства.

Осуществленіе великой задачи должно, наконецъ, быть достигнуто и тогда уже легко будетъ разрѣшить и задачу всеобщаго разоруженія, а международный союзъ и его право обезпечатъ благоденствіе человѣчества.

Всемірныя уніи и ихъ организація.

Современный человѣкъ не заключенъ, подобно своему предку, въ тѣсные предѣлы родной земли. Тысячи самыхъ разнообразныхъ интересовъ связываютъ его съ ему подобными, и ни одна историческая эпоха не знала столь широкаго обмѣна благъ всякаго рода, духовныхъ и матеріальныхъ, такого сближенія между людьми всѣхъ расъ, религій и національностей.

Весь міръ открытъ въ настоящее время для дѣятельности человѣка, но условія современной политической, общественной и экономической жизни создаютъ невозможность изолированнаго существованія отдѣльныхъ единицъ, каковы бы онѣ ни были, и толкаютъ ихъ на путь союза и взаимопомоши. Въ силу этого мы повсюду встрѣчаемъ массу обществъ какъ національныхъ, такъ и международныхъ, преслѣдующихъ самыя разнообразныя цѣли: промышленныя, научныя, религіозныя и т. п.

Естественно, что блестящіе результаты разбросанныхъ по всему міру ассоціацій, объединяющихъ личныя производительныя силы, должны были проложить путь къ объединенію государствъ, также для дости-

---

Настоящая статья составлена *Н. А. Бракеръ* по работѣ *Moynier*. Les bureaux internationaux des unions universelles. Genève. 1892, и по изслѣдованію *проф. Казанскаго*. Всемірные административные союзы государствъ. Т. I—III. Одесса. 1897 г.

женія общихъ цѣлей общими силами. Достаточно бѣглаго обзора договоровъ и трактатовъ, чтобы увидѣть, что число ихъ за послѣднія десятилѣтія превышаетъ число заключенныхъ за XVII и XVIII вѣка вмѣстѣ. Международное право достигло небывалаго развитія. Дипломатическіе акты, касающіеся посольствъ и консульствъ, судоходства по международнымъ рѣкамъ, правъ иностранцевъ, нейтралитета и многочисленныхъ случаевъ третейскаго суда, доказываютъ, что его основы выяснены, измѣнены, развиты; но вмѣстѣ съ тѣмъ оно покидаетъ почву чисто политическихъ соглашеній, занятыхъ исключительно вопросами войны и мира или торговли, и вступаетъ на путь регламентаціи совмѣстной дѣятельности, регулирующей самыя разнообразныя проявленія общей жизни народовъ.

Государства приходятъ къ сознанію, что они не могутъ успѣшно отправлять многихъ своихъ функцій безъ *постоянной* и *организованной* взаимопомощи и взаимнаго признанія. Такимъ образомъ, начиная съ 60-хъ годовъ нашего вѣка, возникаютъ всемірныя уніи, новые типы союзовъ, которыхъ не знало международное право недавняго прошлаго.

По характеру общихъ цѣлей, преслѣдуемыхъ этими союзами, они могутъ быть въ настоящее время раздѣлены на четыре группы:

1) Союзы, имѣющіе цѣлью улучшеніе какой нибудь вѣтви администраціи (телеграфный, почтовый, таможенный и желѣзнодорожный).

2) Союзы, охраняющіе частные интересы подданныхъ договаривающихся государствъ (союзъ для охраны промышленной собственности и союзъ охраняющій права авторовъ и изобрѣтателей).

3) Союзы научнаго характера (союзъ для измѣренія земли и союзъ мѣръ и вѣсовъ).

4) Союзъ для уничтоженія негроторговли, преслѣдующій чисто гуманитарныя цѣли.

Нужно обратить особенное вниманіе на то, что число участниковъ т. н. всемірныхъ уній неограничено.

Всякое государство, достигшее извѣстной степени развитія, можетъ присоединиться къ любому изъ нихъ, принявъ *установленный разъ навсегда и поддающійся измѣненіямъ лишь въ опредѣленномъ порядкѣ* текстъ союзнаго соглашенія, и это сообщаетъ имъ ихъ міровой характеръ; поэтому названіе „всемірной уніи“ приложимо къ нимъ независимо отъ большаго или меньшаго числа договаривающихся сторонъ.

Всемірныя уніи порожденіе нашего времени. Ни Древность, ни Средніе вѣка не знали ничего подобнаго, и даже еще въ недавнемъ прошломъ съ трудомъ постигалась возможность какой бы то ни было постоянной международной организаціи: признавалось лишь совмѣстное дѣйствіе правительствъ въ отдѣльныхъ и преходящихъ случаяхъ, что и было вполнѣ согласно съ принципомъ національной обособленности и господствовавшимъ тогда ученіемъ объ антагонизмѣ интересовъ.

Для успѣшной дѣятельности уній *) недостаточно, чтобы всѣ участники согласно выполняли договорныя постановленія, но необходимы и такого рода учрежденія, которыя, будучи живымъ воплощеніемъ идеи международнаго общенія, служили бы ихъ исполнительными органами. Такимъ образомъ, сила вещей заставила многіе изъ союзовъ прибѣгнуть къ созданію центральныхъ международныхъ управленій, или бюро.

Эти оффиціальные органы административнаго или научнаго характера работаютъ не въ исключительныхъ интересахъ отдѣльныхъ государствъ, а служатъ имъ всѣмъ, или, по крайней мѣрѣ, всѣмъ, подписавшимъ соглашенія, въ силу которыхъ они и существуютъ.

Слѣдовательно, какъ главные органы всемірныхъ уній, они должны носить такой же міровой характеръ,

---

*) Замѣтимъ, что терминъ „унія“ не установился еще вполнѣ въ области международныхъ соглашеній. Но въ литературѣ подъ именемъ уніи, обыкновенно, подразумѣваютъ разсматриваемый нами типъ международныхъ соглашеній.

какъ и эти послѣдніе. Въ этомъ отношеніи они рѣзко отличаются отъ другихъ международныхъ учрежденій, которыя, уже въ силу своихъ задачъ, находятся въ зависимости только отъ ограниченнаго числа государствъ, напримѣръ, отъ комиссій прибрежныхъ государствъ, охраняющихъ права международнаго рѣчного судоходства.

Подготовленный прогрессомъ общественной мысли и жизни типъ международныхъ бюро столь же новое явленіе, какъ и союзные договоры, установившіе всемірныя уніи. По совершенной новости дѣла нужно было выработать соотвѣтствующіе пріемы исполненія и, въ особенности, нужно было имѣть въ виду возможность неограниченнаго возростанія числа участниковъ. Всемірныя уніи, эти огромныя ассоціаціи, члены которыхъ разбросаны по всему міру и во главѣ которыхъ нѣтъ руководящей власти, какъ въ частныхъ ассоціаціяхъ, — не могутъ, конечно, обойтись безъ органа, служащаго къ ихъ *внутреннему объединенію* и заставляющаго своихъ членовъ блюсти условія соглашеній, замѣняющихъ имъ положительное законодательство. Съ другой стороны, программа всемірныхъ уній налагаетъ на участвующія государства *обязанности, бремя которыхъ слѣдуетъ имъ облегчать*, что и достигается только разумной централизаціей.

Эти соображенія руководили тѣми, кто создавалъ международныя бюро, ибо функціи послѣднихъ носятъ двойственный характеръ, на который мы сейчасъ указали.

Огромная непосредственная польза международныхъ бюро сказывается въ ихъ разнообразной дѣятельности. Они облегчаютъ сношенія между членами уній, служатъ средоточіемъ свѣдѣній касательно общаго дѣла, занимаются научными и практическими изысканіями въ области своей спеціальности, наконецъ, на нихъ лежатъ подготовительныя работы и организація періодическихъ собраній уній. Но рядомъ съ этими

обязательными услугами они оказываютъ еще другія, не менѣе значительныя, хотя и не столь очевидныя. Поддерживая постоянныя сношенія между членами союзовъ, они сохраняютъ жизненную силу послѣднихъ, своимъ нравственнымъ вліяніемъ, косвенно и незамѣтно, заставляютъ каждаго хранить вѣрность принятымъ на себя обязательствамъ.

I.

Телеграфный союзъ.

Для телеграфа международное соглашеніе необходимѣе, чѣмъ для какой бы то ни было другой вѣтви администраціи. При отправленіи заграничныхъ сообщеній требуется соучастіе служащихъ нѣсколькихъ государствъ, необходимо возможно полное единство въ техникѣ и организаціи телеграфной службы. Главнымъ препятствіемъ къ этому было разнообразіе правилъ, которыми руководствовались въ этой области государства, въ силу своего суверенитета организовавшія ее по своимъ собственнымъ понятіямъ и удобствамъ, не думая о сосѣдяхъ. Но несомнѣнно, что, такъ какъ значеніе телеграфа сказывается, главнымъ образомъ, при дальнихъ разстояніяхъ, онъ по преимуществу международное установленіе.

Требованія практики уже съ сороковыхъ годовъ вызвали между сосѣдними государствами, телеграфный обмѣнъ которыхъ всего живѣе, заключеніе соглашеній, чтобы, такимъ образомъ, между ними, по крайней мѣрѣ, пользованіе телеграфомъ совершалось при болѣе благопріятныхъ условіяхъ. Таковы, напримѣръ, договоры Пруссіи съ Австріей и Саксоніей въ 1849 году. Позже являются договоры, обнимающіе цѣлыя группы государствъ, а именно, въ пятидесятыхъ годахъ образовались два такихъ групповыхъ союза: Австро-Германскій, объединившій нѣмецкія земли, и Западный, члены котораго группировались вокругъ

Франціи. Затѣмъ, въ 1852 г. мы видимъ сближеніе этихъ группъ въ лицѣ Пруссіи, съ одной стороны, Франціи и Бельгіи, съ другой.

Такъ какъ изобрѣтеніе телеграфа было въ то время дѣломъ сравнительно новымъ, то и въ управленіи имъ не сложилось никакихъ особыхъ традицій и интересовъ, въ значительной степени тормозившихъ, напримѣръ, развитіе международныхъ соглашеній въ области почтовыхъ сношеній; большинство правительствъ непосредственно держало телеграфъ въ своихъ рукахъ, а потому международныя соглашенія по относившимся сюда вопросамъ устанавливались легко и быстро. Выработавъ постепенно однообразную техническую постановку дѣла и однообразныя правовыя начала, постепенно расширяя пространство ихъ дѣйствія, соглашенія эти подготовили почву общему международному договору, который, не ограничивая свободы дѣйствій каждаго государства въ томъ, что касалось его одного, установилъ бы обязательныя для всѣхъ правила.

Необыкновенный ростъ значенія телеграфа въ области международныхъ сношеній наглядно обнаруживается въ слѣдующихъ цифрахъ. Длина телеграфа на земномъ шарѣ была въ 1892 г. 4.383.000 кил., въ 1893 г.— 4.910.070 кил., въ 1894 г. длина телеграфныхъ и телефонныхъ проводовъ достигала 6.833.600 кил., въ 1895 г.— 7.229.850 кил. Въ предѣлахъ телеграфнаго союза было переслано международныхъ депешъ въ 1892 г. — 60.795.000, въ 1893 г. — 63.400.000, въ 1894 г.—70.322.000, въ 1895 г.—69.979.000.

Франція первая предложила проектъ общаго международнаго соглашенія. Ея почину мы обязаны конвенціей, подписанной въ Парижѣ 17-го мая 1865 года. Парижская конвенція, замѣнившая собою болѣе тѣсныя групповыя соглашенія, создала телеграфный союзъ, какъ юридическій институтъ. *Она признала непрерывность его существованія, независимо отъ перемѣны въ составѣ его членовъ и частичныхъ, или даже общихъ*

измѣненій въ текстъ самого договора и сообщила ему опредѣленную организацію.

Цѣлью телеграфнаго союза *) являлось изысканіе и распространеніе мѣръ, способныхъ сообщить наибольшую быстроту, вѣрность, легкость и дешевизну передачѣ мысли путемъ электричества изъ одной страны въ другую.

Присоединеніе къ союзу обусловлено дипломатическимъ заявленіемъ правительству, собравшему послѣднюю конференцію, которое сообщаетъ объ этомъ всѣмъ остальнымъ. Выходъ изъ союза требуетъ только заявленія за годъ до срока. Случаевъ выхода, однако, до сихъ поръ не было: слишкомъ велики выгоды такого рода международной организаціи, и выйти изъ-подъ ея покровительства значило бы обречь себя всѣмъ неудобствамъ духовной изоляціи.

Въ настоящее время число членовъ союза простирается до 47 **) (конвенція 1865 г. подписана 25 государствами). Но въ составъ его входятъ не только государства.

Культурный и экономическій складъ жизни большей части колоній, особенно тѣхъ изъ нихъ, которыя пользуются значительной автономіей въ области своего внутренняго управленія, обусловливаетъ необходимость ихъ самостоятельнаго участія въ договорахъ, затро-

---

*) Текстъ договора не даетъ телеграфному союзу названія уніи.

**) Германія, Аргентина, Южная Австралія, Западная Австралія, Австрія, Бельгія, Боснія и Герцеговина, Бразилія, Болгарія, Мысъ Доброй Надежды, Кохинхина, Испанскія колоніи, Португальскія колоніи, Данія безъ острововъ Фэроэ и Исландіи, Египетъ, Испанія съ островами Балеарскими и Канарскими, Франція и Алжиръ, Великобританія съ Гибралтаромъ и Мальтой, Греція, Венгрія, Британская Индія, Нидерландская Индія, Италія, Японія, Люксембургъ, Черногорія, Наталь, Норвегія, Новая Каледонія, Новый Южный Валлисъ, Новая Зеландія, Нидерланды, Персія, Португалія съ островами Азорскими и Мадерой, Румынія, Россія, Сенегалъ, Сербія, Сіамъ, Швеція, Швейцарія, Тасманія, Тунисъ, Турція, Викторія, Квинслендъ, Перу и Никарагуа. (За исключеніемъ послѣднихъ странъ остальныя перечислены въ порядкѣ французскаго алфавита).

гивающихъ культурно-соціальные интересы. То, что соотвѣтствуетъ интересамъ метрополіи, во многихъ случаяхъ, можетъ находиться въ прямомъ противорѣчіи съ таковыми же интересами колоній. Вотъ почему и въ телеграфномъ союзѣ и, какъ мы увидимъ ниже, въ нѣкоторыхъ другихъ союзахъ, имѣющихъ въ своемъ основаніи культурно-соціальные интересы, допущено самостоятельное участіе колоній, разсматривающихся, въ данномъ случаѣ, какъ самостоятельныя государства.

Сюда же нужно прибавить еще общества подводныхъ кабелей, которыя не имѣютъ права на званіе членовъ союза, но добровольно подчиняются его постановленіямъ.

Такой разнородный составъ дѣятелей представляетъ особенность телеграфнаго союза, существованіе котораго не мѣшаетъ, между прочимъ, его членамъ вступать въ отдѣльныя соглашенія какъ между собою, такъ и съ посторонними государствами, лишь бы эти частные договоры не противорѣчили общей конвенціи.

Въ договорѣ 1865 г. физіономія телеграфнаго союза опредѣлилась въ основныхъ чертахъ въ томъ видѣ, какъ она сохранилась по настоящее время.

Но дѣятельность международнаго телеграфа управляется не исключительно *Конвенціей*, такъ какъ было признано необходимымъ дополнить этотъ *дипломатическій* актъ объяснительными статьями техническаго и профессіональнаго характера, для которыхъ въ немъ не могло быть мѣста, и которыя составили отдѣльный *Исполнительный Регламентъ*.

Оба эти акта, Конвенція и Регламентъ, неоднократно подвергались пересмотру на послѣдующихъ конференціяхъ, собиравшихся послѣ 1865 года въ Вѣнѣ (1868 г.), въ Римѣ (1871 г.), въ Петербургѣ (1875 г.), въ Лондонѣ (1879 г.), въ Берлинѣ (1885 г.), въ Парижѣ (1890 г.) и въ Буда-Пештѣ (1896 г.).

Такимъ образомъ, конференціи явились органомъ союза: періодически собираясь, онѣ должны были

развивать его право и удовлетворять текущимъ потребностямъ.

Первоначально конференціи носили дипломатическій характеръ, *но съ 1875 г.* имъ приданъ исключительно административный характеръ, такъ какъ съ этого времени онѣ составляются изъ делегатовъ высшихъ телеграфныхъ управленій государствъ и колоній, членовъ телеграфнаго союза, и *компетенція ихъ не идетъ дальше пересмотра Регламента.*

Ежедневная практика, новыя изобрѣтенія, новые виды телеграфной службы безпрестанно вызываютъ необходимость измѣненій въ частностяхъ. Вотъ почему телеграфнымъ управленіямъ и дано право принимать ихъ безъ содѣйствія дипломатовъ, если только они не затрогиваютъ основныхъ принциповъ союза *).

Вслѣдствіе этого конференціи, членами которыхъ являются представители администраціи, *не въ правѣ касаться текста Конвенціи*, которая, заключая въ себѣ означенные основные принципы, и въ настоящемъ своемъ видѣ оставляетъ желать немногаго. Послѣ пересмотра въ Вѣнѣ (1868 г.) и Петербургѣ (1875 г.) она болѣе не измѣнялась.

Каковы же эти основные и незыблемые принципы?

Конвенція требуетъ: 1) достаточнаго числа проволокъ, спеціально предоставленныхъ въ распоряженіе международнаго телеграфа; 2) признаетъ за всѣми равное право пользоваться его сѣтью; 3) обезпечиваетъ тайну корреспонденціи; 4) устанавливаетъ порядокъ отправленія телеграммъ, согласно ихъ характеру; 5) допускаетъ употребленіе секретнаго языка; 6) требуетъ единства таксы для всѣхъ депешъ, идущихъ однимъ и тѣмъ же путемъ между двумя договаривающимися государствами; 7) устанавливаетъ франкъ мо-

*) Висконти Веноста, итальянскій министръ иностранныхъ дѣлъ, открывая конференцію въ Римѣ (1871), сказалъ, что онъ считаетъ однимъ изъ самыхъ плодотворныхъ нововведеній присоединеніе къ профессіональнымъ дипломатамъ уважаемыхъ ученыхъ, спеціалистовъ и практиковъ.

нетной единицей при составленіи международныхъ тарифовъ; 8) предоставляетъ международнымъ телеграммамъ пользоваться всѣми разнообразными пріемами, примѣняемыми въ практикѣ отдѣльныхъ государствъ для удобства и гарантіи пересылки корреспонденціи, каковы: телеграммы съ уплаченнымъ отвѣтомъ, срочныя, съ доставкой въ мѣста, не имѣющія телеграфныхъ конторъ, телеграммы копіи, семафорическія или морскія, денежные переводы и т. п.; 9) при раскладкѣ сборовъ допускаетъ пользованіе услугами расчетной палаты, находящейся при бюро почтоваго союза; 10) признаетъ за государствами право останавливать пересылку каждой частной телеграммы и 11) право пріостановки международныхъ телеграфныхъ сообщеній на неопредѣленное время.

Составъ конференцій довольно разнообразенъ: кромѣ членовъ делегатовъ на нихъ присутствуютъ делегаты государствъ, неучаствующихъ въ союзѣ, представители частныхъ обществъ, чиновники, состоящіе при делегатахъ и эксперты; три послѣднія категоріи лицъ имѣютъ лишь совѣщательный голосъ.

Въ случаѣ отсутствія делегаты могутъ передавать свои голоса другимъ делегаціямъ, при чемъ ни одна изъ нихъ не можетъ имѣть больше двухъ голосовъ, считая въ томъ числѣ собственный. Всякое измѣненіе Регламента требуетъ абсолютнаго большинства, но каждая делегація можетъ отклонить его принятіе своимъ безусловнымъ или условнымъ отказомъ.

Постановленія конференціи подлежатъ одобренію участвующихъ государствъ, которое затѣмъ сообщается государству, собиравшему ее.

Предсѣдательство принадлежитъ правительству, созвавшему конференцію, языкъ же актовъ и преній французскій.

Каждая конференція назначаетъ время и мѣсто слѣдующей.

Слѣдуетъ обратить вниманіе на то обстоятельство, что нигдѣ ни одного слова не говорится о возмож-

номъ развитіи основной Конвенціи, а потому нельзя не пожелать, чтобы были указаны правомѣрные пути для собранія дипломатическаго конгресса на случай пересмотра Конвенціи.

Съ самаго возникновенія союза можно было предвидѣть, что встрѣтятся затрудненія въ примѣненіи установленныхъ правилъ, что текстъ Конвенціи и Регламента не всегда будетъ одинаково пониматься членами союза, что безъ извѣстнаго единства въ направленіи дѣятельности трудно будетъ достигнуть ея единообразія; что, помимо этого, можетъ оказаться надобность въ какихъ-нибудь общихъ работахъ, для которыхъ союзу, безъ сомнѣнія, было бы очень кстати имѣть подъ руками спеціальнаго агента.

Франція явилась выразительницей этого мнѣнія еще на первой Парижской конференціи (1865 г.). Она предложила учрежденіе постоянной комиссіи изъ делегатовъ союзныхъ государствъ, которая составляла бы карты международной телеграфной сѣти, публиковала общіе тарифы и занималась изысканіями общеполезнаго характера. Комиссія эта должна была находиться въ городѣ, служившемъ мѣстомъ собранія послѣдней конференціи и работать подъ руководствомъ начальника телеграфныхъ управленій *). Предложеніе Франціи было отвергнуто, но для осуществленія могущихъ оказаться необходимыми измѣненій въ Регламентѣ рѣшили, что, при наличности подобныхъ предложеній, телеграфное управленіе страны, гдѣ собиралась послѣдняя конференція, не дожидаясь слѣдующей, снесется со всѣми заинтересованными и, въ слу-

*) Значеніе такихъ центральныхъ учрежденій при отсутствіи въ то время международныхъ соглашеній разсматриваемаго типа не было еще выяснено. По крайней мѣрѣ, представитель Швеціи указывалъ на то, что общеполезныя работы, которыя могли бы производиться въ промежутокъ между двумя сессіями, не такъ значительны, чтобы оправдать постоянное собраніе столькихъ делегатовъ. Съ другой стороны, высказывались опасенія относительно того, что Франція хочетъ захватить въ свои руки высшее руководство союзомъ.

чаѣ общаго согласія, предложенное измѣненіе будетъ считаться принятымъ.

Наконецъ, признали необходимымъ, чтобы различныя національныя управленія были всегда освѣдомлены относительно всякихъ измѣненій въ ихъ общей сѣти, могущихъ оказать вліяніе на международную телеграфную службу. Но для осуществленія этого ограничились предложеніемъ, чтобы каждое управленіе сообщало остальнымъ относящіеся сюда мнѣнія и документы.

Такой несовершенный порядокъ продолжался три года. Но и этого времени было достаточно, чтобы убѣдиться въ необходимости сдѣлать болѣе рѣшительный шагъ въ смыслѣ централизаціи. Польза дѣла требовала болѣе надежнаго регулятора, и система, принятая въ Вѣнѣ, осуществила эту реформу.

На Вѣнской конференціи (1868 г.) Швейцарія предложила поручить наблюденіе за исполненіемъ Конвенціи телеграфному управленію той страны, гдѣ собиралась послѣдняя конференція, присоединивъ къ нему „генеральнаго секретаря европейскихъ телеграфныхъ конференцій“, который бы подъ его руководствомъ занимался изученіемъ вопросовъ, имѣющихъ общій интересъ. Этотъ проектъ былъ принятъ, но съ оговоркой: мѣстопребываніе секретаря будетъ постоянно. Назначить постоянное мѣстопребываніе секретаря значило и высшій надзоръ за его дѣятельностью оставить въ рукахъ одного и того же управленія. Конференція согласилась и на это.

Правда, со стороны Франціи высказывались опасенія, что выдающееся положеніе генеральнаго секретаря окажется несовмѣстимымъ съ достоинствомъ и свободой телеграфныхъ управленій, и что этотъ чиновникъ, свободный отъ всякаго контроля, явится скорѣе помѣхой, чѣмъ содѣйствіемъ международному дѣлу. Но бельгійскій делегатъ указалъ на то, что вліяніе этого лица можетъ имѣть исключительно нравственный характеръ и будетъ тѣмъ сильнѣе,

чѣмъ выше онъ по своему положенію, опыту и способностямъ. Бельгійскій делегатъ сравнивалъ характеръ предлагаемой должности съ должностью главнаго агента рейнскихъ, бельгійскихъ и французскихъ сѣверныхъ желѣзныхъ дорогъ, живущаго въ Кельнѣ и обязаннаго сообщать каждому изъ трехъ управленій необходимыя свѣдѣнія, завѣдывать дѣлами ихъ общей сѣти и высказывать свое мнѣніе въ случаяхъ разногласія между ними, не принимая, однако, самолично никакихъ рѣшеній. Послѣ этой рѣчи предложеніе Швейцаріи было принято, и конференція постановила, что руководящее управленіе приметъ въ общихъ интересахъ мѣры для обезпеченія исполненія и примѣненія Конвенціи и организуетъ съ этой цѣлью спеціальное учрежденіе: „*Международное Бюро телеграфныхъ управленій*“, которое будетъ дѣйствовать подъ его руководствомъ.

Исторія переговоровъ, сопровождавшихъ основаніе международной организаціи телеграфнаго союза интересна потому, что въ это имѣнно время выяснилась принципіальная возможность имѣть органы международнаго управленія, *не стѣсняющіе самостоятельности союзныхъ государствъ*. Этимъ положеніемъ воспользовались всѣ уніи, возникшія впослѣдствіи. На конгрессахъ, основывавшихъ уніи, не поднималось уже болѣе принципіальныхъ сомнѣній на этотъ счетъ. Разсуждали только о томъ, на сколько желательно имѣть международный органъ именно въ данной уніи и какими правами его надѣлить.

Когда пришлось избирать руководящее управленіе, всѣ голоса высказались въ пользу Швейцаріи, Союзный Совѣтъ которой поспѣшилъ выразить свое согласіе.

Нечего и говорить, насколько удаченъ былъ этотъ выборъ. Ко всѣмъ политическимъ соображеніямъ, которыя очевидны, нужно еще прибавить испытанныя услуги швейцарской администраціи, всегда отличавшейся превосходнымъ пониманіемъ практическихъ вопросовъ, относящихся къ телеграфному дѣлу.

Бюро было открыто 1 января 1869 г. Конвенція только въ общихъ чертахъ намѣчаетъ его задачу, но Регламентъ, входя въ подробности, даетъ болѣе ясное понятіе о задачахъ и формахъ осуществленія идеи центральнаго органа. Руководствуясь этими офиціальными указаніями, мы легко замѣтимъ, что на него возлагается два рода обязанностей: постоянныя и временныя.

Обязанности перваго рода заключаются въ „собираніи, согласованіи и публикаціи всякихъ свѣдѣній, касающихся международнаго телеграфнаго дѣла". Понятно, что здѣсь необходимо содѣйствіе національныхъ управленій, которыя и доставляютъ матеріалъ для этихъ работъ, напримѣръ, увѣдомленія объ измѣненіи тарифовъ, открытіи новыхъ или упраздненіи старыхъ линій, телеграфныхъ конторъ, о перерывѣ или возобновленіи сообщеній и т. п. Правда, отдѣльныя управленія могутъ, по желанію, непосредственно обмѣниваться этими извѣстіями, но, обыкновенно,они предпочитаютъ пользоваться услугами бюро, которое классифицируетъ и публикуетъ ихъ ежемѣсячно, дополняя, по мѣрѣ надобности, другими полезными справками; въ случаѣ нужды оно по телеграфу сообщаетъ ихъ всѣмъ членамъ союза.

Бюро, время отъ времени, публикуетъ: „Полный указатель существующихъ телеграфныхъ конторъ". Открытіе новыхъ телеграфныхъ конторъ служитъ предметомъ особыхъ публикацій.

Пользуясь матеріалами, доставляемыми національными управленіями, бюро ежегодно печатаетъ: „Общую статистику", обнаруживающую многіе интересные и важные факты, которые иначе ускользнули бы отъ вниманія.

Каждое телеграфное управленіе сообщаетъ бюро всѣ свои изданія и результаты всѣхъ опытовъ, которые оно производило на своей частной сѣти. Всѣмъ этимъ бюро пользуется для изданіи „Телеграфнаго журнала", содержащаго кромѣ того научныя статьи,

отчеты о книгахъ,—однимъ словомъ, всякаго рода свѣдѣнія, интересныя для спеціалистовъ.

На основаніи всѣхъ получаемыхъ имъ данныхъ бюро періодически издаетъ „Телеграфныя карты".

Наконецъ, на основаніяхъ, установленныхъ Конвенціею и Регламентомъ, бюро высчитываетъ и публикуетъ общій тарифъ, подвергающійся многимъ частичнымъ измѣненіямъ и, кромѣ того, послѣ Лондонской и Берлинской конференцій, значительно измѣнившихъ раскладку, передѣланный два раза заново.

Итакъ, различныя извѣстія, указатель конторъ, статистика, журналъ, карты, общій тарифъ—постоянная работа бюро, такъ сказать, его хлѣбъ насущный. Но рядомъ съ этимъ производятся еще и дополнительныя работы.

Работы эти, главнымъ образомъ, вызываются пересмотромъ Исполнительнаго Регламента и тарифовъ и совершаются двоякимъ путемъ: то ихъ беретъ на себя конференція, и тогда весь Регламентъ цѣликомъ можетъ быть подвергнутъ обсужденію, то дѣло идетъ о какихъ-нибудь частичныхъ измѣненіяхъ, предложенныхъ тѣмъ или другимъ членомъ союза. Содѣйствіе бюро необходимо и въ томъ и въ другомъ случаѣ.

Если предстоитъ конференція, бюро подготовляетъ ея труды, т.-е. заблаговременно собираетъ предложенія различныхъ управленій, которыя они желаютъ подвергнуть общему обсужденію, систематизируетъ ихъ и доставляетъ участникамъ конференцій. Во время засѣданій конференціи директоръ бюро, если нужно вмѣстѣ съ секретаремъ, присутствуетъ на засѣданіяхъ; онъ принимаетъ участіе въ преніяхъ съ правомъ совѣщательнаго голоса, что не уменьшаетъ, однако, его широкаго и вполнѣ законнаго вліянія. Бюро заботится объ изготовленіи копій и нужныхъ публикацій, о редактированіи и разсылкѣ проектовъ измѣненій, протоколовъ и другихъ данныхъ. По окончаніи конференціи оно же публикуетъ официальный отчетъ о ней.

Телеграфныя управленія и помимо конференцій

могутъ, когда угодно, производить измѣненія въ Регламентѣ и тарифахъ, если только они всѣ согласятся на предложенныя измѣненія. Но такое соглашеніе невозможно безъ посредничества. Въ 1865 г., какъ мы знаемъ, обязанность эта была возложена на руководящія управленія; теперь же она перешла къ международному бюро, которое сообщаетъ телеграфнымъ управленіямъ объ предлагаемыхъ измѣненіяхъ. Получивъ единогласное одобреніе управленій и другихъ заинтересованныхъ учрежденій, оно обнародываетъ принятыя измѣненія. Въ противномъ случаѣ оно извѣщаетъ объ отрицательныхъ результатахъ своихъ запросовъ. Такого рода сообщенія и отвѣты бюро на многочисленные обращаемые къ нему запросы относительно толкованія текстовъ носятъ названіе „циркуляровъ“ и ихъ было издано уже больше 400.

Мы далеко еще не исчерпали всѣхъ услугъ бюро, которое должно исполнять всякаго рода изысканія и работы, возлагаемыя на него въ интересахъ международнаго телеграфнаго дѣла, и быть во всякое время готово къ услугамъ управленій союзныхъ государствъ для сообщенія могущихъ имъ понадобиться спеціальныхъ свѣдѣній.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ бюро шло само навстрѣчу союзу въ работахъ, выходившихъ изъ круга его прямыхъ обязанностей: оно участвовало и получило почетный дипломъ на Парижской электрической выставкѣ. Результатомъ этого участія были ученые труды, помѣщенные въ его журналѣ. По приглашенію французскаго министра почтъ и телеграфовъ оно посылало также своего представителя на международную конференцію объ охранѣ подводныхъ кабелей.

Въ заключеніе перечня требованій, предъявляемыхъ союзомъ къ своему центральному органу, нужно назвать еще годичные отчеты объ его дѣятельности.

Неутомимая дѣятельность бюро выступитъ еще ярче, если мы вспомнимъ, что весь персоналъ его состоитъ изъ шести человѣкъ.

Директоръ и весь персоналъ бюро назначается швейцарскимъ правительствомъ, которому принадлежитъ и высшій надзоръ за дѣятельностью бюро. Оно назначаетъ служащихъ, издаетъ регламенты службы, *наблюдаетъ* за его расходами, дѣлаетъ ему необходимые авансы и провѣряетъ его годовой отчетъ, который и сообщаетъ затѣмъ всѣмъ заинтересованнымъ управленіямъ.

Нужно обратить особенное вниманіе на то, что зависимость бюро въ нѣкоторыхъ случаяхъ отъ швейцарскаго правительства не создаетъ этому послѣднему никакихъ преимущественныхъ правъ по отношенію къ нему. Бюро—международное учрежденіе, подчиненное всѣмъ союзнымъ государствамъ вообще и никому въ частности. *Швейцарія дѣйствуетъ здѣсь, какъ органъ союза*, и права ея обусловливаются тѣми чисто формальными обязанностями, которыя она приняла на себя и которыя во всякое время могутъ быть перенесены на другое государство.

Разнообразныя работы бюро и его многотомныя изданія обходятся сравнительно очень дешево, особенно, если принять во вниманіе довольно высокое вознагражденіе служащихъ. Общая сумма издержекъ постепенно возрастала, но всегда оказывалась ниже ассигнованной.

Для удобства раскладки расходовъ договаривающіяся государства и страны съ ними соединенныя (колоніи, земли, состоящія подъ протекторатомъ) раздѣляются на шесть классовъ, вносящихъ каждый опредѣленное число единицъ. Это число множится на число государствъ каждаго класса, и сумма произведеній даетъ число единицъ, на которое должна быть раздѣлена общая сумма расходовъ. Частное отъ этого дѣленія представляетъ единицу издержекъ.

Государства сами указываютъ классъ, въ который зачисляются по своимъ взносамъ. Въ концѣ концовъ, чистый расходъ оказывается очень не великъ для каждаго изъ участниковъ союза, ибо взносъ перваго

класса не превышаетъ 3.000, а шестого 350 франковъ *).

Всего сказаннаго о международномъ бюро достаточно, чтобы заключить, что оно навсегда завоевало себѣ мѣсто рядомъ съ національными управленіями, на законныя права и преимущества которыхъ оно никоимъ образомъ не посягаетъ. Его многочисленныя обязанности не возмѣщаются никакими правами. Оно даже не имѣетъ собственнаго интереса въ томъ, чѣмъ занимается. Съ другой же стороны, отъ него привыкли уже получать массу услугъ, безъ которыхъ нельзя обойтись и за которыми можно обратиться лишь къ центральному органу союза.

Телеграфный союзъ не имѣетъ въ своей организаціи третейскаго суда, подобнаго существующимъ въ нѣкоторыхъ другихъ уніяхъ.

Ст. 60 Конвенціи 1868 г. гласила: „Въ случаѣ, если возникнетъ затрудненіе въ толкованіи одного изъ главныхъ постановленій Конвенціи, телеграфное управленіе того государства, гдѣ соберется послѣдняя конференція, созоветъ, по просьбѣ одной или многихъ администрацій, спеціальную комиссію изъ делегатовъ договаривающихся государствъ и назначитъ мѣсто ея собранія. Эта комиссія рѣшитъ вопросъ о толкованіи. Постановленія ея будутъ имѣть для тѣхъ администрацій, которыя не сочтутъ нужнымъ присутствовать за ней, ту же силу, какъ если бы онѣ принимали на ней участіе". На эту комиссію въ свое время смотрѣли, какъ на новое амфиктіоново судилище въ приложеніи къ современнымъ обстоятельствамъ. Но взглядъ этотъ не нашелъ себѣ подтвержденія въ исторіи комиссіи, которая послѣ ея неудачнаго созванія въ 1871 г. была уничтожена конгрессомъ въ Римѣ.

Правда, постановленіе о комиссіяхъ 60 ст. Конвенціи 1868 г. было замѣнено новымъ постановленіемъ, согласно которому созваніе конференцій, собирающихся,

---

*) Въ 1868 г. было ассигновано 40.000 фр., въ 1885—100.000 фр.

какъ мы это указывали выше, періодически въ опредѣленные сроки, можетъ быть, по требованію десяти государствъ, перенесено на болѣе ранній срокъ. Но такого рода чрезвычайныя собранія конференцій врядъ ли могутъ замѣнить судебный трибуналъ, такъ какъ многочисленность участниковъ чрезвычайно затруднитъ созваніе конференцій, каковое будетъ и прямо невозможно, если споръ касается маловажнаго вопроса.

Отсутствіе третейскаго суда въ телеграфномъ союзѣ — крупный пробѣлъ, такъ какъ споры между членами этого союза всегда возможны и легко разрѣшимы третейскимъ судомъ. Недостаточность въ этомъ отношеніи дѣятельности международнаго бюро доказывается примѣромъ 1871 г., когда, несмотря на то, что бюро нѣсколько разъ успѣвало приводить заинтересованныя стороны къ взаимнымъ уступкамъ въ дѣлѣ урегулированія индійскихъ и китайскихъ тарифовъ, дѣло, однако, такъ запуталось, что пришлось созвать вышеупомянутую *комиссію*.

II.

Всемірная почтовая унія.

Великое культурное значеніе почты въ наши дни не подлежитъ сомнѣнію. Являясь посредницей въ сношеніяхъ между отдѣльными лицами и цѣлыми народами, она уничтожаетъ раздѣляющія ихъ преграды, пріобщаетъ всѣхъ къ пользованію благами каждаго и, такимъ образомъ, служитъ могучимъ орудіемъ прогресса и сближенія отдѣльныхъ частей человѣчества.

Хорошая организація почтовыхъ сношеній — первое условіе общественной пользы почты, потому-то съ давнихъ поръ она стала учрежденіемъ государственнымъ, и почтовые законы повсюду занимаютъ видное мѣсто въ національныхъ законодательствахъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ государства добивались права содержать свои почто-

выя учрежденія въ чужихъ странахъ для сношенія съ мѣстнымъ населеніемъ. Но болѣе простымъ и удобнымъ средствомъ явились договорныя соглашенія между государствами, стирающія, такъ сказать, ихъ границы и устанавливающія, на общихъ началахъ, обмѣнъ корреспонденціи между ними. Здѣсь мы наблюдаемъ тѣ же три фазы развитія, что и при образованіи телеграфнаго союза, съ нѣкоторыми, однако, особенностями.

Здѣсь также сперва заключаются договоры между сосѣдними странами, и число ихъ весьма значительно уже въ XVII и XVIII в., но особенно возрастаетъ оно въ XIX вѣкѣ. Цѣлью ихъ было не столько усовершенствованіе и упрощеніе почтовыхъ сношеній, сколько полученіе выгодъ для казны, а такъ какъ на этой почвѣ чрезвычайно трудно какое бы то ни было соглашеніе, то договоры эти и отличались крайнею непрочностью и не соотвѣтствовали назрѣвшимъ потребностямъ ни по своему содержанію, ни по числу. Другая особенность почтовыхъ сношеній того времени,—это участіе въ ихъ организаціи частныхъ лицъ, что было возможно, лишь благодаря слабому развитію этихъ сношеній и незначительной площади ими занимаемой—только Западной Европы. Интереснѣйшимъ явленіемъ подобнаго рода считаются почтовыя учрежденія графовъ Турнъ и Таксисъ, начало которыхъ относятъ къ XVI вѣку. Это предпріятіе впервые урегулировало и сдѣлало общедоступными, благодаря дешевымъ таксамъ, почтовыя сношенія многихъ странъ Европы и просуществовало до послѣдняго времени.

Затѣмъ, мы видимъ групповыя соглашенія, какъ австро-германскій договоръ 1850 года, охватившій, постепенно расширяясь, до двадцати странъ. Онъ первый окончательно отбрасываетъ фискальныя стремленія и имѣетъ въ виду лишь объединеніе управленія и техники почтоваго дѣла для облегченія взаимныхъ сношеній. Особеннаго вниманія заслуживаютъ въ немъ: однообразныя пониженныя таксы, отмѣна дѣлежа поч-

товыхъ сборовъ между участниками и отсутствіе какихъ-либо взиманій за транзитъ. Но требованія жизни переростали и такого рода мѣстныя облегченія и, по мѣрѣ развитія промышленности, торговли, общественной и политической жизни, все ярче выступало стремленіе къ полному объединенію почтоваго дѣла, результатомъ котораго явился, сначала всеобщій, а потомъ всемірный почтовый договоръ.

Развитію почты и телеграфа содѣйствовали, однако, не одни экономическіе интересы отдѣльныхъ лицъ и цѣлыхъ государствъ, но также и повсемѣстное распространеніе однообразнаго образованія, совершенно передѣлавшаго душу современнаго человѣчества, укрѣпленіе общихъ культурныхъ связей между народами, усиленіе страсти къ передвиженіямъ, путешествіямъ, перемѣнѣ мѣста жительства и умноженіе личныхъ, дружескихъ, родственныхъ сношеній между людьми разныхъ національностей. *Міровыя почтовыя сношенія должны были получить міровое международноправовое регулированіе.*

Съ пятидесятыхъ годовъ вопросъ о заключеніи всеобщаго почтоваго договора становится однимъ изъ вопросовъ текущей политики. Въ 1851 году на Берлинской конференціи нѣмецкаго почтоваго союза высказывалась мысль о необходимости созвать европейскій почтовый конгрессъ, а на Парижской конференціи 1863 г., созванной по иниціативѣ С.-А.-Соединенныхъ Штатовъ, обсуждались уже начала, на которыхъ могутъ быть заключаемы международныя почтовыя соглашенія. Записка—воззваніе представителя штатовъ г. Блэра—доказывавшая необходимость подобнаго соглашенія, считается исходною точкой въ исторіи почтовой уніи. Конференція носила названіе международной почтовой комиссіи и, главнымъ образомъ, занималась теоретическимъ обсужденіемъ разныхъ юридическихъ вопросовъ въ области международныхъ отношеній по поводу пользованія почтою.

Реформы почтоваго устройства, осуществившіяся въ

сороковыхъ и пятидесятыхъ годахъ, австро-германскій союзъ, на дѣлѣ доказавшій возможность соглашенія, охватывающаго обширную группу государствъ, сближеніе между національными законодательствами, какъ слѣдствіе Парижской конференціи 1863 г., наконецъ, благіе результаты основаннаго въ 1865 г. телеграфнаго союза, все это способствовало возникновенію и успѣху международнаго почтоваго союза.

Германія стала во главѣ движенія, и, по ея настоянію, двадцать государствъ заключили въ Бернѣ 9 октября 1874 г. Всеобщую почтовую унію, получившую въ 1878 г. названіе *Всемірной* почтовой уніи. Своимъ существованіемъ союзъ этотъ обязанъ энергіи, знаніямъ и дипломатическимъ способностямъ главнаго почтъ-директора, а затѣмъ статсъ-секретаря Германской Имперіи, д-ра ф.—Стефана, воплотившаго, такъ сказать, эту идею и посвятившаго ея осуществленію всѣ свои силы. Но въ то же время совершенно справедливо замѣчаетъ одинъ нѣмецкій писатель, что «не идеи отдѣльныхъ геніальныхъ государственныхъ людей, не дѣйствія отдѣльныхъ значительныхъ государственныхъ организацій создали международныя уніи въ области сношеній, но общіе экономическіе интересы, которые одинаково наблюдаются во всѣхъ странахъ съ однимъ и тѣмъ же промышленнымъ и торговымъ строеніемъ».

Почтовое соглашеніе, по своему существу, не могло быть рабскимъ подражаніемъ телеграфному, но оба они должны были сложиться въ одномъ духѣ: объединеніе и тожественная организація—вотъ идеалъ, который президентъ Бернскаго конгресса предложилъ намѣтить цѣлью собранія, руководить преніями коего онъ былъ призванъ.

Проектъ германскаго правительства указывалъ два средства для достиженія этой цѣли: однообразіе таксы и безплатный транзитъ. Большое разнообразіе существовавшихъ таксъ затрудняло торговыя, промышленныя и личныя сношенія; это чувствовалось съ давнихъ поръ, и склонность къ болѣе простой системѣ и къ пони-

женію стоимости пересылки писемъ и печатныхъ бумагъ мѣстами сказывалась очень сильно. Бернскій трактатъ установилъ однообразную заграничную таксу и это была чрезвычайно важная побѣда. Что же касается безплатнаго транзита, который уменьшилъ бы стоимость отправленій и облегчилъ бы обмѣнъ корреспонденціи, его добиться не могли, но, по крайней мѣрѣ, была установлена неизмѣнная и настолько низкая такса за провозъ, что она почти нечувствительна для публики *). Затѣмъ, Бернскій трактатъ облегчилъ почтовое движеніе и уничтожилъ препятствія, затруднявшія административныя сношенія.

Но *самое знаменательное дѣло Бернскаго договора лежитъ въ устройствѣ союза, какъ постояннаго международноправового института.* Широкое и прочное основаніе, на которомъ покоится это установленіе, позволяетъ не только увеличивать кругъ его дѣйствій черезъ расширеніе области географическаго распространенія союза, но и развивать значеніе его дѣятельности и цѣлей, преслѣдуемыхъ имъ.

Назвавъ всемірной почтовой *уніей* совокупность государствъ, подписавшихъ Бернскую конвенцію, хотѣли, повидимому, подчеркнуть ихъ солидарность сильнѣе, чѣмъ это было сдѣлано относительно телеграфа. Здѣсь мы видимъ желаніе установить между членами новаго союза болѣе тѣсную связь, и на этотъ признакъ тогдашняго состоянія умовъ слѣдуетъ обратить вниманіе.

Но употребленіе термина „унія“ хотя и нашло себѣ

---

*) Противниками безплатнаго транзита выступили страны, лежащія на главныхъ путяхъ международныхъ сношеній, Бельгія, Франція и управленія, поддерживающія заокеанскія сношенія. Въ самомъ дѣлѣ, Бельгія провозитъ въ десять разъ больше иностранной корреспонденціи, чѣмъ сколько сама отправляетъ транзитомъ въ другія страны. Полная безплатность транзита причинила бы ей около милліона франковъ ежегоднаго убытка. Франція почти во всѣхъ своихъ почтовыхъ договорахъ имѣла высокое вознагражденіе за транзитъ, отъ котораго отказаться сразу, особенно при своемъ тяжеломъ экономическомъ положеніи въ 70-хъ гг., она не имѣла ни малѣйшаго желанія.

оправданіе въ томъ положеніи Конвенціи, которое гласило, что союзныя государства образуютъ „единую почтовую территорію для взаимнаго обмѣна корреспонденціи“, оно, однако, не помѣшало различнымъ законодательствамъ дѣйствовать, какъ и прежде, иногда даже и въ области международныхъ сношеній, въ разныхъ мѣстахъ этой якобы единой территоріи.

Конвенція 1874 г. пересматривалась въ 1878 г. въ Парижѣ, затѣмъ въ 1885 г. въ Лиссабонѣ и въ Вѣнѣ въ 1891 г. Нынѣ дѣйствуетъ текстъ, установленный въ Вѣнѣ, что же касается Регламента, то онъ раздѣлялъ судьбу Конвенціи. Д-ръ Стефанъ въ послѣднемъ засѣданіи Вѣнскаго конгресса слѣдующимъ образомъ охарактеризовалъ стадіи развитія почтовой уніи: „Бернскій договоръ основалъ наше дѣло, воздвигнулъ зданіе, Парижскій расширилъ его, Лиссабонскій укрѣпилъ, Вѣнскій конгрессъ довершилъ его и увѣнчалъ. Онъ укрѣпилъ на вершинѣ зданія знамя, которое будетъ вѣять отнынѣ надъ пятью частями свѣта, какъ выраженіе единаго почтоваго дѣла и цивилизаціи“.

Почтовая унія организовалась на тѣхъ же общихъ всемірнымъ уніямъ началахъ, что и телеграфный союзъ. Основной договоръ, принятіемъ котораго обусловлено вступленіе въ унію, регулируетъ: 1) виды международной корреспонденціи; 2) свободу почтовыхъ сношеній и транзита; 3) почтовыя взиманія; 4) вознагражденіе за транзитъ; 5) счеты между государствами; 6) отвѣтственность почтовыхъ управленій за корреспонденцію; 7) право собственности на пересылаемую корреспонденцію; 8) международную охрану почтовыхъ марокъ союзныхъ странъ; 9) почтовую регалію на корабляхъ.

Членами почтовой уніи, какъ и телеграфной, являются не только самостоятельныя государства, но и колоніи и другія владѣнія *). Чтобы составить себѣ по-

*) И здѣсь, какъ и въ телеграфномъ союзѣ, единственнымъ основаніемъ самостоятельнаго участія колоній является значеніе

нятіе объ ея ростѣ и жизненности, достаточно сказать, что Бернскій договоръ охватывалъ 21 государство съ населеніемъ въ 350.000.000 и территоріей въ 37.000.000 кв. километровъ, теперь же въ немъ около 60 членовъ, и онъ занимаетъ площадь въ 100 милліоновъ кв. километровъ съ населеніемъ свыше милліарда душъ. Изъ всѣхъ государствъ земли въ немъ не участвуютъ только Китай и Оранжевая республика; съ ихъ присоединеніемъ союзъ станетъ всемірнымъ не только по идеѣ, но и въ дѣйствительности.

Особенность почтовой уніи—это существованіе въ ней групповыхъ соглашеній ея членовъ по вопросамъ, не получившимъ единогласія. Названіе „Конвенціи“ сохранили для основного акта, а словомъ „Соглашеніе“ пользуются для актовъ, подписанныхъ меньшимъ числомъ государствъ. Этихъ спеціальныхъ соглашеній въ 1891 г. было шесть: „относительно писемъ съ объявленною цѣнностью“, „почтовыхъ переводовъ“, „посылокъ безъ цѣны“, „почтовыхъ порученій“, „почтовыхъ удостовѣреній личности“ и „почтовой подписки на журналы и газеты“.

Такія новообразованія въ нѣдрахъ самого союза способствуютъ его жизненности и развитію. Принятыя, сначала, ограниченнымъ числомъ государствъ, они, мало-по-малу, расширяясь, могутъ превратиться во всемірные договоры и слиться съ основнымъ актомъ. Ихъ слѣдуетъ отличать отъ частныхъ договоровъ между союзниками, потому что *они въ принципѣ связаны съ основнымъ договоромъ и пользуются центральными органами основной уніи*, каковы періодическія собранія, третейскій судъ и международное бюро.

ихъ культурно-соціальныхъ и экономическихъ интересовъ. По крайней мѣрѣ, въ засѣданіи конгресса 20 мая 1878 г. представитель Даніи высказалъ мнѣніе, что предоставленіе права голоса колоніямъ должно зависѣть не отъ ихъ географическаго протяженія, но отъ значенія ихъ для всеобщихъ почтовыхъ сношеній. Его заявленіе было принято громаднымъ большинствомъ голосовъ.

Переходимъ къ разсмотрѣнію этихъ органовъ почтовой уніи.

Знакомясь съ организаціей телеграфнаго союза, мы видѣли, что союзное собраніе постепенно утрачивало свой дипломатическій характеръ и обратилось въ простыя конференціи представителей управленій, и что, соотвѣтственно этому, суживалась его компетенція. Ничего подобнаго мы не встрѣчаемъ въ почтовомъ союзѣ. Онъ сохранилъ конгрессы *полномочныхъ представителей* договорныхъ странъ и *конференціи управленій*. Болѣе важные вопросы обусловливаютъ созваніе конгрессовъ, менѣе важные—только конференцій. На практикѣ, однако, такое разграниченіе не привилось и почтовые конгрессы, всегда носящіе дипломатическій характеръ, хотя и состоящіе изъ лицъ высшей почтовой администраціи, исключительно вѣдаютъ дальнѣйшее развитіе относящихся сюда международныхъ соглашеній. Конференціи почти не собирались и, такимъ образомъ, не привились на практикѣ.

Почтовые конгрессы представляютъ собой первый примѣръ регулярно собирающагося всемірнаго собранія. Они нерѣдко отличаются блестящимъ личнымъ составомъ и всегда плодотворностью и обиліемъ своихъ трудовъ. Не говоря о первомъ изъ нихъ, Бернскомъ, создавшемъ унію, укажемъ на послѣдній, собравшійся въ Вѣнѣ въ 1891 г., гдѣ было 97 делегатовъ отъ 52 управленій, а вмѣстѣ съ секретарями число присутствовавшихъ доходило до 130 представителей разныхъ національностей.

Разница почтовыхъ конгрессовъ отъ тѣхъ временныхъ международныхъ собраній, которыя созываются по мѣрѣ надобности и занимаются вопросами, выдвигаемыми даннымъ состояніемъ международныхъ отношеній, состоитъ въ томъ, что *почтовые конгрессы—учрежденія юридическія, правильно собирающіяся въ указанномъ порядкѣ, составъ и дѣятельность которыхъ напередъ урегулированы.*

Независимо отъ поправокъ, вносимыхъ періодиче-

скими конгрессами въ международный почтовый законъ, этотъ послѣдній можетъ во всякое время подвергаться измѣненіямъ. Какъ только одинъ изъ участниковъ союза желаетъ какого-нибудь нововведенія, онъ можетъ предложить его своимъ сочленамъ и, если послѣ письменнаго опроса договаривающіяся государства единогласно, или болѣе или менѣе значительнымъ большинствомъ, смотря по характеру вопроса, выразятъ свое согласіе, то новое правило смѣняетъ старое и получаетъ силу закона. Такимъ образомъ осуществляется, въ ограниченной сферѣ, правда, постоянный международный парламентъ, о которомъ мечтало столько публицистовъ. Этотъ парламентъ въ миніатюрѣ не остается бездѣятельнымъ; благодаря данной ему организаціи, онъ безпрерывно законодательствуетъ и, не отнимая значенія у конгрессовъ, время отъ времени согласующихъ и дополняющихъ его дѣйствія, является практическимъ средствомъ осуществлять полезныя реформы, какъ только признана ихъ своевременность. Внимательному наблюдателю здѣсь есть надъ чѣмъ подумать. Можетъ быть онъ откроетъ здѣсь плодоносный зародышъ, способный при благопріятныхъ обстоятельствахъ развиться и породить великія вещи. Пока же отмѣтимъ только этотъ первый шагъ человѣчества на пути, которому, по всей вѣроятности, принадлежитъ будущее.

Телеграфная Конвенція не подвергается такимъ частымъ измѣненіямъ, какъ почтовая. Какъ мы видѣли, она ограждена отъ передѣлокъ, которыя пожелали бы внести въ нее заинтересованныя управленія; даже на конференціи они вправѣ касаться одного только Регламента. Въ почтовомъ дѣлѣ такого различія не существуетъ; извѣстныя рѣшенія не предоставлены въ исключительное вѣдѣніе дипломатовъ, тогда какъ другія на благоусмотрѣніе практиковъ дѣла. Компетенція послѣднихъ была признана во всемъ, и до сихъ поръ еще не было повода жалѣть объ этомъ. Но необходимо помнить, что участники почтовыхъ кон-

грессовъ, будучи дѣятелями практики, въ то же время полномочные представители государствъ.

Странно, что, составивъ свой проектъ почтоваго договора подъ вліяніемъ того, что было сдѣлано для телеграфа, Германія проглядѣла существованіе международнаго бюро. Изъ всѣхъ постановленій Конвенціи 1865 г., именно то, которое касалось бюро, всего несомнѣннѣе требовало подражанія отъ собранія 1874 г. Къ счастію, этотъ пробѣлъ былъ заполненъ во время самыхъ преній конгресса. Делегатъ Бельгіи Виншенъ, горячо поддерживавшій въ Парижѣ идею учрежденія бюро въ телеграфномъ союзѣ, настаивалъ на такой же организаціи и въ почтовой уніи и не встрѣтилъ противодѣйствія. Нѣкоторыя поправки къ его предложенію имѣли цѣлью только отнять у бюро характеръ „власти“ и свести его къ роли „помощника“.

Бюро открыло свои дѣйствія 15 сентяря 1875 года и мѣстопребываніемъ его былъ признанъ Бернъ *).

Мы разсмотримъ дѣятельность почтоваго бюро, изъ котораго хотѣли сдѣлать „сердце и мысль союза“, съ точки зрѣнія ея сходства и различія съ дѣятельностью телеграфнаго бюро—параллель, которая напрашивается сама собою, такъ какъ второе служило образцомъ первому.

Какъ на то, такъ и на другое возлагаются два рода работъ: однѣ изъ нихъ постоянныя и правиль-

---

*) Персоналъ его состоитъ изъ директора и шести чиновниковъ. Швейцарія выдаетъ авансомъ международному бюро нужныя ему деньги, но члены союза возвращаютъ эти расходы, при чемъ на долю каждаго ложится часть, пропорціональная размѣрамъ его почтоваго движенія. Возмѣщеніе издержекъ бюро совершается по той же системѣ, какъ и въ телеграфномъ союзѣ, съ тою разницей, что страны дѣлятся не на шесть, а на семь классовъ. Въ 1890 г., который можно считать нормальнымъ, максимумъ взноса былъ 3875, а минимумъ 155 франковъ.

Сперва на содержаніе бюро было ассигновано 75,000 франковъ, кромѣ расходовъ на конференціи, но потомъ замѣтили, что этого недостаточно, и ему были разрѣшены траты до 100 и даже до 125,000 франковъ; но расходы бюро никогда не достигаютъ этой цифры и рѣдко превышаютъ 80,000 фр.

ныя. но къ нимъ безпрестанно присоединяются еще другія занятія, тоже нормальныя, но неопредѣленныя ни по своему количеству, ни по времени исполненія.

Слѣдующая фраза Почтовой Конвенціи, буквально заимствованная изъ телеграфной, требуетъ отъ бюро „собиранія, согласованія, публикаціи и разсылки всякаго рода свѣдѣній, касающихся международной почтовой службы", а Регламентъ прибавляетъ, „что оно должно служить посредникомъ во всякаго рода правильныхъ и общихъ извѣщеніяхъ, касающихся международныхъ сношеній". Документы, которые союзныя управленія должны сообщать другъ другу при посредствѣ бюро точно поименованы, равно какъ и документы, предназначенные только для бюро. Сперва эти требованія простирались гораздо дальше: хотѣли, чтобы каждое правительство сообщало все, что оно публикуетъ относительно своихъ частныхъ дѣлъ. Поднялись протесты и Парижскій конгрессъ удовлетворилъ недовольныхъ, исключивъ всѣ вопросы внутренней почтовой службы.

Нѣкоторое противодѣйствіе встрѣчаетъ бюро при собираніи статистическихъ данныхъ, которыя оно обязано представлять въ общей таблицѣ и для которыхъ выработало опредѣленную форму, такъ что требуется только заполненіе со стороны союзныхъ управленій установленныхъ рубрикъ. Вслѣдствіе этого противодѣйствія ежегодныя статистическія изданія бюро менѣе полны, хотя и болѣе объемисты, чѣмъ такія же изданія въ области телеграфнаго дѣла. Но и здѣсь удалось все-таки добиться нѣкотораго успѣха. На Лиссабонскомъ конгрессѣ, внимательно занимавшемся этимъ вопросомъ, выяснилась польза правильной постановки этого дѣла и, несмотря на то, что число вопросовъ, обращенныхъ къ каждому управленію, значительно возросло,—245 вмѣсто 131,—съ тѣхъ поръ отвѣты стали присылаться регулярнѣе.

Вѣнская конференція 1891 года возложила на бюро крупную работу—изданіе „Указателя почтовыхъ

конторъ всего міра". Наконецъ, слѣдуетъ также упомянуть о издаваемомъ бюро журналѣ „Почтовая унія".

До сихъ поръ мы видѣли, что почтовое бюро дѣлаетъ то же, что и телеграфное, но сходство это не простирается дальше, по крайней мѣрѣ на почвѣ постоянныхъ работъ. Отъ этого центральнаго органа не требуется ни географическихъ картъ, ни составленія тарифовъ.

Съ другой стороны, въ 1874 г. относительно бюро высказывали предположеніе, что оно „облегчитъ международные расчеты". Эти пожеланія, тѣмъ не менѣе, остались безъ послѣдствій и совершенно исчезли изъ текста Конвенціи, когда она пересматривалась въ 1878 г. Тогда оставили даже безъ вниманія составленный бюро проектъ „Центральнаго учрежденія для счетоводства и расчетовъ", которое было бы поставлено въ болѣе благопріятныя, чѣмъ бюро, условія для этого дѣла. Въ настоящее время почтовыя управленія могутъ обращаться, въ случаѣ желанія, къ бюро для ликвидаціи своихъ взаимныхъ счетовъ, но они къ этому ни мало не принуждаются.

Во второй группѣ работъ, обязательныхъ для бюро, но не являющихся его ежедневнымъ и непрерывнымъ дѣломъ, первое мѣсто занимаетъ его участіе въ почтовыхъ конгрессахъ. Эти конгрессы или конференціи собираются, по крайней мѣрѣ, каждыя пять лѣтъ. Вытекающія отсюда обязанности директора бюро и его подчиненныхъ тѣ же, что и во время конгрессовъ телеграфныхъ: они подготовляютъ необходимый матеріалъ, заботятся о напечатаніи копій и другихъ нужныхъ изданій во время сессіи и публикуютъ затѣмъ отчетъ о ней. Лиссабонскій конгрессъ поручилъ, напримѣръ, бюро предварительное изученіе всѣхъ проектовъ, которые были ему представлены, но которыхъ онъ не нашелъ возможнымъ принять. По этимъ вопросамъ бюро входило въ сношенія съ предложившими ихъ государствами и т. п.

Наконецъ, подобно телеграфному, почтовое бюро

находится въ распоряженіи членовъ союза, которые во всякое время могутъ потребовать отъ него довольно разнообразныхъ услугъ, распредѣляющихся на три группы. Отъ него могутъ потребовать *справокъ*, могутъ просить *юридическаго совѣта*, или поручить *собрать голоса соединенныхъ государствъ*. Мы сейчасъ увидимъ, въ какой мѣрѣ заинтересованные пользовались этимъ правомъ.

Справки. Знакомство съ условіями иностранной почтовой службы необходимо для администраторовъ каждаго государства, но литература этого предмета долгое время доставляла лишь неполныя указанія; съ другой стороны, сами они не обладаютъ достаточнымъ досугомъ для изысканій по этому вопросу и международное бюро дѣлаетъ это вмѣсто нихъ. Когда дѣло идетъ о предметахъ, имѣющихъ общій интересъ, оно наводитъ необходимыя справки, если не можетъ отвѣтить немедленно, и занимается изслѣдованіями, за которыми къ нему обратились.

Парижскій конгрессъ 1878 года уполномочилъ бюро на двѣ подобныя работы, которыя удались на столько, что Лиссабонскій конгрессъ 1885 г. поручилъ ему уже четыре работы. Въ періодъ между этими съѣздами, такъ же какъ и послѣ нихъ, отдѣльные члены уніи не отказывали себѣ въ услугахъ бюро для такихъ же работъ.

Эти изысканія совершаются путемъ циркулярныхъ опросовъ и такимъ же путемъ доводятся до свѣдѣнія заинтересованныхъ. Обыкновенно они отнимаютъ много времени, такъ какъ у бюро ихъ всегда нѣсколько на рукахъ; напримѣръ, въ 1889 году ихъ было девять. Но бюро, сознавая ихъ пользу, не жалуется на это. „Мы съ удовольствіемъ должны сказать, — пишетъ оно въ одномъ изъ своихъ отчетовъ, — что нѣкоторыя изъ этихъ справокъ имѣли хорошія послѣдствія. Знакомя со взглядами большинства администрацій на вопросы, къ которымъ онѣ относились, а также и съ общею практикой въ этомъ

случаѣ, онѣ побудили значительное число управленій примѣнить ту же практику. Такимъ образомъ, онѣ способствовали развитію единства во взглядахъ и практикѣ, что составляетъ одно изъ благодѣяній союза".

Юридическіе отзывы. Уже при основаніи уніи предвидѣлась возможность недоразумѣній по поводу толкованія Конвенціи и потому въ своемъ проектѣ учрежденія международнаго бюро бельгійцы предлагали, чтобы при столкновеніяхъ подобнаго рода, прежде чѣмъ прибѣгать къ третейскому суду, стороны сообщали о нихъ бюро, которое выскажетъ свое мотивированное мнѣніе по спорному вопросу и постарается привести къ соглашенію сторонниковъ различныхъ взглядовъ. Но такое обязательное вмѣшательство въ ихъ споры безотвѣтственнаго органа показалось договаривающимся государствамъ посягательствомъ на ихъ суверенитетъ или, по крайней мѣрѣ, на ихъ престижъ, а потому рѣшено было ограничить вмѣшательство бюро лишь тѣми случаями, когда къ нему обратятся сами спорящія стороны. Бюро, однако, фактически является носителемъ судебной функціи. Государства довѣряютъ его знаніямъ и справедливости, и его рѣшенія почти всегда прекращаютъ споры. Съ перваго года своего существованія оно могло констатировать, что большая часть недоразумѣній, по поводу которыхъ ему пришлось высказаться, разрѣшилась безъ труда и безъ необходимости прибѣгать къ третейскому суду, на который Конвенція указала, какъ на вторую инстанцію. Бюро любезно приписало это „духу справедливости, умѣренности и взаимной уступчивости, которымъ проникнуты члены уніи", но можно думать, что, не прояви оно само столько такта и мудрости въ своихъ совѣтахъ, оно не могло бы похвалиться такими успѣхами.

Въ своихъ *годичныхъ отчетахъ* бюро тщательно отличаетъ отзывы, данные имъ, согласно постановленію конвенціи, „по требованію заинтересованныхъ сторонъ", отъ мнѣній, высказанныхъ по желанію одной

изъ нихъ, а такія всегда въ большинствѣ. Оно заявило, что „всякій разъ, когда кто-нибудь изъ членовъ союза предлагалъ ему указать на ошибочное примѣненіе договора или регламента, оно считало себя обязаннымъ уступить этому желанію“. Впрочемъ, на дѣлѣ подобныя мнѣнія только частныя консультаціи, рѣшенія которыхъ не обязательны для третьихъ лицъ.

Бюро пошло еще дальше и вступило на болѣе скользкую почву, гдѣ, къ счастію, не встрѣтило никакихъ препятствій. „Въ рѣдкихъ случаяхъ, когда бюро считало своимъ долгомъ сдѣлать заявленія по собственному почину“, говорится въ его отчетѣ, „оно обыкновенно облекало свои замѣчанія въ форму просьбы о справкѣ относительно пункта, который, по его мнѣнію, толковался въ смыслѣ противномъ общему пониманію остальныхъ управленій. Эти прямыя или косвенныя попытки принимались всегда очень „привѣтливо“, прибавляетъ отчетъ бюро. За послѣднее время, однако, бюро считаетъ возможнымъ только тогда вмѣшиваться въ споры между союзниками, когда содѣйствіе его испрашивается всѣми заинтересованными сторонами. Это не только благоразумно, но и болѣе согласно съ постановленіями договора, чѣмъ предшествующая практика.

Собираніе голосовъ. (голосованіе). Выше было сказано, что союзныя управленія могутъ во всякое время требовать измѣненій въ основныхъ актахъ союза. Если они желаютъ воспользоваться этимъ правомъ, что случается безпрестанно, они направляютъ свои предложенія въ международное бюро, которое докладываетъ о нихъ всѣмъ участникамъ союза и ведетъ все дѣло. Въ теченіе 5 мѣсяцевъ оно собираетъ мнѣнія, замѣчанія, поправки или контръ-проекты, послѣ чего сообщаетъ управленіямъ всѣ полученные отвѣты, предлагая имъ въ полугодовой срокъ высказаться за или противъ первоначальнаго проекта. По истеченіи этого времени оно сообщаетъ имъ объ окончательномъ результатѣ совѣщанія. Если отсюда выте-

кается рѣшеніе, влекущее за собой измѣненіе Конвенціи, то для того, чтобы оно получило законную силу, нужно, чтобы Союзный Совѣтъ Швейцаріи дипломатическимъ путемъ извѣстилъ о немъ договаривающіяся государства; если же исходъ дѣла отрицательный или касается только Регламента, достаточно простого увѣдомленія со стороны бюро.

При этомъ заслуживаетъ особаго вниманія, что измѣненія въ основномъ актѣ получаютъ обязательную силу лишь при условіи единогласія всѣхъ государствъ, членовъ союза, если эти измѣненія касаются опредѣленныхъ статей Конвенціи; при наличности двухъ третей голосовъ, когда они касаются измѣненія другихъ постановленій Конвенціи, и при наличности простого большинства голосовъ, когда они касаются разъясненія постановленій Конвенціи. *Принципъ установленія международныхъ соглашеній по большинству голосовъ, а не единогласно, является совершенно новымъ началомъ въ области международныхъ соглашеній* и будущее покажетъ, насколько его допущеніе возможно и желательно при современномъ строѣ международной жизни.

Когда почтовыя управленія сомнѣваются насчетъ толкованія какой-нибудь важной статьи Конвенціи или Регламента и желаютъ узнать ея подлинный смыслъ, международное бюро должно доставить имъ это объясненіе. Для этого оно письменно справляется съ мнѣніемъ самого законодателя, т.-е. членовъ союза, такимъ же путемъ, какъ въ случаяхъ, когда дѣло идетъ о установленіи измѣненій, затѣмъ доводитъ до всеобщаго свѣдѣнія мнѣніе, взявшее верхъ, не прибѣгая при этомъ къ посредничеству Союзнаго Совѣта.

Конвенція почтовой уніи вводитъ въ принципѣ третейское разбирательство спорныхъ дѣлъ между членами уніи, отмѣчаетъ дѣла, подлежащія суду, и въ немногихъ словахъ устанавливаетъ начала устройства и производства союзнаго суда.

Въ случаѣ спора между двумя или болѣе членами

уніи относительно толкованія союзнаго договора, а также относительно отвѣтственности той или другой администраціи при потерѣ заказного отправленія, спорный вопросъ долженъ быть рѣшенъ третейскимъ судомъ. Каждое изъ почтовыхъ управленій, причастныхъ къ спорному дѣлу, выбираетъ члена союза, непричастнаго непосредственно къ дѣлу. Рѣшеніе произносится по большинству голосовъ, при раздѣленіи которыхъ судъ избираетъ для постановленія приговора третье, также непричастное къ дѣлу, управленіе. Должно замѣтить, что большинство споровъ до суда не доходило и затрудненія устранялись обмѣномъ мнѣній между заинтересованными управленіями при участіи международнаго бюро.

Мы видѣли, что для удовлетворенія потребностей почтовой уніи были созданы международные органы трехъ родовъ: 1) конгрессы и конференціи, 2) руководящее правительство *) и международное бюро, 3) третейскій судъ. Это именно тѣ органы, которые мы находимъ, по общему правилу, и въ другихъ уніяхъ. Такимъ образомъ, почтовая унія имѣетъ организацію, соотвѣтствующую современнымъ международно-правовымъ представленіямъ. Организація эта послужила образцомъ для подражанія со стороны уній, возникшихъ послѣ 1874 г., хотя, съ своей стороны, многое заимствовала у телеграфнаго союза. Устройство почтовой уніи, можно сказать, устройство типъ. Существованіе этой организаціи превращаетъ почтовую Конвенцію изъ простого международнаго соглашенія въ соглашеніе о *всемірной уніи*.

Положимъ, объединеніе совершилось только въ общихъ чертахъ и еще не полно, но мы видѣли, какъ оно распространяется вглубь, охватывая подробности въ групповыхъ союзахъ, и нѣтъ основанія думать, чтобы это движеніе остановилось на полпути. Практическіе

*) Таковымъ являетея правительство Швейцаріи. Сказанное на стр. 135 относительно телеграфнаго союза должно быть распространено и на почтовую унію.

выгоды почтовой уніи неисчислимы, и громадно вмѣстѣ съ тѣмъ ея нравственное значеніе. Самымъ фактомъ своего существованія она ежеминутно напоминаетъ людямъ о томъ, что у нихъ есть общія цѣли и общіе интересы; она доказываетъ возможность общей работы во имя этихъ цѣлей и этихъ интересовъ; это первый узелъ, связавшій все человѣчество, и не даромъ онъ послужилъ образцомъ и примѣромъ для всѣхъ другихъ уній.

III.

Международная унія для публикаціи таможенныхъ тарифовъ.

1-го іюля 1890 г. открыла свои засѣданія въ Брюсселѣ международная конференція относительно публикаціи таможенныхъ тарифовъ. Она не касалась самаго принципа таможеннаго обложенія, но, принимая его, какъ существующій фактъ, видѣла свою задачу въ ограниченіи различнаго рода затрудненій, связанныхъ съ существованіемъ таможенныхъ тарифовъ.

Въ самомъ дѣлѣ, таможенные законы—важный факторъ въ международной торговлѣ, и лица, ею занимающіяся, должны знать таможенные порядки разныхъ странъ, съ которыми ведутъ дѣловыя сношенія. Распространеніе правильныхъ и точныхъ данныхъ, касающихся этихъ порядковъ, такова была задача собравшейся въ Брюсселѣ конференціи. Президентъ конференціи, баронъ Ламбермонъ, сторонникъ свободной торговли, высказывался въ томъ смыслѣ, что такое отношеніе къ вопросу о таможенномъ обложеніи—лишь исходъ на худой конецъ, и что гораздо лучше было бы вовсе уничтожить пошлины; но онъ признавалъ, что, хотя значительный ростъ торговаго движенія—одинъ изъ поразительнѣйшихъ фактовъ современности, однако, еще далеко до уничтоженія преградъ въ видѣ таможенныхъ пошлинъ и худо ли, хорошо ли, но нужно къ нимъ приспособляться.

Германія, Англія, Бельгія, Франція, Испанія, Соединенные Штаты, Италія и Швейцарія еще до созванія конференціи 1890 г., публикуя документы, касающіеся условій ввоза и вывоза товаровъ во всѣхъ странахъ, дѣлали попытки содѣйствовать международной торговлѣ своихъ подданныхъ. Это былъ прогрессъ сравнительно съ предшествующимъ временемъ, когда необходимыя въ этомъ отношеніи свѣдѣнія почерпались только изъ частныхъ изданій.

Частныя лица, при всемъ желаніи, не имѣли возможности услѣдить за измѣненіями, которыя вносятъ въ тарифъ законодательныя мѣры, международныя соглашенія и, главнымъ образомъ, торговые договоры, вообще за всѣми колебаніями таможенной политики и торговой системы даннаго государства. Но, кромѣ того, бельгійское правительство, изучивъ означенныя изданія, обнаружило всю ихъ несостоятельность. Оно установило, что воспроизведенія одного и того же тарифа, сдѣланныя въ разныхъ мѣстахъ, не соотвѣтствовали другъ другу; что большая часть опубликованныхъ сборниковъ неполна; что оставлены безъ вниманія или невѣрно указаны измѣненія тарифовъ. Наконецъ, сборники эти всегда запаздывали появленіемъ.

Въ виду этого бельгійское правительство обратилось къ содѣйствію всѣхъ заинтересованныхъ государствъ съ предложеніемъ учредить въ Брюсселѣ международное бюро, на обязанности котораго лежала бы публикація таможенныхъ тарифовъ міра со всѣми измѣненіями, которымъ они подвергаются, и съ переводомъ ихъ на главнѣйшіе языки. Оно предлагало придать международный характеръ организаціи бюро для перевода таможенныхъ тарифовъ, которое уже дѣйствовало въ Бельгіи и доставляло большія удобства подданнымъ этой страны.

Отъ мысли быстро перешли къ дѣлу. Въ Брюсселѣ былъ составленъ и 5-го іюня 1886 г. разосланъ правительствамъ государствъ и колоній всего свѣта предварительный проектъ. Повидимому, проектъ этотъ

отвѣчалъ очень настоятельной потребности, такъ какъ, черезъ нѣкоторое время послѣ его разсылки, 1-го марта 1888 г., государства и автономныя колоніи, въ числѣ 72-хъ, приняли его въ принципѣ. Такимъ общимъ сочувствіемъ былъ обезпеченъ успѣхъ дѣла, и оставалось только сговориться насчетъ подробностей.

Франція, Германія и Австро-Венгрія отвѣтили, однако, что тѣ переводы, которые дѣлаются ими самостоятельно, удовлетворяютъ потребностямъ ихъ національной торговли. Мы увидимъ ниже, что Франція и Австро-Венгрія, въ концѣ-концовъ, присоединились къ уніи, а Германія доселѣ не вошла въ нее. Съ одной стороны, она права, такъ какъ тѣ переводы иностранныхъ тарифовъ, которые даются въ Handelsarchiv, мало въ чемъ уступаютъ переводамъ, публикуемымъ международнымъ бюро. Но, съ другой стороны, вслѣдствіе своего нежеланія примкнуть къ общему соглашенію, она переплачиваетъ крупныя суммы за самостоятельный переводъ и отдѣльное изданіе тарифовъ всѣхъ государствъ земли.

Съ 15-го марта 1888 г. открылись въ Брюсселѣ засѣданія конференціи, въ составъ которой входили представители 25 государствъ и колоній, и 6 засѣданій было посвящено обсужденію предварительнаго проекта. Но собраніе оказалось слишкомъ малочисленнымъ и не всѣ уполномоченные были снабжены опредѣленными инструкціями, такъ что нельзя было и думать о выработкѣ договора въ окончательной формѣ. Поэтому ограничились лишь подготовительною работой, а именно установленіемъ основаній соглашенія, и рѣшили собраться вновь черезъ полгода.

Но прошло два года, прежде чѣмъ дѣло это двинулось впередъ. Только въ іюлѣ 1890 г. оказалось возможнымъ приступить къ новому обсужденію вопроса и къ заключенію договора, съ содержаніемъ котораго мы сейчасъ познакомимся.

Онъ положилъ начало уніи для публикаціи таможенныхъ тарифовъ. „Вышепоименованныя страны,

читаемъ мы въ 1 ст. договора, а равно всѣ тѣ, которыя присоединятся къ нимъ впослѣдствіи, образуютъ ассоціацію подъ названіемъ: „Международная унія для публикаціи таможенныхъ тарифовъ". Цѣль уніи— съ возможною быстротой и точностью на общія средства публиковать таможенные тарифы разныхъ государствъ земного шара и тѣ измѣненія, которымъ эти тарифы будутъ подвергаться впослѣдствіи *).

Особенность тарифной конвенціи, отличающая ее отъ уже знакомыхъ намъ административныхъ соглашеній, это опредѣленіе срока ея дѣйствія. Она должна оставаться въ силѣ семь лѣтъ, а затѣмъ ея существованіе будетъ вновь продолжаемо на семилѣтніе промежутки. Впрочемъ, правительства во всякое время могутъ вносить въ нее улучшенія, но не иначе, какъ съ общаго согласія.

Но въ тоже время договоръ 1890 г. не предусматриваетъ, какимъ образомъ достигается это общее согласіе, такъ какъ разсматриваемая унія довольствуется неполной союзной организаціей, не устанавливая созыва періодическихъ конференцій. По проекту 1888 г. вопросы относительно измѣненія статей Конвенціи и регламента должны были рѣшаться при помощи переписки между договаривающимися государствами и просто по большинству голосовъ. Но въ актѣ 1890 г. этого постановленія не имѣется.

Присоединеніе къ уніи требуетъ письменнаго заявленія бельгійскому правительству, которое сооб-

---

*) Подъ договоромъ находятся подписи: Аргентины, Австро-Венгріи, Бельгіи, Боливіи, Чили, Конго, Коста-Рики, Даніи и ея колоній, Испаніи и ея колоній, С.-А.-Соединенныхъ Штатовъ, Франціи и ея колоній, Великобританіи и ея колоній, Британской Индіи, Канады, Западной Австраліи, Мыса Доброй Надежды, Наталя, Новаго Южнаго Валлиса, Новой Зеландіи, Квинсленда, Тасманіи, Нью-Фаундленда, Викторіи, Греціи, Гватемалы, Гаити, Италіи и ея колоній, Мексики, Никарагуа, Парагвая, Нидерландовъ и ихъ колоній, Перу, Португаліи и ея колоній, Румыніи, Россіи, Сальвадора, Сіама, Швейцаріи, Турціи, Уругвая, Венецуэлы.

щаетъ объ этомъ другимъ союзнымъ правительствамъ, оно же должно быть извѣщено о выходѣ изъ союза, что не допускается, однако, до истеченія семилѣтняго срока. По примѣру знакомыхъ намъ союзовъ, членами уніи могутъ быть не только самостоятельныя государства, но и колоніи.

Обязанность публикаціи таможенныхъ тарифовъ возлагается на „международное бюро“, заботами котораго должны быть переведены и опубликованы какъ тарифы, такъ и законодательные или административные акты, ихъ измѣняющіе *).

Мѣстопребываніемъ бюро избранъ Брюссель. „Надѣюсь“, говорилъ представитель Бельгіи, „что предложеніе признать столицу моего отечества мѣстопребываніемъ бюро не противорѣчитъ высшимъ намѣреніямъ. Бельгія никому не внушаетъ, да и не можетъ внушать, опасеній. Если мнѣ позволено будетъ повторить выраженіе, примѣненное вчера къ другому народу, она также очагъ мира. Нейтралитетъ характеризуетъ ея политическое положеніе, и она всегда оставалась ему вѣрна. Конечно, она не останется безучастной къ мирной борьбѣ духовнымъ оружіемъ, но, такъ же какъ и о всякой другой націи, о ней можно сказать, что она живетъ торговлею и промышленностью. Это обстоятельство и заставляетъ ее предложить свое гостепріимство учрежденію, которое намъ предстоитъ создать на пользу общей торговли“. Бюро поручается попеченію бельгійскаго министерства иностранныхъ дѣлъ, которое назначаетъ его служащихъ, выдаетъ денежные авансы, слѣдитъ за правильностью

---

*) Въ сущности вся задача уніи сводится исключительно къ организаціи бюро. На конференціи 1888 г. ея членамъ былъ представленъ, между прочими матеріалами, и сборникъ свѣдѣній, касающихся международныхъ бюро, дѣйствовавшихъ до того времени. „Такимъ образомъ, какъ выразился турецкій делегатъ, передъ глазами конференціи развернулась и заблистала золотая цѣпь реформъ, съ каждымъ днемъ все болѣе уменьшающихъ преграды между народами“.

работы, словомъ, принимаетъ надлежащія мѣры къ тому, чтобы оно организовалось и дѣйствовало согласно намѣреніямъ законодателя.

Сборникъ, публикуемый бюро, носитъ названіе: „Международный таможенный бюллетень: органъ международной уніи для публикаціи таможенныхъ тарифовъ“. Онъ выходитъ на пяти языкахъ: нѣмецкомъ, англійскомъ, испанскомъ, французскомъ и итальянскомъ. Такъ какъ каждый переводъ требуетъ большихъ расходовъ, то и пришлось ограничить число языковъ, на которыхъ публикуются изданія бюро, но имѣлось въ виду присоединеніе новаго языка къ пяти первоначальнымъ, если бы въ бюджетѣ бюро оказались достаточныя для этого сбереженія. Государства, языкъ которыхъ не вошелъ въ изданіе, несутъ, сравнительно съ остальными, на двѣ пятыхъ меньшій расходъ.

Трудность точной передачи текста законовъ и распоряженій вызвала постановленіе, по которому правительства не отвѣтственны за неточности, допущенныя въ переводахъ бюро, и, въ спорныхъ случаяхъ, рѣшающее значеніе принадлежитъ оригинальному тексту.

Во избѣжаніе конкурренціи, которую могло бы встрѣтить бюро при перепечаткѣ его Бюллетеней, постановлено считать унію собственницей переводовъ, сдѣланныхъ и опубликованныхъ бюро отъ ея имени, и не допускать, чтобы частное лицо или государство присвоивали ихъ. Въ тоже время, разрѣшивъ договаривающимся государствамъ переводъ Бюллетеня на языки, не употребляемые бюро, признали возможнымъ только въ опредѣленныхъ случаяхъ частичное воспроизведеніе изданныхъ текстовъ.

Финансовыя соображенія вызвали также необходимость оставить монополію подписки на Бюллетень за союзными государствами, такъ что никакая страна не можетъ пользоваться этимъ изданіемъ, не сдѣлавшись членомъ уніи. Къ сожалѣнію, результатомъ этого оказывается, что Бюллетень не всѣмъ доступенъ, такъ какъ

его нельзя получить иначе, какъ обратившись къ одному изъ союзныхъ правительствъ, которыя сами располагаютъ ограниченнымъ числомъ экземпляровъ.

Чтобы дать бюро возможность публиковать свой Бюллетень, члены союза обязуются безъ замедленія доставлять ему по два экземпляра:

a) своего таможеннаго устава и таможеннаго тарифа въ современномъ ихъ состояніи,

b) всѣхъ постановленій, которыя впослѣдствіи внесутъ въ нихъ какія-нибудь измѣненія,

c) всѣхъ инструкцій и циркуляровъ, которые они дадутъ своимъ таможеннымъ управленіямъ, поскольку эти документы могутъ быть опубликованы,

d) торговыхъ договоровъ, международныхъ соглашеній и внутреннихъ законовъ, имѣющихъ прямое отношеніе къ дѣйствующимъ таможеннымъ тарифамъ.

Все ли это, что нужно знать торговцамъ, когда дѣло идетъ о стѣсненіяхъ, ожидающихъ за границей ихъ товаръ? Нѣтъ! Одни изъ заинтересованныхъ хотѣли, чтобы Бюллетень давалъ тарифы судоходства и портовыхъ сборовъ, а также и желѣзнодорожные тарифы; другіе указывали на правила о возвратныхъ и транзитныхъ пошлинахъ, прибавочныхъ таксахъ, акцизѣ и т. п., значительно вліяющія на положеніе ввозимыхъ продуктовъ; третьи — статистику ввоза и вывоза каждой страны; четвертые — таможенныя формальности. Удовлетворить всѣ эти пожеланія, значило бы предпринять изданіе настоящей торговой энциклопедіи, и они указываютъ возможное въ будущемъ расширеніе полномочій бюро и направленіе, въ которомъ пойдетъ его дѣятельность, если оно будетъ когда-нибудь настолько богато, чтобы выдержать сопряженные съ нею расходы. Для печатанія таможенныхъ тарифовъ стоимость содержанія бюро опредѣлена въ 125.000 франковъ въ годъ.

Распредѣленіе взносовъ между членами союза имѣетъ въ своемъ основаніи дѣленіе на шесть классовъ, пропорціонально торговому значенію государствъ.

Сумма взноса опредѣляется числомъ единицъ каждаго класса, такъ же какъ и для бюро, находящихся въ Бернѣ; она возвращается государствамъ экземплярами Бюллетеня, считая каждый по 15 франковъ.

Бюро было открыто 2-го апрѣля 1891 года.

Бельгійскій министръ иностранныхъ дѣлъ, на котораго возложено высшее руководство этимъ учрежденіемъ, передалъ свои полномочія въ руки директора торговли и консульскаго представительства, получившаго званіе: „Президента международнаго бюро“, который и сносится съ членами союза по дѣламъ, къ нему относящимся. Фактическое веденіе дѣла поручено бывшему директору бельгійскаго тарифнаго бюро. При немъ состоитъ секретарь и десять переводчиковъ, изъ которыхъ пять были присланы государствами и стоятъ во главѣ секцій, на которыя раздѣляется бюро.

Отношенія Бельгіи къ бюро, порученному ея попеченію, носятъ тотъ же международный характеръ, какъ отношенія Швейцаріи къ тѣмъ бюро, съ которыми мы познакомились раньше. Она дѣйствуетъ въ этомъ случаѣ, какъ уполномоченный членъ союза, и никакихъ новыхъ правъ по отношенію къ бюро не имѣетъ. Это составляетъ одинъ изъ основныхъ принциповъ международной организаціи и имѣетъ силу для всѣхъ уній.

IV.

Международный союзъ желѣзнодорожныхъ товарныхъ сообщеній.

Хорошіе пути сообщенія—одно изъ необходимыхъ условій культуры народа. Только при этомъ условіи возможенъ быстрый, свободный обмѣнъ и равномѣрное распредѣленіе продуктовъ человѣческаго труда, только при немъ трудъ этотъ, единоличный, національный и всемірный, можетъ принести всѣ свои плоды на благо отдѣльныхъ лицъ и всего человѣчества. Отсюда ясно само собою, что желѣзнодорожное дѣло,

подобно почтовому, не можетъ долго оставаться дѣломъ отдѣльныхъ лицъ и даже государствъ. Для его успѣшнаго хода и развитія нужно, чтобы оно не встрѣчало на своемъ пути препятствій въ видѣ различныхъ, часто другъ другу противорѣчащихъ законодательствъ и правилъ, его регулирующихъ. Оно требуетъ общихъ нормъ, которыя обратили бы площадь его дѣйствія въ такую же единую территорію, въ какую обратили весь цивилизованный міръ международныя соглашенія относительно почты.

Прежде чѣмъ возникъ вопросъ объ общемъ соглашеніи, потребности жизни и практики породили массу частныхъ договоровъ и соглашеній между отдѣльными желѣзнодорожными обществами, между этими обществами и государствами, наконецъ, между двумя или нѣсколькими государствами. Самымъ крупнымъ и выдающимся примѣромъ договора между частными обществами является, т. н., союзъ нѣмецкихъ желѣзныхъ дорогъ. Онъ преобразовался въ 1847 г. изъ предшествовавшаго ему союза прусскихъ желѣзнодорожныхъ управленій. Его регламентъ устанавливаетъ общее фрахтовое право и техническое единство для большей части средней Европы. Организація его напоминаетъ организацію всемірныхъ уній: въ ней мы встрѣчаемъ то же равенство всѣхъ членовъ по отношенію къ ихъ общимъ правамъ и обязанностямъ, ограничивающее въ опредѣленныхъ направленіяхъ развитіе національнаго законодательства, то же союзное собраніе, руководящее управленіе, центральное бюро и третейскій судъ.

Обстоятельство это, въ особенности, если принять во вниманіе, что надо исключить всякую мысль о взаимномъ вліяніи между союзомъ нѣмецкихъ дорогъ и первыми по времени уніями государствъ глубоко поучительно, какъ съ точки зрѣнія единства юридическаго развитія человѣчества вообще, такъ и съ точки зрѣнія общаго значенія принциповъ международной организаціи.

Такимъ образомъ, частная дѣятельность выработала средства и указала путь, на который, въ концѣ концовъ, вступили въ разсматриваемомъ вопросѣ и государства.

14 октября 1890 г. Россія, Германія, Австро-Венгрія, Франція, Швейцарія, Бельгія, Люксембургъ, Италія и Голландія*) заключили конвенцію относительно международной перевозки товаровъ по желѣзнымъ дорогамъ. Какъ мы видимъ, она соединяетъ всѣ государства, территорія которыхъ составляетъ континентальную Европу, безъ полуострововъ Пиренейскаго, Балканскаго и Скандинавскаго. Цѣлью этого соглашенія было уничтожить источникъ безконечныхъ процессовъ между отправителями и перевозчиками, являющихся слѣдствіемъ различія въ національныхъ законодательствахъ. Споры почти всегда возникали изъ неувѣренности въ примѣненіи къ данному случаю того или другого закона; законы различныхъ государствъ, черезъ территорію которыхъ совершался провозъ, часто находились въ противорѣчіи другъ съ другомъ, и каждая сторона могла выставить благовидные предлоги, чтобы требовать суда на основаніи законовъ государства, которые считала наиболѣе благопріятными для себя и своихъ интересовъ. Велико было затрудненіе, когда нужно было, напримѣръ, установить отвѣтственность за ущербъ, оказавшійся результатомъ запозданія, порчи или какой-либо другой причины, могущей дать поводъ обратиться къ суду, когда нужно было опредѣлить подсудность даннаго дѣла тому или другому судебному учрежденію. Даже юриспруденція опредѣленно не высказывалась по этому поводу, а неувѣренность въ правахъ порождала рискъ, вредившій развитію мѣновыхъ сношеній, отъ чего страдала торговля. Для предотвращенія этого зла и было установлено общее соглашеніе, точно опредѣляющее права и обязанности

*) Съ тѣхъ поръ союзъ увеличился двумя новыми членами, Даніей и Монако.

заинтересованныхъ сторонъ и указывающее судъ для разрѣшенія ихъ споровъ.

Слѣдуетъ замѣтить, что конвенція, подписанная 14 октября 1890 г., еще раньше была предметомъ обсужденія трехъ послѣдовательныхъ конференцій, собиравшихся въ Бернѣ въ 1878 г., въ 1881 г. и въ 1886 г., и что иниціатива этого движенія была взята на себя правительствомъ Швейцаріи послѣ петиціи двухъ ея гражданъ—де-Сенье и Крита.

Первое предложеніе о заключеніи международнаго соглашенія и въ нѣкоторыхъ здѣсь, какъ другихъ всемірныхъ уніяхъ, исходило отъ частныхъ лицъ, изъ среды дѣятелей практики. Это еще разъ показываетъ, насколько важно, съ точки зрѣнія не только національной, но и международной, давать возможность потребностямъ и интересамъ текущей жизни свободно выражаться и непосредственно предлагаться вниманію законодателя.

По своему географическому положенію, Швейцарія является страною сильнаго товарнаго транзита и потому она должна была страдать отъ стараго порядка вещей больше, чѣмъ какое-либо другое государство. Всѣ неудобства этого порядка особенно сильно сказывались въ семидесятыхъ годахъ, когда правильное теченіе экономической жизни Европы было нарушено событіями 1870—1871 г.

Но, несмотря на то, что промышленность, торговля, всѣ общественныя и частныя отношенія требовали созданія желѣзнодорожной уніи, несмотря на то, что путь къ общему международному соглашенію, какъ мы уже говорили выше, былъ расчищенъ отдѣльными договорами государствъ и крупными соглашеніями частныхъ желѣзнодорожныхъ обществъ, прошло, тѣмъ не менѣе, шестнадцать лѣтъ послѣ петиціи де Сенье и Крита, прежде чѣмъ было подписано соглашеніе 1890 г. „Мы не приняли во вниманіе,—говоритъ по этому поводу де Сенье,—ни рутины, съ которою такъ трудно бороться, ни упорства желѣзнодорожныхъ об-

ществъ, ни трудностей, вытекающихъ изъ вмѣшательства политики въ торговые вопросы".

Въ извѣстномъ отношеніи, однако, эта отсрочка имѣла благодѣтельное вліяніе на развитіе общаго дѣла, подобно тому какъ и блестящій успѣхъ почтоваго соглашенія 1874 г. объясняется, также въ извѣстной степени, длиннымъ періодомъ подготовительныхъ къ нему работъ и отсрочками въ созваніи окончательной международной конференціи. При болѣе краткомъ подготовительномъ пути не всѣ заинтересованные успѣли бы высказаться, не всѣ замѣшанные въ вопросѣ интересы могли быть приняты во вниманіе.

Разсматриваемое нами соглашеніе нигдѣ офиціально не носитъ имени международнаго союза или уніи, на офиціальномъ языкѣ оно называется „международной конвенціей о перевозкѣ грузовъ по желѣзнымъ дорогамъ", но это не лишаетъ насъ права говорить о немъ здѣсь, такъ какъ основныя черты, его характеризующія, тѣ же, что и въ другихъ всемірныхъ уніяхъ.

Какъ и эти послѣднія, разсматриваемый союзъ лишенъ всякой политической окраски и обладаетъ своей внутренней международной организаціею. Онъ заключенъ на неопредѣленное время, хотя, какъ и въ тарифномъ союзѣ, обязательность его для отдѣльныхъ членовъ опредѣлена извѣстнымъ срокомъ—три года, время собранія очередныхъ конференцій. Основной актъ 1890 г. не предусматривалъ присоединенія новыхъ членовъ, но слѣдующая же конференція пополнила этотъ пробѣлъ постановленіемъ, что желающіе присоединиться къ союзу могутъ заявить объ этомъ Швейцарскому правительству, которое передастъ это заявленіе на разсмотрѣніе центральнаго бюро и затѣмъ сообщитъ его предложенія остальнымъ государствамъ. Вступленіе въ союзъ обусловлено, такимъ образомъ, согласіемъ договаривающихся государствъ. Это объясняется сложностью самаго дѣла, требующаго, чтобы всѣ участники стояли приблизительно на одномъ и томъ же уровнѣ, и, такимъ образомъ, хотя нѣсколько замед-

ляется ростъ союза, обезпечивается, однако, его прочность. Вѣроятно, со временемъ эта предосторожность будетъ оставлена, какъ оно и было сдѣлано въ почтовой уніи. Выходъ изъ союза требуетъ тѣхъ же формальностей, что и въ другихъ уніяхъ, и такъ же точно члены разсматриваемаго союза могутъ заключать между собою и съ посторонними государствами частныя соглашенія, лишь бы они не противорѣчили основамъ общаго договора.

Союзный договоръ устанавливаетъ въ предѣлахъ опредѣленной территоріи свободу международной пересылки товаровъ, возлагаетъ на дорогу, принявшую грузъ, отвѣтственность за правильную доставку, опредѣляетъ подсудность и предоставляетъ желѣзнымъ дорогамъ, посредствомъ взаимныхъ расчетовъ, искать убытки съ дѣйствительно виновной дорогой; въ случаѣ же отсутствія опредѣленныхъ указаній въ этомъ смыслѣ, всѣ дороги отвѣчаютъ на основаніи круговой поруки.

Гдѣ возможно, союзный актъ далъ обязательныя для всѣхъ государствъ постановленія. Но, въ случаяхъ, гдѣ совершенно невозможно прійти къ общему соглашенію, были установлены опредѣленныя, не допускающія сомнѣній, ссылки на національное право договаривающихся государствъ. Въ этихъ случаяхъ договоръ точно разграничилъ область примѣненія внутренняго права отдѣльныхъ странъ, принявъ мѣры, чтобы юридическій характеръ опредѣленныхъ отношеній всегда былъ ясенъ и чтобы, по возможности, ни одинъ, требующій охраны интересъ, не остался безъ юридическаго опредѣленія. Въ противоположность нѣкоторымъ другимъ уніямъ, договоръ разсматриваемаго союза даетъ гораздо чаще общеобязательныя начала, чѣмъ ссылается на національное право отдѣльныхъ странъ.

Органами союза являются періодическія конференціи, международное бюро и союзный судъ.

„Не менѣе какъ въ три года разъ, говоритъ 59 ст. договора, имѣетъ собираться конференція изъ уполно-

моченныхъ участвующихъ въ Конвенціи государствъ, для внесенія въ постановленія настоящей Конвенціи улучшеній или измѣненій, признанныхъ необходимыми. Впрочемъ, конференціи могутъ быть созываемы и ранѣе этого срока, если о томъ послѣдуетъ заявленіе со стороны, по крайней мѣрѣ, одной четвертой части всего числа заинтересованныхъ государствъ". Такимъ образомъ, эти конференціи имѣютъ характеръ постоянныхъ учрежденій, причемъ онѣ состоятъ, въ противоположность конференціямъ телеграфнаго союза и почтовой уніи, изъ представителей государствъ, а не управленій, вслѣдствіе чего членами конференцій желѣзнодорожнаго союза являются дипломатическіе представители. Въ тѣхъ случаяхъ, когда созываются собранія техниковъ желѣзнодорожнаго дѣла, рѣшенія ихъ передаются затѣмъ на просмотръ дипломатическихъ представителей.

Постановленія конференцій, какъ собраній дипломатическихъ, требуютъ ратификаціи, а не простого утвержденія административныхъ властей. Но во всякомъ случаѣ основаніемъ для международнаго соглашенія можетъ служить лишь то постановленіе, которое принято большинствомъ голосовъ, причемъ принципъ этого большинства голосовъ проводится настолько послѣдовательно, что при равенствѣ мнѣній голосъ предсѣдателя даетъ перевѣсъ. Послѣднее обстоятельство никоимъ образомъ не можетъ быть согласовано съ дипломатическими традиціями, согласно которымъ предсѣдатель—такой же представитель независимаго государства, каковыми являются и делегаты остальныхъ державъ, а потому голосъ ни его, ни кого-либо изъ другихъ представителей не можетъ, согласно этимъ традиціямъ, имѣть никакого значенія, пока каждое изъ государствъ не согласится подчиниться предположенному постановленію. Вслѣдствіе этого нельзя не признать, что значеніе, которое въ желѣзнодорожномъ союзѣ имѣетъ принятіе принципа большинства голосовъ, представляетъ особый интересъ для

изученія того новаго направленія, какое принимаетъ развитіе международной организаціи.

Проектъ Конвенціи, выработанный въ 1878 г. Швейцарскимъ союзнымъ совѣтомъ, не упоминалъ о центральномъ бюро. Мысль о немъ была высказана лишь во время преній на учредительныхъ конференціяхъ и была встрѣчена сочувственно. Но она не облеклась сразу въ ту форму, которую получила позже.

Такъ какъ Конвенція возлагала на желѣзныя дороги *обязанность* международнаго провоза товаровъ, то и было выражено желаніе, чтобы исполненіе этого обязательства не было для нихъ убыточнымъ, а потому и рѣшили учредить власть, которая могла бы освобождать желѣзныя дороги отъ провоза опредѣленныхъ товаровъ, когда то или другое обстоятельство оправдывало подобное исключеніе. Было рѣшено возложить эту функцію на „Международную Комиссію“, составленную изъ делегатовъ отъ каждаго государства и собирающуюся разъ въ годъ, при чемъ до слѣдующей конференціи каждое изъ государствъ, по очереди, принимаетъ ее и руководитъ ея работами. Кромѣ того, рѣшено было организовать „Центральное бюро“ съ постояннымъ мѣстопребываніемъ, расходы на которое равномѣрно распредѣлялись бы между договаривающимися государствами.

Въ то же время предлагалось устройство международнаго трибунала для разсмотрѣнія взаимныхъ споровъ между желѣзными дорогами.

Когда проектъ этой организаціи обсуждался въ 1881 г., то онъ подвергся сильной критикѣ и встрѣтилъ большую оппозицію. Указывали, что организація эта посягаетъ на суверенитетъ государствъ, главнымъ образомъ, потому что ея рѣшенія должны были постановляться простымъ большинствомъ голосовъ, указывали также, что она безсильна своевременно предотвратить опасность, что она можетъ явиться источникомъ недоразумѣній. Тогда же Франція предложила замѣнить Международную Комиссію центральнымъ упра-

вленіемъ, въ компетенцію котораго не должно входить право освобождать отъ обязанности провоза. Французскій проектъ, принятый единогласно, болѣе соотвѣтствовалъ природѣ вещей, и къ его разсмотрѣнію мы должны перейти.

Центральное бюро „международныхъ транспортовъ“ открыто въ Бернѣ въ концѣ 1892 г. Чтобы дать себѣ отчетъ въ его значеніи, нужно разсмотрѣть его различныя и разнохарактерныя обязанности, каковыя и можно раздѣлить на три категоріи.

I. Прежде всего „Центральное управленіе должно принимать всѣ свѣдѣнія, касающіяся международнаго транспорта, которыя сообщатъ ему договаривающіяся государства и желѣзнодорожныя управленія“.

Замѣтимъ, что, наряду съ другими сообщеніями, на членовъ союза возлагается спеціальная обязанность доводить до свѣдѣнія бюро о всѣхъ измѣненіяхъ, которыя произойдутъ въ ихъ желѣзнодорожныхъ линіяхъ. Въ приложеніяхъ къ договору, устанавливающему союзъ, мы имѣемъ перечисленіе ста восьмидесяти трехъ линій въ 155.000 километровъ общей длины, къ которымъ во всей ихъ совокупности и примѣняется международный законъ. Понятно, что впослѣдствіи къ указаннымъ линіямъ могли прибавиться другія, тогда какъ иныя изъ нихъ могли быть вычеркнуты, если „вслѣдствіе финансовыхъ соображеній или матеріальныхъ препятствій, какая-нибудь желѣзная дорога не оказалась бы больше въ состояніи выполнять возложенныя на нее обязательства“.

Юридическое значеніе внесенія новыхъ дорогъ въ списокъ и исключенія старыхъ зависитъ отъ опредѣленныхъ формальныхъ актовъ Центральнаго управленія. До полученія соотвѣтствующаго извѣщенія со стороны этого управленія ни одна дорога не имѣетъ права прерывать сношеній съ исключенною изъ списка дорогою; съ другой стороны, дѣйствительное вступленіе новой желѣзной дороги на службу международныхъ сообщеній имѣетъ мѣсто только мѣсяцъ

спустя послѣ того числа, которымъ помѣчена бумага международнаго бюро, сообщающаго объ этомъ другимъ государствамъ. Отсюда ясно значеніе сообщеній международному бюро объ измѣненіяхъ въ желѣзнодорожныхъ линіяхъ.

Каждое государство, кромѣ того, должно сообщать бюро списки предметовъ, провозъ которыхъ оно предоставляетъ у себя исключительно почтовому вѣдомству или воспрещаетъ въ видахъ общественнаго порядка, ибо къ этимъ случаямъ Конвенція непримѣнима. О всякомъ измѣненіи, происшедшемъ въ этомъ отношеніи, бюро должно быть увѣдомлено, какъ можно скорѣе.

Но неизвѣстно, почему предоставлено самому Центральному управленію добывать списокъ остальныхъ товаровъ, не принимаемыхъ къ перевозкѣ обществами желѣзныхъ дорогъ. Таковы предметы, которые „по объему, тяжести или какимъ-либо другимъ особенностямъ не соотвѣтствуютъ провозоспособности хотя бы одной изъ дорогъ, содѣйствіе которой необходимо для ихъ провоза“.

Бюро не только должно собирать всѣ эти практическія свѣдѣнія, но и сообщать ихъ договаривающимся государствамъ и управленіямъ заинтересованныхъ дорогъ. Оно должно согласовать и публиковать эти данныя, не забывая въ то же время другихъ „свѣдѣній всякаго рода, относящихся къ международному провозу по желѣзнымъ дорогамъ“. Бюро издаетъ всѣ эти свѣдѣнія въ своемъ журналѣ на нѣмецкомъ и французкомъ языкахъ.

II. Центральное управленіе имѣетъ своею задачею также разрѣшеніе споровъ, могущихъ возникнуть между желѣзнодорожными управленіями по поводу международной перевозки товаровъ, при чемъ въ этомъ случаѣ бюро выступаетъ въ качествѣ административной инстанціи.

Таковымъ бюро выступаетъ для облегченія финансовыхъ сношеній, уплаты счетовъ, непогашенныхъ вслѣдствіе небрежности или нежеланія одной изъ

сторонъ, или по какой-нибудь иной причинѣ. Сохраненіе добрыхъ отношеній между желѣзными дорогами не допускаетъ, чтобы такое положеніе затягивалось на неопредѣленное время. Въ такомъ случаѣ достаточно, чтобы одна изъ заинтересованныхъ сторонъ потребовала вмѣшательства Центральнаго управленія, и вмѣшательство это становится для него обязательнымъ. Ему вручаются неоплаченные счета и расписки, и оно принимаетъ мѣры къ ихъ погашенію.

Въ этомъ отношеніи оно надѣлено опредѣленными правами. Оно можетъ требовать отъ должника уплаты долга или сообщенія мотивовъ отказа въ уплатѣ, при чемъ, если бюро признаетъ эти мотивы имѣющими серьезный характеръ, оно должно передать дѣло компетентному суду. Въ случаѣ, если „мотивы отказа окажутся недостаточно основательными“, или „если будетъ оспариваться только часть долга“, бюро можетъ, выслушавъ предварительно мнѣніе двухъ лицъ, указанныхъ Союзнымъ Совѣтомъ, требовать, чтобы временно ему была вручена въ видѣ залога сумма, равная суммѣ долга. Этотъ залогъ остается въ кассѣ бюро до разрѣшенія дѣла компетентнымъ судомъ. Если желѣзная дорога въ теченіе опредѣленнаго срока не представитъ залога, то Центральное управленіе прибѣгаетъ къ содѣйствію государства, отъ котораго зависитъ непокорная желѣзная дорога; а если государство, въ свою очередь, не добьется уплаты, то оно должно исключить задолжавшую дорогу изъ списка союзныхъ желѣзныхъ дорогъ, иначе государство будетъ считаться принявшимъ на себя гарантію спорной суммы.

Первоначально желѣзнодорожное бюро, подобно почтовому, было уполномочено высказывать свои официальныя мнѣнія относительно дѣлъ, которыя должны были перейти въ общіе суды, однако конференція 1896 г. отняла у него это право. Но въ тоже время бюро имѣетъ большое вліяніе на организацію союз-

наго третейскаго суда. Судъ этотъ представляетъ самостоятельное и постоянное учрежденіе и состоитъ изъ директора бюро, двухъ судей, назначаемыхъ Швейцарскимъ союзнымъ совѣтомъ, и двухъ кандидатовъ къ нимъ. Рѣшенія постановляются простымъ большинствомъ голосовъ, а при ихъ раздѣленіи рѣшающее значеніе имѣетъ голосъ директора. По желанію сторонъ, или въ случаѣ, если дѣло не представляетъ особой важности и требуетъ скораго разрѣшенія, директоръ можетъ постановить его единолично.

Во всякомъ случаѣ союзный судъ есть самостоятельный органъ союза въ томъ же смыслѣ, въ какомъ и союзная конференція и центральное управленіе.

До сихъ поръ было еще очень немного случаевъ дѣйствія этого суда, но вполнѣ понятно, что добровольное обращеніе къ суду войдетъ въ привычку, ибо „оно даетъ желѣзнымъ дорогамъ возможность при всѣхъ затрудненіямъ между ними получать очень скоро и безъ всякихъ расходовъ рѣшенія безпристрастныхъ судей“.

III. На управленіи лежитъ еще третья обязанность, касающаяся тѣхъ измѣненій, которыя должны быть внесены въ конвенцію. Оно участвуетъ въ работахъ конференцій съ момента ихъ созванія и даже самый вопросъ о созваніи не рѣшается безъ его участія. Всѣ предполагаемыя измѣненія Конвенціи должны пройти черезъ бюро, которое изслѣдуетъ и собираетъ весь матеріалъ для конференцій. Свои заключенія бюро выливаетъ въ форму мотивированныхъ докладовъ. Сравниваютъ эту дѣятельность Центральнаго управленія съ таковою же, осуществляемой во внутреннемъ государственномъ управленіи министерствами, подготавливающими проекты законовъ, вносимые въ законодательныя учрежденія. Подобно имъ, бюро имѣетъ громадное вліяніе на правообразованіе союза, но само въ установленіи соглашеній оно не участвуетъ.

Мы уже говорили выше, что присоединеніе новыхъ

членовъ къ союзу можетъ совершиться лишь при наличности опредѣленныхъ данныхъ у присоединяющагося. Заявленія желающихъ присоединенія разсматриваются предварительно Центральнымъ бюро.

На практикѣ директоръ бюро принимаетъ участіе въ конференціяхъ съ правомъ совѣщательнаго голоса, но основные акты союза умалчиваютъ объ этомъ вопросѣ.

Подобно другимъ, уже существующимъ, и на тѣхъ же основаніяхъ, бюро поручено высшему надзору швейцарскаго правительства. Швейцарія получила отъ союза право регулировать организацію и дѣятельность его Центральнаго управленія. Право остановить Швейцарію, если бы она вышла изъ указанныхъ ей рамокъ, принадлежитъ всей совокупности договаривающихся государствъ.

Расходы бюро немогутъ превышать 100.000 фр. въ годъ, и распредѣляются пропорціонально числу километровъ желѣзныхъ дорогъ, принимающихъ участіе въ международномъ провозѣ товаровъ.

Мы видѣли, что, несмотря на скромныя рамки, офиціально поставленныя Конвенціей, желѣзнодорожный союзъ является, однако, по духу и организаціи такимъ же міровымъ учрежденіемъ, какъ и старшіе, знакомые намъ союзы. Дѣйствительно, преобразованіе его во всемірный или въ всеобщій союзъ желѣзныхъ дорогъ, охватывающій всю совокупность этого дѣла, и даже всѣ вообще пути сообщенія, по всей вѣроятности, только вопросъ времени и развитія международнаго права. Въ литературѣ, на желѣзнодорожныхъ съѣздахъ и конгрессахъ мысль эта высказывалась уже не разъ, и къ достиженію этой цѣли направлена дѣятельность крупнаго международнаго общества — международнаго конгресса желѣзныхъ дорогъ, основаннаго въ Брюсселѣ въ 1895 году.

Конгрессъ не ставитъ еще образованіе всемірнаго союза своею непосредственною задачей. Она ограничивается пока тѣмъ, чтобы создать и поддерживать жи-

вой и постоянный обмѣнъ мыслей между лицами, заинтересованными въ вопросахъ желѣзнодорожнаго дѣла и права, но, нѣтъ сомнѣнія, что дѣятельность этого общества можетъ оказать сильное вліяніе именно въ указанномъ направленіи.

Какъ бы ни была скромна задача разсмотрѣннаго союза въ его теперешнемъ видѣ, это не уменьшаетъ его значенія въ жизни современныхъ народовъ.

Сѣть международныхъ пароходныхъ и желѣзнодорожныхъ сообщеній можно назвать системой мускуловъ человѣческаго міра. Это они приводятъ его во всеобщее движеніе, поддерживаютъ въ немъ всюду жизнь и дѣятельность. „Желѣзная унія“ вноситъ извѣстный порядокъ, строгую правильность въ движеніе желѣзныхъ рычаговъ экономической жизни міра, направляя ихъ всѣ къ одной и той же великой цѣли—удовлетворенію всемірныхъ потребностей. Содержаніе актовъ уніи составляетъ не столько договорное примиреніе противоположныхъ интересовъ отдѣльныхъ государствъ, сколько обезпеченіе общаго для всѣхъ нихъ, одинаково всѣмъ имъ дорогого дѣла.

Дѣло это—не случайный и элементарный интересъ минуты, для обезпеченія котораго достаточно немногихъ статей договора, разсчитаннаго на временное значеніе. Общее предпріятіе отличается великою сложностью, требуетъ постоянныхъ заботъ и хлопотъ со стороны союзныхъ народовъ. Понятно, какое политическое и нравственное значеніе должно оно имѣть для современныхъ народовъ, пріучая ихъ къ мысли о томъ, что у нихъ имѣются общіе интересы, воспитывая въ нихъ умѣніе понимать другъ друга и приходить къ общимъ рѣшеніямъ, развивая въ нихъ привычку и навыкъ дѣйствовать сообща. Только все болѣе и болѣе успѣвая на этомъ поприщѣ, народы могутъ мечтать осуществить когда-нибудь въ своихъ взаимныхъ отношеніяхъ благородный идеалъ вселенскаго мира.

V.

Международная унія для охраны промышленной собственности.

Каждая цивилизованная нація ставитъ жизнь и имущество человѣка подъ покровительство гражданскихъ и уголовныхъ законовъ, болѣе или менѣе полно ихъ охраняющихъ отъ всякаго рода посягательствъ, которымъ подвергаютъ ихъ пороки человѣчества.

По мѣрѣ своего развитія и осложненія, дѣятельность человѣка привела его къ производству цѣнностей нематеріальныхъ, лишеніе которыхъ вредитъ ему не меньше, чѣмъ отнятіе видимыхъ средствъ существованія. Однако, права работниковъ мысли на плоды ихъ труда, несмотря на протесты заинтересованныхъ, не всегда признавались, какъ того требовала справедливость и вопросъ принялъ острый характеръ только, когда зло достигло, вслѣдствіе современнаго развитія международныхъ сношеній, облегчающаго подобнаго рода нарушенія правъ, колоссальныхъ размѣровъ. Тогда обиженные запротестовали и потребовали покровительства закона. Но не мало времени понадобилось, чтобы справедливость ихъ требованій была признана и удовлетворена. Еще и по сей день не вездѣ существуютъ законы, охраняющіе интересы работниковъ мысли, а относящіеся сюда законы государствъ, которыя пришли въ этомъ отношеніи на защиту своихъ подданныхъ, въ сильной степени отличаются по основаніямъ, на коихъ они зиждятся.

Мы имѣемъ въ виду, т. н., промышленную собственность, съ понятіемъ которой соединяются довольно разнообразные институты. Не мудрено, что вопросъ о ея юридической природѣ вызываетъ большіе споры, входить въ разсмотрѣніе которыхъ здѣсь не мѣсто.

Въ настоящее время промышленною собственностью, въ большинствѣ цивилизованныхъ государствъ, признается:

1) исключительное право употреблять марки (клейма) извѣстнаго коммерческаго имени,

2) право на патенты, т.-е., на исключительное размноженіе или примѣненіе открытія, впервые сдѣланнаго даннымъ лицомъ,

3) право размноженія оригинальныхъ промышленныхъ рисунковъ и моделей.

Для содѣйствія дальнѣйшему развитію общественнаго благосостоянія необходимо обезпечить за всѣми тружениками мысли возможность существовать отъ плодовъ своей изобрѣтательности. Общество въ высшей степени заинтересовано въ томъ, чтобы лица, вносящія новый свѣтъ и новые источники благосостоянія въ его жизнь, имѣли возможность безъ особыхъ затрудненій предаваться своимъ полезнымъ изысканіямъ. Такимъ образомъ, въ основаніи права промышленной собственности, какъ и въ основаніи права вообще, лежатъ требованія общаго блага, общественный интересъ.

Число государствъ, защищающихъ права своихъ подданныхъ на продукты ихъ умственнаго труда, безпрестанно возрастаетъ, но охрана эта будетъ дѣйствительно осуществлена только тогда, когда идея въ той формѣ, въ которую облекъ ее ея творецъ, безъ его позволенія не сможетъ быть воспроизведена ни на его родинѣ, ни гдѣ бы то ни было, ибо незаконная эксплоатація какого-нибудь изобрѣтенія внѣ предѣловъ родины изобрѣтателя можетъ принести ему такой же ущербъ, какъ если бы она совершилась въ его сосѣдствѣ.

Сознаніе этого и желаніе дать дѣйствительную охрану интересамъ своихъ подданныхъ вызвали групповыя соглашенія нѣкоторыхъ государствъ, представляющія частичное разрѣшеніе задачи взаимной охраны правъ ихъ подданныхъ, но польза этихъ робкихъ попытокъ была почти призрачна, пока неограниченная свобода въ этомъ отношеніи царствовала внѣ территоріи договаривающихся государствъ.

Трудно допустить, чтобы каждое государство могло заключить соотвѣтствующіе договоры со всѣми остальными и, такимъ образомъ, при системѣ групповыхъ соглашеній, нужно заранѣе примириться съ мыслью, что въ нѣкоторыхъ странахъ промышленники и изобрѣтатели будутъ беззащитны. Въ международной практикѣ существовало обыкновеніе вводить правила о промышленной собственности въ консульскіе, торговые и т. п. договоры, что представляетъ большое неудобство, такъ какъ связываетъ права промышленниковъ и изобрѣтателей съ существованіемъ соглашеній совершенно другого характера.

Только всеобщій союзъ государствъ могъ положить конецъ злоупотребленіямъ, вызывавшимъ общія жалобы. Нужно было охватить всѣ промышленныя страны сѣтью запрещеній, въ которой, по возможности, всѣ петли были бы налицо, и, во имя общихъ интересовъ, учредить строгій надзоръ, который стѣснилъ бы свободу дѣйствій плагіаторовъ.

Впервые мысль о необходимости международной охраны промышленной собственности была высказана принцемъ Альбертомъ, предсѣдателемъ первой международной выставки 1851 г., и тогда она не встрѣтила сочувствія. Но въ шестидесятыхъ годахъ вопросъ этотъ уже усиленно обсуждался въ литературѣ и на конгрессахъ, хотя, главнымъ образомъ, съ точки зрѣнія выкупа полезныхъ изобрѣтеній на общія средства договаривающихся странъ. Въ семидесятыхъ же годахъ была уже очень распространена мысль о необходимости международнаго соглашенія съ цѣлью обезпечить за изобрѣтателями и промышленниками право собственности на ихъ открытія.

Непосредственно заинтересованныя лица, промышленники, первые высказали мысль объ установленіи уніи государствъ, какъ возможности выйти изъ положенія, отъ котораго страдали ихъ интересы. Собравшись въ 1873 г. на конгрессъ въ Вѣнѣ, для обсужденія своихъ профессіональныхъ интересовъ, они выразили

желаніе, чтобы установилось подобное соглашеніе. Для приведенія своихъ постановленій въ исполненіе конгрессъ основалъ особый постоянный международный органъ, Комитетъ, которому и было предоставлено право созывать новые международные конгрессы промышленной собственности. Комитетъ этотъ созвалъ въ 1878 г. въ Парижѣ конгрессъ, на которомъ промышленники возобновили свою петицію и приняли мѣры къ тому, чтобы ускорить ея исполненіе. Швейцарецъ Боденгеймеръ указалъ на только что образовавшуюся почтовую унію, какъ на образецъ, достойный подражанія при заключеніи соглашенія относительно охраны промышленной собственности, и на этихъ основаніяхъ былъ выработанъ проектъ конвенціи *).

Однако прошло еще два года, прежде чѣмъ офиціальный міръ согласился взять дѣло въ свои руки. Въ 1880 г. Франція пригласила желающія сговориться правительства въ Парижъ на конференцію, гдѣ и былъ установленъ проектъ договора. Обсужденіе этого проекта состоялось въ 1883 г. на второй конференціи, собравшейся также въ Парижѣ, при чемъ дипломатическій актъ, касающійся основанія „уніи для охраны промышленной собственности“, былъ подписанъ 20-го марта представителями одиннадцати державъ. Въ настоящее время эта унія считаетъ въ своемъ составѣ шестнадцать государствъ **).

---

*) На Парижскомъ съѣздѣ (конгрессѣ) промышленниковъ присутствовали представители одиннадцати правительствъ, въ томъ числѣ и русскаго (всего 14 делегатовъ, между ними два министра), 57 делегатовъ торговыхъ палатъ, промышленныхъ и экономическихъ обществъ. Остальные—фабриканты, промышленники, юристы, инженеры—до 500 человѣкъ.

**) 1 января 1897 г. въ промышленной уніи состояли: Бельгія, Бразилія, Данія съ о. Фероэ, Доминго, Испанія съ Кубой, Порто-Рико, Филиппинскими островами, С.-Штаты Сѣв. Америки, Франція съ колоніями, Великобританія съ Новой Зеландіей и Квинслендомъ, Италія, Норвегія, Нидерланды съ Нидерландской Индіей, Суринамомъ и Кюросао, Португалія съ островами Азорскими и Мадерой, Сербія, Швеція, Швейцарія, Тунисъ.

Союзное право распространяется только на тѣ колоніи, которыя спеціально поименованы въ Конвенціи, и, такимъ образомъ, въ отличіе отъ знакомыхъ намъ союзовъ, колоніи быть самостоятельными членами не могутъ.

Интересную особенность акта 1883 г. составляетъ то, что въ моментъ заключенія уніи въ нее вошли государства, вовсе не имѣвшія законодательства по нѣкоторымъ вопросамъ, которые регулируются союзнымъ правомъ. Всемірные договоры—одно изъ самыхъ сильныхъ орудій прогресса, именно благодаря своей высокой объединительной силѣ. И дѣйствительно, Швейцарія, Нидерланды, Бразилія и Сербія *создали свое внутреннее промышленное законодательство подъ вліяніемъ уніи.*

Въ 1880 г. на Парижской конференціи прежде всего хлопотали образовать „унію“. Это было главною заботой законодателей, повидимому, придававшихъ этому обстоятельству, какъ знаку слишкомъ долго непризнанной солидарности, больше значенія, чѣмъ выбору средствъ, нужныхъ для достиженія положительныхъ результатовъ. Въ основѣ предпріятія лежала нравственная идея, торжество которой было, по убѣжденію ея сторонниковъ, невозможно безъ тѣснаго соединенія ихъ усилій.

Союзъ преслѣдовалъ двойную цѣль. Какъ оборонительная сила по преимуществу, какъ нѣчто въ родѣ общества взаимнаго страхованія отъ узурпаторовъ всякаго сорта, онъ бралъ подъ свою охрану во всѣхъ странахъ патенты на изобрѣтенія, промышленные рисунки и модели, фабричныя марки (клейма) и коммерческія имена подданныхъ союзныхъ государствъ. Эти послѣдніе на территоріи каждаго изъ договаривающихся государствъ пользовались защитою, которую каждое изъ нихъ давало своимъ собственнымъ подданнымъ.

Условіемъ такой охраны является выполненіе въ каждомъ изъ договаривающихся государствъ формально-

стей и требованій, обязательныхъ для національныхъ подданныхъ въ силу внутренняго законодательства. Конвенція 1886 г. распространила это право и на подданныхъ несоюзныхъ государствъ, живущихъ постоянно или имѣющихъ промышленныя заведенія въ предѣлахъ государствъ, вошедшихъ въ унію.

Но союзъ не ограничился этимъ, онъ установилъ нѣкоторыя общія для всѣхъ участниковъ правила, имѣвшія своею цѣлью сгладить различіе въ ихъ законодательствахъ. Достигнуть полнаго однообразія въ этихъ законодательствахъ было невозможно. Юридическія понятія разныхъ государствъ слишкомъ непримиримы между собою, чтобы можно было сразу достигнуть этого идеала; но его намѣтили, какъ отдаленную цѣль, достиженію которой должно было, по всеобщему убѣжденію, способствовать самое существованіе уніи.

Понятно, что при такой конечной цѣли сознавалась необходимость время отъ времени пересматривать текстъ Конвенціи, чтобы вносить въ нее улучшенія, которыхъ потребуетъ въ своемъ поступательномъ движеніи духъ времени. Обязанность эта лежитъ на конференціяхъ, представляющихъ изъ себя то дипломатическія, то совѣщательныя собранія, но всегда состоящія только изъ представителей государствъ. Каждая изъ конференцій опредѣляетъ время и мѣсто слѣдующей.

Первый разъ къ такому пересмотру приступили на Римской конференціи 1881 г., но ея рѣшенія не были приняты всѣми участвующими въ союзѣ государствами. Вновь собралась конференція въ 1890 г. въ Мадридѣ и выработала четыре проекта, два изъ которыхъ устанавливаютъ спеціальныя соглашенія, одинъ былъ отвергнутъ и только одинъ, касающійся учрежденія международнаго бюро, былъ принятъ всѣми.

Что заключеніе союза для охраны промышленной собственности было рѣшено раньше, чѣмъ опредѣлилась его программа, это, въ концѣ концовъ, можно понять, ибо предъ нимъ стояла опредѣленная цѣль, но го-

раздо удивительнѣе, что его надѣлили центральнымъ органомъ, международнымъ бюро, въ то время, когда можно было еще предложить себѣ вопросъ: что же это бюро будетъ дѣлать? На конференціи, однако, заявляли, что безъ бюро союзъ будетъ „тѣломъ безъ головы“, что оно ему „необходимо“ и является „естественнымъ и обязательнымъ слѣдствіемъ“ договора, который собирались вырабатывать; говорили, что союзъ „не можетъ жить и развиваться безъ бюро“, оно должно быть „живою связью“ между его членами, „осью, вокругъ которой будутъ вращаться всѣ административныя учрежденія“, что, во всякомъ случаѣ, оно послужитъ „къ укрѣпленію существованія союза“ и явится „воплощеніемъ породившей его идеи“. Какъ ни былъ рѣшителенъ тонъ этихъ заявленій, онъ не убѣдилъ, однако, всѣхъ слушателей: за учрежденіе бюро высказалось только тринадцать голосовъ изъ девятнадцати.

Слѣдствіемъ этого рѣшенія, противъ котораго меньшинство было только потому, что считало его преждевременнымъ, оказалось, что a priori не могли опредѣлить расходовъ бюро. И вотъ вмѣсто того, чтобы согласовать его денежныя средства съ вѣроятною стоимостью его дѣятельности, что было бы вполнѣ разумно, извратили этотъ логическій порядокъ и произвольно назначили ему доходъ въ максимумѣ 2,000 фр. отъ каждаго государства, требуя отъ него только той работы, которую оно будетъ въ состояніи выполнить на эти деньги.

Однако въ „заключительномъ протоколѣ“, содержаніе котораго почти цѣликомъ заимствовано у конвенцій почтовой и телеграфной, вопросъ объ обязанностяхъ бюро получилъ болѣе опредѣленное рѣшеніе, такъ какъ было постановлено, что бюро должно:

1) служить центромъ всякаго рода свѣдѣній, касающихся охраны промышленной собственности, и вести ихъ въ общую статистику,

2) заниматься изысканіями общеполезнаго характера,

3) печатать періодическое изданіе на французскомъ языкѣ,

4) быть къ услугамъ членовъ союза для сообщенія всѣхъ могущихъ имъ понадобиться свѣдѣній,

5) подготовлять работы каждой конференціи вмѣстѣ съ администраціей страны, гдѣ ей предстоитъ собраться,

6) представлять годичный отчетъ о своей дѣятельности.

Къ этимъ обязанностямъ слѣдующая конференція прибавила еще другія.

Практика показала, что весьма многія частныя лица обращались въ бюро за справками, и они никогда не получали отказа, хотя бюро было обязано давать эти справки только союзнымъ администраціямъ. Вслѣдствіе этого на Римской конференціи 1886 г. было рѣшено, что за небольшое вознагражденіе живущія на территоріи союза частныя лица имѣютъ право обращаться за совѣтомъ къ международному бюро. Приняли въ соображеніе, что, такъ какъ, въ концѣ концовъ, бюро учреждено на пользу частныхъ лицъ, то его цѣль только тогда и будетъ вполнѣ достигнута, если и до нихъ будетъ доходить свѣтъ, его окружающій.

Мадридская конференція 1890 г. прибавила еще нѣсколько нововведеній. Такъ какъ конвенція допустила групповыя соглашенія между членами уніи—съ условіемъ, чтобы остальные могли во всякое время къ нимъ присоединиться,—девять государствъ образовали одинъ изъ такихъ групповыхъ союзовъ для международной регистраціи фабричныхъ и торговыхъ марокъ. Эта регистрація и была возложена на Бернское бюро, которое должно было немедленно приступить къ составленію списка марокъ, доставленныхъ ему администраціями договаривающихся странъ, и опубликовывать зарегистрированныя марки въ приложеніи къ своему журналу. Тѣ же формальности предписываются относительно отмѣны, уничтоженія, передачи и другихъ перемѣнъ, которымъ подвергаются марки на мѣ-

стѣ своего происхожденія. Администрація каждаго государства должна сообщать ихъ международному бюро, которое зарегистрируетъ и публикуетъ ихъ.

Эта новая функція замѣтно выдвинула административную роль бюро, которое, занимая видное мѣсто въ организаціи и трудахъ конференцій, во всемъ прочемъ не выходило изъ границъ справочнаго учрежденія, только побочнымъ образомъ вліявшаго на общій ходъ дѣла. Съ этого времени оно стало непосредственнымъ административнымъ дѣятелемъ. До 1890 г. еще не дерзали привлечь которое-нибудь изъ Бернскихъ бюро къ участію въ формальностяхъ международной процедуры *). Можно надѣяться, что успѣхъ этого дѣла побудитъ къ новымъ попыткамъ того же рода.

Избраніе Берна мѣстопребываніемъ бюро было принято по предложенію Франціи. „Мы предлагаемъ помѣстить международное управленіе въ Бернѣ“, сказалъ ея представитель,—„потому что тамъ существуютъ уже два подобныхъ управленія, одно для почты, другое для телеграфа, и оба дѣйствуютъ превосходно. Результаты ихъ дѣятельности таковы, что можно было бы только радоваться, если бы Швейцарія приняла на себя предлагаемую ей миссію“. Такъ какъ у этой страны въ данномъ случаѣ не было соперниковъ, вопросъ прошелъ безъ спора. Съ своей стороны Союзный Совѣтъ, предвидя такое рѣшеніе, заранѣе увѣдомилъ, что онъ готовъ исполнить желаніе конференціи. По его словамъ, „онъ видѣлъ въ немъ доказательство большого уваженія къ Швейцаріи и полнаго довѣрія къ ея учрежденіямъ и честности“ **).

---

*) Международное бюро союза для перевозки товаровъ по желѣзнымъ дорогамъ было основано въ томъ же 1890 г., хотя соглашеніе о немъ состоялось еще въ 1886 г.

**) Права и обязанности Швейцаріи въ этомъ случаѣ аналогичны съ таковыми же въ другихъ всемірныхъ уніяхъ, гдѣ правительство страны, въ которой находится центральный органъ уніи (въ большинствѣ случаевъ Швейцарское правительство), является органомъ союза, т. н. руководящее правительство.

Злополучное постановленіе относительно ассигновки средствъ для бюро, о которомъ было говорено выше, замѣтно парализовало его дѣятельность, ибо его средства были слишкомъ ограничены для того, чтобы оно могло предпринять сколько-нибудь значительныя работы. Оно и оставалось нѣкоторое время въ зачаточномъ состояніи и дѣла его велись однимъ изъ чиновниковъ швейцарскаго департамента торговли и земледѣлія, пока, наконецъ, въ 1885 г. не былъ назначенъ спеціальный чиновникъ съ подчиненнымъ ему помощникомъ. Это временное положеніе прекратилось, когда унія для охраны литературно-артистической собственности должна была создавать въ Бернѣ собственное международное бюро. Удачная комбинація, вслѣдствіе которой оба бюро пользуются однимъ и тѣмъ же персоналомъ и помѣщеніемъ, позволила организовать эту двойную службу на чрезвычайно выгодныхъ условіяхъ *).

Бюро промышленной собственности вступило въ самостоятельную жизнь 1 января 1888 г. Позже въ Мадридѣ улучшили его финансовое положеніе. Ему былъ открытъ годовой кредитъ въ 60,000фр., и было рѣшено, что расходы его будутъ распредѣляться между договаривающимися государствами на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и расходы другихъ бюро. Однако, въ 1890 году они не превышали 26,410 фр.

Мало интереснаго можно указать въ прошлой дѣятельности бюро, выразившейся, главнымъ образомъ, въ изданіи журнала „Промышленная собственность“ (La propriété indusrielle), который выходитъ перваго числа каждаго мѣсяца. Этотъ сборникъ, предметъ заботливыхъ попеченій бюро, постепенно развивался и сумѣлъ привлечь сотрудниковъ, сообщающихъ ему высокую цѣнность. Не безъ труда удается бюро

*) Бюро состоитъ изъ директора, генеральнаго секретаря, двухъ секретарей, изъ которыхъ одинъ завѣдуетъ спеціально дѣлами бюро промышленной собственности, а другой - литературно-артистической, чиновника, регистратора и сторожа.

добывать документы, которые государства обязывались сообщать ему, ибо часто то одно, то другое государство забываетъ объ этомъ. Даже статистическія таблицы, составленныя согласно вопроснику, выработанному Римской конференціею, не всегда аккуратно возвращаются въ бюро. Несмотря на эти недочеты, иной разъ ставящіе бюро въ затрудненіе при отвѣтахъ на обращенные къ нему вопросы и лишающіе его свѣдѣній, на которыя оно въ правѣ разсчитывать для изданія своего журнала, оно живетъ и справляется со своей задачей къ общему удовольствію своихъ довѣрителей.

Въ заключеніе нельзя не сказать нѣсколько словъ о двухъ частныхъ международныхъ организаціяхъ, занимающихъ видное мѣсто какъ въ промышленной жизни современныхъ обществъ, такъ и въ развитіи промышленнаго права.

Мы видѣли уже, какую роль въ исторіи возникновенія самого союза сыграли, вызванные къ жизни, главнымъ образомъ, всемірными выставками, промышленные конгрессы, значеніе которыхъ не уменьшилось и впослѣдствіи. Являясь авторитетными выразителями назрѣвшихъ потребностей жизни, они вмѣстѣ съ тѣмъ до сихъ поръ идутъ во главѣ промышленнаго правообразованія, констатируя новыя потребности жизни, которыя остались бы, быть можетъ, долго незамѣченными законодателемъ, занятымъ, обыкновенно, вопросами болѣе общаго характера. Существуетъ мнѣніе, что именно рѣшенія, принятыя конгрессомъ 1889 г., побудили испанское правительство созвать третью офиціальную конференцію 1890 г., на постановленіяхъ которой они въ значительной степени и отразились.

Вторая изъ этихъ организацій, признанная французскимъ правительствомъ, но по существу международная,—унія фабрикантовъ; цѣль ея—защита промышленныхъ правъ и интересовъ своихъ членовъ. Вырабатывая проекты международныхъ конвенцій и деклараціи, охраняющихъ интересы промышленниковъ,

она содѣйствуетъ развитію международнаго промышленнаго права, и ея неофиціальной иниціативѣ принадлежитъ цѣлый рядъ законодательныхъ, административныхъ и международныхъ мѣръ. Дѣятельность ея охватываетъ чуть ли не весь міръ и она имѣетъ агентства во всѣхъ крупныхъ иностранныхъ центрахъ; это одно изъ самыхъ богатыхъ и вліятельныхъ международныхъ обществъ.

Итакъ, мы видимъ, какими разнообразными путями совершалось и совершается выработка тѣхъ началъ, которыя легли въ основу изучаемаго нами союза. Дѣятельность его только что началась и все его развитіе принадлежитъ будущему. Пожелаемъ же дальнѣйшаго роста и преуспѣянія изучаемому нами институту. Внося элементы справедливости и согласія въ промышленную жизнь міра, онъ служитъ также распространенію на международныя отношенія того порядка и земскаго мира, которые, такъ или иначе, установили народы для своей внутренней жизни. На почвѣ духовныхъ, экономическихъ и вообще культурныхъ связей и отношеній народовъ растетъ и крѣпнетъ полное мира и свѣта юридическое будущее международной жизни человѣчества.

VI.

Международная унія для охраны литературныхъ и артистическихъ произведеній.

Обезпеченіе за представителями умственнаго труда извѣстныхъ правъ, признанныхъ въ области промышленной дѣятельности, обязательно предполагало такое же отношеніе и къ другому классу „изобрѣтателей“, а именно къ литераторамъ и артистамъ.

Вслѣдствіе этого, уже когда основывалась унія для охраны промышленной собственности, можно было надѣяться на то, что эта унія получитъ естественное дополненіе въ соглашеніяхъ, имѣющихъ своею зада-

чею охрану, такъ называемой, литературно-артистической собственности.

Духовная дѣятельность космополитична по существу; продукты умственнаго труда представляютъ всеобщее достояніе; изъ этого богатаго сокровища, накопленнаго вѣковыми усиліями работниковъ мысли, выноситъ человѣкъ то, что у него есть самаго дорогого: свои вѣрованія и убѣжденія, свое міровоззрѣніе и свои идеалы.

Нельзя опредѣлить границу и сферу дѣйствія творческой мысли, нельзя высчитать, что въ каждомъ творческомъ актѣ принадлежитъ самому автору, и что явилось результатомъ совмѣстной работы всѣхъ. Но духовная дѣятельность—не одно наслажденіе творчества. Это вмѣстѣ съ тѣмъ упорный, и часто тяжелый, трудъ и, какъ всякій трудъ, она должна обезпечивать человѣку возможность существованія и дальнѣйшей работы.

Сближая всѣ народы въ одну братскую семью, литература и искусства могли бы ожидать отъ нихъ общаго признанія и общей охраны правъ своихъ работниковъ. Но на дѣлѣ это не такъ: самый вопросъ объ авторскомъ правѣ сравнительно новаго происхожденія, и до сихъ поръ еще то, что у одного народа преслѣдуется въ этомъ отношеніи, какъ правонарушеніе,—признается другимъ, какъ вполнѣ законное дѣяніе.

Подобно промышленной, литературно-артистическая собственность, или, по крайней мѣрѣ, то, что разумѣется подъ этимъ неточнымъ обозначеніемъ, не разъ въ теченіе XIX в. служила предметомъ договоровъ *),

---

*) Первыя соглашенія заключены въ 1827—29 гг. Пруссіей съ другими нѣмецкими государствами. Въ 1833 г. договоръ 32-хъ государствъ германскаго союза уравнялъ права ихъ подданныхъ. Слѣдующія конвенціи заключены: въ 1840 г. Франціей и Нидерландами и Австріей и Сардиніей; въ 1843 г. Франціей и Сардиніей; въ 1846 г. Пруссіей и Англіей. Международныя конвенціи связываютъ нынѣ почти всѣ образованныя государства. Главное исключеніе составляютъ Сѣв.-Американскіе Штаты и Россія.

но ихъ отрывочность и неполнота постоянно оставляли пробѣлы и обусловливали большое разнообразіе въ регламентаціи разсматриваемаго вопроса. Единственнымъ средствомъ, разрѣшающимъ вопросъ, является признаніе, независимо отъ всякихъ національныхъ различій, правъ автора и принятіе всѣми государствами въ этомъ отношеніи тождественныхъ руководящихъ началъ. До послѣдняго времени, напримѣръ, французское сочиненіе могло быть перепечатано въ девяти нѣмецкихъ государствахъ.

Защищая національныхъ авторовъ, мы не можемъ, не впадая въ противорѣчіе сами съ собой, не защищать иностранныхъ. Того требуютъ наши общія представленія о неразрывной связи между человѣкомъ и плодомъ его труда, о должномъ, о правѣ, о справедливости. Можно ли признавать за иностраннымъ купцомъ право на его товары и не признавать права автора на его твореніе, которымъ онъ болѣлъ и мучился, на которое тратилъ лучшія силы души? Словомъ, если мы станемъ на общую точку зрѣнія, вопросъ о международной охранѣ права авторовъ не допускаетъ двухъ рѣшеній.

Никто не станетъ отрицать, что международная охрана духовной собственности соотвѣтствуетъ интересамъ самихъ авторовъ. Но противники международной охраны литературной собственности указываютъ на то обстоятельство, что интересы сравнительно небольшого числа авторовъ нельзя ставить на одну доску съ противоположными имъ интересами всей массы населенія. Эти послѣдніе, по мнѣнію указанныхъ лицъ, требуютъ полной свободы перепечатывать, переводить, давать на сценѣ и воспроизводить все, что появляется за границей. Только при такомъ условіи, говорятъ они, оживляется духовная жизнь страны.

Соображенія эти, пожалуй, справедливы въ отношеніи народовъ, вовсе неспособныхъ къ самостоятельной духовной жизни, но такихъ народовъ въ цивилизованныхъ частяхъ свѣта мы не знаемъ. Для народовъ

же, способныхъ къ духовной жизни, свобода контрафакціи *) иностранныхъ произведеній есть зло, такъ какъ она убиваетъ національную духовную дѣятельность. Мѣстные авторы не могутъ конкуррировать съ контрафакторскими произведеніями, за которыя не платится авторскаго гонорара. Поэтому лучшія интеллектуальныя силы уходятъ въ другія профессіи, а остающіяся принуждаются къ усиленному и торопливому творчеству. Уровень національныхъ произведеній вслѣдствіе этого неминуемо падаетъ, а за нимъ понижается и общій духовный уровень страны. Что же получаетъ страна въ вознагражденіе? Массу, обыкновенно, дрянныхъ, но дешевыхъ „промышленныхъ“ поддѣлокъ иностранныхъ произведеній. Можно ли, напримѣръ, радоваться, что на рынокъ поступаетъ нѣсколько поспѣшно сдѣланныхъ переводовъ новаго иностраннаго произведенія вмѣсто одного хорошаго, изданнаго съ разрѣшенія автора? Говорятъ, контрафакторскія изданія особенно дешевы. Всегда ли бываетъ такъ? Развѣ добросовѣстный издатель, работающій на вѣрный сбытъ, а не угрожаемый постоянною конкурренціею, не имѣетъ больше возможности достичь дешевизны, чѣмъ контрафакторъ?

Такимъ образомъ, охрана интересовъ иностранныхъ авторовъ требуется интересами каждаго жизнеспособнаго народа. Это есть охрана народнаго творчества и духовнаго генія народа.

Мысль о необходимости всеобщаго международнаго соглашенія относительно литературной и артистической собственности высказывалась уже въ тридцатыхъ

---

*) Подъ *контрафакціей* разумѣется всякое недозволенное авторомъ или его замѣстителемъ механическое размноженіе литературнаго или артистическаго произведенія. Отъ контрафакціи надо отличать плагіатъ, т. е. подражаніе, болѣе или менѣе удачное и вѣрное, оригиналу и даже заимствованіе основной его мысли: судомъ для него являются, обыкновенно, критика и общественное мнѣніе (Мартенсъ. Современное международное право цивилизованныхъ народовъ. Т. II. Спб. 1896, стр. 151).

годахъ текущаго столѣтія. Франція дала особенно много поборниковъ этой идеи (въ томъ числѣ знаменитый Ламартинъ), хотя, какъ это всегда бываетъ, въ началѣ всѣ проекты подобнаго рода отличались расплывчатостью и неосуществимостью и только въ семидесятыхъ годахъ дѣло перешло на практическую почву и нашло соотвѣтствующую форму для своего осуществленія.

Но непрерывная цѣпь заявленій лицъ разныхъ національностей, ратовавшихъ за охрану правъ авторовъ, усиливалась все болѣе и болѣе, по мѣрѣ того, какъ разрасталась контрафакція иностранныхъ, особенно печатныхъ, произведеній? Главными центрами этой контрафакціи были Брюссель и Лейпцигъ. Понятно, что совершенно беззастѣнчивый грабежъ авторовъ разными предпріимчивыми издателями вызывалъ громкія жалобы со всѣхъ сторонъ. Правительства старались помочь дѣлу тѣмъ или другимъ путемъ. Франція, напримѣръ, признала въ своемъ внутреннемъ законодательствѣ 1852 г. права національныхъ и иностранныхъ авторовъ; другія государства, какъ мы уже отмѣтили выше, заключали конвенціи съ отдѣльными державами и, наконецъ, въ 1886 г. остановились на системѣ общаго соединенія государствъ въ унію.

Конечно, принципъ охраны правъ иностранныхъ авторовъ признанъ далеко не безъ споровъ и не сразу получилъ повсемѣстное примѣненіе. Правительства шли въ этомъ дѣлѣ за общимъ теченіемъ европейской мысли, ставшей рѣшительно на сторону авторовъ. Рядомъ съ официальнымъ вмѣшательствомъ правительствъ, желающихъ внести справедливость, порядокъ и миръ во взаимныя международныя отношенія государствъ, классовъ и лицъ, великое значеніе имѣетъ и постоянно имѣло другое общественное начало, безъ помощи котораго и само государство оказалось бы безсильнымъ: самодѣятельность заинтересованныхъ лицъ, которыя самостоятельно регулируютъ свои взаимныя отношенія на широкихъ началахъ справедливости.

Надъ тѣмъ, чтобы подготовить почву всеобщему меж-

дународному соглашенію всего больше потрудились международные литературные и артистическіе конгрессы, всегда привлекавшіе весьма разнообразный составъ участвующихъ (литераторы, издатели, артисты, юристы, дипломаты) и носившіе очень оживленный характеръ.

Постановленія частныхъ конгрессовъ не имѣютъ, конечно, юридической силы, но рѣшенія изучаемыхъ съѣздовъ прошли, большею частью, въ жизнь, т. е. законодательство и договоры признали тѣ же начала, какія были формулированы съѣздами. Значеніе всѣхъ этихъ собраній относительно выясненія международнаго правосознанія въ области вопросовъ авторскаго права было и остается громаднымъ. Наглядное доказательство — то вниманіе, которымъ они всегда пользовались со стороны общества и правительствъ, та многотомная литература, которая имъ посвящена.

Первый изъ такихъ конгрессовъ былъ созванъ въ 1858 г. Бельгіей, гдѣ, какъ уже указывалось выше, особенно сильно процвѣтала контрафакція литературныхъ произведеній. По мнѣнію авторитетныхъ лицъ, рѣшенія этого конгресса дали толчокъ и оказали вліяніе на движеніе законодательства въ области авторскаго права *). Изъ слѣдующихъ съѣздовъ особое значеніе имѣлъ конгрессъ 1878 г., созванный по иниціативѣ французскаго литературнаго общества. Предсѣдателемъ его былъ Викторъ Гюго, а представителемъ Россіи—Тургеневъ; онъ отличался особенно блестящимъ составомъ; кромѣ литераторовъ, издателей и юристовъ на немъ участвовало нѣсколько дипломатовъ, посланниковъ, аккредитованныхъ при французскомъ прави-

*) На этотъ конгрессъ явились представители 80 обществъ, принадлежащихъ къ 14 государствамъ, нѣсколько делегатовъ правительствъ, громадное количество литераторовъ, юристовъ и другихъ заинтересованныхъ лицъ. Конгрессъ этотъ выразилъ желаніе, чтобы „всѣ страны приняли относительно собственности на литературныя и художественныя произведенія *законодательство, покоящееся на однообразныхъ началахъ*“. Почти всѣ послѣдующія собранія повторяли въ той или другой формѣ это пожеланіе.

тельствѣ. Послѣ этого конгресса замѣтно значительное развитіе въ законодательствѣ по авторскому праву *). Но важнѣйшимъ дѣломъ конгресса въ Парижѣ является основаніе „Международной литературной ассоціаціи“ съ цѣлью „пропагандировать и защищать во всѣхъ странахъ принципъ духовной собственности, изучать международныя соглашенія и работать надъ ихъ усовершенствованіемъ“.

Въ 1878 г. мысль о всеобщемъ договорѣ, устанавливающемъ охрану авторскаго права вылилась въ окончательную форму всемірной уніи. Принципіальное развитіе идеи закончилось. Слѣдующія восемь лѣтъ, до основанія Бернскаго союза, наполнены работою надъ ея осуществленіемъ на практикѣ. Здѣсь крупную роль сыграло упомянутое только-что международное литературное общество.

Большинство членовъ международной литературной ассоціаціи—французы, но, по своимъ задачамъ и цѣлямъ, это учрежденіе международное, такъ какъ оно стремится охранять интересы и права авторовъ внѣ зависимости отъ ихъ національности и подданства, вызывать соединеніе между работниками мысли всѣхъ странъ. Ассоціація внимательно слѣдитъ за работами національныхъ собраній литераторовъ и артистовъ, посылая нерѣдко своихъ делегатовъ для участія въ нихъ.

Особое центральное агентство ставитъ себѣ цѣлью охранять права авторовъ, членовъ ассоціаціи, отъ нарушенія въ разныхъ странахъ, при чемъ оно имѣетъ болѣе 1200 отдѣльныхъ агентовъ какъ въ Европѣ, такъ и въ Соединенныхъ Штатахъ.

Понятно, что при такихъ условіяхъ „ассоціація“

---

*) Конгрессъ 1878 г. выразилъ пожеланіе, чтобы французское правительство взяло на себя иниціативу международнаго собранія, на которомъ представители разныхъ правительствъ выработали бы однообразную конвенцію для урегулированія литературной собственности, согласно духу постановленій, принятыхъ конгрессомъ.

пользуется широкимъ и вполнѣ заслуженнымъ вліяніемъ, на ея ежегодныхъ конгрессахъ постоянно присутствуютъ представители правительствъ, и она, какъ выразился директоръ центральнаго международнаго бюро, Морель, „такъ сказать, официально аккредитована при иностранныхъ правительствахъ, благодаря роли, которую она играла въ дѣлѣ подготовленія и заключенія международной конвенціи".

Главной заботой ассоціаціи—въ первую половину ея существованія—былъ вопросъ объ основаніи международнаго союза для охраны духовной собственности,—во вторую, послѣ 1886 г.,—вопросъ о дальнѣйшемъ развитіи началъ, установленныхъ въ 1886 г., о пополненіи союзнаго акта, объ увеличеніи числа членовъ союза и о развитіи союзной организаціи.

На засѣданіяхъ своего конгресса въ Бернѣ въ 1883 году ассоціація выработала проектъ соглашенія, который доставилъ бы, въ случаѣ его принятія, торжество идеямъ, осуществленіе коихъ представлялось въ то время особенно важнымъ, тогда какъ остальныя провозглашенныя ею пожеланія могли быть приняты и въ будущемъ. Ассоціація обратилась къ Союзному Совѣту Швейцаріи съ просьбой взять на себя иниціативу образованія международнаго союза на выработанныхъ ею основаніяхъ.

Эта петиція встрѣтила очень сочувственный пріемъ и 8-го сент. 1884 г. въ Бернѣ была созвана дипломатическая конференція, осуществившая правое дѣло, предметъ давнишнихъ стремленій многочисленныхъ поклонниковъ литературы и искусства.

Столь благопріятный и быстрый результатъ дипломатической дѣятельности Швейцаріи объясняется, прежде всего, агитаціей, которая производилась въ разныхъ странахъ мѣстными литературными обществами *), а затѣмъ успѣхомъ, увѣнчавшимъ основаніе

*) Международная литературная ассоціація находится въ постоянныхъ сношеніяхъ съ литературными и артистическими обще-

первыхъ по времени уній—почтоваго союза, телеграфнаго и особенно промышленнаго.

Въ результатѣ работъ 1884 года получился очень скромный по своимъ требованіямъ и объему проектъ. Основное начало его—уравненіе въ государствахъ союза правъ иностранныхъ и національныхъ подданныхъ. Проектъ 1884 года оказался, однако, шире предварительнаго проекта Швейцаріи. Если послѣдній основывался исключительно на уподобленіи иностранцевъ мѣстнымъ подданнымъ, то проектъ конференціи 1884 года ввелъ нѣсколько обязательныхъ статей положительнаго, такъ сказать, содержанія и *приступилъ*, такимъ образомъ, *къ международной кодификаціи авторскаго права.*

Составленный, такимъ образомъ, проектъ Конвенціи получилъ окончательную форму только послѣ новаго пересмотра его еще на двухъ конференціяхъ въ 1885 и 1886 гг., засѣдавшихъ также въ Бернѣ.

Слѣдуетъ замѣтить, что на этихъ конференціяхъ проектъ 1884 года былъ значительно измѣненъ. Правительства Великобританіи и Норвегіи потребовали, чтобы Конвенція заключала въ себѣ возможно меньше общеобязательныхъ началъ для того, чтобы не пришлось черезъ-чуръ радикально измѣнять внутреннее законодательство. Особенно, благодаря участію на конференціи Великобританіи, пришлось отказаться отъ международной кодификаціи нѣкоторыхъ началъ, принятыхъ проектомъ 1884 г. Внутреннее законодательство этого государства не допускало ихъ принятія. Великобританія, впрочемъ, дала согласіе на при-

---

ствами, находящимися въ образованныхъ странахъ всѣхъ частей свѣта. Многія изъ нихъ состоятъ ея членами. Сочувствіе и содѣйствіе этихъ частныхъ организацій даютъ твердую почву дѣятельности Международной ассоціаціи. Онѣ оказали могущественную поддержку ея проекту всеобщаго союза, онѣ поддерживаютъ ея требованія относительно дальнѣйшаго развитія дѣла. Этотъ фактъ новое доказательство тѣхъ тѣсныхъ взаимныхъ отношеній, въ которыхъ стоятъ между собою различные международные и національные союзы нашего времени.

нятіе такихъ статей, которыя, для полученія силы на ея территоріи, потребовали различныхъ измѣненій въ ея законодательствѣ.

Важнѣйшее постановленіе Конвенціи 1886 г. говоритъ объ образованіи „международной уніи *) для охраны литературныхъ и артистическихъ произведеній". Подъ послѣдними словами подразумѣваются: „книги, брошюры и всякія другія сочиненія; произведенія драматическія и музыкально-драматическія; музыкальныя сочиненія со словами или безъ нихъ; рисунки, карты, скульптурныя произведенія и гравюры; литографіи, иллюстраціи, географическія карты; планы, чертежи и рельефныя произведенія, относящіяся къ географіи, топографіи, архитектурѣ и къ наукамъ вообще; наконецъ, какія бы то ни было произведенія въ области литературы, наукъ и искусствъ, которыя могли бы быть опубликованы любымъ способомъ воспроизведенія". Такимъ образомъ, между договаривающимися сторонами была установлена связь, которая придаетъ силу дальнѣйшей пропагандѣ и является „яркимъ свидѣтельствомъ всеобщаго признанія авторскихъ правъ".

Договаривающіяся стороны удержали за собою право вновь заключать другъ съ другомъ и сохранять въ силѣ ранѣе заключенныя частныя соглашенія подъ тѣмъ, однако, условіемъ, чтобы эти соглашенія предоставляли авторамъ болѣе широкія права, чѣмъ союзная конвенція, и, во всякомъ случаѣ, не заключали въ себѣ постановленій, противорѣчащихъ ей.

Унія образовалась изъ одиннадцати государствъ съ населеніемъ въ 500 милліоновъ; позже къ ней присо-

---

*) Заслуживаетъ вниманія та настойчивость, съ которою на конференціи 1886 г. требовали названія *уніи* для вырабатываемаго соглашенія, названіе принятое конференціею. Существенный доводъ въ пользу принятія этого выраженія состоялъ въ томъ, что Конвенція создала центральный органъ международнаго характера. Этимъ фактомъ договоръ 1886 г. былъ превращенъ изъ простого соглашенія въ „унію", т. е., въ организованное соединеніе государствъ.

единились еще четыре государства и въ настоящее время членами ея являются: Англія съ колоніями и владѣніями, Бельгія, Гаити, Германія, Испанія съ колоніями, Италія, Либерія, Тунисъ, Франція съ Алжиромъ и колоніями, Швейцарія, Люксембургъ, Монако, Черногорія и Норвегія.

Залогъ дальнѣйшаго роста нашей уніи лежитъ въ томъ, что государства, входящія въ нее, обладаютъ самой развитой на землѣ литературой, живописью и скульптурой. Они образуютъ передовое культурное ядро, около котораго должны группироваться понемногу и другія страны. Агитація въ пользу присоединенія къ уніи ведется одновременно почти во всѣхъ несоюзныхъ государствахъ, при чемъ въ этой агитаціи принимаетъ дѣятельное участіе Международная литературная ассоціація. Согласно ходатайству ея исполнительнаго комитета, швейцарское правительство пригласило, напримѣръ, циркулярною депешею (7 апр. 1891 года) всѣ несоюзныя страны присоединиться къ уніи.

Членами уніи могутъ быть лишь государства. Колоніи пользуются преимуществами договора только, если имѣется на этотъ счетъ заявленіе метрополіи. Вступленіе и выходъ изъ уніи обусловлены тѣми же формальностями, что и въ знакомыхъ уже намъ союзахъ.

Подобно проекту 1884 г. договоръ уніи имѣетъ своимъ главнымъ основаніемъ уравненіе въ каждомъ изъ союзныхъ государствъ правъ иностранцевъ съ таковыми же національныхъ подданныхъ. Къ произведенію примѣняются, по общему правилу, законы той страны, въ которой оно издается, или выходитъ въ свѣтъ. Въ этомъ смыслѣ и слѣдуетъ понимать утвержденіе, что Конвенція основывается на принципѣ взаимности и указываетъ minimum правъ, которыя должны быть признаны за авторами.

Успѣхи, осуществленные договоромъ 1886 г., предсѣдатель трехъ послѣдовательныхъ конференцій, Нюма Дрозъ, формулируетъ въ слѣдующихъ словахъ:

„Вслѣдъ за созданіемъ уніи, что, конечно, важнѣе всего, были уничтожены безчисленныя формальности, которыя до тѣхъ поръ долженъ былъ выполнять авторъ, желающій повсемѣстной защиты своихъ правъ; уничтоженъ трехлѣтній срокъ для появленія перевода, необходимый прежде для его защиты *); установлено однообразное право воспроизведенія газетныхъ статей и періодическихъ изданій; оказано особое покровительство драматическимъ и музыкально-драматическимъ произведеніямъ; приравнены къ контрафакціи тѣ многочисленныя заимствованія, которыя въ предательской формѣ отнимаютъ у автора плоды его труда; установлены ясныя и точныя основанія для обращенія къ суду; подробно установлены основанія групповыхъ соглашеній, наконецъ, организовано международное бюро".

Высшій органъ уніи — конференція, состоящая изъ делегатовъ договаривающихся государствъ, при чемъ весьма характерной особенностью этой конференціи, сравнительно съ таковыми же въ другихъ уніяхъ, является то обстоятельство, что ея рѣшенія должны быть единогласны. Конференціи должны созываться періодически, но срокъ ихъ созыва не опредѣленъ. Со времени заключенія договора собиралась только одна конференція въ 1896 г. въ Парижѣ.

На этой конференціи къ числу актовъ уніи прибавились изъяснительная декларація и добавочный актъ. Въ предисловіи къ послѣднему говорится, что стороны заключили его, желая давать все болѣе и болѣе дѣйствительную и однообразную охрану правамъ авторовъ на ихъ произведенія литературныя и артистическія. Этимъ *хотѣли*, какъ будто, *подчеркнуть, что мысль о международной кодификаціи автор-*

*) Авторы, состоящіе въ подданствѣ одного изъ союзныхъ государствъ, и ихъ правопреемники пользуются въ предѣлахъ всего союза, въ теченіе 10 лѣтъ со дня выхода въ свѣтъ своего произведенія, исключительнымъ правомъ дѣлать и дозволять переводы его.

скаго права, т. е., объ установленіи единообразныхъ нормъ, обязательныхъ для всѣхъ участниковъ уніи, не оставляется союзниками.

Мысль объ учрежденіи международнаго бюро встрѣчается уже въ проектѣ, составленномъ Международной литературной ассоціаціей въ 1883 г., и она, будучи внесена въ текстъ нынѣ дѣйствующей Конвенціи, восторжествовала, не смотря на всѣ возраженія.

Опять по предложенію Франціи, и съ единогласнаго одобренія всѣхъ участниковъ, мѣстопребываніемъ бюро назначенъ Бернъ, при чемъ въ пользу этого рѣшенія не нужно было другихъ основаній, кромѣ услугъ, оказываемыхъ уже существующими въ этомъ городѣ тремя бюро.

Обязанности литературно-артистическаго бюро тѣ же, какія первоначально были возложены на бюро промышленной собственности и которыя составляютъ неизмѣнную основу постоянныхъ работъ всѣхъ бюро, уже существовавшихъ въ Бернѣ.

Можно сказать по этому поводу, что было бы несправедливо измѣрять значеніе и пользу различныхъ бюро разнообразіемъ и объемомъ выполняемыхъ ими работъ. Самая природа предметовъ, которыми они занимаются, не позволяетъ прилагать къ нимъ безразлично одинъ и тотъ же критерій.

Къ тому же въ положеніи ихъ иногда мало сходства, и это обстоятельство само собою порождаетъ различіе ихъ образа дѣйствія. *Почтовое и телеграфное бюро являются, какъ бы центральнымъ ядромъ публичныхъ учрежденій,* развѣтвляющихся на весь міръ. Уніи, для которыхъ они работаютъ, по существу своему, имѣютъ общій интересъ и цѣль ихъ—лучшая административная организація—достигается только дѣйствіями правительственной власти. *Союзы промышленный и артистическій*, особенно послѣдній, напротивъ, вращаются въ очень ограниченныхъ официальныхъ рамкахъ. Они *охраняютъ интересы извѣстныхъ категорій частныхъ лицъ,* и предметъ ихъ стремленій — усовер-

шенствованіе гражданскаго права, охраняющаго интересы частныхъ лицъ. Слѣдовательно, въ то время какъ международныя бюро почтъ и телеграфовъ постоянно соприкасаются съ правительствами, отъ которыхъ они зависятъ, дѣятельность промышленнаго и литературнаго бюро протекаетъ въ значительно меньшей зависимости отъ непосредственнаго соприкосновенія съ органами союзныхъ государствъ.

Администраціи союзныхъ странъ только въ исключительныхъ случаяхъ прибѣгаютъ къ услугамъ этихъ бюро и вслѣдствіе этого далеко не всегда *вынуждены* силою обстоятельствъ содѣйствовать работѣ этихъ бюро. Итакъ, международныя бюро названныхъ уній принуждены искать себѣ другихъ точекъ опоры, каковыя и отыскались въ ассоціаціяхъ, которыя промышленники, писатели и артисты образуютъ въ цѣляхъ охраны своихъ общихъ интересовъ. Литературное бюро завязало сношенія со многими изъ нихъ и, главнымъ образомъ, съ международной литературной и артистической ассоціаціей, какъ мы видѣли, создавшей унію, до нѣкоторой степени по своему образу и подобію, и остающейся до сихъ поръ ея постоянной вдохновительницей.

Отсюда, главнѣйшая задача литературнаго бюро— это пропаганда. Оно должно слѣдить за развитіемъ идей въ своей области, вызывать усовершенствованія въ системѣ союза, подготовлять единство законодательства, составляющее его главную цѣль, наконецъ, собирать судебныя постановленія, посредствомъ которыхъ можно контролировать примѣненіе Конвенціи, такъ же какъ и указывать заинтересованнымъ тѣ опасности, которыхъ слѣдуетъ избѣгать. Слѣдствіемъ такой опредѣленной программы бюро является и простота его дѣйствій. Почти всѣ его усилія направлены на изданіе журнала „Авторское Право“ (Le droit d'auter), выходящаго каждое первое число. Не безъ труда сосредоточиваетъ бюро въ своихъ рукахъ официальныя и иныя свѣдѣнія, касающіяся всякаго рода изданій и

произведеній искусства, а именно относящіеся сюда законы и правила, постановленія судовъ, статистическія данныя о литературномъ и артистическомъ движеніи, о книжной торговлѣ и т. п. Эти матеріалы составляютъ содержаніе журнала, въ которомъ помѣщаются изслѣдованія, имѣющія цѣлью однообразное толкованіе Конвенціи и сближеніе ея съ національными законодательствами. Журналъ международнаго бюро содержитъ въ себѣ еще статьи компетентныхъ авторовъ по вопросамъ дня, такъ какъ редакторы имѣютъ въ виду сдѣлать его трибуной, открытой всѣмъ серьезнымъ мнѣніямъ. Журналъ этотъ издается, пока на французскомъ языкѣ, но члены уніи оставили за собой право разрѣшить одно или нѣсколько изданій на другихъ языкахъ, если бы въ томъ оказалась надобность.

Администраціи обращаются къ бюро не только по союзнымъ дѣламъ, но нерѣдко и для полученія свѣдѣній относительно постановленій иностранныхъ законодательствъ, а также для содѣйствія измѣненіямъ во внутреннемъ законодательствѣ и въ международныхъ договорахъ. Во всѣхъ этихъ случаяхъ бюро оказывается полезнымъ для нихъ. Очень немногія союзныя страны имѣютъ спеціальныя учрежденія, вѣдающія вопросы, относящіеся къ духовной собственности. Бюро сносится поэтому съ самыми разнообразными учрежденіями въ разныхъ странахъ.

Функціи бюро съ теченіемъ времени могутъ и должны расшириться. Въ литературѣ и на конгрессахъ неоднократно высказывались пожеланія, чтобы оно стало средоточіемъ всѣхъ официальныхъ и неофиціальныхъ свѣдѣній относительно литературы и искусствъ вообще и отдѣльныхъ произведеній въ частности; вело статистику и издавало указатель произведеній, появившихся послѣ вступленія въ силу акта 1886 года; создало спеціальную библіотеку по вопросамъ о духовной собственности, доступную какъ правительственнымъ учрежденіямъ, такъ и частнымъ лицамъ; подоб-

но промышленному бюро, участвовало въ международной регистраціи литературно-артистическихъ произведеній; наконецъ, чтобы, въ той или другой формѣ, несло на себѣ обязанности третейскаго суда, примѣры чего мы уже видѣли въ желѣзнодорожномъ союзѣ.

Нѣтъ основанія думать, чтобы все это не осуществилось съ дальнѣйшимъ ростомъ и развитіемъ уніи. Особенно желательно установленіе союзными государствами третейскаго суда. На это неоднократно указывалось и конгрессами и частными лицами, изслѣдователями разсматриваемаго вопроса. Вѣнскій конгрессъ 1893 г. общества нѣмецкихъ авторовъ рекомендовалъ, напримѣръ, устройство при международномъ бюро третейскаго суда для рѣшенія спорныхъ дѣлъ относительно международной охраны авторскихъ правъ, для улаживанія споровъ относительно примѣненія приговоровъ суда одного государства судами другого; наконецъ, для произнесенія мотивированныхъ сужденій относительно сохраненія силы частныхъ договоровъ между отдѣльными государствами рядомъ съ постановленіями Бернской конференціи.

Открытое 1-го января 1888 г. литературно-артистическое бюро, подобно промышленному, и на тѣхъ же основаніяхъ, поручено высшему надзору департамента иностранныхъ дѣлъ швейцарскаго союза. Какъ намъ уже извѣстно, у него общій персоналъ съ промышленнымъ бюро, ибо нѣкоторые члены обѣихъ уній выразили желаніе, чтобы эти бюро были соединены *).

Въ наше время обострѣнія національнаго чувства и экономическаго обособленія народовъ слѣдуетъ особенно дорожить образованіями, подобными литературно-артистической уніи. Установивши дружескія и юридическія связи солидарности и сообщества между пе-

*) Общіе расходы этого смѣшаннаго бюро распредѣляются, какъ и въ другихъ союзахъ, на основаніи единицъ взноса. При ассигновкѣ въ 60.000 франковъ они на дѣлѣ до сихъ поръ не превышали 30.000 или 40.000.

редовыми работниками разныхъ странъ, Конвенція 1886 г. болѣе, чѣмъ какая-либо другая, служитъ факторомъ международнаго замиренія, содѣйствуетъ торжеству мирныхъ и міровыхъ идеаловъ новаго времени надъ началами стараго міра, надъ разрозненностью государствъ, надъ ихъ взаимнымъ недовѣріемъ, враждой и культомъ физической силы, какъ единственнаго основанія общественнаго порядка на землѣ. Братство писателей и артистовъ—залогъ братства народовъ.

VII.

Международная ассоціація для измѣренія земли.

Здѣсь мы впервые встрѣтимся съ примѣромъ международной уніи, образовавшейся въ виду научной цѣли,—примѣромъ тѣмъ болѣе интереснымъ и поучительнымъ, что, какъ первое по времени соглашеніе типа всемірныхъ уній, онъ свидѣтельствуетъ, въ какія формы первоначально выливалась идея общихъ международныхъ соглашеній, съ другой же стороны—доказываетъ возможность международной работы въ научной области для выполненія задачъ, предлагаемыхъ человѣчеству современной наукой,—задачъ, которыя не подъ силу не только отдѣльнымъ личностямъ, но и государствамъ.

Вѣроятно, вслѣдствіе своего практическаго значенія для военнаго дѣла и путей сообщенія, геодезія была первой изъ наукъ, потребовавшихъ международнаго объединенія дѣятельности ученыхъ различныхъ національностей.

Задача геодезіи—опредѣленіе формы и объема земли со всею точностью, какую доставляютъ человѣку находящіеся въ его распоряженіи способы изслѣдованія, и успѣхамъ этого опредѣленія должна содѣйствовать разсматриваемая нами международная ассоціація для измѣренія земли.

Честь перваго предложенія международнаго союза

для болѣе скораго разрѣшенія задачъ, относящихся къ измѣренію земли, принадлежитъ прусскому генералу Бейеру. Иниціатива эта восходитъ къ 7 апрѣля 1861 года, когда этотъ знаменитый математикъ, въ циркулярѣ, обращенномъ къ нѣкоторымъ правительствамъ, изложилъ проектъ геодезической ассоціаціи. Онъ предлагалъ международное соглашеніе не для общихъ наблюденій, а только для того, чтобы собирать, соединять и сравнивать результаты работъ въ отдѣльныхъ государствахъ и согласовать общія усилія въ этомъ направленіи. Союзъ и до сихъ поръ довольствуется этой первоначальной программой, лишь слегка расширивъ ее.

Самостоятельно онъ выполняетъ только такого рода работы, которыя безусловно важны для всѣхъ его членовъ и не могутъ быть осуществлены ихъ частными усиліями. Такова, напримѣръ, недавняя экспедиція въ Гонолулу для изученія колебаній земной оси, стоившая около 30.000 марокъ.

17 октября 1864 года собралась въ Берлинѣ, подъ предсѣдательствомъ генерала Бейера, созванная его стараніями, конференція, которая и положила начало международной ассоціаціи для измѣренія земли. На этой конференціи присутствовали представители четырнадцати государствъ, и она раздѣлилась на двѣ секціи: геодезіи и астрономіи. Здѣсь былъ составленъ списокъ вопросовъ, подлежащихъ обсужденію, и трудовъ, которые каждый изъ ея членовъ долженъ былъ предпринять въ предѣлахъ своего отечества. Слѣдуетъ при этомъ замѣтить, что имѣлось въ виду геодезическое изслѣдованіе лишь Центральной Европы. Но уже въ 1867 году было рѣшено распространить дѣятельность ассоціаціи на весь материкъ Европы.

Что же касается организаціи союза, то, по существу своей задачи, разсматриваемый международный союзъ нуждался, во-первыхъ, въ высшемъ органѣ, который распредѣлялъ бы работы по измѣренію земли между отдѣльными членами, указывалъ способы ихъ выпол-

ненія и регламентировалъ взаимныя отношенія членовъ; во-вторыхъ, въ чисто исполнительномъ органѣ и, наконецъ, въ органѣ, надзирающемъ за дѣятельностью союза и дающемъ его дѣятельности общее направленіе.

Во главѣ ассоціаціи и была поставлена общая конференція, собирающаяся въ разныхъ городахъ Европы каждые три года, при чемъ она должна была разрабатывать союзное право, давать общее направленіе международному предпріятію и принимать отчеты другихъ союзныхъ органовъ.

За конференціей въ іерархическомъ порядкѣ слѣдовали Постоянная комиссія изъ семи членовъ и центральное бюро, какъ ея исполнительный органъ. На комиссію возлагались общее руководство дѣломъ въ промежутокъ между двумя конференціями и надзоръ за дѣятельностью бюро; кромѣ того, она должна была слѣдить за измѣреніемъ земли и наблюдать за исполненіемъ Конвенціи. Она назначала время и мѣсто очередныхъ конференцій и выполняла всѣ подготовительныя къ нимъ работы, дѣлая собранію различныя предложенія.

Такъ какъ Пруссія предоставила въ распоряженіе ассоціаціи всѣ могущія ей понадобиться матеріальныя средства, то и было рѣшено помѣстить центральное бюро въ Берлинѣ (собственно въ Потсдамѣ). Но этотъ городъ не сдѣланъ обязательнымъ мѣстопребываніемъ Постоянной комиссіи и конференцій, которыя послѣдовательно собирались въ разныхъ государствахъ Европы.

Собраніе конференціи въ Берлинѣ въ 1886 г. совпало приблизительно со временемъ смерти генерала Бейера, основателя ассоціаціи. Это обстоятельство облегчило возможность провести въ ней нѣкоторыя реформы организаціоннаго характера. Такъ какъ міровой характеръ геодезическихъ работъ выступалъ все осязательнѣе, то она и распространила съ 1886 г. свою дѣятельность на измѣреніе всей поверхности земного шара.

Затѣмъ, цѣлью общихъ стремленій явилось освобожденіе центральнаго бюро отъ опеки Пруссіи, которая до 1886 г. оказывала ассоціаціи значительныя услуги, согласившись соединить центральное бюро съ своимъ геодезическимъ институтомъ, предоставивъ въ распоряженіе бюро имущество этого института и снабжая бюро денежными средствами. Слѣдствіемъ такого порядка вещей было нѣкоторое преобладаніе Пруссіи въ веденіи дѣла, а каждое государство, ревниво охраняя свое достоинство, желало пользоваться въ общемъ дѣлѣ вліяніемъ, соотвѣтствующимъ своему значенію.

Признавая справедливость этихъ стремленій, прусское правительство выработало проектъ новаго соглашенія и сообщило его державамъ, которыя и приняли его въ 1886 г.

Попрежнему высшимъ органомъ ассоціаціи является конференція, собирающаяся каждые три года въ разныхъ городахъ Европы. На ней присутствуютъ делегаты правительствъ, при чемъ одною изъ особенностей этихъ конференцій является то обстоятельство, что члены конференціи не начинаютъ своихъ засѣданій съ провѣрки полномочій, а *о назначеніи делегата заводя сообщается или бюро Постоянной комиссіи, или центральному бюро ассоціаціи*. Нѣкоторыя государства имѣютъ на этихъ конференціяхъ *постоянныхъ* делегатовъ, полномочія которыхъ, впрочемъ, ничѣмъ не отличаются отъ полномочій остальныхъ делегатовъ.

Въ виду двойственнаго характера ассоціаціи, которая не только всемірная унія, но и ученое общество, работы конференціи соотвѣтствуютъ этому двойственному характеру, при чемъ въ вопросахъ административнаго характера голосованіе идетъ по государствамъ, а въ научныхъ по числу наличныхъ членовъ конференціи. Въ обоихъ случаяхъ рѣшенія постановляются простымъ большинствомъ голосовъ. Рѣшенія эти не требуютъ утвержденія со стороны союзныхъ правительствъ. Болѣе того, они имѣютъ обязатель-

ную силу, повидимому, и для тѣхъ государствъ, которыя на данной конференціи не участвуютъ.

Постоянная комиссія была увеличена въ 1886 г. нѣсколькими членами, такъ что число ихъ дошло до тринадцати. Въ составъ ея, кромѣ выборныхъ членовъ, вошелъ также постоянный секретарь ассоціаціи и директоръ центральнаго бюро. Члены этой Постоянной комиссіи должны были избираться общей конференціей ихъ числа делегатовъ государствъ. Она сохранила общее руководство дѣломъ въ промежутокъ между двумя конференціями и получила право сноситься съ правительствами черезъ посредство ихъ дипломатическихъ представителей въ Берлинѣ. Конвенція 1886 года точнѣе опредѣляетъ обязанности Постоянной комиссіи и сильнѣе подчеркиваетъ ихъ научный характеръ сравнительно со статутами 1864 года, согласно которымъ на ней лежали почти исключительно административныя обязанности. На своихъ *ежегодныхъ* засѣданіяхъ комиссія должна была заниматься изученіемъ современнаго состоянія геодезическихъ работъ на основаніи представляемыхъ въ общія конференціи ежегодныхъ отчетовъ делегатовъ разныхъ странъ и отчетовъ центральнаго бюро. Она собираетъ общія конференціи, подготовляетъ для нихъ матеріалы и труды, слѣдитъ за редактированіемъ ихъ протоколовъ и отчетовъ, наконецъ, дѣлаетъ предложенія на счетъ избранія предсѣдателя и его товарища *). Она имѣетъ свое соб-

*) Очень немногія уніи обладаютъ столь сложной организаціей, каковая установилась въ геодезическомъ союзѣ. Почти всѣ уніи имѣютъ лишь два самостоятельныхъ органа: 1) общее собраніе—органъ высшій; 2) центральное бюро-органъ исполнительный. Нѣкоторыя изъ функцій, которыя несетъ *Постоянная комиссія* геодезическаго союза, возлагаются въ другихъ уніяхъ на одно изъ союзныхъ государствъ, на, т. н., руководящее правительство,—другія—несетъ центральное исполнительное учрежденіе уніи. Геодезическій союзъ представляетъ намъ примѣръ того, что существованіе руководящаго правительства не является совершенной необходимостью и что *есть полная возможность возложить надзоръ за дѣятельностью исполнительнаго органа на международное учрежденіе.*

ственное бюро, которое не слѣдуетъ смѣшивать съ „центральнымъ бюро ассоціаціи“. Что же касается этого послѣдняго, то относящійся къ нему Регламентъ слѣдующимъ образомъ опредѣляетъ его обязанности.

„Оно завѣдуетъ, по указаніямъ Постоянной комиссіи, архивомъ, библіотекой и коллекціями ассоціаціи.

„Помогаетъ спеціальнымъ докладчикамъ по отдѣльнымъ отраслямъ работъ ассоціаціи, собирая и классифицируя нужные для ихъ докладовъ матеріалы, получаемые изъ разныхъ странъ.

„Содѣйствуетъ постоянному секретарю, насколько онъ этого пожелаетъ, въ составленіи отчетовъ, для чего собираетъ доклады делегатовъ объ успѣхахъ геодезическихъ работъ, относящихся къ дѣлу ассоціаціи.

„Собираетъ всѣ данныя, необходимыя для систематическихъ и распредѣленныхъ по отдѣльнымъ вопросамъ докладовъ, которыя во всякое время можетъ у него потребовать комиссія.

„Подъ контролемъ комиссіи исполняетъ работы и ведетъ нужные переговоры съ цѣлью добиться желательнаго однообразія геодезическихъ и астрономическихъ измѣреній.

„Оно должно быть всегда освѣдомлено обо всемъ, что публикуется по геодезіи и слѣдить за теоретическими и практическими успѣхами этой науки, чтобы имѣть возможность дѣйствительно выполнять свое назначеніе исполнительнаго органа Постоянной комиссіи и, помимо обязанностей, указанныхъ въ предыдущихъ статьяхъ, удовлетворять всѣмъ требованіямъ, которыя могутъ, въ интересахъ геодезическихъ и астрономическихъ работъ, предъявлять ему Общая конференція и Постоянная комиссія“.

Очевидно, такимъ образомъ, что бюро занимаетъ значительное мѣсто въ дѣятельности ассоціаціи. Въ 1886 году не порвали весьма выгодной для него связи съ Прусскимъ геодезическимъ институтомъ, хотя необходимость дать ассоціаціи дѣйствительную матеріальную независимость была пунктомъ, на который всего

больше напирали реформаторы. Ассоціація всегда была нѣсколько стѣснена въ своихъ дѣйствіяхъ, такъ какъ за деньгами для каждаго предпріятія нужно было обращаться къ Пруссіи. Изъ этого положенія былъ только одинъ выходъ: установить правильные взносы договаривающихся государствъ. Вслѣдствіе этого и было рѣшено, что по равномѣрной раскладкѣ каждое государство будетъ ежегодно вносить опредѣленную сумму *).

Въ договорѣ 1886 г. нѣтъ особой статьи, регулирующей присоединеніе къ союзу новыхъ государствъ, но въ ст. 9 говорится о взносахъ, которые должны производить вновь присоединяющіяся государства. Такимъ образомъ, государства все-таки предвидѣли дальнѣйшій ростъ союза.

Самостоятельныя средства, предоставленныя въ распоряженіе ассоціаціи, въ значительной степени развязали ей руки. Съ тѣхъ поръ она стала организовывать международныя геодезическія экспедиціи, предпринимать общеполезныя работы и пріобрѣтать собственные инструменты.

Срокъ дѣйствія конвенціи 1886 г., заключенной на 10 лѣтъ, истекъ и собравшаяся опять въ Берлинѣ конференція 1895 г. **) выработала и разослала всѣмъ государствамъ земли проектъ новой Конвенціи, которая должна была быть ратифицирована къ концу 1897 г. Почти не касаясь высшаго и низшаго органовъ ассо-

---

*) Такъ какъ бюджетъ былъ высчитанъ maximum въ 20.000 франковъ, то для пополненія его были обложены:

300 франковъ страны съ населеніемъ ниже 5 милліоновъ,
500 фр. . . . . отъ 5 до 10 милліоновъ,
1000 фр. . . . . отъ 10 до 22 милліоновъ,
2250 фр. . . . . свыше 20 милліоновъ.

Эта скала распредѣленій должна была измѣниться со вступленіемъ въ ассоціацію новыхъ членовъ.

**) На конференціи 1895 г. участвовало 18 государствъ — Баденъ, Баварія, Бельгія, Данія, Франція, Гессенъ, Италія, Японія, Нидерланды, Норвегія, Австро-Венгрія, Пруссія, Швеція, Швейцарія, Испанія, С.-Штаты Сѣверной Америки, Вюртембергъ.

ціаціи, этотъ проектъ, тѣмъ не менѣе, вноситъ существенныя измѣненія въ ея общую организацію.

Постоянная комиссія упраздняется и вмѣсто нея создаются: Совѣщательная комиссія и Бюро ассоціаціи. Въ совѣщательной комиссіи участвуетъ по одному делегату отъ всѣхъ членовъ союза, и на нее возлагается часть функцій Постоянной комиссіи. Такимъ образомъ, сравнительно съ прежней Постоянной комиссіей, устанавливается фактическое равенство всѣхъ членовъ уніи, представленной въ прежней упраздненной комиссіи лишь опредѣленнымъ числомъ делегатовъ, не совпадающимъ съ числомъ участвующихъ въ договорѣ государствъ. Обязанности комиссіи не опредѣлены въ подробностяхъ, но она постановляетъ рѣшенія, если въ случаѣ непредвидѣнныхъ административныхъ дѣлъ, бюро ассоціаціи письменно обращается къ ней, а при освобожденіи мѣста предсѣдателя, вице-предсѣдателя или постояннаго секретаря она, путемъ переписки или собравшись, назначаетъ лицъ, замѣщающихъ эти должности до созыва очередной конференціи. Ея періодическія собранія уничтожены, и, такимъ образомъ, какъ научный органъ, она теряетъ всякое значеніе; отнынѣ обсужденіе научныхъ вопросовъ предоставляется общимъ конференціямъ или назначеннымъ ими, если бы онѣ нашли это нужнымъ, спеціальнымъ комиссіямъ.

Бюро ассоціаціи состоитъ изъ предсѣдателя, вице-предсѣдателя, постояннаго секретаря и директора центральнаго бюро; оно несетъ обязанности, которыя раньше фактически лежали на бюро постоянной комиссіи, т.-е., приводитъ въ исполненіе постановленія конференцій и въ промежуткѣ между ними ведетъ всѣ административныя дѣла; оно же собираетъ конференціи, но само въ нихъ не участвуетъ; оно сносится съ правительствами черезъ ихъ дипломатическихъ представителей въ Берлинѣ, принимаетъ ежегодные отчеты о дѣятельности центральнаго бюро. Все дѣлопроизводство ассоціаціи ведется постояннымъ секретаремъ

въ сотрудничествѣ съ директоромъ центральнаго бюро. Итакъ, мы видимъ, что число органовъ союза еще возросло—теперь ихъ четыре, при чемъ два изъ нихъ, бюро ассоціаціи и центральное бюро являются чисто исполнительными и, хотя, повидимому, одно стоитъ въ нѣкоторой іерархической зависимости отъ другого, обязанности ихъ точно не разграничены и очень сходны, такъ что невольно рождается вопросъ: зачѣмъ геодезическому союзу понадобились два исполнительныхъ органа, когда другія уніи безъ всякаго вреда для дѣла довольствуются однимъ?

Согласно проекту 1895 г. средства ассоціаціи увеличены противъ прежняго больше, чѣмъ втрое.

Конечно предполагается и соотвѣтственное такому бюджету расширеніе научной дѣятельности ассоціаціи.

Оцѣнка научныхъ трудовъ геодезической ассоціаціи, конечно, дѣло спеціалистовъ, но для насъ достаточно сказать, что ея стараніями земной шаръ измѣренъ почти по всей своей поверхности, что, помимо этого, не замыкаясь въ рамки своей спеціальности, она высказывалась и выступала съ предложеніями прогрессивнаго характера по другимъ вопросамъ, напримѣръ, поддерживала мысль объ объединеніи времени и меридіана, а на сессіи 1867 г. высказалась въ пользу общаго распространенія метрической системы, сооруженія новаго метра — прототипа и учрежденія центральнаго бюро мѣръ и вѣсовъ.

Важно то, что въ теченіе 30 лѣтъ это международное общество дѣйствуетъ, организуетъ совмѣстныя работы, снаряжаетъ экспедиціи и все это въ силу нравственнаго авторитета и солидарности духовныхъ интересовъ, связующей его работниковъ и на дѣлѣ подтверждающей девизъ, выбитый на медали въ память его основателя генерала Бейера:

Nationum sodalitium excitavit.

VIII.

Международный союзъ мѣръ и вѣсовъ.

Всемірныя выставки—величайшія событія нашего вѣка какъ по своимъ соціальнымъ слѣдствіямъ, такъ и потому, что онѣ—могучій факторъ научнаго, промышленнаго и торговаго прогресса. Учрежденіе, къ разсмотрѣнію которыхъ мы переходимъ, одно изъ многочисленныхъ доказательствъ этого положенія. Эти огромныя торжища въ сильнѣйшей степени обнаружили неудобства, происходящія въ международныхъ сношеніяхъ отъ разнообразія мѣръ и вѣсовъ, употребляемыхъ цивилизованными народами. Никогда рынокъ не представлялъ такой путаницы въ этомъ отношеніи, ибо никогда столькимъ націямъ не приходилось сравнивать продукты своего труда и, вмѣстѣ съ тѣмъ, вслѣдствіе различія единицъ счета, испытывать такое затрудненіе при ихъ оцѣнкѣ.

Послѣ четвертой всемірной выставки 1867 года въ Парижѣ вопросъ о путяхъ и средствахъ, могущихъ привести къ установленію единообразія мѣръ и вѣсовъ, былъ поставленъ на очередь.

Въ 1867 г. была устроена даже особая выставка мѣръ, вѣсовъ и монетъ, употребляемыхъ разными народами. Она имѣла въ виду наглядно показать необходимость международнаго метрическаго объединенія.

Второй важной причиной распространенія метрической системы является сильный подъемъ точныхъ наукъ въ XIX ст. Торжество метрической системы зависѣло не только отъ агитаціи, поднимавшейся во время періодическихъ международныхъ выставокъ, но и отъ рѣшительныхъ требованій и безкорыстныхъ усилій ученыхъ всѣхъ образованныхъ государствъ.

Уже въ 1855 г., при закрытіи Парижскаго международнаго статистическаго конгресса, было рѣшено основаніе Международной ассоціаціи для содѣйствія общему принятію десятичной системы мѣръ, вѣсовъ

и монетъ. Затѣмъ, въ 1867 году международная конференція Ассоціаціи для измѣренія земли, на своемъ очередномъ съѣздѣ въ Берлинѣ, присоединилась къ этому прогрессивному движенію и высказалась въ пользу общаго принятія метра, находя, что изъ всѣхъ мѣръ онъ имѣлъ наиболѣе шансовъ на всеобщее признаніе. Она рекомендовала сооруженіе новаго европейскаго метра-прототипа, которое слѣдовало поручить Международной комиссіи изъ представителей заинтересованныхъ государствъ. Членамъ конференціи предлагалось довести эти рѣшенія до свѣдѣнія своихъ правительствъ, а на Постоянную комиссію геодезической ассоціаціи возлагалась обязанность, насколько возможно, содѣйствовать ихъ осуществленію.

Вскорѣ послѣ этого въ ученомъ мірѣ возгорѣлась полемика по поводу того, насколько сооруженные въ теченіе 1791—98 г. группой ученыхъ разныхъ національностей и сохранявшіеся въ архивахъ Франціи прототипы метра и килограмма были пригодны, какъ общая для всѣхъ странъ единица мѣры. Ошибка въ вычисленіи, вслѣдствіе которой прототипъ метра оказывался на 8 или 9 сотыхъ миллиметра короче, чѣмъ слѣдовало, по мнѣнію нѣкоторыхъ, не позволяла смотрѣть на него иначе, какъ на мѣру произвольную. Необходимо, говорили они, предпринять новыя работы, чтобы извлечь изъ земного шара вполнѣ точную единицу мѣры. Эти требованія были, однако, отклонены, благодаря возраженію, что наука прогрессируетъ и что ея сегодняшніе выводы, быть можетъ, завтра окажутся невѣрны; что физическій міръ находится въ безпрерывной работѣ, и, слѣдовательно, нечего тѣшить себя надеждой открыть мѣру длины, отношеніе которой къ размѣрамъ земли оставалось бы неизмѣннымъ. Къ тому же не всѣ меридіаны тождественны, что доказывается вѣрностью для Нью-Іорка того меридіана, который не вѣренъ для Парижа. Поэтому благоразумнѣе было бы остаться при старомъ метрѣ, правда, условномъ, но освященномъ обычаемъ.

Съ этимъ согласились, но зато возраженія утвердились на почвѣ вопроса о способѣ воспроизведенія французскихъ прототиповъ.

Когда, въ концѣ прошлаго вѣка, были созданы метръ и килограммъ, каждый изъ иностранныхъ членовъ Комиссіи, занимавшейся ихъ изготовленіемъ, увезъ для своего правительства по экземпляру ихъ, сходному во всѣхъ отношеніяхъ съ оригиналами, оставшимися во Франціи. Изъ тѣхъ же матеріаловъ и тѣми же мастерами были изготовлены помѣщенные въ Консерваторіи искусствъ и ремеслъ образцы, съ которыми только и допускалось сравненіе метровъ и килограммовъ, изготовляемыхъ впослѣдствіи. Что же касается самихъ прототиповъ, запертыхъ въ архивахъ, они оставались тамъ, какъ во Святая Святыхъ, недоступные простымъ смертнымъ.

Противъ этого порядка и возставали, говоря, что, благодаря ему, копіи для сравненія метра и килограмма, предназначенныя служить образцами въ различныхъ странахъ, не представляли достаточныхъ гарантій своей тождественности съ своимъ прототипомъ.

Онѣ могли разниться по матеріаламъ, шедшимъ на ихъ изготовленіе, по методамъ и инструментамъ, при помощи которыхъ ихъ сравнивали, по температурѣ, сопровождавшей это сравненіе, по коэффиціентамъ расширенія, равно какъ и по способу изготовленія и размѣрамъ; по условіямъ относительно допускаемыхъ неточностей и по способу сохраненія образцовъ. Говорили, что, благодаря такому отсутствію единообразія, если не принять мѣръ предосторожности, кончится тѣмъ, что у каждой страны будетъ свой собственный метръ. Требовали поэтому, чтобы изготовленіе и сохраненіе прототиповъ не предоставлялось больше одной Франціи, но стало бы общимъ дѣломъ всѣхъ странъ, примкнувшихъ къ метрической системѣ.

Французская академія наукъ въ октябрѣ 1869 года признала основательность этого мнѣнія. По ея настоя-

нію французское правительство учредило, такъ называемую, „Комиссію метра“, главное ядро которой, состоящее изъ французовъ, было дополнено присоединеніемъ иностранныхъ комиссаровъ: она должна была выработать проектъ интернаціонализаціи метрической системы *).

Первое собраніе „Комиссіи метра“, не имѣвшей, само собою разумѣется, полномочій связать своими постановленіями какое бы то ни было государство, состоялось въ Парижѣ, въ августѣ 1870 г., но событія того времени заставили ее прервать свои занятія, которыя возобновились лишь въ октябрѣ 1872 г. Сорокъ семь делегатовъ явились сюда представителями отъ двадцати девяти правительствъ Европы и Америки. Комитетъ для предварительныхъ изысканій, основанный еще комиссіею 1870 г., представилъ Комиссіи прекрасно разработанный планъ, такъ что она могла выполнить свое дѣло въ очень короткое время. Постановленія ея носили двойной характеръ. Одни, — научныя,—касались матеріаловъ и пріемовъ, которые нужно было употребить въ дѣло, а также предосторожностей, необходимыхъ при изготовленіи международныхъ метровъ и килограммовъ;—другія,—административныя, регулировали способъ практическаго осуществленія постановленій.

Особая комиссія, въ которой каждое государство имѣло бы, по крайней мѣрѣ, одного представителя, должна была предпринять изготовленіе столькихъ тождественныхъ образцовъ метра и килограмма, сколько ихъ потребуютъ заинтересованныя государства.

---

*) Должно замѣтить, что вниманіе французской академіи на этотъ вопросъ было обращено докладомъ, сдѣланнымъ Петербургской академіи наукъ русскими учеными Струве, Вильде и Якоби. Въ этомъ докладѣ они указывали на то, что единство мѣръ не можетъ существовать при разрозненности въ дѣйствіяхъ государствъ, принимающихъ метръ, и предлагали учрежденіе Международной комиссіи для созданія единицы измѣренія дѣйствительно всемірной и международной въ прямомъ смыслѣ этого слова.

Сооруженіе этихъ новыхъ прототиповъ было поручено французской секціи комиссіи при содѣйствіи, т. н., *Постояннаго комитета*, образовавшагося изъ двѣнадцати членовъ различныхъ національностей. Онъ долженъ былъ наблюдать за исполненіемъ рѣшеній Комиссіи и руководить ими, обращаясь для этого къ *„международному бюро мѣръ и вѣсовъ“*, учрежденіе котораго было рекомендовано заинтересованнымъ государствамъ.

Но для осуществленія этихъ постановленій необходимъ былъ дипломатическій актъ, учреждающій Международное бюро, безъ котораго, какъ заявила Комиссія, она не могла обойтись.

Уже въ концѣ 1873 г. Постоянный комитетъ, признанный до того времени лишь нѣкоторыми государствами, обратился къ французскому правительству съ просьбою созвать ad hoc дипломатическую конференцію. Въ то же время конференція геодезической ассоціаціи въ Дрезденѣ (1874 г.) сдѣлала постановленіе въ томъ же смыслѣ и 1 марта 1875 г. въ Парижѣ собрались представители державъ, а 20-го мая былъ подписанъ представителями 19 государствъ договоръ.

Конвенція не даетъ намъ ни статей частно-правового характера, ни даже нормъ матеріальнаго административнаго права. Она не дѣлаетъ метрической системы обязательною для договаривающихся сторонъ. Задача ея—создать официальную международную организацію, которая обезпечивала бы полное единство прототиповъ измѣренія,—международныхъ и принятыхъ въ отдѣльныхъ странахъ. Основной актъ не называетъ этого соглашенія метрическою *уніею*, но оно обладаетъ всѣми признаками послѣдней, съ которыми мы познакомились выше. Каждое государство можетъ по истеченіи 12 лѣтъ отказаться отъ участія въ союзѣ съ заявленіемъ объ этомъ за годъ до срока. Хотя въ Конвенціи не говорится объ основаніяхъ, на которыхъ совершается вступленіе въ союзъ новыхъ членовъ, но она была разослана государствамъ, ее не

подписавшимъ, и результатомъ этого оказалось присоединеніе нѣкоторыхъ изъ нихъ; теперь членами союза состоятъ 23 государства *). Заслуживаетъ особаго вниманія то обстоятельство, что государства, какъ напримѣръ Россія и Данія, въ которыхъ метрическая система не употребляется ни обязательно, ни факультативно, принимаютъ, однако, участіе въ метрическомъ союзѣ.

Договаривающіяся стороны обязались основать и содержать въ Парижѣ: „Постоянное научное международное бюро“. Французское правительство, охотно обѣщавшее облегчить созданіе бюро, подарило ему Бретейльскій павильонъ близъ Севра въ паркѣ Сенъ-Клу. Но все-таки большія и дорогія работы по обзаведенію и устройству были неизбѣжны.

Въ началѣ персоналъ долженъ былъ состоять изъ директора, двухъ его помощниковъ и неопредѣленнаго числа служащихъ, которое должно сокращаться по мѣрѣ выполненія части намѣченной программы.

Это учрежденіе функціонируетъ *подъ надзоромъ и руководствомъ* „Международнаго комитета мѣръ и вѣсовъ“, состоящаго изъ четырнадцати членовъ отъ разныхъ государствъ. Чтобы согласовать созданіе 1875 г. съ тѣмъ, что существовало уже съ 1872-г., персоналъ новаго Международнаго комитета остался тотъ же, какъ и въ прежнемъ Постоянномъ комитетѣ, но только онъ увеличился двумя делегатами изъ числа тѣхъ, кто тогда получилъ наибольшее число голосовъ послѣ избранныхъ членовъ Постояннаго комитета.

Международный комитетъ, сносясь съ договаривающимися государствами черезъ посредство ихъ представителей въ Парижѣ, собирается каждый сентябрь въ Парижѣ и публикуетъ *протоколы* своихъ засѣданій.

---

*) Германія, Бельгія, Австрія, Венгрія, Бразилія, Аргентина, Данія, Испанія, С—е Штаты Америки, Франція, Италія, Перу, Португалія, Россія, Швеція, Норвегія, Швейцарія, Сербія, Румынія, Великобританія, Японія, Мексика и Тунисъ. Турція, подписавшая въ 1875 г. актъ союза, впослѣдствіи вышла изъ него.

Директоръ бюро, такъ же какъ и его помощникъ, назначаются комитетомъ, причемъ директоръ бюро ежегодно представляетъ Международному комитету отчетъ: о денежныхъ средствахъ, о состояніи имущества и выполненныхъ работахъ.

Международный комитетъ, съ своей стороны, ежегодно посылаетъ заинтересованнымъ государствамъ докладъ о своей дѣятельности и дѣятельности бюро.

Такимъ образомъ, Международный комитетъ въ метрическомъ союзѣ, подобно Постоянной комиссіи въ геодезической ассоціаціи, является въ роли надзирающаго органа, каковымъ въ другихъ уніяхъ выступаетъ, т. н., руководящее правительство. *Неполное представительство* союзныхъ государствъ въ Международномъ комитетѣ, число членовъ котораго, какъ мы уже говорили, равняется 14, составляетъ его слабую сторону. Подобное устройство идетъ въ разрѣзъ съ основными принципами современнаго Международнаго права и не можетъ быть допускаемо въ раціонально устроенной уніи. Надо желать, чтобы право участвовать въ комитетѣ было предоставлено представителямъ всѣхъ союзныхъ государствъ. Замѣтимъ, что вышеупомянутая реформа 1895 г. Постоянной комиссіи въ геодезическомъ союзѣ была вызвана такимъ же неполнымъ представительствомъ союзныхъ государствъ.

Административная іерархія содержитъ еще одну власть, стоящую выше Международнаго комитета: это общая конференція договаривающихся государствъ, собирающаяся, по крайней мѣрѣ, разъ въ каждыя шесть лѣтъ въ Парижѣ, подъ предсѣдательствомъ наличнаго президента академіи наукъ. Это собраніе выслушиваетъ докладъ Международнаго комитета о выполненныхъ работахъ и каждый разъ обновляетъ половину его состава.

Изобрѣтеніе и обсужденіе мѣръ, служащихъ для пропаганды метрической системы, составляетъ одну изъ обязанностей, возложенныхъ на общую конференцію, но она не считаетъ себя въ правѣ прибѣгать

къ другимъ средствамъ пропаганды, кромѣ изученія все возрастающаго усовершенствованія метрическихъ мѣръ и вѣсовъ. Такимъ образомъ, метрическая конференція является органомъ не только административнымъ, но и научнымъ.

Итакъ, въ метрическомъ союзѣ мы встрѣчаемъ ту же тройственную организацію, что и въ геодезическомъ, съ тѣмъ же кореннымъ недостаткомъ средняго руководящаго и надзирающаго органа.

Вернемся вновь къ бюро и разсмотримъ, что возлагаетъ на него 6-я статья Конвенціи. Эта статья предписываетъ бюро *):

1) Производить сравненіе и повѣрку всѣхъ новыхъ прототиповъ метра и килограмма.

2) Сохранять международные прототипы.

3) Періодически сравнивать національные образцы съ международными прототипами и ихъ свидѣтелями **), а также сравнивать образцовые термометры.

4) Сравнивать новые прототипы съ основными образцами неметрическихъ мѣръ и вѣсовъ, употребляемыхъ въ разныхъ странахъ и въ наукѣ.

5) Клеймить и сравнивать геодезическія рейки.

6) Сравнивать образцы и скалы приближеній, провѣрки которыхъ потребуютъ у него правительства, ученыя общества и даже отдѣльные ученые и мастера.

Хотя мы не можемъ входить въ техническія подробности, которыхъ потребовала бы исторія бюро,

---

*) Замѣтимъ также, что дѣятельность бюро, а также надзирающаго за нимъ Комитета носитъ также и чисто научный характеръ. Первоначально къ ежегоднымъ протоколамъ Комитета присоединялись научные труды служащихъ въ бюро, но съ 1880 г. труды эти, равно какъ работы членовъ Комитета, даютъ матеріалъ для спеціальнаго сборника: *„Труды и мемуары международнаго бюро мѣръ и вѣсовъ“*.

**) Естественнымъ свидѣтелемъ (повѣркой) метрическаго прототипа считается отношеніе его къ длинѣ свѣтовыхъ волнъ, подобно тому какъ вѣсъ кубическаго дециметра воды служитъ повѣркой килограмма.

но считаемъ, однако, необходимымъ сказать нѣсколько словъ о томъ, какъ была исполнена только что указанная программа.

Международная комиссія 1872 года признала необходимымъ замѣнить старый, хранящійся въ архивахъ, метръ о концахъ (à bouts) метромъ (à traits) изъ платины, сплавленной съ десятою частью иридія, и ограниченнымъ чертами, и она приняла къ этому мѣры. Ни тогда, ни послѣ въ обязанности бюро не входило самому фабриковать инструменты измѣреній. Оно ограничивалось лишь провѣркой представленныхъ ему инструментовъ. Такимъ образомъ, оно съ чрезвычайною точностью провѣрило тѣ изъ нихъ, которые доставила ему Комиссія, а общая конференція санкціонировала ихъ, убѣдившись, что „совершенство достигнутыхъ результатовъ превзошло всякія ожиданія".

Затѣмъ, конференція, по жребію, распредѣлила между двадцатью государствами и учеными учрежденіями тридцать, такъ называемыхъ, „*національныхъ* прототиповъ", цѣною въ 10173 фр.—метръ и 3105 фр.—килограммъ.

Наконецъ, торжественно приступили къ отдачѣ на храненіе „*международныхъ* прототиповъ", для которыхъ былъ приготовленъ тайникъ въ нижнихъ подвалахъ зданія, гдѣ производятся наблюденія. Эта полу погребальная церемонія совершилась 28-го сентября 1889 года и о ней былъ составленъ обстоятельный протоколъ. Прототипы съ ихъ свидѣтелями и съ термометромъ максимума и минимума были навѣки помощены въ желѣзный шкафъ съ двойнымъ замкомъ, ключи отъ котораго поручены на храненіе директору бюро. Подвалъ, въ свою очередь, былъ запертъ первою желѣзною дверью, ключъ отъ которой взялъ директоръ, и второю, также желѣзною дверью съ двумя замками, отъ которыхъ одинъ ключъ врученъ предсѣдателю международнаго комитета, а другой — хранителю національныхъ архивовъ Франціи. Даже директоръ бюро не имѣетъ права проникнуть въ ука-

занный подвалъ иначе, какъ съ особаго разрѣшенія Комитета и въ присутствіи двухъ его членовъ.

Съ тѣхъ поръ какъ бюро вступило въ нормальную фазу своего существованія, смѣнившую временный періодъ опредѣленія международныхъ типовъ, его дѣятельность не ослабѣла. Это можно заключить изъ того, что до сихъ поръ въ его составъ входятъ восемь чиновниковъ и служащихъ и что Международный комитетъ продолжаетъ собираться ежегодно, хотя регламентъ требуетъ отъ него обязательныхъ засѣданій только каждые два года.

Метрическая система принята большинствомъ цивилизованныхъ государствъ именно благодаря существованію союза. Онъ далъ въ распоряженіе науки и практики единую, идеально-точную мѣру, оградилъ ее отъ всякихъ возможныхъ случайностей, снабдилъ государства и ученыя учрежденія безусловно вѣрными образцами, насколько это, конечно, вообще возможно, обезпечивъ въ то же время провѣрку и сохраненіе ихъ тождества. Онъ сдѣлалъ метрическую систему универсальной, поручивъ заботу о ея дальнѣйшемъ упроченіи и развитіи международнымъ органамъ.

Точная и единая мѣра облегчаетъ торговый обмѣнъ, даетъ возможность изготовлять разныя части одной и той же машины или судна на заводахъ и фабрикахъ разныхъ странъ, она позволяетъ согласовать и обобщать результаты научныхъ и практическихъ изысканій, совершенныхъ на противоположныхъ концахъ земли. Она—всемірный языкъ точныхъ наукъ, и уже одного этого было бы достаточно, чтобы отвести метрическому союзу почетное мѣсто среди учрежденій нашего времени.

IX.

Международный противоневольничій союзъ.

Учрежденія, о которыхъ намъ предстоитъ говорить, отличаются, по мысли, вызвавшей ихъ къ жизни, отъ

всѣхъ своихъ собратій той же космополитической семьи. Нравственные интересы, до нѣкоторой степени, примѣшанные къ матеріальнымъ въ дѣлѣ возникновенія большинства всемірныхъ союзовъ, исключительно преобладаютъ въ томъ изъ нихъ, цѣль котораго—уничтоженіе торговли неграми.

Время возникновенія негроторговли, какъ особаго промысла, не установлено съ точностью, но ея окончательное утвержденіе и распространеніе можно констатировать лишь послѣ открытія Америки. Тяжелыя работы въ рудникахъ, на сахарныхъ и хлопчатобумажныхъ плантаціяхъ требовали рабочей силы, которую не могло доставить мѣстное населеніе, и тогда ввозъ чернокожихъ въ европейскія колоніи становится обычнымъ и общепризнаннымъ дѣломъ. Уже Карлъ I Испанскій (императоръ Карлъ V) даетъ одному изъ своихъ фаворитовъ монополію на доставку 4000 рабовъ. Позже, съ увеличеніемъ прибыльности этой торговли, сами государи принимаютъ въ ней участіе; такъ, въ XVI вѣкѣ Елисавета Англійская получаетъ отъ своего подданнаго, Джона Гаукинса, часть денегъ, вырученныхъ отъ продажи негровъ въ Америкѣ. Со времени Филиппа II испанское правительство продаетъ эту монополію то частнымъ компаніямъ, какъ „англо-африканская компанія для торговли неграми“, то даже иностраннымъ правительствамъ; она является предметомъ международныхъ договоровъ, о чемъ свидѣтельствуетъ Утрехтскій мирный трактатъ 1713 г. и Ахенскій 1748 г. Черные рабы появляются въ Европѣ: въ Лондонѣ и даже въ Парижѣ ихъ можно купить и продать.

Здѣсь не мѣсто распространяться о тѣхъ низкихъ средствахъ, въ родѣ спаиванія и заманиванія разными блестящими бездѣлушками, какими пріобрѣталось разрѣшеніе африканскихъ царьковъ на охоту за ихъ подданными, о насиліяхъ и жестокостяхъ, которыми сопровождалась поимка и доставка живого товара, но нельзя не сказать, что въ теченіе трехъ столѣтій вы-

везено въ европейскія колоніи самое меньшее 12 милліоновъ рабовъ, а на каждую доставленную тысячу нужно считать 1450 погибшихъ. Немудрено, что многія пространства Африканскаго материка были совершенно разорены и опустошены. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ на незначительной глубинѣ находятъ въ землѣ остатки предметовъ, свидѣтельствующіе о болѣе высокой степени культуры, чѣмъ та, на которой стоятъ теперешніе обитатели.

Начало движенія противъ этого гнуснаго ремесла и вообще рабовладѣнія относится къ концу XVIII-го вѣка и находится въ прямой связи съ общими освободительными тенденціями того времени. Для борьбы съ невольничествомъ создаются частныя филантропическія общества, противъ него раздаются протесты въ литературѣ, на митингахъ и въ парламентахъ. Особенно значительно было, благодаря вліянію квакеровъ, движеніе въ Англіи и Соединенныхъ Штатахъ.

Рядомъ съ этимъ, въ національныхъ законодательствахъ появляются акты, запрещающіе негроторговлю. Честь почина въ этомъ дѣлѣ принадлежитъ Даніи и Норвегіи, запретившимъ ее въ 1792 году; за ними въ 1807 г. послѣдовали Англія и Соединенные Штаты. Затѣмъ, цѣлымъ рядомъ послѣдовательныхъ постановленій постепенно уничтожается и самое рабство во всѣхъ христіанскихъ государствахъ, при чемъ только въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ это правое дѣло потребовало кровавой борьбы. Послѣднею уничтожила у себя рабство Бразилія (1885—1889 г.), благодаря энергіи и настойчивости ех - императора Донъ-Педро II.

Но уже съ начала нашего столѣтія встрѣчается рядъ международныхъ актовъ, направленныхъ къ той же цѣли. Особенное значеніе имѣетъ общее коллективное заявленіе державъ на Вѣнскомъ конгрессѣ. Декларація 1815 года въ торжественной формѣ осуждала злоупотребленіе, позоряющее человѣчество, и обѣщала принять мѣры для его прекращенія.

На Ахенскомъ (1818) и Веронскомъ (1822) конгрессахъ также поднимаются вопросы о прекращеніи негроторговли и о мѣрахъ борьбы съ нею. Но и здѣсь державы ограничиваются скорѣе принципіальнымъ осужденіемъ этой торговли, чѣмъ установленіемъ какихъ либо мѣръ къ ея дѣйствительному уничтоженію.

Негроторговля уничтожалась, такимъ образомъ, въ принципѣ, но однако еще болѣе полувѣка прошло, прежде чѣмъ отъ прекрасныхъ словъ и отъ отдѣльныхъ усилій, главнымъ образомъ, Англіи, перешли къ хорошему дѣлу, т.-е. *къ коллективной борьбѣ* съ нею.

Первые рѣшительные шаги въ этомъ направленіи сдѣлала Англія, оставшаяся, между прочимъ, и до конца во главѣ освободительнаго движенія. Она приравняла въ своемъ внутреннемъ законодательствѣ негроторговлю къ морскому разбою, наказываемому смертью и въ періодъ времени отъ 1817 до 1830 года заключила съ разными государствами рядъ соглашеній, обязывавшихъ къ подавленію негроторговли. Особенность этихъ договоровъ, какъ и всѣхъ до 1885 г., та, что они имѣютъ въ виду торговлю рабами на морѣ, главнымъ образомъ, въ Атлантическомъ океанѣ.

Бороться съ морской торговлей неграми можно было только международнымъ путемъ. Открытое море— область свободнаго судоходства для всѣхъ народовъ. Судно, идущее въ открытомъ морѣ подъ національнымъ флагомъ, является, какъ бы частью территоріи своего отечества, а потому оно подчинено только законамъ этого послѣдняго и нормамъ международнаго права, поскольку таковыя признаются его отечествомъ. Оно не подчиняется никакой иностранной власти и всякая помѣха свободному плаванію—оскорбленіе той державы, подъ флагомъ которой оно плаваетъ. Вмѣшательство этой власти становится возможнымъ, только послѣ спеціально на этотъ счетъ заключеннаго договора. Вслѣдствіе этого международныя соглашенія Англіи съ нѣкоторыми морскими державами устанавливали право взаимнаго обыска подозрительныхъ судовъ и

подсудность виновныхъ смѣшанному суду изъ представителей договаривающихся государствъ, или они устанавливали право удостовѣриться въ національности корабля и подсудность его суду той державы, чей флагъ былъ имъ поднятъ.

Въ 1841 году Пруссія, Австрія, Франція*), Великобританія и Россія заключили договоръ на началахъ, представляющихъ сліяніе этихъ двухъ системъ. Постепенно эти начала получили признаніе со стороны почти всѣхъ крупныхъ морскихъ государствъ.

Договаривающіяся государства запрещаютъ, въ соглашеніи 1841 г., своимъ подданнымъ всякое (личное и денежное) участіе въ негроторговлѣ, приравнивая ее къ морскому разбою, и разрѣшая *всѣмъ* военнымъ судамъ, снабженнымъ отъ правительствъ договаривающихся государствъ особымъ на этотъ предметъ дозволеніемъ, въ предѣлахъ Атлантическаго океана между Африкой и Америкой и въ предѣлахъ точно опредѣленной полосы вдоль южнаго и западнаго побережья Африки, право обыска и ареста подозрительныхъ торговыхъ судовъ и передачи ихъ суду державы, подъ флагомъ которой они шли.

Слабая сторона этихъ началъ очевидна: они борются со зломъ уже, такъ сказать, осуществившимся, совершенно оставляя въ сторонѣ вопросъ о мѣстѣ его происхожденія. Только съ 1885 г. дѣло перешло на другую почву, и государства стремятся уничтожить зло въ самомъ его источникѣ, т.-е. на материкѣ Африки.

Не слѣдуетъ, однако, думать, что предшествующіе договоры мало послужили общему дѣлу. Напротивъ, они совершенно подорвали существованіе богатыхъ и организованныхъ негроторговческихъ компаній и, благодаря имъ, это ремесло изъ рукъ европейцевъ перешло въ руки мелкихъ арабскихъ шаекъ, которыя, конечно, не въ состояніи уже практиковать его въ столь значительныхъ размѣрахъ, какъ это дѣлалось прежде.

---

*) Франція не дала этому договору ратификаціи.

Договоръ 1885 г., главнымъ образомъ, установилъ разграниченіе внутреннихъ частей Африки между государствами, имѣвшими на нее виды, но попутно онъ касается и интересующаго насъ вопроса. Договаривающіяся государства обязались содѣйствовать подавленію негроторговли внутри Африки и принять мѣры къ охраненію и улучшенію матеріальнаго и нравственнаго состоянія туземцевъ.

Договоръ подписанъ 15 государствами, при чемъ въ немъ участвуютъ и рабовладѣльческія страны—Турція и Персія. Кромѣ того, Англія заключила съ полуцивилизованными и нецивилизованными владѣтелями въ Африкѣ и Азіи массу частныхъ соглашеній, дающихъ ей право преслѣдовать въ ихъ владѣніяхъ негроторговлю.

Внутренность Африки стала болѣе доступна изслѣдованіямъ европейцевъ, и то, что открыли эти изслѣдованія (Стэнли, Эминъ-Паша, Камеронъ), повергло въ ужасъ и возмутило общественное мнѣніе цивилизованнаго міра. Оказалось, что на негровъ производятся правильныя облавы; всѣ, кто непригоденъ въ продажу, старики, больные, раненые, убиваются на мѣстѣ, та же участь постигаетъ тѣхъ, кто ослабѣетъ или занеможетъ дорогой; дѣтей убиваютъ на глазахъ ихъ матерей, если они устаютъ подъ тяжестью дорогой для нихъ ноши. Стэнли говоритъ, что путь изъ экваторіальной Африки въ города съ невольничьими рынками легко найти, потому что онъ весь усѣянъ бѣлѣющими костями погибшихъ негровъ.

Въ 1888 году кардиналъ Лавижери, архіепископъ Алжира, сталъ проповѣдывать нѣчто въ родѣ новаго крестоваго похода въ защиту этихъ несчастныхъ. Онъ организовалъ отряды добровольцевъ, цѣль которыхъ всѣми средствами и даже вооруженной рукой бороться со зломъ и освобождать захваченныхъ рабовъ.

Состраданіе, ожививъ дѣятельность старыхъ противоневольничьихъ обществъ и вызвавъ учрежденіе новыхъ, охватило, наконецъ, и правительства. Мысль

объ общихъ дѣйствіяхъ съ ихъ стороны для искорененія зла исходила отъ одного англійскаго общества, (British and Foreign Anti-Sclavery Society), съ давнихъ поръ стремившагося къ ея осуществленію. Но первый дипломатическій шагъ былъ сдѣланъ Бельгіей совмѣстно съ Англіею. Эти двѣ державы ad hoc организовали въ Брюсселѣ конференцію, открывшую свои засѣданія 18-го ноября 1889 г. Только черезъ семь съ половиной мѣсяцевъ работы, государства, участвовавшія въ ней, установили текстъ договора, ратификаціи котораго долгое время не давали парламенты, а потому онъ и вступилъ въ силу только 2 апр. 1892 г.

Актъ 1889 — 90 года не даетъ соглашенію государствъ названія международнаго союза или уніи, но оно заключаетъ въ себѣ нѣкоторые изъ признаковъ, характеризующихъ прочіе союзы разсматриваемаго типа, и такъ именно смотрятъ на него авторитетные писатели.

Число первоначальныхъ участниковъ этой уніи не велико, но въ нее входятъ почти всѣ государства, отъ которыхъ зависитъ успѣхъ дѣла *). Присоединеніе къ союзу совершается съ согласія его членовъ, которые могутъ обставить его тѣми или другими условіями. При этомъ имѣлись въ виду нѣкоторыя государства Азіи и Африки, простое присоединеніе которыхъ могло не вполнѣ отвѣчать общимъ намѣреніямъ.

Государства не только обязуются препятствовать охотѣ на негровъ, посредствомъ установленія въ областяхъ, зависящихъ отъ нихъ, общественныхъ властей, организаціи правильныхъ путей сообщенія, военныхъ станцій и т. п., но они обязуются также оказывать мѣстнымъ племенамъ всякаго рода помощь и

---

*) Германія, Австро - Венгрія, Бельгія, Данія, Испанія, Конго, Соединенные Штаты, Франція, Англія, Италія, Нидерланды, Люксембургъ, Персія, Португалія, Россія, Швеція и Норвегія, Турція, Занзибаръ. Впослѣдствіи къ союзу присоединились Либерія и Оранжевая республика. Въ настоящую минуту стоитъ на очереди вопросъ о присоединеніи Трансвааля.

поддержку въ случаѣ опасности и содѣйствовать насажденію между ними мирной культуры.

Значеніе этого постановленія станетъ ясно для насъ, если мы вспомнимъ, что за послѣднія десятилѣтія совершился, т. ск., политическій раздѣлъ Африки. Взгляните на современную карту этой части свѣта и вы увидите, что почти вся она, отъ сѣвера до юга и отъ востока до запада, находится подъ цвѣтами разныхъ европейскихъ государствъ.

Мы остановимся подробнѣе на тѣхъ мѣрахъ, которыя предписываетъ Конвенція противъ морской торговли неграми. Договаривающіяся государства согласились поддерживать строгій надзоръ и наблюденіе въ тѣхъ частяхъ моря, гдѣ еще донынѣ практикуется эта торговля, т.-е., въ частяхъ Индѣйскаго океана, омывающихъ восточный берегъ Африки, берега Аравіи и Персіи.

Замѣтимъ, однако, что надзоръ этотъ распространяется лишь на сравнительно небольшія суда (вмѣстимостью менѣе 500 тоннъ). Объясняется это, во-первыхъ, тѣмъ обстоятельствомъ, что при современныхъ условіяхъ лишь такія суда, по большей части, могутъ производить торгъ неграми, и, во-вторыхъ, сопротивленіемъ, какое оказала на конференціи Франція, распространенію права осмотра торговыхъ судовъ большаго (чѣмъ 500 т.) размѣра въ мирное время въ открытомъ морѣ иностранными военными кораблями. Франція почти всегда въ теченіе настоящаго столѣтія стояла во главѣ движенія противъ такого осмотра, пропагандируемаго Англіею, и руководствовалась въ этомъ случаѣ опасеніемъ за свои торговые интересы, нарушеніе коихъ возможно въ случаѣ злоупотребленія означеннымъ правомъ осмотра судовъ въ мирное время *).

*) Замѣтимъ, что тѣ статьи Брюссельскаго акта, которыя трактуютъ о правѣ осмотра не получили ратификаціи Франціи, благодаря сопротивленію ея палатъ. Послѣдними руководило даже и въ этомъ случаѣ опасеніе за неприкосновенность торговыхъ интересовъ своего отечества, но, повидимому, здѣсь больше всего

Но для того, чтобы морская полиція была дѣйствительна, необходимо возможно болѣе частое общеніе военныхъ судовъ договаривающихся сторонъ, на которыя она возлагается и которыя осуществляютъ свои обязанности изолированно другъ отъ друга. Вслѣдствіе этого постановлено учредить въ Занзибарѣ „Международное морское бюро“, и ему дано право открывать, въ случаѣ надобности, во всѣхъ частяхъ, на которыя распространено дѣйствіе Брюссельскаго договора, „вспомогательныя бюро“, сходныя по своей организаціи съ центральнымъ учрежденіемъ въ Занзибарѣ.

Каждое государство можетъ послать своего делегата въ Занзибарское бюро, для возникновенія котораго требовалось, чтобы три государства назначили своихъ уполномоченныхъ. Въ дѣйствительности таковыхъ оказалось пять и бюро было открыто 9 ноября 1892 г. Оно выработало регламентъ, опредѣляющій способъ осуществленія своихъ обязанностей и предложило его на утвержденіе представленныхъ въ немъ государствъ.

На обязанности Занзибарскаго бюро лежитъ сосредоточеніе всѣхъ документовъ и свѣдѣній, способныхъ облегчить подавленіе негроторговли. Каждое государство обязалось передавать въ Занзибарское бюро:

1) Образцы корабельныхъ бумагъ, которыя оно выдаетъ мѣстнымъ судамъ (плавающимъ изъ портовъ африканскаго побережья), поднимающимъ его флагъ, а именно: разрѣшеніе на поднятіе этого флага, назначеніе экипажа и списокъ черныхъ пассажировъ.

2) Оправдательные документы относительно каждаго ареста какого-либо судна, произведеннаго его военными судами.

3) Списокъ властей, которымъ можетъ быть сдано

оказало вліяніе нежеланіе отклониться отъ традиціонной политики Франціи, всегда сопротивлявшейся укрѣпленію въ международныхъ отношеніяхъ разсматриваемаго права осмотра въ какой бы то ни было формѣ.

судно, поднявшее флагъ даннаго государства и застигнутое на мѣстѣ преступленія.

4) Копіи судебныхъ рѣшеній и приговоровъ, произнесенныхъ его агентами вслѣдствіе неправильныхъ арестовъ суденъ, казавшихся подозрительными.

5) Всѣ доступныя ему свѣдѣнія, способныя повести къ открытію лицъ, занимающихся негроторговлей.

Архивы бюро открыты для флотскихъ офицеровъ договаривающихся государствъ, *служащихъ въ моряхъ, подчиненныхъ регламентаціи Брюссельскаго договора*, а равно и для другихъ лицъ, которыя будутъ туда допущены съ согласія ихъ государствъ. Кромѣ того, бюро обязано сообщать ближайшей территоріальной или консульской власти той страны, чей флагъ носитъ арестованное судно, полученные имъ оправдательные документы относительно ареста.

Польза морского бюро очевидна. Оно можетъ доставлять крейсерамъ и территоріальнымъ властямъ драгоцѣнныя для выполненія ихъ задачи свѣдѣнія, которыя необходимо должны быть у нихъ подъ рукою. Промедленіе при полученіи этихъ свѣдѣній, которое явилось бы слѣдствіемъ необходимости сноситься съ каждымъ правительствомъ для ихъ полученія, весьма затруднило бы осуществленіе военными судами возложенныхъ на нихъ обязанностей.

Но область борьбы съ негроторговцами охватываетъ, кромѣ океана, какъ мы уже говорили, также и весь материкъ Африки.

Въ этомъ случаѣ каждое государство борется установленнымъ Брюссельскимъ договоромъ оружіемъ на территоріи, гдѣ оно можетъ дѣйствовать вполнѣ самостоятельно, гдѣ оно не обязано сговариваться, подобно тому какъ на морѣ, со своими сотрудниками, и гдѣ дѣйствія его не подвергаются никакому контролю. Кампанія, въ которой участвуютъ всѣ, принявъ на себя разнообразныя обязательства, въ этомъ случаѣ, не руководится единой волей, изо дня въ день согласующей общее движеніе и сообщающей ему подходящее

направленіе. Это неудобство присуще самой природѣ союза, заключеннаго договаривающимися государствами. Ни одно изъ нихъ не имѣло въ виду поступиться въ его пользу своею независимостью или отречься отъ того, что оно считаетъ неотъемлемыми правами суверенитета.

Но такое положеніе дѣла отчасти парализуется тѣмъ, что союзныя государства взаимно сообщаютъ другъ другу все, что имъ извѣстно и что совершено ими въ дѣлѣ, которое они стремятся разрѣшить общими силами. Они не только обязались „сообщать другъ другу всѣ свѣдѣнія, полезныя въ борьбѣ съ негроторговлей“, но яснѣе опредѣлили эту обязанность, согласившись, „въ самомъ скоромъ времени и въ самыхъ широкихъ размѣрахъ, какіе только найдутъ возможными“, обмѣниваться опредѣленными, точно поименованными документами, а именно:

1) текстами законовъ и административныхъ распоряженій, существующихъ или изданныхъ ими согласно Брюссельской конвенціи, которая говоритъ о довольно значительномъ количествѣ ихъ.

2) статистическими свѣдѣніями о негроторговлѣ, о задержанныхъ и освобожденныхъ рабахъ, о торговлѣ оружіемъ, съѣстными припасами и спиртными напитками на ихъ территоріяхъ.

Но договоръ 1890 г. не ограничивается этимъ постановленіемъ, а въ видахъ облегченія обмѣна этими свѣдѣніями учреждаетъ въ Брюсселѣ „спеціальное бюро“, въ которое долженъ доставляться и годовой отчетъ Занзибарскаго бюро, дополненный отчетами вспомогательныхъ бюро, если таковыя будутъ организованы. Всѣ эти свѣдѣнія собираются, періодически печатаются и затѣмъ разсылаются договаривающимся государствамъ.

Такъ какъ съ нравственной и гуманитарной точки зрѣнія всѣ участники союза одинаково заинтересованы въ исполненіи договора, хотя нѣкоторые изъ нихъ и не принимаютъ въ этомъ дѣлѣ активнаго участія, то

издержки на „бюро, корреспонденцію, переводы и печатаніе“, раздѣляются поровну между всѣми договаривающимися сторонами.

Обязанность публикаціи не была возложена на бюро въ Занзибарѣ потому, что для сообщенія документовъ, исходящихъ отъ самихъ правительствъ, а не отъ ихъ колоніальныхъ управленій, было удобнѣе имѣть бюро въ Европѣ.

Какъ мы видѣли, Брюссельское бюро надѣлено очень ограниченными полномочіями, но на конференціи былъ поднятъ вопросъ и о гораздо болѣе широкихъ и значительныхъ полномочіяхъ. Сторонники этого предложенія выработали проектъ, который послужилъ предметомъ долгихъ преній и, не смотря на то, что онъ не былъ принятъ, конференція тѣмъ не менѣе, признала, какъ будетъ указано ниже, желательность его признанія въ будущемъ.

Ни мало не подвергая подозрѣнію искренность подписавшихъ Брюссельскій актъ, англійское правительство находило, однако, необходимымъ установленіе надзора за исполненіемъ дѣла конференціи и полагало, что эта обязанность должна быть поручена именно тѣмъ, кто выработалъ договоръ. Въ то же время оно заявило, что не ожидаетъ много хорошаго отъ морского бюро, функціонирующаго въ полной независимости, что, предоставленное самому себѣ, бюро можетъ слишкомъ расширить свою компетенцію и позволитъ себѣ чрезмѣрныя траты. На основаніи этихъ соображеній, Англія предлагала сообщить Брюссельскому бюро международный характеръ, поставивъ во главѣ его „Административный совѣтъ“, состоящій изъ присутствующихъ въ Бельгіи представителей тѣхъ державъ, которыя пожелали бы имѣть въ немъ своихъ делегатовъ. Этотъ Совѣтъ долженъ былъ назначать персоналъ бюро, опредѣлять его обязанности и вознагражденіе. Онъ собирался бы, по крайней мѣрѣ, два раза въ годъ. Назначеніе его — контролировать административное и финансовое упра-

вленіе Занзибарскаго бюро и зависящихъ отъ него вспомогательныхъ бюро, утверждать ихъ органическій регламентъ и бюджетъ. Ежегодно долженъ составляться отчетъ, который явился бы введеніемъ къ сборнику документовъ и свѣдѣній, публикуемыхъ въ Брюсселѣ. Этотъ отчетъ заключалъ бы въ себѣ всякаго рода документы, сообщаемые бюро, изложеніе данныхъ относительно исполненія общаго договора, достигнутыхъ результатовъ и замѣченныхъ пробѣловъ. Редакція отчета принадлежала бы бюро, но онъ, вмѣстѣ со счетоводствомъ, долженъ былъ подвергаться просмотру и одобренію Совѣта.

Перспектива отчета, который явился бы въ нѣкоторомъ родѣ „оцѣнкой“ и „публичнымъ сужденіемъ“ поведенія заинтересованныхъ правительствъ, казалась нежелательною членамъ конференціи. Въ немъ усмотрѣли зародышъ несогласій, и онъ былъ устраненъ. Сначала его свели къ „аналитическому изложенію“ и, наконецъ, просто къ „аналитической таблицѣ“ опубликованныхъ документовъ. Съ этого момента существованіе административнаго совѣта, который лучше было бы назвать „надзирающимъ“, оказывалось излишнимъ, и, такимъ образомъ, рухнулъ весь планъ, созданный по ту сторону Ла-Манша. Принимая во вниманіе сказанное, не безъ основанія можно было бы считать Брюссельское бюро учрежденіемъ не „международнымъ“. Ему даже не дали названія „центральнаго бюро“; но остановясь на первоначальномъ предположеніи, довольствовались тѣмъ, что сдѣлали его „спеціальнымъ бюро, присоединеннымъ къ бельгійскому департаменту иностранныхъ дѣлъ“.

Но, тѣмъ не менѣе, мысль Англіи не была оставлена совершенно, такъ какъ въ протоколъ конференціи занесли слѣдующія слова: „Ознакомившись съ выработаннымъ уполномоченными Великобританіи проектомъ учрежденія въ Брюсселѣ международнаго бюро, снабженнаго, въ цѣляхъ облегчить для державъ возможность наблюдать за исполненіемъ и вносить не-

обходимыя улучшенія въ общій договоръ, болѣе широкими полномочіями, чѣмъ установленныя § 2 V-й главы, конференція выражаетъ пожеланіе, чтобы это учрежденіе было призвано замѣстить существующее бюро въ тотъ день, когда державы, съ общаго согласія, признаютъ, что обстоятельства благопріятствуютъ принятію этой мѣры".

Документы, изданные до настоящаго времени бюро въ Брюсселѣ, производятъ сильное впечатлѣніе на читателя. Перечни освобожденныхъ рабовъ съ ихъ варварскими прозвищами, указанія на захваченныя барки негроторговцевъ и на произнесенныя надъ виновными приговоры, показываютъ, что въ жизни союза, заключеннаго въ 1890 г., бьется живой пульсъ, что статьи этого договора дѣйствительно облегчаютъ страданія, уничтожаютъ тяжкія злоупотребленія и служатъ справедливости, правдѣ и прогрессу.

Нельзя не признать значенія результатовъ, достигнутыхъ уніей за короткое время ея существованія. Конечно, въ какой-нибудь десятокъ лѣтъ не можетъ быть вырвано съ корнемъ зло, разраставшееся цѣлыми столѣтіями; еще остались мѣста, имъ пораженныя, и отдѣльные случаи повторяются еще слишкомъ часто, но въ общемъ Африканскій материкъ можно считать уже замиреннымъ. Прекратилась вѣчная охота на чернокожихъ, тысячи рабовъ освобождены, всюду, куда проникли европейцы, низложены мѣстные царьки, занимавшіеся продажей своихъ подданныхъ, разсѣяны шайки негроторговцевъ, разрушены ихъ укрѣпленные пункты и размѣщены военныя силы, охраняющія безопасность и свободу негровъ. Остальное довершитъ та же неусыпная дѣятельность уніи въ связи съ распространеніемъ гражданственности и культуры между туземцами.

* *
*

Предъ нашими глазами прошли всѣ существующія нынѣ всемірныя уніи. Мы видѣли, что въ океанѣ жиз-

ни человѣчества онѣ не всплыли вдругъ, подобно вулканическимъ островамъ; напротивъ, ихъ скорѣе можно сравнить съ островами, которые образуются путемъ долгой и скрытой работы организмовъ, населяющихъ океанъ. Мы видѣли, что въ ихъ образованіи участвовали и отдѣльныя личности, и частныя общества, и цѣлыя группы государствъ. Можно сказать, что въ основѣ этихъ образованій лежитъ одинъ и тотъ же законъ развитія,—до того сходенъ ихъ путь у нихъ всѣхъ, какъ бы ни были разнообразны ихъ предметы и цѣли. Будь то упорядоченіе почтоваго и желѣзнодорожнаго дѣла, или научныя изысканія, охрана правъ духовной собственности, или защита обездоленныхъ,—всюду идея международнаго объединенія высказывается, сначала, передовыми людьми въ формѣ пожеланія, затѣмъ, находитъ свою формулировку въ дѣятельности частныхъ организацій, иногда, въ групповыхъ соглашеніяхъ государствъ и, наконецъ, воплощаетя въ договорѣ, охватывающемъ болѣе или менѣе обширную группу государствъ.

Сперва союзный договоръ содержитъ очень немного общихъ началъ, въ остальномъ же только стремится уравнять права иностранцевъ и туземцевъ, но, по мѣрѣ роста и развитія дѣятельности союза, число этихъ общихъ началъ увеличивается, и въ союзахъ публично-правового характера, напримѣръ, телеграфномъ и почтовомъ, значительно отодвигаетъ внутреннія законодательства отдѣльныхъ государствъ. *Эти союзы* дали блестяще обработанные кодексы своего спеціальнаго права и *послужили,* такимъ образомъ, *одной изъ великихъ задачъ нашего времени—кодификаціи международнаго права.*

Въ другихъ союзахъ, напримѣръ, литературно-артистической и промышленной собственности, такая работа только еще начинается, что и объясняется какъ ихъ сравнительной молодостью, такъ и тѣмъ, что гражданское право, съ областью котораго связана ихъ дѣятельность, представляетъ больше разнообразія

и особенностей, коими неохотно поступаются государства. Зато въ тѣхъ же союзахъ *нѣкоторыя страны, не имѣвшія спеціальныхъ законодательствъ* по данным ъ вопросамъ, *создали ихъ подъ вліяніемъ международныхъ началъ.*

Мы знаемъ, что внутреннее развитіе и организація почти всѣхъ союзовъ расположены по одному плану, что вполнѣ понятно, такъ какъ они въ этомъ случаѣ вліяли одинъ на другой, но вмѣстѣ съ тѣмъ каждый изъ нихъ внесъ нѣчто новое и свое.

Если взглянуть на высшіе органы союзовъ, союзныя собранія (конференціи и конгрессы), то, въ общемъ, они, конечно, носятъ дипломатическій характеръ, такъ какъ являются представительствомъ соединенныхъ государствъ. Но мы видѣли также, что пробивается и новое теченіе въ этой области, что *дипломатія съ ея традиціями уступаетъ мѣсто спеціалистамъ даннаго дѣла, рѣшающимъ опредѣленные вопросы по принципу большинства голосовъ.* Всѣми безусловно требуется періодичность союзныхъ собраній, и въ общемъ она колеблется между тремя и десятью годами, но въ то время, какъ одни союзы, геодезическій, желѣзнодорожный, устанавливаютъ этотъ срокъ въ основныхъ актахъ, другіе предоставляютъ его на волю самихъ конференцій, иногда съ оговоркой насчетъ максимума, какъ, напримѣръ, въ почтовомъ союзѣ.

Веденіе нѣкоторыхъ союзныхъ дѣлъ въ промежутокъ между двумя собраніями и надзоръ за исполнительными органами, международными бюро, возлагаются на одного изъ членовъ союза,—такъ называемое руководящее управленіе. Однако въ союзахъ научнаго характера мы встрѣтились съ попыткой возстановить общее равенство въ этомъ отношеніи путемъ *созданія международнаго руководящаго и надзирающаго органа*, каковы Постоянная комиссія геодезическаго союза и Международный комитетъ—метрическаго. Эти органы не вполнѣ отвѣчаютъ своему назначенію, такъ какъ въ нихъ не представлены всѣ члены союза, но, не-

сомнѣнно, представляютъ шагъ впередъ въ международной организаціи. И въ настоящемъ своемъ видѣ они успѣшно дѣйствуютъ, а въ будущемъ ихъ, конечно, ждетъ болѣе полное развитіе.

Познакомившись съ дѣятельностью международныхъ *бюро,* мы подошли къ тому мѣсту, въ которомъ бьется *жизненный пульсъ союзовъ.*

Бюро очень разнообразны по предметамъ своихъ занятій. Выдвинувъ ихъ сначала въ помощь крупнымъ публичнымъ установленіямъ, затѣмъ обратились къ ихъ услугамъ въ интересахъ торговли и промышленности, литературы и искусства, науки и филантропіи. Было бы слишкомъ смѣло утверждать, что дѣло остановится на своемъ современномъ положеніи и что разсматриваемое нами орудіе международнаго прогресса, такъ высоко цѣнимое тѣми, кто къ нему прибѣгаетъ, не получитъ дальнѣйшихъ примѣненій въ разнообразныхъ областяхъ человѣческой дѣятельности. Напротивъ, есть много основаній думать, что обстоятельства заставятъ все больше и больше расширять работы бюро и учреждать новыя.

Вначалѣ, когда ставился вопросъ объ опредѣленіи полномочій существующихъ бюро, государства проявляли слишкомъ большую осторожность, но отсюда вовсе не слѣдуетъ, чтобы со временемъ роль и значеніе этихъ учрежденій не расширились. Это предполагала, напримѣръ, Брюссельская конференція 1890 года, предвидя день, когда бюро противоневольничьяго союза получитъ большее значеніе, чѣмъ сочла возможнымъ дать ему упомянутая конференція. Почтовое и телеграфное бюро уже испытали, какъ постепенно расширялись ихъ задачи, такъ сказать, всякій разъ, когда пересматривались конвенціи этихъ уній.

Такимъ образомъ, *у насъ на глазахъ расширялась въ нѣкоторыхъ уніяхъ сфера дѣятельности международныхъ бюро,* пролагая путь къ чему-то совершенно новому и болѣе систематическому, чѣмъ нынѣ существующая анархія международнымъ отношеній.

Трудно сказать, какъ далеко они пойдутъ по этому пути, но нельзя не признать, что современныя бюро — начало великаго преобразованія и одинъ изъ главнѣйшихъ элементовъ соціальной проблемы будущаго въ области международныхъ отношеній.

Пока останутся въ силѣ господствующія теоріи о верховныхъ правахъ государства, отъ которыхъ оно никогда не можетъ отказаться, не роняя своего достоинства, нечего опасаться быстраго движенія по этому пути. Собранія, устанавливавшія обязанности бюро, были чрезвычайно осторожны въ этомъ отношеніи. Они оказывались не очень податливыми, всякій разъ когда имъ представлялось посягательство на прерогативы, ревниво охранять которыя считаетъ своимъ долгомъ каждое современное государство.

Всѣ бюро, въ сущности, стремятся къ одной цѣли — сближенію народовъ. Каждое изъ нихъ старается уничтожить какое-нибудь препятствіе къ этому. Изолированныя, они работаютъ въ виду общаго результата и потому, если они умножатся, какъ этого слѣдуетъ ожидать, логика вещей заставитъ согласовать ихъ усилія, чтобы осуществить реформы, необходимыя для успѣха ихъ общихъ стремленій, и ускорить торжество этихъ стремленій.

Немногія публичныя учрежденія меньше заслуживаютъ критики и меньше подвергались ей, чѣмъ международныя бюро. Неоспоримыя услуги, оказываемыя ими въ своей спеціальности, оцѣнены по достоинству, но не меньше, чѣмъ матеріальными успѣхами, они привлекали всеобщее одобреніе тою нравственной идеею, которая лежитъ въ ихъ основѣ, и для торжества которой ихъ работа неоцѣненна.

Ни одно изъ собраній членовъ *всемірныхъ уній*, не проходило безъ того, чтобы не раздавались на немъ похвалы благотворному вліянію на замиреніе человѣчества этихъ новыхъ формъ международныхъ соглашеній. Порожденныя и вдохновленныя плодотворной вѣрой, что цивилизованныя націи должны соеди-

ниться въ единую семью, уніи пріучаютъ работать сообща для достиженія положительныхъ результатовъ. Онѣ стремятся также облегчить и обезпечить отношенія между представителями разныхъ странъ и, устраняя, такимъ образомъ, поводы къ столкновеніямъ, уменьшаютъ шансы войны. *Конференціи, на которыхъ создаются уніи, являются сами по себѣ, школами международнаго согласія.* Обыкновенно сюда отправляются съ желаніемъ столковаться и очень часто достигаютъ этого, ибо *тамъ сильный не предписываетъ законовъ слабому, равенство царствуетъ между большими и малыми и взаимныя уступки, если онѣ основательны, достигаются безъ столкновеній.* Эхо этого братскаго общенія разносится, затѣмъ, на далекое разстояніе и разсѣиваетъ пагубные предразсудки, поддерживающіе недоброжелательство между народами.

Передали ли уніи международнымъ бюро эту умиротворяющую силу? Повидимому, на это можно отвѣтить утвердительно. Если бюро не обладаютъ авторитетомъ конференцій и конгрессовъ, то они въ осязательной и дѣятельной формѣ осуществляютъ единство цѣлей, во имя которыхъ соединились государства. Какъ воплощеніе идеи уній, они открываютъ ихъ существованіе тѣмъ, кто не зналъ его и напоминаютъ о немъ тѣмъ, кто склоненъ къ забывчивости.

Нельзя не помянуть добрымъ словомъ Швейцаріи, этой великой маленькой страны, съумѣвшей организовать и устроить новыя учрежденія и ни разу не преступившей границы своихъ правъ въ отношеніи къ нимъ. Только высоко-культурный народъ можетъ проявить столько умѣнья и такта въ столь щекотливомъ дѣлѣ, и если—Бернъ—центръ пребыванія международныхъ бюро, офиціальныхъ и частныхъ, если число ихъ будетъ тамъ расти, а съ нимъ будетъ возрастать міровое значеніе Швейцаріи, то это лишь справедливая дань не только устойчивости ея политиче-

скихъ учрежденій, но и нравственному характеру ея гражданъ *).

Подобно тому какъ тлѣющій огонь вспыхиваетъ разомъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ, такъ потребность международнаго объединенія сказалась почти одновременно въ такихъ далекихъ и чуждыхъ другъ другу областяхъ, какъ наука, администрація и филантропія. Съ 60-хъ годовъ текущаго столѣтія это пламя все разросталось; оно не только распространилось вширь, на смежныя вѣтви тѣхъ же областей, но и ушло вглубь, захватывая въ уніяхъ промышленной и литературной зыбкую почву гражданскоправовыхъ отношеній отдѣльныхъ лицъ. Не можетъ быть никакого сомнѣнія, что знакомыя намъ уніи лишь *первыя звенья будущей великой цѣпи международной организаціи отношеній государствъ въ области ихъ культурно-соціальныхъ интересовъ*. Вокругъ нихъ, съ каждымъ днемъ расширяя область своего дѣйствія, продолжается та же работа внутренняго устроенія міра, и объ уніяхъ, равно какъ и о ихъ бюро, можно сказать, что „смутная масса спеціальныхъ вопросовъ, изъ которой они имѣютъ возникнуть, напоминаетъ тѣ туманныя пятна, въ которыхъ постепенно образуются міры вселенной; нѣкоторые уже успѣли высвободиться изъ этого хаоса, и нужно ждать, что, мало-по-малу, будутъ появляться и другіе“.

Въ наше время мы уже знаемъ нѣсколько международныхъ соглашеній съ неполной организаціей, которымъ недостаетъ лишь немногаго, чтобы превратиться во всемірныя уніи. Таковъ, напримѣръ, противофилоксерный союзъ, вызванный къ жизни въ серединѣ нашего вѣка опустошеніями, произведенными филоксе-

*) Нейтралитетъ Швейцаріи, гарантированный державами еще въ 1815 г., получаетъ еще большее значеніе въ глазахъ государствъ, членовъ международнаго союза, съ тѣхъ поръ какъ ея столица явилась центромъ международныхъ учрежденій, поддержаніе неприкосновенности которыхъ тѣсно и неразрывно связано съ наиболѣе жизненными интересами всего цивилизованнаго міра.

рой. Нечего и говорить, какое значеніе имѣли бы вообще организованныя международныя соглашенія въ области добывающей промышленности именно въ наше время, когда какая-нибудь случайность, вродѣ неурожая или наводненія въ одной странѣ, отражается на благосостояніи всѣхъ.

Въ области отношеній по поводу пользованія открытымъ моремъ складываются союзы, имѣющіе тенденцію приблизиться къ типу всемірныхъ уній. Укажемъ, напримѣръ, на международное соглашеніе объ охранѣ морскихъ кабелей, на договоръ, нейтрализовавшій судоходство по Суэцкому каналу, на международное управленіе и надзоръ за маякомъ на мысѣ Спарталь. Море, по преимуществу,—область дѣйствія международнаго права и понятно, что регулированіе вопросовъ, относящихся къ этой области, рано или поздно, должно занять подобающее своему значенію мѣсто въ международныхъ договорахъ.

Необходимость общими силами соодиненныхъ государствъ бороться съ эпидеміями сказывается съ каждымъ днемъ все настоятельнѣе. Всѣмъ памятна паника, вызванная въ Европѣ появленіемъ холеры 1894 г.; съ тѣхъ поръ намъ уже нѣсколько лѣтъ грозитъ чума, а въ самое послѣднее время разносятся тревожные слухи о развитіи проказы. Источникъ всѣхъ этихъ болѣзней — полуцивилизованныя страны Азіи; бороться съ ними можно только въ самыхъ ихъ очагахъ и, понятно, силы отдѣльныхъ и разрозненныхъ государствъ здѣсь ничтожны. Только съ общаго согласія могутъ быть приняты мѣры, способныя дѣйствительно оздоровить эти мѣстности и предохранить Европу отъ разрушительнаго дѣйствія эпидемій.

Заслуживаетъ особаго вниманія проектъ уніи государствъ для публикаціи международныхъ договоровъ. Международныя отношенія занимаютъ все большее мѣсто въ жизни современнаго человѣчества, и полная картина этихъ отношеній была бы желательна и полезна не только спеціалистамъ-международникамъ, но

и всякому образованному человѣку. Хотя конференція, созванная съ этою цѣлью въ 1894 г. Швейцаріей, не привела еще къ желанному результату, но всетаки на нее откликнулись 18 государствъ, и можно надѣяться, что мысль эта получитъ дальнѣйшее развитіе.

Отмѣтимъ проекты—уніи для объединенія денежной системы, международной рѣчной уніи, уніи по фабричному законодательству. Многочисленные и разнообразные задачи и интересы, связанные съ колоніальной политикой государствъ, особенно въ Африкѣ, гдѣ обязанности европейцевъ по отношенію къ туземцамъ, какъ мы уже видѣли, получили признаніе въ международныхъ актахъ, весьма возможно, приведутъ къ созданію колоніальной уніи. Несомнѣнно, что общія усилія цивилизованныхъ государствъ, направленныя къ осуществленію культурныхъ цѣлей, приведутъ къ созданію всемірныхъ уній въ разнообразныхъ областяхъ современной жизни.

Въ заключеніе напомнимъ о дѣятельности частныхъ международныхъ организацій. Мы знаемъ, какую роль сыграли онѣ въ дѣлѣ возникновенія всемірныхъ уній, но ихъ такое множество, что перечислить и даже знать ихъ всѣхъ нѣтъ никакой возможности. Религія и нравственность, наука и искусство, промышленность и техника, общественная дѣятельность и филантропія давно уже пробили стѣны національной исключительности и объединяютъ тѣхъ, кто преслѣдуетъ однѣ и тѣ же цѣли и служитъ одному идеалу.

Отмѣтимъ особенно умиротворяющее значеніе работы разныхъ ученыхъ обществъ и конгрессовъ. Знаменитый Институтъ международнаго права и Ассоціація международнаго права, Статистическій институтъ, Соціологическій институтъ, безчисленные конгрессы по разнымъ отраслямъ знанія—все это говоритъ о научномъ объединеніи цивилизованнаго міра.

Такое же объединеніе совершается въ области практики: число профессіональныхъ союзовъ постоянно возрастаетъ, организуются международные союзы

или синдикаты предпринимателей и, какъ ихъ естественный противовѣсъ, союзы рабочихъ,—однимъ словомъ, люди все больше чувствуютъ, что не только одинъ человѣкъ безсиленъ предъ лицомъ окружающей дѣйствительности, но что ему тѣсно въ предѣлахъ родного государства, которое въ одиночку безсильно дать желанное развитіе и охрану его дѣятельности.

Такимъ образомъ, все толкаетъ государства на путь всемірныхъ уній, и, быть можетъ, двадцатому вѣку суждено увидѣть развитіе міровой организаціи, о которомъ мы и мечтать не смѣемъ.

Вызванныя настоятельными потребностями жизни, уніи, въ свою очередь, благотворно воздѣйствуютъ на жизнь. Мы говорили уже, какъ вліяютъ на отдѣльныя личности живое, дружеское общеніе и совмѣстная работа на союзныхъ собраніяхъ, но есть еще другая, болѣе значительная, сторона. Если чувство законности и уваженія къ праву—одно изъ непремѣнныхъ условій цивилизованнаго общежитія, то фактъ, что государства, эти суверенныя личности, надъ которыми нѣтъ никакой принудительной силы, добровольно преклоняются предъ принятыми на себя обязательствами, не можетъ не вліять облагораживающимъ образомъ на весь строй общественныхъ и личныхъ отношеній.

Чѣмъ больше будетъ точекъ соприкосновенія между людьми разныхъ національностей и государствами, чѣмъ тѣснѣе будутъ связи между ними, тѣмъ больше правды и честности будетъ въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ, тѣмъ труднѣе будетъ рвать эти связи по какому-нибудь, часто фиктивному, поводу. *Всемірныя уніи—могучій факторъ мира въ современной исторіи* и, быть можетъ, если бы возсталъ великій трибунъ человѣчества, онъ къ нимъ примѣнилъ бы свои слова:

Люди всѣ братья, гдѣ Ты надъ созданіемъ
Тихимъ повѣешь крыломъ.

Война и законъ.

I.

Столкновенія между государствами.—Необходимость опредѣленія дѣйствительныхъ интересовъ въ области международныхъ отношеній.—Значеніе понятія силы при опредѣленіи международнаго права вообще и въ частности права войны.—Право войны и его развитіе.—Идеальная сила права.

Подобно тому какъ вся общественная жизнь слагается изъ суммы стремленій, желаній, чувствъ и интересовъ, которые преслѣдуются индивидуумами, также точно и международныя отношенія заключаются въ постоянномъ преслѣдованіи народами сознанныхъ ими цѣлей. Если же при такихъ обстоятельствахъ столкновенія противоположныхъ интересовъ и стремленій неизбѣжны, то распри между народами могутъ исчезнуть только тогда, когда государства отрекутся отъ своей самостоятельности и отъ политическихъ своихъ интересовъ. Но послѣднее немыслимо. Каждый народъ представляетъ собою личность, одаренную природою и способностями, и пороками и выражающуюся въ опредѣленныхъ культурныхъ стремленіяхъ и политическомъ строѣ. Характеристическая особенность даннаго народа, залогъ его прогрессивнаго развитія, роль его на поприщѣ всемірной исторіи далеко не зависятъ отъ одного географическаго положенія занимаемой имъ страны или отъ климатическихъ условій.

Настоящая статья заимствована изъ сочиненія *проф. Мартенса*. Восточная война и Брюссельская конференція. Спб. 1878 г.

То и другое представляются только *условіями*, но не причинами. Нѣтъ, духовная личность народа и, вмѣстѣ съ тѣмъ, міровое его значеніе опредѣляются высотою его культурнаго развитія и безупречностью его нравственныхъ идеаловъ! Одного умственнаго развитія, одного накопленія огромнаго запаса свѣдѣній еще недостаточно для полнаго развитія народа. Исторія указываетъ намъ на народы, которые, стоя по умственному своему развитію несравненно выше всѣхъ остальныхъ, были, однако, погрязши въ болотѣ своихъ пороковъ и застывши въ нравственной пустотѣ, вынуждены уступить свое мѣсто молодымъ народамъ. Исторія римской и византійской имперій всегда будетъ самымъ назидательнымъ тому примѣромъ. Только тотъ народъ имѣетъ право на историческую роль и на существованіе, который, не останавливаясь въ своемъ умственномъ развитіи, никогда не понижаетъ нравственнаго своего уровня настолько, чтобы лишиться вѣры въ лучшее будущее, въ свою жизненную силу и въ свои нравственные идеалы.

Между тѣмъ, степень культурнаго развитія народа непремѣнно отражается на складѣ общественной его жизни, и свойство нравственныхъ его идеаловъ, по необходимости, кладетъ печать на основанія государственной его организаціи. Общественная жизнь народа, основанная на началѣ эксплоатаціи безсильнаго сильнымъ, указываетъ на нравственное растлѣніе народа и служитъ критеріемъ разумности государственнаго его быта.

Въ область же международныхъ отношеній каждый народъ вступаетъ со всею совокупностью своихъ индивидуальныхъ интересовъ, воззрѣній и стремленій, подобно тому какъ каждый членъ общества вноситъ въ него, въ видѣ вклада, свои способности и свои интересы. Если разсматривать съ этой точки зрѣнія *общество народовъ*, борьба интересовъ и взаимныя столкновенія представляются дѣйствіемъ непреложнаго закона. Подобныя столкновенія неизбѣжны до тѣхъ

поръ, пока не будутъ выяснены границы мирнаго взаимодѣйствія народовъ, пока не будутъ опредѣлены, съ общаго согласія, предѣлы свободы дѣйствія каждаго, пока не отыщется общая нейтральная почва для параллельнаго развитія преслѣдуемыхъ государствами интересовъ. Въ области международныхъ отношеній также имѣетъ полное примѣненіе тотъ великій законъ общественной жизни, который Іерингъ выражаетъ въ словахъ: „Каждый существуетъ для міра и міръ для каждаго". Эта великая мысль лежитъ также въ основаніи международныхъ отношеній. Чѣмъ болѣе народы проникаются сознаніемъ того, что полное развитіе всѣхъ ихъ способностей и силъ возможно только при взаимной другъ другу помощи и безусловномъ уваженіи къ правамъ и условіямъ жизни другихъ народовъ, тѣмъ меньше будетъ коллизій ихъ интересовъ и тѣмъ меньше будутъ нарушаться ихъ собственныя права.

Но это время еще не наступило. До сихъ поръ совершенно забываютъ въ области международныхъ отношеній, что, если мы одерживаемъ одну побѣду за другою надъ внѣшнею природою, если мы этимъ путемъ ограничиваемъ вредное вліяніе страшныхъ явленій природы и спасаемъ свою жизнь и собственность, то это потому, что мы неустанно изучаемъ законы природы и стараемся проникнуть въ самыя сокровенныя ея тайны. Мы забываемъ, что, чѣмъ больше мы познаемъ себя, свои недостатки и способности, чѣмъ больше мы проникаемся сознаніемъ того, что, если міръ существуетъ для насъ, то и мы для міра, тѣмъ большую мы будемъ имѣть власть надъ нашими страстями, помыслами и дѣйствіями, тѣмъ ярче, во мракѣ умственнаго застоя и нравственнаго растлѣнія, насъ окружающаго, будетъ свѣтить нашъ нравственный идеалъ—залогъ нашего развитія и руководящее начало нашей жизни.

Но когда же къ международнымъ отношеніямъ примѣняли именно этотъ законъ? Когда же было время,

что полное, всестороннее изученіе международной жизни, ея законовъ и условій составляли заботу каждаго, могущаго имѣть вліяніе на ходъ и направленіе международныхъ отношеній?

Мы этого времени не знаемъ. Напротивъ, пренебреженіе къ этимъ жизненнымъ вопросамъ, презрѣніе или великодушная снисходительность къ наукѣ международнаго права, фаталистическое преклоненіе предъ совершившимся фактомъ, полнѣйшее непониманіе какъ своихъ собственныхъ *дѣйствительныхъ* интересовъ въ области международныхъ отношеній, такъ и законныхъ правъ другихъ народовъ — вотъ основанія господствующаго въ настоящее время направленія. Съ великимъ рвеніемъ и прилежаніемъ изучаются малѣйшія проявленія органическаго міра; съ неимовѣрною тщательностью изслѣдуются естествоиспытателями всякая пылинка какого-нибудь растенія и всѣ поперечные и параллельные слеги гранитита какой-нибудь мѣстности, а явленія международной жизни до сихъ поръ еще считаются недостойными ни всесторонняго изученія, ни точнаго опредѣленія. Всѣ согласны въ томъ, что миръ лучше войны, что необходимо содѣйствовать развитію торговыхъ и мирныхъ сношеній между народами, что желательно установить въ области международныхъ отношеній лучшій, болѣе твердый, порядокъ, но много ли дѣлается для достиженія этой цѣли? Нѣтъ сомнѣнія, что народы европейскіе конца XIX вѣка несравненно лучше знаютъ другъ друга, чѣмъ это было въ прошломъ столѣтіи. Однако, сколько существуетъ и теперь еще предразсудковъ и предубѣжденій, которыя заставляютъ видѣть въ другомъ народѣ „непримиримаго“ своего врага! Между тѣмъ такія понятія, мало-по-малу, пускаютъ въ сознаніи народа глубокіе корни, они наслѣдуются однимъ поколѣніемъ отъ другого, входятъ въ нравы и, наконецъ, становятся аксіомою для *„національной“* политики и предметомъ „политическихъ стремленій“.

Этого мало. Даже теперь, въ концѣ XIX вѣка, гор-

дящагося своею высокою культурою и цивилизаціею, цѣну ходячей монеты имѣетъ мнѣніе, что область международныхъ отношеній самою природою предназначена быть ареною неограниченнаго произвола и подвиговъ физической силы. Нѣтъ области, съ которою соприкасались бы болѣе важные интересы человѣчества, но нѣтъ также поприща, на которомъ произволъ и грубая сила имѣли бы большій просторъ и свободу. Все на земномъ шарѣ подчиняется опредѣленнымъ законамъ,—только отношенія между народами ихъ не знаютъ. Здѣсь вмѣсто закона господствуетъ беззаконіе; вмѣсто права—произволъ!

Но этого мало . Такое воззрѣніе господствуетъ не только въ „публикѣ“, нѣтъ: оно поддерживается и распространяется „жрецами“ той отрасли человѣческаго знанія, которая посвятила себя изученію всѣхъ явленій соціальной жизни. Юристы въ состояніи написать объемистые ученые трактаты о правѣ домохозяина на воздухъ, окружающій его собственность; они всѣ согласны въ томъ, что государственная жизнь народа не мыслима при господствѣ произвола и отсутствіи юридическаго порядка; они снисходительно соглашаются даже съ тѣмъ, что современные народы, для совершеннаго своего развитія и достиженія своихъ жизненныхъ цѣлей, непремѣнно должны находиться въ постоянныхъ и правильно организованныхъ сношеніяхъ другъ съ другомъ. Наконецъ, современная юриспруденція сама основывается на томъ положеніи, что предметомъ ея изученія должны быть всѣ внѣшнія отношенія и всѣ явленія общественной жизни, въ самомъ широкомъ смыслѣ, которыя поддаются юридическому анализу. Къ таковымъ они не могутъ не относить также отношенія между государствами, вызванныя жизненными потребностями народовъ. Но, несмотря на признаніе того факта, что отношенія международныя вполнѣ внѣшняго, *юридическаго* свойства и что смѣшно считать ихъ только нравственными, огромное большинство юристовъ все-таки не-

охотно соглашается допустить господство права въ области международныхъ отношеній. Многіе отрицаютъ существованіе международнаго права, а еще меньше число тѣхъ, которые считаютъ возможнымъ опредѣлить юридическими нормами отношенія между воюющими народами. Война, по ихъ мнѣнію, состояніе неограниченнаго произвола и самыхъ ужасныхъ насилій.

Такое воззрѣніе на международныя отношенія въ особенности господствуетъ въ германской юридической литературѣ. Объясненіе же этого мнѣнія нельзя не видѣть въ томъ опредѣленіи права, которое дается современными юристами Германіи. Мнѣніе этой школы можно выразить въ немногихъ словахъ: основаніе права—сила. *Право безъ силы—мечта!* Чтобы додуматься до этой великой истины, человѣчеству понадобилось нѣсколько тысячелѣтій! По словамъ Іеринга, *право* и *сила*—два неразрывно связанныя другъ съ другомъ понятія. „Понятіе о правѣ,—говоритъ онъ,—не есть понятіе логики, но чистое понятіе о силѣ". Тамъ, гдѣ нѣтъ силы, нѣтъ принужденія, не можетъ быть рѣчи о правѣ. И какъ въ области международныхъ отношеній нѣтъ верховной силы и власти, которой подчинялись бы государства, то ясно, что не можетъ быть также ни права международнаго вообще, ни права войны въ особенности.

Согласиться съ этимъ взглядомъ мы не можемъ. Мнѣніе, что сила есть основаніе права, мы признаемъ недостойнымъ человѣка, опаснымъ для общественнаго и государственнаго быта и пагубнымъ для международной жизни. Такой принципъ недостоинъ человѣка, потому что заставляетъ его отречься отъ своей нравственной независимости, своей личной свободы и отъ вѣры въ окончательное и неизбѣжное торжество права надъ насиліемъ, закона надъ анархіею и порядка надъ произволомъ. Если, дѣйствительно, всегда на сторонѣ физической силы право, то человѣку, надъ священнѣйшими правами котораго совершаются самыя

возмутительныя преступленія, остается только безусловно преклониться и просить „аманъ“. Если это такъ, то логика требуетъ отъ насъ признать совершенно законными тѣ страшныя злодѣйства, которыя турки, благодаря своей силѣ и власти, совершали надъ безоружными и несчастными христіанами.

Опаснымъ представляется разбираемое мнѣніе также и для внутренняго порядка государства, потому что основаніе правильнаго его развитія заключается въ уваженіи къ закону. Въ особенности пагубнымъ оказывается эта теорія въ примѣненіи къ международнымъ отношеніямъ. Здѣсь она оправдываетъ самыя возмутительныя правонарушенія настолько, насколько потерпѣвшіе отъ нихъ не въ состояніи давать отпоръ или требовать удовлетворенія, во имя своей *силы*, но не права! Если бы сила дѣйствительно должна была быть верховнымъ началомъ въ области международной жизни, то необходимо согласиться съ тѣмъ, что безусловно всѣ опустошенія, звѣрства и мученія представляются совершенно законными средствами войны. Въ такомъ случаѣ логика предписываетъ признать курдовъ, увѣчившихъ раненыхъ, мучившихъ и грабившихъ мирныхъ обывателей, только лучшими исполнителями права войны.

Стоитъ только послѣдовательно развивать эту прискорбную теорію о правѣ, чтобы убѣдиться въ полной ея несостоятельности. Въ самомъ дѣлѣ, вся эта теорія очевидно основывается на недоразумѣніи. Порядокъ охраненія права здѣсь смѣшивается съ самымъ правомъ и дѣлается органическою, составною его частью. Между тѣмъ, если право можетъ быть охраняемо силою, властью или принужденіемъ, то изъ этого никакъ еще не слѣдуетъ, что эта сила, власть и принужденіе непремѣнно входятъ въ понятіе о правѣ, что право безъ нихъ немыслимо. Смѣшно было бы отрицать *право* кредитора на уплату должной ему суммы въ томъ случаѣ, если это право неосуществимо, потому что у должника не оказывается никакого иму-

щества. Въ данномъ случаѣ право кредитора все-таки существуетъ, можетъ быть признано судомъ и быть защищаемо всею властью государства.

Вотъ почему мы отказываемся стать подъ знамя, на которомъ красуются слова: „Право безъ силы—мечта!“ Мы исходимъ изъ того основного положенія, что, подобно человѣческой личности, народъ есть также источникъ извѣстныхъ неотъемлемыхъ правъ. Подобно тому какъ жизненныя отношенія внутри государства должны быть изучаемы, выяснены и опредѣлены юридическими нормами, точно такъ же отношенія между народами подлежатъ дѣйствію конкретныхъ законовъ. Если справедливо мнѣніе, что тамъ, гдѣ нѣтъ сознанія обязанности, нѣтъ и сознанія права, то, очевидно, задача жизни и науки придти къ сознанію этихъ взаимныхъ правъ и обязанностей. Совершенно непонятнымъ представляется намъ пріемъ, заключающійся въ установленіи этого сознанія въ области частной, общественной и государственной жизни и въ отрицаніи возможности такого сознанія между цивилизованными народами. Подобно тому, говорятъ намъ, какъ не можетъ быть рѣчи о правахъ въ отношеніи лютаго звѣря, несознающаго никакихъ обязанностей, точно также смѣшно доказывать, что народы имѣютъ какія-нибудь права во время войны.

Но это право войны все-таки существуетъ и заключается въ совокупности тѣхъ обычаевъ и законовъ, которые опредѣляютъ дѣйствія государствъ и ихъ вооруженныхъ силъ во время войны. Это право неотрицаемо настолько, насколько неотрицаема сама война. Оно имѣетъ за собою историческій опытъ нѣсколькихъ вѣковъ, сознаніе всѣхъ цивилизованныхъ народовъ и неподкупное чувство правды и справедливости.

Дѣйствительно, право войны существуетъ съ тѣхъ поръ, какъ государства пришли къ сознанію своихъ обязанностей въ отношеніи другъ друга. Оно постоянно развивалось и измѣнялось сообразно измѣненію

культурныхъ понятій народовъ. Во имя этого права *требуется* отъ побѣдителя неприкосновенность жизни и чести мирныхъ обывателей непріятельской страны; во имя этого права даже пораженный врагъ остается человѣкомъ, заслуживающимъ уваженія и сочувствія.

Трудно найти примѣръ, лучше подтверждающій силу того мірового закона, на основаніи котораго вся исторія природы и человѣческой культуры проявляется въ поступательномъ торжествѣ духа надъ матеріею, какъ именно развитіе права войны. Только мало-по-малу утверждается сознаніе его существованія и чувствуется его дѣйствіе. Первоначально, во времена древняго міра, война дѣйствительно является безпощаднымъ взаимноистребленіемъ. Народы классическаго міра не могли сознавать своихъ взаимныхъ правъ и обязанностей, потому что не понимали человѣка, какъ субъекта неотъемлемыхъ правъ. Но въ то время, когда сами народы еще не дошли до этого сознанія, когда физическая сила была верховнымъ рѣшителемъ судьбы человѣка и его правосостоянія, когда только *гражданинъ* считался правоспособнымъ, а всякій чужеземецъ былъ врагомъ и стоялъ внѣ защиты закона,—тогда религія представляется намъ предвозвѣстницею новыхъ, лучшихъ порядковъ, тогда она вселяла въ душу народовъ чувство милости къ врагу и уваженія къ человѣку. Въ эту эпоху чувство человѣколюбія и гуманности поддерживается авторитетомъ религіи и бѣдствія войны ограничиваются голосомъ пробужденной совѣсти. Велика и незабвенна въ этомъ отношеніи заслуга христіанства, религіи любви и всепрощенія.

Но, по мѣрѣ развитія культуры и цивилизаціи, по мѣрѣ того, какъ въ государствахъ утверждается уваженіе къ человѣку, къ его личной свободѣ, стремленіямъ, чувствамъ и правамъ, область международныхъ отношеній и войны, мало-по-малу, подчиняется опредѣленнымъ правиламъ и порядку. Народы, положи-

вшіе въ основаніе всего своего общественнаго строя и культуры уваженіе къ человѣку, какъ къ человѣку, не могутъ не признавать въ другихъ народахъ извѣстныхъ неотъемлемыхъ правъ. Благодаря этому обстоятельству, грубой силѣ ставятся во время войны опредѣленныя границы не только во имя религіи или человѣколюбія, но выработывается сознаніе объ извѣстныхъ обычаяхъ и законахъ войны, несоблюденіе которыхъ со стороны непріятеля ведетъ къ репрессаліямъ и даетъ потерпѣвшему право на удовлетвореніе.

Вотъ какимъ путемъ право войны вырабатывалось въ теченіе вѣковъ и вотъ почему оно имѣетъ обязательную силу. Чѣмъ больше во время войны разгораются страсти и взаимная ненависть воюющихъ, чѣмъ больше шумомъ сраженій голосъ совѣсти и чувство человѣколюбія заглушаются, чѣмъ больше, однимъ словомъ, физическая сила—матерія—приближается къ неограниченному господству, тѣмъ сильнѣе должно высказываться въ народахъ сознаніе права и тѣмъ ближе и полнѣе окончательное торжество идеи правды и справедливости.

На этомъ основаніи мы убѣждены въ томъ, что, чѣмъ выше нравственный идеалъ даннаго народа, тѣмъ гуманнѣе онъ будетъ во время войны, тѣмъ добросовѣстнѣе онъ будетъ подчиняться правиламъ и законамъ войны. Каждая война есть выраженіе нравственнаго и умственнаго развитія воюющихъ народовъ. Чѣмъ выше у даннаго народа и то и другое, тѣмъ неотложнѣе его обязанность уважать права своего противника.

Войска всегда были вѣрнымъ отраженіемъ умственнаго и нравственнаго состоянія народовъ и всегда въ нихъ выражался общественнный строй и порядокъ государства.

Признавая войну при существующихъ отношеніяхъ между государствами совершенно неизбѣжною, мы, однако, въ то же время, утверждаемъ, что право вой-

ны не есть вымыселъ досужей фантазіи, а результатъ историческаго опыта и современнаго состоянія международной жизни. Будучи глубоко убѣждены въ томъ, что наступитъ время, когда война *дѣйствительно* станетъ исключеніемъ и когда государства найдутъ болѣе цѣлесообразное средство для улаженія возникающихъ между ними распрей, мы увѣрены, что, до того времени, по мѣрѣ большаго ознакомленія и взаимнаго пониманія народовъ, право войны представляется единственнымъ средствомъ отнять у войны ея звѣрскій характеръ и ограничить связанныя съ нею бѣдствія.

Мало того. Мы позволяемъ себѣ думать, что, когда сознаніе права войны сдѣлается достояніемъ каждаго защитника отечества, когда нарушеніе его предписаній будетъ исключительнымъ фактомъ, когда сами арміи убѣдятся, что исполненіе общепризнанныхъ обычаевъ войны нисколько не въ состояніи парализовать успѣшный ходъ военныхъ операцій,—тогда чувство солидарности между народами укрѣпится надежнымъ образомъ и, силою самихъ вещей, число войнъ международныхъ должно уменьшиться.

Итакъ, сознаніе солидарности между народами должно развиваться по мѣрѣ развитія внутренней, общественной ихъ жизни. Наступитъ такое въ области международной жизни время, когда исполнится великій законъ соціальной жизни, когда „каждый народъ будетъ существовать для міра и міръ для него“.

Мы вѣримъ въ окончательное торжество права даже тамъ, гдѣ оно нарушается самымъ дерзкимъ образомъ, потому что вѣримъ въ *идеальную* силу права.

Въ самомъ дѣлѣ, нашъ „практическій“ вѣкъ, который цѣль человѣческой жизни видитъ въ легкой наживѣ и накопленіи всевозможныхъ матеріальныхъ благъ, и средство для достиженія этой цѣли находитъ въ превратно понимаемой теоріи „борьбы за существованіе“, не можетъ застынуть на той низкой ступени пониманія права, которое ложно выдается за един-

ственно разумное и вѣрное. Это безусловное преклоненіе предъ физическою силою соотвѣтствуетъ прошедшимъ временамъ, но идетъ въ разрѣзъ съ будущими. Правда, мы склонны изучать и обращать исключительное вниманіе на прошлое, забывая, что и будущее имѣетъ свои права. Но такое направленіе не можетъ продолжаться; оно противорѣчитъ основному закону развитія всей культуры и современной цивилизаціи. Этотъ же законъ есть *законъ прогресса*, поступательнаго и неудержимаго развитія человѣка, общества, государства и международной жизни. Развитіе не можетъ заключаться въ возвращеніи вспять; оно не мыслимо при господствѣ физической силы и преклоненіи предъ нею; оно невозможно при отсутствіи права и порядка. Прогрессъ мыслимъ только въ поступательномъ движеніи впередъ: его цѣль и его *идеалы* въ будущемъ.

Прогрессъ безъ идеаловъ—мечта!

Право же прикованное къ скалѣ прошлой, застывшей жизни и лишенное основанія въ будущемъ, должно обратиться въ насиліе и произволъ.

II.

Война между цивилизованными народами подчиняется опредѣленнымъ законамъ и обычаямъ.—Кодификація этихъ законовъ въ интересахъ самихъ воюющихъ государствъ.—Противоположное мнѣніе Ф. Гартмана и Рюстова, опровергаемое фактами и не раздѣляемое замѣчательными военными дѣятелями.—Ошибочность взгляда нѣкоторыхъ писателей по международному праву на кодификацію военныхъ законовъ.

Подъ правомъ обыкновенно разумѣютъ совокупность законовъ или юридическихъ нормъ. Если существуетъ право войны, то можно ли сомнѣваться въ существованіи опредѣленныхъ законовъ. Но что такое законъ?

Старинное опредѣленіе Монтескье и теперь еще лучше многихъ новыхъ. „Законы, говоритъ онъ, суть тѣ необходимыя отношенія, которыя вытекаютъ изъ природы вещей, и въ этомъ смыслѣ всѣ существа подчи-

нены законамъ". Если вмѣсто слова „отношенія" поставить слово „правило" или „нормы", то мы получимъ полное понятіе объ опредѣленіи Монтескье. Онъ, дѣйствительно, во всемъ своемъ классическомъ трудѣ, постоянно старается выяснить существующія жизненныя отношенія, вникнуть въ историческій ихъ смыслъ и разумное назначеніе, съ цѣлью уразумѣть тѣ законы, которымъ они подчиняются. Съ этой точки зрѣнія не трудно понять задачу законодательной власти въ государствѣ. Если всѣ жизненныя отношенія имѣютъ свои законы, вытекающіе изъ самой ихъ природы, если всѣ люди связаны въ отношеніи другъ друга опредѣленными правами и обязанностями, то задача законодателя должна заключаться во всестороннемъ изученіи этихъ реальныхъ отношеній и въ точномъ опредѣленіи вытекающихъ изъ нихъ и соотвѣтствующихъ имъ законовъ.

Примѣняя этотъ же самый пріемъ къ международнымъ отношеніямъ, необходимо согласиться, что они точно такъ же должны имѣть свои особенные законы, соотвѣтственные особенной ихъ природѣ и назначенію. Если отношенія мирныя между народами подлежатъ дѣйствію извѣстныхъ законовъ, то, какъ мы видѣли выше, нѣтъ никакого основанія отрицать существованіе правилъ, обязательныхъ для нихъ во время войны. Стало быть, необходимо только, чтобы законы, присущіе международнымъ отношеніямъ, были бы выяснены и опредѣлены точнымъ образомъ.

Но здѣсь представляется затрудненіе, составляющее отличительную особенность процесса формулированія международныхъ законовъ. Отношенія между государствами основываются на идеѣ полнѣйшей независимости. Государства не признаютъ надъ собою ни верховной, ни законодательной, ни судебной власти. Они суверенны и не подчиняются постороннему авторитету. Если нѣтъ этой взаимной независимости государствъ, не можетъ быть рѣчи о сношеніяхъ *между* ними.

Отсюда слѣдуетъ, что въ области международныхъ

отношеній законы, долженствующіе имѣть для государствъ обязательную силу, могутъ быть установлены не иначе, какъ посредствомъ обоюднаго между ними соглашенія. Такое соглашеніе можетъ быть констатируемо въ установившихся международныхъ *обычаяхъ*, или оно можетъ еще лучше быть выражено въ международномъ *договорѣ*. Но было бы совершенно ошибочно думать, что правила для международныхъ отношеній существуютъ настолько, насколько они формулированы въ обычаяхъ или договорахъ. Подобное заключеніе совершенно противорѣчитъ понятію о законѣ, выводимомъ изъ существа самыхъ жизненныхъ отношеній и соотвѣтствующемъ свойствамъ ихъ природы.

Однако нѣтъ сомнѣнія, что для предупрежденія, насколько возможно, споровъ между государствами относительно взаимныхъ ихъ правъ и обязанностей, весьма желательно, чтобы они согласились общими силами выяснить обязывающія ихъ юридическія нормы. Имѣется полное основаніе думать, что, чѣмъ лучше будетъ достигнута эта цѣль, чѣмъ меньше сомнѣнія относительно смысла и содержанія подлежащаго къ примѣненію международнаго закона, тѣмъ лучше для самихъ народовъ и тѣмъ правильнѣе могутъ установиться возникшія между ними сношенія. Было бы крайне опрометчиво предполагать, что отсутствіе твердыхъ правилъ всегда будетъ выгодно для того государства, которое въ данную минуту имѣетъ на своей сторонѣ физическую силу. Сила не есть право, но всегда обоюдоострый мечъ: государство, бывшее въ данное время сильнымъ, при другихъ обстоятельствахъ можетъ оказаться совершенно безсильнымъ. Наконецъ, если отношеніямъ между народами дѣйствительно присущи конкретныя правила, если они вытекаютъ изъ ихъ природы, то нельзя не заключить, что безъ этихъ правилъ международныя отношенія не могутъ ни установиться, ни развиваться. Между тѣмъ, ежедневный опытъ убѣждаетъ всякаго, что сношенія

между народами, вызванныя неотложною ихъ потребностью всесторонне развивать свои физическія и умственныя силы, принимаютъ съ каждымъ годомъ все большіе размѣры и достигли въ настоящее время небывалаго развитія.

Всѣ эти соображенія кажутся намъ настолько вѣскими, что нельзя сомнѣваться ни въ пользѣ, ни въ крайней необходимости опредѣленія самими государствами, посредствомъ взаимнаго соглашенія, юридическихъ нормъ, которыя они признаютъ для себя обязательными. Казалось бы еще меньше могло быть сомнѣнія насчетъ этого вопроса по отношенію къ самимъ воюющимъ государствамъ. Война представляется такимъ страшнымъ бѣдствіемъ и до такой степени возбуждаетъ животныя страсти человѣка, что только сознаніе права и закона можетъ служить надлежащимъ тормозомъ, сдерживающимъ порывы къ совершенію непростительныхъ варварствъ и, по возможности, ослабляющимъ ужасныя послѣдствія войны.

Вотъ почему международное соглашеніе съ цѣлью установленія правилъ войны, *кодификація* обычаевъ войны, представляется никакъ не меньше настоятельною задачею цивилизованныхъ государствъ, чѣмъ кодификація международныхъ законовъ во время мира. Только выясненіемъ въ *законѣ* понятія о воюющихъ сторонахъ можно отчасти предупредить излишнія жестокости, ограничить случаи примѣненія репрессалій, которыя обыкновенно обрушиваются на голову лицъ совершенно безвинныхъ, не бывшихъ въ состояніи ни совершить преступленія, за которое наказываются, ни предупредить его совершеніе.

Такимъ образомъ, кодификацію законовъ войны должно признать ближайшею цѣлью всѣхъ попытокъ, направленныхъ къ уменьшенію страшныхъ бѣдствій, происходящихъ отъ международныхъ столкновеній *).

*) Особенное значеніе получаетъ точное опредѣленіе мѣры дозволеннаго на войнѣ въ настоящее время небывалаго развитія военной техники. *Ред.*

Однако, такое воззрѣніе никакъ нельзя считать господствующимъ ни въ средѣ военныхъ, ни въ средѣ публицистовъ и юристовъ. Еще въ самое послѣднее время, по поводу въ особенности работъ Брюссельской конференціи 1874 года, громко было провозглашено, какъ непреложная истина, что кодификація законовъ войны не только немыслима, но что она даже крайне нежелательна.

Съ особенною энергіею и несомнѣннымъ авторитетомъ высказывался въ этомъ именно смыслѣ прусскій генералъ фонъ-Гартманъ, аргументація котораго крайне проста и выражается въ положеніи, что не можетъ быть ни права, ни законовъ войны; слѣдовательно, не можетъ быть и рѣчи о кодификаціи послѣднихъ.

Авторъ постоянно исходитъ изъ сопоставленія предписаній „идеализма международнаго права“ съ требованіями „военнаго реализма“. Этотъ же реализмъ войны дѣлаетъ совершенно невозможнымъ установленіе какихъ бы то ни было непреложныхъ правилъ или законовъ. Война есть безпощадная борьба между народами и всѣ гуманныя попытки къ ограниченію ея бѣдствій должны исчезнуть предъ неумолимою серьезностью военныхъ операцій.

Казалось бы, что съ этой точки зрѣнія международная война конца XIX столѣтія должна превратиться въ такую безпощадную рѣзню и безпрерывный рядъ опустошеній, которыми ознаменовывались въ исторіи подвиги войскъ „бича Божьяго“, Атиллы. Можно было бы думать, что Гартманъ вообще не признаетъ никакихъ предѣловъ для власти воюющихъ, никакого тормаза для страстей разъяреннаго войска, и что прусскій генералъ хладнокровно готовъ оправдывать и дорѣзываніе раненыхъ, и сажаніе на колъ женщинъ и дѣтей.

Нисколько! Логика заставляетъ Гартмана быть извергомъ, — здравый смыслъ и чувства человѣколюбія останавливаютъ руку, готовую, кажется, бить и истре-

блять безпощадно. Онъ не только признаетъ существованіе извѣстныхъ обычаевъ войны, но краснорѣчиво доказываетъ, что соблюденіе ихъ требуется честью и совѣстью цивилизованной арміи. „Образованность, говоритъ онъ, сдѣлавшаяся безсознательною собственностью народа, совѣсть, непроизвольно подсказывающая сердцу человѣка, долгъ, установленный какъ непреложный законъ жизни, послушаніе приказаніямъ, требующимъ слѣпого исполненія, дисциплина, ставящая дѣйствія отдѣльнаго лица въ опредѣленныя границы,—вотъ тѣ силы, которыя должны содѣйствовать проведенію мирной культуры въ область войны". Притомъ, прибавляетъ онъ, вѣдь современныя арміи составляются изъ всѣхъ слоевъ народа, и потому онѣ не могутъ не поддаваться вліянію „правосознанія и правовыхъ воззрѣній" своей родины. Наконецъ, по его же словамъ, „правосознаніе и основныя правила морали" непремѣнно должны управлять всѣми дѣйствіями сражающихся.

Трудно лучше доказать настоятельную необходимость кодификаціи законовъ войны, чѣмъ это сдѣлано въ только что приведенныхъ словахъ ея противника.

Въ самомъ дѣлѣ, если „образованность" должна ограничивать бѣдствія войны, то необходимо, чтобы она предписывала извѣстныя правила и намѣтила опредѣленныя границы для дѣйствій воюющихъ. Если образованность или культура будутъ ограничиваться только однимъ сожалѣніемъ о безвозвратно погибшихъ жертвахъ варварства и произвола, то она является самою злою насмѣшкою надъ самыми дорогими и святыми чувствами человѣческаго сердца. Если совѣсть и сознаніе долга должны также служить ограниченіями бѣдствій войны, то необходимо, чтобы эта совѣсть давала себя чувствовать и чтобы на дѣлѣ проявлялось сознаніе долга. Для достиженія же этой цѣли необходимо, чтобы дѣйствующія на войнѣ лица ясно представляли себѣ то, чего требуютъ отъ нихъ

долгъ и совѣсть. Слѣдовательно, прежде всего должно опредѣлить, что такое законъ войны и какіе выработались въ настоящее время военные обычаи. Намъ представляется совершенно непонятнымъ, какая это совѣсть, которая не знаетъ, что дозволено и что запрещено, и какое это сознаніе долга, лишенное сознанія своихъ правъ и обязанностей.

Кромѣ того, нельзя, какъ мы видѣли выше, говорить о сознаніи долга и обязанности, если нѣтъ на противной сторонѣ сознанія права, и наоборотъ. Отсюда слѣдуетъ, что обѣ воюющія стороны должны быть проникнуты одинаковымъ сознаніемъ своего долга, и только при этомъ условіи исполненіе обязанностей съ одной стороны, обезпечиваетъ соблюденіе соотвѣтственныхъ правъ съ другой стороны. Стало быть, необходимо принять мѣры, во имя образованности, совѣсти и сознанія долга, къ тому, чтобы у обѣихъ воюющихъ сторонъ чувство совѣсти и долга находилось въ возможномъ согласіи. Такое согласіе можетъ существовать только между народами, стоящими болѣе или менѣе на одинаковой ступени образованности или цивилизаціи и не различающимися существенно другъ отъ друга понятіями о нравственности и правѣ. Вотъ почему невозможно было ожидать отъ турокъ соблюденія правилъ и обычаевъ войны, выработавшихся общими усиліями христіанскихъ и цивилизованныхъ народовъ. Наконецъ, въ области международныхъ отношеній одинаковость сознанія и пониманія взаимныхъ правъ и обязанностей можетъ быть достигнута только путемъ соглашенія между государствами.

То же самое должно сказать относительно военной дисциплины и слѣпого повиновенія приказаніямъ начальства. Какъ то, такъ и другое дѣйствительно будутъ тормазами произвола во время войны, если начальство и нижніе чины *сознательно* относятся къ тому, что предписываетъ имъ совѣсть или чувство справедливости и что требуется отъ нихъ военною необ-

ходимостью. Дисциплина же въ одной арміи, не встрѣчая взаимности въ другой, непріятельской, легко можетъ уступить мѣсто сознанію необходимости прощать такіе поступки, которые извиняются единственно поведеніемъ непріятеля.

Наконецъ, если войска, по утвержденію Гартмана, должны быть проникнуты правосознаніемъ того народа, изъ нѣдръ котораго они вышли, если они обязаны добросовѣстно соблюдать основные принципы морали и нравственности, то законамъ войны дана самая твердая, реальная почва. Да, дѣйствительно, войска являются представителями правосознанія своего народа, они уносятъ съ собою на войну всѣ тѣ нравственные идеалы и культурныя воззрѣнія, которые составляютъ лучшее достояніе каждаго народа; но это-то правосознаніе современныхъ цивилизованныхъ народовъ, эти-то нравственные принципы и сознаніе своего долга и предписываютъ войскамъ ослаблять, по мѣрѣ возможности, бѣдствія войны и добросовѣстнымъ образомъ исполнять обычаи и законы ея.

Было бы явною клеветою противъ правосознанія современныхъ народовъ сказать, что они не знаютъ никакихъ правилъ и обычаевъ войны. Самымъ добросовѣстнымъ и авторитетнымъ свидѣтелемъ въ пользу существованія такихъ обычаевъ войны является самъ генералъ Гартманъ. При тщательномъ разборѣ правъ воюющихъ относительно занятой ими непріятельской территоріи, военноплѣнныхъ и частныхъ лицъ, почтенный авторъ постоянно ссылается на установившіеся обычаи войны, указывая на порядки, теперь выработавшіеся, въ сравненіи съ тѣми, которые были въ Средніе вѣка и еще въ прошломъ столѣтіи.

Между тѣмъ логика и здравый смыслъ согласны въ томъ, что, если *дѣйствительно* существуютъ для современныхъ высоко цивилизованныхъ народовъ какія-нибудь ограничительныя правила или обычаи, обязательные для нихъ во время войны, то необходимо ихъ вы-

яснить, опредѣлить и обезпечить однообразное ихъ примѣненіе.

Въ точно такія же самопротиворѣчія, какъ фонъ-Гартманъ, впадаетъ другой современный военный писатель, швейцарскій полковникъ Рюстовъ, въ борьбѣ противъ законовъ войны. Однако, разница между обоими писателями замѣчается не только въ томъ, что прусскій генералъ остается на высотѣ науки, между тѣмъ какъ Рюстовъ постоянно спускается въ подземелье неприличнаго полемическаго задора, но, главнымъ образомъ, они различаются силою своей аргументаціи и знаніемъ условій войны. Прусскій генералъ больше сказалъ въ своихъ краткихъ статьяхъ, нежели Рюстовъ въ цѣломъ томѣ.

Швейцарскій полковникъ съ явнымъ цинизмомъ насмѣхается надъ требованіемъ, чтобы воюющія державы и ихъ вооруженныя силы соблюдали какія то правила войны. Въ принципѣ, утверждаетъ онъ, воюющему дозволено *все*, и онъ можетъ употреблять какія угодно средства для нанесенія вреда своему врагу. Такъ, завоеватель, на основаніи „господствующаго *закона*“ (sic!), можетъ, „мало-по-малу и при употребленіи смягчающихъ средствъ, обрѣзывать населенію (на завоеванной территоріи) *уши*“ (!). Правда, Рюстовъ весьма великодушно находитъ такое обрѣзываніе ушей у населенія занятой территоріи, т.-е. подчиненіе населенія власти завоевателя всѣми возможными средствами, „слишкомъ жестокимъ“, но онъ признаетъ при извѣстныхъ обстоятельствахъ такія звѣрства неизбѣжными.

Этотъ примѣръ, кажется, достаточно характеризуетъ пріемы и точку зрѣнія Рюстова. Изъ сказаннаго видно, что здѣсь не можетъ быть и рѣчи о какихъ бы то ни было ограниченіяхъ военной власти или о существованіи какихъ-нибудь обычаевъ войны. Вѣдь разсужденія о правѣ или законахъ войны авторъ объявляетъ „разглагольствованіями пустоголовыхъ юристовъ“ и „галиматьею“. Но каково должно быть уди-

вленіе каждаго читающаго сочиненіе Рюстова, если, послѣ всѣхъ этихъ громкихъ фразъ и неприличныхъ выходокъ противъ права войны, онъ видитъ, что самъ швейцарскій полковникъ то и дѣло вдается въ разсужденіе объ обычаяхъ войны, признавая ихъ обязательными? Онъ нисколько не отрицаетъ обязательной силы правилъ войны, установленныхъ международными трактатами.

Этого мало. На послѣднихъ страницахъ своего труда Рюстовъ, забывая цѣль своей аргументаціи и всѣ свои громкіе протесты, находитъ возможнымъ объявить, что посредствомъ международнаго соглашенія можно будетъ обратить обычаи войны въ законы войны. Когда военные обычаи будутъ кодифицированы, они могутъ, по словамъ этого писателя, получить обязательную силу.

Но сила юридическаго обычая вытекаетъ изъ постояннаго приложенія одного и того же правила къ существенно-одинаковымъ отношеніямъ. Самъ же Рюстовъ доказалъ, что существуютъ извѣстные военные обычаи. Отсюда слѣдуетъ, что послѣдніе обязательны настолько, насколько вообще обязательны юридическіе обычаи. Слѣдовательно, кодификація военныхъ обычаевъ никакъ не есть условіе обязательности ихъ. Она только лучше ихъ опредѣлитъ, выяснитъ и обезпечитъ одинаковое ихъ пониманіе и соблюденіе со стороны воюющихъ государствъ.

Разборъ мнѣній двухъ новѣйшихъ военныхъ писателей по вопросу о кодификаціи обычаевъ и правилъ войны доказалъ, что относительно этого вопроса существуютъ, даже въ средѣ самихъ военныхъ, весьма разнообразныя воззрѣнія.

Непріязнь нѣкоторыхъ военныхъ дѣятелей ко всѣмъ попыткамъ внести большую точность и опредѣленность въ управленіе событіями на театрѣ войны и дѣйствіями самихъ военныхъ, настолько же понятна и естественна, насколько общеизвѣстно убѣжденіе нѣкоторыхъ администраторовъ, что ихъ „свобода дѣйствія“

ни въ какомъ случаѣ не должна быть ограничена какимъ-нибудь положительнымъ закономъ. Эта „свобода дѣйствія“ и дѣятельность „по усмотрѣнію“ иногда выставляются аксіомою современныхъ политическихъ наукъ и опорою государственнаго порядка. Вотъ почему и кодификацію права войны склонны признавать такимъ невозможнымъ посягательствомъ на свободу дѣйствія и распорядительную власть военныхъ дѣятелей. Исходя же изъ этой ложной точки зрѣнія, не трудно придти къ заключенію, что вообще нѣтъ никакой практической надобности въ опредѣленіи тѣхъ обычаевъ, которые „изстари“ и безъ того будто бы соблюдаются войсками всякаго цивилизованнаго государства.

Но такая точка зрѣнія совершенно неосновательна. Свобода дѣйствія нисколько не нарушается тѣмъ, что точнѣе опредѣляется правило, которое въ дѣйствительности уже существуетъ, и которое обѣ стороны намѣрены добросовѣстнымъ образомъ исполнять. Такое ограниченіе свободы имѣетъ мѣсто только въ томъ случаѣ, если, напротивъ, воюющіе намѣрены совсѣмъ не соблюдать никакихъ правилъ или обычаевъ войны.

Но въ самомъ ли дѣлѣ въ интересѣ армій, чтобы обычаи войны оставались предметомъ нескончаемыхъ споровъ между воюющими? Дѣйствительно ли военныя операціи могутъ пострадать отъ того, что дѣйствію войскъ будутъ поставлены границы, выработанныя самою военною практикою и вѣками? Справедливо ли мнѣніе, что существующее въ настоящее время разногласіе насчетъ обязательности того или другого обычая войны нисколько не вредно и не опасно для армій?

Факты, не „разногольствованія“, и практика военная, а не „мудрствованія“ теоріи, несомнѣнно доказываютъ неотложную необходимость во время мира разъяснить силу такихъ правилъ войны, отъ которыхъ зависятъ весьма часто жизнь не одного лица, но судьба

цѣлаго населенія и тысячъ людей. Множество можно привести достовѣрныхъ историческихъ фактовъ, вполнѣ подтверждающихъ рѣшительное несогласіе воюющихъ насчетъ обязательности того или другого военнаго обычая.

Остановимся на нѣсколькихъ фактахъ изъ исторіи войнъ XIX столѣтія.

Когда въ 1812 году генералъ-адъютантъ баронъ Винцингероде былъ взятъ въ плѣнъ французами, подъ начальствомъ Мортье, Императоръ Александръ I писалъ, между прочимъ, князю Кутузову: „Даже турки и азіатскіе народы умѣютъ уважать выѣзжающихъ на переговоры. Но, кажется, всѣ правила, доселѣ свято чтимыя и во время самой революціонной войны соблюдаемыя, нынѣ презрѣны и уступили мѣсто своеволію Наполеона. Если вы, до полученія сего повелѣнія, не требовали обратно генерала Винцингероде, захваченнаго, не взирая на переговорный знакъ, который онъ имѣлъ въ рукахъ, предписываю вамъ послать нарочнаго парламентера, съ изъясненіемъ, что онъ взятъ противъ всѣхъ правилъ, въ войнѣ соблюдаемыхъ, и что слѣдуетъ его возвратить“.

Эти замѣчательныя слова Императора Александра I свидѣтельствуютъ о существованіи извѣстныхъ „свято чтимыхъ правилъ войны“, соблюдаемыхъ даже турками и азіатскими народами, но нарушенныхъ въ то время французами. Между тѣмъ, Наполеонъ и маршалъ Мортье были убѣждены, что, взявъ въ плѣнъ барона Винцингероде, они нисколько не нарушили дѣйствительно признаваемыхъ на войнѣ правилъ и обычаевъ. Оба они полагали, что, такъ какъ Винцингероде вошелъ въ Москву, находившуюся еще въ рукахъ французовъ, *не имѣя съ собою трубача*, и вообще не исполнивъ всѣхъ требуемыхъ отъ парламентеровъ условій, то онъ не могъ претендовать на свою личную неприкосновенность. Правда, баронъ Винцингероде, приближаясь къ Кремлю, велѣлъ сопровождавшему его казаку привязать къ пикѣ бѣлый пла-

токъ, но, по мнѣнію маршала Мортье, этого было недостаточно для пользованія привиллегіею парламентера. На этомъ основаніи баронъ былъ взятъ въ плѣнъ и вмѣстѣ съ французами вышелъ изъ Москвы.

Но совершенно иначе понималъ Императоръ Александръ I военный обычай относительно парламентеровъ: по его мнѣнію, присутствіе трубача не необходимо для охраненія личности переговорщика. Желая освободить изъ плѣна генерала Винцингероде, Императоръ повелѣлъ предложить Наполеону обмѣнить его на французскаго генерала Феріера, находившагося въ плѣну у насъ. Притомъ Кутузовъ долженъ былъ впередъ объявить французамъ, на случай, если бы, паче чаянія, Наполеонъ вознамѣрился посягнуть на жизнь Винцингероде, что „жизнь генерала Феріера будетъ отвѣчать за сохраненіе Винцингероде". Вслѣдствіе такого распоряженія французскій генералъ долженъ былъ постоянно находиться при аванпостахъ, чтобы немедленно и *„непремѣнно"* быть разстрѣленнымъ, какъ только князь узнаетъ о смерти Винцингероде. Мало того, Кутузову было еще повелѣно объявить французамъ, что „впредь *пять* французовъ будутъ отвѣчать за *одного* носящаго русскій мундиръ и лишеннаго жизни".

Этотъ любопытный эпизодъ изъ исторіи отечественной войны чрезвычайно поучителенъ. На немъ совершенно наглядно можно видѣть, до какой степени были противоположны мнѣнія двухъ цивилизованныхъ воюющихъ сторонъ о военномъ обычаѣ, который существовалъ уже у народовъ древняго міра. Съ незапамятныхъ временъ личность парламентера признается неприкосновенною, если онъ исполнилъ извѣстныя установившіяся путемъ обычая формальности.

Но весь вопросъ заключается именно въ томъ: какія такія формальности? Долженъ ли парламентеръ быть сопровождаемъ трубачемъ, или нѣтъ? Требуется ли, чтобы парламентеръ предварительно испросилъ разрѣшенія непріятеля явиться въ его лагерь? Обя-

зательно ли для него носить какой-нибудь внѣшній отличительный знакъ, напримѣръ, бѣлый флагъ, или нѣтъ?

Всѣ эти вопросы, отъ разрѣшенія которыхъ зависитъ судьба отдѣльныхъ лицъ и даже исходъ самой войны, останутся предметомъ споровъ между воюющими сторонами, если онѣ предварительно не условятся и не согласятся между собою. Въ случаѣ же разногласія, сторона, считающая себя обиженною, прибѣгаетъ къ репрессаліямъ, чрезъ что война все болѣе и болѣе принимаетъ видъ войны между дикими племенами.

Приведемъ другой, не менѣе любопытный, примѣръ изъ исторіи войны 1813 года. Извѣстно, что партизанскій отрядъ Люцова былъ вѣроломнымъ образомъ захваченъ въ плѣнъ и члены его были попарно скованы, какъ каторжники, и посланы подъ конвоемъ въ Савойю. Наполеонъ и маршалъ Бертье находили возможнымъ оправдывать свое поведеніе въ данномъ случаѣ законами и обычаями войны. Маститый же нашъ историкъ г. Богдановичъ называетъ это дѣло „вопіющимъ“ и утверждаетъ, что плѣнные были захвачены „вопреки народному праву“.

Однако, справедливость требуетъ сказать, что мнѣніе г. Богдановича даже въ настоящую минуту далеко не раздѣляется всѣми военными. Всѣмъ, напримѣръ, памятенъ ожесточенный споръ, возникшій во время войны 1870 года между Франціею и Германіею о законности войны партизанскими отрядами.

Въ прусскомъ „Правительственномъ Вѣстникѣ“, отъ 27-го августа 1870 года, мы находимъ объявленіе о томъ, что, такъ какъ, „на основаніи принциповъ международнаго права“, французскіе вольные стрѣлки могутъ считаться законными врагами только въ томъ случаѣ, если они имѣютъ правительственное разрѣшеніе на военныя дѣйствія, подчиняются французскимъ военнымъ законамъ и находятся подъ начальствомъ французскихъ офицеровъ, то всѣ вольные

стрѣлки, неудовлетворяющіе приведеннымъ условіямъ, разсматриваются какъ разбойники, а какая участь ожидаетъ, по военнымъ законамъ, разбойниковъ, извѣстно каждому.

На основаніи этого распоряженія германскаго высшаго начальства, нѣмцы хватали французскихъ вольныхъ стрѣлковъ и, обыкновенно, подвергали ихъ не военному плѣну, но разстрѣлянію.

Понятно, что французское правительство и народъ были возмущены такимъ толкованіемъ установившихся между цивилизованными народами военныхъ обычаевъ, но прусское правительство, напротивъ, оставалось при томъ убѣжденіи, что оно хорошо понимаетъ основные принципы международнаго права.

Вообще, франко-германская война представляетъ намъ множество такихъ взаимныхъ обвиненій и споровъ, которые хладнокровно разбирать воюющимъ во время самой ожесточенной борьбы, само собою разумѣется, положительно невозможно. Между тѣмъ, эти взаимныя обвиненія въ нарушеніи „установленныхъ“ законовъ войны только еще болѣе разжигаютъ страсти и приводятъ къ возмутительнымъ жестокостямъ. При этомъ не слѣдуетъ упускать изъ виду, что война 1870 года происходила между двумя націями, которыя съ полнымъ правомъ считаютъ себя высоко-образованными. Если же между воюющими народами, стоящими на такой высотѣ культурнаго развитія, не могло установиться согласія относительно обязательности военныхъ обычаевъ, то чего же можно было ожидать отъ турокъ, курдовъ и башибузуковъ?

Дѣйствительно, послѣдняя война между Россіею и Турціею представляетъ столько самыхъ возмутительныхъ нарушеній несомнѣнныхъ постановленій трактатовъ и общепризнанныхъ обычаевъ войны, что, если принять эту войну за образецъ международной борьбы въ концѣ XIX вѣка, то нельзя не отчаяваться за будущее. Турки не только не исполняли постановленій Женевской конвенціи, но не соблюдали даже ни-

какихъ обычаевъ войны. Впрочемъ, если сама Блистательная Порта не имѣла правильнаго понятія о Женевской конвенціи, то какъ же можно было требовать знакомства съ нею или знанія законовъ войны отъ солдатъ турецкихъ войскъ?

Однако, не взирая ни на какіе факты, Турція, на основаніи существующихъ международныхъ обязательствъ, является полноправнымъ членомъ союза европейскихъ цивилизованныхъ государствъ. Въ виду этого обстоятельства мы юридически обязаны приложить къ ней тотъ же самый масштабъ, который существуетъ для христіанскихъ народовъ. Мы въ правѣ и обязаны требовать отъ турецкихъ армій соблюденія правилъ, принятыхъ въ остальныхъ европейскихъ войскахъ. На основаніи фикціи, изобрѣтенной Парижскимъ конгрессомъ 1856 года и неотмѣненной Берлинскимъ ареопагомъ 1878 года, Турція—цивилизованная страна, и ея вооруженныя силы *обязаны* дѣйствовать во время войны сообразно признаваемымъ христіанскою Европою обычаямъ и законамъ.

При такихъ обстоятельствахъ совершенно понятно, что въ интересахъ цивилизованной державы, находящейся въ войнѣ съ Турціею, должно заранѣе выставить тотъ общій масштабъ, по которому она могла бы, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, точно опредѣлить, какое правило войны подверглось нарушенію со стороны турецкихъ войскъ. Чѣмъ менѣе турки въ состояніи будутъ оспаривать дѣйствительную обязательность даннаго правила, чѣмъ меньше будетъ сомнѣнія относительно смысла и содержанія даннаго военнаго закона, тѣмъ болѣе неопровержимо будетъ обвиненіе со стороны потерпѣвшей цивилизованной державы и тѣмъ неотразимѣе будетъ ея требованіе объ удовлетвореніи. Такая твердая почва особенно нужна для такой державы, какъ Россія, которая во время войны съ Турціею всегда должна быть готова увидѣть общественное мнѣніе просвѣщенной христіанской Западной Европы союзникомъ своего врага.

Отсутствіе же точно опредѣленныхъ правилъ и законовъ даетъ возможность досужей фантазіи враговъ Россіи взводить на ея доблестныя арміи обвиненія въ нарушеніи такихъ будто бы общепризнанныхъ обычаевъ войны, которые никогда не существовали или, если и существовали, то совершенно умышленно извращаются.

На основаніи всѣхъ изложенныхъ соображеній и въ виду приведенныхъ положительныхъ фактовъ, намъ кажется совершенно невозможнымъ серіозно говорить о вредѣ или безполезности кодификаціи обычаевъ или законовъ войны.

Напротивъ, крайняя необходимость безотлагательно, посредствомъ международнаго соглашенія, разрѣшить всѣ сомнѣнія насчетъ обязательности того или другого правила войны сознается многими замѣчательными военными дѣятелями и, притомъ, такими, которые во всякомъ случаѣ въ состояніи выдержать сравненіе съ фонъ-Гартманомъ или полковникомъ Рюстовымъ. Брюссельская конференція, созванная съ этою цѣлью, навсегда останется лучшимъ тому доказательствомъ. Если она до сихъ поръ еще не привела къ положительному результату, то этимъ нисколько не опровергается тотъ фактъ, что въ предварительныхъ и окончательныхъ ея трудахъ принимали участіе такіе военные дѣятели, компетентность которыхъ стоитъ выше всякаго мнѣнія *).

Имѣется полное основаніе думать, что русскій проектъ конвенціи, представленный на обсужденіе Брюссельской конференціи и составленный, по отзыву знатоковъ, „съ полнымъ знаніемъ дѣла и большою добросовѣстностью“, точно также подвергся тщательному изученію со стороны военныхъ спеціалистовъ. Не слѣдуетъ также упускать изъ виду, что самымъ даровитымъ и убѣжденнымъ защитникомъ русскаго проекта

*) Слѣдующія главы настоящей статьи посвящены исторіи созванія означенной конференціи и характеристикѣ значенія ея работъ.

на конференціи явился прусскій генералъ Фойгтъ-Рецъ, обширныя познанія котораго и огромный практическій опытъ служили неистощимымъ арсеналомъ доказательствъ въ пользу необходимости кодификаціи военныхъ обычаевъ. Этого мало. Военные представители другихъ государствъ точно также не отрицали пользы установленія военныхъ законовъ, и если бы не было постороннихъ политическихъ соображеній и вліяній, то, смѣемъ думать, соглашеніе между *одними* военными вскорѣ обратилось бы въ совершившійся фактъ.

Да, вообще, если самому ярому защитнику нынѣшняго шаткаго положенія вещей поставить вопросъ: признаетъ ли онъ существованіе какихъ-нибудь обычаевъ или правилъ войны, то онъ долженъ или совершенно ихъ отвергнуть, или же согласиться, что они существуютъ. Если онъ отвѣтитъ въ первомъ смыслѣ, то, по законамъ логики и требованіямъ здраваго смысла, обязанъ оправдывать всевозможныя звѣрства и жестокости, отъ которыхъ во время войны можетъ пострадать онъ самъ или его товарищи по оружію. Если же отвѣтъ будетъ въ пользу обязательности конкретныхъ законовъ войны, то лучшимъ источникомъ для ознакомленія и изученія ихъ отнынѣ всегда будутъ служить труды Брюссельской конференціи. Середины здѣсь нѣтъ. Лучшимъ же подтвержденіемъ правильности такой постановки вопроса служатъ труды и воззрѣнія самыхъ непримиримыхъ противниковъ малѣйшей попытки *констатировать* силу закона въ области военныхъ дѣйствій.

Итакъ, мы въ правѣ сказать, что авторитетные военные спеціалисты не только констатируютъ существованіе извѣстныхъ обычаевъ и законовъ войны, но въ то же время признаютъ пользу и необходимость болѣе точнаго ихъ опредѣленія посредствомъ международнаго соглашенія.

Въ виду такого факта можно думать, что всѣ безъ исключенія представители науки международнаго права единодушно желаютъ, чтобы эта цѣль была скорѣе

достигнута. Кому, какъ не юристамъ, содѣйствовать, по мѣрѣ силъ, водворенію закона тамъ, гдѣ господствуетъ неограниченный произволъ? Кому, какъ не послѣдователямъ Гуго Гроція, сочувствовать всякой попыткѣ, направленной къ тому, чтобы смягчить бѣдствія войны и поставить опредѣленныя границы грубой силѣ? Неужели не прошло еще время, когда желѣзная дисциплина полководцевъ была проникнута большимъ человѣколюбіемъ и большимъ уваженіемъ къ идеѣ правды и справедливости, нежели были проникнуты ею представители науки?

Къ чести науки мы должны сознаться, что въ настоящее время огромное большинство наиболѣе выдающихся ея представителей совершенно сходятся во взглядѣ на разбираемый вопросъ съ вышеупомянутыми военными спеціалистами, защищавшими дѣло Брюссельской конференціи. Несомнѣнно преобладаетъ въ средѣ ученыхъ юристовъ убѣжденіе, что не къ лицу имъ, теоретикамъ, доказывать практическую невозможность того, что самими людьми практики признается удобоисполнимымъ и желательнымъ. Несогласно съ высокимъ достоинствомъ науки стоять за господство неограниченнаго произвола и насилія, если сами воюющія государства заявляютъ о своей готовности преклониться предъ началами права войны, которыя будутъ приняты по взаимному соглашенію цивилизованныхъ народовъ.

Въ чемъ собственно состоитъ мнѣніе современной науки международнаго права о вопросѣ кодификаціи правилъ или законовъ войны, лучше всего видно изъ слѣдующаго факта. Послѣ закрытія Брюссельской конференціи, извѣстный „Институтъ международнаго права“, состоящій изъ наиболѣе выдающихся современныхъ спеціалистовъ этой науки, учредилъ комиссію для всесторонняго изученія трудовъ конференціи. Въ этой комиссіи были членами такіе писатели, какъ: Блюнчли, профессоръ Гейдельбергскаго университета, Манчини, бывшій министръ юстиціи Итальянскаго ко-

ролевства, Ролэнъ-Жакмэнъ, бывшій министръ внутреннихъ дѣлъ Бельгіи, нынѣ совѣтникъ Сіамскаго короля, и извѣстный англійскій юристъ Моунтэгью-Бернаръ, бывшій Оксфордскій профессоръ, Парье, прежній предсѣдатель французскаго государственнаго совѣта, и другіе.

Первый вопросъ, поставленный на разрѣшеніе комиссіи, былъ слѣдующій: „Желательно ли опредѣлить посредствомъ международнаго соглашенія между различными цивилизованными государствами законы и обычаи войны“?

На этотъ вопросъ, ни одинъ изъ двѣнадцати членовъ комиссіи, изъ которыхъ каждый былъ представителемъ науки одного изъ европейскихъ или американскихъ государствъ, не отвѣчалъ отрицательно. Всѣ были согласны, что такая кодификація въ высшей степени желательна, полезна и возможна. Только англійскій юристъ Моунтэгью-Бернаръ находилъ необходимымъ сдѣлать нѣкоторыя ограниченія.

Такимъ образомъ, въ принципѣ всѣ члены комиссіи были совершенно между собою согласны. Наконецъ, нельзя не прибавить, что на сессіи Института международнаго права въ Гаагѣ, въ 1875 году, заключеніе комиссіи было принято общимъ собраніемъ членовъ Института и, притомъ, огромнымъ большинствомъ голосовъ.

Однако, справедливость требуетъ сказать, что еще и въ настоящее время въ литературѣ вопросъ, поднятый Брюссельскою конференціею, все-таки имѣетъ противниковъ, изъ которыхъ нѣкоторые съ жаромъ, достойнымъ лучшаго дѣла, защищаютъ принципъ, что, чѣмъ больше совершается жестокостей и варварства во время войны, тѣмъ лучше охраняются интересы человѣколюбія и права.

Но, прежде чѣмъ приступить къ разсмотрѣнію этого крайняго воззрѣнія, не мѣшаетъ замѣтить, что нѣкоторые изъ современныхъ писателей международнаго права отрицаютъ вообще возможность кодификаціи

какихъ бы то ни было международныхъ законовъ. По ихъ мнѣнію, еще не наступило время для разрѣшенія этой чрезвычайно трудной задачи. Если согласиться съ этимъ взглядомъ, то, само собою разумѣется, менѣе всего можетъ быть рѣчи о кодификаціи законовъ войны. Если прочія части международнаго права представляются въ такой степени мало разработанными, что кодифицировать ихъ нѣтъ никакой возможности, то, казалось бы, еще менѣе право войны можетъ быть изложено въ настоящее время въ формѣ свода или международной конвенціи. Но, благодаря одному изъ тѣхъ счастливыхъ противорѣчій, въ которыя иногда впадаютъ писатели, не всѣ, сомнѣвающіеся въ возможности кодификаціи международнаго права вообще, признаютъ неосуществимымъ дѣло, предпринятое Россіею на Брюссельской конференціи. Такъ, профессоръ Нейманъ самымъ категорическимъ образомъ заявляетъ: „да, желательно и даже необходимо опредѣлить законы и обычаи войны, вопреки или даже вслѣдствіе тѣхъ огромныхъ затрудненій, которыя тому противоставляются. Нельзя регламентировать ни бури, ни землетрясеній, ни изверженій вулкановъ, но необходимо поставить предѣлы, насколько возможно — и въ этомъ вопросѣ возможное совпадаетъ съ необходимымъ—самой страшной страсти человѣка, войнѣ“!

Въ такое счастливое самопротиворѣчіе, какъ Нейманъ, не впали англійскіе юристы, занявшіеся разрѣшеніемъ поставленнаго вопроса только *послѣ* Брюссельской конференціи: они категорически отрицаютъ возможность точнаго установленія обычаевъ войны. Съ особенною силою высказались въ этомъ смыслѣ сэръ Траверсъ-Тьюссъ и оксфордскій профессоръ Голландъ.

Оба они согласны въ томъ, что еще не наступило время для кодификаціи обычаевъ и законовъ войны. „То, что называютъ законами войны“, говоритъ сэръ Траверсъ-Тьюссъ, „существуетъ въ пользу сильнѣйшаго; изложить ихъ въ какую либо эпоху, въ актѣ

какого нибудь европейскаго конгресса, значитъ остановить движеніе, совершающееся въ прогрессивномъ и тихомъ развитіи практики войны. Это развитіе, если его не остановятъ искусственнымъ образомъ, совершится на благо слабѣйшаго, подъ вліяніемъ тѣхъ же самыхъ благотворныхъ причинъ, которымъ мы обязаны быстрымъ развитіемъ цивилизаціи и мирными отношеніями между народами".

Такимъ образомъ, заключеніе международной военной конвенціи не только не смягчитъ бѣдствій войны, но даже остановитъ прогрессивное движеніе практики войны на пути ея къ большей гуманности и цивилизаціи. Съ этой точки зрѣнія необходимо придти къ тому заключенію, что попытка кодифицировать законы войны есть ничто иное, какъ скрытое желаніе усилить власть сильнѣйшаго и увеличить господство произвола во время войны. Россія, созвавшая въ 1874 году Брюссельскую конференцію именно съ цѣлью кодификаціи законовъ войны, въ сущности, только желала усилить власть воюющаго и увеличить бѣдствія войны! Англія, возставшая противъ дѣла Брюссельской конференціи, является въ дѣйствительности защитницею великихъ принциповъ цивилизаціи и великодушнымъ поборникомъ правъ всѣхъ угнетенныхъ и страждущихъ!

Такое толкованіе великодушной иниціативы Россіи представляется въ такой степени оригинальнымъ, что мы не знаемъ, чему больше удивляться, изобрѣтательности ли упомянутаго англійскаго юриста въ защитѣ политики его правительства, или же его политической находчивости въ разрѣшеніи вопроса права.

Мнѣнію Траверсъ-Тьюсса и роли Англіи на Брюссельской конференціи интересно будетъ противопоставить взглядъ другого англійскаго же современнаго юриста:

„Какъ англичанинъ, я могу только сожалѣть, что наше отечество, которое до сихъ поръ всегда стояло во главѣ всѣхъ движеній на пользу гуманности и

прогресса, заняло положеніе (по отношенію къ Брюссельской конференціи), которое привело къ тому, что парализованы и извращены предложенія, направленныя къ смягченію неизбѣжныхъ послѣдствій войны“ *).

Кто безпристрастно и безъ предвзятой мысли относится къ дѣлу Брюссельской конференціи, тотъ не можетъ усомниться въ томъ, которое изъ этихъ мнѣній англійскихъ юристовъ болѣе основательно. Если основательно мнѣніе Траверсъ-Тьюсса о томъ, что точное опредѣленіе военныхъ законовъ можетъ остановить прогрессивное развитіе военныхъ дѣйствій на пути къ большей гуманности, то необходимо согласиться, что, съ тѣхъ поръ какъ государственные законы обезпечиваютъ неприкосновенность жизни человѣка, эта жизнь подвергается гораздо большимъ опасностямъ. Съ тѣхъ поръ какъ законодательства поставили точные предѣлы самоуправству подданныхъ, остановилось движеніе впередъ на пути къ охраненію правъ и интересовъ слабѣйшихъ; съ тѣхъ поръ какъ государство посредствомъ закона старается уничтожить или предупредить эксплоатацію слабаго сильнымъ, бѣднаго богатымъ, рабочаго хозяиномъ, — оно собственно утверждаетъ только владычество сильнѣйшаго и узаконяетъ порабощеніе неимущаго и угнетеннаго!

Достаточно указать на выводъ, къ которому долженъ притти Траверсъ-Тьюссъ, чтобы убѣдиться въ полнѣйшей несостоятельности его воззрѣнія. До сихъ поръ всѣ были убѣждены въ томъ, что неопредѣленность законовъ войны и шаткость военныхъ обычаевъ, въ особенности, опасны для слабѣйшихъ и беззащитныхъ, которые, не только не въ состояніи физическою силою отстаивать свои права, но даже не имѣютъ возможности опереться на прочно установленные законы и обычаи войны для защиты своихъ

---

*) *Oke Manning's.* Commentaries on the Law of Nations. London. 1875.

нарушенныхъ правъ. Отнынѣ, благодаря Траверсъ-Тьюссу, можно быть увѣреннымъ, что въ спорѣ о дѣйствительномъ существованіи какого-нибудь правила войны всегда слабѣйшій одержитъ верхъ надъ сильнѣйшимъ своимъ противникомъ!

Но, рядомъ съ этимъ крайне оригинальнымъ доводомъ, Траверсъ-Тьюссъ и Голландъ не могутъ одобрить кодификаціи обычаевъ войны на томъ основаніи, что вообще еще не пришло время для этого дѣла. Этотъ доводъ совершенно понятенъ въ устахъ англичанъ, которые не сочувствуютъ кодификаціи внутреннихъ, государственныхъ законовъ своей родины, признавая ее крайне опасною операціею надъ юридическими воззрѣніями своего народа. Но нельзя согласиться съ тѣмъ, чтобъ этотъ *англійскій* взглядъ на кодификацію былъ обязателенъ для другихъ. Если упомянутые англійскіе юристы утверждаютъ, что еще не наступило время для составленія свода международныхъ законовъ войны, то, напротивъ, Манчини, извѣстный итальянскій государственный дѣятель и юристъ, неопровержимыми доводами доказываетъ „призваніе“ именно нашего вѣка для преобразованія и кодификаціи международнаго права.

При этомъ нельзя не припомнить, что, когда въ началѣ нынѣшняго столѣтія былъ возбужденъ вопросъ о кодификаціи національныхъ законовъ, между прочимъ, знаменитый Савиньи точно также отрицалъ, за его несвоевременностью, возможность исполнить эту задачу. Между тѣмъ, опытъ главнѣйшихъ континентальныхъ государствъ неопровержимо доказалъ, что они способны были на разрѣшеніе поставленной задачи, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, этотъ же самый опытъ убѣждаетъ, что кодификація государственныхъ законовъ нисколько не препятствовала дальнѣйшему измѣненію и развитію права.

То же самое мы имѣемъ основаніе предположить и въ отношеніи законовъ войны. Точное ихъ опредѣленіе самими государствами не только ограничитъ бѣдствія

войны въ предѣлахъ возможности, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, послужитъ основаніемъ для дальнѣйшихъ попытокъ на этомъ пути. Труденъ первый шагъ. Однако, существуетъ мнѣніе, что вообще никакихъ попытокъ для ограниченія бѣдствій войны дѣлать не слѣдуетъ, потому что, чѣмъ больше бѣдствій влечетъ за собою война, тѣмъ лучше, чѣмъ больше пострадаютъ отъ нея воюющіе народы, чѣмъ ужаснѣе будетъ она для жизни, чести и собственности мирныхъ и безоружныхъ обитателей непріятельской страны, тѣмъ совершеннѣе будутъ охранены интересы человѣколюбія и справедливости... Это чудовищное мнѣніе до такой степени странно, что трудно вѣрить, чтобы оно могло быть когда-либо высказано. Каково же должно быть наше удивленіе, когда мы узнаемъ, что этотъ взглядъ защищается не постарѣвшимъ въ битвахъ воиномъ, не въ чаду ожесточенной борьбы и подъ вліяніемъ разнузданныхъ страстей, но что это гуманное воззрѣніе принадлежитъ представителю науки международнаго права и выработалось въ дипломатическихъ гостиныхъ и за рабочимъ столомъ въ кабинетѣ ученаго?

Извѣстному сѣверо-американскому дипломату и писателю Бичъ-Лауренсу принадлежитъ честь провозгласить во второй половинѣ XIX вѣка теорію, которая находитъ себѣ примѣненіе развѣ только въ войнахъ между курдами, папуазцами и среднеафриканскими неграми.

Свое любопытное воззрѣніе на войну и на попытки кодификаціи военныхъ законовъ онъ доказываетъ слѣдующимъ образомъ.

Война, говоритъ Бичъ-Лауренсъ, дѣйствительно самый ужасный бичъ человѣчества; но народы гораздо болѣе страдаютъ отъ послѣдствій войны, нежели отъ непосредственнаго ея дѣйствія. Для того же, чтобы война была непродолжительна, необходимо, чтобы она была ужасна. Война должна быть ужасна, чтобы возбудить отвращеніе къ себѣ въ народахъ и монархахъ. Вотъ почему онъ отъ души радовался всѣмъ новымъ

изобрѣтеніямъ и техническимъ приспособленіямъ, дѣлающимъ орудія войны все болѣе смертоносными. Эти-то изобрѣтенія и усовершенствованія для истребленія человѣческаго рода дѣйствительно оказываютъ услугу народамъ, такъ какъ, благодаря имъ, война все болѣе и болѣе увеличиваетъ число своихъ жертвъ, умножаетъ страданія народовъ и сама сокращаетъ свою продолжительность.

Исходя изъ этой точки зрѣнія, американскій писатель совершенно послѣдовательно возстаетъ противъ Петербургской декларації 1868 года, запрещающей употребленіе разрывныхъ пуль. Онъ находитъ, что это запрещеніе можетъ поставить главнокомандующаго въ необходимость или нарушить его, т.-е., употреблять разрывныя пули вѣсомъ ниже 400 граммъ, или же „компрометтировать безопасность своей арміи“ *).

Таково мнѣніе Бичъ-Лауренса. Оно до такой степени парадоксально и до такой степени возмущаетъ нравственное чувство, что подробно доказывать полнѣйшую его несостоятельность совершенно безполезно.

Положеніе, что чѣмъ ужаснѣе война, тѣмъ она менѣе продолжительна, становится, прежде всего, въ непримиримое противорѣчіе съ положительными фактами. Историческій опытъ прошлыхъ вѣковъ убѣждаетъ, напротивъ, что въ тѣ времена, когда воюющія стороны не знали мѣры въ своихъ варварскихъ и опустошительныхъ наклонностяхъ, войны, несомнѣнно, продолжались несравненно дольше, чѣмъ въ настоящее время. Есть полное основаніе думать, что возобновленіе тридцатилѣтнихъ или даже семилѣтнихъ войнъ представляется совершенно немыслимымъ въ наше время. Настолько же немыслимо, чтобы кто либо изъ воюющихъ, въ борьбѣ между цивилизованными державами, осмѣлился совершать въ настоящее время

---

*) Вѣроятно, авторъ полагаетъ, что пули льются на полѣ сраженія или даже во время самой битвы.

такія преступленія противъ чести женщинъ и мирныхъ обывателей на непріятельской территоріи, которыя въ XVII столѣтіи признавались согласными съ военными обычаями.

Но разбираемое мнѣніе страдаетъ еще другимъ недостаткомъ, который, по нашему убѣжденію, стоитъ только-что указанной ошибки. Этотъ взглядъ подкашиваетъ въ самомъ корнѣ всякое упованіе на лучшее будущее, всякую вѣру въ наступленіе лучшаго, болѣе человѣческаго порядка въ области международныхъ отношеній, всякое убѣжденіе въ возможности разумнаго развитія и усовершенствованія человѣка. Не столько страшны въ этомъ воззрѣніи тѣ ужасы, которые рисуетъ фантазія автора, сколько страшны тотъ нравственный идеалъ и тѣ цѣли, которые указываются имъ человѣческому роду. Нравственный идеалъ цивилизованнаго народа долженъ заключаться въ неустанномъ изобрѣтеніи средствъ для взаимнаго истребленія людей! Какъ великъ сторонникъ этого воззрѣнія, англійскій лордъ Дондональдъ, предложившій своему правительству какой-то изобрѣтенный имъ смертоносный газъ, который стоитъ только распространить въ непріятельской странѣ, чтобы извести все населеніе цѣлой области, вмѣстѣ со всѣми женщинами и дѣтьми! Этотъ благородный лордъ дѣйствительно достигъ той идеальной цѣли, которая ставится Бичъ-Лауренсомъ для дѣятельности цивилизованныхъ народовъ.

Вотъ къ чему приводитъ это парадоксальное воззрѣніе на войну и на попытки кодифицированія ея законовъ. Едва ли мы ошибаемся, высказывая наше глубокое убѣжденіе, что никогда ни одинъ военный, будь онъ практическій дѣятель или писатель, не въ состояніи былъ бы высказать подобную чудовищную мысль. Тѣ, которые сами видѣли во-очію ужасы войны, понимаютъ, что она—такое страшное зло, которое человѣкъ не можетъ не ненавидѣть всѣмъ существомъ и всею душою. Они сознаютъ свой священный долгъ положить свою жизнь на полѣ сраженія, по-

тому что до сихъ поръ еще не отыскано другого средства для защиты правъ и чести ихъ родины, но никогда не рѣшатся сказать, что единственную и идеальную цѣль жизни народа составляетъ изобрѣтеніе средствъ для увеличенія бѣдствій войны.

Напротивъ, въ уменьшеніи бѣдствій войны, насколько это возможно при извѣстныхъ обстоятельствахъ, заключается конечная цѣль стремленій правительства и общества. Точное же опредѣленіе обычаевъ и законовъ войны представляется пока однимъ изъ самыхъ цѣлесообразныхъ средствъ въ этомъ направленіи.

Въ виду всего вышеизложеннаго, мы считаемъ себя въ правѣ утверждать, что обязательность опредѣленныхъ обычаевъ и законовъ есть положительный фактъ, который не опровергнутъ ни военными писателями, ни спеціалистами по международному праву. Если же такіе законы несомнѣнно существуютъ, то очевидна необходимость точно опредѣлить ихъ и, на основаніи международнаго соглашенія, изложить въ обязательной формѣ свода или конвенціи. Доводы, приведенные до сихъ поръ противъ кодификаціи военныхъ законовъ и обычаевъ, опровергаются настоятельными потребностями самой войны и оказываются несостоятельными съ точки зрѣнія логики. Они имѣли бы какой-нибудь смыслъ, если бы противники кодификаціи рѣшились сказать, что нѣтъ никакихъ обычаевъ войны и нѣтъ никакихъ предѣловъ для грубой силы непріятеля. Тѣмъ же писателямъ, которые то доказываютъ, что война подлежитъ опредѣленнымъ законамъ, впрочемъ, весьма различно толкуемымъ, то утверждаютъ, что нельзя смягчить ужасовъ войны и выяснить эти законы, не мѣшало бы напомнить слова Прудона, что «люди, уважающіе себя, не обращаются другъ съ другомъ во время войны, какъ съ разбойниками и лютыми звѣрями".

Хотя Прудонъ понималъ войну между народами совершенно своеобразно, но, во всякомъ случаѣ, онъ сознавалъ ея нравственное величіе и былъ проник-

нутъ большимъ уваженіемъ къ праву и достоинству человѣка, нежели тѣ, которые видятъ въ войнѣ исключительно дикое, неограниченное никакими законами и формами, взаимное истребленіе воюющихъ между собою народовъ.

III.

Задача Брюссельской конференціи.—Кодификація законовъ и обычаевъ войны до 1874 г.: полевая инструкція Либера; Женевская конвенція 1864 г.; кодификація въ области морского международнаго права; конвенція 1868 г. о запрещеніи употреблять разрывныя пули вѣсомъ менѣе 400 граммовъ.—Опытъ франко-германской войны 1870—71 гг.

На полѣ сраженія подъ Лейпцигомъ, когда послѣ побѣды, одержанной союзными войсками надъ Наполеономъ, предстояло занять несчастный городъ Лейпцигъ, императоръ Александръ, подъѣхавъ къ войскамъ графа Витгенштейна, сказалъ: „Ребята! Вы вчера дрались, какъ храбрые воины, какъ непобѣдимые герои; будьте же сегодня великодушны къ побѣжденнымъ вами непріятелямъ и къ несчастнымъ жителямъ города. Вашъ Государь этого желаетъ, и, если вы преданы мнѣ, въ чемъ я увѣренъ, то вы исполните мое приказаніе“.

То же самое великодушіе, которымъ были проникнуты только-что приведенныя слова, вызвало въ 1874 г., по предложенію русскаго императора Александра II, къ жизни и Брюссельскую конференцію, имѣвшую цѣлью опредѣленіе обязательныхъ во время войны между цивилизованными народами обычаевъ и законовъ. Въ основаніе этой международной конференціи легло убѣжденіе, что, пока сами государства не согласятся насчетъ содержанія и обязательности военныхъ законовъ, нареканіямъ и взаимнымъ обвиненіямъ не будетъ конца во время войны. Никакія инструкціи или наказы, изданные отдѣльно воюющимъ государствомъ для своихъ войскъ, никакіе авторитеты науки между-

народнаго права не предупредятъ ни поступковъ, явно противныхъ обычаямъ войны, ни репрессалій, къ которымъ вынуждены будутъ обращаться воюющія войска для защиты своихъ правъ. Полевыя инструкціи или наказы войскамъ тогда въ состояніи будутъ устранить существующіе въ настоящее время поводы къ обвиненіямъ, если они согласны между собою во взглядѣ на обязательность обычаевъ и законовъ войны. Если же такого согласія нѣтъ между инструкціями, даваемыми воюющими державами своимъ войскамъ, то ими нисколько не закрываются двери для нареканій, ожесточенныхъ нападковъ или репрессалій. На этомъ основаніи полевыя инструкціи только тогда въ состояніи вполнѣ достигнуть своего назначенія, если въ основаніи ихъ лежитъ одинаковый взглядъ. Этого же достигнуть нельзя иначе, какъ посредствомъ предварительнаго обмѣна мыслей между государствами, и этотъ обмѣнъ, при доброй волѣ договаривающихся, не можетъ не привести ко взаимному соглашенію.

Только при наличности такого соглашенія между государствами, наказы войскамъ, разъясняющіе обязательное для нихъ поведеніе на непріятельской территоріи, будутъ дѣйствительными наставленіями и, вмѣстѣ съ тѣмъ, тормазами, предупреждающими поступки, не вызываемые рѣшительно никакою военною необходимостью.

Что же касается, такъ-называемыхъ, „общепризнанныхъ авторитетовъ“ науки международнаго права, то за ними, во всякомъ случаѣ, можно признать только нравственное значеніе и авторитетъ. Притомъ, какъ показываютъ дипломатическіе акты, въ которыхъ воюющія стороны ссылались, для защиты своихъ претензій, на эти научные авторитеты, обоимъ воюющимъ нетрудно было находить у одного и того же авторитета, а иногда на одной и той же страницѣ, положенія, признающія правильными распоряженія каждаго изъ нихъ. Стало-быть, эти „общепризнанные

авторитеты“ никакъ не рѣшали ожесточенныхъ споровъ между воюющими державами.

Брюссельская конференція имѣла задачею дать общее основаніе для распоряженій воюющихъ государствъ, относящихся какъ непосредственно къ военнымъ дѣйствіямъ противъ непріятеля, такъ и къ тѣмъ лицамъ и имуществамъ, которыя играютъ въ войнѣ исключительно пассивную роль. Этого мало. Брюссельская конференція должна была привести къ тому, что европейскія правительства уже во время мира примутъ мѣры для ознакомленія своихъ войскъ съ тѣми правами и обязанностями, которыя они должны соблюдать для защиты интересовъ своей родины и для охраненія неприкосновенности чести и славы своего народа.

„Чѣмъ болѣе,— сказано въ русскомъ циркулярѣ отъ 17 апрѣля 1874 года, послужившемъ приглашеніемъ европейскихъ державъ на конференцію,—развивается въ настоящее время солидарность, предназначенная приблизить и соединить народы, какъ членовъ одной общей семьи, чѣмъ болѣе, съ другой стороны, военная ихъ организація имѣетъ назначеніемъ придать ихъ распрямъ характеръ борьбы между вооруженными націями, тѣмъ болѣе оказывается необходимымъ опредѣлить точнѣе, чѣмъ до сихъ поръ, законы и обычаи, согласные съ состояніемъ войны, для того, чтобы ограничить ея послѣдствія и уменьшить ея бѣдствія, насколько это возможно и желательно. Въ виду этой цѣли кажется необходимымъ, посредствомъ взаимнаго соглашенія, установить правила, которыя должны быть обязательны какъ для самихъ правительствъ, такъ и для армій, на основаніи полнѣйшей взаимности“.

Вотъ какъ понимало само наше правительство задачу, поставленную имъ Брюссельской конференціи. Вотъ почему мы, на основаніи уже самаго текста циркуляра Русскаго правительства, вправѣ сказать, что только явная недобросовѣстность и недоброжелатель-

ство могли считать задачею конференціи составленіе „code d'invasion“ и санкцію права грубой силы.

Брюссельская конференція была наиболѣе значительною попыткою, сдѣланною до сихъ поръ для кодификаціи обычаевъ и законовъ войны. Она включила въ предметъ своего обсужденія почти всѣ вопросы права войны.

Но нельзя не указать на другія попытки въ этомъ же направленіи, предшествовавшія конференціи и свидѣтельствующія о томъ, что идея, положенная въ основаніе апрѣльскаго циркуляра, представляется только выраженіемъ сознанной весьма многими настоятельной потребности. Брюссельская конференція не явилась въ видѣ deus ex machina, не будучи вызванною къ жизни никакими законными желаніями и не имѣя корней въ прошедшемъ. Нѣтъ, будучи только послѣдовательнымъ развитіемъ уже давно сознанной идеи, Брюссельская конференція не можетъ не имѣть вліянія въ будущемъ. Развѣ знаменитая декларація Екатерины II отъ 28 февраля 1780 года относительно морского международнаго права не была проникнута тою же идеею, которой Брюссельская конференція обязана своимъ происхожденіемъ? Развѣ въ 1780 году Англія не объявила всему міру начала русской декларації зловредными выдумками и „нововведеніями“? Но развѣ та же Англія не объявила на Парижскомъ конгрессѣ 1856 года тѣ же самые принципы вѣчными истинами международнаго права и согласными съ идеею правды и справедливости?

Только посторонними политическими вліяніями можно объяснить неоконченность работъ Брюссельской конференціи. Но насколько она была подготовлена одинаковыми по цѣли попытками—можно видѣть изъ слѣдующихъ фактовъ.

Въ то время, когда по поводу франко-германской войны въ Европѣ обсуждали вопросъ о томъ, какимъ способомъ предупредить нескончаемыя пререканія ме-

жду воюющими державами относительно обязательныхъ обычаевъ войны, народъ, практическій смыслъ котораго вошелъ въ поговорку, уже рѣшилъ его весьма удовлетворительнымъ образомъ.

Когда въ 1861 году возникла въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки междоусобная война, выдвинувшая на первый планъ замѣчательную личность Линкольна, Вашингтонское правительство не ограничилось лишь организаціей сильной боевой арміи въ самое короткое время, чтобы принудить возставшіе южные штаты подчиниться союзной законной власти. Ужасныя насилія, неизбѣжныя въ особенности во время междоусобной войны, которыя совершались войсками, убѣдили президента Линкольна въ необходимости точно опредѣлить законы и обычаи войны, признаваемые обязательными во время международныхъ войнъ. Онъ былъ убѣжденъ, что, каковъ бы ни былъ исходъ начатой войны, во всякомъ случаѣ, въ интересахъ какъ сѣверныхъ, такъ и южныхъ штатовъ, ограничить ея бѣдствія и предупредить излишнее насиліе и произволъ. Линкольнъ призналъ себя нравственно - обязаннымъ напомнить своимъ воинамъ, что даже въ непріятелѣ они должны уважать человѣческую личность и достоинство.

Согласно съ этимъ убѣжденіемъ Линкольна, по порученію его, извѣстнымъ американскимъ писателемъ Либеромъ былъ составленъ проектъ устава международныхъ обычаевъ и законовъ войны. Онъ былъ вслѣдъ затѣмъ обсужденъ въ комиссіи, состоявшей изъ военныхъ лицъ, и обнародованъ въ формѣ „*Полевыхъ инструкцій для армій Соединенныхъ Штатовъ*“. Въ этомъ наказѣ, распадающемся на 157 статей, опредѣляются, между прочимъ, предѣлы и существо военной власти на непріятельской территоріи, права и обязанности войскъ въ отношеніи къ частнымъ и безоруженнымъ лицамъ, частной и государственной собственности, раненымъ и больнымъ, дезертирамъ и мародерамъ и т. п.

Такимъ образомъ, Сѣверо-Американскимъ Штатамъ, и въ частности президенту Линкольну, принадлежитъ честь почина въ точномъ опредѣленіи обычаевъ и законовъ войны. Эта первая правительственная попытка кодифицировать обычаи войны и выяснить въ единомъ сводѣ обязательныя для войскъ правила, существенно содѣйствовала гуманному образу веденія войны со стороны Сѣверныхъ Штатовъ. Но, къ сожалѣнію, несмотря на неотрицаемую практичность и цѣлесообразность принятой Линкольномъ мѣры, она до самаго послѣдняго времени не вызвала подражанія со стороны европейскихъ правительствъ. Послѣ 1863 года въ Европѣ велось нѣсколько войнъ, и постоянно возникали споры объ обязательности конкретныхъ военныхъ обычаевъ, но все-таки ничего подобнаго сѣверо-американскимъ инструкціямъ не было издано ни однимъ изъ воевавшихъ правительствъ. Только Россія, въ началѣ послѣдней войны, сдѣлала шагъ на томъ же самомъ пути.

Казалось бы, что, въ виду такого положительнаго факта, нельзя отрицать пользы даже такой односторонней кодификаціи военныхъ законовъ, все-таки доводимыхъ такимъ способомъ до свѣдѣнія войскъ. Можно считать безспорнымъ, что такія инструкціи *не вполнѣ* достигаютъ своей цѣли вслѣдствіе несходства своего содержанія у воюющихъ сторонъ; но все-таки войска будутъ имѣть нѣкоторыя понятія о своихъ правахъ и обязанностяхъ.

Другого мнѣнія придерживается вышеупомянутый прусскій военный писатель фонъ-Гартманъ. Онъ полагаетъ, что примѣръ Соединенныхъ Штатовъ неубѣдителенъ, такъ какъ тамъ велась война междоусобная, а не международная. Между тѣмъ, странно, что такой серьезный писатель не знаетъ, что междоусобная война всегда гораздо больше вызываетъ въ воюющихъ чувство ненависти и возбуждаетъ страсти, чѣмъ война между независимыми народами. Слѣдовательно, при междоусобной войнѣ гораздо труднѣе

найти въ обычаяхъ и законахъ войны надлежащія границы для произвола и насилій. Обыкновенно въ междоусобной войнѣ оказывается даже невозможнымъ примѣнять международные военные законы,—въ такой степени расходятся обѣ воюющія стороны во взглядахъ на свои взаимныя права и обязанности: чаще всего одна воюющая сторона считаетъ себя законнымъ правительствомъ, имѣющимъ несомнѣнное право разсматривать своего противника, какъ бунтовщика, подлежащаго дѣйствію уголовныхъ законовъ страны, а не международнаго права.

Равнымъ образомъ, нельзя согласиться съ мнѣніемъ прусскаго генерала, будто для войскъ Сѣверо-Американскихъ Штатовъ такая инструкція дѣйствительно была необходима или полезна на томъ основаніи, что эта республика не имѣла ни постоянной арміи, ни военныхъ традицій, ни метода войны, ни развитыхъ военныхъ наукъ. Самый злѣйшій врагъ Франціи не станетъ отрицать того, что эта страна имѣетъ издавна постоянное войско, военныя традиціи и весьма развитую литературу въ области военныхъ наукъ, а между тѣмъ во время войны 1870 г. германское военное начальство постоянно обвиняло французскую армію въ нарушеніи установившихся обычаевъ войны и даже постановленій Женевской конвенціи, охраняющей раненыхъ и больныхъ воиновъ. Такія же обвиненія противъ германскихъ войскъ высказывались со стороны „правительства національной обороны“. Между тѣмъ, кто на свѣтѣ сомнѣвается въ военной выдержкѣ и широкомъ военномъ образованіи германскихъ войскъ?

Но во время именно франко-германской войны весьма часто нарушались войсками или отдѣльными отрядами „свято-чтимыя“ правила войны не по наклонности къ варварству, но *исключительно* по незнанію этихъ правилъ. Можно считать несомнѣннымъ фактомъ, что огромное число французскихъ солдатъ, не говоря уже о дикихъ тюркосахъ, не имѣло ни-

какого понятія о постановленіяхъ Женевской конвенціи. Во время мира правительства обыкновенно посвящаютъ все свое вниманіе на организацію и приготовленіе своихъ войскъ къ бою, забывая познакомить армію съ тѣми обычаями войны, за несоблюденіе которыхъ воюющее правительство отвѣчаетъ какъ предъ судомъ своей собственной совѣсти, такъ и предъ судомъ общественнаго мнѣнія нейтральныхъ державъ.

Очевидно, что ни военныя традиціи, ни военная выправка, ни военныя науки недостаточны для охраненія доброй славы цивилизованнаго войска и для исполненія постановленій международныхъ трактатовъ или соблюденія законовъ и обычаевъ войны, въ особенности, если они не формированы ясно и опредѣленно, такъ что не оставляютъ никакого сомнѣнія въ своемъ содержаніи.

При такомъ положеніи вещей изданіе для войскъ инструкцій, подобныхъ сѣверо-американскимъ, далеко не представляется излишнею роскошью ни въ одномъ изъ современныхъ цивилизованныхъ государствъ; но было бы ошибочно думать, что онѣ совершенно достигаютъ поставленной цѣли: обезпечить со стороны *обоихъ* воюющихъ одинаковый взглядъ на обычаи и законы войны и добросовѣстное ихъ исполненіе.

Другимъ весьма знаменательнымъ шагомъ впередъ на указанномъ пути къ ограниченію бѣдствій войны представляется *Женевская конвенція* 1864 года, охраняющая раненыхъ и больныхъ воиновъ. Извѣстно, что внѣшними причинами для созванія международной конференціи въ Женевѣ, въ 1864 году, для обсужденія судьбы раненыхъ на полѣ сраженія, послужили тѣ ужасныя страданія, которымъ подвергались они, благодаря недостаточности средствъ медицинской помощи въ войскахъ, и необезпеченности положенія врачей и госпиталей во время военныхъ дѣйствій. Подписанная въ 1864 году представителями только двѣнадцати державъ, Женевская конвенція провозглашаетъ

нейтральность госпиталей какъ постоянныхъ, такъ и временныхъ, признаетъ неприкосновенность лицъ, посвятившихъ себя уходу за больными и ранеными воинами, и призываетъ всѣхъ частныхъ лицъ и обывателей страны, служащей театромъ военныхъ дѣйствій, оказывать всякую помощь раненымъ, за что они сами и ихъ жилища будутъ пользоваться неприкосновенностью со стороны непріятеля. Наконецъ, нелишне будетъ прибавить, что къ конвенціи 1864 года были составлены въ 1868 году дополнительныя статьи, имѣющія цѣлью развить постановленія конвенціи и распространить основныя ея начала также на морскую войну. Но эти дополнительныя статьи до сихъ поръ не получили силы общеобязательнаго международнаго акта.

Какъ бы мы не смотрѣли на Женевскую конвенцію, во всякомъ случаѣ слѣдующія ея заслуги остаются безспорными: во-первыхъ, „Красный Крестъ“ сдѣлался у европейскихъ народовъ символомъ христіанской любви и гуманности, подъ сѣнію котораго сотни тысячъ людей находятъ убѣжище отъ непріятельскихъ пуль и спасеніе отъ неминуемой смерти; во-вторыхъ, не менѣе безспорно, что Женевская конвенція представляется одною изъ самыхъ удачныхъ попытокъ для международнаго опредѣленія законовъ и обычаевъ войны.

Довольно любопытно, что до сихъ поръ писатели исключительно останавливались на первой заслугѣ Женевской конвенціи, совершенно забывая о второй. Между тѣмъ, уже давно вырабатывался во время войны между цивилизованными или христіанскими народами взглядъ на раненаго врага, какъ на имѣющаго право на уваженіе и состраданіе и, вмѣстѣ съ тѣмъ, на пощаду со стороны побѣдителя. Уже рыцарскій духъ Среднихъ вѣковъ усвоилъ себѣ этотъ взглядъ, установленію котораго въ значительной степени содѣйствовали церковь и тѣ изъ ея служителей, которые дѣйствительно были проникнуты великими,

вѣчно истинными идеями христіанской религіи. Начиная уже съ XVI столѣтія, вошло въ обычай заключать между воюющими государствами спеціальные договоры относительно раненыхъ воиновъ и больныхъ, благодаря которымъ цѣлыя мѣстности, извѣстныя своими цѣлебными водами, признаются неприкосновенными. Достаточно сказать, что въ теченіе времени съ 1581 по 1864 годъ заключено между европейскими державами подобнаго рода трактатовъ на благо раненыхъ не менѣе, какъ 291. Въ этихъ договорахъ Россія неоднократно является участвующею стороною.

Эти факты, конечно, должны были сами собою навести на ту мысль, что Женевская конвенція далеко не является такимъ нововведеніемъ, которое не имѣетъ никакихъ корней въ прошедшемъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, они подтверждаютъ, что эта конвенція только развиваетъ и точнѣе опредѣляетъ обычаи и законы войны, мало-по-малу, выработавшіеся въ теченіе послѣднихъ вѣковъ. Съ этой точки зрѣнія нельзя не признать Женевскую конвенцію весьма удачнымъ, по своимъ благотворнымъ результатамъ, опытомъ кодификаціи военныхъ законовъ. Ей удалось не только получить формальное признаніе со стороны почти всѣхъ цивилизованныхъ государствъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, обезпечить за собою серьезное значеніе и обязательную силу во время военныхъ дѣйствій.

Правда, опытъ новѣйшихъ войнъ доказалъ, что Женевская конвенція требуетъ немедленнаго пересмотра и существенныхъ улучшеній какъ въ редакціи, такъ и въ содержаніи своихъ постановленій, но никто не въ состояніи отрицать огромной практической ея пользы. Во всякомъ случаѣ, она останется памятникомъ побѣды права надъ произволомъ, человѣколюбія надъ варварствомъ, здраваго смысла и разума надъ животными дикими инстинктами. Наконецъ, даже злѣйшій врагъ Женевской конвенціи не въ состояніи будетъ доказать фактами, что, благодаря провозглашеннымъ ею принципамъ, война лиши-

лась своего „величія“ и военныя дѣйствія—необходимой энергіи. Развѣ „Красный Крестъ“, охраняющій во время самой ожесточенной борьбы госпитали, наполненные ранеными и больными, отъ непріятельскихъ пуль, не лучшее доказательство господства идеи надъ грубою силою? Развѣ тотъ же „Красный Крестъ“, останавливающій руку, поднятую для нанесенія послѣдняго удара павшему врагу, не есть торжество права надъ насиліемъ и чувства любви надъ дикою страстью и ненавистью? Развѣ, однимъ словомъ, вся Женевская конвенція не служитъ самымъ убѣдительнымъ доказательствомъ тому, что „реализмъ войны“, во многихъ отношеніяхъ, совмѣстимъ съ „идеализмомъ международнаго права“? Вотъ въ чемъ заключается важная заслуга этого международнаго акта и несомнѣнное его значеніе въ исторіи права и культуры.

Послѣ заключенія Женевской конвенціи 1864 г. починъ во всѣхъ попыткахъ, направленныхъ къ ограниченію бѣдствій войны, исходитъ, преимущественно, отъ Россіи: Россія созвала въ 1868 г. въ С.-Петербургѣ военную международную конференцію для запрещенія употреблять разрывныя пули и въ 1874 г. Брюссельскую конференцію для опредѣленія обычаевъ и законовъ войны вообще.

Дѣйствуя на поприщѣ кодификаціи международныхъ законовъ, наше отечество не всегда достигало поставленной себѣ окончательной цѣли: политическій антагонизмъ и непонятная подозрительность европейскихъ державъ воздвигали всевозможныя затрудненія. Но исторія попытокъ, совершенныхъ Россіею на благо всѣхъ народовъ, убѣждаетъ насъ въ томъ, что, съ одной стороны, выясненіе началъ международнаго права входитъ въ задачи русской національной политики и что, съ другой стороны, въ концѣ концовъ, провозглашенныя Россіею идеи завоевываютъ себѣ общее признаніе даже со стороны тѣхъ державъ, которыя первоначально выступали непримиримыми ихъ врагами.

Укажемъ на самый разительный примѣръ.

Подобно тому какъ до настоящаго времени права и обязанности воюющихъ государствъ составляютъ предметъ постоянныхъ споровъ и взаимныхъ обвиненій, точно также права нейтральныхъ народовъ подвергались въ прошломъ столѣтіи самымъ разнообразнымъ толкованіямъ и постояннымъ нарушеніямъ *).

Въ то время какъ нейтральныя государства настаивали на признаніи за ними неотъемлемаго права продолжать торговлю съ воюющими государствами, нѣкоторые изъ самихъ воюющихъ считали себя въ правѣ воспретить нейтральнымъ державамъ какія бы то ни было торговыя сношенія съ ихъ непріятелемъ. Особенно произвольными дѣйствіями въ отношеніи нейтральной торговли постоянно отличалась Англія, опирающаяся на свое могущество на морѣ. Англійскіе каперы не переставали захватывать нейтральныя суда, и найденная на нихъ собственность, принадлежащая подданнымъ непріятельскаго государства, всегда признавалась англійскими же судьями законнымъ призомъ, въ то время, когда почти всѣ остальныя государства провозглашали тотъ несомнѣнный международный законъ, что нейтральный флагъ покрываетъ непріятельскій грузъ. Кромѣ того, блокаду нейтральныя державы признавали обязательною въ томъ случаѣ, если ею дѣйствительно преграждался доступъ въ блокируемое мѣсто. Великобританія же, напротивъ, просто объявляла нейтральнымъ правительствамъ, что берега или гавани противника ея блокированы, не думая выставлять никакихъ военныхъ силъ для прегражденія къ нимъ доступа и преслѣдуя всякое нейтральное судно, нарушающее такую фиктивную, или, какъ ее называютъ, бумажную блокаду. На всѣ про-

*) Подъ нейтралитетомъ слѣдуетъ понимать такое состояніе, при которомъ государства, не принимая участія въ войнѣ, продолжаютъ поддерживать съ каждымъ изъ воюющихъ мирныя отношенія. Вытекающія отсюда права и обязанности составляютъ содержаніе права нейтралитета. *Ред.*

тесты нейтральныхъ державъ Англія постоянно возражала, что не знаетъ защищаемыхъ ими общепризнанныхъ началъ международнаго права, но что ея взглядъ на морскую войну и обязанности нейтральныхъ народовъ во время войны основывается на разумѣ и вѣчныхъ началахъ правды и справедливости.

Чтобы положить конецъ всякимъ сомнѣніямъ относительно правъ нейтральныхъ народовъ и предѣлъ насиліямъ со стороны могущественной Англіи, императрица Екатерина II обнародовала знаменитую декларацію отъ 28 февраля 1780 г., въ которой приглашала европейскія державы къ поддержанію слѣдующихъ началъ:

1) нейтральные корабли свободно могутъ продолжать торговлю съ воюющими державами;

2) непріятельская собственность подъ нейтральнымъ флагомъ пропускается неприкосновенно;

3) предметами военной контрабанды *) признаются только исчисленные въ статьяхъ 10 и 11 трактата 1766 г. Россіи съ Англіею и

4) для дѣйствительности блокады требуется явная опасность нарушить ее.

Провозгласивъ эти „вѣчныя и наиболѣе справедливыя“ начала, императрица Екатерина II заключила вслѣдъ за тѣмъ съ отдѣльными европейскими державами конвенціи, на основаніи которыхъ договаривающіяся стороны признаютъ обязательную силу вышеприведенныхъ принциповъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, обязываются защищать ихъ всѣми силами отъ всякаго нарушенія. На основаніи этихъ конвенцій былъ заключенъ знаменитый *„союзъ вооруженнаго нейтралитета“*.

Но на этомъ императрица Екатерина II не желала остановиться. На основаніи документовъ, хранящихся

---

*) Военной контрабандою называются предметы, могущіе служить цѣлямъ войны. Подвозъ этихъ предметовъ одному изъ воюющихъ даетъ другому воюющему право ихъ конфисковать.

Ред.

въ нашихъ архивахъ, можно безошибочно утверждать, что императрицу сильно занимала мысль о составленіи *общенароднаго кодекса*, въ которомъ были бы опредѣлены правила, обязательныя для всѣхъ народовъ во время морской войны. Только неблагопріятныя политическія обстоятельства помѣшали исполненію этого грандіознаго плана.

Само собою разумѣется, что Англія не могла не возставать всѣми своими силами противъ провозглашенныхъ Россіею началъ. Не только въ 1780 году англійское правительство, когда ему торжественно была сообщена февральская декларація, отказалось признать выставленныя въ ней начала справедливыми, но до послѣдняго времени оно придерживалось того же взгляда. Англійскіе писатели и государственные дѣятели не упускали случая, чтобы уронить несомнѣнное значеніе предпринятаго Екатериною II дѣла и доказать, что сама императрица не понимала важности провозглашенныхъ ею принциповъ *).

Между тѣмъ, начатое Россіею дѣло не только не пропало безслѣдно, но все болѣе и болѣе крѣпло. Начала Екатерининской декларації до такой степени были согласны съ правосознаніемъ цивилизованныхъ народовъ, что на Парижскомъ мирномъ конгрессѣ 1856 года они были торжественнѣйшимъ образомъ провозглашены обязательными международными законами. Подъ Парижскою декларацією 1856 года, повторявшею начала Екатерининской декларації, находятся также подписи уполномоченныхъ Англіи. Такимъ образомъ,

---

*) Въ англійской литературѣ особенно часто приводится пресловутой разговоръ 18 дек. 1780 г. императрицы Екатерины съ англійскимъ посломъ Гаррисомъ, въ которомъ она ужасно обрадовала своего собесѣдника словами, что „Neutralité armée“ есть „Nullité armée“. Англичанинъ въ своемъ восторгѣ не замѣтилъ, какъ искусно его морочила императрица [Исторія союза „вооруженнаго нейтралитета“ окончательно выяснена на основаніи неизданныхъ архивныхъ данныхъ проф. Мартенсомъ въ IX (X) томѣ, его извѣстнаго Собранія трактатовъ и конвенціи, заключенныхъ Россіею съ иностранными державами. *Ред.*].

„новый русскій международный кодексъ“ — какъ Филлиморъ теперь еще называетъ, не безъ злости, Екатерининскую декларацію—былъ, въ концѣ концовъ, признанъ лучшимъ выраженіемъ основныхъ началъ морского международнаго права. Этотъ любопытный историческій примѣръ не можетъ не навести на многія соображенія въ виду новѣйшихъ попытокъ, дѣлаемыхъ Россіею, къ выясненію спорныхъ законовъ международнаго права во время войны. Англія и здѣсь явилась самымъ рѣшительнымъ противникомъ, объявляя эти попытки такими же „нововведеніями“ и измышленіями русской дипломатіи, каковыми были, по ея мнѣнію, принципы деклараціи 1780 года. Въ отношеніи этой деклараціи, какъ мы видѣли, Англія уже принесла повинную, признавъ декларацію Парижскаго конгресса 1856 г. Можетъ быть, не далеко и то время, когда измѣнится взглядъ англійскаго правительства на цѣль Брюссельской конференціи.

Предшественницею Брюссельской конференціи является военная конференція, созванная, по почину русскаго правительства, въ С.-Петербургѣ въ концѣ 1868 года. Между обоими этими международными собраніями находится органическая, неразрывная связь: оба они имѣли цѣлью смягчить бѣдствія войны и тѣмъ осуществить положительныя желанія цивилизованныхъ народовъ, но, между тѣмъ какъ Петербургская конференція привела къ заключенію формальнаго международнаго акта и достигла поставленной цѣли, труды Брюссельской конференціи не удостоились до сихъ поръ формальной санкціи со стороны европейскихъ державъ. Извѣстно, что Петербургская конференція 1868 года была созвана съ цѣлію запретить утотребленіе въ европейскихъ арміяхъ разрывныхъ пуль. Честь почина этого дѣла принадлежала военному министру генералъ-адьютанту графу Д. А. Милютину.

Въ отношеніи военнаго министра къ государственному канцлеру, отъ 4 мая 1868 г., указывается на опыты, произведенные въ русской и иностранныхъ

арміяхъ надъ разрывными пулями безъ капсюля, воспламененіе и разрывъ которыхъ происходятъ послѣ удара въ предметъ, имѣющій незначительную плотность (напримѣръ, хлѣбъ, тѣло животныхъ и т. п.). Въ случаѣ разрыва такой пули внутри человѣка, рана будетъ смертельная и очень мучительная, такъ какъ эти пули разлетаются на десять и болѣе осколковъ. Сверхъ того, составныя части ударнаго пороха, весьма вредно дѣйствуя на человѣческій организмъ, совершенно безполезно увеличиваютъ страданія.

„Но по достиженію этихъ результатовъ“, продолжаетъ генералъ-адъютантъ графъ Милютинъ, „военное министерство остановилось на обсужденіи вопроса о томъ, можетъ ли быть оправдано всеобщее введеніе разрывныхъ пуль какими-нибудь боевыми требованіями“.

Военный министръ отвѣтилъ отрицательно на этотъ вопросъ. Разрывныя пули, причиняющія людямъ и лошадямъ совершенно излишнія страданія, онъ объявилъ „чисто-варварскимъ средствомъ, не оправдываемымъ никакими боевыми требованіями“.

„Война есть неизбѣжное зло“, заключаетъ военный министръ, „которое желательно сдѣлать, сколько возможно, менѣе жестокимъ для человѣчества, и потому нѣтъ причины вводить такія смертоносныя средства, которыя только увеличиваютъ бѣдствія и страданія людей безъ всякой пользы для прямой цѣли войны. Оружіе должно быть употребляемо для того, чтобы ослабить непріятельскую армію. Вполнѣ достаточно, если большое число людей у непріятеля выйдетъ изъ строя; но было бы варварствомъ усиливать страданія раненыхъ, выбывающихъ изъ строя“. „Воюющія стороны ни въ какомъ случаѣ не должны допускать болѣе зла, чѣмъ сколько нужно для достиженія цѣли. Всѣ страданія и всякій нанесенный ущербъ, которые не ослабляютъ противника, безполезны и не должны быть допускаемы“.

На основаніи этихъ соображеній, генералъ-адъю-

тантъ графъ Милютинъ призналъ необходимымъ посредствомъ международнаго соглашенія изгнать разрывныя пули изъ употребленія во всѣхъ случаяхъ, за исключеніемъ стрѣльбы изъ ружей и скорострѣльныхъ пушекъ, для дѣйствія противъ зарядныхъ и патронныхъ ящиковъ.

Предложеніе русскаго правительства вступить въ соглашеніе по этому предмету и назначить своихъ представителей на военную международную конференцію въ С.-Петербургѣ было принято всѣми европейскими державами. Въ послѣднихъ числахъ октября 1868 года открылись засѣданія международной конференціи, подъ предсѣдательствомъ военнаго министра. Въ третьемъ же засѣданіи конференціи была подписана декларація, на основаніи которой „договаривающіяся стороны обязуются, въ случаѣ войны между собою, отказаться взаимно отъ употребленія какъ сухопутными, такъ и морскими войсками снарядовъ, которые, при вѣсѣ менѣе 400 граммовъ, имѣютъ свойство взрывчатости или снаряжены ударнымъ или горючимъ составомъ".

Таковъ результатъ военной международной конференціи 1868 года. Нельзя не замѣтить, что, несмотря на то, что этотъ торжественный актъ былъ подписанъ представителями всѣхъ главнѣйшихъ европейскихъ державъ и Персіи,—далеко не всѣ одинаковымъ образомъ понимали цѣль и задачи конференціи. Во введеніи декларації 1868 года уполномоченные объявляютъ, что „успѣхи цивилизаціи должны имѣть послѣдствіемъ уменьшеніе, по возможности, бѣдствій войны; что единственная законная цѣль, которую должны имѣть въ виду государства во время войны, состоитъ въ ослабленіи военныхъ силъ непріятеля".

Эти мотивы декларації совершенно различно понимались членами конференціи.

Одни изъ нихъ, будучи проникнуты сознаніемъ великодушной мысли, высказанной русскимъ правительствомъ, желали дать ей наибольшее развитіе и вос-

пользоваться случаемъ для изгнанія изъ военной практики всѣхъ вообще средствъ борьбы, которыхъ нельзя не признать варварскими; другіе, напротивъ, желали предоставить воюющимъ державамъ неограниченную свободу въ выборѣ средствъ борьбы. Первое мнѣніе энергически поддерживалъ военный представитель прусскаго правительства, второе англійскій уполномоченный.

„Намъ кажется прежде всего“, писало прусское правительство въ нотѣ 29-го іюня (10-го іюня) 1868 года въ С.-Петербургъ, въ отвѣтъ на русское приглашеніе на конференцію, „что правительства должны будутъ дѣйствовать въ направленіи, данномъ декларацією Парижскаго конгресса отъ 16-го апрѣля 1856 года опредѣленію международныхъ отношеній, если они воспользуются настоящимъ случаемъ для того, чтобы придать торжественное и всеобщее утвержденіе нѣкоторымъ аналогичнымъ началамъ, уже давно провозглашеннымъ международнымъ правомъ, иногда признаваемымъ и въ трактатахъ, заключенныхъ между тою или другою державою и приведеннымъ, болѣе или менѣе, въ исполненіе“.

Согласно съ этими соображеніями Пруссія предложила значительно расширить рамки Петербургской конференціи, полагая, что тогда еще лучше будетъ достигнута цѣль предпринятаго Россіею дѣла.

Совершенно иначе смотрѣла на это дѣло Англія. Она, не обинуясь, объявила, что не можетъ допустить такого расширенія первоначальной программы конференціи, находя его „несогласнымъ съ англійскими интересами“. Англія должна разсчитывать на научныя средства и техническія открытія для восполненія своихъ боевыхъ силъ. Стало быть, открытіе лорда Дондональда, состоящее въ поголовномъ умерщвленіи обывателей цѣлой непріятельской области посредствомъ распространенія смертоноснаго газа, дѣлаетъ честь духу изобрѣтательности и патріотизма англійскаго народа.

Прусское правительство, не нашедшее надлежащей и всеобщей поддержки со стороны другихъ державъ, взяло назадъ свое гуманное предложеніе, а международная конференція рѣшила только одинъ вопросъ, возбужденный Россіею насчетъ однѣхъ разрывныхъ пуль.

Однако не безполезно замѣтить, что прусское предложеніе встрѣтило полнѣйшее сочувствіе не только со стороны Россіи, но также Италіи, Швейцаріи, Бельгіи, Голландіи, Даніи, Португаліи, Баваріи, Вюртемберга и даже Турціи. Слѣдовательно, всѣ эти европейскія державы дѣйствительно признали необходимымъ подвергнуть обсужденію отношенія между воюющими государствами, насколько эти отношенія касаются средствъ войны. Всѣ эти державы были согласны въ томъ, что существующая неопредѣленность не соотвѣтствуетъ цѣли войны въ томъ видѣ, какъ она сознается совѣстью цивилизованныхъ народовъ. Всѣ эти правительства изъявили свою готовность лучше опредѣлить взаимныя права и обязанности воюющихъ, съ цѣлью поставить право войны въ согласіе съ правосознаніемъ народовъ и поднять его на высоту современной цивилизаціи и культуры.

Только Англія осталась вѣрна девизу своей національной политики: „Pereat mundus, fiat—causa Britannorum!“

Подписанная въ 1868 году Петербургская декларація относительно разрывныхъ пуль весьма скоро получила примѣненіе къ дѣлу. Меньше чѣмъ черезъ два года послѣ подписанія декларації возникла война между Франціею и Германіею, въ продолженіе которой разрывныя пули дѣйствительно не было употребляемы воюющими державами. Правда, слышались обвиненія въ нарушеніи этого международнаго акта, но они остались недоказанными. Ни одинъ изъ воюющихъ не отрицалъ обязательности декларації и не рѣшался употреблять разрывныя пули вѣсомъ меньше опредѣленнаго размѣра. Воюющія стороны были согласны

между собою относительно *принципа*, недопускающаго употребленія разрывныхъ пуль. Оставалось только доказать факты дѣйствительнаго нарушенія принятого закона. Приведенные же факты не были настолько неоспоримы, чтобы съ перваго же взгляда утвердить убѣжденіе въ справедливости взаимныхъ обвиненій. Вотъ почему эти обвиненія въ нарушеніи Петербургской декларації постепенно были оставлены самими воюющими сторонами.

Совершенно въ иномъ видѣ представлялись обвиненія въ нарушеніи законовъ и обычаевъ войны, относительно точнаго смысла которыхъ существуютъ самыя противоположныя мнѣнія. Въ циркулярной нотѣ отъ 9-го января 1871 года, въ отвѣтъ на такую же ноту графа Шодорди, графъ Бисмаркъ категорически обвиняетъ французское правительство въ томъ, что оно даетъ своимъ войскамъ предписанія, „противныя какъ всѣмъ обычаямъ войны, принятымъ христіанскими народами, такъ и всякому чувству военной чести“. Графъ заявляетъ, что „правительство національной обороны“ вызвало въ жизнь силы, которыя оно не въ состояніи сдержать и „сохранить въ предѣлахъ международнаго права и традиціонныхъ военныхъ обычаевъ Европы“.

Еще въ болѣе энергическихъ словахъ были заявлены, со стороны французскаго правительства, обвиненія противъ германскихъ войскъ. „Пруссія“, пишетъ въ циркулярной нотѣ отъ 29-го ноября 1870 года графъ Шодорди къ представителямъ Франціи при нейтральныхъ дворахъ, „не только нарушила законы, наиболѣе чтимые человѣчествомъ, она не исполнила самыхъ торжественныхъ своихъ обязательствъ. Она ведетъ въ настоящее время свои войска, преобразованныя въ полчища разбойниковъ, къ войнѣ истребленія“. Пруссаки не только обвинялись въ самыхъ возмутительныхъ нарушеніяхъ Женевской конвенціи, но и въ несоблюденіи установленныхъ между цивилизованными государствами обычаевъ войны, какъ-

то: въ систематическомъ грабежѣ, въ поджогѣ жилищъ мирныхъ обывателей, въ казни защитниковъ отечества и т. п.

Неминуемымъ же послѣдствіемъ этихъ „нарушеній“ были: со стороны германскаго военнаго начальства — „примѣненіе съ крайнею суровостью права войны“, со стороны же французскаго — употребленіе репрессалій.

Вотъ чѣмъ объясняется то, что война франко-германская отличалась такими жестокостями и репрессаліями, которыя во всякомъ случаѣ не служатъ къ чести XIX вѣка.

Между тѣмъ обѣ воюющія стороны рѣшительно не могли согласиться насчетъ тѣхъ обычаевъ войны, на обязательную силу которыхъ онѣ ссылались. Постановленія Женевской конвенціи также подвергались серьезнымъ нарушеніямъ, главнымъ образомъ по той причинѣ, что лица, долженствовавшія ихъ примѣнять, имѣли о нихъ или крайне шаткія понятія, или не имѣли никакихъ. Если же войска не знаютъ постановленій трактата, получившаго силу положительнаго закона, то какимъ образомъ можно требовать отъ нихъ знанія никѣмъ неопредѣленныхъ обычаевъ или права войны?

Вотъ почему, во время франко-германской войны и по окончаніи ея, въ западно-европейской литературѣ стало появляться нѣсколько весьма краснорѣчивыхъ воззваній къ правительствамъ, приглашавшихъ положить конецъ существующему въ этомъ вопросѣ мраку ранѣе, чѣмъ возникнетъ новая война. Кромѣ того, учреждаются въ Западной Европѣ частныя общества (напримѣръ, парижское общество для улучшенія быта военноплѣнныхъ), которыя вырабатываютъ цѣлые уставы относительно правилъ войны и повергаютъ ихъ на благосклонное разсмотрѣніе правительствъ.

Справедливость требуетъ сказать, что нигдѣ періодическая печать не настаивала съ такою энергіею на

необходимости сдѣлать то, что сдѣлала Брюссельская конференція въ 1874 году, какъ... въ *Англіи*. Въ продолженіе войны 1870 — 1871 г. въ главнѣйшихъ англійскихъ періодическихъ изданіяхъ постоянно появлялись статьи, въ которыхъ обвинялась Германія не только въ самыхъ ужасныхъ жестокостяхъ, но, въ то же время, указывались и средства предупредить ихъ на будущее время. Въ этомъ отношеніи заслуживаютъ вниманія статьи извѣстнаго англійскаго военнаго писателя Гамлея, появившіяся въ „Times“ за 1870 годъ.

Прежде чѣмъ указать на другія заявленія англійской печати, мы обязаны заплатить долгъ уваженія извѣстному англійскому юристу Моунтэгью-Бернаръ, который еще въ 1856 году указалъ на неотложную необходимость положить конецъ господствующей анархіи въ правѣ войны. Почтенный англійскій ученый, вмѣстѣ съ тѣмъ, обращается къ родинѣ съ воззваніемъ взять на себя починъ въ этомъ важномъ дѣлѣ и оказать услугу человѣчеству, потому что Англія меньше всѣхъ другихъ европейскихъ государствъ пострадала отъ бѣдствій войны, но всегда гордилась своимъ великодушіемъ и благородствомъ.

Если въ 1874 году, *послѣ* Брюссельской конференціи, Моунтэгью-Бернаръ отчасти отрекся отъ своего прежняго убѣжденія, полагая, что всѣ обычаи войны „отлично знакомы“ европейскимъ арміямъ и полной кодификаціи ихъ нежелательно, то мы позволяемъ себѣ, въ случаѣ выбора между воззрѣніемъ 1856 года и 1874 года, выразить полное наше сочувствіе только первому, болѣе старому и, по всей вѣроятности, свободному отъ всякаго посторонняго вліянія. Этого мало. Мы даже охотно признали бы этого англійскаго ученаго „духовнымъ отцомъ“ Брюссельской конференціи, если бы онъ самъ не открещивался отъ этой чести.

Послѣ вышеупомянутыхъ статей Гамлея заслуживаютъ особеннаго вниманія статьи одного англійска-

го публициста, напечатанныя въ январской и апрѣльской книжкахъ журнала: „*Quarterly Review*“ за 1871 годъ. Въ статьяхъ: „*О нашествіи на Францію*“ и „*Политическіе уроки войны*“ авторъ жестоко осуждаетъ поведеніе германскихъ войскъ на французской территоріи. Но въ статьѣ: „*О военныхъ обычаяхъ*“ тотъ же писатель вновь изучаетъ мѣры, принимавшіяся германскимъ военнымъ начальствомъ въ отношеніи французовъ, съ цѣлью указать на средства къ устраненію тѣхъ страшныхъ бѣдствій, которыми была такъ богата война 1870 года. Онъ весьма краснорѣчиво доказываетъ, что, такъ какъ новыя войны въ Европѣ неизбѣжны, то нравственный долгъ правительствъ состоитъ въ томъ, чтобы ограничить, насколько возможно, страданія и насилія, связанныя съ войною. Единственнымъ цѣлесообразнымъ средствомъ представляется, по его мнѣнію, немедленное разрѣшеніе вопроса: какіе обычаи войны имѣютъ дѣйствительно обязательную силу?

„Чѣмъ болѣе вѣроятно“, говоритъ авторъ, „что войны, отъ времени до времени, будутъ вновь возникать, тѣмъ болѣе необходимо попытаться достигнуть какого бы то ни было *соглашенія* относительно точнаго разрѣшенія вопроса: „какіе военные обычаи должны быть признаны обязательными?“

На основаніи сказаннаго англійскій публицистъ предлагаетъ заключить между европейскими державами конвенцію, точно опредѣляющую законы и обычаи войны. Онъ полагаетъ, подобно Бернару, что въ особенности въ интересахъ Англіи содѣйствовать разрѣшенію этого вопроса. Мало того, онъ даже исчисляетъ тѣ вопросы, которые непремѣнно должны быть опредѣлены предлагаемою имъ конвенціею. Замѣчательно, что Брюссельская декларація 1874 года удовлетворяетъ, не только по формѣ, но и по существу, требованіямъ, высказаннымъ въ 1871 г. этимъ англійскимъ писателемъ.

Не менѣе категорически высказался въ пользу не-

обходимости заключенія международной конвенціи относительно обычаевъ и законовъ войны другой англійскій писатель—Друпъ. Этотъ авторъ подробно разсматриваетъ крайне спорный вопросъ о вольныхъ стрѣлкахъ или волонтерахъ и, въ концѣ концовъ, тоже приходитъ къ убѣжденію, что необходимо скорѣе рѣшить вопросы относительно законовъ войны.

„Война", говоритъ Друпъ, „все-таки, по необходимости, является ужаснымъ бѣдствіемъ, даже если она ведется съ соблюденіемъ всѣхъ условій, охраняющихъ неприкосновенность несражающихся, военноплѣнныхъ и раненыхъ, и принятыхъ нашимъ гуманнымъ вѣкомъ. Но ужасы войны значительно увеличиваются, если къ первоначальной распрѣ, разрѣшаемой воюющими законною борьбою, присоединяется еще новый споръ относительно *порядка* веденія войны". Неизбѣжныя репрессаліи, къ которымъ прибѣгаютъ въ подобныхъ случаяхъ воюющія стороны, „болѣе увеличиваютъ взаимную ненависть, нежели первоначальная причина возникновенія войны".

Вотъ почему Друпъ, еще въ 1870 году, обратилъ вниманіе Лондонскаго юридическаго общества на спорные вопросы права войны и доказывалъ необходимость заключенія международной конвенціи, „подобной Парижской и Женевской конвенціямъ". „Только подобное международное соглашеніе„, заключаетъ свой интересный этюдъ англійскій юристъ, „представляется единственнымъ средствомъ для установленія болѣе гуманныхъ правилъ войны".

Но этими современными англійскими писателями не прекращается рядъ англійскихъ защитниковъ кодификаціи военныхъ законовъ и обычаевъ. Необходимо еще указать на одного англійскаго публициста Сотерландъ *Эдвардсъ*, который на мѣстѣ изучилъ событія франко-германской войны, и на основаніи своего личнаго опыта приходитъ совершенно къ такому же заключенію, какъ Друпъ и другіе англійскіе писатели. Сотерландъ Эдвардсъ пришелъ къ тому убѣжденію,

что соглашеніе между „великими военными державами“ относительно обычаевъ войны значительно ограничило бы ея бѣдствія. На возраженіе противъ заключенія военной международной конвенціи, состоящее въ томъ, что нѣтъ гарантіи въ дѣйствительномъ исполненіи ея предписаній, Эдвардсъ совершенно справедливо отвѣчаетъ, что правила относительно парламентерскаго флага, врачебнаго персонала, разрывныхъ пуль и т. п. также не имѣютъ никакой особенной гарантіи. Но, утверждаетъ онъ, несмотря на это, эти постановленія рѣдко нарушались. „Провозглашеніе началъ“, заключаетъ Эдвардсъ, „согласныхъ съ духомъ времени, уже обезпечиваетъ въ извѣстной степени ихъ исполненіе“.

Относительно обычаевъ и законовъ войны существуетъ полная неопредѣленность между воюющими государствами, и Сотерландъ Эдвардсъ указываетъ на множество фактовъ изъ франко-германской войны въ подтвержденіе того, что подобное положеніе вещей приводитъ къ самымъ вопіющимъ злоупотребленіямъ силы и недостойно цивилизованныхъ народовъ.

Наконецъ, справедливость требуетъ сказать, что Сотерландъ Эдвардсъ горячо защищалъ свое мнѣніе и дѣло Брюссельской конференціи, несмотря на враждебное положеніе, которое было принято Англіею по отношенію къ почину Россіи въ этомъ вопросѣ.

Читатель согласится съ нами, что едва ли можно убѣдительнѣе приведенныхъ англійскихъ публицистовъ доказать гуманность иниціативы Россіи въ попыткѣ кодифицировать обычаи войны. Мы останавливались, главнымъ образомъ, на англійской литературѣ потому, что она наиболѣе обогатилась, вслѣдъ за франко-германскою войною, заявленіями о необходимости скорѣйшаго уничтоженія господствующей неопредѣленности и безначалія. Съ другой стороны, голосъ англійскихъ писателей еще потому заслуживаетъ особеннаго вниманія, что это голосъ людей, изучившихъ отчасти на мѣстѣ военныя событія и пра-

вительство которыхъ оставалось нейтральнымъ во время этой войны. Наконецъ — at last but not at least—вѣдь Англія все-таки страна, въ которой интересы права и цивилизаціи, казалось бы, всегда должны были находить себѣ поддержку, а не противодѣйствіе.

Впрочемъ, подобные отзывы появлялись отъ времени до времени, не только въ англійской печати, но и въ итальянской и въ германской литературѣ. Такъ, мы указали выше на рѣчь знаменитаго итальянскаго государственнаго дѣятеля Манчини, въ которой онъ признаетъ за нашимъ временемъ особенное „призваніе“ на поприщѣ кодификаціи международнаго права вообще и права войны въ особенности.

Въ самомъ разгарѣ франко-германской войны извѣстный германскій философъ Тренделенбургъ указалъ на высокую цѣль стремленій современныхъ европейскихъ государствъ — заключеніе международнаго соглашенія относительно обычаевъ войны.

Всѣ эти заявленія приводятъ насъ къ тому заключенію, что мысль, вызвавшая созваніе Брюссельской конференціи, до такой степени гуманна и послѣдовательно вытекаетъ изъ опыта новѣйшихъ войнъ, что она, рано или поздно, должна была бы возникнуть, если бы даже русское правительство и не приняло на себя почетнаго почина въ этомъ дѣлѣ. Потребность въ точномъ опредѣленіи законовъ или обычаевъ войны настолько же была настоятельна, насколько и согласна съ воззрѣніями вполнѣ компетентныхъ лицъ, изучавшихъ факты послѣднихъ войнъ не только съ точки зрѣнія военнаго дѣла. Мы можемъ даже сказать, что эта мысль сознавалась общественнымъ мнѣніемъ Европы, насколько оно обнаруживалось въ печати до созванія Россіею международной конференціи въ Брюсселѣ. Не безъ основанія можно думать, что если бы не Россія, то навѣрно какая-нибудь другая европейская держава взяла бы на себя, въ ближайшемъ будущемъ, иниціативу въ этомъ вопросѣ.

Такимъ образомъ, Россіи принадлежитъ честь возбужденія и направленія дѣла, въ правильномъ разрѣшеніи котораго должно видѣть залогъ предупрежденія излишнихъ насилій и произвола въ международныхъ войнахъ.

Извѣстный французскій писатель заявилъ, что сѣверо-американскія инструкціи даютъ Линкольну право на вѣчную славу. Мы позволяемъ себѣ думать, что Брюссельская конференція займетъ не послѣднее мѣсто въ исторіи Россіи.

IV.

Недовѣріе къ дѣйствительной цѣли Брюссельской конференціи.— Три способа осуществленія кодификаціи законовъ и обычаевъ войны. — Происхожденіе, личный составъ, труды и результаты Брюссельской конференціи.—Причины неокончанія дѣла Брюссельской конференціи.

Относительно исторіи происхожденія Брюссельской конференціи 1874 года и мотивовъ, вызвавшихъ ее въ жизнь, сложилась въ Западной Европѣ цѣлая легенда. Если одни, понимавшіе великодушныя намѣренія Государя Императора, видѣли въ созваніи этой конференціи только желаніе принести существенную пользу дѣлу человѣчности во время войны, то другіе, напротивъ, не упускали случая отъискать какія-нибудь затаенныя причины и заднія мысли въ великодушной иниціативѣ Россіи. Между прочимъ, съ замѣчательною ловкостью былъ пущенъ во французской и англійской періодической печати слухъ, что князь Бисмаркъ придумалъ эту конференцію съ цѣлью обезпечить за собою законное право распоряжаться во Франціи въ случаѣ новой войны. Русскій проектъ открыто объявлялся „code d'invasion“, который былъ предварительно составленъ въ Берлинѣ и который прусское правительство не находило, будто бы, возможнымъ и приличнымъ само предложить на разсмотрѣніе европейскихъ державъ. По истинѣ у страха глаза велики! Францу-

замъ казалось, что послѣ войны 1870 года имъ повсюду были разставлены искусною рукою „желѣзнаго князя“ сѣти и ловушки. Они до такой степени были объяты страхомъ предъ Пруссіею, что имъ и въ голову не приходило сравнить постановленія русскаго проекта объ обычаяхъ и законахъ войны съ поведеніемъ германскаго военнаго начальства на французской территоріи. Изъ такого сравненія они непремѣнно увидѣли бы, насколько статьи русскаго проекта, въ случаѣ новой войны съ Франціею, могутъ, при добросовѣстномъ ихъ исполненіи, ограничить произволъ сильнѣйшаго и значительно охранить интересы мирнаго населенія завоеванной территоріи. Французскимъ публицистамъ, чуявшимъ всюду прусскія „интриги“, не пришла мысль даже подумать о томъ, что, напримѣръ, русскій проектъ, при опредѣленіи правъ вольныхъ стрѣлковъ, скорѣе принялъ взглядъ французскаго правительства, нежели германскаго военнаго начальства.

Придти къ такого рода заключеніямъ значило, съ одной стороны, отречься отъ своихъ предразсудковъ и предвзятыхъ идей, съ другой—изучить представленный на усмотрѣніе европейскихъ правительствъ и обнародованный русскій проектъ, долженствовавшій лечь въ основаніе трудовъ созванной международной конференціи; но отреченіе отъ предразсудковъ требовало сознательнаго отношенія къ самому себѣ и къ реальнымъ фактамъ—чего не было у этихъ алармистовъ. Еще меньше было у нихъ желанія добросовѣстно изучить проектъ изъ 71 статьи.

Успѣхъ, выпавшій на долю этихъ сочинителей легендъ, былъ въ высшей степени блестящъ. Не только во Франціи, но даже въ Бельгіи, Голландіи и, въ особенности, въ Англіи стали распространяться всевозможные нелѣпые слухи насчетъ *дѣйствительной* цѣли предложенной международной конференціи, такъ что общественное мнѣніе Европы искусственнымъ образомъ было настроено скорѣе противъ, нежели за предпри-

нятое Россіей дѣло. Вотъ почему стоило только какому-нибудь государственному дѣятелю выказать недовѣріе къ Брюссельской конференціи, чтобъ прослыть за великаго гусударственнаго мужа и безстрашнаго спасителя отечества.

Рѣшившись принять на себя инициативу въ вопросѣ о кодификаціи обычаевъ и законовъ войны, Россія могла выбрать для достиженія поставленной цѣли три различныхъ пути, изъ которыхъ каждый имѣетъ свои хорошія стороны.

Во-первыхъ, наше правительство могло бы ограничиться обнародованіемъ наказа о военныхъ законахъ и обычаяхъ, обязательнаго для русскихъ войскъ во время войны съ тѣми государствами, которыя впередъ объявятъ о своемъ согласіи предписать своимъ войскамъ тѣ же правила въ отношеніи русскихъ армій и подданныхъ. Въ такомъ случаѣ иностранныя державы, желающія обезпечить за своими подданными, въ войнѣ съ Россіею, права и преимущества, провозглашенныя нашимъ правительствомъ, были бы вынуждены присоединиться къ сдѣланной имъ декларації. Но такія инструкціи, не находящіяся въ согласіи съ инструкціями противной воюющей стороны, неудобны. Если же во время войны между данными государствами состоится соглашеніе относительно обычаевъ войны, то оно, по всей вѣроятности, будетъ облечено въ форму международнаго акта. Если же въ мирное время такого согласія не установилось, то трудно себѣ представить, чтобы обмѣнъ мыслей насчетъ наказовъ для войскъ былъ возможенъ послѣ начатія военныхъ дѣйствій.

Второй путь состоитъ въ томъ, что Россія могла сообщить свой проектъ военнаго свода всѣмъ иностраннымъ державамъ, безъ исключенія, войдя предварительно въ формальное соглашеніе съ тѣми державами, съ которыми оно наиболѣе вѣроятно, въ виду общности политическихъ интересовъ и военной организаціи. Предположимъ, напримѣръ, что великія воен-

ныя державы Европы совершенно были бы согласны съ постановленіями русскаго проекта и, благодаря прочности соединяющихъ ихъ общихъ политическихъ интересовъ во всѣхъ вопросахъ извѣстной практической важности, немедленно были бы готовы подписать предложенную конвенцію,—тогда поставленная цѣль также была бы достигнута. Если же великія державы, въ войнахъ между собою, обязываются соблюдать конкретныя правила, ограничивающія ихъ дѣйствія, то понятно, насколько малыя государства заинтересованы воспользоваться этимъ обстоятельствомъ, чтобы обезпечить свои права въ случаѣ непріятельскаго нашествія. Не присоединиться къ великимъ державамъ, согласнымъ между собою, было бы со стороны второстепенныхъ государствъ прямымъ наложеніемъ руки на жизненные интересы и права своихъ собственныхъ подданныхъ. Если кому будетъ непосредственно выгодно господство права во время войны, такъ это именно націямъ политически слабымъ; для великихъ же державъ точно опредѣленные военные законы составляютъ прежде всего нѣкоторое самоограниченіе, хотя въ сущности также совершенно согласное съ ихъ разумными интересами. Неограниченный произволъ не можетъ быть, въ своихъ конечныхъ результатахъ, никому выгоденъ, и территоріи великихъ державъ не застрахованы на вѣчныя времена отъ возможности непріятельскаго нашествія.

Этотъ путь имѣетъ свои очень хорошія стороны: онъ скорѣе обезпечиваетъ достиженіе цѣли, потому что соглашеніе между великими военными державами гораздо скорѣе возможно, въ виду солидарности интересовъ и сознанія грозящей имъ опасности отъ неопредѣленности „общепризнанныхъ“ обычаевъ войны. Переговоры по такому вопросу съ второстепенными державами могутъ утвердить въ нихъ странное убѣжденіе, что великія державы только и думаютъ объ ихъ погибели и выбрали средствомъ международную конвенцію объ обычаяхъ войны. Если такое убѣжденіе

существуетъ—несмотря на всю свою странность—то задача малыхъ державъ, при участіи въ переговорахъ, можетъ только состоять въ сопротивленіи установленію подобнаго соглашенія между великими державами и въ стремленіи, по возможности, „провалить“ самое дѣло.

При такихъ обстоятельствахъ участіе незначительныхъ государствъ въ обсужденіи военной международной конвенціи можетъ быть только вредно. Но все-таки полное устраненіе ихъ можетъ имѣть мѣсто лишь при существованіи явныхъ доказательствъ ихъ желанія только затормозить успѣшный исходъ начатаго дѣла. Въ такомъ случаѣ второй путь представляется какъ pis aller въ сравненіи съ третьимъ.

Этотъ послѣдній путь состоитъ въ приглашеніи *всѣхъ* державъ на конгрессъ для обсужденія возбужденнаго вопроса, и нѣтъ сомнѣнія, что онъ наиболѣе соотвѣтствуетъ духу нашего времени и ближайшій къ цѣли. Но, съ другой стороны, нельзя отрицать, что этотъ именно путь представляется сопряженнымъ съ наибольшими затрудненіями и препятствіями.

Русское правительство, великодушно желая сдѣлать предложенную имъ военную конвенцію общимъ достояніемъ всѣхъ цивилизованныхъ народовъ, выбрало этотъ послѣдній путь, но на первомъ же шагу должно было встрѣтить затрудненіе и враждебное настроеніе.

Въ открыто враждебное положеніе къ поднятому Россіею вопросу стала Англія. Если всѣ другія европейскія державы сочувственно приняли предложеніе русскаго правительства, то С.-Джемскій кабинетъ, напротивъ, объявилъ, что „онъ твердо рѣшился не вступать ни въ какія разсужденія о правилахъ международнаго права, управляющихъ отношеніями между воюющими, и не заключать никакихъ новыхъ обязательствъ, никакихъ новыхъ договоровъ какого бы то ни было рода на счетъ общихъ принциповъ“.

Сверхъ того, англійское правительство требовало отъ русскаго, а равно и отъ всѣхъ другихъ европейскихъ правительствъ, положительнаго удостовѣренія въ томъ, что на конференціи будутъ обсуждаться только вопросы, затронутые въ русскомъ проектѣ, и, ни въ какомъ случаѣ, не будетъ рѣчи объ отношеніяхъ между воюющими на морѣ.

Послѣ такихъ заявленій со стороны англійскаго правительства, казалось бы, проще всего оставить Англію на своемъ островѣ и не требовать ея участія въ обсужденіи вопросовъ, которые, въ виду особеннаго географическаго положенія этого государства, мало ея касаются. Притомъ исторія международныхъ отношеній вполнѣ подтверждаетъ, что никогда Англія не только не содѣйствовала, но, напротивъ, всегда противодѣйствовала всѣмъ попыткамъ ограничить бѣдствія войны посредствомъ выясненія правъ и обязанностей воюющихъ сторонъ въ отношеніи другъ друга и въ отношеніи нейтральныхъ государствъ. Всегда Англія была защитницею самаго неограниченнаго произвола и для того, чтобы нанести вредъ своему противнику, никогда не стѣснялась въ средствахъ. Стоитъ только вспомнить поведеніе Англіи по отношенію къ Екатерининской декларації 1780 г.; стоитъ возобновить въ памяти великіе подвиги англійскаго флота во время крымской войны въ Балтійскомъ и черномъ моряхъ противъ рыбачьихъ лодокъ и беззащитныхъ городовъ. Напримѣръ, изъ донесенія генералъ-губернатора великаго княжества Финляндскаго отъ 20 іюля 1855 г. видно, что англичане не только сожгли около 20 коммерческихъ кораблей, застигнутыхъ ими врасплохъ въ Ништадской гавани, но даже лодки и собственность бѣдныхъ рыбаковъ подвергались уничтоженію и разграбленію.

Насколько такой взглядъ на войну дѣйствительно согласенъ со взглядомъ англійскаго народа и составляетъ одну изъ традицій англійской національной политики—видно изъ того, что и теперь еще англійскіе

государственные люди и болѣе замѣчательные юристы совершенно откровенно признаютъ цѣль военныхъ дѣйствій въ томъ, чтобы „*заставить*“ подданныхъ непріятельскаго государства идти противъ своего собственнаго правительства и принудить его къ подписанію мира. Всѣ ужасы, всѣ жестокости, всѣ варварства противъ подданныхъ непріятельскаго государства безусловно дозволены, если только этимъ способомъ можно заставить подданныхъ предать свое собственное правительство и совершить преступленіе государственной измѣны!

Вотъ въ какихъ выраженіяхъ и съ какою откровенностью выражаетъ эту мысль Филиморе, извѣстный современный англійскій юристъ: „Лишенія, которымъ подвергаются подданные (воюющаго государства), гоненія, на нихъ обрушивающіяся, и требованія, имъ поставляемыя, представляются *естественными средствами къ исправленію честолюбія и страстей правителей*“.

Намъ кажется, что, въ виду такихъ фактовъ, скромное желаніе Моунтэгью-Бернара и Окъ Маннинга, чтобы Англія стояла во главѣ цивилизованныхъ народовъ, стремящихся къ ограниченію бѣдствій войны и старающихся съ этою цѣлью опредѣлить ея законы и обычаи, дѣлаетъ имъ лично честь, но неосуществимо, потому что противорѣчитъ всѣмъ сложившимся преданіямъ англійской политики. Зато совершенно правильно понялъ Филиморе великодушные порывы англійскаго генія и высокую нравственную цѣль систематическаго сопротивленія Англіи всѣмъ попыткамъ ограничить бѣдствія войны.

При такихъ обстоятельствахъ отношеніе Англіи къ Брюссельской конференціи становится совершенно понятнымъ. Нельзя же думать, что англійская политика уже въ 1874 году поставила себѣ цѣлью во всѣхъ вопросахъ, безъ исключенія, занимать враждебное Россіи положеніе.

Можно думать, что эта послѣдняя мысль руково-

дила русскимъ правительствомъ въ его отвѣтѣ на англійскую депешу отъ 4 іюня. Оно не видѣло основанія для такой систематической вражды и не хотѣло вѣрить въ дѣйствительность преклоненія Англіи предъ неограниченнымъ произволомъ во время международной войны.

Въ отвѣтной депешѣ отъ 2 (14) іюля 1874 г. русское правительство увѣряетъ Англію въ томъ, что собирающаяся въ Брюсселѣ конференція ни въ какомъ случаѣ не выступитъ изъ предѣловъ, начертанныхъ русскимъ проектомъ. „Отсюда слѣдуетъ“, продолжаетъ русская депеша, „что ни военныя дѣйствія на морѣ, ни морскія войны, ни отношенія между воюющими на морѣ, ни вообще общепризнанныя начала международнаго права не будутъ нами ни возбуждаемы, ни затрогиваемы“.

Дать большого удовлетворенія Англіи, само собою разумѣется, было положительно невозможно; отвѣчать болѣе ясно и категорически на поставленный вопросъ представляется совершенно немыслимымъ.

Получивъ эти обѣщанія, Англія согласилась назначить своего делегата на Брюссельскую конференцію, поручивъ ему не принимать никакого участія въ преніяхъ и не подписывать никакихъ актовъ. Представитель Англіи добросовѣстнѣйшимъ образомъ исполнилъ возложенное на него порученіе: во время засѣданій конференціи, продолжавшейся болѣе мѣсяца, онъ не произносилъ ни одного слова при обсужденіи статей русскаго проекта. Невольно возникаетъ вопросъ: не повредило ли это краснорѣчивое молчаніе англійскаго делегата успѣху Брюссельской конференціи больше, нежели могло бы повредить полнѣйшее отсутствіе представителя Англіи?

Какъ бы ни было, въ началѣ іюля мѣсяца открытіе конференціи было обезпечено: всѣ европейскія державы дали свое согласіе на назначеніе своихъ делегатовъ. Сѣверо-Американскіе Штаты, также получившіе приглашеніе на конференцію, остались на поч-

вѣ теоріи Монрое, предписывающей имъ уклоняться отъ участія въ дѣлахъ, которыя прежде всего касаются однихъ европейскихъ народовъ. Вашингтонское правительство также не принимало участія въ военной международной конференціи въ Петербургѣ по поводу запрещенія разрѣшенныя разрывныя пули.

При такихъ обстоятельствахъ, 15 (27) іюля 1874 года состоялось торжественное открытіе конференціи, засѣданія которой продолжались каждый день, за исключеніемъ воскресныхъ и табельныхъ, вплоть до 15 (27) августа. Послѣ открытія бельгійскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ, графомъ Аспрмонъ-Линденомъ, конференціи, первый уполномоченный Россіи, баронъ А. Г. Жомини, предложилъ собранію избрать въ предсѣдатели перваго уполномоченнаго Бельгіи, барона Ламбермона. Послѣ отклоненія послѣднимъ отъ себя этой чести, въ виду того, что Россіи исключительно принадлежитъ иниціатива и великодушная мысль, положенная въ основаніе созванной конференціи, въ предсѣдатели единогласно былъ избранъ баронъ Жомини.

Во второмъ засѣданіи, по предложенію перваго австро-венгерскаго делегата, было опредѣлено назначить комиссію для предварительнаго изученія всѣхъ статей русскаго проекта. Въ составъ этой комиссіи должно было войти по одному представителю отъ каждаго государства, который могъ бы чередоваться съ тѣмъ или другимъ изъ своихъ товарищей. На этой комиссіи лежалъ весь трудъ Брюссельской конференціи; и въ средѣ ея все болѣе и болѣе рельефно выразились тѣ вліянія, которыя привели въ концѣ концовъ къ тому, что оказалось невозможнымъ подписать окончательную формальную конвенцію.

Неизлишне будетъ указать здѣсь на одинъ фактъ, который явно бросается въ глаза при внимательномъ чтеніи протоколовъ Брюссельской конференціи. По первоначальному намѣренію европейскихъ державъ, каждая изъ нихъ должна была назначить по одному

дипломату и по одному военному, въ виду того, что русскій проектъ затрогиваетъ и „высшіе политическіе интересы“ въ своихъ опредѣленіяхъ взаимныхъ правъ и обязанностей воюющихъ государствъ. Но три державы (Германія, Бельгія и Россія) назначили, кромѣ того, по одному спеціалисту по международному праву. При внимательномъ чтеніи русскаго проекта нельзя не придти къ выводу, что всѣ затронутые вопросы касаются, прежде всего, военныхъ цѣлей, затѣмъ международнаго права и въ весьма незначительной степени, такъ называемыхъ, „высшихъ политическихъ интересовъ“.

Между тѣмъ, при разсмотрѣніи протоколовъ комиссіи оказывается, что дипломаты играли въ ней, безъ сомнѣнія, первую роль рядомъ съ военными. Но этого мало: всѣ главнѣйшія затрудненія и преграды къ благополучному окончанію конференціи исходили отъ членовъ,—дипломатовъ, считавшихъ себя обязанными, во имя высшихъ соображеній, защищать права своего отечества, — права, на которыя, впрочемъ, никто не думалъ посягать. Можно предполагать, что соглашеніе между одними военными было бы достигнуто скорѣе и результатъ конференціи болѣе соотвѣтствовалъ бы возложеннымъ на нее надеждамъ.

Въ девятнадцати засѣданіяхъ комиссія всесторонне разбирала всѣ статьи русскаго проекта, начиная, прежде всего, съ тѣхъ, которыя меньше всего могли возбуждать разногласія и непримиримые споры.

Весь русскій „проектъ международной конвенціи касательно законовъ и обычаевъ войны“ раздѣляется на четыре отдѣла:

I-й—о правахъ воюющихъ сторонъ въ отношеніи другъ друга;

II-й—о правахъ воюющихъ сторонъ въ отношеніи частныхъ лицъ;

III-й—о сношеніяхъ между воюющими сторонами, и, наконецъ,

IV-й—о репрессаліяхъ.

Первый отдѣлъ содержитъ въ себѣ семь главъ, въ которыхъ говорится: 1) о военной власти на непріятельской территоріи; 2) о томъ, кто долженъ считаться воюющею стороною, и о комбатантахъ и некомбатантахъ; 3) о дозволенныхъ и недозволенныхъ средствахъ вредить непріятелю; 4) объ осадѣ и бомбардированіи; 5) о шпіонахъ; 6) о военноплѣнныхъ 7) о некомбатантахъ и раненыхъ.

Во *второмъ* отдѣлѣ опредѣляются: во-1-хъ, власть военная въ отношеніи къ частнымъ лицамъ и во-2-хъ, вопросъ о реквизиціяхъ и контрибуціяхъ. Затѣмъ, *третій* отдѣлъ касается средствъ сообщенія между воюющими сторонами, парламентеровъ и капитуляцій. *Послѣдній* же отдѣлъ состоитъ всего только изъ трехъ статей.

Наконецъ, для полноты слѣдуетъ еще прибавить, что въ самомъ началѣ проекта поставлены пять общихъ положеній, въ которыхъ выраженъ основной взглядъ на международную войну, какъ онъ неоднократно былъ высказанъ въ правительственныхъ актахъ и господствуетъ въ наукѣ международнаго права. Въ виду чисто-теоретическаго характера этихъ основныхъ принциповъ, они не были обсуждаемы на конференціи *). Весьма вѣроятно, что цѣль ихъ заключалась только въ томъ, чтобы предупредить всякое сомнѣніе въ гуманности взгляда и намѣреніи, вызвавшихъ въ жизнь самый проектъ.

Комиссія приступила прежде всего къ обсужденію наименѣе спорныхъ частей проекта. Она начала съ статей о средствахъ наносить вредъ непріятелю, потомъ перешла къ статьямъ о парламентерахъ, о капитуляціяхъ, военноплѣнныхъ, о раненыхъ и больныхъ воинахъ. Только по обсужденіи этихъ вопросовъ, не возбуждавшихъ никакихъ особенно рѣзкихъ разногласій, комиссія приступила къ изученію тѣхъ статей русскаго проекта, которыя оказались наиболѣе

---

*) „Приложеніе“ V къ настоящему сборнику. *Р.*

спорными и наиболѣе трудными для немедленнаго разрѣшенія. Сюда относятся отдѣлы, касающіеся правъ и власти оккупаціонной арміи въ предѣлахъ непріятельскаго государства и правъ мирныхъ обывателей занятой территоріи на участіе въ активныхъ военныхъ дѣйствіяхъ. При разсмотрѣніи именно этихъ вопросовъ дипломатическая точка зрѣнія неоднократно одерживала верхъ надъ воззрѣніями, основывающимися на военномъ опытѣ вѣковъ и неотложныхъ требованіяхъ самой войны. Здѣсь оказалось наиболѣе удобнымъ выступать въ ореолѣ защитника священныхъ правъ народной обороны. Члены комиссіи не могли согласиться ни насчетъ объема правъ оккупаціонной арміи, ни относительно условій для народныхъ возстаній противъ непріятельской власти. Это разногласіе не исчезло и въ общихъ засѣданіяхъ конференціи, въ которыя были переданы результаты работъ учрежденной комиссіи.

Въ первомъ засѣданіи конференціи отъ 26 августа, въ которое былъ внесенъ отчетъ о занятіяхъ комиссіи, баронъ Жомини призналъ необходимымъ еще разъ поставить на подобающее имъ мѣсто эти постоянныя увѣренія нѣкоторыхъ членовъ конференціи въ томъ, что ихъ правительства любятъ миръ и не могутъ сочувствовать стараніямъ, направленнымъ къ расширенію (sic!) правъ сильнаго воюющаго насчетъ слабаго противника.

„Нѣкоторые изъ господъ делегатовъ“, заявилъ первый уполномоченный Россіи, „признавали нужнымъ неоднократно заявлять объ исключительно-миролюбивыхъ намѣреніяхъ своихъ правительствъ,—намѣреніяхъ, вытекающихъ изъ особеннаго ихъ положенія, которое создали для нихъ политическія, историческія и географическія условія“.

„Отъ имени нашего отчества мы можемъ увѣрить васъ, М. Г., въ томъ же самомъ. Россія — великая держава, великая своимъ могуществомъ, своимъ пространствомъ, своимъ единствомъ и своимъ народнымъ

духомъ. Не смотря на это, она искренно предана интересамъ мира. Величина ея устраняетъ всякую мысль о завоеваніяхъ или наступательныхъ войнахъ, а оборонительная ея сила такъ велика въ настоящее время, что ей нечего опасаться какого бы то ни было нападенія. Поэтому наше правительство съ полнѣйшимъ безкорыстіемъ предложило созваніе этой конференціи и представило на ея обсужденіе свой проектъ. Оно руководствовалось тою мыслью, что существуютъ весьма важные вопросы, требующіе разрѣшенія въ видахъ общаго блага. Россія чувствуетъ себя слишкомъ солидарною съ интересами всѣхъ, чтобы не исполнять обязанностей, вытекающихъ для нея изъ почетнаго и сильнаго положенія, занимаемаго ею въ Европѣ".

Эти слова чрезвычайно мѣтко опредѣляютъ дѣйствительную цѣль Брюссельской конференціи и намѣренія русскаго правительства, характеризуя, въ то же время, въ немногихъ, но вѣскихъ словахъ, образъ дѣйствій представителей такихъ государствъ, какъ Бельгія и Голландія, которые всѣми силами старались уронить дѣло Брюссельской конференціи въ общественномъ мнѣніи Европы.

Здѣсь не мѣсто представить подробный анализъ всѣхъ постановленій и мнѣній, высказанныхъ на конференціи.

Изъ вышепредставленной характеристики преній и хода занятій Брюссельской конференціи можно было заключить, что она не приведетъ къ немедленному подписанію общеобязательнаго международнаго акта. Разногласія были до такой степени существенны, что совершенно необходимо было предоставить высшимъ правительствамъ вновь подвергнуть всестороннему обсужденію разсмотрѣнные на конференціи вопросы и рѣшить, какой дальнѣйшій путь долженъ быть избранъ для достиженія окончательно поставленной цѣли. Поэтому составленный на конференціи „проектъ декларації объ обычаяхъ и законахъ войны" не могъ

17872.

получить обязательной силы юридическаго акта *). Подписи всѣхъ членовъ конференціи, не исключая подписи генерала Горсфорда, встрѣчаются только подъ „окончательнымъ протоколомъ“. Этимъ актомъ констатируются возникшія разногласія и сообщаются на дальнѣйшее усмотрѣніе европейскихъ державъ всѣ протоколы конференціи, вмѣстѣ съ приложеніями. Но въ этомъ „окончательномъ протоколѣ“ встрѣчается также упоминаніе о томъ, что всѣ безъ исключенія члены конференціи согласно признали крайнюю необходимость точнѣе опредѣлить и пересмотрѣть установившіеся обычаи и законы войны. Всѣ они раздѣляютъ, въ этомъ отношеніи, взглядъ русскаго правительства и съ благоговѣніемъ признаютъ благотворность великодушнаго почина Государя Императора.

Кромѣ того, „единодушно было признано“, констатируетъ окончательный протоколъ, „что развитіе цивилизаціи должно привести къ смягченію, насколько возможно, бѣдствій войны, и что единственная законная цѣль, которую государства должны себѣ ставить во время войны, состоитъ въ ослабленіи непріятеля, безъ причиненія ему безполезныхъ страданій“.

Послѣ подписанія этого акта конференція была закрыта. Члены ея выразили надежду собраться впослѣдствіи въ Петербургѣ для заключенія уже окончательнаго формальнаго договора, на основаніи новыхъ инструкцій отъ своихъ правительствъ. Русское правительство точно также нисколько не имѣло основанія отчаяваться въ достиженіи своей первоначальной цѣли, въ особенности въ виду того, что общественное мнѣніе Россіи и Западной Европы, мало-по-малу, стало лучше понимать все практическое значеніе и великодушную цѣль предпринятаго Россіею дѣла.

---

*) См. текстъ этого проекта въ „Приложеніи“ IV къ настоящему Сборнику. *Ред.*

Циркулярною депешею отъ 26-го сентября 1874 г., наше правительство предложило державамъ, принимавшимъ участіе въ трудахъ Брюссельской конференціи, сообщить ему всѣ свои замѣчанія и улучшенія, которыя онѣ находятъ полезными сдѣлать въ проектѣ составленной въ Брюсселѣ декларації. По полученіи всѣхъ этихъ данныхъ, русское правительство было бы въ состояніи рѣшить, насколько можно было достигнуть окончательнаго практическаго результата посредствомъ обмѣна деклараційй, или составленія новаго проекта, или, наконецъ, созванія новой международной конференціи.

Европейскія правительства не замедлили послѣдовать этому приглашенію, насколько оно касалось новаго всесторонняго изученія трудовъ Брюссельской конференціи. Намъ положительно извѣстно, что въ различныхъ западно-европейскихъ государствахъ были учреждены особенныя комиссіи изъ вполнѣ компетентныхъ лицъ для изученія проекта Брюссельской декларації объ обычаяхъ и законахъ войны. Въ нѣкоторыхъ государствахъ эти комиссіи весьма скоро успѣли окончить свою работу и представить свои заключенія на усмотрѣніе высшаго правительства. Въ другихъ государствахъ дѣло затянулось до начала 1875 года, когда положительный отказъ со стороны Англіи и, вслѣдъ затѣмъ, возникновеніе герцеговинскаго возстанія, лѣтомъ 1875 года, по необходимости, должны были пріостановить скорѣйшее рѣшеніе возбужденнаго Россіею вопроса.

Всѣмъ извѣстна депеша лорда Дерби отъ 20 января 1875 г., въ которой онъ излагаетъ причины, заставляющія англійское правительство уклониться на будущее время отъ всякаго участія въ продолженіи занятій Брюссельской конференціи. Нельзя сказать, чтобъ на этой конференціи представитель Англіи принималъ, по крайней мѣрѣ открыто, малѣйшее участіе въ обсужденіи обычаевъ и законовъ войны. Слѣдовательно, въ этомъ отношеніи январская нота лорда

Дерби ничего новаго не приноситъ и только заявляетъ о рѣшеніи англійскаго правительства продолжать свою прежнюю политику въ отношеніи возбужденнаго Россіею вопроса. Но эта нота въ томъ смыслѣ любопытна, что содержитъ въ себѣ откровенное изложеніе взгляда Англіи на международную войну и объясняетъ тѣ мотивы, которые лежатъ въ основаніи ея отказа принимать участіе въ предположенной въ Петербургѣ новой международной военной конференціи.

Опровергнуть здѣсь доводы англійской депеши въ пользу необходимости оставить неограниченнымъ произволъ воюющихъ и поддерживать господствующую въ настоящее время шаткость въ пониманіи обычаевъ и законовъ войны, представляется совершенно излишнимъ въ виду того, что выше было не разъ говорено о своеобразномъ и средневѣковомъ воззрѣніи Англіи на войну. Вся депеша лорда Дерби есть ничто иное, какъ отрицательная, пристрастная и неудачная критика трудовъ Брюссельской конференціи. Англійское правительство видитъ не пользу въ кодификаціи законовъ и обычаевъ войны, но положительный вредъ. Такимъ образомъ, оно даже опровергаетъ своего собственнаго уполномоченнаго на конференціи, который, своею подписью подъ „окончательнымъ протоколомъ“, подтвердилъ, что, напротивъ, посредствомъ пересмотра и лучшаго опредѣленія обычаевъ и законовъ войны, значительно можно ограничить ея бѣдствія и насилія.

Такова исторія Брюссельской конференціи. Въ виду вышеуказанныхъ обстоятельствъ, Петербургская военная конференція не могла состояться, такъ какъ вниманіе Россіи и великихъ европейскихъ державъ скоро было поглощено новыми смутами на Балканскомъ полуостровѣ. Понятно, что, когда возстаніе въ Герцеговинѣ и Босніи стало принимать угрожающіе европейскому миру размѣры, дѣло Брюссельской конференціи должно было отступить на второй планъ. Возникновеніе же

Восточной войны, несмотря на заключеніе Берлинскаго трактата, само собою разумѣется, совершенно пріостановило продолжавшіеся между европейскими державами переговоры о заключеніи формальнаго акта съ изложеніемъ обязательныхъ во время войны законовъ и обычаевъ.

Несмотря на эти неблагопріятныя обстоятельства, труды Брюссельской конференціи никогда не будутъ забыты, всегда будутъ имѣть благодѣтельное вліяніе на военныя дѣйствія и никогда не могутъ быть вычеркнуты изъ исторіи русской политики, направленной къ достиженію истинно гуманныхъ и великодушныхъ цѣлей *).

Примѣчаніе. Такое значеніе было торжественнымъ образомъ признано за иниціативою русска-

*) Вѣрный въ этомъ отношеніи традиціямъ своихъ Августѣйшихъ дѣда и отца, благополучно нынѣ царствующій Государь Императоръ **Николай Александровичъ** обратился 12 авг. 1898 г. къ державамъ съ предложеніемъ созвать конференцію съ цѣлью обсужденія вопросовъ, связанныхъ съ непрерывными вооруженіями современныхъ государствъ и изысканія средствъ *предупредить угрожающія*, благодаря имъ, *всему міру несчастія*.

Въ началѣ нашего Сборника напечатанъ текстъ этого „Манифеста мира“, одного изъ самыхъ замѣчательныхъ актовъ въ исторіи международныхъ отношеній XIX вѣка, блестящимъ образомъ завершающаго дѣятельность нашего отечества въ текущемъ столѣтіи на поприщѣ гуманизаціи войны.

Въ январѣ мѣсяцѣ этого года въ Правительственномъ Вѣстникѣ было напечатано слѣдующее правительственное сообщеніе:

„Циркулярное сообщеніе Императорскаго правительства, отъ 12 августа минувшаго года, касательно созванія международной конференціи, въ цѣляхъ изысканія наилучшихъ способовъ къ упроченію всеобщаго мира, было принято съ живѣйшимъ сочувствіемъ иностранными государствами, изъявившими готовность оказать полное содѣйствіе къ осуществленію великой задачи, намѣченной нашимъ Августѣйшимъ Монархомъ. Вслѣдствіе сего, по Высочайшему повѣленію Государя Императора, 30-го декабря минувшаго года Министромъ иностранныхъ дѣлъ передано было пребывающимъ въ С.-Петербургѣ иностраннымъ представите-

го правительства Институтомъ международнаго права, т.-е., тѣмъ обществомъ ученыхъ и госу-

---

лямъ новое сообщеніе, въ коемъ заключается: 1) запросъ о томъ, признаютъ ли иностранныя правительства настоящую политическую минуту своевременной для созванія проектируемой конференціи; 2) краткій перечень спеціальныхъ вопросовъ и предложеній общаго характера, которые могли бы быть между прочимъ включены въ программу будущихъ занятій конференціи, и 3) соображенія, въ силу коихъ казалось бы неудобнымъ, чтобы мѣстомъ созванія конференціи была одна изъ столицъ великихъ державъ. Изъ нижепечатаемаго циркулярнаго сообщенія 30 декабря 1898 г. явствуетъ, что Императорское правительство отнюдь не имѣло намѣренія предложить въ окончательной формѣ программу предстоящихъ работъ конференціи. Полагая, что забота о полномъ и всестороннемъ освѣщеніи поставленной задачи будетъ лежать на всѣхъ участникахъ конференціи, Императорское правительство считало лишь необходимымъ предварительно намѣтить нѣкоторые вопросы, кои слѣдовало бы принять въ соображеніе при установленіи сообща подробной программы конференціи, при чемъ вопросы чисто техническаго характера, очевидно, должны бы быть разработаны впослѣдствіи при содѣйствіи спеціалистовъ, приглашенныхъ къ участію въ трудахъ конференціи. Полная свобода въ изысканіи и обсужденіи средствъ, кои могли бы наиболѣе дѣйствительнымъ образомъ споспѣшествовать прекращенію чрезмѣрныхъ вооруженій, облегчая разрѣшеніе этихъ сложныхъ вопросовъ, можетъ только содѣйствовать общему соглашенію державъ, а слѣдовательно и практическому осуществленію великодушныхъ намѣреній Государя Императора“.

Циркулярное сообщеніе министра иностранныхъ дѣлъ пребывающимъ въ С.-Петербургѣ представителямъ иностранныхъ государствъ отъ 30-го декабря 1898 г.

„Въ августѣ минувшаго года Государю Императору благоугодно было повелѣть мнѣ обратиться къ правительствамъ, имѣющимъ своихъ представителей въ С.-Петербургѣ, съ предложеніемъ о

дарственныхъ дѣятелей, которое имѣетъ въ своей средѣ лучшихъ современныхъ писателей цивилизованнаго міра по международному праву. Отзывъ

созваніи конференціи для изысканія тѣхъ средствъ, которыя могли бы наиболѣе вѣрнымъ образомъ обезпечить всѣмъ народамъ блага дѣйствительнаго и прочнаго мира и, прежде всего, положить предѣлъ все увеличивающемуся развитію современныхъ вооруженій; въ то время обстоятельства, казалось, вполнѣ благопріятствовали осуществленію въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ означенной человѣколюбивой задачи.

Отзывчивое отношеніе почти всѣхъ государствъ къ предложенію Россіи, казалось, оправдывало наши ожиданія. Высоко цѣня сочувственныя заявленія, въ коихъ почти всѣ иностранныя государства выразили согласіе на таковое предложеніе, Императорское правительство въ то же время съ полнымъ удовольствіемъ приняло полученныя уже имъ и продолжающія поступать засвидѣтельствованія самаго горячаго участія со стороны всѣхъ слоевъ общества въ разныхъ частяхъ свѣта.

Несмотря, однако, на проявившееся стремленіе общественнаго мнѣнія въ пользу всеобщаго умиротворенія, политическое положеніе значительно измѣнилось въ послѣднее время. Многія государства приступили къ новымъ вооруженіямъ, стараясь въ еще большей мѣрѣ развить свои военныя силы. Естественно, что при столь неопредѣленномъ порядкѣ вещей нельзя было не задаться вопросомъ о томъ, считаютъ ли державы настоящую политическую минуту удобною для обсужденія международнымъ путемъ тѣхъ началъ, кои изложены были въ циркулярѣ отъ 12 августа 1898 года.

Не теряя надежды, что существующія въ политическихъ сферахъ разногласія улягутся и уступятъ мѣсто болѣе спокойному настроенію, способному облегчить успѣхъ предположенной конференціи, Императорское правительство, съ своей стороны, полагаетъ, что теперь же представлялось бы возможнымъ приступить къ предварительному обмѣну мыслей между державами, съ цѣлью: а) безъ замедленія изыскать средства, способныя положить предѣлъ дальнѣйшему развитію сухопутныхъ и морскихъ вооруженій, причемъ разрѣшеніе вопроса этого представляется все болѣе и настоятельнымъ, въ виду происшедшаго за послѣднее время усиленія боевыхъ средствъ; б) подготовить почву для обсужденія вопросовъ, касающихся возможнаго предупрежденія вооруженныхъ столкновеній мирными средствами, коими можетъ располагать международная дипломатія.

Въ случаѣ, если бы державы признали настоящую минуту благопріятною для созыва конференціи на указанныхъ основаніяхъ, представлялось бы несомнѣнно полезнымъ установить между пра-

Института международнаго права гласитъ: „При сравненіи съ правомъ войны, излагаемымъ въ

вительствами соглашеніе относительно программы будущихъ занятій конференціи.

Основаніемъ для международнаго обсужденія на засѣданіяхъ конференціи могли бы въ общихъ чертахъ послужить слѣдующія положенія:

1) Соглашеніе, опредѣляющее на извѣстный срокъ сохраненіе настоящаго состава сухопутныхъ и морскихъ вооруженныхъ силъ и бюджетовъ на военныя надобности; предварительное изученіе средствъ, при помощи коихъ могло бы въ будущемъ осуществиться даже сокращеніе означенныхъ вооруженныхъ силъ и бюджетовъ.

2) Запрещеніе вводить въ употребленіе въ арміяхъ и во флотѣ какое бы то ни было новое огнестрѣльное оружіе и новыя взрывчатыя вещества, а также порохъ, болѣе сильно дѣйствующій принятаго въ настоящее время какъ для ружейныхъ, такъ и для орудійныхъ снарядовъ.

3) Ограниченіе употребленія въ полевой войнѣ разрушительныхъ взрывчатыхъ составовъ, уже существующихъ, а также запрещеніе пользоваться метательными снарядами съ воздушныхъ шаровъ или инымъ подобнымъ способомъ.

4) Запрещеніе употреблять въ морскихъ войнахъ подводныя миноносныя лодки или иныя орудія разрушенія того же свойства; обязательство не строить въ будущемъ военныхъ судовъ съ таранами.

5) Примѣненіе къ морскимъ войнамъ постановленій Женевской конвенціи 1864 года на основаніи дополнительныхъ къ ней постановленій 1868 года.

6) Признаніе на такихъ же основаніяхъ нейтральности судовъ и шлюпокъ, коимъ будетъ поручаемо спасеніе утопающихъ во время или послѣ морскихъ сраженій.

7) Пересмотръ декларації о законахъ и обычаяхъ войны, выработанной въ 1874 году на конференціи въ Брюсселѣ и до сего времени не ратифікованной.

8) Принятіе начала примѣненія добрыхъ услугъ, посредничества и добровольнаго третейскаго разбирательства въ подходящихъ случаяхъ, съ цѣлью предотвращенія вооруженныхъ между государствами столкновеній; соглашеніе о способѣ примѣненія этихъ средствъ и установленіе однообразной практики въ ихъ употребленіи.

Само собою разумѣется, что всѣ вопросы, касающіеся политическихъ соотношеній государствъ и существующаго на основаніи договоровъ порядка вещей, какъ и вообще всѣ вопросы, кои не будутъ непосредственно входить въ принятую кабинетами про-

новѣйшихъ сочиненіяхъ, Брюссельскій проектъ, по отношенію къ вопросамъ имъ затронутымъ, и по своему существу, стоитъ *на высотѣ современной науки*".

грамму, будутъ подлежать безусловному исключенію изъ предметовъ обсужденія конференціи.

Обращаясь къ Вамъ, Милостивый Государь, съ просьбою исходатайствовать по содержанію настоящаго моего сообщенія указанія Вашего правительства, я въ то же время просилъ бы Васъ довести до свѣдѣнія послѣдняго, что для пользы великаго дѣла, которое такъ близко сердцу моего Августѣйшаго Государя, Его Императорское Величество полагалъ бы желательнымъ не избирать мѣстомъ собранія конференціи столицу одной изъ великихъ державъ, гдѣ скрещиваются многосложные политическіе интересы, которые могли бы имѣть вліяніе на ходъ дѣла, въ одинаковой степени важнаго для всѣхъ странъ міра".

Такимъ образомъ, мы видимъ, что одною изъ весьма важныхъ задачъ конференціи, имѣющей собраться, какъ это извѣстно, въ Гаагѣ, является выработка новыхъ соглашеній относительно средствъ веденія войны (ср. выше относительно Петербургской конференціи 1868 г., стр. 296 и сл.) и пересмотръ Брюссельской декларації („Приложеніе" IV къ настоящему Сборнику). Вопросъ о расширеніи постановленій Женевской конвенціи 1864 г., каковой также предлагается русскимъ правительствомъ на разсмотрѣніе Гаагской конференціи, имѣетъ въ развитіи права войны, конечно, весьма большое значеніе *Ред.*

Мирное разрѣшеніе международныхъ несогласій.

Война такъ же стара, какъ и родъ человѣческій, но представленія о ней у различныхъ народовъ и въ различныя эпохи ихъ историческаго существованія, завися отъ условій, которыя опредѣляютъ собою развитіе духовной и матеріальной жизни этихъ народовъ, существенно отличаются другъ отъ друга. Національный характеръ, географическое расположеніе страны, экономическія условія—вырабатываютъ взглядъ на войну: всѣ эти факторы развитія отдѣльныхъ членовъ человѣческой семьи увеличиваютъ или уменьшаютъ пользу и вредъ, приносимые народамъ войною, а потому воззрѣніе на нее складывается, отчасти безсознательно, въ зависимости отъ дѣйствія перечисленныхъ факторовъ. Понятно, что въ эпоху, когда экономическая жизнь народовъ покоилась на принципѣ рабскаго труда и когда преобладало натуральное хозяйство, почти исключавшее необходимость обмѣна даже въ предѣлахъ одного и того же государства, и въ наше время признанія полной свободы человѣческой личности и господства широко развитой промышлен-

---

Настоящая статья составлена на основаніи 2-й гл. 2-й части (Le progrès du droit vers l'arbitrage) и 3-й гл. 2-й части (Les arbitrages du XIX-e siècle) книги *M. Revon*'a (L'arbitrage international, son présent, son passé et son avenir. Paris, 1891), значительно дополненныхъ и сокращенныхъ въ нѣкоторыхъ своихъ частяхъ.

ности, связующей воедино весь міръ, война значительно отличается какъ по средствамъ своего веденія, такъ и по послѣдствіямъ, которыя она влечетъ за собою для воюющихъ и для государствъ, не принимающихъ въ ней участія.

Первые годы текущаго столѣтія въ Англіи, гдѣ тогда наблюдалась лишь начальная стадія въ развитіи современной кипучей промышленной дѣятельности, свидѣтельствуютъ о губительномъ значеніи, какое имѣетъ война для народнаго хозяйства. Она создаетъ искусственный спросъ на одни товары и сокращаетъ спросъ на другіе, отвлекаетъ рабочія руки отъ обычныхъ производительныхъ занятій и направляетъ ихъ на непроизводительныя, измѣняетъ распредѣленіе національнаго дохода, разстраиваетъ международную торговлю. Ко всему этому присоединяется внутренняя неурядица: издаются исключительные законы, болѣе или менѣе, стѣснительные для торговли, выпускаются бумажныя деньги съ принудительнымъ курсомъ и т. д.

За десятилѣтіе 1801—1810 г. (время войны съ Франціею) средняя цѣна пшеницы въ Англіи повысилась на 80%;—отсюда, усиленный притокъ капиталовъ къ земледѣльческой промышленности и громадное повышеніе земельной ренты. Континентальная система Наполеона придала самое неестественное направленіе внѣшней торговлѣ Англіи и сильно подняла фрахтъ за товары, перевозимые моремъ. Но выгодная для землевладѣльцевъ и для морского судоходства борьба Англіи съ Наполеономъ тяжело отразилась на массѣ населенія. Повышеніе заработной платы не было пропорціонально увеличенію цѣнъ продуктовъ продовольствія; увеличеніе числа матросовъ и солдатъ создавало добавочный спросъ на рабочія руки, но зато внезапныя сокращенія производства, вызываемыя отсутствіемъ постояннаго рынка для сбыта товаровъ, лишали занятія все новыя массы рабочихъ. Именно въ это время совершилось поглощеніе мелкой земельной собственности крупною. Мелкіе земельные собствен-

ники, которые были еще многочисленны въ Англіи въ концѣ прошлаго вѣка, не могли выдержать рѣзкихъ колебаній цѣнъ земледѣльческихъ продуктовъ и были вынуждены продавать свои земельные участки крупнымъ землевладѣльцамъ. Вообще за время войны съ Франціею масса англійскаго населенія несомнѣнно обѣднѣла, какъ это можно видѣть изъ сравненія издержекъ на содержаніе бѣдныхъ въ Англіи и Уэльсѣ:

1801 г. . . . 693.000 квартетовъ пшеницы.
1814 г. . . . 1.746.000 „ „

Пріостановка размѣна билетовъ англійскаго банка на звонкую монету вызвала сильныя колебанія вексельнаго курса и обусловила полную неустойчивость цѣнъ товаровъ; торговля и промышленность страны приняли въ высшей степени спекулятивный характеръ. Промышленность при такихъ условіяхъ не развивалась, и дѣйствительно, во время войны съ Франціею, напримѣръ, хлопчатобумажное производство въ Англіи почти не прогрессировало. Въ 1801 г. чистый ввозъ хлопка равнялся 54,2 м. фунтовъ, а въ 1814 г.—53,8 м. фунтовъ *).

При современныхъ условіяхъ экономической жизни цивилизованныхъ народовъ война вызоветъ, вѣроятно, еще болѣе губительныя послѣдствія, такъ какъ въ теченіе послѣднихъ десятилѣтій въ условіяхъ матеріальнаго быта и въ нравственныхъ стремленіяхъ массъ произошли столь значительныя перемѣны, что опыты прошлыхъ войнъ не предетавляютъ даже достаточныхъ данныхъ для сужденія о томъ, какое экономическое потрясеніе вызвала бы война въ наше время **). При

*) *М. И. Туганъ-Барановскій*: „Промышленные кризисы въ современной Англіи, ихъ причины и вліяніе на народную жизнь“ Спб. 1894. Стр. 21—23.

**) Замѣтимъ, что будущая война, насколько можно судить по наблюденіямъ надъ современною политическою жизнью, будетъ войною европейскою, а не войною между небольшимъ числомъ государствъ.

прежнихъ войнахъ еще не существовало тѣхъ военно-морскихъ средствъ, которыя прямо разсчитаны на прекращеніе снабженій, сбыта и всякихъ сообщеній морями. Сверхъ того, уже послѣ 1870 г. мы наблюдаемъ возникновеніе и развитіе явленій чрезвычайной важности: новое, огромное расширеніе средствъ сообщенія, международныхъ оборотовъ,—торговыхъ и финансовыхъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ экономическое воздѣйствіе на Европу великой Сѣверо-Американской республики. Колоссальное развитіе ея конкурренціи для Европы, парализованной войною, составляетъ фактъ, о которомъ прежде слишкомъ мало думали въ Старомъ Свѣтѣ, но съ которымъ въ настоящее время уже необходимо считаться.

Вслѣдствіе призыва подъ знамена почти всего взрослаго мужского населенія, а также вслѣдствіе перерыва морскихъ сообщеній, застоя въ промышленности и торговлѣ, повышенія цѣнъ на жизненные продукты и появленія паники, доходы населенія и государственный кредитъ упадутъ до того, что естественно сомнѣваться, возможно ли будетъ всѣмъ государствамъ въ теченіе указаннаго военными спеціалистами срока (весьма продолжительнаго) получать средства для содержанія армій, удовлетворенія бюджетныхъ потребностей, а вмѣстѣ съ тѣмъ и для пропитанія оставшагося безъ заработковъ населенія. Такъ какъ всѣ планы военныхъ дѣйствій основываются на совмѣстныхъ операціяхъ союзныхъ армій, то не разстроятся ли всѣ эти комбинаціи, когда одно или нѣсколько союзныхъ государствъ, *подъ вліяніемъ разоренія*, будутъ вынуждены прекратить свое участіе въ войнѣ.

Общіе планы военныхъ операцій, несомнѣнно, выработаны въ главныхъ штабахъ всѣхъ армій. Въ этихъ планахъ, по всей вѣроятности, обозначено, по примѣрному разсчету, и время, какое можетъ потребоваться для достиженія той или иной цѣли. Но позволительно сомнѣваться, чтобы въ этихъ планахъ были достаточно взвѣшены условія экономическія. Бывшій

морской министръ во Франціи, Бюрдо, указывалъ на то, что во Франціи, когда военнымъ министромъ былъ Фрейсине, предположено было предпринять составленіе разсчета тѣхъ экономическихъ условій, какія бы сопровождали войну, но это предположеніе было оставлено вслѣдствіе оппозиціи военныхъ сферъ.

Кромѣ того, содержаніе современныхъ войскъ поглощаетъ колоссальныя суммы, возрастающія, по мѣрѣ успѣховъ военной техники и увеличенія числа войскъ, все сильнѣе и сильнѣе. Фельдмаршалъ Мольтке, авторитетъ котораго въ вопросахъ, связанныхъ съ военнымъ дѣломъ, едва ли можетъ быть заподозрѣнъ, заявилъ въ рейхстагѣ, что съ теченіемъ времени „народы окажутся не въ состояніи переносить военные расходы". Сознаніе этого факта все болѣе и болѣе проникаетъ въ массы. Въ Германіи въ 1893 г., при обсужденіи новаго военнаго проекта, за представителями, вотировавшими противъ проекта, стояло избирателей на 1.007.000 человѣкъ болѣе, чѣмъ за приверженцами этого проекта. Оппозиція противъ милитаризма съ 1887 по 1893 годъ возрасла болѣе чѣмъ въ 7 разъ *).

Рядомъ съ оппозиціею милитаризму въ парламентахъ, развивается и дѣятельность обществъ мира, а равнымъ образомъ и частныхъ съѣздовъ членовъ законодательныхъ учрежденій европейскихъ государствъ на т. н. междупарламентскія конференціи, центральное бюро которыхъ въ Бернѣ должно оказать дѣлу мира значительныя услуги. Вопросъ о тѣхъ бѣдствіяхъ, какія связаны съ войною, и о средствахъ, содѣйствующихъ ея уничтоженію и могущихъ замѣнить ее въ дѣлѣ разрѣшенія международныхъ несогласій, является

---

*) *И. С. Бліохъ:* „Будущая война въ техническомъ, политическомъ и экономическомъ отношеніяхъ". Т. VI. „Общіе выводы". Спб. 1898. (Въ приложеніи къ настоящему сборнику напечатана статья *И. С. Бліоха*, резюмирующая означенные выводы. Статья эта заимствована изъ журнала: Zeitschrift für Socialwissenschaft, 1898, Heft 12). *Ред.*

предметомъ изслѣдованія и пропаганды означенныхъ обществъ. Въ массѣ ихъ постановленій не трудно отмѣтить нѣкоторые основные принципы, которые составляютъ ядро современной пропаганды мира. Таковы: *третейскій судъ* въ примѣненіи къ международнымъ распрямъ; вопросъ о *разоруженіи*; осужденіе *завоеваній*; распространеніе начала *нейтрализаціи*; болѣе широкое и повсемѣстное признаніе принципа *національности*; приложеніе къ совмѣстной жизни народовъ началъ и формъ *федераціи* *).

Такимъ образомъ, мы видимъ, что *идея* мира и международной юрисдикціи достигла въ нашемъ вѣкѣ своего полнаго разцвѣта: отдѣльныя личности въ ихъ благородныхъ мечтахъ о мирной организаціи международныхъ отношеній и союзы людей, принадлежащихъ къ самымъ разнообразнымъ слоямъ современнаго общества, въ числѣ которыхъ мы видимъ и союзы лицъ, оказывающихъ или могущихъ оказывать непосредственное вліяніе на развитіе законодательства своего отечества, посвящаютъ свои силы изысканію путей и средствъ для проведенія въ жизнь этой идеи **). Но

---

*) *Проф. гр. Л. А. Камаровскій*: „Успѣхи идеи мира“. Москва. 1898. Читатель найдетъ здѣсь исторію возникновенія и развитія современныхъ обществъ, работающихъ на поприщѣ пропаганды идеи мира. Здѣсь же собраны постановленія ихъ съѣздовъ и дается историческій очеркъ идеи мира.

Въ „Приложеніи“ II къ настоящему Сборнику читатели могутъ ознакомиться съ значеніемъ вопроса о разоруженіи въ международномъ правѣ. *Ред.*

**) Результатомъ этого проникновенія въ современное общество идеи мира является выраженіе глубокаго сочувствія и восхищенія, съ которымъ былъ встрѣченъ „Манифестъ мира“.

„Въ виду полученныхъ изъ всѣхъ странъ свѣта многочисленныхъ телеграммъ и письменныхъ изъявленій искренней благодарности Его Величеству по поводу принятаго Россіей великодушнаго почина въ дѣлѣ упроченія всеобщаго мира, Государю Императору благоугодно было Высочайше повелѣть министру иностранныхъ дѣлъ отправить всѣмъ представителямъ Россіи за границей печатаемую ниже циркулярную депешу отъ 11 марта 1899 г.: „Со времени обнародованія циркулярнаго сообщенія отъ 12 ав-

отдѣльный человѣкъ, какъ бы не были высоки и идеальны его мирныя стремленія, не законодатель. Общество мира—союзъ частныхъ лицъ, также не имѣетъ никакого оффиціальнаго значенія. Междупарламентскія конференціи сильны лишь своимъ нравственнымъ авторитетомъ. Пропаганда идеи мира несомнѣнно должна опираться на основанія, почерпнутыя изъ существующаго международнаго строя, такъ какъ лишь при этомъ условіи возможно плодотворное развитіе положительнаго международнаго права и его приближеніе къ той идеальной цѣли, которая признается за нимъ наукою, приближеніе его къ замиренію человѣчества, *къ водворенію въ сношеніяхъ государствъ возможно справедливаго и прочнаго мира посредствомъ особой международной организаціи.*

Современныя учрежденія, санкціонированныя положительнымъ международнымъ правомъ, представляютъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, основаніе къ констатированію того факта, что международная жизнь силою вещей идетъ къ установленію международной организа-

---

густа минувшаго года, Государю Императору были представлены изъ разныхъ странъ свѣта безчисленныя выраженія благодарности по поводу великодушнаго почина, принятаго на Себя Его Величествомъ въ видахъ облегченія тяжестей, созданныхъ современными вооруженіями, и упроченія всеобщаго мира. Его Императорскому Величеству были особенно пріятны таковыя выраженія сочувствія, свидѣтельствующія, въ какой степени идея мира, имѣющая въ основѣ своей матеріальное и духовное благоденствіе народовъ, находитъ себѣ горячій откликъ во всѣхъ странахъ свѣта. Вслѣдствіе сего Государю Императору благоугодно было Высочайше повелѣть мнѣ передать черезъ ваше посредство Свою искреннюю признательность всѣмъ тѣмъ лицамъ или учрежденіямъ, кои изъ страны, гдѣ вы аккредитованы, обратились къ Его Величеству въ адресахъ, письмахъ, телеграммахъ или инымъ способомъ съ выраженіемъ своихъ чувствъ по поводу предпринятаго возвышеннаго человѣколюбиваго дѣла. Государь Императоръ съ удовольствіемъ усматриваетъ въ единодушномъ сочувствіи, сказавшемся одновременно съ выраженнымъ всѣми правительствами согласіемъ на конференцію въ Гаагѣ, новый залогъ успѣха стараній, направленныхъ къ развитію въ общественномъ сознаніи и жизни всѣхъ государствъ плодотворнаго начала всеобщаго мира".

ціи *и, прежде всего, къ распространенію* на весьма многіе споры между государствами *началъ третейской юрисдикціи*, призванной, пока лишь въ нѣкоторыхъ случаяхъ, вытѣснить примѣненіе старыхъ средствъ разрѣшенія этихъ споровъ, насилія и войны. Къ разсмотрѣнію этихъ учрежденій мы и переходимъ.

I.

Идея третейскаго суда въ современныхъ международныхъ учрежденіяхъ.

1.

Призовые суды.

Въ теченіе весьма долгаго времени, пока война разсматривалась не какъ отношеніе государства, а понималась, скорѣе, какъ борьба другъ съ другомъ всѣхъ подданныхъ воюющихъ сторонъ, море являлось областью господства крайняго произвола и насилія. Въ эту эпоху частныя лица во время войны ихъ отечества съ какимъ-либо государствомъ вооружали на свой счетъ корабли для нападенія на суда вражескихъ подданныхъ, и разбой и грабежъ смѣлыхъ авантюристовъ не знали себѣ предѣла. Все трепетало передъ этими „морскими разбойниками“,—характерное прозвище Среднихъ вѣковъ,—такъ какъ они не дѣлали различія ни между подданными государства, враждующаго съ ихъ отечествомъ, ни между подданными государства, не принимающаго участія въ этой враждѣ. Они нападали и на корабли своихъ соотечественниковъ. Такимъ образомъ, полная анархія царила на морѣ и было необходимо упорядочить весь этотъ хаосъ отношеній, ограничить свободу дѣйствій корсаровъ и внести начала права въ господствовавшій дотолѣ фактическій порядокъ. Послѣднее и достигается установленіемъ и развитіемъ каперства, т. е., подчиненіемъ контролю государства кораблей частныхъ лицъ, нападающихъ на

морскую торговлю и на морскіе корабли вражескихъ подданныхъ. Вмѣстѣ съ развитіемъ каперства развиваются и призовые суды, опредѣляющіе законность или незаконность приза, захваченнаго каперомъ, т.-е., обязанные рѣшить, имѣлъ ли каперъ законное основаніе захватить взятый имъ корабль, а также находящійся на немъ товаръ, и можетъ ли онъ поэтому въ вознагражденіе за свою дѣятельсть получить право собственности на захваченное имъ имущество (призъ). Въ концѣ XIII вѣка уже встрѣчается установленіе во время морскихъ войнъ такого рода судебныхъ учрежденій, которыя, находясь подъ контролемъ адмираловъ, вѣдающихъ каперскіе корабли, должны были разрѣшать всѣ споры относительно законности призовъ, захваченныхъ каперами, этими патентованными разбойниками. Въ XIV вѣкѣ означенныя судебная учрежденія находятся въ процессѣ своего развитія и къ концу XV вѣка организація ихъ уже окончательно устанавливается *).

Призовые суды продолжаютъ существовать и въ современныхъ международныхъ отношеніяхъ. По дѣй-

---

*) Въ теченіе этого времени зарождается представленіе о свободѣ моря, пользованіе которымъ доступно всѣмъ народамъ и, которое, вопреки исключительнымъ притязаніямъ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ государствъ, не можетъ находиться въ собственности какого бы то ни было государства. Принципъ свободы моря, развиваясь, особенно въ теченіе послѣднихъ двухъ вѣковъ, окончательно укрѣпился въ сознаніи цивилизованныхъ государствъ, членовъ международнаго союза. Но принципъ этотъ отнюдь не обусловливаетъ неограниченное пользованіе моремъ и его благами. Многочисленные и разнообразные интересы международнаго союза, съ которыми совпадаютъ и интересы отдѣльныхъ членовъ этого союза, обусловили рядъ международныхъ соглашеній, во многихъ отношеніяхъ ограничивающихъ принципъ свободы моря. Интересы судоходства, рыболовства, добыванія морскихъ продуктовъ, равно какъ необходимость наблюденія въ открытомъ морѣ за судами и ихъ экипажемъ, принадлежащими къ самымъ различнымъ національностямъ, настойчиво требуютъ *международной организаціи*. Современныя международныя соглашенія намѣчаютъ уже пути и способы развитія въ этомъ направленіи положительнаго международнаго права.

ствующему, напримѣръ, въ Англіи праву, правительство во время войны назначаетъ изъ числа членовъ верховнаго суда адмиралтейства двухъ судей, которые образуютъ установленіе, вѣдающее дѣла относительно призовъ. Въ С.-А.-Соединенныхъ Штатахъ дѣла о призахъ разсматриваются въ первой инстанціи окружными судами, а въ качествѣ аппеляціонной инстанціи является верховный судъ. Въ Италіи, по закону 1886 г., образуются особыя призовыя комиссіи, аппеляція на которыя подается въ Государственный совѣтъ. Въ Германіи, Австріи, Швеціи и Даніи призовой процессъ распадается на три инстанціи: первая—слѣдственная, другая—первая судебная, третья—аппеляціонная.

Въ Россіи призовое судопроизводство вѣдается судами двухъ инстанцій. Въ составъ суда первой инстанціи входитъ предсѣдатель, назначаемый по Высочайшему повелѣнію, и пять членовъ, изъ которыхъ два морскихъ офицера назначаются Управляющимъ морскимъ министерствомъ, два юриста, основательно знакомыхъ съ нормами торговаго права и процесса, назначаются Министромъ юстиціи и одинъ чиновникъ министерства иностранныхъ дѣлъ. При судѣ состоятъ прокуроръ, секретарь и переводчики. Суды первой инстанціи находятся въ опредѣляемыхъ во время каждой войны отечественныхъ портахъ или въ иностранныхъ портахъ, если относительно ихъ пребыванія тамъ существуетъ соглашеніе съ даннымъ государствомъ. Кромѣ того, судами первой инстанціи являются еще, т. н., призовые суды при эскадрахъ, въ составъ которыхъ входитъ старшій командиръ одного изъ судовъ эскадры, четыре штабъ-офицера и одинъ судебный чиновникъ, исправляющій обязанности прокурора. Аппеляціонная инстанція — совѣтъ адмиралтейства, къ которому присоединяются два сенатора изъ четвертаго и гражданскаго кассаціонныхъ департаментовъ, назначаемыхъ по Высочайшему повелѣнію, и одинъ чиновникъ министерства иностранныхъ дѣлъ. Обязанности

прокурора при судѣ второй инстанціи исправляетъ юрисконсультъ морского министерства.

Во Франціи въ 1870 г. призовымъ судомъ первой инстанціи былъ комитетъ изъ пяти членовъ, на рѣшеніе котораго аппелировали Государственному совѣту. Несомнѣнно, что, вопреки неяснымъ и неточнымъ названіямъ: комиссія и комитетъ,—которыя встрѣчаются въ законодательствахъ нѣкоторыхъ государствъ, а также вопреки административному, порою смѣшанному (юристы и военные), составу этихъ комиссій, мы должны признать въ организаціи призового судопроизводства установленіе суда въ настоящемъ смыслѣ этого слова.

Призовые суды постановляютъ рѣшенія на основаніи началъ международнаго права, обычаевъ, трактатовъ, различныхъ регламентовъ и они имѣютъ такую же силу, какъ и рѣшенія всѣхъ остальныхъ судовъ каждаго государства. Но въ какомъ отношеніи находятся призовые суды къ международной юрисдикціи? Къ разсмотрѣнію этого вопроса мы и переходимъ.

Весьма долго призовые суды разсматривались исключительно, какъ учрежденія строго національныя. Но, будучи организованы воюющими государствами, они, тѣмъ не менѣе, присвоили себѣ право судить о правильности захвата кораблей, принадлежащихъ подданнымъ государствъ, не принимающихъ участія въ войнѣ, государствъ нейтральныхъ. Результатомъ этого явился цѣлый рядъ протестовъ со стороны послѣднихъ, основаніе которыхъ, по совершенно справедливому мнѣнію писателей, коренилось въ органическомъ недостаткѣ, присущемъ призовымъ судамъ,—въ устраненіи изъ ихъ состава *нейтральнаго* элемента. И дѣйствительно, мы видимъ въ текущемъ столѣтіи нѣсколько попытокъ придать призовымъ судамъ, такъ сказать, смѣшанный характеръ: укажемъ, напримѣръ, на трактаты Франціи съ Тунисомъ (1830 г.); съ Триполи (1832 г.), а также на періодъ войны за независимость Греціи.

Въ то же время компетенція этихъ судовъ сужи-

валась. Парижская декларація 1856 г. отмѣнила, напримѣръ, каперство, оставивъ право на захватъ частной собственности непріятельскихъ подданныхъ лишь за военными кораблями враждующихъ государствъ *). Самый принципъ захвата частной непріятельской собственности на морѣ подвергается въ литературѣ и въ жизни все болѣе и болѣе сильнымъ на-

---

*) Приводимъ текстъ *Парижской декларації*. Уполномоченные, подписавшіе договоръ 20 марта 1856 г., собравшись на конференцію и принимая во вниманіе:

что морское право во время войны было въ теченіе долгаго времени предметомъ прискорбныхъ споровъ;

что неопредѣленность правъ и обязанностей въ этомъ вопросѣ служитъ причиной разногласій между нейтральными и воюющими, могущихъ породить серьезныя затрудненія и даже столкновенія;

что поэтому полезно установить однообразные принципы относительно столь важнаго предмета;

что уполномоченные, собравшіеся на Парижскомъ конгрессѣ, не могутъ лучше выразить намѣренія, одушевляющія ихъ Правительства, какъ стараясь внести въ международныя отношенія твердыя начала, сюда относящіяся;

Вышеупомянутые уполномоченные, имѣя надлежащія полномочія, пришли къ соглашенію о средствахъ достигнуть эту цѣль и торжественно провозгласили нижеслѣдующую *Декларацію:*

1) Каперство есть и остается уничтоженнымъ.

2) Нейтральный флагъ покрываетъ непріятельскій грузъ, за исключеніемъ военной контрабанды.

3) Нейтральный грузъ, за исключеніемъ военной контрабанды, не подлежитъ захвату подъ непріятельскимъ флагомъ.

4) Блокада, чтобы быть обязательной, должна быть дѣйствительной, т.-е., поддержанной достаточной силой для дѣйствительнаго воспрепятствованія доступа къ непріятельскому берегу.

Правительства подписавшихся уполномоченныхъ обязываются довести эту Декларацію до свѣдѣнія государствъ, не призванныхъ къ участію въ Парижскомъ конгрессѣ и пригласить ихъ къ ея принятію.

Убѣжденные въ томъ, что провозглашенныя выше правила будутъ приняты всѣми съ благодарностію, подписавшіеся уполномоченные не сомнѣваются, что усилія ихъ Правительствъ, направленныя къ всеобщему принятію этихъ правилъ, увѣнчаются полнымъ успѣхомъ.

Настоящая Декларація есть и будетъ обязательна только для тѣхъ державъ, которыя къ ней приступили или приступятъ впослѣдствіи.

падкамъ и, когда начало неприкосновенности частной собственности на морѣ восторжествуетъ, призовые суды будутъ вѣдать лишь дѣла о секвестрѣ кораблей,—нейтральныхъ и непріятельскихъ,—въ случаяхъ военной контрабанды и нарушенія блокады.

Въ литературѣ международнаго права уже поднятъ вопросъ о необходимости реформы призовыхъ судовъ, носящихъ строго національный характеръ, такъ какъ невозможно дѣла чисто международныя подчинять государственной юрисдикціи. Въ наукѣ опредѣленно сказывается стремленіе преобразовать современные призовые суды въ суды смѣшанные.

Еще въ серединѣ XVIII вѣка Гюбнеръ, работа котораго оказала существенное вліяніе на развитіе положительнаго международнаго права, регулирующаго отношенія государствъ во время морскихъ войнъ, обратилъ вниманіе на ненормальность того обстоятельства, что воюющіе имѣютъ право юрисдикціи надъ захваченными ихъ подданными кораблями и являются, такимъ образомъ, судьями въ своемъ собственномъ дѣлѣ. Мысль Гюбнера развивалась впослѣдствіи въ работахъ позднѣйшихъ писателей.

Но особенно сильно стремленіе внести въ организацію призового судопроизводства элементъ нейтральный сказалось въ послѣдней четверти текущаго столѣтія въ средѣ Института международнаго права, которымъ въ 1875 году было поручено изученіе разсматриваемаго вопроса комиссіи, состоящей изъ выдающихся ученыхъ интернаціоналистовъ. На своемъ съѣздѣ въ Цюрихѣ (1877 г.) Институтъ формулировалъ слѣдующія три положенія относительно желательной реформы въ области призового права. Необходимо, во-1-хъ, опредѣлить, посредствомъ трактата, основныя начала въ области призового права; во-2-хъ, замѣнить суды, которые доселѣ составлялись исключительно изъ судей, подданныхъ воюющаго государства, международными судами, дающими бо́льшую гарантію безпристрастія какъ подданнымъ ней-

тральныхъ государствъ, такъ и подданнымъ воюющихъ сторонъ; въ-3-хъ, согласиться объ установленіи однообразныхъ процессуальныхъ формъ въ области призового права. На послѣдующихъ съѣздахъ Института разсматриваемый вопросъ продолжалъ привлекать вниманіе выдающихся ученыхъ и въ 1887 году Институтомъ былъ принятъ, хотя и съ значительными измѣненіями, замѣчательный проектъ, выработанный на основаніи доклада Бульмеринка.

Въ основѣ этого проекта лежало признаніе принципа *международныхъ* призовыхъ судовъ. Какъ мы уже видѣли выше въ положеніяхъ, формулированныхъ въ Цюрихѣ, начало интернаціонализаціи призового судопроизводства было признано Институтомъ существеннымъ принципомъ реформы призового права. Впослѣдствіи на Мюнхенскомъ съѣздѣ Института вновь былъ поднятъ вопросъ о принципіальномъ значеніи *международной* юрисдикціи въ разсматриваемой области и тогда же значительнымъ большинствомъ голосовъ выдающихся ученыхъ Европы было подтверждено значеніе международной юрисдикціи, на послѣдовательномъ проведеніи которой въ вырабатываемомъ Институтомъ проектѣ устава настаивалъ докладчикъ комиссіи проф. Бульмеринкъ.

Институтъ международнаго права отнесся къ поставленной задачѣ въ высшей степени осторожно и внимательно (напомнимъ, что работа надъ проектомъ продолжалась въ теченіе 10 лѣтъ,—1877—1887 г.). Докладъ проф. Бульмеринка, ученаго, придающаго громадное значеніе разработкѣ именно положительнаго матеріала, былъ основанъ на тщательномъ изученіи призовой практики и ея многочисленныхъ актовъ—регламентовъ, ордонансовъ, трактатовъ и конвенцій. Такимъ образомъ, проектъ докладчика въ большей своей части покоился на дѣйствующемъ правѣ, обобщая отдѣльныя его постановленія и внося измѣненія соотвѣтственно съ рѣшеніями, принятыми Институтомъ.

Сущность проекта проф. Бульмеринка сводится къ слѣдующему. Такъ какъ призовые суды и призовое право вытекаютъ непосредственно изъ факта существованія права войны, то большая часть состава призовыхъ судовъ должна быть образована изъ судей, назначаемыхъ воюющими. Но въ то же время интересы нейтральныхъ государствъ должны быть удовлетворены наличностью въ составѣ суда членовъ, назначенныхъ нейтральными государствами.—Необходимо, впрочемъ, замѣтить, что члены призового суда, принадлежащіе къ различнымъ національностямъ, не являются представителями различныхъ интересовъ, но всѣ они въ совокупности образуютъ судъ, стоящій надъ этими интересами и подчиняющій свои рѣшенія исключительно праву. Интересы сторонъ должны и могутъ, какъ это показываетъ международная практика, быть представлены особыми лицами.— Членами призовыхъ судовъ должны быть не чиновники администраціи, а юристы, возможность чего опять-таки подтверждается практикою.—Призовые суды — двухъ инстанцій, образуются лишь на случай каждой данной войны.—Каждая изъ воюющихъ державъ назначаетъ по одному или по два судьи, тогда какъ третій или пятый (судъ, такимъ образомъ, состоитъ изъ 3 или 5 членовъ) судья назначается единственнымъ вѣчно нейтральнымъ морскимъ государствомъ, Бельгіею, на территоріи каковой и должно быть мѣстопребываніе суда.

Комиссія, разсматривавшая проектъ проф. Бульмеринка, высказалась за его видоизмѣненіе въ томъ смыслѣ, что международный характеръ долженъ быть приданъ лишь второй—аппеляціонной инстанціи, тогда какъ призовой судъ первой инстанціи долженъ носить исключительно національный характеръ. При обсужденіи проекта Бульмеринка и измѣненій, предложенныхъ комиссіею въ общемъ собраніи Института, нѣкоторые изъ членовъ послѣдняго настаивали на полномъ непризнаніи принципа международной юрисдикціи,

отрицая возможность его осуществленія даже и для одной апелляціонной инстанціи. Предлагаемый проектъ, говорилъ проф. Перельсъ, не можетъ быть согласованъ съ правомъ юрисдикціи, вытекающей непосредственно изъ суверенитета государства, и никогда воюющее государство не согласится предоставить оцѣнку дѣйствій своихъ представителей, и особенно офицеровъ, суду, организація котораго не зависитъ исключительно отъ него одного. На послѣднее замѣчаніе проф. Бульмеринкъ возражалъ, что приговоръ международнаго суда вовсе не будетъ касаться личности того или иного изъ агентовъ воюющаго и, само собою разумѣется, что не можетъ быть и рѣчи о какомъ бы то ни было дисциплинарномъ преслѣдованіи передъ призовымъ судомъ. Что касается до перваго изъ возраженій проф. Перельса, то совершенно справедливо указывалъ англійскій ученый Вестлаке, что оно опровергается практикою международныхъ отношеній. Онъ приводилъ примѣръ Вашингтонскаго договора, передавшаго вопросъ объ Алабамѣ на разсмотрѣніе третейскаго суда (см. ниже, стр. 400) и установившаго смѣшанную комиссію для опредѣленія убытковъ, которые С.-Штаты должны были уплатить англійскимъ подданнымъ за неправильные приговоры американскихъ призовыхъ судовъ въ періодъ войны 1863 и и сл. годовъ. Понятно, что аналогія между этой комиссіею и аппеляціоннымъ призовымъ судомъ вполнѣ возможна, хотя противъ этого и возражали нѣкоторые изъ членовъ Института.

8 сентября 1887 г. на своемъ съѣздѣ въ Гейдельбергѣ Институтъ международнаго права вотировалъ 85—122 ст. ст. своего проекта о морскихъ призахъ (ст. ст. 1—84 были вотированы на предшествующихъ съѣздахъ), которыми опредѣляется организація призовыхъ судовъ. Проектъ 1887 г. принялъ во вниманіе замѣчанія комиссіи и призналъ за судами первой инстанціи исключительно національный характеръ, предполагая, что, такимъ образомъ, принятіе проекта го-

сударствами является болѣе обезпеченнымъ. Организація аппеляціонной инстанціи опредѣляется 100 ст. проекта, которая говоритъ слѣдующее: „Въ началѣ войны каждая изъ воюющихъ сторонъ образуетъ международный аппеляціонный судъ, вѣдающій дѣла о морскихъ призахъ. Судъ этотъ составляется изъ пяти членовъ слѣдующимъ образомъ: воюющее государство назначаетъ самостоятельно предсѣдателя и одного изъ членовъ; оно же, кромѣ того, указываетъ на три нейтральныхъ государства, изъ которыхъ каждое назначаетъ по одному изъ трехъ остальныхъ членовъ суда".

Проектъ Института является значительнымъ шагомъ впередъ въ теоретической разработкѣ вопроса о необходимой реформѣ призового права. Несомнѣнно, что реформа въ этомъ направленіи положительнаго международнаго права дѣло ближайшаго будущаго.

Хотя мы и слышимъ въ средѣ Института возраженія противъ постановленій проекта, нарушающихъ якобы суверенную независимость государствъ (какъ будто и въ данномъ случаѣ, какъ и во всѣхъ другихъ случаяхъ международныхъ отношеній, принципъ *самоограниченія* государства не достаточное основанія для признанія послѣднимъ обязательной для себя нормы?), но значеніе этихъ постановленій отъ этого нисколько не умаляется. Совершенно справедливо говорилъ проф. Бульмеринкъ, что задачею Института является не одобреніе status quo, когда оно не соотвѣтствуетъ современнымъ условіямъ жизни, а, напротивъ того, изысканіе основаній для реформы, для измѣненія этого status quo и что противодѣйствіе его проекту является исключительно результатомъ опасенія передъ движеніемъ впередъ.

Институтъ международнаго права въ теченіе своей двадцатипятилѣтней дѣятельности сумѣлъ снискать себѣ столь глубокія и несомнѣнныя симпатіи правительствъ, которымъ, замѣтимъ это, онъ препровождаетъ свои постановленія, что не признавать нрав-

ственнаго значенія за выработаннымъ имъ проектомъ невозможно. Прибавимъ также, что внимательное изученіе исторіи международныхъ отношеній послѣднихъ десятилѣтій обнаруживаетъ несомнѣнное вліяніе постановленій Института на развитіе положительнаго международнаго права. Каждая перемѣна въ международномъ общеніи отношеній, сложившихся и окрѣпшихъ вѣками, совершается лишь постепенно и осуществляется въ теченіе очень длиннаго срока, а потому, не смотря на то, что дѣйствіе выработаннаго въ 1887 г. Институтомъ проекта и не отразилось еще на международной практикѣ, мы не имѣемъ, тѣмъ не менѣе, основанія утверждать, что проектъ этотъ останется и въ будущемъ безъ вліянія. Замѣтимъ, что проф. Бульмеринкъ, знатокъ положительнаго международнаго права и чутко прислушивавшійся къ явленіямъ международной жизни, въ одномъ изъ своихъ докладовъ Институту говорилъ: „желаніе, взамѣнъ національныхъ правъ, создать международное призовое право раздѣляется и государственными людьми, и нѣкоторыми правительствами“.

Не замѣчательна ли тенденція къ преобразованію національныхъ судовъ въ смѣшанные и не является ли она опредѣленнымъ выраженіемъ необходимости предоставить международнымъ судамъ разрѣшеніе вопросовъ, вытекающихъ изъ международныхъ отношеній. Несомнѣнно, что призовые суды, разъ они преобразуются въ смѣшанные суды, независимые отъ непосредственнаго вліянія отдѣльныхъ государствъ, явятся эмбріономъ, изъ котораго можетъ развиться и международный третейскій судъ. Это положеніе признается въ литературѣ защитниками послѣдняго. Не является ли, говоритъ графъ Камаровскій, интернаціонализація призовыхъ судовъ первою робкою попыткой къ признанію принципа,—попыткою, которая, въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ, должна получить дальнѣйшее развитіе?

2.

Смѣшанные суды.

Суверенитетъ государства—основной принципъ современнаго международнаго права. Отсюда вытекаютъ слѣдующія слѣдствія. Каждое государство *вправѣ принимать въ предѣлахъ своей территоріи всѣ тѣ мѣры, которыя оно считаетъ для себя полезными и необходимыми*, но, въ то же время, оно *не можетъ распространять своей юрисдикціи на территорію чужихъ государствъ*. Эти два положенія касаются всѣхъ странъ, являющихся членами международнаго общенія, и лишь въ мѣстностяхъ, населенныхъ дикими народностями Африки, которыя не образуютъ государствъ, признанныхъ за таковыя членами этого общенія, продолжается подчиненіе европейцевъ дѣйствію законовъ ихъ отечества, слѣдовательно, въ указанныхъ мѣстностяхъ юрисдикція цивилизованнаго государства распространяется на пребывающихъ тамъ его подданныхъ.

Такимъ образомъ, иностранецъ, находясь въ предѣлахъ какого-либо цивилизованнаго государства, подчиняется, по общему правилу, законамъ этого государства и распоряженіямъ его правительственныхъ органовъ, и только въ исключительныхъ случаяхъ тѣ или иныя отношенія регулируются на основаніи отечественныхъ законовъ. Такъ, напримѣръ, правоспособность и дѣеспособность лица опредѣляется на территоріи какого бы то ни было государства на основаніи отечественныхъ законовъ этого лица.

Въ особомъ положеніи находится, однако, Турція, суверенное государство, признанное на Парижскомъ конгрессѣ 1856 г. членомъ европейскаго общенія. Казалось бы, что послѣднее обстоятельство должно обусловить полное распространеніе и на Турцію выставленныхъ выше положеній, но въ дѣйствительности этого нѣтъ. Понять причину этого можно, обратившись къ

выясненію отношеній Турціи къ христіанскимъ народностямъ.

Когда народъ завоевываетъ страну съ населеніемъ, рѣзко отличающимся отъ завоевателя своими религіозными воззрѣніями и своими нравами, то, обыкновенно, населеніе это продолжаетъ жить и развиваться при господствѣ своихъ прежнихъ законовъ, пока, наконецъ, незамѣтнымъ образомъ не происходитъ смѣшенія культуръ завоевателя и завоеваннаго. Но въ Турціи такого смѣшенія произойти не могло, такъ какъ исключительно религіозный характеръ общественнаго строя турокъ лишалъ возможности приспособиться къ нему народностямъ, исповѣдующимъ христіанство, — религію, нравственныя основы которой совершенно противоположны принципамъ исламской морали.

Коранъ содержитъ въ себѣ одновременно и религіозныя предписанія и юридическія постановленія; онъ одновременно и законодательный кодексъ и катехизисъ, а потому понятно, что турки не могли примѣнять къ „невѣрнымъ“ священный законъ, установленный только для „правовѣрныхъ“. Вслѣдствіе этого Махмудъ, завоевавъ Константинополь, предоставилъ греческому патріарху и другимъ главамъ религіозныхъ общинъ право юрисдикціи надъ лицами, принадлежащими къ этимъ общинамъ. Право самостоятельной юрисдикціи было предоставлено и иностранцамъ, причемъ оно, по крайней мѣрѣ, въ теченіе Среднихъ вѣковъ и первой половины Новаго времени, пока султанъ по своему произволу нарушалъ конвенціи съ европейскими государствами, отнюдь не являлось для нихъ выраженіемъ привиллегированнаго положенія сравнительно съ подданными султана, не исповѣдовавшими мусульманства. Но, по мѣрѣ приближенія къ нашему времени, положеніе дѣла совершенно мѣняется. Обязательность международныхъ трактатовъ, въ которыхъ формулируется согласіе султана на признаніе за представителями европейскихъ государствъ само-

стоятельной юрисдикціи надъ подданными этихъ государствъ, становится совершенно обезпеченною. Въ настоящее время, когда въ Турціи порядокъ капитуляцій (договоры, предоставляющіе иностранцамъ самостоятельную юрисдикцію) разсматривается, какъ несогласный съ достоинствомъ государства и когда неоднократно дѣлались попытки къ уничтоженію капитуляцій, европейскія государства настояли на необходимости сохранить этотъ порядокъ, какъ единственное обезпеченіе безопасности ихъ подданныхъ, пребывающихъ на территоріи Турціи.

Уже въ Средніе вѣка европейцы, пріѣзжавшіе ради торговли на Востокъ, селились тамъ въ опредѣленныхъ городахъ и получали отъ мѣстныхъ властителей право самостоятельнаго управленія и суда. Представители европейскихъ общинъ на Востокѣ, членами которыхъ являлись лица одной и той же національности, судили своихъ согражданъ на основаніи ихъ отечественныхъ законовъ и обычаевъ. Впослѣдствіи изъ этого представительства европейскихъ общинъ развивается, т. н., институтъ консуловъ, агентовъ, назначаемыхъ иностраннымъ правительствомъ съ согласія государства, на территоріи котораго должна осуществляться дѣятельность этихъ агентовъ. На обязанности консуловъ вообще въ настоящее время лежитъ охрана промышленныхъ, торговыхъ и соціальныхъ интересовъ государствъ, которыя они представляютъ, и подданныхъ этихъ государствъ. Но въ странахъ Востока консулы и въ настоящее время отправляютъ судебныя функціи*), которыя перешли къ нимъ отъ

---

*) Въ цивилизованныхъ государствахъ Европы и Америки, гдѣ личная и имущественная неприкосновенность иностранцевъ обезпечена мѣстными судами, консуламъ не принадлежитъ это право судебной юрисдикціи. За послѣдніе годы Японія, внутреннее устройство которой все болѣе и болѣе упрочивается на основаніяхъ, на которыхъ обыкновенно покоится современное правовое государство, стремится путемъ договоровъ съ государствами, членами международнаго общенія, отмѣнить юрисдикцію европей-

ихъ предшественниковъ, магистратовъ различныхъ европейскихъ общинъ, образовавшихся въ торговыхъ центрахъ Востока. Въ Турціи, какъ мы видѣли, судебная власть консуловъ европейскихъ государствъ надъ ихъ соотечественниками имѣетъ корни въ отдаленномъ прошломъ. Въ другихъ государствахъ Востока, въ Персіи, Китаѣ и Японіи, консульская юрисдикція надъ подданными европейскихъ государствъ установлена и развита лишь въ международныхъ договорахъ болѣе поздняго происхожденія.

Но особый интересъ имѣетъ развитіе консульской юрисдикціи въ Египтѣ. Мегеметъ-Али, домогаясь независимости отъ Турціи, открылъ въ Египетъ доступъ вліянію европейской цивилизаціи и европейцы въ значительномъ числѣ направились въ эту страну: въ 1836 г. ихъ было тамъ 3.000 человѣкъ, а черезъ сорокъ лѣтъ, въ 1876 г., число ихъ возросло до 200.000 человѣкъ. Такое колоссальное движеніе европейскаго населенія и увеличеніе связанныхъ съ нимъ торговыхъ интересовъ содѣйствовало расширенію консульской юрисдикціи. Консулы, уполномоченные, согласно капитуляціямъ, судить лишь своихъ соотечественниковъ, постепенно, привлекали въ сферу своей юрисдикціи и подданныхъ другихъ государствъ. Объясняется это тѣмъ, что въ Египтѣ особенно часто вступали въ коммерческія отношенія подданные различныхъ государствъ, соглашавшіеся передавать разрѣшеніе своихъ споровъ одному изъ представителей консульской власти. Слѣдуя правилу actor sequitur forum rei (истецъ отвѣчаетъ передъ судомъ отвѣтчика), въ такихъ случаяхъ обращались къ суду того консула, къ національности котораго принадлежалъ отвѣтчикъ; мало

скихъ консуловъ и подчинить находящихся на ея территоріи иностранцевъ вѣдѣнію японскихъ судебныхъ установленій. Такъ, въ 1894 и 1895 г.г. Японія заключила трактаты съ Россіею, Англіею, Италіею и С.-А. Соединенными Штатами, на основаніи которыхъ юрисдикція консуловъ означенныхъ государствъ въ Японіи пріостанавливается на опредѣленный срокъ.

того, къ суду этого консула стали обращаться и при спорахъ европейцевъ съ туземцами. Такимъ образомъ, мѣстная судебная власть въ Египтѣ перестала имѣть для европейцевъ какое бы то ни было значеніе.

Но въ то же время направленіе, принятое развитіемъ консульской юрисдикціи, оставляло желать много. Въ Египтѣ находилось въ первой половинѣ 70-хъ годовъ 17 консуловъ, защищавшихъ интересы подданныхъ цивилизованныхъ государствъ и каждый изъ нихъ основывался при отправленіи своей судебной функціи на законодательствѣ своего отечества. Въ спорѣ между нѣсколькими европейцами могли быть замѣшаны представители многихъ національностей и, въ такомъ случаѣ, дѣло должно было разсматриваться у столькихъ консуловъ, сколько было отвѣтчиковъ различныхъ національностей. Понятно, что въ такомъ случаѣ приговоры различныхъ консуловъ не всегда были одинаковы и часто противорѣчили другъ другу. Аппеляціонная инстанція находилась въ различныхъ городахъ Европы, смотря по тому, къ какой національности принадлежитъ отвѣтчикъ. Громадные капиталы, вложенные европейцами въ различныя предпріятія въ Египтѣ (достаточно напомнить хотя бы проведеніе Суэцкаго канала), обусловливали также необходимость такой организаціи судебной власти, которая давала бы гарантіи неприкосновенности этихъ капиталовъ, тѣмъ болѣе, что на отправленіе правосудія въ той формѣ, въ какой оно развивалось въ Египтѣ не малое вліяніе оказывали дипломатическія интриги и состояніе международныхъ отношеній каждаго даннаго момента. Англія, напримѣръ, при проведеніи своихъ исключительныхъ интересовъ заинтересована въ совершенномъ устраненіи вліянія остальныхъ европейскихъ державъ.

Реформа была необходима и, благодаря почину въ этомъ дѣлѣ египетскаго хедива, въ 1869 году была образована французско-египетская комиссія, а въ 1869, 1870 и 1873 международныя комиссіи изъ пред-

ставителей великихъ державъ Европы и С.-А.-Соединенныхъ Штатовъ, которыя выработали организацію международныхъ смѣшанныхъ судовъ въ Египтѣ, ограничивающую въ этомъ государствѣ консульскую юрисдикцію. Новый порядокъ вступилъ въ силу въ 1876 году и, продолжаемый каждыя пять лѣтъ вновь на такой же срокъ, существуетъ до настоящаго времени. Въ Александріи, Каирѣ и Измаилѣ организованы смѣшанные суды первой инстанціи, въ составъ которыхъ входятъ по четыре европейца и три туземца. Въ Александріи организованъ аппеляціонный судъ изъ семи судей европейцевъ и четырехъ туземцевъ. Европейскіе судьи назначаются хедивомъ, но по предложенію и съ согласія европейскихъ державъ. Означенные суды разсматриваютъ всѣ споры относительно недвижимаго имущества, находящагося въ Египтѣ, споры между европейцами различныхъ національностей, а также, кромѣ того, эти суды вѣдаютъ въ уголовномъ порядкѣ всѣ полицейскія правонарушенія, всѣ преступленія и проступки, совершенные противъ членовъ смѣшанныхъ судовъ, или съ цѣлью оказать препятствіе исполненію ихъ постановленій, равно какъ преступленія и проступки, совершенные членами этихъ судовъ при исполненіи ихъ служебныхъ обязанностей *).

Смѣшанные суды являются учрежденіемъ, охраняющимъ интересы отдѣльныхъ подданныхъ европейскихъ государствъ: это, очевидно, вытекаетъ изъ разсмотрѣнія ихъ компетенціи. Въ то же время они стоятъ на стражѣ интересовъ въ Египтѣ европейскихъ государствъ, каковые, при отсутствіи международнаго контроля и при слабости египетскаго правительства, во всякое время могутъ быть поглощены въ сферѣ интересовъ того или иного изъ отдѣльныхъ европейскихъ государствъ. Значеніе смѣшанныхъ судовъ въ

---

*) Споры, не предусмотрѣнные уставомъ смѣшанныхъ судовъ, попрежнему, входятъ въ сферу вѣдѣнія консуловъ отдѣльныхъ государствъ.

послѣднемъ отношеніи наглядно выступаетъ въ дѣлѣ Кассы египетскаго долга.

Касса эта существуетъ съ 1880 г. и, являясь какъ бы представителемъ европейскихъ кредиторовъ Египта, завѣдуетъ, въ интересахъ правильной уплаты государственныхъ долговъ, наблюденіемъ и контролемъ надъ многочисленными вѣтвями финансовой администраціи въ Египтѣ. Управленіе дѣлами Кассы находится въ рукахъ шести лицъ, представляющихъ шесть великихъ державъ Европы и получающихъ инвеституру отъ египетскаго хедива. Въ 1896 г. Англія, съ цѣлью продлить свою оккупацію Египта, организовала экспедицію въ Суданъ, на каковую потребовала 500.000 ф. стерл. и предложила взять ихъ изъ резервнаго фонда Кассы египетскаго долга. 26 марта 1896 г. Касса, большинствомъ четырехъ голосовъ противъ двухъ (Россіи и Франціи), согласилась на это заимствованіе изъ резервнаго фонда и, на этомъ основаніи, египетскій министръ финансовъ приступилъ къ уплатѣ денегъ на экспедицію изъ указанныхъ средствъ. Вслѣдствіе протеста представителей Франціи и Россіи, требовавшихъ отъ египетскаго правительства пополненія затронутаго резервнаго фонда, дѣло перешло на разсмотрѣніе смѣшаннаго суда въ Каирѣ, который и приговорилъ египетское правительство удовлетворить требованіе меньшинства членовъ кассы. Приговоръ суда первой инстанціи былъ утвержденъ и аппеляціоннымъ судомъ въ Александріи.

Для насъ, однако, имѣютъ особенное значеніе тѣ причины, которыя вызвали къ жизни существованіе смѣшанныхъ судовъ и о которыхъ мы уже говорили выше. На Востокѣ въ области гражданско-правовыхъ отношеній консульскіе суды начинаютъ уступать мѣсто судамъ международнаго характера. Это движеніе, которое отчасти касается и вопросовъ публичнаго права, быть можетъ, въ свое время распространится и на область международныхъ отношеній? Быть-можетъ и въ спорахъ между народами возможно осуществленіе

организаціи смѣшанныхъ судовъ? Есть основаніе предполагать, что въ этомъ направленіи можетъ пойти развитіе современнаго положительнаго права, что, отчасти, подтверждается и изученіемъ другого учрежденія, существующаго въ области международныхъ отношеній, а именно смѣшанныхъ комиссій. Комиссіи эти являются какъ бы переходною ступенью отъ органовъ дипломатическаго характера къ судебнымъ учрежденіямъ въ настоящемъ смыслѣ этого слова.

3.

Смѣшанныя комиссіи.

Начиная отъ XIV вѣка и до нашихъ дней можно указать на безчисленное количество, т. н., „смѣшанныхъ комиссій“, созываемыхъ для разрѣшенія различныхъ спеціальныхъ вопросовъ политическаго, техническаго и административнаго характера. Но, въ большинствѣ случаевъ, онѣ имѣютъ очень мало общаго съ судебными функціями третейскихъ судовъ.

Укажемъ, напримѣръ, на Дунайскія комиссіи, международную и комиссію прибрежныхъ государствъ, созданныя въ силу постановленій 16 и 17 ст. ст. Парижскаго трактата. На конгрессѣ въ Парижѣ въ 1856 г. было рѣшено распространить на Дунай дѣйствіе постановленій, установленныхъ еще въ 1815 году въ Вѣнѣ, на основаніи которыхъ судоходная рѣка, протекающая по территоріи нѣсколькихъ государствъ, признается международною, т.-е., такою рѣкою, торговое судоходство на которой должно быть доступно флагамъ всѣхъ націй. Наблюденіе за судоходствомъ на международныхъ рѣкахъ, обыкновенно, возлагается на комиссію изъ представителей прибрежныхъ государствъ. Но относительно Дуная, въ виду огромнаго политическаго значенія пользованія этою рѣкою, а также въ виду необходимости произвести въ устьяхъ Дуная цѣлый рядъ гран-

діозныхъ работъ по ихъ углубленію, работъ, недоступныхъ Турціи, во владѣніе которой были переданы Парижскимъ трактатомъ эти устья, державы, участвовавшія на Парижскомъ конгрессѣ, признали необходимымъ организовать также и комиссію *международную*, въ составъ которой вошли делегаты и неприбрежныхъ государствъ (великихъ державъ). На обязанности этой комиссіи лежало производство работъ необходимыхъ для углубленія устьевъ Дуная и выработка устава для судоходства. Учрежденная первоначально на весьма короткій срокъ, международная комиссія, по рѣшенію державъ, продолжаетъ существовать и до настоящаго времени, наблюдая за судоходствомъ на Нижнемъ Дунаѣ.

Въ дѣлѣ развитія международной организаціи эти комиссіи имѣютъ большое значеніе, но къ третейской юрисдикціи, преимущественно интересующей насъ, какъ это было указано (стр. 336), онѣ имѣютъ лишь отдаленное отношеніе *).

---

*) Насколько можно судить по содержанію нижеприводимыхъ статей акта Берлинской Африканской Конференціи 1885 г., нѣкоторыя изъ этихъ учрежденій представляютъ, однако, интересъ *не исключительно въ отношеніи изученія вопросовъ международной организаціи вообще, но также и въ отношеніи третейской юрисдикціи.*

Ст. 17.—Для обезпеченія исполненія постановленій настоящаго Акта учреждается Международная Комиссія.

Державы, подписавшія этотъ Актъ, равно какъ и тѣ, которыя присоединятся къ оному впослѣдствіи, могутъ во всякое время быть представляемы въ помянутой Комиссіи каждая въ лицѣ своего делегата. Ни одинъ делегатъ не можетъ располагать болѣе, чѣмъ однимъ голосомъ, даже въ томъ случаѣ, если бы онъ былъ представителемъ нѣсколькихъ Правительствъ...

Ст. 18.—Члены Международной Комиссіи, а также назначенные ею агенты, въ отправленіи своихъ должностныхъ обязанностей, пользуются правомъ неприкосновенности. Такая же гарантія распространяется на присутственныя мѣста, конторы и архивы Комиссіи.

Ст. 19.—Учрежденіе Международной Комиссіи судоходства по рѣкѣ Конго послѣдуетъ, какъ только пять Державъ, подписавшихъ настоящій Генеральный Актъ, назначатъ своихъ делегатовъ. До тѣхъ же поръ, пока состоится учрежденіе Комиссіи, о назна-

Вниманіе наше привлекаютъ лишь тѣ смѣшанныя комиссіи, организація которыхъ отмѣчена въ большей степени третейскимъ характеромъ. Сюда, напримѣръ,

---

ченіи делегатовъ должно быть заявлено Правительству Германской Имперіи, со стороны котораго приняты будутъ надлежащія мѣры къ собранію Комиссіи.

Комиссія имѣетъ выработать немедленно *постановленія* о судоходствѣ, рѣчной полиціи, лоцманскомъ и карантинномъ порядкѣ.

Эти постановленія, равно какъ и тарифы, которые имѣютъ быть установлены Комиссіею, до введенія ихъ въ дѣйствіе должны быть представлены на утвержденіе Державамъ, имѣющимъ представителей въ Комиссіи. Заинтересованныя Державы должны заявить свое мнѣніе въ возможно кратчайшій срокъ.

Нарушенія этихъ постановленій будутъ пресѣкаемы: агентами Международной Комиссіи *тамъ*, гдѣ она непосредственно будетъ пользоваться своею властью, а въ *другихъ* мѣстахъ—прибрежнымъ государствомъ.

Въ случаѣ злоупотребленія властью или правонарушенія со стороны агента или должностнаго лица Международной Комиссіи, лицо, которое признаетъ себя оскорбленнымъ въ отношеніи своей личности или своихъ правъ, можетъ обратиться къ консульскому агенту своей націи. Сей послѣдній долженъ разсмотрѣть жалобу и, если онъ съ перваго взгляда найдетъ оную уважительною, то имѣетъ право представить таковую Комиссіи. По его иниціативѣ Комиссія, въ лицѣ не менѣе трехъ своихъ членовъ, приступаетъ къ слѣдствію относительно поступка своего агента или должностнаго лица. Если консульскій агентъ считаетъ рѣшеніе Комиссіи подлежащимъ оспариванію въ правовомъ отношеніи, то онъ доноситъ о томъ своему Правительству, которое можетъ обратиться къ имѣющимъ представителей въ Комиссіи Державамъ и пригласить ихъ условиться касательно инструкцій, которыя имѣютъ быть даны Комиссіи.

Ст. 20.—Въ кругъ дѣйствій Международной Комиссіи, на которую согласно *ст. 17* возложенъ надзоръ за приведеніемъ въ исполненіе настоящаго Акта о судоходствѣ, именно войдутъ:

1) Назначеніе работъ, потребныхъ для обезпеченія судоходства на рѣкѣ Конго, смотря по потребностямъ международной торговли

На частяхъ рѣки, гдѣ ни одна Держава не будетъ пользоваться правами верховенства, Международная Комиссія сама принимаетъ необходимыя мѣры для обезпеченія судоходности рѣки.

На частяхъ рѣки, находящихся во владѣніи суверенной Державы, Международная Комиссія имѣетъ входитъ въ соглашеніе съ *прибрежною властью.*

2) Установленіе лоцманскаго тарифа, равно какъ и общаго

относятся многочисленныя комиссіи, установлявшіяся въ теченіе послѣднихъ десятилѣтій на основаніи договоровъ С.-А.-Соединенныхъ Штатовъ съ нѣкоторы-

---

тарифа для судоходныхъ пошлинъ, предусмотрѣнныхъ во 2 и 3 параграфахъ *ст. 14*...

3) Завѣдываніе доходами, получаемыми отъ примѣненія вышеозначеннаго параграфа 2.

4) Надзоръ надъ карантиннымъ заведеніемъ, основаннымъ въ силу *ст. 24*.

5) Назначеніе принадлежащихъ къ общей службѣ судоходства агентовъ, равно какъ и своихъ собственныхъ должностныхъ лицъ.

Учрежденіе *субъ-инспекторовъ* для частей рѣки, находящихся во владѣніи какой-либо Державы, принадлежитъ территоріальной власти, а Международной Комиссіи—для *другихъ* частей рѣки.

Прибрежная Держава о назначенныхъ ею субъ-инспекторахъ, которыхъ она учредила, должна заявлять Международной Комиссіи и съ своей стороны заботиться о ихъ содержаніи.

Въ отправленіи этого круга своихъ дѣйствій, какъ таковой выше опредѣленъ и ограниченъ, Международная Комиссія не будетъ зависѣть отъ территоріальной власти.

Ст. 21.—При исполненіи своей задачи Международная Комиссія можетъ обращаться въ случаѣ надобности къ содѣйствію военныхъ судовъ Державъ, подписавшихъ этотъ Актъ, и *тѣхъ*, которыя присоединятся къ оному впослѣдствіи, со всѣми оговорками въ отношеніи инструкцій, которыя могутъ быть даны командирамъ этихъ судовъ *подлежащими* Правительствами.

Ст. 23.—Международная Комиссія, учрежденная *ст. 17*, для покрытія возложенныхъ на нее техническихъ и административныхъ расходовъ можетъ заключать отъ своего собственнаго имени *займы*, для обезпеченія коихъ служатъ исключительно доходы, назначенные этой Комиссіи.

Рѣшенія Комиссіи касательно заключенія займа должны быть постановляемы большинствомъ *двухъ третей* голосовъ. Само собою разумѣется, что Правительства, имѣющія своихъ представителей въ Комиссіи, ни въ какомъ случаѣ не могутъ считаться принявшими на себя какую-либо гарантію, какое-либо обязательство или солидарную отвѣтственность въ отношеніи сказаннаго займа, если на сей предметъ *ими* не заключены *особыя* конвенціи.

Доходъ отъ сборовъ, обозначенныхъ въ 3 параграфѣ *ст. 14*, будетъ употребляемъ преимущественно на уплату процентовъ и на погашеніе помянутыхъ займовъ, согласно условіямъ заключеннымъ съ кредиторами.

Ст. 24.—При устьяхъ рѣки Конго будетъ основано либо по иниціативѣ Прибрежныхъ Державъ, либо при содѣйствіи Международной Комиссіи карантинное заведеніе, которое должно будетъ

ми европейскими и американскими государствами и въ особенности съ Англіею *). Комиссіи эти, являясь органами дипломатическими, въ то же время отправляли и судебныя функціи. Дипломатическій характеръ смѣшанныхъ комиссій сказывался, въ особенности, въ дѣлахъ, относящихся къ спорамъ государствъ другъ съ другомъ, но судебный ихъ характеръ выступалъ на первый планъ, когда онѣ обращались къ разсмотрѣнію исковъ и требованій частныхъ лицъ. Въ послѣднемъ отношеніи имъ часто приходилось постановлять рѣшенія относительно незаконныхъ дѣйствій правительственныхъ органовъ одного государства по отношенію къ гражданамъ другого государства. Національные суды не могли постановить правильнаго рѣшенія по вопросамъ послѣдняго рода, отчасти выказывая очевидное пристрастіе, отчасти вслѣдствіе пробѣловъ отечественнаго законодательства и только международные судьи были компетентны въ этихъ вопросахъ. Послѣднее обстоятельство и даетъ намъ основаніе видѣть въ смѣшанныхъ комиссіяхъ зародышъ третей-

---

завѣдывать контролемъ надъ судами какъ при входѣ ихъ, такъ и при выходѣ...

Ст. 8. Во всѣхъ тѣхъ частяхъ принятой настоящею Декларацією въ соображеніе территоріи, гдѣ ни одна Держава не будетъ пользоваться правомъ верховенства или протектората, на Международную Комиссію судоходства по рѣкѣ Конго, учрежденную въ силу ст. 17, возлагается надзоръ за примѣненіемъ постановленныхъ и утвержденныхъ настоящею Декларацією началъ.

Во всѣхъ случаяхъ, въ коихъ возникли бы затрудненія относительно примѣненія установленныхъ настоящею Декларацією началъ, заинтересованныя Правительства могутъ по взаимному соглашенію обратиться къ содѣйствію Международной Комиссіи, съ предоставленіемъ ей на разсмотрѣніе обстоятельствъ, подавшихъ поводъ къ этимъ затрудненіямъ.

*) Договоры С.-А.-С.-Штатовъ съ Н. Гвинеею (10 сент. 1857 г.), съ Парагваемъ (4 февр. 1859), съ Коста-Рика (2 іюля 1860), Экуадоромъ (25 ноября 1862), Перу (12 янв. 1863), Колумбіей (10 февр. 1864), Венецуэлой (25 апр. 1866), Мексикою (4 іюл. 1868), Перу (4 дек. 1868), Испаніею (12 февр. 1871), Англіею (8 мая 1871).

ской юрисдикціи, хотя и въ нѣсколько спеціальной области, но, тѣмъ не менѣе, уже достаточно опредѣлившейся.

Обратимся къ разсмотрѣнію компетенціи и организаціи этихъ комиссій. Поводы къ ихъ созванію можно свести къ двумъ основнымъ категоріямъ. Онѣ, во-первыхъ, созываются для разрѣшенія споровъ относительно проведенія территоріальныхъ границъ и, во-вторыхъ, онѣ вѣдаютъ жалобы частныхъ лицъ на нарушеніе ихъ личныхъ и имущественныхъ правъ. Какъ на примѣръ комиссій перваго рода можно указать на собравшуюся, на основаніи заключенной въ Бернѣ (1873 г.) конвенціи между Италіею и Швейцаріею, въ 1874 г. въ Миланъ комиссію, разрѣшившую споръ относительно границъ между Италіей и Тессинскимъ кантономъ,—споръ, тянувшійся въ теченіе вѣковъ. Что касается до требованій частныхъ лицъ, предъявляемыхъ передъ смѣшанными комиссіями, то очень часто они представляютъ значительный интересъ, если принять во вниманіе размѣры исковыхъ требованій. Напримѣръ, комиссія собравшаяся, на основаніи конвенціи 4 іюля 1868 г., заключенной между С.-А.-Соединенными Штатами и Мексикою, въ Вашингтонѣ должна была разрѣшить 958 требованій со стороны мексиканцевъ, размѣръ которыхъ простирался до 84 мил. долларовъ и 1.017 требованій американцевъ размѣромъ до 500 мил. долларовъ. Укажемъ также на извѣстную комиссію, которая засѣдала въ Вашингтонѣ и приговорила С.-А.-Соединенные Штаты къ уплатѣ двухъ милліоновъ долларовъ въ вознагражденіе нѣсколькимъ сотнямъ англичанъ, подвергшимся убыткамъ, благодаря дѣятельности американскихъ призовыхъ судовъ. Въ силу конвенціи, заключенной Соединенными Штатами и Франціею въ 1880 г., смѣшанной комиссіи было предоставлено разсмотрѣть претензіи французскихъ гражданъ, потерпѣвшихъ убытки во время гражданской войны въ Америкѣ и американскихъ гражданъ, потерпѣвшихъ убытки во время войны въ

Мексикѣ, франко-прусской и во время парижской коммуны.

Обращаясь къ вопросу объ организаціи смѣшанныхъ комиссій, ихъ состава и организаціи ихъ работъ, замѣтимъ, что всѣ эти вопросы, по общему правилу, регламентируются договоромъ, учреждающимъ каждую данную комиссію. Сравненіе этихъ договоровъ другъ съ другомъ даетъ возможность отмѣтить и нѣкоторыя постоянныя начала. Такъ, напримѣръ, истцы обращаются къ комиссіямъ съ своими требованіями, лишь послѣ того какъ они обратились ко всѣмъ судебнымъ инстанціямъ въ отечествѣ отвѣтчика. Члены комиссій, обыкновенно, назначаются верховною властью обоихъ государствъ и, по большей части, въ нечетномъ числѣ, причемъ каждая изъ договаривающихся сторонъ назначаетъ по ровному числу членовъ, къ каковымъ присоединяется, обыкновенно, т. н., общій посредникъ (sur-arbitre). Этотъ общій посредникъ можетъ быть избранъ или остальными членами комиссіи, или по жребію, или, наконецъ, государемъ страны, непричастной къ спору; онъ можетъ быть избранъ изъ числа самыхъ различныхъ лицъ и быть даже гражданиномъ чужого государства. Предварительные договоры, организуя комиссію, опредѣляютъ также и способы ея работы. Они указываютъ городъ и время собранія, форму присяги членовъ комиссіи, продолжительность работъ, способъ замѣщенія членовъ—умершихъ, отсутствующихъ и отстраненныхъ по какой-либо причинѣ—свидѣтелей, которыхъ слѣдуетъ допросить, документы, подлежащіе изслѣдованію, наконецъ, основанія, которыя должны быть приняты во вниманіе при постановкѣ приговора.

Въ теченіе послѣднихъ лѣтъ вопросъ объ организаціи смѣшанныхъ комиссій получилъ въ договорахъ обстоятельную разработку. Мы не имѣемъ въ виду останавливаться на относящихся сюда подробностяхъ и отмѣчаемъ этотъ вопросъ лишь для того, чтобы показать, что будущая организація третейскаго суда необходимо должна считаться съ многочисленными до-

говорами, устанавливающими смѣшанныя комиссіи, какъ съ однимъ изъ такихъ источниковъ, который сложился и развивался въ теченіе долгаго времени подъ вліяніемъ потребностей практики.

4.

Посредничество.

Призовые суды, національные по своему происхожденію, носятъ международный характеръ по своей компетенціи; смѣшанные суды, призванные разрѣшать споры между частными лицами, по своей организаціи, установленія международныя; смѣшанныя комиссіи, вѣдающія вопросы общей международной политики и дѣла частныхъ лицъ, приближаются, по своей внѣшней организаціи, какъ мы это увидимъ ниже, къ характеру третейскаго суда. Такимъ образомъ, всѣ эти установленія, признанныя положительнымъ международнымъ правомъ, представляютъ собою выраженіе какъ бы трехъ послѣдовательныхъ степеней въ развитіи международной юрисдикціи.

Отъ смѣшанныхъ комиссій почти незамѣтенъ переходъ къ органамъ дипломатическимъ, которые, хотя и не имѣютъ судебнаго характера, но въ общемъ движеніи въ пользу развитія международной юрисдикціи оказали, однако, не малое вліяніе, весьма замѣтное въ положительномъ международномъ правѣ. Дипломатія, благодаря средствамъ примиренія международныхъ несогласій, которыми она располагаетъ, „добрымъ услугамъ“, а въ особенности, посредничеству, содѣйствовала взаимному сближенію государствъ и развитію идеи международнаго общенія. Она провела въ общее сознаніе представленіе о томъ, что обращеніе къ силѣ законно, лишь послѣ того какъ были исчерпаны попытки разрѣшить споръ мирными средствами, пользуясь каковыми, дипломатія оказываетъ великія услуги дѣлу справедливости, такъ какъ она устраняетъ пре-

пятствія, мѣшавшія осуществленію этой послѣдней. Признавая необходимость обращаться до начатія войны къ мирнымъ средствамъ улаживанія споровъ, дипломатія открыла юристамъ путь къ осуществленію ихъ главной цѣли — *установить обязательный и постоянный международный третейскій судъ.*

Различные способы разрѣшенія дипломатіей споровъ между государствами могутъ быть сведены къ тремъ главнымъ формамъ: разрѣшеніе, находящееся въ зависимости отъ случайныхъ обстоятельствъ, непосредственные переговоры, вмѣшательство государства непричастнаго данному спору. Очевидно, что эта послѣдняя форма наиболѣе близка къ третейскому суду, съ которымъ ее и смѣшивали иногда. Но, прежде чѣмъ перейти къ ея разсмотрѣнію, скажемъ нѣсколько словъ о первыхъ двухъ формахъ разрѣшенія дипломатіею споровъ между государствами. Первая изъ нихъ лишена въ настоящее время какого бы то ни было значенія, такъ какъ и жребій, и судебный поединокъ былого времени вышли изъ употребленія. Жребій имѣлъ примѣненіе при рѣшеніи вопросовъ о церемоніальныхъ преимуществахъ различныхъ пословъ, при раздѣлѣ территорій. Поединкомъ вождей замѣняли иногда борьбу войскъ. Понятно, что при современныхъ условіяхъ поединокъ не долженъ и не можетъ имѣть мѣста, а жребій возможенъ развѣ лишь при спорахъ весьма назначительной важности. Идея права, обыкновенно, выступаетъ впервые при непосредственныхъ переговорахъ, результатъ которыхъ выражается въ мировой сдѣлкѣ или въ дружественномъ соглашеніи. Въ первомъ случаѣ обѣ стороны дѣлаютъ опредѣленныя уступки, во второмъ случаѣ одна изъ сторонъ либо признаетъ свою ошибку, либо, не отказываясь отъ признанія права за собою, не настаиваетъ, однако, на его осуществленіи во избѣжаніе открытаго столкновенія.

Участіе третьяго государства въ разрѣшеніи спора выражается, обыкновенно, въ формѣ „добрыхъ услугъ и „посредничества“.

Участіе государства или лица, не заинтересованныхъ непосредственно въ данномъ спорѣ, можетъ повести и къ организаціи третейскаго суда, призваннаго постановить приговоръ по поводу даннаго несогласія, существующаго между двумя или нѣсколькими государствами.

Писатели смѣшиваютъ, иногда, третейскій судъ съ посредничествомъ и наоборотъ, но еще чаще смѣшивается посредничество съ „добрыми услугами“. Причиною смѣшенія послѣднихъ несомнѣнно является то обстоятельство, что „добрыя услуги“ нерѣдко переходятъ въ посредничество въ собственномъ смыслѣ этого слова. Въ дѣйствительности, онѣ являются лишь первоначальною попыткой нейтральныхъ государствъ, непричастныхъ данному спору завязать переговоры, которые въ будущемъ могутъ перейти и въ посредничество. На болѣе подробномъ изученіи этого послѣдняго мы и остановимся.

Характерные признаки посредничества особенно ясны, если сравнить это послѣднее съ третейскимъ судомъ. Конечная цѣль и того и другого установленія одна и та же, а именно—соглашеніе спорящихъ государствъ, но способы достиженія ея совершенно различны. Посредникъ даетъ лишь совѣты, слѣдовать которымъ необязательно для спорящихъ государствъ, тогда какъ третейскій судья произноситъ юридически обязательный приговоръ, является судьею въ настоящемъ смыслѣ этого слова, а не простымъ совѣтникомъ. Затѣмъ, посредничество, именно вслѣдствіе своего нѣсколько неопредѣленнаго характера, примѣнимо во всѣхъ спорахъ государствъ, тогда какъ третейскій судъ можетъ имѣть мѣсто лишь въ дѣлахъ, поддающихся юридическому опредѣленію. Въ то время какъ посредничество можетъ быть предлагаемо по доброй волѣ третьихъ державъ, которыя всегда вправѣ и отказаться отъ своего участія въ дѣлѣ, третейскій судья, свободно избранный сторонами и принявшій это избраніе, обязанъ постановить приговоръ. Указавъ

на это различіе между третейскимъ судомъ и посредничествомъ, обратимся къ разсмотрѣнію послѣдняго.

Исторія XIX в. представляетъ намъ цѣлый рядъ весьма поучительныхъ примѣровъ посредничества. Въ большинствѣ случаевъ, они тѣсно связаны съ современнымъ развитіемъ конгрессовъ и конференцій.

До 1815 г. конгрессы созывались почти исключительно съ цѣлью положить конецъ продолжительнымъ войнамъ и закрѣпить ихъ результаты. Но послѣ Вѣнскаго конгресса эти международныя собранія получаютъ значительно болѣе широкую область дѣйствія и имѣютъ уже своею цѣлью прекращеніе споровъ, еще только назрѣвающихъ. Послѣ низверженія Наполеона четыре великія державы въ трактатѣ 20 ноября 1815 г., выражаютъ сознаніе необходимости созывать, въ цѣляхъ поддержанія мира, отъ нарушенія котораго такъ долго страдала Европа, въ большихъ европейскихъ городахъ періодическія конференціи. Мысль эта получила осуществленіе въ созывѣ въ 1818 г. Ахенскаго конгресса, на которомъ въ союзъ великихъ державъ была принята Франція и, такимъ образомъ, образовалась знаменитая пентархія. Въ Ахенской декларації 15 ноября 1818 г. пять великихъ державъ провозглашаютъ „своею главною непремѣнною обязанностью— во всѣхъ сношеніяхъ какъ между собою, такъ и съ другими державами, слѣдовать неуклонно указаніямъ международнаго права; ибо единственно исполненіемъ предписаній онаго въ мирное время могутъ быть дѣйствительно обезпечены независимость каждаго изъ государствъ и твердость общей политической системы“. Этими словами формальнымъ образомъ выражалось признаніе положительнаго международнаго права. Основаніемъ существованія пентархіи и цѣлью ея дѣятельности государи провозглашали поддержаніе мира, признавая себя обязанными передъ Богомъ и передъ управляемыми ими народами подавать міру примѣръ справедливости, согласія и умѣренности.

Многочисленные конгрессы и конференціи, кото-

рые собирались въ ближайшіе затѣмъ годы въ Европѣ, выдвигая понятіе посредничества, мало, однако, сдѣлали для развитія этого установленія, такъ какъ довели его практическое примѣненіе до полнѣйшаго отрицанія начала независимости государствъ,— начала, признаніе котораго является краеугольнымъ камнемъ современнаго международнаго порядка. Вмѣшательство (насильственное) во внутреннія дѣла государствъ *), благодаря постановленіямъ конгрессовъ и конференцій того времени, сдѣлалось обыденнымъ явленіемъ, и практическая невозможность такой политики стала скоро очевидною. Лишь Парижскій конгрессъ 1856 г. оказалъ значительное и прогрессивное вліяніе на развитіе идеи посредничества.

Парижскій конгрессъ собрался послѣ Крымской войны, потрясшей и истощившей силы главнѣйшихъ государствъ Европы. Желая избѣжать возобновленія борьбы изъ-за несогласій по, т.-н., восточному вопросу, державы рѣшили, какъ гласитъ 8 ст. Парижскаго трактата, что, „если между Блистательною Портой и одною или нѣсколькими изъ другихъ заключившихъ сей трактатъ державъ возникнетъ какое-либо несогласіе, могущее угрожать сохраненію дружественныхъ между ними сношеній, то и Блистательная Порта и каждая изъ сихъ державъ, не прибѣгая къ употребленію силы, имѣютъ доставить другимъ дого-

*) Подъ „вмѣшательствомъ“ въ международномъ правѣ разумѣютъ, обыкновенно, вмѣшательство именно во внутреннія дѣла государства и, по большей части, оно бываетъ насильственнымъ. Оно могло бы найти себѣ оправданіе лишь въ томъ случаѣ, когда внутренній порядокъ угрожаетъ общепризнаннымъ нормамъ международнаго права. Юридическій характеръ вмѣшательство можетъ получить лишь при условіи правильной организаціи конгрессовъ и конференцій, какъ органовъ проявленія воли *всего международнаго союза*, а не отдѣльныхъ государствъ или нѣсколькихъ изъ нихъ. Развитіе всемірныхъ уній въ значительной степени должно содѣйствовать преобразованію великихъ международныхъ собраній. Отсылаемъ въ этомъ отношеніи читателей къ статьѣ Сборника, посвященной означеннымъ уніямъ.

варивающимся сторонамъ возможность предупредить всякое дальнѣйшее столкновеніе черезъ свое посредничество". Такимъ образомъ, благодаря дѣятельности дипломатовъ на Парижскомъ конгрессѣ было установлено юридическое обязательство для державъ прибѣгать въ ихъ спорахъ съ Турціею передъ употребленіемъ военной силы къ посредничеству государствъ, не участвующихъ въ этомъ спорѣ.

Лондонское общество мира, признавая все значеніе такого рода обязательства, отправило къ представителю Англіи на конгрессѣ, лорду Кларендону, депутацію съ ходатайствомъ о включеніи въ актъ конгресса статьи о посредничествѣ, составленной въ болѣе общихъ выраженіяхъ. Представитель Англіи отнесся сочувственно къ заявленію депутаціи и предложилъ участникамъ конгресса выработать постановленіе, которое, не ограничивая независимости государствъ, содѣйствовало бы въ будущемъ большей обезпеченности мира и уменьшило возможность возникновенія войны. Несмотря на общее сочувствіе къ этому предложенію, стремленіе уполномоченныхъ выдвинуть и въ этомъ вопросѣ на первый планъ принципъ неограниченной свободы представляемыхъ ими государствъ привело къ тому, что конгрессъ ограничился лишь занесеніемъ въ протоколъ 14 апрѣля слѣдующихъ словъ: „уполномоченные выражаютъ пожеланіе, чтобы государства, между которыми возникли бы серьезныя несогласія, обращались, если обстоятельства позволяютъ, прежде чѣмъ взяться за оружіе къ добрымъ услугамъ дружественной державы". Затѣмъ была выражена надежда, что „государства, не принимавшія на конгрессѣ участія, присоединятся къ мысли, внушившей включеніе этого пожеланія въ протоколъ" *). Таковы слова, внесенныя въ

*) Приводимъ текстъ этого протокола (№ 23, 14 апрѣля 1856 г.). . . . „Графъ Кларендонъ, обратившись съ просьбою о позволеніи сдѣлать конгрессу предложеніе, которое, по его мнѣнію, должно быть принято благосклонно, заявилъ, что ужасы войны настолько еще живы въ умахъ всѣхъ, что вполнѣ умѣстно изыскать средства,

23-й протоколъ Парижскаго конгресса, — слова вызвавшія значительный восторгъ однихъ и рѣзкую критику другихъ. Нѣкоторые изъ писателей интернаціоналистовъ, напримѣръ Моль, не признаютъ за ними рѣшительно никакого практическаго значенія, тогда какъ столь извѣстные государственные люди, какъ Гладстонъ и графъ Дерби, утверждаютъ, что цитированный протоколъ составляетъ „безсмертную славу конгресса“. Лаве-

---

могущія предупредить ея возобновленіе. Въ 8 статьѣ мирнаго трактата внесено предложеніе, рекомендующее обращаться, въ случаяхъ несогласія между Портою и одною или нѣсколькими Державами, подписавшими актъ, къ посредничеству дружественнаго государства, прежде чѣмъ браться за оружіе. Первый уполномоченный Великобританіи полагаетъ, что это счастливое нововведеніе могло бы получить болѣе широкое примѣненіе и явиться, такимъ образомъ, препятствіемъ для несогласій, которыя возникаютъ часто только потому, что не всегда возможно сговориться и объясниться. Онъ предлагаетъ, поэтому, согласиться о такомъ постановленіи, которое было бы способно обезпечить въ будущемъ продолжительное состояніе мира и не касалось бы, во всякомъ случаѣ, независимости государствъ.

Графъ Валевскій объявляетъ, что онъ имѣетъ право поддержать мысль, высказанную первымъ уполномоченнымъ Великобританіи, подтверждая, что представители Франціи могутъ присоединиться къ соглашенію о внесеніи въ протоколъ пожеланія, которое, отвѣчая вполнѣ стремленіямъ нашего времени, никоимъ образомъ не затрогивало бы свободу дѣйствія государствъ.

Графъ Буоль не затруднился бы присоединиться къ предложенію уполномоченныхъ Великобританіи и Франціи, если постановленіе Конгресса будетъ выражено въ формѣ, указанной графомъ Валевскимъ. Но онъ не приметъ отъ имени своего двора безусловнаго обязательства, могущаго ограничить независимость австрійскаго кабинета.

Графъ Кларендонъ отвѣчаетъ, что каждая изъ державъ будетъ какъ и нынѣ, единственнымъ судьею того, что требуютъ ея честь и интересы, что онъ отнюдь не предлагаетъ ограничить власть правительствъ, но имѣетъ въ виду лишь предоставленіе возможности не прибѣгать къ оружію, всякій разъ какъ несогласія могутъ быть разрѣшены инымъ путемъ.

Баронъ Мантейфль говоритъ, что король, его августѣйшій господинъ, вполнѣ раздѣляетъ мысли, высказанныя графомъ Кларендономъ, и что онъ считаетъ себя уполномоченнымъ присоединиться къ нимъ и признать ихъ возможное развитіе.

Графъ Орловъ, признавая мудрость внесеннаго въ Конгрессъ

ле, говоря о „пожеланіи“ Парижскаго конгресса, видитъ въ немъ установленіе принципа третейскаго суда. „Часто забываютъ,—говорилъ Франкъ въ своей рѣчи на съѣздѣ 1889 г.,—что принципъ международнаго третейскаго суда, хотя и не воплотившійся въ обязательную норму публичнаго международнаго права, внесенъ въ Парижскій трактатъ 1856 г.“ Но, вопреки такому взгляду государственныхъ людей и

предложенія, считаетъ, прежде чѣмъ высказать мнѣніе русскихъ уполномоченныхъ, себя обязаннымъ довести его до свѣдѣнія своего двора.

Графъ Кавуръ, прежде чѣмъ высказать свое мнѣніе, желалъ бы знать, распространяется ли, по мнѣнію автора предложенія, пожеланіе, высказанное конгрессомъ, на вооруженныя вмѣшательства, направленныя противъ революціонныхъ правительствъ и указываетъ, какъ на примѣръ, на вмѣшательство Австріи въ дѣла Неаполитанскаго королевства въ 1821 г.

Графъ Кларендонъ отвѣчаетъ, что пожеланіе Конгресса должно бы допустить самое широкое приложеніе, и замѣчаетъ, что если бы добрыя услуги дружественной державы склонили Грецію уважать законы нейтралитета, Франція и Англія, весьма вѣроятно, воздержались бы отъ оккупаціи своими войсками Пирея. Онъ напоминаетъ усилія кабинета Великобританіи предупредить въ 1823 г. вооруженное вмѣшательство, имѣвшее въ то время мѣсто въ Испаніи.

Графъ Валевскій прибавляетъ, что дѣло не идетъ ни объ установленіи права, ни объ выработкѣ соглашенія. Пожеланіе, высказанное конгрессомъ ни въ какомъ случаѣ не уничтожаетъ свободы самоопредѣленія, которая принадлежитъ въ подобныхъ дѣлахъ всякому независимому государству. И поэтому нѣтъ ничего опаснаго обобщить мысль графа Кларендона и дать ей возможно широкое значеніе.

Графъ Буоль заявляетъ, что графъ Кавуръ, говоря, въ одномъ изъ прежнихъ засѣданій объ оккупаціи Папской области австрійскими войсками, забылъ, что и другія чужеземныя войска были призываемы на почву Италіи. Сегодня, говоря о занятіи въ 1821 г. австрійцами Неаполитанскаго королевства, онъ забываетъ, что эта оккупація была слѣдствіемъ соглашенія между пятью великими державами, собравшимися на Лайбахскомъ Конгрессѣ. Въ обоихъ случаяхъ, онъ приписываетъ Австріи честь иниціативы и самостоятельности, которые уполномоченные Австріи не считаютъ возможнымъ принять только для нея одной.

Вмѣшательство, о которомъ напомнилъ уполномоченный Сардиніи имѣло мѣсто послѣ переговоровъ на Лайбахскомъ конгрессѣ

извѣстныхъ писателей на протоколъ конгресса, нельзя не признать, что онъ имѣетъ лишь ограниченное значеніе. Восхваленія эти покоятся на смѣшеніи, часто встрѣчающемся, третейскаго суда и посредничества. Мысли, высказанныя дипломатами во время предварительнаго обсужденія вопроса, свидѣтельствуютъ, что члены конгресса были очень далеки отъ установленія третейскаго суда. Даже болѣе того, въ протоколѣ употреблено выраженіе „добрыя услуги“, такъ что и для возстановленія настоящаго смысла этихъ словъ необходимо обратиться къ цитированной выше 8 ст. трактата, благодаря которой появился на свѣтъ са-

---

и оно охватывается, такимъ образомъ, предложеніемъ лорда. Подобные же случаи могутъ возникнуть въ будущемъ и графъ Буоль не допускаетъ, чтобы вмѣшательство, организованное въ силу соглашенія между пятью великими державами, могло явиться предметомъ протеста второстепеннаго государства.

Графъ Буоль выражаетъ полное сочувствіе предложенію лорда Кларендона, сдѣланному имъ въ интересахъ гуманности. Но онъ не могъ бы присоединиться къ нему, если ему дадутъ слишкомъ широкое значеніе или выведутъ слѣдствія, благопріятныя для революціонныхъ правительствъ и для доктринъ, признать каковыя онъ не можетъ.

Онъ желаетъ, чтобы конгрессъ, заканчивая свои работы, не былъ бы вынужденъ разсуждать относительно спорныхъ вопросовъ, могущихъ поколебать полную гармонію, которая постоянно царила между уполномоченными.

Графъ Кавуръ объявляетъ, что онъ вполнѣ удовлетворенъ вызванными имъ объясненіями и что онъ присоединяется къ предложенію, сдѣланному конгрессу.

Послѣ этого члены конгресса, не колеблясь, выражаютъ отъ имени своихъ правительствъ пожеланіе, чтобы государства, между которыми возникли бы серьезныя несогласія обращались, прежде чѣмъ взяться за оружіе къ добрымъ услугамъ дружественной державы.

Г.г. уполномоченные надѣются, что правительства, не представленныя на конгрессѣ присоединяться къ мысли, вдохновившей пожеланіе, выраженное въ настоящемъ протоколѣ.

Замѣтимъ, въ дополненіе къ соображеніямъ, высказаннымъ въ текстѣ нашей статьи относительно того, что подъ „добрыми услугами“ здѣсь слѣдуетъ понимать „посредничество“,—предложеніе графа Кларендона (см. начало протокола) говоритъ именно о посредничествѣ (action médiatrice).

мый протоколъ и которая, такимъ образомъ, объясняетъ точный смыслъ словъ авторовъ протокола. О третейскомъ судѣ здѣсь не можетъ быть и рѣчи, а имѣется въ виду лишь посредничество, которое, въ спеціальномъ случаѣ, признается 8-ю ст. трактата обязательнымъ, а во всѣхъ другихъ случаяхъ, 23 протоколомъ конгресса, признается добровольнымъ. Но нравственное значеніе провозглашеннаго въ протоколѣ Парижскаго конгресса принципа весьма велико, что и подтвердится разсмотрѣніемъ нѣкоторыхъ случаевъ дипломатической практики, гдѣ этотъ принципъ нашелъ себѣ примѣненіе.

Посредничество примѣнялось въ международныхъ отношеніяхъ и до 1856 г., но постановленіе Парижскаго конгресса дало болѣе твердое основаніе этому благодѣтельному принципу. Въ самый годъ его провозглашенія державы могли воспользоваться имъ для примѣненія къ несогласію, возникшему между Невшателемъ и Пруссіею. Послѣ 1848 г. этотъ швейцарскій кантонъ не находился болѣе въ зависимости отъ Пруссіи. 3 сент. 1856 г. произошло возстаніе роялистской партіи, усмиренное вскорѣ республиканцами. Преслѣдованіе швейцарскимъ правительствомъ инсургентовъ вызвало его споръ съ Пруссіею, угрожавшій принять значительные размѣры. Тогда Франція, основываясь на протоколѣ 14 апр., вступилась въ это дѣло и результатомъ ея посредничества явился договоръ 26 мая 1857 г., которымъ и былъ положенъ конецъ спору.

Другой примѣръ — вопросъ о Люксембургѣ. Съ 1815 г. въ крѣпости Люксембурга, принадлежавшаго къ Германскому Союзу, содержался прусскій гарнизонъ. Послѣ событій 1866 г. Германскій Союзъ прекратилъ свое существованіе и король Голландіи, Великій герцогъ Люксембургскій, потребовалъ очищенія крѣпости отъ прусскихъ войскъ, находившихся тамъ отъ имени Союза. Пруссія не согласилась на это, тогда какъ Франція поддержала требованіе Голландіи.

Отношенія по этому вопросу между Пруссіею и Франціей становились все натянутѣе и фельдмаршалъ Мольтке уже заявлялъ, что черезъ три недѣли онъ будетъ со своими войсками подъ стѣнами Парижа. Въ это время Англія, основываясь на Парижскомъ протоколѣ, вошла въ переговоры съ обѣими державами и созвала въ 1867 г. для разрѣшенія спора конференцію въ Лондонѣ. Графъ Бейстъ австрійскій уполномоченный предложилъ, уничтоживъ крѣпостныя укрѣпленія, нейтрализовать Люксембургъ и Лондонская конференція приняли это предложеніе. Такимъ образомъ, была отсрочена на нѣкоторое время борьба двухъ великихъ народовъ, являющаяся одною изъ главныхъ причинъ современнаго тяжелаго состоянія Европы.

Нѣсколько времени спустя послѣ Лондонской конференціи представился новый случай для примѣненія посредничества въ практикѣ международныхъ отношеній европейскихъ государствъ. Мы имѣемъ въ виду споръ между Турціей и Грецiей по поводу Крита. Населеніе этого острова—греческое; во время борьбы за независимость оно оказало значительныя услуги дѣлу освобожденія грековъ отъ турецкаго ига, но, несмотря на это, островъ остался во владѣніи Турціи. Когда въ 1866 году разразилось на Критѣ возстаніе, Грецiя не могла не оказать поддержки родственному населенію, тяготѣвшему къ соединенію съ ней, и дѣйствительно, она допускала на своей территоріи наборъ добровольцевъ и вооруженіе кораблей. Вслѣдствіе этого отношенія между Турціей и Грецiей приняли весьма натянутый характеръ и война между ними казалась неизбѣжною. Тогда Пруссія, основываясь на знаменитомъ протоколѣ Парижскаго конгресса, предложила Франціи созваніе конференціи изъ представителей державъ, участвовавшихъ на этомъ конгрессѣ. 9 января 1869 г. конференція эта собралась въ Парижѣ и первое же ея постановленіе гласило, что Турція, какъ держава, участвовавшая въ выработкѣ акта 1856 г., должна быть допущена на

конференцію на равныхъ правахъ съ остальными великими державами, тогда какъ Греціи предоставлялся лишь совѣщательный голосъ. Греція отказалась при этомъ условіи отправить на конференцію своего делегата. Войдя въ разсмотрѣніе спора между Турціей и Греціей, представители державъ провозгласили, что образъ дѣйствія Греціи не согласенъ съ нормами права войны, и настаивали на возстановленіи между спорящими государствами отношеній, которыя были прерваны вслѣдствіе отозванія пословъ. Турція послѣдовала приглашенію конференціи, Греція повиновалась лишь послѣ многочисленныхъ протестовъ. Конференція 1869 года придаетъ достигнутымъ ею результатамъ весьма большое значеніе, о чемъ можно заключить по слѣдующимъ словамъ, занесеннымъ ею въ протоколъ:

„Правительства, которыя были представлены на данномъ собраніи, предупредили раздоръ, готовый вспыхнуть на Востокѣ, и удалили одну изъ причинъ осложненія европейскихъ дѣлъ. Маркизъ де ла Валеттъ выражаетъ, кромѣ того, вмѣстѣ съ княземъ Меттернихомъ надежду, что примѣръ, данный конференціею, не останется безъ подражанія и дѣло замиренія, совершенное на основаніи и въ силу протокола 1856 г., явится прецедентомъ, на который можно будетъ ссылаться при несогласіяхъ, поддающихся улаживанію посредствомъ общихъ совѣщаній“.

Останавливая вниманіе читателя на этомъ случаѣ посредничества, мы, тѣмъ не менѣе, должны признать, что онъ во многомъ отклоняется отъ тѣхъ требованій, которыя, какъ мы видѣли выше, могутъ быть предъявлены посреднику. Здѣсь мы имѣемъ не столько стремленіе посредника привести стороны къ добровольному соглашенію, сколько стремленіе произнести обязательный приговоръ, занять, такъ сказать, роль третейскаго судьи. Но и въ этомъ послѣднемъ отношеніи нельзя не признать, что интересы и права Греціи, недопущенной на конференцію съ рѣшающимъ голосомъ, были въ сильной степени нарушены и, такимъ обра-

зомъ, *добровольное* подчиненіе приговору *свободно избраннаго судьи*—характерные признаки третейскаго разбирательства—не въ достаточной степени сказываются въ дѣятельности конференціи 1869 г. *).

Въ литературѣ международнаго права дѣятельность конференціи 1869 г. разсматривается, обыкновенно, какъ посредничество. Но такой же неправильный взглядъ, хотя и въ обратномъ направленіи, существуетъ относительно спора между Германіей и Испаніей по поводу Каролинскихъ острововъ, разрѣшеннаго въ 1885 году при содѣйствіи папы Льва XIII. Случай этотъ обыкновенно относятъ къ третейскимъ разбирательствамъ, но мы имѣемъ здѣсь всѣ характерные признаки посредничества. Германія предъявляла права, оспариваемыя Испаніей, на островъ Яапъ, и Левъ XIII, къ которому обратились спорящія державы, высказался за признаніе суверенитета Испаніи, которой онъ совѣтовалъ въ то же время признать за Германіей опредѣленныя торговыя преимущества. Папа выступилъ здѣсь исключительно въ качествѣ совѣтника, а не судьи, мнѣніе котораго было бы для сторонъ обязательно. Въ спорѣ о Каролинскихъ островахъ стороны приняли совѣтъ папы, но формальнымъ основаніемъ прекращенія этого спора является договоръ между Германіей и Испаніей, а не рѣшеніе Льва XIII. Во всякомъ случаѣ, однако, этотъ договоръ свидѣтельствуетъ о значеніи, какое можетъ имѣть въ международныхъ отношеніяхъ посредничество.

---

*) Мы расходимся въ этомъ отношеніи со взглядомъ г. Ревона, который оправдываетъ отказъ конференціи признать за Греціей право рѣшающаго голоса и ссылается на то обстоятельство, что Греція но подписала трактата 1856 г. Но уважаемый авторъ упускаетъ, по нашему мнѣнію, изъ вида то обстоятельство, что постановленія этого трактата могутъ быть обязательны для Греціи, суверенпаго государства, поскольку они касаются ея, лишь въ томъ случаѣ, если она согласится принять ихъ на мирной конференціи или, послѣ войны, въ мирномъ трактатѣ. Уже въ виду этого признаніе за Греціей равныхъ съ другими участниками конференціи 1869 г. правъ являлось необходимымъ. *Ред.*

Но въ то же время, несмотря на нѣкоторые удачные случаи примѣненія посредничества послѣ знаменитаго протокола 1856 года, мы должны признать, что при нѣкоторыхъ изъ международныхъ несогласій второй половины текущаго столѣтія державы не прибѣгали къ мирному средству улаживанія ихъ несогласій, о которомъ гласитъ выраженное ими въ протоколѣ Парижскаго конгресса пожеланіе. Однимъ изъ споровъ, для разрѣшенія котораго державы должны бы были обратиться къ посредничеству, является вопросъ о герцогствахъ Даніи. Когда въ 1864 г. Германія насильственнымъ образомъ отторгла отъ небольшого и немогущественнаго государства Даніи герцогства Шлезвигъ, Гольштейнъ и Лауенбургъ, европейскія державы не сдѣлали никакой попытки воспрепятствовать этому насилію. Ни въ 1866 г. при спорѣ между Австріей и Пруссіей, ни въ 1870 г. передъ войною Пруссіи съ Франціей посредничество не было примѣнено. Правда, передъ войною 1870 г. Англія, основываясь на протоколѣ 1856 г., обратилась къ спорящимъ, но страсти достигли тогда ужъ того предѣла, при которомъ соглашеніе стало невозможно.

Пожеланіе, выраженное Парижскимъ конгрессомъ, заключаетъ въ себѣ начало плодотворное и мысль, вполнѣ соотвѣтствующую дѣйствительнымъ потребностямъ международной жизни, а потому и неудивительно, что идея о посредничествѣ господствуетъ и воспринимается, также и на позднѣйшихъ международныхъ собраніяхъ и въ позднѣйшихъ международныхъ соглашеніяхъ. Особенно важное значеніе имѣетъ въ этомъ отношеніи порядокъ, установленный державами въ 1885 г. на конференціи въ Берлинѣ, относительно колоній и государствъ бассейна рѣки Конго (текстъ 12 ст. акта Берлинской конференціи 1885 г. см. ниже стр. 435). Въ случаѣ несогласій по поводу означенныхъ территорій державы обязались, прежде чѣмъ обращаться къ оружію, прибѣгать къ посредничеству одной или нѣсколькихъ дружественныхъ державъ.

Это обращеніе къ посредничеству на основаніи международнаго соглашенія 1885 года *обязательно,* тогда какъ то же самое международное соглашеніе предусматриваетъ и право державъ обращаться, *по ихъ усмотрѣнію*, въ указанныхъ случаяхъ несогласія къ третейскому разбирательству. Такимъ образомъ, практическая осуществимость *обязательнаго* обращенія передъ могущей возникнуть войной къ посредничеству дружественныхъ державъ доказывается *принятіемъ* его въ опредѣленныхъ областяхъ отношеній положительнымъ международнымъ правомъ.

Несомнѣнно, что распространеніе дѣйствія этого принципа на всевозможныя международныя несогласія, принятіе его возможно большимъ числомъ трактатовъ и, наконецъ, признаніе его обязательною нормой международнаго права, явится громаднымъ прогрессомъ на пути къ дальнѣйшему развитію международной юрисдикціи. Возможность болѣе или менѣе близкаго осуществленія этого прогресса очевидна какъ въ виду данныхъ практики международныхъ отношеній текущаго столѣтія, такъ и въ виду того, что однимъ изъ основаній для международнаго обсужденія на предстоящей конференціи въ Гаагѣ является вопросъ о принятіи „*начала примѣненія добрыхъ услугъ, посредничества и добровольнаго третейскаго разбирательства въ подходящихъ случаяхъ, съ цѣлью предотвращенія вооруженныхъ между государствами столкновеній; соглашеніе о способѣ примѣненія этихъ средствъ и установленіе однообразной практики въ ихъ употребленіи*“.

5.

Международныя соглашенія о постоянномъ третейскомъ судѣ.

Мы уже видѣли, что принципъ посредничества былъ принятъ практикою международныхъ отношеній XIX вѣка. Но въ то же время несомнѣнно, что примѣненіе этого начала еще крайне недостаточно для охраны и

обезпеченія мирнаго порядка въ современномъ международномъ союзѣ. Миръ можетъ покоиться на прочныхъ основаніяхъ только при наличности суда, какъ юридическаго установленія, приговоры котораго были бы для государствъ обязательны въ той же мѣрѣ, какъ обязательны для нихъ нормы международнаго права, договорнаго и обычнаго.

Но какимъ же образомъ провести въ область международныхъ отношеній идею суда? Какимъ образомъ закрѣпить ея признаніе въ трактатахъ, этомъ главномъ источникѣ положительнаго международнаго права? Защитники идеи мира достигли здѣсь блестящихъ результатовъ. Мы имѣемъ въ виду заключеніе въ послѣднихъ десятилѣтіяхъ текущаго столѣтія, подъ ихъ вліяніемъ, т. н., трактатовъ о постоянномъ третейскомъ судѣ. Договоры эти, по своему содержанію, носятъ исключительно юридическій характеръ; постановленія ихъ весьма практичны и легко осуществимы. Намъ кажется, можно безъ преувеличенія сказать, что въ развитіи именно этихъ соглашеній лежитъ будущность третейскаго суда.

Увеличеніе ихъ числа въ новѣйшее время и вниманіе, которое имъ удѣляется конгрессами и съѣздами мира, указываютъ на то, что мысль о переходѣ отъ теоретическихъ мечтаній къ практическому осуществленію реформъ, обусловленныхъ интересами международнаго порядка, завоевываетъ себѣ все большее число послѣдователей, понимающихъ необходимость отказаться отъ прежняго стремленія къ немедленному и полному установленію вѣчнаго мира. Поняли, наконецъ, что все въ жизни совершается лишь постепенно, путемъ незамѣтныхъ переходовъ, что достичь вершины можно, лишь пройдя основаніе, подошву горы. Сложная и отдаленная организація, являющаяся лишь высшимъ идеаломъ науки международнаго права, можетъ приблизиться къ практическому осуществленію только послѣ того, какъ болѣе простое и практически возможное будетъ воспринято положительнымъ

международнымъ правомъ. Такимъ образомъ, исключительное вниманіе къ установленію вѣчнаго мира и конфедераціи народовъ ослабло, но зато обратились къ болѣе глубокому изученію вопроса о третейскомъ судѣ, практическое осуществленіе котораго, какъ показываетъ опытъ, вполнѣ возможно. Въ этомъ отношеніи было обращено вниманіе на то обстоятельство, что добровольный третейскій судъ, какъ учрежденіе случайное, зависящее каждый разъ отъ договора лишь относительно даннаго спора, не представляетъ достаточныхъ гарантій для своего дальнѣйшаго развитія. Пришли къ сознанію необходимости организовать установленіе болѣе совершенное, чѣмъ добровольный третейскій судъ, соединяющее государства въ общій и постоянный союзъ и обязательное для нихъ. *Понятно, что учрежденіе это не должно ограничивать суверенитета государствъ и не должно связывать государства въ какой бы то ни было оборонительный и наступательный союзъ. Такимъ образомъ сложилась мысль о договорѣ постояннаго третейскаго суда.*

Идея о такого рода судѣ, правда, лишь въ неопредѣленныхъ очертаніяхъ, высказывалась уже авторами нѣкоторыхъ изъ проектовъ прошлаго столѣтія, особенно тѣми изъ нихъ, которые склонялись къ признанію всемірной федераціи народовъ окончательною формой организаціи человѣческаго общенія. Мы видимъ, напримѣръ, зародышъ этой идеи въ знаменитомъ проектѣ Канта. Великій философъ, говоря о всеобщемъ мирѣ, развиваетъ мысль о международномъ порядкѣ—civitas gentium, который, укрѣпляясь незамѣтнымъ образомъ, охватитъ, наконецъ, всѣ народы на земномъ шарѣ. Но отъ вниманія Канта не ускользнули препятствія, стоящія на пути къ осуществленію этого прогресса; онъ признавалъ, что представленія о международномъ порядкѣ, существующія у современныхъ ему государствъ, не допускаютъ немедленнаго установленія всеобщаго мира и что возможнымъ является осуществленіе не всемірной республики, а за-

ключеніе постояннаго союза, могущаго отвратить войну и сдержать потокъ безчеловѣчныхъ страстей, которыя ее порождаютъ. „Обязанностью народовъ— писалъ Кантъ,— является образованіе особаго рода союза, который можно бы назвать мирнымъ, —foedus pacificum. Въ немъ не должно быть установлено власти государства надъ государствомъ и единственнымъ слѣдствіемъ его является гарантія свободы каждаго изъ участниковъ, не имѣющихъ надобности подчиняться юридическому принужденію общественной власти". Что же это за „особаго рода мирный союзъ, не устанавливающій никакого господства государства надъ государствомъ", но который въ то же время долженъ, мало-по-малу, расширяться и соединить всѣ народы въ единомъ общемъ правѣ? Не имѣемъ ли мы здѣсь дѣло съ принципомъ постояннаго третейскаго суда?

Въ теченіе настоящаго столѣтія мысль о такомъ союзѣ должна была получить большее развитіе и болѣе точную формулировку. 8 сент. 1873 г. „международная лига мира и свободы", основныя положенія пропаганды которой были заимствованы именно у Канта, провозгласила на своемъ съѣздѣ въ Женевѣ, что „при современномъ положеніи Европы однимъ изъ наиболѣе дѣйствительныхъ средствъ распространенія между народами обычая обращаться къ третейскому суду является заключеніе между государствами договоровъ относительно мирнаго разрѣшенія ихъ несогласій". Въ 1874 г. лига вотировала „статью о договорѣ постояннаго третейскаго суда". Въ слѣдующемъ 1875 г. Институтъ международнаго права занимался вопросомъ объ этомъ судѣ, принципіальное значеніе котораго было имъ признано.

Въ то же время идея разрабатывается въ законодательныхъ собраніяхъ. Ричардъ въ 1873 г. внесъ свое знаменитое предложеніе, принятое парламентомъ, которое требовало, чтобы англійское правительство вошло въ сношеніе съ правительствами другихъ дер-

жавъ „съ цѣлью установить систему постояннаго и общаго третейскаго суда". Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ этого итальянскія палаты приняли предложеніе Манчини, весьма близкое, по своему содержанію, къ предложенію Ричарда, хотя и болѣе спеціальное. Вскорѣ Манчини осуществилъ на практикѣ постановленіе итальянскаго парламента, внеся въ различныя международныя соглашенія своего отечества, т. н., статью о компромиссѣ, гласящую, что всѣ споры, могущіе возникнуть по поводу даннаго трактата, передаются на разрѣшеніе третейскаго суда. Аналогичныя постановленія парламентовъ Голландіи, Швеціи и Бельгіи свидѣтельствуютъ о томъ, что идея о постоянномъ третейскомъ судѣ все болѣе и болѣе укрѣплялась въ общемъ сознаніи *).

II.

Случаи третейскаго суда въ XIX столѣтіи.

Исторія третейскаго суда въ XIX в. представляетъ собою, быть можетъ, нѣсколько сухой, но, во всякомъ случаѣ, знаменательный списокъ, являющійся, какъбы прочнымъ основаніемъ для надеждъ на будущее. Однообразны акаѳисты святымъ, но вѣрующій, слушая ихъ, чувствуетъ, какъ все сильнѣе крѣпнетъ его вѣра:—это внушительное перечисленіе силъ небесныхъ доказываетъ ему, что его церковь, охраняемая столь могучимъ воинствомъ, должна побѣдить всѣхъ своихъ враговъ. Мы не опасаемся остановить вниманіе читателя на лѣтописяхъ третейскаго суда: ихъ однообразные факты обладаютъ скрытымъ краснорѣчіемъ, такъ какъ они внѣдряютъ въ умахъ идею третей-

*) Четвертая глава нижеслѣдующей статьи: *Организація третейскаго суда*, посвящена вопросу о постоянномъ третейскомъ судѣ, къ каковой работѣ мы и отсылаемъ читателей для болѣе подробнаго ознакомленія съ этимъ замѣчательнымъ учрежденіемъ.
Ред.

скаго суда и доказываютъ, что право между народами—не мечта и что идея, примѣняемая на практикѣ, должна, рано или поздно, утвердиться въ ней навсегда.

1.

Первый случай третейскаго суда въ нашемъ вѣкѣ относится къ 1822 году *) и связанъ съ споромъ между Англіею и Соединенными Штатами, возникшимъ еще въ 1814 году по поводу толкованія Гентскаго трактата, гласящаго, что договаривающіяся стороны обязаны возвратить другъ другу всѣ территоріи, занятыя во время войны, со всѣмъ находившимся на нихъ общественнымъ и частнымъ имуществомъ, въ томъ числѣ и невольниками. Опираясь на эту статью, Соединенные Штаты требовали, чтобы Великобританія возвратила, какъ частную собственность ихъ гражданъ, невольниковъ, находившихся во время ратификаціи договора на территоріи, занятой англійскими войсками, или даже на англійскихъ судахъ, стоявшихъ въ предѣлахъ юрисдикціи Соединенныхъ Штатовъ. Лондонскимъ договоромъ 20 октября 1818 года было постановлено „предоставить этотъ споръ третейскому рѣшенію дружественнаго монарха или государства“ и считать его рѣшеніе по всѣмъ затронутымъ здѣсь вопросамъ окончательнымъ. При произнесеніи приговора судья долженъ былъ руководствоваться буквальнымъ смысломъ Гентскаго трактата и общими принципами международнаго права. Судьей былъ избранъ императоръ Александръ I, который произнесъ свой приговоръ 22 апрѣля 1822 года, присудивъ Англію къ уплатѣ вознагражденія за невольниковъ, увезенныхъ съ территоріи, указанной Гент-

*) Предшествующіе примѣры, на которые иногда указываютъ—посредничество или просто предварительные переговоры съ цѣлью прекращенія столкновеній, судебное разрѣшеніе которыхъ должно было явиться впослѣдствіи.

скимъ трактатомъ. Оставалось опредѣлить цѣну этихъ невольниковъ, что и было сдѣлано, послѣ неудачной попытки смѣшанной комиссіи, собиравшейся въ Вашингтонѣ, Лондонскимъ договоромъ 1826 года, по которому Англія признала свой долгъ Соединеннымъ Штатамъ въ размѣрѣ 1.240.960 долларовъ. Но устраненное такимъ образомъ затрудненіе было дѣломъ второстепеннымъ въ сравненіи съ фактомъ обращенія къ третейскому судьѣ, его приговоромъ и уваженіемъ къ этому приговору, исполненіе котораго вызвало лишь фактическій вопросъ о цѣнѣ невольниковъ. Это было прекрасное начало третейскаго суда въ XIX вѣкѣ и за нимъ вскорѣ должны были послѣдовать другіе, не менѣе достойные интереса, примѣры.

Въ 1831 году мы видимъ новое третейское разбирательство, касающееся знаменитаго „вопроса о сѣверо-восточной границѣ“, происхожденіе котораго относится еще къ Версальскому трактату 1783 г. Смѣшаннымъ комиссіямъ, организованнымъ 5 ст. Гентскаго трактата, не удалось точно опредѣлить этой границы и тогда было рѣшено, что комиссары ограничатся составленіемъ докладовъ съ указаніемъ неразрѣшимыхъ, по ихъ мнѣнію, затрудненій, и что дружественный монархъ или государство будутъ призваны для разрѣшенія недоразумѣній. 29 сентября 1827 года Соединенные Штаты и Англія заключили договоръ, опредѣляющій условія разбирательства, пункты, подлежащіе обсужденію, допустимыя доказательства, порядокъ процедуры и т. п. Затѣмъ, оба государства избрали судьею короля Голландіи. Послѣдній 10 января 1831 года, ссылаясь на недостаточность доказательствъ, неясность трактата 1783 г. и неточность топографическихъ картъ, постановилъ очень неопредѣленный приговоръ. Вмѣсто того, чтобы окончательно рѣшить правовой вопросъ, подвергнутый его обсужденію, онъ ограничился указаніемъ основъ для новаго способа опредѣленія сѣверо-восточной границы. Этотъ недостатокъ опредѣленности въ приговорѣ не могъ

благопріятствовать его исполненію и рѣшеніе голландскаго короля было встрѣчено въ Америкѣ весьма неблагосклонно. Главную причину такого отношенія легко обнаружить: судья далъ только совѣтъ, но не постановилъ точнаго и яснаго рѣшеніе. Президентъ Соединенныхъ Штатовъ передалъ третейскій приговоръ Сенату съ неблагопріятнымъ отзывомъ; Комитетъ по иностраннымъ дѣламъ, бывшій за его исполненіе, не могъ устоять противъ страстной оппозиціи депутатовъ штата Мэна и, такимъ образомъ, сенатъ высказался за отмѣну королевскаго рѣшенія.

Мы пропустимъ нѣкоторые, къ тому же сомнительные, случаи третейскаго разбирательства и перейдемъ къ дѣлу, имѣющему, съ юридической точки зрѣнія, важное значеніе: къ спору между Франціей и Англіей по поводу береговъ Портендика, рѣшенному въ 1843 году прусскимъ королемъ. Дѣло шло объ отвѣтственности воюющаго передъ нейтральнымъ въ случаѣ необъявленія блокады береговъ противника. Во время войны съ жителями Портендикскаго берега въ Сенегалѣ Франція блокировала берегъ, не извѣстивши объ этомъ Англію. Англійскіе купцы продолжали тамъ свою торговлю и понесли убытки, возмѣщенія которыхъ потребовала Англія. Въ 1836 году начинаются по этому поводу переговоры и они тянутся четыре года безъ всякаго результата. Въ 1840 году безуспѣшно попытались прибѣгнуть къ смѣшанной комиссіи. Тогда Англія предложила третейскій судъ короля прусскаго. Франція приняла предложеніе подъ условіемъ, чтобы приговоръ никоимъ образомъ не нарушалъ принциповъ ея морского права и ея суверенитета на берегахъ Портендика. Итакъ, обѣ державы предоставили рѣшеніе вопроса прусскому королю, который, подобно всякому другому судьѣ, долженъ былъ разсмотрѣть фактическую сторону дѣла, т. е., дѣйствительно ли британскіе подданные, занимаясь законной и дозволенной торговлей, понесли убытки вслѣдствіе блокады, и сторону правовую, т.-е.,

если первый вопросъ рѣшенъ утвердительно, обязана-ли Франція возмѣстить эти убытки. Спорящія государства соглашались доставить всѣ документы, справки и вообще всякія свѣдѣнія, которыя могутъ понадобиться суду для выясненія дѣла. Наконецъ, онѣ соглашались исполнить его приговоръ, каковъ бы онъ ни былъ, и въ случаѣ присужденія вознагражденія, образовать въ цѣляхъ окончательной ликвидаціи денежнаго вопроса смѣшанную комиссію въ составѣ одного француза, одного англичанина и одного пруссака, въ качествѣ общаго посредника (сюрарбитра). Прусскій король принялъ на себя обязанность третейскаго судьи и 30 ноября 1843 г. постановилъ приговоръ, въ силу котораго Франція была присуждена заплатить вознагражденіе. Смѣшанная комиссія, созванная въ 1844 году, опредѣлила цифру долга въ 41,770 фр., вмѣсто 2,183,621 фр., которыхъ требовали англійскіе купцы.

Одновременно происходило другое замѣчательное третейское разбирательство между Франціей и Мексикою, также по вопросу объ убыткахъ. Во время мексиканской войны произошло нѣсколько спорныхъ, съ точки зрѣнія права войны, инцидентовъ. Возникъ вопросъ, имѣла ли право Мексика, по заключеніи мира, требовать отъ Франціи вознагражденіе за военные корабли, захваченные послѣ взятія крѣпости Улоа. Точно также, должна ли Франція покрыть убытки мексиканцевъ, потерпѣвшихъ отъ позднѣйшихъ враждебныхъ дѣйствій, и должна ли Мексика вознаградить французовъ, пострадавшихъ отъ изданнаго ею закона объ изгнаніи? Судьей была избрана англійская королева. Приговоромъ 1-го августа 1844 года она отвергла всѣ эти взаимныя требованія. Ея рѣшеніе мотивировалось тѣмъ, „что поступки обѣихъ сторонъ оправдывались войной, существовавшей между ними“. Близкій къ этому и аналогичный случай представляетъ приговоръ, произнесенный нѣсколькими годами позже, въ 1852 году. Споръ, на этотъ разъ, между

Испаніей и Франціей опять-таки касался возмѣщенія убытковъ за захваты, совершенные флотами воюющихъ во время реставраціи 1823 года въ Испаніи. По заключеніи мира стороны подписали договоръ, опредѣлявшій стоимость захваченнаго. Однако, возникло сомнѣніе по поводу двухъ испанскихъ судовъ: „Велоцъ-Маріана“ и „Викторія“, и французскаго фрегата „Ла-Вижи“. Испанія требовала вознагражденіе за два своихъ корабля, одинъ изъ которыхъ, по крайней мѣрѣ, былъ захваченъ за шесть недѣль до войны. Франція искала возмѣщенія убытковъ за свой фрегатъ, захваченный испанскимъ катеромъ спустя три мѣсяца по окончаніи военныхъ дѣйствій, причемъ призовой судъ въ Арекипѣ сразу призналъ этотъ захватъ незаконнымъ. Переговоры тянулись до Мадридской конвенціи 15 февраля 1851 года, въ силу которой стороны рѣшились избрать третейскимъ судьею нидерландскаго короля. Послѣдній постановилъ свой приговоръ 13 апрѣля 1852 года и отклонилъ требованіе вознагражденія за „Викторію“, взятую во время войны, признавъ обязательнымъ вознагражденіе Испаніи за „Велоцъ-Маріану“, взятую до начала военныхъ дѣйствій, и Франціи за „Ла-Вижи“, захваченную по ихъ окончаніи.

Въ томъ же 1852 году уладилось, благодаря третейскому суду, болѣе значительное дѣло о катерѣ „Генералъ Армстронгъ“. Въ данномъ случаѣ дѣло касалось общаго вопроса—отвѣтственности нейтральнаго государства, не помѣшавшаго военнымъ дѣйствіямъ на своей территоріи. Ночью 26 сентября 1814 года въ гавани Файяль на одномъ изъ Азорскихъ острововъ произошла рукопашная схватка между матросами американскаго судна „Генералъ Армстронгъ“ и экипажемъ англійскихъ канонерскихъ лодокъ. На другой день судно англійскаго флота, въ составъ котораго входили канонерки, открыло огонь по „Генералу Армстронгу“ и разрушило его. Засимъ послѣдовало требованіе вознагражденія, обращенное прави-

тельствомъ Соединенныхъ Штатовъ къ португальскому королю на томъ основаніи, что мѣстныя власти были обязаны помѣшать нападенію въ своей гавани, и отказъ со стороны Португаліи, сославшейся на то, что матросы „Генерала Армстронга“ были зачинщиками въ дѣлѣ. Тѣмъ не менѣе, португальское правительство предлагало передать дѣло на рѣшеніе шведскаго короля. Представитель Штатовъ, Клай, отказался и даже потребовалъ обратно свои бумаги. Онѣ были возвращены ему при слѣдующей нотѣ, которая была бы достойна повторенія во многихъ другихъ случахъ: „Ни одно правительство не можетъ считать себя непогрѣшимымъ въ своихъ мнѣніяхъ, и если между двумя дружественными націями происходитъ разногласіе по вопросамъ факта или права, нужно признать, что отказъ прибѣгнуть къ третейскому суду, предложенному въ такомъ случаѣ слабѣйшей стороною, даетъ поводъ заподозрить справедливость требованій, предъявляемыхъ стороной сильнѣйшей“. Послѣ избранія новаго президента Соединенныхъ Штатовъ предложеніе Португаліи было, тѣмъ не менѣе, принято. Въ силу договора, подписаннаго 26 февраля 1851 года въ Вашингтонѣ, споръ былъ подвергнутъ третейскому суду президента французской республики, принца Людовика-Наполеона. Послѣдній въ своемъ приговорѣ 30 ноября 1852 года отвергъ отвѣтственность португальскаго правительства, принимая въ соображеніе, что, какъ явствуетъ изъ представленныхъ документовъ, „американцы первые открыли огонь и американскій капитанъ прибѣгнулъ къ защитѣ португальскаго правительства только тогда, когда кровь уже была пролита; что съ этого момента губернаторъ острова многократно обращался къ начальнику англійской эскадры съ цѣлью добиться прекращенія военныхъ дѣйствій и протестовалъ противъ нарушенія нейтралитета территоріи, что, наконецъ, слабость гарнизона и завѣдомо плохое состояніе крѣпостной артиллеріи дѣлали не

возможнымъ какое бы то ни было вооруженное вмѣшательство съ его стороны; принимая также въ соображеніе, что, обратившись сразу къ защитѣ нейтральнаго правительства и отразивъ оружіемъ нападеніе, которое онъ считалъ незаслуженнымъ, американскій капитанъ оскорбилъ нейтралитетъ иностраннаго государя и, такимъ образомъ, освободилъ этого государя отъ лежавшей на немъ обязанности оказать ему защиту какимъ бы то ни было путемъ, кромѣ мирнаго вмѣшательства".

Черезъ годъ новое третейское разбирательство по поводу корабля „Креоль". Въ 1841 г. при переходѣ изъ Ричмонда въ Н. Орлеанъ судна „Ла-Креоль" на немъ произошло возмущеніе невольниковъ. Было убито и ранено нѣсколько пассажировъ; капитанъ также раненъ и неспособенъ управлять кораблемъ; невольники заставили его помощника, подъ угрозою смерти, отвести судно въ англійскій портъ Нассау. Вашингтонское правительство потребовало отъ лондонскаго возвратить бѣглыхъ невольниковъ, на что послѣднее отвѣтило отказомъ, заявивъ, что вступленіе на землю Англіи сдѣлало ихъ свободными людьми. Попытка разрѣшить этотъ споръ смѣшанною комиссіею организованной въ силу конвенціи 8 февраля 1853 года оказалась тщетною, и члены ея разошлись, не столковавшись. Наконецъ, вопросъ былъ окончательно переданъ въ руки извѣстнаго англійскаго юрисконсульта Бата, который высказался за возвращеніе невольниковъ или же за возвратъ соотвѣтствующей суммы. Батъ исходилъ изъ той мысли, что никто не вправѣ посягать на прерогативы капитана, пользующагося, согласно законамъ своей страны, опредѣленными правами надъ довѣренными ему лицами; это рѣшеніе можно критиковать въ примѣненіи къ данному случаю, но, тѣмъ не менѣе, его юридическое значеніе должно быть признано, что и сдѣлали благоразумно обѣ націи.

Мы пропустимъ случаи третейскаго суда между

Соединенными Штатами и другими странами, каковы: Новая Гренада, Парагвай, Коста-Рика, Экуадоръ, имѣвшіе мѣсто въ слѣдующіе затѣмъ годы, и перейдемъ къ болѣе серьезному столкновенію, также окончившемуся въ 1862 году третейскимъ судомъ, именно къ дѣлу о кораблѣ „Ла-Фортъ“. 7 іюня 1862 года три офицера этого англійскаго судна, стоявшаго тогда на рейдѣ въ Ріо-Жанейро, имѣли столкновеніе съ бразильскими часовыми; полиція арестовала ихъ и посадила въ тюрьму; однако, когда, по заявленію англійскаго консула, было обнаружено ихъ званіе, тотчасъ же былъ изданъ приказъ объ ихъ освобожденіи. Сенъ-джемскій кабинетъ усмотрѣлъ въ этомъ столкновеніи съ полиціей оскорбленіе британскаго флота и потребовалъ удовлетворенія отъ бразильскаго правительства.

Избранный обѣими сторонами въ третейскіе судьи, бельгійскій король высказался противъ Англіи на томъ основаніи, что англійскіе офицеры, арестованные въ пьяномъ видѣ, были истинными зачинщиками, что къ нимъ были правильно примѣнены бразильскіе законы, и такъ какъ они, къ тому же, во время ареста не были въ мундирахъ, въ этомъ фактѣ не могло быть ничего оскорбительнаго для британскаго флота.

Мы особенно подчеркиваемъ это рѣшеніе, потому что оно даетъ прямой отвѣтъ на слишкомъ часто повторяемое возраженіе противниковъ третейскаго суда. Этотъ способъ, говорятъ они, съ успѣхомъ примѣняется при столкновеніи мелкихъ интересовъ, при территоріальныхъ спорахъ, при требованіи вознагражденія за какіе-нибудь убытки; но представьте себѣ случай, когда будетъ задѣта національная гордость, чувство народной чести,—и все значеніе этой прекрасной системы разлетится прахомъ. Здѣсь же мы видимъ обратный примѣръ: въ дѣлѣ „Ла-Фортъ“ англійская щекотливость—какъ извѣстно весьма значительная—была въ высшей степени возбуждена; тѣмъ не менѣе, Англія безъ колебаній преклонилась передъ

судебнымъ рѣшеніемъ, котораго сама пожелала, преклонилась, хорошо понимая, что есть случай, когда должно умолкнуть щекотливое чувство національной чести:—именно, когда сама нація въ свободномъ договорѣ этою честью обязалась къ чему-нибудь.

1863 годъ былъ свидѣтелемъ рѣшенія весьма важнаго дѣла о бриггѣ „Мацедоніанъ“. Разногласіе касалось основного положенія международнаго права—принципа неприкосновенности частной собственности на сушѣ, независимо отъ того, принадлежитъ ли эта собственность нейтральному или врагу. Въ 1841 году чилійскій вице-адмиралъ, лордъ Кохранъ, велѣлъ захватить въ долинѣ Ситана, на территоріи бывшаго вице-королевства Перу, деньги, вырученныя отъ продажи товаровъ, перевезенныхъ американскимъ купеческимъ судномъ „Мацедоніанъ“. Сумма равнялась 70.400 піастровъ. Въ нотѣ, обращенной къ правительству Чили, вашингтонскій кабинетъ потребовалъ возврата этой суммы; чилійское правительство отказало, что вызвало сильное возбужденіе общественнаго мнѣнія въ Соединенныхъ Штатахъ, едва не приведшее къ войнѣ. Тѣмъ не менѣе, оба правительства послѣ долгихъ дебатовъ въ 1858 г. согласились передать вопросъ на судъ бельгійскаго короля. Предварительное соглашеніе (компромиссъ) заранѣе опредѣляло полномочія судьи, который долженъ былъ разсмотрѣть три пункта: было ли, въ общемъ или отчасти, основательно требованіе Соединенныхъ Штатовъ; во вторыхъ, каковъ размѣръ вознагражденія, котораго они въ такомъ случаѣ могутъ требовать отъ Чили; наконецъ, должно ли правительство послѣдняго заплатить и проценты на эту сумму, въ какомъ размѣрѣ и считая съ какого времени. 15 мая 1863 г. Леопольдъ I рѣшилъ, что требованіе было основательно только въ одной части, поскольку оно касалось интересовъ американскихъ гражданъ, замѣшанныхъ въ дѣлѣ (ибо въ немъ участвовали еще иностранцы); сообразно этому онъ опредѣлилъ убытки въ 42.240 піастровъ, т. е.,

въ $^3/_5$ всей суммы; наконецъ, онъ призналъ существованіе долга отъ накопившихся процентовъ, считая по 6% въ годъ, съ 19 марта 1841 года, когда впервые была заявлена претензія, по 26 декабря 1848 года, когда обѣ стороны согласились обратиться къ третейскому суду.

Въ слѣдующемъ 1864 г.—дѣло капитана Вайта. 23 марта 1861 г. донъ Рамонъ Кастилья, президентъ Перу, палъ отъ пистолетнаго выстрѣла неизвѣстнаго убійцы. Англійскій капитанъ Вайтъ былъ арестованъ въ городѣ Каллао по подозрѣнію въ этомъ убійствѣ и отведенъ въ Лиму, гдѣ его продержали въ тюрьмѣ до 9 января 1862 г., когда послѣ суда, за недостаткомъ уликъ, его освободили, приказавъ немедленно покинуть страну. Англійское правительство потребовало въ пользу капитана 4.500 фунтовъ стерлинговъ, какъ вознагражденіе за понесенные имъ убытки и страданія отъ предварительнаго заключенія, поздняго суда и приговора объ изгнаніи. Избранный въ третейскіе судьи сенатъ города Гамбурга нашелъ въ докладѣ, представленномъ Вайтомъ и поддержанномъ англійскимъ правительствомъ, пристрастное изложеніе дѣла и призналъ, что образъ дѣйствій по отношенію къ Вайту былъ совершенно правиленъ и согласенъ съ законами Перу. Такъ, безъ пролитія крови, окончилось столкновеніе, въ которомъ еще разъ была задѣта щекотливость Англіи.

Можно было бы указать еще нѣсколько интересныхъ случаевъ третейскаго суда за этотъ періодъ времени, но всѣ эти спеціальные случаи вскорѣ должны были поблѣднѣть, стушеваться и, до нѣкоторой степени, исчезнуть въ громкой славѣ великаго процесса, разбиравшагося въ Женевѣ, по поводу „Алабамы“.

Третейскій судъ по алабамскому вопросу слишкомъ важенъ и въ особенности слишкомъ знаменитъ, чтобы его можно было поставить на одну доску съ прочими аналогичными рѣшеніями. Вслѣдствіе этого мы выдѣляемъ изъ хронологическаго порядка разсмотрѣ-

ніе этого случая, выдѣляя его въ спеціальную главу, посвященную знаменитому третейскому разбирательству въ Женевѣ.

Впрочемъ, въ то самое время, когда разбиралось это знаменитое дѣло, происходили третейскія разбирательства, значеніе которыхъ могла затмить только слава женевскаго процесса. Приговоръ, касающійся „Алабамы", помѣченъ 14 сентября 1872 г., а 21 октября произнесенъ приговоръ относительно Сенъ-Жуана. Около четверти вѣка относящійся сюда споръ возбуждалъ страсти въ Англіи и Соединенныхъ Штатахъ, шесть разъ отказывавшихся отъ третейскаго суда; не разъ готова была вспыхнуть война. Весь споръ вращался на порожденномъ I статьей Вашингтонскаго трактата 1846 г., вопросѣ о границахъ. Текстъ этой статьи гласилъ, что „пограничная линія между сѣверо-западной территоріей Соединенныхъ Штатовъ и территоріей владѣній ея Британскаго величества пройдетъ отъ указаннаго раньше пункта на 49 параллели сѣверной широты вдоль этой параллели къ западу, до середины канала, отдѣляющаго островъ Ванкуверъ отъ материка, и оттуда по направленію къ югу, черезъ середину названнаго канала и пролива Фука до Тихаго океана". Но гдѣ-же должна была проходить водяная линія, указанная трактатомъ 1846 года? По каналу Розаріо—говорили Англичане, по каналу Гаро—говорили Американцы, и при толкованіи этого пункта оказывались невозможными какія-бы то нибыло соглашенія. Наконецъ, въ силу Вашингтонскаго договора отъ 8 мая 1871 года стороны отдали свой споръ на окончательное рѣшеніе германскаго императора. Послѣдній поручилъ изслѣдованіе этого вопроса тремъ ученымъ, Киперту, Гольдшмидту и Гримму, и затѣмъ 21 октября 1872 г. произнесъ свой приговоръ: Соединенные Штаты выиграли дѣло. Такимъ образомъ, черезъ мѣсяцъ послѣ женевскаго пораженія Англія проиграла свой процессъ въ Берлинѣ, и затѣмъ должна была еще потерять по третьему, парижскому, приговору.

Одинъ изъ самыхъ любопытныхъ случаевъ третейскаго суда—это судъ 1875 г. между двумя державами крайняго востока: — Японіей и Китаемъ. Онъ показываетъ, какъ легко прививается идея третейскаго суда даже тамъ, куда она всего менѣе имѣла доступъ. Въ данномъ случаѣ дѣло шло объ убійствѣ японцемъ китайскаго подданнаго на островѣ Формоза. Оба государства готовы были взяться за оружіе, когда лондонскій и вашингтонскій кабинеты убѣдили ихъ въ преимуществахъ юридическаго рѣшенія дѣла; противники согласились и отдали свой споръ на рѣшеніе англійскаго посланника въ Пекинѣ, г. Веда. Приблизительно тогда же японское правительство доказало свое миролюбіе въ гораздо болѣе серьезномъ дѣлѣ о кули, находившихся на перуанскомъ кораблѣ „Марія Люцъ". 28 мая 1872 г. это судно вышло изъ Мокао въ Каллао, везя 225 рабочихъ кули. Вслѣдствіе дурной погоды оно, по пути, должно было зайти въ японскій портъ Канагава. По приказанію японскихъ властей, желавшихъ убѣдиться, нѣтъ ли на суднѣ этого живого товара, кули были свезены на берегъ, и, такъ какъ они не захотѣли вернуться на корабль, власти не нашли нужнымъ принуждать ихъ къ этому. Перу протестовало, ссылаясь на обиду, нанесенную его гражданамъ и на нарушеніе принциповъ международнаго права; двѣ дипломатическія конференціи собирались въ іюнѣ 1873 года, и, въ концѣ концовъ, Японія и Перу рѣшили отдать свое дѣло на судъ Императора Александра II. Приговоромъ, произнесеннымъ въ Эмсѣ 17—29 мая 1875 г., онъ снялъ отвѣтственность съ Японіи въ виду того, что, поступивъ такимъ образомъ относительно „Маріи-Люцъ", ея экипажа и пассажировъ, японское правительство дѣйствовало вполнѣ добросовѣстно, въ силу собственныхъ законовъ и обычаевъ, не нарушая ни общихъ предписаній международнаго права, ни постановленій частныхъ договоровъ, слѣдовательно его нельзя обвинять въ умышленномъ упущеніи или въ дурныхъ побужденіяхъ относительно правительства

Перу и его гражданъ.—Два мѣсяца спустя, 24 іюля, новое третейское разбирательство по дѣлу о бухтѣ Делагоа. Между Англіей и Португаліей съ 1823 г. существовали недоразумѣнія по поводу различныхъ земель или острововъ, расположенныхъ въ бухтѣ Делагоа на восточномъ берегу Африки. Только въ сентябрѣ 1872 г. споръ былъ отданъ на рѣшеніе президента Французской республики. 24 іюля 1875 года въ Версали Макъ-Магонъ высказался противъ Англіи, принимая во вниманіе, что „притязанія португальскаго правительства были законно обоснованы и доказаны".

На долю Франціи въ лицѣ ея правительственныхъ органовъ неоднократно выпадала честь избранія въ третейскіе судьи. Послѣ Макъ-Магона, Жюль Греви, президентъ Французской республики, былъ третейскимъ судьей въ спорѣ между Нидерландами и республикой Санъ-Доминго по поводу захвата корабля „Гавана Пакеръ". Это голландское судно было захвачено (арестовано) въ 1877 году на основаніи закона названной республики, запрещавшаго ввозъ оружія и боевыхъ запасовъ; мѣстный судъ какъ первой инстанціи, такъ и аппеляціонный, одобрилъ эту конфискацію. Нидерланды опротестовали рѣшеніе, считая его противнымъ принципамъ международнаго права, и поэтому требовали вознагражденія для владѣльца судна. Наконецъ, несогласіе было прекращено приговоромъ Жюля Греви.

Напомнимъ также о замѣчательномъ приговорѣ, произнесенномъ французскимъ Кассаціоннымъ судомъ.

Въ 1874 г. между Франціей и республикой Никарагуа возникъ споръ по поводу захвата оружія на французскомъ кораблѣ „Ле-Фаръ", въ гавани Коринто; мѣстные суды признали захватъ законнымъ; Франція протестовала. Послѣ долгихъ дипломатическихъ переговоровъ оба правительства согласились признать третейскимъ судьей французскій Кассаціонный судъ, принявшій это предложеніе 29 апрѣля 1879 г. Разо-

бравъ дѣло въ обычномъ порядкѣ, судъ постановилъ свой приговоръ въ февралѣ 1881 г.

Въ статьѣ, озаглавленной „Психологическій моментъ", Фредерикъ Пасси уже въ въ концѣ 1887 года подчеркивалъ поразительное противорѣчіе постоянныхъ приготовленій къ войнѣ, которыми заняты государства, и параллельныхъ имъ усилій сохранить миръ. Онъ указывалъ, съ одной стороны, на Европу, охваченную взрывомъ ненависти, съ другой — на ту же Европу, обуреваемую страхомъ передъ готовымъ вспыхнуть столкновеніемъ; на правительства, съ одной стороны, всегда готовыя поднимать разные дипломатическіе вопросы, съ другой—всегда спѣшащія какъ-нибудь затушить ихъ, на всѣхъ пунктахъ земного шара: въ Афганистанѣ, въ Греціи, въ Болгаріи, на Каролинскихъ островахъ и Новыхъ Гебридахъ,—словомъ, на вооруженные народы, дрожащіе подъ своимъ оружіемъ.

Указавъ на различные политическіе факты, свидѣтельствующіе о всеобщемъ страхѣ передъ войной, на инстинктивное влеченіе къ миру и къ юридическимъ средствамъ, его обезпечивающимъ, онъ восклицалъ: " во всемъ, всегда, повсюду, въ той или иной формѣ, скрыто или явно, не эти ли, еще вчера осмѣиваемыя, средства: посредничество и третейскій судъ, напрашиваются сами собою, и дружелюбное обсужденіе беретъ верхъ надъ опасными случайностями слѣпой силы". Совершенно вѣрное замѣчаніе, которое должны были вскорѣ подтвердить новые практическіе примѣры. Дѣйствительно, 1888 г. былъ отмѣченъ многими интересными юридическими рѣшеніями, каковы: рѣшеніе итальянскаго посланника въ Мадридѣ, графа Мастеи, котораго Криспи уполномочилъ быть третейскимъ судьей между Испаніей и Англіей по поводу столкновеній между ихъ моряками; рѣшенія подобнаго же рода между Гватемалой и Мексикой, между Италіей и Колумбіей съ третейскимъ судьею Испаніею; между Соединенными Штатами и Канадой по вопросамъ торговли; между Италіей и Колумбіей изъ-за морского стол-

кновенія; между Соединенными Штатами и Марокко, судьей которыхъ была Италія; между Марокко и Португаліей, избравшими въ судьи Францію.

Но, главнымъ образомъ, за три послѣдующихъ года третейскій судъ облекся новымъ блескомъ.

Мы не считаемъ нужнымъ останавливаться на рѣшеніяхъ, имѣющихъ второстепенное значеніе, напримѣръ, въ 1889 году между Никарагуа и Коста-Рика и между Ла-Платой и Бразиліей, гдѣ въ обоихъ случаяхъ судьей былъ президентъ Соединенныхъ Штатовъ; въ слѣдующемъ году между Англіей и Португаліей по вопросу о желѣзной дорогѣ къ бухтѣ Делагоа. Все это интересные и достойные замѣчанія примѣры, доказывающіе, насколько жива идея третейскаго суда даже въ тяжелой атмосферѣ войны, тяготѣющей надъ нами. Но въ эти три года послѣдовательно совершились и важныя третейскія разбирательства, которыя нужно изучить подробнѣе *).

21 дек. 1854 г. сѣверо-американскій пароходъ „Веньяминъ Франклинъ“ хотѣлъ покинуть портъ Св. Ѳомы на Антильскихъ островахъ, не взявъ нужныхъ для этого бумагъ. Датскій губернаторъ острова не затруднился открыть огонь по непокорному судну. Затѣмъ, прежде чѣмъ позволить „Веньямину Франклину“ и другому американскому судну, „Катерина-Августа“, выгрузиться и заняться необходимой починкой, онъ потребовалъ отъ нихъ различныхъ гарантій. Владѣльцы названныхъ судовъ стали требовать возмѣщенія убытковъ; послѣдовали длинныя, повидимому, неразрѣшимыя, препирательства между Соединенными Штатами и Даніей. Наконецъ, оба правительства согласились прибѣгнуть къ третейскому суду. Судьей былъ

*) Послѣднее десятилѣтіе (1890 — 99) представляетъ и, кромѣ указанныхъ примѣровъ весьма интересные случаи третейскаго разбирательства, все чаще и чаще встрѣчающагося въ международныхъ отношеніяхъ цивилизованныхъ народовъ. Отмѣтимъ, напримѣръ, разсматриваемый въ настоящее время въ Парижѣ судомъ, подъ предсѣдательствомъ проф. Мартенса, споръ по Венецуэльскому вопросу. *Ред.*

избранъ сэръ Эдмундъ Монсонъ, англійскій посланникъ въ Аѳинахъ. 30 марта 1889 г. датскій парламентъ далъ свое согласіе на третейскій судъ, а 22 янв. 1890 г. Монсонъ произнесъ свой приговоръ. Какъ верховный и безаппеляціонный судья, онъ постановилъ въ своемъ прекрасно мотивированномъ рѣшеніи, что ни за выстрѣлъ, направленный на „Веньямина Франклина“, ни за минутное задержаніе „Катерины-Августы“, ни вообще за требованіе гарантій отъ этихъ судовъ съ 21 дек. 1854 года по 7 мая 1855 года не слѣдуетъ никакого вознагражденія. Итакъ, англійскій посланникъ рѣшилъ дѣло въ пользу Даніи, и Соединенные Штаты преклонились передъ приговоромъ.

Франко-голландскій споръ, разбиравшійся въ слѣдующемъ году, тянулся болѣе полувѣка. Въ послѣднее время онъ пріобрѣлъ особенное значеніе, благодаря золотоноснымъ жиламъ, открытымъ на спорныхъ территоріяхъ. Въ верховьяхъ рѣки Марони, въ Гвіанѣ, существуетъ почти недоступная область, Арва, расположенная между двумя рѣками, сливающимися ниже въ одну. Одна изъ этихъ рѣкъ, Верхній Марони, съ давнихъ поръ была признана политической границей между владѣніями Французской республики и голландскаго правительства. Только какая же изъ этихъ рѣкъ именно Верхній Марони? Всѣ разногласія касались этого пункта. Съ рѣшеніемъ этого спора былъ связанъ не только вопросъ о владѣніи территоріей, занимавшей четвертую часть французской Гвіаны, но и владѣніе открытыми тамъ золотоносными жилами. Правда, Арва—чрезвычайно трудно доступная область. Начиная съ берега и до самыхъ высокихъ пунктовъ внутри материка, страна состоитъ изъ ряда плоскогорій, расположенныхъ въ видѣ гигантской лѣстницы, изрѣзанныхъ ущельями, горными потоками, водопадами, черезъ которые одни туземцы совершаютъ переправы. До послѣднихъ лѣтъ золото добывалось только неграми племени Бани и ихъ князькомъ Анато; бѣлые задумали также принять въ этомъ участіе, но

при этомъ тотчасъ же всплылъ наружу національный вопросъ. Предлагали Голландіи и Франціи организовать франко-голландскую компанію, акціи которой принадлежали бы только жителямъ Кайенны (французская Гвіана) и Суринама (голландская Гвіана): другіе, предлагали, чтобы при раздѣлѣ территоріи приняли участіе мѣстныя племена, законные владѣльцы страны, разрабатывать которую собирались инженеры; тѣмъ временемъ оба правительства рѣшили до окончанія спора не допускать никакой эксплуатаціи. Наконецъ, въ 1890 г. они согласились отдать вопросъ на рѣшеніе русскаго императора. Послѣдній принялъ предложеніе и поручилъ проф. Мартенсу выработать докладъ по этому предмету. Приговоръ царя былъ произнесенъ въ пользу Голландіи, согласно съ нимъ Франція теряла четвертую часть своихъ владѣній въ Гвіанѣ.

Наконецъ вопросъ — о Ньюфаундлендѣ. Значеніе этого вѣкового спора, вмѣстѣ съ важностью затронутыхъ въ немъ французскихъ интересовъ, заставляетъ насъ остановиться на нѣкоторыхъ подробностяхъ. Статья 13 утрехтскаго договора 13 марта 1713 года давала французскимъ подданнымъ право на рыбную ловлю въ водахъ Ньюфаундленда. Позже между Англіей и Франціей были заключены другіе трактаты, регулировавшіе условія при пользованіи этимъ правомъ: Парижскій трактатъ 10 февр. 1763 г.; версальскій 3 сент. 1783 г., къ которому нужно еще прибавить декларацію короля Георга отъ того же числа, парижскіе трактаты 30 мая 1814 г. и 30 ноября 1815 года и т. д.

Текстъ этихъ договоровъ, быть можетъ, не такъ теменъ, какъ объ этомъ говорилось, но дѣло въ томъ, что они уже не соотвѣтствуютъ практической необходимости. Пока измѣнялось положеніе вещей, право оставалось неподвижно. Ньюфаундлендъ, почти пустынный въ 1713 году, обратился въ богатую и сильную колонію; кромѣ того, значительно усовершенство-

вались вообще рыболовные суда, снаряды и пріемы рыбной ловли; прямолинейный языкъ прошлаго вѣка уже не примѣнимъ къ болѣе утонченнымъ формамъ современной жизни. Такимъ образомъ, вопросъ все болѣе осложнялся. Рибо, французскій министръ иностранныхъ дѣлъ, настаивалъ, совершенно правильно, съ юридической точки зрѣнія, на правахъ, предоставленныхъ французскимъ рыболовамъ отжившими, но не упраздненными текстами договоровъ; Уайтвай, первый министръ англійской колоніи Ньюфаундленда, утверждалъ, что эти чрезмѣрныя привиллегіи скоро сдѣлаютъ недоступнымъ для жителей колоніи единственный промыселъ, доставляющій имъ средства къ существованію, и объявлялъ, что мѣстное правительство, которое уступило бы требованіямъ Франціи, не продержалось бы и сутки. Какъ въ такомъ случаѣ разрѣшить споръ? Ньюфаундлендцы просили выкупить у Франціи ея права, и лордъ Салисбюри пытался поднять этотъ вопросъ. Но Франція отклонила его. Уладить это наиболѣе жгучее разногласіе, грозившее породить серьезный дипломатическій конфликтъ, сдѣлалось, однако, настоятельною необходимостью. Дѣло въ томъ, что, не находя выгоднымъ заниматься ловлей одной трески, французы занялись еще и ловлей омара; англичане, одни до сихъ поръ занимавшіеся этимъ промысломъ, не хотѣли допустить французской конкуренціи; относительно этого спеціальнаго пункта, ни мало не задѣвавшаго общихъ правъ, предоставленныхъ французамъ трактатами, была какая-нибудь возможность сговориться. Поэтому прибѣгли къ третейскому суду, ограничивъ его компетенцію вопросомъ о мѣстахъ ловли омаровъ, и отложивъ на другое время рѣшеніе вопроса объ отказѣ Франціи отъ ея правъ и о возможныхъ съ ея стороны условіяхъ этого отказа. Въ силу конвенціи 11 март. 1891 г. обѣ стороны обязались составить комиссію изъ семи (членовъ) судей: трехъ юристовъ, Ф. Мартенса, профессора международнаго права въ Петербургскомъ университетѣ,

Альфонса Ривье, швейцарскаго генеральнаго консула въ Брюсселѣ и О. Грома, бывшаго члена норвежскаго верховнаго суда; затѣмъ, изъ четырехъ делегатовъ, по два отъ каждой заинтересованной стороны. Эта комиссія должна была рѣшить всѣ принципіальные вопросы, которые могли быть ей предложены делегатами того или другого государства.

Итакъ общіе по существу вопросы, формулированные въ нотѣ лорда Салисбюри отъ 20 янв. 1891 г., были оставлены въ сторонѣ, и компетенція судей строго ограничена только самыми щекотливыми пунктами; что же касается состава суда, то на этотъ разъ столкновеніе должна была обычнымъ порядкомъ разобрать комиссія законовѣдовъ; очевидно, подобный выборъ слѣдуетъ предпочесть установившемуся обычаю избирать въ судьи главу какого-нибудь государства, который только фиктивно исполняетъ эту роль, а самую серьезную часть работы поручаетъ людямъ болѣе компетентнымъ.

Изъ числа весьма интересныхъ и значительныхъ случаевъ третейскаго разбирательства въ послѣднемъ десятилѣтіи текущаго столѣтія несомнѣнно заслуживаетъ особаго вниманія третейскій судъ, засѣдавшій въ 1893 г. въ Парижѣ и разрѣшившій споръ между Англіей и Соединенными Штатами относительно ловли морскихъ животныхъ въ Беринговомъ морѣ.

Соединенные Штаты отказывались разсматривать это море, какъ открытое, а слѣдовательно, считая его частью своей территоріи, отказывались признать, въ силу общепризнаннаго цивилизованными государствами принципа свободы открытаго моря, подчиненіе всѣхъ находящихся въ немъ судовъ и лицъ дѣйствію лишь ихъ національнаго законодательства. На этомъ основаніи американскія власти задержали и судили въ 1886 и 1889 г. нѣсколько англійскихъ судовъ, занимавшихся на весьма большомъ разстояніи отъ берега охотою на морскихъ котиковъ. Послѣ продолжительныхъ переговоровъ спорящія стороны заключили въ Вашинг-

тонѣ 29 февр. 1892 г. договоръ, передававшій разрѣшеніе ихъ спора третейскому суду, имѣвшему собраться въ Парижѣ. 7-я статья этого договора представляетъ въ исторіи развитія международнаго третейскаго суда особенный интересъ. Она гласитъ: „Если опредѣленіе вопросовъ, поставленныхъ въ предшествующихъ статьяхъ и касающихся исключительной юрисдикціи Соединенныхъ Штатовъ, выяснитъ такое положеніе дѣла, при которомъ, въ цѣляхъ покровительства и сохраненія породы морскихъ котиковъ, находящихся въ Беринговомъ морѣ, явится необходимымъ содѣйствіе Англіи для установленія регламентовъ, третейскіе судьи опредѣлятъ въ этомъ случаѣ регламенты, кои необходимо установить сообща, для распространенія ихъ дѣйствія на территорію водъ, находящихся внѣ предѣловъ юрисдикціи договаривающихся правительствъ, а равнымъ образомъ опредѣлятъ пространство территоріи тѣхъ водъ, гдѣ эти регламенты должны получить примѣненіе“... Мы видимъ, такимъ образомъ, что, согласно договору между Англіей и Соединенными Штатами, Парижскій третейскій судъ принялъ дѣятельное участіе въ законодательной регламентаціи отношеній, которыя должны существовать между договаривающимися державами по поводу пользованія Беринговымъ моремъ. Третейскій судъ исполнилъ возложенную на него задачу. Отвергнувъ исключительныя притязанія Соединенныхъ Штатовъ на Берингово море, онъ опредѣлилъ границу территоріальныхъ водъ *) и выработалъ регламентъ, на основаніи котораго признавшія его государства предписываютъ своимъ подданнымъ образъ дѣйствій при охотѣ на котиковъ въ Беринговомъ морѣ. Государства заинтересованы, конечно, въ сохраненіи цѣнной породы

*) Территоріальнымъ моремъ называется часть моря, омывающая берега государства и находящаяся на протяженіи, въ большинствѣ случаевъ, 3-хъ миль отъ берега подъ властью прибрежнаго государства.

животныхъ, доставляющей ихъ подданнымъ немаловажный источникъ дохода. Отсутствіе регламентаціи охоты на этихъ животныхъ въ открытомъ морѣ обусловливаетъ хищническое ихъ уничтоженіе. Такимъ образомъ, регламентъ, выработанный третейскимъ судомъ въ Парижѣ, соотвѣтствуетъ потребностямъ всѣхъ государствъ, заинтересованныхъ въ поддержаніи и сохраненіи морскихъ продуктовъ, въ данномъ случаѣ опредѣленной породы животныхъ. И дѣйствительно, подъ вліяніемъ постановленій Парижскаго третейскаго суда регламентація охоты въ Беринговомъ морѣ признана не только Англіей и Соединенными Штатами, но также Россіей и Италіей. Не является ли, слѣдовательно, этотъ примѣръ дѣятельности третейскаго суда въ области выработки нормъ положительнаго международнаго права знаменательнымъ фактомъ въ исторіи разсматриваемаго нами учрежденія?

2.

Въ нашемъ изложеніи исторія третейскаго суда въ XIX вѣкѣ представляетъ медленную, но несомнѣнную эволюцію, на что указываютъ перечисленные выше важнѣйшіе примѣры примѣненія этого великаго принципа. Общая потребность умиротворенія вызываетъ въ началѣ вѣка нѣсколько рѣдкихъ случаевъ третейскаго суда. По мѣрѣ того какъ эта идея прокладываетъ себѣ путь, случаи ея примѣненія на практикѣ, мало-по-малу, становятся все многочисленнѣе, точнѣе опредѣляется порядокъ судопроизводства и расширяется его компетенція. Но свое полное развитіе онъ получаетъ, въ особенности, за послѣдніе двадцать лѣтъ. Хорошо извѣстны всѣ многочисленные случаи третейскаго суда: они наводятъ на мысль о практическихъ преимуществахъ и превосходствѣ этого способа надъ мѣрами насильственными. При возникновеніи международныхъ несогласій въ настоящее время постоянно возникаетъ вопросъ: какъ это заинтересованныя го-

сударства не попытались еще прибѣгнуть къ третейскому суду? Что же дало новой идеѣ такой сильный ростъ? Что сдѣлало ее популярной? Конечно, усилія друзей мира, ихъ общества, конференціи, ихъ изданія, быть можетъ, также примѣръ многочисленныхъ предшествующихъ третейскихъ разбирательствъ, но, навѣрное, прежде и больше всего громкая слава знаменитаго „Алабамскаго“ процесса.

Въ самомъ дѣлѣ, Женевскій судъ имѣетъ совершенно особое значеніе. Важность принциповъ права, которые онъ долженъ былъ регулировать, крупность спорнаго предмета, горячее соперничество спорящихъ націй—вполнѣ оправдываютъ извѣстность, выпавшую на его долю. Важность принциповъ права, которые надлежало установить: дѣйствительно, въ данномъ случаѣ вопросъ шелъ объ основныхъ нормахъ, регулирующихъ права нейтральныхъ, и члены Женевскаго суда должны были изслѣдовать вопросы, по которымъ не могли притти къ соглашенію ни дипломатія—послѣ многолѣтнихъ переговоровъ, ни наука—послѣ продолжительныхъ теоретическихъ дебатовъ. Предметъ спора: потому что, не говоря уже о размѣрахъ суммы, поставленной на карту, дѣло шло не о простомъ требованіи частныхъ лицъ, но о разногласіи, задѣвавшемъ честь двухъ великихъ народовъ. Наконецъ, соперничество двухъ націй: общественное мнѣніе обѣихъ странъ достигло крайняго возбужденія! Иные авторы желали бы умалить значеніе этого великаго приговора. Напримѣръ, Гефкенъ утверждаетъ, что война все равно была бы невозможна, такъ какъ, съ одной стороны, Соединенные Штаты были слишкомъ истощены своими междоусобіями, а съ другой—Англія, занятая тогда преобразованіемъ арміи и флота, ничего не желала такъ, какъ мира. На это можно отвѣтить, что государства, желающія мира, тѣмъ не менѣе, очень часто роковымъ образомъ вовлекаются въ ужасныя войны; ихъ мирныя стремленія не могутъ перетянуть силу инстинктивной международной нена-

вести; только право, гарантирующее ихъ честь, можетъ спасти ихъ. Нашъ очеркъ Женевскаго третейскаго суда отмѣтитъ преимущественно тѣ существенныя и формальныя стороны, откуда мы можемъ извлечь нѣсколько полезныхъ заключеній относительно будущей дѣятельности международнаго суда вообще.

Какъ извѣстно, происхожденіе „Алабамскаго“ процесса относится къ американской междоусобной войнѣ. Въ разгаръ борьбы между Сѣверными и Южными Штатами Англія явно выказала свое предпочтеніе послѣднимъ. Конфедераты Юга учредили агентство въ Ливерпулѣ; на верфяхъ этого города оно строило суда и направляло ихъ въ какой-нибудь мелкій портъ Англіи или на одинъ изъ Антильскихъ острововъ; тамъ ихъ нагоняли другія суда, вышедшія изъ Ливерпуля, и привозили имъ военный экипажъ, оружіе и боевые запасы; снаряженные такимъ образомъ, корабли пускались въ преслѣдованіе торговыхъ судовъ Сѣверянъ и прекращали свои подвиги только для того, чтобы зайти за припасами или для починки въ одинъ изъ портовъ въ англійскихъ колоніяхъ. Тщетно протестовали консулы Соединенныхъ Штатовъ; лордъ Россель любезно отвѣчалъ имъ, и англійскія власти на все смотрѣли сквозь пальцы; предпринимались кое-какія ничего незначащія предосторожности и безрезультатныя преслѣдованія. Между этими каперами особенно сильно отличился—„Алабама“: выйдя изъ Марсея 29 іюля 1862 г., онъ вооружился у Терсейры на Азорскихъ островахъ, гдѣ его нагнали два другихъ судна, одно изъ Лондона, другое изъ Ливерпуля, привезшія ему экипажъ и оружіе; затѣмъ, онъ велъ ужасающую кампанію противъ сѣверянъ, крейсируя съ невѣроятною смѣлостью и разоряя торговый флотъ Соединенныхъ Штатовъ; наконецъ, военный корветъ „Кэрзажъ“ нагналъ и потопилъ его въ виду Шербурга. Въ нотѣ отъ 7 апр. 1865 г., адресованной посланнику въ Великобританіи, Адамсу, Соединенные Штаты излагали свои жалобы и настаивали на отвѣт-

ственности Англіи за все случившееся. 2 августа лордъ Россель высокомѣрно отвѣтилъ, что капера, а въ томъ числѣ и Алабама, вооружились внѣ британской территоріи, и что его правительство отклоняетъ всякую мысль о какомъ бы то ни было удовлетвореніи, путемъ ли третейскаго суда или иначе. Послѣдовалъ все болѣе и болѣе живой обмѣнъ дипломатическими нотами; дѣло все усложнялось, война казалась неизбѣжной.

Былъ, однако, моментъ, когда горизонтъ какъ будто прояснился. Реверди-Джонсонъ, посланникъ Штатовъ въ Лондонѣ, попытался предложить мирный исходъ. Онъ предложилъ Станлею, англійскому секретарю иностранныхъ дѣлъ, передать споръ въ смѣшанную комиссію изъ двухъ англичанъ и двухъ американцевъ. Англійскій министръ согласился, но сенатъ Штатовъ отвергъ проектъ конвенціи большинствомъ 54-хъ голосовъ противъ одного. „Считаю долгомъ объявить,—писалъ президентъ своимъ дипломатическимъ агентамъ,—что внесенныя въ протоколъ условія недостаточны для того, чтобы обезпечить Соединеннымъ Штатамъ удовлетвореніе въ той мѣрѣ, какъ они считаютъ себя въ правѣ этого требовать. Въ свое время я разсмотрю всѣ эти вопросы, съ искреннимъ желаніемъ полюбовнаго ихъ разрѣшенія при условіяхъ, совмѣстимыхъ съ чѣстью обѣихъ націй". Несмотря на эти мирныя заявленія, неудача предложенія Реверди-Джонсона только подлила масла въ огонь. Это напряженное положеніе тянулось два года. Въ концѣ концовъ, однако, англійское правительство поняло, какая отвѣтственность легла бы всецѣло на него въ случаѣ войны; поэтому въ январѣ 1871 г. оно предложило Штатамъ покончить дѣло полюбовнымъ соглашеніемъ. На основаніи заключеннаго въ Вашингтонѣ договора споръ былъ переданъ на разрѣшеніе третейскаго суда.

I статья договора требовала, чтобы судъ этотъ состоялъ изъ пяти членовъ, какъ представителей слѣдующихъ лицъ: президента Соединенныхъ Штатовъ,

королевы Англіи, короля Италіи, президента Швейцарскаго Союза и бразильскаго императора; въ случаѣ отказа или уклоненія одного изъ нейтральныхъ государей, вмѣсто него король Швеціи и Норвегіи долженъ былъ послать своего представителя. Судьи должны были собраться въ нейтральномъ городѣ, Женевѣ, и въ короткій срокъ по большинству голосовъ постановить свое рѣшеніе. Въ основу преній съ обоюднаго согласія Англіи и Соединенныхъ Штатовъ должны были лечь три общихъ правила относительно обязанностей нейтральныхъ, внесенныя въ 6-ю статью договора. Способъ изслѣдованія претензій также былъ заранѣе тщательно опредѣленъ. Судъ долженъ былъ изслѣдовать, нарушила ли Англія обязанности, указанныя въ трехъ названныхъ правилахъ, и, въ случаѣ утвердительнаго отвѣта, могъ приговорить ее къ уплатѣ общей суммы всѣхъ требованій. Мѣсто и способъ приведенія приговора въ исполненіе были точно опредѣлены. Своею честью оба правительства обязывались считать приговоръ суда окончательнымъ и безапелляціоннымъ. Что же касается вознагражденія за поступки, совершенные въ опредѣленный періодъ времени, требовать котораго могли впослѣдствіи граждане одной страны отъ правительства другой, съ этими требованіями нужно было обращаться къ тремъ комиссарамъ, назначеннымъ—одинъ президентомъ Соединенныхъ Штатовъ, другой—королевой Англіи и третій—обоими вмѣстѣ, или, въ случаѣ ихъ разногласія, представителемъ Испаніи въ Вашингтонѣ. Рѣшеніе комиссіи должно было быть постановлено такъ же, какъ рѣшеніе суда, быстро и безапелляціонно. Таковъ былъ знаменитый Вашингтонскій трактатъ 8 мая 1871 г. Сенатъ Соединенныхъ Штатовъ принялъ его огромнымъ большинствомъ; англійскій парламентъ также одобрилъ его, хотя и не безъ сильныхъ возраженій. На прощальномъ банкетѣ делегатовъ обѣихъ странъ лордъ Грей могъ по праву окончить свою рѣчь слѣдующими словами: „Я

вѣрю, что этому договору суждено оказать въ мірѣ огромное вліяніе и что онъ принесетъ людямъ величайшее изъ земныхъ благъ—миръ!"

Составъ Женевскаго суда былъ слѣдующій: сэръ Александръ Кэкборнъ, представитель Англіи, Чарльзъ Адамсъ—отъ Соединенныхъ Штатовъ, графъ Склописъ—отъ Италіи, Яковъ Стэмпфли—отъ президента Швейцарскаго Союза, наконецъ, баронъ Итаюба—отъ бразильскаго императора. Эта небольшая группа судей открыла свои работы 15-го іюля 1871 г. Мы пропустимъ первыя, организаціонныя, засѣданія, нѣкоторыя, встрѣтившіяся при распредѣленіи занятій, затрудненія, потребовавшія немедленнаго разрѣшенія, подробности мемуаровъ и контръ-мемуаровъ, представленныхъ сторонами, вопросъ о закрытыхъ дверяхъ, очень благоразумно, какъ общее правило, рѣшенный въ утвердительномъ смыслѣ, за исключеніемъ особыхъ разрѣшеній, выданныхъ агентамъ обоихъ государствъ. Засимъ правильныя занятія начались съ того, что былъ принятъ предложенный Стэмпфли предварительный планъ. Въ самомъ дѣлѣ, прежде всего судъ долженъ былъ строго ограничить поле своего дѣйствія, затѣмъ изучить подсудные ему факты при свѣтѣ нѣкоторыхъ общихъ принциповъ, чтобы, основываясь на нихъ, произнести свой приговоръ. Согласно докладу Стэмпфли, начали съ выясненія пунктовъ, не подлежащихъ компетенціи суда, каковы: фактъ признанія южанъ воюющей стороной, какъ сдѣлала Англія; проявленія англійскаго общественнаго мнѣнія во время американской войны; различные, имѣющее второстепенное значеніе для даннаго дѣла вопросы, касающіеся блокады и правилъ нейтралитета. Нужно было устранить всѣ эти затрудненія, чтобы рѣзче очертить самый предметъ рѣшенія (приговора). Въ концѣ концовъ, судъ рѣшилъ изслѣдовать только поступки десяти каперовъ, въ томъ числѣ и Алабамы; свои руководящіе принципы онъ сгруппировалъ вокругъ трехъ правилъ 6-ой статьи Вашингтонскаго договора, уста-

новившаго третейскій судъ; наконецъ, онъ высказался за послѣдовательное изученіе фактовъ, относящихся къ каждому изъ десяти каперовъ. По поводу этихъ фактовъ каждый изъ судей подалъ свое личное мнѣніе въ письменномъ изложеніи, затѣмъ всѣ постановили общій мотивированный приговоръ и, наконецъ, покончивъ съ вопросомъ о каперахъ, они опредѣлили общую сумму, которую должно внести признанное виновнымъ государство.

9 сент. 1872 г. судъ постановилъ свой приговоръ въ окончательной формѣ и подписалъ его на заключительномъ засѣданіи 14 числа того же мѣсяца. Публично и торжественно было объявленіе приговора. Несмотря на заключительныя манифестаціи сэра Кэкборна, до послѣдней минуты державшагося чрезвычайно странно, судьи дружески разстались послѣ краснорѣчивой рѣчи графа Склописа, въ которой онъ выражалъ „горячее желаніе, чтобы Богъ внушилъ всѣмъ правительствамъ мысль постоянно и дѣятельно заботиться о сохраненіи того, что составляетъ предметъ неизмѣннаго желанія всѣхъ цивилизованныхъ народовъ, что для нравственныхъ, такъ же какъ для матеріальныхъ интересовъ общества представляется величайшимъ благомъ,—о сохраненіи мира!“

Рѣшеніе суда въ высшей степени замѣчательно. Послѣ прекрасной мотивировки, въ которой тщательно опредѣляются обязанности нейтральныхъ, на основаніи трехъ правилъ Вашингтонскаго трактата и общихъ принциповъ международнаго права, судъ приступилъ къ изслѣдованію фактовъ, касающихся различныхъ кораблей, и призналъ Англію виновной въ небрежности относительно трехъ изъ нихъ. Вотъ что говорится именно по поводу Алабамы: „Изъ всѣхъ фактовъ, относящихся къ сооруженію въ Ливерпульской гавани корабля, обозначавшагося сначала № 290, и къ снабженію его при посредствѣ кораблей „Агриппина“ и „Багама“, высланныхъ съ этою цѣлью изъ Англіи, людьми и оружіемъ въ окрестностяхъ Тер-

сейры, явно слѣдуетъ, что британское правительство безъ должнаго старанія исполняло обязанности нейтральной державы; въ особенности во время постройки корабля № 290, несмотря на представленія и предупрежденія дипломатическихъ агентовъ Соединенныхъ Штатовъ, оно своевременно не приняло дѣйствительныхъ предупредительныхъ мѣръ, и приказъ объ арестѣ судна былъ въ концѣ-концовъ отданъ такъ поздно, что оказался неисполнимымъ; по выходѣ же корабля въ море, принятыя къ его задержанію мѣры были такъ неудовлетворительны, что не могли привести ни къ какому результату, слѣдовательно, ихъ никакъ нельзя считать достаточными, чтобы снять съ Англіи уже павшую на нее раньше отвѣтственность. Несмотря на всѣ эти нарушенія нейтралитета Великобританіи кораблемъ № 290, извѣстнымъ впослѣдствіи въ качествѣ капера конфедератовъ, подъ именемъ „Алабамы“, этотъ каперъ не разъ заходилъ въ гавани англійскихъ колоній, не вызывая противъ себя тѣхъ дѣйствій, которыя должны были его встрѣтить въ каждой гавани на британской территоріи. Эту небрежность правительство Ея Британскаго величества не можетъ оправдать отсутствіемъ въ его распоряженіи законныхъ средствъ дѣйствія“. Въ виду всѣхъ этихъ соображеній большинствомъ четырехъ голосовъ противъ одного (который не трудно угадать) судъ объявилъ Англію виновной, по упущенію или небрежности, въ недостаткѣ должнаго старанія, которое предписываютъ нейтральнымъ первое и третье правило Вашингтонскаго договора. Словомъ, по благоразумномъ исчисленіи капитала и процентовъ, большинствомъ четырехъ голосовъ присудили Англію заплатить Соединеннымъ Штатамъ 15,500,000 долларовъ золотомъ, въ видѣ общаго вознагражденія всѣхъ требованій.

Было бы интересно прослѣдить въ подробностяхъ дебаты, предшествовавшіе голосованію, и обсудить мнѣніе, высказанное каждымъ изъ судей о нейтрали-

тетѣ; мысли Стэмпфли и графа Склописа —самыя глубокія съ юридической точки зрѣнія; мысли Адамса, очень разумныя во многихъ частностяхъ; нѣсколько черезчуръ лаконичныя мнѣнія барона Итаюбы и объемистый мемуаръ, поданный въ послѣднюю минуту Кэкборномъ, имѣвшимъ, однако, достаточно такта, чтобы заявить, что англійскій народъ приметъ приговоръ съ тѣмъ уваженіемъ и покорностью, которыя приличествуютъ рѣшенію суда, имъ свободно избраннаго. Можно было бы также указать теоретическіе выводы относительно принципа нейтралитета, вытекающіе изъ этого великаго приговора; изучить посвященные ему труды „Института международнаго права“, именно ученые мемуары Кальво и Лоримера. Но все это завлекло бы насъ слишкомъ далеко. Разставаясь съ великимъ Женевскимъ судомъ, укажемъ только, съ какою легкостью, послѣ незначительныхъ протестовъ, заглушенныхъ страхомъ передъ войной, Англія привела приговоръ въ исполненіе. Алабамскому процессу суждено было стать оружіемъ въ рукахъ друзей мира, и Женевскій приговоръ долженъ былъ получить огромное значеніе. Иностранцу, посѣщающему женевскую ратушу, показываютъ маленькую, тѣсную и темную залу, въ которой, однако, передъ его умственнымъ взоромъ проносятся свѣтлые образы: это зала Алабамы. Ни одинъ изъ приверженцевъ права не войдетъ туда безъ глубокаго волненія, ибо тамъ простой здравый смыслъ пятерыхъ благоразумныхъ людей разрѣшилъ одно изъ весьма большихъ затрудненій въ нашемъ вѣкѣ; три или четыре чернильницы на этомъ бюро не дали пролиться потокамъ крови; толпа, тѣснившаяся на этихъ скамьяхъ, привѣтствовала торжество правосудія надъ силой; наконецъ, тутъ же, неподалеку, съ высоты легендарной башни „Ла-Трейлль“, 14 сентября 1872 года пушечный выстрѣлъ возвѣстилъ произнесеніе приговора, и хоть однажды эта мѣдная пасть прозвучала на весь міръ, какъ голосъ права.

3.

Нѣкоторыя общія идеи сами собою выступаютъ изъ набросаннаго нами, въ общихъ чертахъ, очерка великой эволюціи третейскаго суда. Въ самомъ дѣлѣ, несмотря на ихъ разнородность, всѣ эти промелькнувшія передъ нами рѣшенія какъ великія, такъ и малыя, безвѣстныя и знаменитыя, незнакомыя толпѣ и прошумѣвшія на всю Европу, какъ Женевскій процессъ, имѣютъ нѣкоторыя общія черты и точки соприкосновенія. Во множествѣ этихъ частныхъ случаевъ можно произвести логическую группировку; сквозь спеціальныя системы можно разглядѣть также, какія общія правила ихъ связываютъ. Словомъ, можно замѣтить извѣстные принципы, или, по крайней мѣрѣ, существенные факты, съ точки ли зрѣнія компетенціи, или съ точки зрѣнія процедуры. Компетенція—съ этой точки зрѣнія графъ Камаровскій могъ разбить важнѣйшіе случаи третейскаго суда въ нашемъ вѣкѣ на четыре главныя группы. *Во-первыхъ*, нарушеніе права въ лицѣ иностранныхъ подданныхъ. Напримѣръ: арестъ офицеровъ корабля „Ла-Фортъ“ въ 1862 году; дѣло капитана Вайта въ 1864 году; убійство китайца японцемъ въ 1875 году. *Во-вторыхъ*, споры объ убыткахъ. Таковы: дѣло о невольникахъ, отданное въ 1822 году на судъ русскаго императора; въ 1844 году споры о захватѣ судовъ, порожденные мексиканской войной; въ 1852 г. недоразумѣнія, касающіяся захватовъ во время испанской войны; въ 1853 году дѣло о кораблѣ „Ла-Креоль“; въ 1863 году дѣло о бригѣ „Мацедоніанъ“; въ 1875 году третейскій судъ по поводу дѣла о кули на кораблѣ „Марія-Люцъ“; въ 1879 г. вопросъ о кораблѣ „Лефаръ“; въ 1891 году третейскій судъ въ спорѣ между Даніею и Соединенными Штатами. *Въ-третьихъ*, нарушеніе нейтралитета. Напримѣръ: Портендикскій вопросъ въ 1843 году; въ 1852 году дѣло о каперѣ

„Генералъ Армстронгъ"; въ 1872 году дѣло „Алабамы". *Въ четвертыхъ,* территоріальные споры въ колоніяхъ. Примѣры: знаменитый вопросъ о рѣкѣ Св. Креста въ 1831 году; въ 1872 году Сенъ-Жуанскій вопросъ; въ 1875 году споръ о бухтѣ Делагоа; въ 1891 году третейскій судъ между Франціей и Голландіей. Эта классификація графа Камаровскаго, въ которую, какъ мы видѣли, легко укладываются всѣ разновидности третейскаго суда, сама наталкиваетъ на еще болѣе общій выводъ, что въ принципѣ всѣ эти положенія не столько затрогиваютъ политическіе, сколько матеріальные интересы *).

Государства прибѣгаютъ къ третейскому суду по желанію, т. е., обыкновенно тогда, когда вопросъ не задѣваетъ ихъ національныхъ предразсудковъ, въ противномъ же случаѣ они отвергаютъ его. Все значеніе этой благодѣтельной практики скажется, въ сущности, только тогда, когда она станетъ обычной и въ извѣстныхъ случаяхъ обязательной, *благодаря успѣхамъ и усовершенствованію системы заключенія договоровъ о постоянномъ третейскомъ судѣ.*

Вотъ что можно сказать о сущности дѣла. Что же касается формы, то при изученіи практикующихся системъ можно было заключить, что третейская юрисдикція организуется согласно двумъ типамъ. Въ самомъ дѣлѣ, то она возлагается на нѣсколько членовъ, образующихъ смѣшанную комиссію, то приговоръ произносится однимъ лицомъ, по большей части, главою какого-нибудь государства, рѣже какимъ-нибудь извѣстнымъ юристомъ или дипломатомъ. Спеціальный случай можетъ служить, какъ бы переходомъ отъ одной изъ этихъ крайностей къ другой: это, когда судъ, не будучи смѣшанной комиссіей,

*) Третейскій судъ въ Парижѣ по поводу ловли морскихъ животныхъ въ Беринговомъ морѣ свидѣтельствуетъ о значеніи этой процессуальной формы въ вопросахъ, касающихся непосредственно международныхъ областей, напримѣръ, открытаго моря.

Ред.

представляетъ собою коллегіальное учрежденіе, какъ, напримѣръ, французскій кассаціонный судъ, разбиравшій дѣло о кораблѣ „Ле-Фаръ“ въ 1879 году. Впрочемъ, между двумя указанными главнѣйшими типами третейской юрисдикціи существуетъ тѣсная связь *).

Что же касается собственно процедуры всѣхъ этихъ третейскихъ разбирательствъ, она очень неопредѣлена: вопросы о срокахъ доказательствъ, письменной или устной формѣ дѣлопроизводства съ трудомъ могутъ быть подведены подъ общія начала. Таковы относительно сущности и формы, или компетенціи и процедуры, главнѣйшіе результаты нашего историческаго анализа третейскаго суда.

---

*) Редакторы настоящаго Сборника считаютъ необходимымъ отмѣтить нѣкоторую неясность и неопредѣленность у Ревона выраженія „смѣшанная комиссія“. Въ примѣненіи къ третейскому суду это выраженіе обозначаетъ коллегіальный третейскій судъ, члены котораго отнюдь не представители сторонъ, а судьи, стоящіе надъ этими сторонами. Въ противоположность такому третейскому суду смѣшанныя комиссіи въ собственномъ смыслѣ этого слова образуются изъ делегатовъ заинтересованныхъ сторонъ и носятъ, скорѣе, политическій характеръ. *Ред.*

Организація международнаго третейскаго суда.

I. Формы международной юстиціи.

Нѣтъ цивилизованнаго государства, которое не признавало бы, что сношенія между народами должны покоиться на правѣ и споры между ними разрѣшаться сообразно съ справедливостью. Международный союзъ немыслимъ безъ взаимнаго признанія правъ отдѣльныхъ государствъ.

Но гдѣ право и какъ осуществить справедливость? Въ гражданскомъ обществѣ задача рѣшается съ положительной точки зрѣнія существованіемъ и организаціею законодательной, судебной и исполнительной властей, заботящихся объ установленіи закона, его примѣненіи и исполненіи. Въ международномъ обществѣ вопросъ этотъ болѣе сложенъ.

Конечно, существуетъ международное право, на которое каждый народъ можетъ опираться при своихъ

Статья эта является переводомъ работы *Descamps*, Essai sur l'organisation de l'arbitrage international, напечатанной въ Revue de droit international et de législation comparée (T. XXVIII, p. 5—74).

Междупарламентская конференція въ Брюсселѣ (1895 г.), члены которой принадлежали къ 14 европейскимъ парламентамъ, поручила своему предсѣдателю рекомендовать благосклонному разсмотрѣнію цивилизованныхъ государствъ выработанный ею проектъ о постоянномъ третейскомъ судѣ. Во исполненіе этого порученія и былъ написанъ предлагаемый очеркъ г. Деканомъ, предсѣдателемъ названной конференціи.

сношеніяхъ съ другими народами. Оно имѣетъ своимъ положительнымъ и главнымъ источникомъ обычаи и договоры. Никакое государство, не разорвавъ связи, соединяющей его съ обществомъ цивилизованныхъ народовъ, не могло бы объявить себя свободнымъ отъ него. Рядомъ съ этимъ общимъ правомъ можетъ существовать также и спеціальное—договорное, особое для нѣкоторыхъ отдѣльныхъ народовъ и только для нихъ обязательное.

Но нельзя не признать, что международное право далеко не всегда достаточно развито и точно опредѣлено. Примиреніе принциповъ—національнаго суверенитета и международнаго общенія, которые лежатъ въ основѣ международнаго права, далеко не совершенно. Съ другой стороны, въ международномъ союзѣ не существуетъ верховной власти, которой бы принадлежало автентичное (верховное) толкованіе общихъ юридическихъ принциповъ. То же можно сказать и относительно примѣненія этихъ принциповъ къ частнымъ случаямъ международной жизни и объ ихъ исполненіи. Какимъ же образомъ достичь осуществленія указанныхъ функцій, необходимыхъ для дѣйствія права?

Когда возникаетъ серьезный споръ между государствами и онъ не можетъ быть рѣшенъ отказомъ стороны отъ своего притязанія или полюбовнымъ соглашеніемъ, посредствомъ прямыхъ переговоровъ или посредствомъ вмѣшательства третьихъ державъ, то спорящимъ остаются два пути—война и третейскій судъ.

Война, насколько она отличается отъ простого насилія или отъ произвольной борьбы неограниченныхъ интересовъ,—война, оправдываемая международнымъ правомъ,—по существу своему, процессуальная форма. Она крайняя и послѣдняя санкція юридическихъ притязаній народовъ. „Юридическихъ притязаній“, говоримъ мы, потому что для цивилизованныхъ народовъ употребленіе силы и принужденія противъ человѣка можетъ узаконить одно лишь право. Глубокое уваженіе,

которымъ пользуется войско въ различныхъ странахъ, не зависитъ ли отъ того, что его представители—носители мужества и чести на службѣ отечеству и, въ то же время, силы въ дѣлѣ самаго священнаго служенія праву—въ вопросахъ національной защиты?

Въ войнѣ, понимаемой какъ процессъ, каждое государство возводитъ себя въ положеніе судьи надъ своими собственными правовыми требованіями и стремится силою заставить своего противника принять свою точку зрѣнія, но съ тѣмъ, однако, ограниченіемъ, что при употребленіи насилія государство соблюдаетъ законы и обычаи, признанные международнымъ правомъ. Окончательное рѣшеніе относительно противоположныхъ требованій предоставляется здѣсь случайному торжеству оружія.

При третейскомъ судопроизводствѣ государства соглашаются предоставить рѣшеніе своего спора безпристрастному судьѣ, призванному установить права сторонъ. При этой формѣ процесса, замѣтимъ это, не существуетъ отреченія отъ суверенитета; напротивъ, она, скорѣе, предполагаетъ болѣе разумное его примѣненіе. Конечно, нѣтъ верховой власти надъ государствами, которая могла бы противъ ихъ воли навязать имъ третейскаго судью; но ничто не мѣшаетъ тому, чтобы государства свободно избрали судью для рѣшенія своего несогласія и предпочли, такимъ образомъ, болѣе совершенный способъ добиться правосудія другому способу—болѣе грубому и тяжелому. Третейскій судъ не только не заключаетъ въ себѣ отреченія отъ верховной власти, но онъ, очевидно, устанавливаетъ форму международнаго процесса, наиболѣе соотвѣтствующую разуму, человѣколюбію, интересу сторонъ, насколько онѣ ищутъ исключительно справедливаго и честнаго удовлетворенія своихъ юридическихъ притязаній путемъ наименѣе случайнымъ.

Всѣмъ извѣстно, въ какой неравной мѣрѣ обѣ эти формы процесса—война и третейскій судъ—были до сихъ поръ примѣняемы государствами и исторія мо-

жетъ обнаружить намъ вліяніе, какое имѣло на судьбы міра это неравенство. Лѣтописи человѣчества показываютъ, какъ войны, уклонявшіяся отъ допустимой юридической цѣли, чаще всего служили орудіями человѣческимъ страстямъ, предлогомъ къ примѣненію грубаго насилія или къ преслѣдованію интересовъ, совершенно чуждыхъ идеѣ справедливости. Добро могло, до извѣстной степени, возникать изъ этихъ уклоненій, но причиненныя ими бѣдствія не поддаются вычисленію.

Несмотря на подавляющее господство войны въ дѣлѣ рѣшенія распрей между государствами, обычай обращаться къ третейскому суду весьма старъ и примѣнялся при рѣшеніи международныхъ споровъ чаще, чѣмъ нѣкоторые это думаютъ. Можно, къ чести человѣческой природы, сказать, что почти вездѣ при спорахъ людей за ихъ права, интересы и страсти нѣкоторые изъ нихъ старались обращаться не исключительно къ грубой силѣ, а также и къ другимъ способамъ рѣшенія своихъ споровъ. Намъ приходятъ, въ этомъ отношеніи, на память слова, которыя Ѳукидидъ влагаетъ въ уста Архидама: „Невозможно нападать силою на того, кто соглашается отвѣчать передъ третейскимъ судомъ“. Въ Древности не только обращались къ рѣшенію третейскимъ судомъ того или иного спора, но и заключали условія о компромиссѣ или соглашенія объ обращеніи къ третейскому суду на неопредѣленный рядъ случаевъ; такъ, напримѣръ, въ трактатѣ о союзѣ, заключенномъ на 50 лѣтъ между Аргосомъ и Лакедемоніей,постановляется: если возникнетъ споръ между договаривающимися сторонами, онѣ обратятся, по обычаю предковъ, къ третейскому суду нейтральнаго города. Указываютъ еще на такія учрежденія, какъ амфиктіоніи, представляющія нѣкоторое подобіе постояннаго третейскаго суда. Но эти примѣры античной древности, предъ которыми преклоняются современные поборники третейскаго суда и которые не имѣютъ всегда, надо въ этомъ признаться, истинно

политическаго и международнаго значенія, эти примѣры — только проблески въ мрачной и кровавой исторіи народовъ. Они мгновенно вспыхиваютъ, какъ бы для того, чтобы лучше оттѣнить, съ одной стороны, ничтожное значеніе, какое имѣлъ юридическій порядокъ сравнительно съ войною, всегда и вездѣ торжествовавшей, а съ другой — они указываютъ на счастливую необходимость, которая заставляетъ иногда идею третейскаго суда проявиться среди самыхъ первобытныхъ обществъ и въ самыя смутныя эпохи исторіи человѣчества. Это — искры человѣческаго здраваго разсудка, переживающаго всѣ заблужденія и всѣ крушенія человѣческой природы.

Мы можемъ здѣсь лишь мимоходомъ указать на новое и плодотворное пониманіе международныхъ отношеній, выраженное христіанствомъ, на верховную третейскую юрисдикцію, осуществлявшуюся папами надъ христіанскими народами въ Средніе вѣка, и на любопытные примѣры третейской юрисдикціи, которую пробовали установить во время образованія государствъ современной Европы. Но, съ нашей точки зрѣнія, необходимо особенно оттѣнить то обстоятельство, что практика третейскаго суда, не будучи еще точно опредѣлена общею хартіей народовъ (положительнымъ международнымъ правомъ), все таки высказалась и развилась самымъ примѣчательнымъ образомъ въ теченіе XIX столѣтія. Никто, кажется, въ настоящее время не можетъ болѣе не признавать могучаго и чуднаго движенія, которое, несмотря на столько задержекъ и злоупотребленій силою, постоянно двигаетъ міръ къ мирному рѣшенію международныхъ споровъ. Какъ бы мы ни были сильно организованы для войны, но мы очевидно направляемся къ миру и къ тѣмъ учрежденіямъ, которыя ему служатъ. Если справедливо, какъ замѣтили, что въ Древности открывалось свободное поприще всему, что раздѣляетъ людей, воинственнымъ предпріятіямъ, кровавымъ завоеваніямъ, то можно надѣяться, что въ Новое время, въ

которое мы вступаемъ, жизнь сложится иначе: будутъ преобладать интересы, выросшіе изъ потребности согласія и мирнаго содѣйствія государствъ, преслѣдующихъ развитіе собственной жизни и осуществленіе своихъ законныхъ требованій, но въ гармоніи со справедливостью и съ общимъ благомъ.

II. Неправильные взгляды на третейскій судъ и истинный характеръ международной третейской юрисдикціи.

Мы должны признать, что усилія приверженцевъ международнаго третейскаго суда не всегда отличались истинною умѣренностью и совершенной мудростію. Отсюда недовѣрчивость и пренебреженіе, съ которыми часто относились къ этому великому и благородному дѣлу.

Прежде всего—необходимо установить различіе между третейскимъ судомъ и учрежденіями, которыя могутъ исказить его природу.

Часто къ положительной и опредѣленной сторонѣ третейскаго суда примѣшивали туманныя стремленія къ вѣчному миру, стремленія, лишенныя юридической основы, практическаго значенія. Великіе миротворцы, философы, экономисты, юрисконсульты, даже государственные люди и коронованныя особы,—поддавались, иногда, мечтаніямъ оптимизма. Неудивительно, что толпа заблуждается тамъ, гдѣ ошибались великіе умы. Но ихъ стремленія, приносящія, конечно, много чести нашей природѣ, свидѣтельствуютъ скорѣе о великодушныхъ чувствахъ, всегда живущихъ въ сердцѣ человѣка, чѣмъ объ ясномъ взглядѣ на настоящія условія, при которыхъ развивается жизнь человѣчества.

Часто вопросъ о третейскомъ судѣ связывали съ обширными планами преобразованія международнаго союза по новому образцу. Конфедерація народовъ, Соединенные Штаты Европы и даже вселенной—соединенія, въ которыхъ международный судъ призванъ

дѣйствовать, какъ верховный судъ надъ государствами. Но теоріи эти настолько же преждевременны, насколько и заманчивы! Существеннымъ недостаткомъ ихъ является то, что онѣ слишкомъ мало цѣнятъ независимость народовъ и придаютъ слишкомъ мало значенія урокамъ исторіи. Современное международное общество съ его двойнымъ механизмомъ—дипломатическимъ и принудительнымъ—еще такъ далеко отъ федеративнаго строя съ международными властями законодательною, судебною и исполнительною,—что нельзя еще даже и лелѣять надежды достигнуть быстраго преобразованія въ указанномъ направленіи. Было бы, конечно, правильнѣе, выяснивъ современное положеніе дѣла, изыскать постепенные способы къ его улучшенію.

Многіе, не заходя такъ далеко на пути реформъ, не рекомендуя полнаго установленія великой федераціи цивилизованныхъ государствъ, высказываются за идею немедленнаго и обязательнаго примѣненія третейскаго суда ко всякаго рода спорамъ между государствами. Мы вернемся еще къ этому вопросу, а пока ограничимся замѣчаніемъ, что, конечно, противодѣйствіе подобнаго рода предложеніямъ будетъ встрѣчаться, по крайней мѣрѣ, со стороны нѣкоторыхъ государствъ, еще часто, и это противодѣйствіе не лишено, повидимому, основанія для того, кто понимаетъ, что споры между народами весьма различны—отъ маловажнаго дѣла о вознагражденіи за убытки, до вопросовъ, отъ которыхъ зависитъ независимость и даже самое существованіе государствъ. Ограниченный кругъ, въ которомъ до сего времени заключалась большая часть третейскихъ рѣшеній, позволяетъ ли задаваться столь широкими надеждами, и, притомъ, не слѣдуетъ забывать, что существуютъ обстоятельства, которыя могутъ уничтожать даже наилучшія намѣренія!

По нашему мнѣнію, рискованно также связывать вопросъ о третейскомъ судѣ слишкомъ тѣсно съ вопросами, которые въ настоящее время не предста-

вляютъ еще данныхъ къ успѣшному и непосредственному разрѣшенію, какъ, напримѣръ, съ вопросомъ о всеобщемъ разоруженіи. Конечно, можно утверждать, что большее распространеніе и болѣе устойчивая организація третейскихъ судовъ въ состояніи облегчить государствамъ постепенное уменьшеніе ихъ вооруженій. Можно даже прійти къ такому рѣшенію вопроса о международномъ третейскомъ судѣ, которое относительно разоруженія дало бы еще болѣе важные результаты. Но, не смотря даже на то, что столь радикальное рѣшеніе вопроса сомнительно, нельзя не признать, что современныя вооруженія предпринимаются въ виду случайностей и опасностей, которыя, по мнѣнію даже крайныхъ оптимистовъ, едва ли устранимы исключительно третейскимъ разбирательствомъ. Вопросъ о всеобщемъ разоруженіи, собственно говоря, не юридическій вопросъ; онъ характеризуется признаками, выдвигающими его, какъ особую проблему, которую надо изучить отдѣльно и разрѣшить, если возможно, самостоятельными средствами *). Междупарламентская конференція въ Брюсселѣ поступила поэтому мудро, сосредоточивъ свои усилія на вопросѣ о третейскомъ судѣ, какъ таковомъ: успѣхи на этомъ пути не преминутъ принести хорошіе плоды въ разныхъ областяхъ.

Нельзя, далѣе, не выразить сожалѣнія, что иногда третейскій судъ понимали, какъ учрежденіе, способное вытѣснить, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, услуги дипломатіи. Это совершенно неправильно и мы сочли бы излишнимъ останавливаться на этомъ грубомъ заблужденіи, если бы не могли воспользоваться имъ для выясненія отношенія третейскаго суда къ другимъ способамъ улаживанія споровъ, отличающимся отъ него. Несомнѣнно, что дипломатія призвана играть теперь, какъ и всегда, главную роль въ дѣлѣ сохраненія добрыхъ отношеній между народа-

*) Не соглашаясь вполнѣ съ мнѣніемъ Декана, отсылаемъ читателей къ „Приложенію“ II къ настоящему Сборнику. *Ред.*

ми. Первый и самый простой способъ уладить споръ между государствами, также какъ и между частными лицами — прямые переговоры. Опытный дипломатъ, съумѣвшій внушить къ себѣ довѣріе, часто съ успѣхомъ устранитъ споръ, для рѣшенія котораго третейскій судъ былъ бы отклоненъ. Можно сказать то же самое и о своевременномъ посредничествѣ. Посредничество, вслѣдствіе того, что оно способно обосноваться на почвѣ уступокъ и полюбовной сдѣлки, обладаетъ средствами соглашенія, которыхъ не содержитъ въ себѣ третейскій судъ. Итакъ, и не выгодно, и, быть-можетъ, даже опасно не признавать разнообразія и постепенности въ примѣненіи мирныхъ способовъ рѣшенія споровъ между государствами.

Къ тому же не надо забывать, что дѣятельность дипломатіи въ области предупрежденія возникающихъ несогласій весьма велика, а это, пожалуй, полезнѣе улаживанія уже возникшихъ споровъ.

Важно также помнить, что не одни только несогласія составляютъ содержаніе дѣятельности государствъ и что, рядомъ съ правами, могущими быть оспариваемыми, дипломатія призвана оберегать многочисленные интересы, развитіе которыхъ прямо связано съ благоденствіемъ народовъ. Назначеніе и содержаніе дѣятельности посланниковъ, какъ объ этомъ говоритъ проф. Мартенсъ, „носятъ существенно органическій характеръ: они опредѣляются совокупностью всѣхъ задачъ, которыя ставятъ себѣ государства въ сферѣ международныхъ отношеній“. Признаемъ, наконецъ, что учрежденіе, благодаря которому каждое государство можетъ быть представлено и можетъ дѣйствовать въ политическомъ центрѣ другого государства—живое выраженіе идеи международной солидарности. Международному праву въ значительной степени проложили дорогу дипломаты, эти носители интересовъ и охранители правъ народовъ: благодаря имъ, еще и нынѣ постоянно восполняются, часто при самыхъ затруднительныхъ условіяхъ, пробѣлы международной органи-

зацiи. По мѣрѣ того какъ постоянные дипломатическіе органы распространяются по всей землѣ, говоритъ превосходно Блюнчли, узы между государствами укрѣпляются и организацiя мiра, какъ и международная защита, растетъ и развивается.

***

Хотя наука, въ общемъ, и отнеслась къ вопросу о третейскомъ судѣ сдержаннѣе, чѣмъ общественное мнѣніе, однако, нѣкоторые изъ ея представителей также содѣйствовали образованію превратныхъ представленій, благодаря слишкомъ преувеличенному уподобленію третейскаго международнаго суда такому же въ сферѣ частнаго права, между тѣмъ какъ здѣсь существуетъ значительное и существенное различіе и въ характерѣ споровъ, и въ способахъ, примѣняемыхъ къ ихъ рѣшенію. Нѣкоторые ученые обратили, при изученіи поставленной ими задачи, недостаточное вниманіе на различныя точки зрѣнія, съ которыхъ она можетъ разсматриваться,—современная точка зрѣнія и историческая, юридическая и политическая, положительная и философская. Отсюда въ сочиненіяхъ, которыя написаны съ положительной и философской точекъ зрѣнія, внезапные полеты въ сферы слишкомъ возвышенныя, чтобы быть немедленно достигнутыми,—мечты, на которыя ссылались, чтобы слишкомъ сурово критиковать изслѣдованія, во всякомъ случаѣ, серьезныя, полныя драгоцѣнныхъ изысканій. Не слѣдуетъ очень строго судить эти благородные порывы.

Обозрѣвая ступени цивилизацiи, пройденныя человѣчествомъ, всякаго рода побѣды, одержанныя имъ въ наши дни и чудесное теченіе прогресса, уносящее нашъ вѣкъ къ судьбамъ, которыя не имѣли примѣра въ прошедшемъ, конечно, нельзя признать основательнымъ утвержденіе, что организацiя, очень первобытная еще, международнаго общества останется такою, какова она теперь. Можно даже, не будучи слишкомъ смѣлымъ, утверждать, что современное ея состояніе

не окончательное. Далеко не одно и то же относиться осторожно къ вопросу о немедленномъ осуществленіи новыхъ идей и считать эти идеи химерою. Какъ много прогрессивныхъ началъ при своемъ возникновеніи получили такую оцѣнку со стороны лицъ или слишкомъ ограниченныхъ, или предубѣжденныхъ. Прогрессъ, съ его идеальными начертаніями будущаго, не долженъ быть смѣшанъ съ утопіей и ея мечтами. Утопія—это фантазія воображенія безъ твердой точки опоры въ дѣйствительности; прогрессъ—усовершенствованіе дѣйствительности, соотвѣтствующее истинной потребности и естественной силѣ. Утопія—химера въ дѣйствіи, прогрессъ—реаленъ, какъ по своей мощи, такъ и осуществимости. Онъ не только возможность идеала, но и выраженіе нашего долга. Онъ—законъ человѣчества!

Въ отношеніи вопроса, насъ занимающаго, далеко не будетъ смѣлостью предсказать окончаніе, въ нѣкоторыхъ частяхъ, зданія, которое отчасти уже воздвигнуто исторіей, надъ которымъ трудится все большее число работниковъ, все болѣе и болѣе убѣжденныхъ и сильныхъ.

Человѣчество въ своемъ прогрессивномъ движеніи стремится постоянно принимать въ основу своихъ учрежденій уваженіе къ праву. Для того, кто умѣетъ наблюдать жизнь, ясно, что владычество права утверждается и распространяется; царство силы и варварства, мало-по малу, отступаетъ передъ нимъ. Развитіе въ международномъ обществѣ положительныхъ учрежденій, соотвѣтствующихъ этому прогрессивному движенію права—явленіе нормальное и необходимое. Образованіе между народами болѣе прочнаго юридическаго порядка посредствомъ распространенія и организаціи международнаго третейскаго суда представляется намъ отнюдь не утопіей, а результатомъ эволюціи, начало которой положено исторіей и которая продолжается на нашихъ глазахъ. Но исторія учитъ, что прогрессъ человѣчества совершается лишь постепенно. Мы должны поэтому остерегаться припи-

сывать третейскому суду значеніе и силу, могущія отвратить доброе къ нему расположеніе, и сдѣлать безплодными усилія, которыя должны привести къ хорошему концу. Постараемся же сохранить этой формѣ международнаго процесса присущую ей физіономію и оригинальность пріемовъ.

Третейскій судъ—юридическое установленіе, покоющееся на соглашеніи государствъ, имѣетъ—какъ по своему происхожденію, такъ и по компетенціи—характеръ юрисдикціи вполнѣ добровольной; задача его—предоставить рѣшеніе нѣкоторыхъ возникшихъ или имѣющихъ возникнуть между государствами споровъ одному или нѣсколькимъ лицамъ, которымъ поручается авторитетно и окончательно установить вопросъ о правѣ спорящихъ сторонъ. Этой простой характеристики достаточно, чтобъ оттѣнить преимущества третейскаго суда и оправдать движеніе, которое сказалось въ его пользу въ наши дни въ средѣ цивилизованныхъ государствъ.

III. Факторы движенія въ пользу третейскаго суда.

Движеніе въ пользу третейскаго суда представляетъ различные фазисы: оно—слѣдствіе многочисленныхъ факторовъ, которые и надо разсмотрѣть отдѣльно.

Одинъ изъ нихъ—общественное мнѣніе—часто и энергично высказывалось, въ различныхъ странахъ, въ смыслѣ благопріятномъ этому способу рѣшенія международныхъ споровъ, хотя оно, какъ уже было указано, выражалось иногда болѣе восторженно, чѣмъ обдуманно. Невыносимое бремя военныхъ повинностей, постоянно возрастающія вооруженія, угроза страшныхъ столкновеній и еще болѣе сильныхъ волненій, неувѣренность въ будущемъ даже для народовъ, которые считаютъ себя хорошо подготовленными къ возможной борьбѣ, ужасъ, который внушаетъ къ себѣ война даже тѣмъ, кто ея не боится, человѣческія жертвоприношенія, матеріальное разореніе, кото-

рое она влечетъ за собою,— все это естественно заставляетъ цѣнить благодѣянія учрежденія, имѣющаго своею непосредственной задачею предупредить, хотя нѣкоторыя причины столкновенія между государствами и отвратить споры, могущіе распространиться и обостриться.

Пресса, этотъ могучій, въ настоящее время, органъ общественнаго мнѣнія—великій и неутомимый поставщикъ, снабжающій въ наши дни милліоны человѣческихъ существъ насущнымъ хлѣбомъ умственной жизни,—эта пресса, сначала равнодушная или враждебная, и еще донынѣ не вполнѣ свободная отъ упрека, который дѣлалъ ей уже Бентамъ, „что она подливаетъ иногда масло въ огонь,“—становится все болѣе и болѣе дѣятельнымъ помощникомъ въ движеніи обѣихъ частей свѣта на пользу третейскаго суда. Такая перемѣна, особенно замѣтна въ большихъ органахъ періодической печати, принадлежащихъ всѣмъ партіямъ; она сказалась въ учрежденіи и умноженіи спеціальныхъ органовъ, предназначенныхъ для пропаганды идеи мира и третейскаго суда.

Движеніе, которое мы описываемъ, нашло себѣ также въ принципѣ ассоціаціи, — удивительномъ рычагѣ столькихъ великихъ предпріятій,—могучее орудіе для своей работы. Намъ не къ чему перечислять общества, лиги, группы, которыя, соединенныя подъ самыми различными знаменами, составляютъ то, что называютъ „мирная армія международнаго третейскаго суда“. Эти ассоціаціи, образовавшіяся сначала въ Америкѣ, перенесенныя затѣмъ въ Англію, размножились во всѣхъ странахъ.

Международное бюро мира обнародовало въ своей „автографической корреспонденціи“ списокъ пятидесяти четырехъ американскихъ обществъ и сорока европейскихъ *). Эти національныя лиги много содѣйство-

*) Въ настоящее время число этихъ обществъ, съ которыми поддерживаетъ сношеніе международное бюро мира значительно возрасло. *Ред.*

вали популяризаціи идей третейскаго суда въ средѣ различныхъ государствъ, и онѣ, въ извѣстныхъ случаяхъ, оказали замѣтное вліяніе на образъ дѣйствій правительствъ. Онѣ еще болѣе усилились, благодаря созванію международныхъ конгрессовъ, гдѣ всѣ, стремящіеся осуществить миръ посредствомъ права, поняли необходимость сближенія, соединеній въ тѣсные кружки, развитія большей энергіи общихъ стремленій, большаго распространенія общихъ идей и, наконецъ, большей практичности въ своей совмѣстной работѣ *).

*
* *

Наука, съ своей стороны, послѣ нѣкоторыхъ колебаній, неизбѣжныхъ при началѣ, неуклонно пошла по этому пути и, во всей строгости, осуществила просвѣтительную задачу, выпавшую на ея долю при изложеніи проблеммъ, которыя ставитъ себѣ международное право и при выясненіи наилучшихъ способовъ рѣшенія этихъ проблеммъ. Воздадимъ, прежде всего, должное дѣятельности общества юристовъ различныхъ государствъ **) и напомнимъ, что немедленно по

---

*) Первый конгрессъ мира засѣдалъ въ Парижѣ въ 1889 г.; второй—въ Лондонѣ въ 1890 г., третій—въ Римѣ въ 1891 г. (на немъ было постановлено организовать постоянное бюро мира), четвертый—въ Бернѣ въ 1892 г., пятый—въ Чикаго въ 1893 г., шестой—въ Антверпенѣ въ 1894 г. Упомянемъ изъ числа принятыхъ на этомъ послѣднемъ конгрессѣ резолюцій ту, которая относится къ учрежденію международнаго третейскаго суда. Напомнимъ о рядѣ прежнихъ конгрессовъ, собиравшихся въ Брюсселѣ въ 1848 г., въ Парижѣ—въ 1849 г., во Франкфуртѣ—въ 1850 г. (и обратимъ вниманіе на то, что конгрессы мира продолжаютъ собираться также и послѣ 1896 г. *Ред.*).

**) Авторъ имѣетъ въ виду Институтъ международнаго права, который образовался въ 1873 г. Членами его являются наиболѣе извѣстные ученые всѣхъ государствъ Европы и Америки. Каждое государство представлено опредѣленнымъ числомъ членовъ. Первая статья устава Института гласитъ, что онъ ставитъ цѣлью своей дѣятельности содѣйствовать успѣху международнаго права:

1) формулируя основные принципы науки въ соотвѣтствіи съ правосознаніемъ цивилизованнаго міра;

окончаніи знаменитаго Алабамскаго спора, Институтъ международнаго права, который считаетъ науку руководителемъ прогресса въ отношеніяхъ между народами, обратился къ внимательному изученію вопроса о третейскомъ судѣ. Придавая своему труду тотъ практическій отпечатокъ, который отличаетъ всѣ его работы, Институтъ выработалъ проектъ устава третейскаго судопроизводства, принятіе котораго, цѣликомъ или частями, онъ и рекомендовалъ, затѣмъ, государствамъ при заключеніи ими компромиссовъ. Инсти-

.....

2) оказывая свое содѣйствіе всякой серьезной попыткѣ частичной и постепенной кодификаціи международнаго права;

3) домогаясь оффиціальнаго признанія принциповъ, которые будутъ признаны соотвѣтствующими потребностямъ современныхъ обществъ;

4) содѣйствуя, въ предѣлахъ своей компетенціи, поддержанію мира и исполненію законовъ войны;

5) изучая затрудненія, могущія возникнуть при толкованіи и примѣненіи права, и высказывая, при необходимости, юридически мотивированныя мнѣнія относительно сомнительныхъ и спорныхъ случаевъ;

6) содѣйствуя посредствомъ печати, публичнаго преподаванія и всѣхъ другихъ средствъ торжеству принциповъ справедливости и человѣчности, долженствующихъ господствовать надъ взаимными отношеніями народовъ.

Собираясь ежегодно на съѣзды, члены Института подвергаютъ внимательному изученію всѣ главнѣйшіе вопросы, вытекающіе изъ современныхъ международныхъ отношеній. Для насъ представляетъ особый интересъ то обстоятельство, что рѣшенія свои Институтъ сообщаетъ правительствамъ. Внимательное изученіе договоровъ и трактатовъ послѣднихъ десятилѣтій обнаруживаетъ несомнѣнное вліяніе этихъ рѣшеній на нѣкоторыя изъ международныхъ соглашеній. Укажемъ, напримѣръ, на роль Института въ вопросѣ о регламентаціи судоходства по Конго. Небезъинтересно въ разсматриваемомъ отношеніи напомнить постановленія Института о подводныхъ кабеляхъ, о Суэцкомъ каналѣ, по вопросомъ частнаго международнаго права. Институтомъ международнаго права возбужденъ вопросъ объ организаціи уніи для публикаціи международныхъ договоровъ и по предложенію Института, находящагося до послѣднихъ лѣтъ по этому вопросу въ сношеніяхъ съ правительствами Швейцаріи и Бельгіи, собиралась оффиціальная конференція съ цѣлью установленія означенной уніи.

Ред.

тутъ, еще въ самомъ началѣ своего существованія, выразилъ свои воззрѣнія въ слѣдующихъ словахъ: „Мы стремимся замѣнить, по крайней мѣрѣ въ большинствѣ случаевъ, слѣпую удачу силы и безполезное пролитіе человѣческой крови системой процесса, согласнаго съ правомъ“.

Вопросъ о третейскомъ судѣ становится, затѣмъ, предметомъ цѣлаго ряда замѣчательнѣйшихъ трудовъ. Библіографія сочиненій, изслѣдованій, монографій, записокъ, изданныхъ по этому вопросу, большею частью лицами вполнѣ компетентными, заняла бы сама по себѣ цѣлый томъ *). Всесторонне разсматривая этотъ вопросъ, собирая фактическіе и юридическіе его элементы, способствующіе его удачному рѣшенію, объясняя его трудныя и сомнительныя стороны, работы, о которыхъ мы говоримъ, бросаютъ яркій свѣтъ на всѣ области этой чудной, обширной сферы, открытой для дѣятельности современныхъ юристовъ.

Извѣстно, что нѣсколько лѣтъ тому назадъ Французская академія предложила для соисканія преміи слѣдующую тему: „Международный третейскій судъ, его прошедшее, настоящее и будущее“, свидѣтельствуя этимъ, какое мѣсто въ своихъ занятіяхъ она отводила этому важному вопросу. Когда собралось засѣданіе для постановленія рѣшенія на этомъ интересномъ научномъ состязаніи, то извѣстный Arthur Desjardins, выступившій докладчикомъ, могъ съ удовольствіемъ признать, что немногіе изъ конкурсовъ выразились въ такихъ результатахъ, которые, повидимому превзошли ожиданія академіи **), занимавшейся

---

*) M. *Lafontaine*: Essai de bibliographie de la paix. 1891. Дополненія въ Annales de la paix. Авторъ печатаетъ въ журналѣ La conférence interparlementaire документальную исторію третейскихъ рѣшеній и компромиссовъ ихъ вызвавшихъ.

**) На этомъ конкурсѣ удостоенъ преміи замѣчательный трудъ *Revon*'a L'arbitrage international, son passé, son présent, son avenir. Paris. 1892, которымъ и воспользовался авторъ настоящей статьи для своей работы.

вопросомъ о третейскомъ судѣ еще съ 1873 г. по поводу записки Charles Lucas: La substitution de l'arbitrage à la voie des armes.

Напомнимъ еще, что вопросъ о третейскомъ судѣ былъ предметомъ обсужденія на съѣздѣ въ Брюсселѣ членовъ общества International Law Association (прежняя Ассоціація для реформы и кодификаціи международнаго права).

Отмѣтимъ, наконецъ, пренія на Иберо-американскомъ юридическомъ конгрессѣ, собиравшемся въ Лиссабонѣ въ 1888 г. Этотъ конгрессъ, отвѣчая на вопросъ, поставленный Королевской академіей законовѣдѣнія и законодательства въ Мадридѣ, единогласно принялъ слѣдующее заключеніе: „Существенно важно учрежденіе третейскаго суда для рѣшенія международныхъ споровъ и для уничтоженія необходимости войны между различными народами. Какимъ образомъ этотъ судъ долженъ быть организованъ, и средства къ исполненію его рѣшеній—имѣютъ быть опредѣлены конгрессомъ, составленнымъ изъ представителей всѣхъ народовъ".

Государственные люди, не отрицая большого значенія для развитія международнаго права и остальныхъ факторовъ, знаютъ, однако, какое вліяніе, особенно въ наши дни, имѣетъ на направленіе внѣшнихъ сношеній и на договорное международное право сильное и постоянное общественное мнѣніе; дипломаты, признавшіе историческую роль науки въ постепенной выработкѣ международаго права, не могутъ остаться безъ вниманія къ фактамъ, которые мы сейчасъ отмѣтили и не вывести изъ нихъ серьезныхъ заключеній.

*
* *

Движеніе въ пользу международнаго суда не только глубоко потрясло общественное мнѣніе и привлекло къ себѣ повсемѣстно ученыхъ,—оно завоевало себѣ и другіе голоса, которые придаютъ ему характеръ и значеніе особенно примѣчательные, сближая его въ

будущемъ съ однимъ изъ органовъ развитія положительнаго международнаго права.

Парламенты почти всѣхъ странъ неоднократно занимались разсматриваемымъ вопросомъ, и ихъ дѣятельность въ данномъ направленіи тѣмъ болѣе достойна вниманія, что она принадлежитъ лицамъ, облеченнымъ, въ силу довѣрія ихъ согражданъ, общественнымъ полномочіемъ,—представителямъ населенія и различныхъ общественныхъ классовъ.

Начало этой дѣятельности и скромно, и далеко не ново. Въ 1835 г. сенатъ Массачузетса, одобряя просьбу американскаго общества мира, провозгласилъ необходимость отысканія мирнаго средства для рѣшенія международныхъ несогласій и призналъ лучшимъ средствомъ для этой цѣли установленіе международнаго суда, либо постояннаго, либо организованнаго инымъ способомъ, согласно съ воззрѣніями народовъ. Таково начало великаго парламентскаго движенія, которое должно было привести въ Америкѣ къ такимъ важнымъ декларацiямъ и постановленіямъ правительствъ и законодательныхъ собраній, а въ Европѣ къ многочисленнымъ и весьма знаменательнымъ проявленіямъ.

Всѣ случаи иниціативы парламентовъ и рѣшеній, принятыхъ въ различныхъ странахъ относительно третейскаго суда, представляютъ такую оффиціальную манифестацію, которая, по своей общности и по настойчивости въ пользу осуществленія значительнаго прогресса въ современномъ международномъ правѣ, не знаетъ себѣ примѣра въ прошломъ. Эти акты слишкомъ многочислены, чтобы можно было подробно говорить о нихъ, но они получили, впрочемъ, значительную извѣстность *). Они далеко не всѣ одинако-

*) *Rouard de Card.* Les destinées de l'arbitrage international depuis la sentence rendue par le tribunal de Genève, p. 59, ss.—*Revon.* L'arbitrage international. p. 199 et ss.—*Mérignhac.* Traité de l'arbitrage international, p. 370.—Центральное бюро междупарламентскихъ конференцій издаетъ ежемѣсячный журналъ „La conférence interparlementaire, revue mensuelle publiée par le bu-

вы какъ по своему содержанію, такъ и по непосредственному практическому значенію, но всѣ они отражаютъ незыблемое желаніе цивилизованныхъ народовъ и ихъ представителей итти по пути распространенія и организаціи международнаго третейскаго суда.

Парламентская дѣятельность не ограничилась, однако, отдѣльными манифестаціями законодательныхъ собраній Европы и Америки. Она проявилась въ сферѣ болѣе обширной и въ формѣ коллективной дѣятельности, которую мы, хотя бы и кратко, должны отмѣтить. Члены междупарламентскаго союза, которыхъ насчитывается теперь болѣе 1.500, имѣвшаго на конференціи въ Брюсселѣ (1895 г.) представителей отъ четырнадцати европейскихъ парламентовъ, объединились широкой общностью взглядовъ преимущественно на почвѣ третейскаго суда.

Междупарламентскія конференціи, начало которыхъ положено предварительнымъ собраніемъ въ Парижѣ 31 окт. 1888 г. — день, названный историческимъ, — членовъ британскихъ и французскихъ палатъ, подъ предсѣдательствомъ Фредерика Пасси, собирались — первая въ Парижѣ, въ іюнѣ 1889 г., подъ предсѣдательствомъ Жюль Симона; вторая — въ Лондонѣ, въ іюлѣ 1890 г., подъ предсѣдательствомъ лорда Гершеля; третья — въ Римѣ, въ ноябрѣ 1891 г., подъ предсѣдательствомъ Біанкери; четвертая — въ Бернѣ, въ августѣ 1892 г. — подъ предсѣдательствомъ Дроза; пятая въ Гаагѣ, въ 1894 г., подъ предсѣдательствомъ Рагузена. Брюссель имѣлъ честь быть мѣстомъ собранія шестой конференціи, предсѣдателемъ которой былъ авторъ настоящей статьи. Будапештъ былъ избранъ для собранія съѣзда, который долженъ былъ состояться въ 1896 г. *).

---

reau interparlementaire pour l'arbitrage international", который публикуетъ упомянутые акты по мѣрѣ ихъ появленія.

*) О междупарламентскихъ конференціяхъ и ихъ постановленіяхъ какъ до 1896 г., такъ и послѣ этого времени см. *Гр. Л. А. Камаровскій*. Успѣхи идеи мира. Москва. 1898. *Ред.*

Междупарламентскій союзъ имѣетъ постоянное бюро, пребывающее въ Бернѣ и печатающее журналъ La Conférence interparlementaire.

Не слѣдуетъ видѣть въ разсматриваемомъ союзѣ того, чего въ немъ нѣтъ:—идеи международнаго парламента, прелюдіи къ генеральнымъ штатамъ человѣчества. Это учрежденіе при настоящемъ положеніи Европы уже само по себѣ настолько передовое, что оно можетъ смущать государственныхъ людей даже и не получая фантастическіе размѣры. Что бы тамъ ни думали о его своевременности и пользѣ, но самое его существованіе свидѣтельствуетъ о замѣчательномъ стремленіи нашего времени.

Еслибы междупарламентскія конференціи имѣли своимъ слѣдствіемъ только умноженіе личныхъ сношеній между членами различныхъ парламентовъ, большее знакомство, а слѣдовательно, и большее уваженіе и любовь другъ къ другу, то уже за это одно слѣдовало бы привѣтствовать ихъ благодѣтельные результаты. Сколько затрудненій можетъ быть предупреждено или сглажены между народами, сколько недоразумѣній могутъ быть разсѣяны дружескими сообщеніями просвѣщенныхъ и честныхъ людей! Но это новое учрежденіе имѣетъ, очевидно, еще болѣе высокое значеніе и, открывая конференцію въ Гаагѣ, министръ внутреннихъ дѣлъ Голландіи не затруднился сказать, что „ни одно изъ дѣлъ, которому ему приходилось посвящать свои силы, не могло сравниться по величію съ работой междупарламентскаго союза“. Дѣло это, освобожденное отъ элементовъ исключительно идеальныхъ, которые могли бы его компрометировать и которые, конечно, чужды уму людей, вращающихся въ парламентской жизни, отвѣчаетъ насущнымъ стремленіямъ нашего времени. Оно свидѣтельствуетъ объ одномъ изъ самыхъ замѣчательныхъ успѣховъ столѣтія въ области международныхъ сношеній. Оно одинъ изъ лучшихъ плодовъ и, можетъ быть, характернѣйшій признакъ великаго развитія мысли, на которое мы уже ука-

зали и которое, вопреки столькимъ приготовленіямъ къ грознымъ вооруженіямъ, движетъ вселенную на пути международнаго замиренія.

Члены междупарламентскаго союза становятся прежде всего на положительную почву. Они не имѣютъ претензіи преобразить человѣчество, провозгласивъ вѣчный миръ. Они—люди практики и, оставаясь таковыми, хотятъ быть людьми прогресса, въ гармоническомъ сочетаніи этихъ словъ.

Какъ люди практики, они считаются съ положеніями и съ фактами, которыхъ имъ не дано измѣнить. Они умѣютъ подмѣтить въ современности задачи, которыя можно подымать лишь безъ всякой пользы и съ опасностью возбудить раздоръ, а не привести къ умиротворенію. Они знаютъ также, по опыту, что для достиженія хорошаго результата часто важно воспользоваться закономъ соединенія усилій въ одномъ направленіи, ясно опредѣленномъ и, по преимуществу, доступномъ. Вотъ почему, какъ мы уже это замѣтили, они сосредоточиваютъ большую часть своей дѣятельности на великомъ вопросѣ о третейскомъ судѣ, который, впрочемъ, въ нѣкоторомъ отношеніи, и является господствующимъ надъ большею частью другихъ вопросовъ и можетъ оказать на разрѣшеніе этихъ послѣднихъ значительное вліяніе.

Но, если члены междупарламентской конференціи стремятся оставаться на почвѣ исключительно практической, они, съ другой стороны, питаютъ непоколебимую вѣру въ прогрессъ и, въ особенности, въ развитіе великаго закона солидарности, который призванъ проявить свое дѣйствіе во внѣшнихъ, какъ и во внутреннихъ сношеніяхъ государствъ и который создастъ изъ XX-го вѣка, если мы это захотимъ, эпоху широкаго національнаго и международнаго замиренія.

Препятствія, которыя можетъ встрѣтить ихъ дѣло слишкомъ ясны, чтобы на нихъ останавливаться. Междупарламентскій союзъ при своемъ возникновеніи чуть было не разбился о нихъ,—онъ почувствовалъ

въ своей средѣ сильное и жгучее столкновеніе по вопросу о правахъ національностей. Но онъ, однако, устоялъ и обратилъ ко благу испытаніе, явившееся вслѣдствіе неопытности, неразлучной съ началомъ всякаго дѣла. Онъ знаетъ теперь, что обезпечиваетъ свое существованіе не цѣною полнаго отказа отъ великихъ, стоящихъ на очереди, международныхъ вопросовъ, а мудрымъ выборомъ предметовъ своихъ непосредственныхъ занятій и при постоянной умѣренности своихъ требованій, которая не допускала бы заподозрить въ намѣреніи превратиться въ международный парламентъ, стремящійся стать выше національныхъ палатъ.

Онъ желаетъ быть лишь скромнымъ носителемъ разума и справедливости, примиренія и мира. Дѣйствуя исключительно при этихъ условіяхъ, онъ можетъ принести большія услуги святому дѣлу братскаго сближенія народовъ. Мы надѣемся доказать далѣе, что онъ уже это сдѣлалъ. Во всякомъ случаѣ онъ помогъ выставить въ болѣе яркомъ свѣтѣ, въ сферѣ болѣе возвышенной, ту связь, которая соединяетъ представительныя учрежденія всѣхъ странъ съ дѣломъ международнаго третейскаго суда.

IV. Современное положительное международное право и третейскій судъ.

Послѣ того какъ мы указали на разнообразіе и важность явленій, проявившихся въ пользу третейскаго суда, мы должны отмѣтить дѣйствительное проникновеніе—въ болѣе сильной степени, чѣмъ это обыкновенно думаютъ—третейской практики въ положительное международное право. Мы имѣемъ при этомъ дѣло съ фактами юридической жизни и правилами, освященными международными договорами.

Развитіе международнаго права въ разсматриваемомъ направленіи, особенно въ продолженіе второй половины XIX вѣка, приводитъ насъ къ утвержденію слѣдующихъ фактовъ:

1. Умноженіе случаевъ дѣйствительнаго обращенія къ третейскому суду. Недавно вышедшее англійское изданіе *) насчитываетъ съ 1815 г. 112 случаевъ третейскаго разбирательства, и можно замѣтить, что иные изъ нихъ относятся къ спорамъ запутаннымъ и опаснымъ. Эта статистика, по отношенію къ нѣкоторымъ случаямъ, не полна; съ другой стороны, наоборотъ, она причисляетъ къ третейскимъ рѣшеніямъ случаи, которые отъ нихъ отличаются. Но математическая точность здѣсь имѣетъ лишь второстепенное значеніе. Несомнѣнно, что примѣры третейскаго суда, очень рѣдкіе сначала, даютъ, затѣмъ, лѣтописцу все болѣе и болѣе богатую жатву интересныхъ юридическихъ прецедентовъ.

*2. Занесеніе во многіе трактаты статей о третейскомъ судѣ**), указывающихъ на цѣлый рядъ возможныхъ споровъ.* Эти статьи чаще всего включены въ самый актъ, который устанавливаетъ между государствами новое договорное право; онѣ спеціально устанавливаются иногда и позднѣйшимъ актомъ, имѣющимъ своимъ предметомъ собственно условіе о компромиссѣ (объ обращеніи къ третейскому суду).

Назначеніе этихъ условій замѣчательно. Мы видимъ здѣсь стремленіе государства оградить себя отъ собственныхъ увлеченій въ будущемъ,—признаніемъ—еще до возникновенія споровъ—мирнаго способа ихъ рѣшенія и установленіемъ мира въ нѣкоторыхъ областяхъ своихъ отношеній, предусмотрѣнныхъ трактатомъ.

Подобныя условія, признанныя еще въ 1856 г. лишь теоретическими пожеланіями сильно увеличиваются въ наши дни. Италія съ 1873 г. начала постоянно прибѣгать къ этой мѣрѣ послѣ благопріятнаго пріема, оказаннаго итальянскимъ парламентомъ предложенію Манчини рекомендовать министру ино-

---

*) The proved practicability of international arbitration. London, 1895.

**) Статьи эти называются „статьями о компромиссѣ“. *Ред.*

странныхъ дѣлъ включеніе въ трактаты статьи, гласящей, что затрудненія относительно толкованія и исполненія заключаемыхъ актовъ будутъ передаваемы на разсмотрѣніе третейскихъ судей. Недавно бельгійскій сенатъ имѣлъ случай въ одинъ день, 24-го іюня 1895 г., одобрить четыре постановленія о третейскомъ судѣ по поводу торговыхъ трактатовъ, заключенныхъ съ Греціей (трактатъ $^{13}/_{25}$ мая 1895 г. ст. 21), Даніею (трактатъ 18 іюня 1895 г. ст. 20), Швеціею (трактатъ 11 іюня 1895 г. ст. 20), и Норвегіею (трактатъ 11 іюня 1895 г. ст. 20). Такимъ образомъ, между народами закрѣпляется понемногу и въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ сѣть третейской юрисдикціи.

Притомъ уже въ настоящее время можно отмѣтить, наряду съ многочисленными частными договорами, и акты, которые заключаются совокупностью многихъ государствъ. Хотя посредничество и отличается отъ третейскаго суда, но общій мирный характеръ того и другого средства улаживанія споровъ и ихъ сходство во многихъ отношеніяхъ позволяютъ намъ напомнить здѣсь, въ виду его важности, пожеланіе, выраженное въ XXIII протоколѣ Парижскаго конгресса 1856 г. *)

Упомянемъ еще объ обязательномъ посредничествѣ и объ указаніяхъ на третейскій судъ, заключающихся въ ст. 12 Главнаго акта Берлинской конференціи 16 февраля 1885 г. **).

Отмѣтимъ также ст. ст. 55 и 58 Генеральнаго акта

---

*) См. переводъ означеннаго протокола выше на стр. 366.

**) Статья 12. Въ случаѣ возникновенія между державами, подписавшими настоящій актъ, или державами, которыя присоединятся къ оному впослѣдствіи, серьезныхъ несогласій въ отношеніи границъ или внутри предѣловъ помянутыхъ въ статьѣ I-й территорій, включенныхъ въ районъ свободной торговли, эти державы обязуются, прежде чѣмъ обращаться къ оружію, прибѣгать къ посредничеству (médiation) одной или нѣсколькихъ дружественныхъ державъ.

На подобный же случай тѣ же державы предоставляютъ себѣ право обращаться по своему усмотрѣнію къ третейскому разбирательству (à la procédure de l'arbitrage).

Брюссельской конференціи относительно торга неграми въ Африкѣ, предусматривающія въ опредѣленныхъ случаяхъ третейское производство *).

Отмѣтимъ, въ особенности, статью о компромиссѣ, одобренную всѣми государствами и составляющую 23-ью статью конвенціи 4 іюля 1891 г. Всемірной почтовой уніи **).

---

*) Ст. 55. Офицеръ взятель (каперъ) и власть, руководившая слѣдствіемъ, укажутъ, каждый въ теченіе 48 часовъ, на судью и оба эти судьи сами изберутъ въ 24 часа общаго судью. Судьи должны быть избираемы, по возможности, изъ лицъ, состоящихъ на дипломатической, консульской или судебной службѣ державъ, подписавшихъ актъ. Туземцы, состоящіе на службѣ договаривающихся государствъ, исключаются изъ этого числа. Рѣшеніе принимается большинствомъ голосовъ. Оно признается окончательнымъ.

Если третейская юрисдикція не установлена въ указанные сроки, будетъ поступлено для вознагражденія за убытки согласно съ постановленіями ст. 58, § 2.

Ст. 56. Жалобы излагаются, въ возможно короткій срокъ, суду той націи, флагъ которой былъ поднятъ обвиняемымъ. Консулы или всякое другое присутственное мѣсто государства, къ которому принадлежитъ обвиняемый, могутъ быть уполномочены своимъ правительствомъ постановлять приговоры.

Ст. 58. Всякій приговоръ суда или властей, упомянутыхъ въ ст. 56, объявляющій, что задержанное судно не занималось торговлей неграми, будетъ приведенъ въ исполненіе немедленно, и судну будетъ дана полная свобода продолжать свой путь.

Въ такомъ случаѣ капитанъ или шкиперъ задержаннаго безъ законной причины для подозрѣнія или подвергнутаго стѣсненіямъ корабля будетъ имѣть право требовать вознагражденія за убытки, сумма которыхъ будетъ опредѣлена съ общаго согласія между непосредственно заинтересованными государствами или посредствомъ третейскаго суда, и уплачена въ шестимѣсячный срокъ, считая со дня приговора, который оправдалъ призъ.

**) Ст. 23, § 1. Въ случаѣ несогласія между двумя или нѣсколькими членами Уніи относительно толкованія настоящей конвенціи или отвѣтственности какого-либо почтоваго управленія въ случаѣ потери заказной посылки, спорный вопросъ рѣшается третейскимъ судомъ. Для этого каждое изъ почтовыхъ управленій, причастныхъ къ дѣлу, избираетъ другого члена Уніи, не прямо заинтересованнаго въ дѣлѣ.

§ 2. Рѣшеніе третейскихъ судей постановляется абсолютнымъ большинствомъ голосовъ.

3. Организація третейскаго суда посредствомъ установленія правилъ относительно возможнаго состава этого суда или непосредственнымъ учрежденіемъ постояннаго третейскаго суда. Какъ примѣры частныхъ договоровъ, содержащихъ постановленія о подобнаго рода организаціи, мы приведемъ торговый трактатъ 11 дек. 1882 г. между Бельгіей и Италіею, ст. 20, и торговый трактатъ 11 іюня 1895 г. между Бельгіей и Норвегіею, ст. 20 *). Какъ примѣры трактатовъ, заключенныхъ совокупностью многихъ государствъ, мы укажемъ, кромѣ договора Всемірной почтовой уніи (вышеприведенная 23 ст.) и Генеральнаго акта Брюссельской конференціи относительно торга неграми (вышеприведенныя 55, 56 и 58 стт)., на ст. 57, § 3 Бернской конвенціи 14 окт. 1890 г. о международной перевозкѣ товаровъ по желѣзнымъ дорогамъ **).

---

§ 3. Въ случаѣ раздѣленія голосовъ третейскіе судьи выбираютъ для рѣшенія спора другое почтовое управленіе, также не заинтересованною въ немъ.

§ 4. Постановленія настоящей статьи примѣняются также ко всѣмъ сдѣлкамъ, заключеннымъ въ силу предъидущей 19 статьи (относительно писемъ и ящиковъ съ объявленною цѣнностью, почтовыхъ переводовъ, посылокъ, подписки на журналы и т. д.).

*) *Трактатъ о торговлѣ и мореплаваніи, заключенный 11 іюня 1895 г. между Бельгіей и Норвегіей.* Ст. 20. Въ случаѣ, еслибы возникъ споръ между обѣими договаривающимися сторонами относительно толкованія и примѣненія настоящаго трактата и онъ не могъ бы быть рѣшенъ полюбовно путемъ дипломатической переписки, договаривающіяся стороны соглашаются предоставить его рѣшенію третейскаго суда, постановленіе котораго онѣ обязуются честно исполнить.

Третейскій судъ будетъ состоять изъ трехъ членовъ. Каждая изъ договаривающихся сторонъ укажетъ на одного члена, избраннаго не изъ числа ея подданныхъ и не изъ жителей ея страны. Эти два третейскихъ судьи назначатъ третьяго. Если они не могутъ придти къ согласію насчетъ этого выбора, третій судья будетъ назначенъ правительствомъ, указаннымъ двумя третейскими судьями, или въ случаѣ ихъ несогласія, жребіемъ.

**) *Международная конвенція 14 окт. 1890 г. о перевозкѣ товаровъ по желѣзнымъ дорогамъ.* Ст. 57, § 1. Чтобы облегчить и обезпечить исполненіе настоящей конвенціи, будетъ учреждено Центральное агентство международныхъ транспортовъ, на которое

Эта статья учреждаетъ Центральное агентство международныхъ транспортовъ и возводитъ его на степень свободнаго третейскаго суда, которому поручается въ спорахъ, могущихъ возникнуть между правленіями желѣзныхъ дорогъ, произносить приговоры. Союзный совѣтъ Швейцаріи, во исполненіе этого крайне замѣчательнаго соглашенія, издалъ регламентъ, организующій третейскій процессъ въ спорахъ, передаваемыхъ въ указанное агентство. Напомнимъ по этому поводу, что во время первой конференціи, созванной швейцарскимъ правительствомъ въ 1878 г., нѣмецкіе уполномоченные предлагали учрежденіе третейскаго суда, который былъ бы составленъ изъ судей, назначенныхъ всѣми договаривающимися сторонами, и дѣйствовалъ бы рядомъ съ Международною комиссіей, наблюдающей за исполненіемъ и развитіемъ конвенціи. Несмотря на отклоненіе отъ этого предложенія, свободный третейскій судъ въ томъ видѣ, въ какомъ онъ окончательно организованъ,—одно изъ самыхъ интересныхъ и многозначущихъ учрежденій.

4. *Заключеніе трактатовъ объ общемъ и постоянномъ третейскомъ судѣ, распространяющихъ статью о компромиссѣ не только на нѣкоторыя опредѣленныя категоріи споровъ, но и на всю совокупность споровъ между государствами безъ исключенія или, по крайней мѣрѣ, за исключеніемъ тѣхъ изъ нихъ, которые направлены противъ національной независимости и автономіи.* Мы видимъ здѣсь признаніе третейскаго суда, какъ наиболѣе пригоднаго и нормаль-

---

возлагается:... 3) произносить, по просьбѣ сторонъ, приговоры въ спорахъ, которые могли бы возникнуть между правленіями желѣзныхъ дорогъ.

Конвенція 4 іюля 1891 г. Ст. 22. § 2. возлагаетъ на международное бюро Всемірной почтовой уніи „высказывать, по просьбѣ заинтересованныхъ сторонъ, мнѣнія о спорныхъ вопросахъ“. Эти юридически обоснованныя мнѣнія составляютъ нѣчто въ родѣ предварительныхъ третейскихъ рѣшеній (préarbitrage), имѣющихъ значительную практическую важность.

наго способа рѣшенія международныхъ споровъ. Подобные трактаты были заключены американскими республиками, особенно въ испанской Америкѣ. Первый изъ нихъ, для центральной Америки, восходитъ къ 17 февр. 1872 г., а самый недавній трактатъ 20 іюня 1895 г., заключенный между Гондурасомъ, Никарагуа и Сальвадоромъ (стт. 4, 7, 8) *). Слѣдуетъ также упомянуть о трактататѣ 2 февр. 1848 г. между Соединенными Штатами и Мексикою.

Конституціи нѣкоторыхъ государствъ, напримѣръ, Бразиліи — даютъ интересныя указанія относительно обращенія къ третейскому суду.

Извѣстенъ также трактатъ, заключенный въ началѣ 1889 г. между пятью республиками центральной Америки, въ которомъ онѣ обязуются разрѣшать третейскимъ судомъ всѣ затрудненія, могущія возникнуть между ними. Въ дѣйствительности, были уклоненія отъ этого правила, достойныя сожалѣнія. Если люди бываютъ иногда лучше учрежденій, то и учрежденія превосходятъ иногда людей. И то уже хорошо, что не надо одновременно стараться сдѣлать однихъ умнѣе, а другихъ болѣе совершенными!

Но наиболѣе важный актъ, на которомъ мы должны теперь остановиться, — безъ сомнѣнія, договоръ, выработанный Пан-американскою конференціей, засѣдавшей въ Вашингтонѣ отъ 2-го окт. 1889 г. по 19 апр. 1890 г. Проектъ третейскаго суда, принятый этою конференціей, пытается соединить государства трехъ Америкъ въ единую мирную унію. Въ этой послѣдней третейскій судъ признанъ, какъ международный законъ для разрѣшенія всѣхъ возникшихъ или могущихъ возникнуть споровъ, если только передача ихъ третейскому суду, по мнѣнію одной изъ заинтересованныхъ сторонъ, не можетъ угрожать независимости государства **).

---

*) Ср. ниже примѣчаніе на стр. 446. *Ред.*

**) *Постановленія проекта третейскаго суда, принятого меж-*

Постановленія конференціи въ Вашингтонѣ вызвали къ себѣ критическое отношеніе, которое будучи отчасти основательнымъ, не лишаетъ, однако, факты ихъ реальности и не уничтожаетъ ихъ объективнаго значенія.

дународною американскою конференціей въ Вашингтонѣ, 18 апр. 1890 г.

Ст. 1.—Республики Сѣверной, Средней и Южной Америки признаютъ при разрѣшеніи споровъ и несогласій, могущихъ возникнуть между двумя или нѣсколькими изъ нихъ, третейскій судъ принципомъ американскаго международнаго права.

Ст. 2.—Третейскій судъ обязателенъ во всѣхъ спорахъ, касающихся преимуществъ дипломатическихъ или консульскихъ агентовъ, о границахъ, о территоріи, въ спорахъ объ убыткахъ, о правѣ судоходства, о дѣйствительности, толкованіи и примѣненіи трактатовъ.

Ст. 3. — Третейскій судъ обязателенъ и для всѣхъ другихъ, кромѣ поименованныхъ въ предыдущей статьѣ, споровъ, какова бы ни была ихъ причина, природа или предметъ, за исключеніемъ только случая, указаннаго въ слѣдующей статьѣ.

Ст. 4.—Постановленія предшествующихъ статей не распространяются единственно на тѣ споры, въ которыхъ, по мнѣнію одной изъ заинтересованныхъ сторонъ, заключается угроза ея независимости. Въ такомъ случаѣ обращеніе къ третейскому суду для этого государства добровольно, но оно обязательно для противной стороны.

Ст. 5.—Всѣ несогласія и споры, существующіе уже, или которые возникнутъ впослѣдствіи, будутъ предоставлены третейскому суду, даже если бы они проистекали изъ фактовъ, предшествовавшихъ настоящему трактату.

Ст. 6.—Въ силу настоящаго трактата ни одинъ вопросъ, рѣшенный уже окончательно, не можетъ быть снова возбужденъ. Въ такихъ случаяхъ позволительно обращеніе къ третейскому суду лишь для разрѣшенія вопросовъ, относящихся къ дѣйствительности, толкованію или примѣненію названныхъ обязательствъ.

Ст. 7.—Выборъ третейскихъ судей не ограничивается государствами Америки. Каждое правительство можетъ быть избрано третейскимъ судьею, если оно поддерживаетъ дружескія сношенія съ государствомъ противникомъ выбравшаго его. Званіе третейскаго судьи можетъ быть возложено и на національные суды, ученыя общества, должностныя и частныя лица, подданыхъ или неподданыхъ избирающаго государства.

Ст. 8.—Трейскій судъ можетъ состоять изъ одного, или изъ нѣсколькихъ лицъ. Въ первомъ случаѣ стороны избираютъ судью съ общаго согласія. Во второмъ случаѣ выборъ можетъ быть

Конечно, американскія государства не встали на исключительную точку зрѣнія, такъ какъ ст. 19-ая проекта третейскаго суда разрѣшаетъ всякому государству, не имѣвшему на конференціи представителя, явиться впослѣдствіи договаривающеюся стороною. Но

сдѣланъ ими совмѣстно. Если онѣ не могутъ согласиться по этому поводу, то каждое государство, будучи носителемъ отдѣльнаго интереса, имѣть право назначить съ своей стороны третейскаго судью.

Ст. 9.—Когда третейскій судъ долженъ состоять изъ равнаго числа судей, то спорящія государства назначаютъ общаго посредника, рѣшающаго всѣ вопросы, въ коихъ третейскіе судьи не придутъ къ соглашенію. Если заинтересованныя государства не согласятся относительно выбора общаго посредника, то послѣдній будетъ избранъ уже назначенными третейскими судьями.

Ст. 10.—Выборъ общаго судьи и его принятіе должны состояться до разсмотрѣнія третейскими судьями дѣла, подлежащаго ихъ разбирательству.

Ст. 11.—Общій посредникъ не дѣйствуетъ, какъ членъ суда, но его обязанности и его полномочія простираются на рѣшеніе вопросовъ либо главныхъ, либо второстепенныхъ, по которымъ третейскіе судьи не придутъ къ соглашенію.

Ст. 12.—Если третейскій судья, или общій посредникъ, лишится, вслѣдствіе смерти, отказа или другой причины, возможности исполнить свои обязанности, этотъ третейскій судья или общій посредникъ замѣняется замѣстителемъ, который избирается тѣмъ же способомъ, какимъ былъ избранъ первый третейскій судья или общій посредникъ.

Ст. 13.—Судъ будетъ засѣдать въ томъ мѣстѣ, которое назначатъ, съ общаго согласія, спорящія государства, а въ случаѣ ихъ несогласія, или если сами они забыли указать это мѣсто, судъ опредѣляетъ, гдѣ онъ будетъ засѣдать.

Ст. 14.—Когда судъ состоитъ изъ нѣсколькихъ членовъ, большинство можетъ приступить къ дѣйствіямъ, несмотря на отсутствіе или отъѣздъ меньшинства. Въ такомъ случаѣ большинство будетъ продолжать исполнять свои обязанности, пока оно не придетъ къ окончательному рѣшенію вопросовъ, предложенныхъ на разсмотрѣніе третейскаго суда.

Ст. 15. Рѣшеніе большинства третейскихъ судей будетъ окончательнымъ какъ въ отношеніи главныхъ, такъ и второстепенныхъ вопросовъ, кромѣ того случая, когда договоръ о третейскомъ судѣ требуетъ единогласнаго постановленія.

Ст. 16.—Общія издержки по третейскому суду будутъ равными частями уплачены заинтересованными правительствами, но из-

надо сознаться, что перспектива очутиться заранѣе связаннымъ, въ силу своего позднѣйшаго присоединенія, ко всѣмъ государствамъ—участникамъ договора, не была въ состояніи способствовать этому присоединенію.

Вспомнимъ, что въ своемъ посланіи 4 дек. 1882 г. президентъ Гарфильдъ заявилъ, что онъ согласенъ принять участіе въ установленіи всевозможныхъ мѣръ, способныхъ оказать содѣйствіе обезпеченію на земномъ шарѣ мира. Швейцарское правительство въ отвѣтъ на посланіе представило президенту С.-А. Соединенныхъ Штатовъ проектъ трактата о постоянномъ третейскомъ судѣ, принятый 24 іюля 1883 г. Союзнымъ Совѣтомъ, дѣйствительный на 30 лѣтъ, со статьею о молчаливомъ продолженіи договора. Въ силу этого трактата договаривающіяся стороны обязываются передавать на разсмотрѣніе третейскаго суда всѣ затрудненія, могущія возникнуть между ними, „каковы

держки, сдѣланныя каждою стороной въ виду приготовленія и веденія ея защиты, ложатся только на эту сторону.

Ст. 17.—Спорящія государства при возникновеніи ихъ несогласій организуютъ третейскій судъ на основаніи вышеизложенныхъ статей. Новыя постановленія и организація третейскаго суда на иныхъ началахъ возможны лишь на снованіи взаимныхъ и свободныхъ соглашеній этихъ государствъ.

Ст. 18.—Трактатъ этотъ остается въ силѣ въ теченіе 20 лѣтъ со дня его ратификаціи. По истеченіи этого срока онъ продолжаетъ быть дѣйствительнымъ, пока одна изъ договаривающихся сторонъ не объявитъ остальнымъ о своемъ желаніи уничтожить его. Послѣ такой нотификаціи трактатъ продолжаетъ быть обязательнымъ для этого государства въ теченіе одного года. Выходъ одного или нѣсколькихъ государствъ не уничтожаетъ обязательности трактата для остальныхъ договаривающихся сторонъ.

Ст. 19.—Трактатъ этотъ долженъ быть ратификованъ всѣми государствами въ зависимости отъ ихъ конституціонныхъ постановленій. Обмѣнъ ратификацій состоится въ Вашингтонѣ 1 мая 1891 г. или, если возможно, ранѣе. Всякое государство можетъ принять этотъ трактатъ и сдѣлаться договаривающеюся стороной, подписавъ экземпляръ трактата и передавъ его правительству Соединенныхъ Штатовъ, которое сообщитъ объ этомъ остальнымъ государствамъ.

бы ни были эти затрудненія по своему характеру и предмету“ *).

Мы считаемъ нужнымъ напомнить объ этомъ починѣ въ виду его важности, а также потому, что въ этомъ дѣлѣ Швейцарія опередила своимъ приглашеніемъ Соединенные Штаты, которые, позднѣе, основываясь на 19-й статьѣ Вашингтонскаго проекта о третейскомъ судѣ, обратились съ таковымъ же къ Европѣ.

---

*) *Проектъ договора между Соединенными Штатами Америки и Швейцарскимъ Союзомъ, принятый Швейцарскимъ Союзнымъ Совѣтомъ 24 іюля 1883 г.*

Между Соединенными Штатами Сѣверной Америки и Швейцарскимъ Союзомъ заключается договоръ о постоянномъ третейскомъ судѣ слѣдующаго содержанія:

Ст. 1—Договаривающіяся государства обязуются передавать на разсмотрѣніе третейскаго суда всѣ могущія возникнуть, въ продолженіе дѣйствія настоящаго договора, между ними затрудненія, каковы бы ни были ихъ причины, характеръ и предметъ.

Ст. 2—Третейскій судъ имѣетъ быть организованъ изъ трехъ судей. Каждое государство назначаетъ по одному третейскому судьѣ, избирая его изъ лицъ, не являющихся его подданными и не живущихъ на его территоріи. Оба третейскіе судьи изберутъ сами общаго посредника. Если они не согласятся относительно его выбора, онъ имѣетъ быть назначенъ нейтральнымъ правительствомъ, которое, въ свою очередь, будетъ указано обоими третейскими судьями или, въ случаѣ ихъ несогласія, жребіемъ.

Ст. 3—Третейскій судъ, созванный стараніями общаго посредника, установитъ компромиссъ, опредѣляющій спорный вопросъ, составъ суда и продолжительность его дѣйствія. Этотъ компромиссъ будетъ подписанъ представителями сторонъ и третейскими судьями.

Ст. 4 — Третейскіе судьи опредѣлятъ процедуру суда. Они воспользуются для раскрытія истины всѣми данными слѣдствія, которое они почтутъ нужнымъ произвести, такъ какъ стороны обязуются предоставить имъ къ тому полную возможность. Ихъ рѣшеніе вступаетъ въ законную силу черезъ мѣсяцъ послѣ сообщенія его сторонамъ.

Ст. 5—Каждая изъ договаривающихся сторонъ обязуется честно исполнить и соблюдать рѣшеніе третейскаго суда.

Ст. 6—Настоящій трактатъ заключенъ на срокъ въ 30 лѣтъ со дня обмѣна ратификацій. Если при наступленіи 30-го года онъ не будетъ объявленъ уничтоженнымъ, онъ возобновляется на новый срокъ въ 30 лѣтъ и т. д.

Въ порядкѣ первыхъ шаговъ въ разсматриваемомъ вопросѣ, сдѣланныхъ навстрѣчу великой Американской республикѣ, намъ пріятно указать еще на адресъ президенту и конгрессу Соединенныхъ Штатовъ, представленный въ 1887 г. отъ имени 234 членовъ Нижней палаты англійскаго парламента и 36 членовъ палаты лордовъ. Въ немъ выражается намѣреніе поддержать передъ Британскимъ правительствомъ предложеніе о заключеніи трактата объ общемъ и постоянномъ третейскомъ судѣ между Великобританіей и Соединенными Штатами. Извѣстно, что Нижняя палата, съ согласія правительства, по иниціативѣ Рандалля Кремера и Джона Леббока, приняла единогласно, за исключеніемъ одного воздержанія, предложеніе, направленное къ той же цѣли. Подобное же предложеніе было внесено въ іюнѣ 1894 г. Аллисономъ въ сенатъ Соединенныхъ Штатовъ *).

Отмѣтимъ также резолюцію, принятую 8 іюля 1895 г. Французскою палатою депутатовъ и составленную въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Палата приглашаетъ правительство, по возможности скорѣе, вступить въ переговоры о заключеніи трактата о постоянномъ третейскомъ судѣ между республиками Французской и Соединенныхъ Штатовъ Америки“.

Испанскій сенатъ, съ своей стороны, принялъ 16 іюня 1890 г., по почину Marcoartu, болѣе общее предложеніе, „уполномочивая правительство приступить къ заключенію трактатовъ общихъ или спеціальныхъ съ цивилизованными государствами, независимость и дружба коихъ признаны“.

Напомнимъ, наконецъ, предложенія, принятыя парламентами Бельгіи, Баваріи, Даніи, Италіи, Нидерландовъ, Румыніи, Швеціи и Норвегіи.

Кромѣ того, можно указать на договоры объ общихъ и постоянныхъ третейскихъ судахъ, заключенные между нѣкоторыми европейскими и внѣ-европейскими госу-

*) См. „Приложеніе“ V къ настоящему Сборнику. *Ред.*

дарствами. Таковы—трактаты Швейцаріи съ Сальвадоромъ (30 окт. 1883 г.), съ Экуадоромъ (22 іюн. 1888 г.), съ Гавайскими островами (21 іюл. 1864 г.);—трактатъ между Франціей и Экуадоромъ (12 мая 1888 г.). Въ 1894 г. Испанія заключила трактаты съ Гондурасомъ (28 апр. 1894 г.) и съ Колумбіей (16 ноября 1894 г.). Бельгія насчитываетъ такихъ трактатовъ шесть—съ Венецуэллой (1 мар. 1884 г.), съ Экуадоромъ (5 мар. 1887 г.), съ Оранжевой республикой (27 дек. 1894 г.), съ Сіамомъ (22 авг. 1868 г.), съ Южно-Африканской республикой (3 февр. 1876 г.), съ Гавайскими островами (4 окт. 1862 г.).

Между европейскими правительствами намъ пріятно отмѣтить, какъ первый прецедентъ, договоръ о дружбѣ, поселеніи и торговлѣ, заключенный 16 ноября 1889 г. представителемъ независимаго государства—Конго, van-Eetvelde, и представителемъ—Швейцаріи, Ривье. Статья 13 этого договора заключаетъ въ себѣ слѣдующее постановленіе: „Въ случаѣ возникновенія спора между договаривающимися сторонами и невозможности дружескаго примиренія обоихъ правительствъ путемъ дипломатической переписки, послѣднія обязуются передать его на разсмотрѣніе третейскаго суда, рѣшеніе котораго они обязуются честно уважать и исполнить. Третейскій судъ будетъ организованъ изъ трехъ членовъ. Каждое изъ государствъ укажетъ одного изъ нихъ, избраннаго не изъ числа своихъ подданныхъ или жителей его территоріи. Оба третейскіе судьи назначатъ третьяго. Если они не согласятся относительно этого выбора, то третій судья имѣетъ быть назначеннымъ правительствомъ, указаннымъ обоими третейскими судьями, или, въ случаѣ ихъ несогласія, жребіемъ".

Недавній и особенно замѣчательный примѣръ общаго условія о компромиссѣ между государствами исключительно европейскими заключается въ 7 ст. декларації 5 іюля 1894 г., состоявшейся между Нидерландами и Португаліей. Вотъ текстъ этого постано-

вленія: „Всякій вопросъ или всякій споръ о толкованіи и исполненіи настоящей декларації, а также всякій другой вопросъ, который могъ бы возникнуть между обоими государствами, лишь бы онъ не касался ихъ независимости и ихъ автономіи, если онъ не можетъ быть рѣшенъ дружелюбно, будетъ подвергнутъ разбирательству двухъ третейскихъ судей, изъ которыхъ каждый назначается однимъ изъ правительствъ. Въ случаѣ разногласія между обоими третейскими судьями, послѣдніе укажутъ, съ общаго согласія, на третьяго, который и постановитъ рѣшеніе“ *).

---

*) 23 іюля 1898 г. въ Римѣ заключенъ договоръ о постоянномъ третейскомъ судѣ между Италіей и Аргентинскою республикой. Договоръ этотъ имѣетъ значеніе не только, какъ новое свидѣтельство распространенія въ международной практикѣ идеи третейскаго суда, но также и благодаря нѣкоторымъ своимъ постановленіямъ, имѣющимъ цѣлью воспрепятствовать договаривающимся государствамъ уклоняться отъ исполненія своихъ обязательствъ во время и по окончаніи спора. Но особый интересъ представляетъ для насъ 1-ая статья этого договора, гласящая, что „высокія договаривающіяся стороны обязуются предоставлять въ теченіе дѣйствія даннаго соглашенія рѣшенію третейскаго суда всѣ споры, какова бы ни была ихъ природа и изъ какихъ бы затрудненій они не проистекали, относительно которыхъ онѣ не могли придти къ дружественному соглашенію посредствомъ взаимныхъ переговоровъ“ Такимъ образомъ, мы видимъ здѣсь *впервые*, что государство, считающее себя, подобно Италіи, готовымъ къ войнѣ, соглашается, на болѣе или менѣе продолжительный срокъ, прибѣгать при *всѣхъ* своихъ спорахъ къ третейскому суду.

Въ интересахъ полнаго безпристрастія суда, 3-я статья договора запрещаетъ избирать въ третейскіе судьи лицъ, принадлежащихъ къ договаривающимся государствамъ или имѣющихъ тамъ какіе-либо итересы, а равнымъ образомъ, на основаніи 5 статьи, мѣстомъ засѣданія суда не должна быть территорія спорящихъ государствъ. Отмѣтимъ, такимъ образомъ, то обстоятельсто, что постановленія эти пріобщаютъ, косвеннымъ образомъ, конечно, къ усвоенію идеи третейской юрисдикціи государства, неучаствующія въ договорѣ 23 іюня 1898 г.

Замѣтимъ, что между государствами, заключившими указанный трактатъ, постоянно возникали и возникаютъ многочисленныя затрудненія по поводу эмиграціи, направляющейся изъ Италіи въ Аргентину.

Ред.

Итакъ, мы видимъ, что третейская юрисдикція, пустившая глубокіе корни въ общественномъ мнѣніи, въ прессѣ, въ наукѣ, въ парламентахъ, находитъ себѣ также прочное основаніе и въ положительномъ международномъ правѣ. Поэтому нѣтъ ничего страннаго, если мы поставимъ вопросъ о томъ, какимъ образомъ возможно дальнѣйшее развитіе разсматриваемаго учрежденія какъ въ отношеніи расширенія области его примѣненія, такъ и въ области его организаціи. Было бы, кромѣ того, весьма удивительно, если бы въ наши дни распространенія искусства, называемаго Монтескье „искусствомъ отдѣлываться другъ отъ друга“, мы оказались бы безсильными въ искусствѣ сдѣлать менѣе несовершенными орудія мира, которыя мы имѣемъ подъ руками.

Можемъ ли мы въ настоящее время достичь значительныхъ успѣховъ въ области третейской юрисдикціи? Мы разсмотримъ этотъ вопросъ и постараемся отвѣтить на него, придерживаясь, насколько возможно, одинаково далеко отъ робости, которая не дерзаетъ ничего предпринять, и отъ заносчивости, которая рискуетъ всѣмъ. Общая судьба всѣхъ ученій, какъ это было замѣчено — встрѣчать противниковъ двоякаго рода: робкіе люди считаютъ эти ученія слишкомъ смѣлыми; люди передовые считаютъ ихъ слишкомъ опасными! Мы не надѣемся обезоружить совершенно этихъ противниковъ двухъ категорій, но постараемся, по крайней мѣрѣ, въ дальнѣйшемъ дать, какъ можно менѣе, пищи ихъ критикѣ.

Основная задача, которую намъ предстоитъ разрѣшить, заключаетъ въ себѣ два момента: намъ представляется необходимымъ различать ихъ. Первый изъ нихъ касается вопроса о распространеніи третейской практики цивилизованныхъ государствъ. Второй моментъ относится къ организаціи третейскаго судопроизводства и, въ частности, къ вопросу о составѣ третейскаго суда.

Мы разсмотримъ оба эти вопроса.

V. Развитіе третейскаго суда въ сферѣ расширенія области его примѣненія.

Распространеніе третейской практики за извѣстные предѣлы представляетъ, безспорно, серьезныя затрудненія, нѣкоторые говорятъ: —положительно невозможность.

Примѣненіе третейскаго суда ко многимъ случаямъ— каковы: споры экономическаго и торговаго характера, разграниченіе территорій, нѣкоторыя изъ нарушеній нейтралитета, вопросы матеріальнаго вознагражденія государства и его потерпѣвшихъ подданныхъ, споры о рыболовствѣ и добываніи морскихъ продуктовъ, вопросы о столкновеніи гражданскихъ и уголовныхъ законовъ—не встрѣтитъ значительнаго сопротивленія. Допускаютъ даже, что сфера, въ которой до сихъ поръ заключалась большая часть спеціальныхъ третейскихъ судовъ, можетъ быть расширена.

Нельзя не признать, что государства весьма часто не стремятся доводить свои требованія до ихъ крайнихъ послѣдствій и третейскій судъ въ такихъ случаяхъ является для спорящихъ почетнымъ средствомъ выйти изъ затрудненія. Исключенія отсюда возникаютъ, лишь когда начинаютъ говорить о спорахъ, затрогивающихъ „абсолютныя и основныя права, которыя природа признаетъ за всѣми народами и которыя составляютъ часть самой сущности народа“, далѣе, такъ называемые, высшіе, или признаваемые за таковые, интересы, и, наконецъ, „существенные вопросы національной чести“.

Въ первомъ случаѣ, говорятъ намъ, никакая мировая сдѣлка, никакой компромиссъ немыслимы. „Нѣтъ судебнаго рѣшенія,—замѣчаетъ Дежарденъ,—которое могло бы обратить народъ въ рабство“. „Величайшая чудовищность,—прибавляетъ онъ,—прикрывать маскою справедливости уничтоженіе права“.

Во второмъ случаѣ, имѣешь дѣло—какъ бы съ національною вотчиною, которую поколѣнія призваны передавать другъ другу, а правительства не признаютъ за собою права свободнаго ею распоряженія. Къ тому же противорѣчивыя притязанія, будучи, въ этомъ случаѣ, скорѣе, политическаго свойства, не могутъ быть, по большей части, формулированы юридически.

Въ третьемъ случаѣ, дѣло идетъ—о вопросахъ національной чести, зависящихъ отъ внутренняго чувства, въ которомъ едва ли можетъ себѣ дать отчетъ противная сторона. Споры такого рода нельзя разрѣшать подобно дѣламъ о долговыхъ обязательствахъ или о частной собственности.

Конечно, если изучить объективно и внимательно всѣ эти „спеціальные случаи“, формулировка которыхъ разнится въ зависимости отъ каждаго автора, мы, безъ сомнѣнія, откроемъ и отсутствіе въ нѣкоторыхъ изъ нихъ прочнаго основанія. Поскольку, въ частности, это относится къ случаямъ, касающимся вопросовъ чести, совершенно справедливо было замѣчено, что именно эти вопросы слѣдовало бы не подвергать à priori изъятію отъ всякаго третейскаго суда. Лордъ Iddesleigh замѣтилъ по этому поводу, что національная честь не заключается въ томъ, чтобы никогда не признаваться въ своей неправотѣ, она требуетъ скорѣе исканія во всемъ справедливости, признанія правъ другого на ряду со своими правами и, во имя строгой справедливости, она требуетъ въ случаяхъ сомнѣнія высказываться скорѣе противъ себя, чѣмъ за себя“. „Если просмотрѣть списки современныхъ случаевъ третейскаго суда,—говоритъ, далѣе, Эмиль де Лавеле, по которому мы сейчасъ цитировали,—то, почти на каждой страницѣ, мы увидимъ, что, такъ называемая, національная гордость склоняется подъ скипетромъ права и покоряется требованіямъ все возрастающаго чувства состраданія къ массамъ людей, которыхъ должно было бы послать на рѣзню“. И дѣйствительно, слѣдуетъ признать, что въ наши

дни вопросы чести, по крайней мѣрѣ, съ формальной стороны, менѣе преувеличиваются, чѣмъ прежде, и на нихъ, обыкновенно, смотрятъ болѣе спокойно, а также все съ большимъ трудомъ допускается, что въ виду національной щепетильности невозможно найти иного средства умиротворенія, кромѣ пролитія крови.

Писатели-юристы, занимавшіеся спеціально фактами, которые относятся въ вопросу о третейскомъ судѣ, не безрезультатно поколебали теорію объ „исключительныхъ случаяхъ“. Интересно прочитать по этому поводу страницы въ изслѣдованіи Мериньяка о международномъ третейскомъ судѣ, посвященныя изученію „компромисса, разсматриваемаго, какъ договоръ публичнаго права“. Авторъ приходитъ къ выводу, что изъ области вѣдѣнія третейскаго суда слѣдуетъ изъять лишь затрудненія, возникающія между цивилизованными государствами и варварскими народами, прибавляя, что даже и здѣсь компромиссъ не невозможенъ. Но, какъ бы ни были сильны доводы ученаго писателя, и несмотря на сильное желаніе присоединиться къ его благороднымъ заключеніямъ, мы принуждены, однако, признать, что нѣкоторыя изъ международныхъ несогласій могутъ быть такого рода, или могутъ принять вслѣдствіе обстоятельствъ и затронутыхъ интересовъ такой характеръ, что становится трудно разсматривать ихъ, въ цѣломъ, какъ матеріалъ для третейскаго суда. Намъ представляется болѣе основательнымъ согласиться съ тѣмъ, что сопротивленія безграничному приложенію третейской процедуры не могутъ быть преодолѣны.

Условія о компромиссѣ, распространяющіяся на всѣ случаи несогласій, поддаются, очевидно, болѣе легко заключенію между государствами, связанными отношеніями особаго сродства, или не имѣющими основанія предполагать въ будущемъ возникновенія между ними важныхъ поводовъ къ разрыву, чѣмъ между государствами, не находящимися въ указанныхъ условіяхъ. Весьма вѣроятно, что еще въ теченіе весьма про-

должительнаго времени, даже въ трактатахъ объ установленіи третейскаго суда для всевозможныхъ споровъ, будутъ упоминаться исключенія, имѣющія въ виду опредѣленныя категоріи споровъ. Конечно, эти исключенія весьма нежелательны, такъ какъ ихъ эластичность способна послужить поводомъ къ толкованію, позволяющему, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, слишкомъ легко избѣжать разрѣшенія спора третейскимъ судомъ. Но исключенія эти основаны на постоянныхъ опасеніяхъ, съ которыми невозможно не считаться и которыя, однако, если бы ихъ нельзя было выразить въ какой-либо формулѣ, противодѣйствовали бы заключенію упомянутыхъ трактатовъ. Мы полагаемъ, поэтому, что заключеніе трактатовъ о третейскомъ судѣ для всѣхъ споровъ съ ограниченнымъ исключеніемъ тѣхъ изъ нихъ, которые, по мнѣнію государствъ, касаются ихъ независимости и автономіи—minimum возможнаго въ настоящее время развитія третейской юрисдикціи.

По нашему мнѣнію, недалеко отъ истины утвержденіе, согласно коему недовѣрчивое отношеніе нѣкоторыхъ государствъ къ включенію въ ихъ трактаты статьи о компромиссѣ проистекаетъ не столько отъ скрытой надежды получить какую-либо выгоду при отсутствіи организаціи третейскаго суда, сколько отъ опасенія очутиться въ извѣстный моментъ связанными въ опредѣленныхъ пунктахъ, отъ которыхъ они не въ правѣ отказаться по договору. Мы высказываемъ убѣжденіе, что, если бы государства были избавлены отъ этой заботы, во многихъ отношеніяхъ основательной, хотя часто и преувеличиваемой, они легко согласились бы относительно такой организаціи третейскаго судопроизводства, которая была бы менѣе несовершенна, чѣмъ существующая въ настоящее время.

Мы увидимъ ниже, какимъ удачнымъ и вполнѣ удовлетворительнымъ способомъ отвѣтила на это требованіе междупарламентская конференція 1895 г. въ Брюсселѣ. Въ числѣ немаловажныхъ основаній для благопріятнаго пріема ея проекта отмѣтимъ удовлетво-

реніе, которое онъ даетъ государствамъ, даже наиболѣе предубѣжденнымъ противъ трактатовъ о третейскомъ судѣ.

VI. Развитіе организаціи третейскаго судопроизводства. — Международный судъ.

Проектъ организаціи международнаго третейскаго суда, выработанный междупарламентскою конференціей въ Брюсселѣ, простъ и скроменъ. Онъ принимаетъ во вниманіе и охраняетъ всякій актъ прямыхъ соглашеній, всѣ способы примиренія. Онъ предоставляетъ государствамъ опредѣлить предѣлы ограниченія своей верховной власти, внутри которыхъ они соглашаются предоставлять разрѣшеніе своихъ споровъ третейскимъ судьямъ. Онъ ограничивается тѣмъ, что предлагаетъ государствамъ способъ рѣшать, если они этого пожелаютъ, свои споры легко, скоро, справедливо посредствомъ третейскаго суда, безъ того, однако, чтобы какое-либо государство могло обязать другое идти по этому пути.

Первая статья этого проекта, провозгласивъ, что „договаривающіяся стороны учреждаютъ постоянный международный судъ для разсмотрѣнія споровъ, *предоставляемыхъ на его разрѣшеніе*“, немедленно затѣмъ объявляетъ, что „въ случаѣ, если между однимъ или нѣсколькими государствами возникаетъ споръ, эти государства рѣшатъ, не касаясь, притомъ, обязательствъ, могущихъ существовать между ними по договору, *долженъ ли этотъ споръ по своей природѣ быть представленъ въ судъ*“. Итакъ, въ случаѣ несогласій, государствамъ предоставляется право прибѣгнуть, или нѣтъ къ юрисдикціи, установленной проектомъ. Она по существу добровольна и факультативна.

„Комиссія, говоритъ въ отчетѣ Houzeau de Lehaie, хотѣла сразу уничтожить всѣ опасенія правительствъ или дипломатовъ, показавъ, что вмѣшиваться въ ихъ прерогативы она не имѣла никакого намѣренія. Она пола-

гала, что присоединеніе къ конвенціи, учреждающей международный судъ, не возлагало бы на государства иного обязательства, кромѣ разсмотрѣнія и рѣшенія ими, долженъ ли возникшій споръ, въ силу своего характера, быть предоставленъ суду. Такимъ образомъ, для разсмотрѣнія послѣднимъ спора необходимо, чтобы обѣ стороны согласились предоставить его ему".

Конференція не отклонилась отъ этихъ положеній и всѣ попытки, хотя бы даже и косвенныя, направленныя на то, чтобы повліять на свободу государствъ, были устранены: государства рѣшаютъ посредствомъ соглашенія, будетъ ли споръ предоставленъ суду и обращаются къ нему, лишь послѣ того какъ они не были въ состояніи уладить свои недоразумѣнія другими мирными средствами. Даже и въ послѣднемъ случаѣ они обращаются къ суду лишь на основаніи взаимнаго соглашенія. Такимъ образомъ, затрудненія, связанныя съ „исключительными случаями", разрѣшаются въ смыслѣ предоставленія государствамъ полнѣйшей независимости.

Они могутъ обратиться къ другимъ способамъ рѣшенія несогласій, а не къ третейскому суду, либо даже установить для послѣдняго такую форму, какая имъ угодна. Проектъ предоставляетъ государствамъ только доступъ къ постоянному, ими самими установленному судебному учрежденію, всегда открытому для рѣшенія ихъ споровъ.

Весьма важно оттѣнить именно этотъ пунктъ, такъ какъ онъ знаменуетъ собою основную идею, характерный признакъ творенія, созданнаго конференціей. Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ это твореніе даетъ, безъ сомнѣнія, весьма немного, но въ другихъ отношеніяхъ, оно, напротивъ того, имѣетъ громадное значеніе. Разсмотрѣвъ подробнѣе это новое установленіе, мы убѣдимся въ его важности, и наше изученіе, сдѣланное безъ предвзятой мысли, лишь освѣтитъ многочисленныя юридическія основанія, на которыхъ покоится учрежденіе коллегій международнаго третейскаго суда.

1. Замѣтимъ, прежде всего, что учрежденіе подобной коллегіи находитъ въ современномъ состояніи международныхъ сношеній весьма существенныя данныя для своего оправданія. Съ этой точки зрѣнія, оно—необходимое требованіе прогресса, осуществившагося въ международной жизни и въ правѣ. Въ наши дни международная жизнь, поддерживаемая, благодаря замѣчательнымъ способамъ передвиженія посредствомъ пара и электричества, развивающаяся плодотворнымъ обмѣномъ всѣхъ предметовъ, необходимыхъ или полезныхъ для существованія, обезпеченная большею безопасностью сухопутныхъ и морскихъ сношеній и нѣкоторыми улучшеніями во всѣхъ государствахъ положенія иностранцевъ, приняла огромные размѣры. Сношенія между государствами, какъ и между ихъ подданными за границею, развились самымъ сложнымъ и разнообразнымъ образомъ. Увеличеніе точекъ соприкосновенія естественно умножаетъ случаи споровъ о правѣ между государствами: такимъ образомъ, въ современной жизни правительствамъ приходится на каждомъ шагу словомъ или дѣломъ принимать участіе въ своихъ гражданахъ. Мы имѣемъ здѣсь новое положеніе вещей:—развитіе международныхъ споровъ требуетъ соотвѣтствующихъ юридическихъ установленій. Очевидно, что учрежденія, которыми довольствовались государства, замкнувшіяся во всѣхъ своихъ отношеніяхъ въ почти неприступныхъ границахъ, не могутъ болѣе соотвѣтствовать современнымъ сношеніямъ народовъ.

Но не одна только международная жизнь претерпѣла глубокія измѣненія. Международное право измѣнилось также не менѣе существеннымъ образомъ и отсюда—новыя практическія требованія, прежде неизвѣстныя. При сравненіи современнаго состоянія международнаго союза, несмотря на все его несовершенство и неопредѣленность, съ таковымъ же въ прежнія времена поражаешься чрезвычайнымъ прогрессомъ, осуществленнымъ международнымъ правомъ,

каковой и донынѣ совершается ежедневно на нашихъ глазахъ. Нельзя не привѣтствовать эти мирныя завоеванія, плоды благороднѣйшихъ стремленій нашего времени, какъ залогъ лучшаго будущаго, въ направленіи котораго, несмотря на препятствія, прокладываетъ путь могущественный геній человѣчества.

Развитіе, совершающееся на нашихъ глазахъ, касается и формы, и сущности международнаго права.

Въ отношеніи формы—договорное международное право стремится все болѣе и болѣе вытѣснить старое обычное право. „Въ числѣ источниковъ современнаго международнаго права,—справедливо замѣчаетъ Мартицъ,—конвенціи между государствами, весьма различныя по своей формѣ, занимаютъ все болѣе и болѣе значительное мѣсто, между тѣмъ какъ обычное право изо дня въ день теряетъ подъ собою почву". Простой взглядъ, брошенный на собранія трактатовъ, дѣйствительно показываетъ намъ, что въ теченіе послѣднихъ 20 лѣтъ было заключено болѣе договоровъ, нежели за XVII и XVIII столѣтія. Не менѣе достойно вниманія число государствъ, подписывающихъ эти дипломатическіе акты.

Въ отношеніи содержанія – мы видимъ еще болѣе замѣчательное развитіе международнаго права. Старыя основы международнаго права опредѣлены, развиты, измѣнены. Это подтверждаютъ особенно дипломатическіе акты, относящіеся до посольствъ и консульствъ, свободы судоходства по международнымъ рѣкамъ, правилъ морской и сухопутной войны, нейтралитета, многочисленныхъ третейскихъ рѣшеній, принятыхъ, какъ средство окончанія споровъ.

Наконецъ, развитіе права иностранцевъ, о которомъ мы упомянули выше, дало возможность Блюнчли сказать, что „званіе гражданина міра, на которое Кантъ смотрѣлъ, съ одной стороны, какъ на существенное условіе, а съ другой—какъ на недостижимый идеалъ, сдѣлалось въ наши дни почти истиною".

Оставя область договоровъ чисто политическихъ,

занимавшихся почти исключительно войною, возстановленіемъ мира и, въ видѣ исключенія, торговлей, международное право вступило на путь международной администраціи, при чемъ оно регулировало опредѣленными нормами, согласно своимъ требованіямъ, различныя функціи совмѣстной жизни народовъ.

Международная администрація! Если бы кто-нибудь употребилъ это слово въ прошломъ вѣкѣ, едва ли онъ былъ бы понятъ. Теперь же, хотя терминологія эта всѣми и не принята, мы видимъ извѣстныхъ юристовъ, напримѣръ, проф. Мартенса, посвящающихъ международному управленію болѣе трети своего изслѣдованія всей области международнаго права.

Развитіе права въ этомъ отношеніи выразилось въ особенно замѣчательной формѣ: договоры о всемірныхъ уніяхъ—нѣмцы дали имъ выразительное названіе всемірныхъ договоровъ (Weltverträge)—международные акты, характерные для нашего времени, въ которыхъ такъ ясно выражается сознаніе народами своей солидарности, взаимной потребности работать сообща, или, по крайней мѣрѣ, согласно надъ предметами общаго интереса.

Извѣстно, что на этомъ пути государства пришли къ установленію постоянныхъ органовъ администраціи, заботящихся объ ихъ общихъ интересахъ. Постоянный третейскій судъ, охраняющій общія потребности справедливости, представляется намъ, съ этой точки зрѣнія, слѣдствіемъ преобразованія международнаго права и, въ особенности, громаднаго увеличенія числа международныхъ несогласій“ *).

---

*) На съѣздѣ въ Кембриджѣ (1895) комиссія Института международнаго права, изучавшая вопросы, поднятые пересмотромъ Бернской конвенціи, создавшей *Международную унію для охраны литературныхъ и художественныхъ произведеній*, пришла къ заключенію о необходимости международнаго суда, который рѣшалъ бы, при извѣстныхъ условіяхъ, затрудненія по толкованію конвенціи. „Участіе большого числа государствъ въ уніи,—говорятъ авторы предложенія,—не требуетъ ли въ цѣляхъ ея правильнаго

Международная администрація, международная юрисдикція, обѣ согласованныя въ своемъ устройствѣ съ независимостью государствъ, таковы учрежденія, соотвѣтствующія современнымъ условіямъ существованія народовъ и тѣмъ успѣхамъ, которые они осуществили въ жизни и въ правѣ.

2. Но учрежденіе третейскаго суда не представляется намъ исключительно слѣдствіемъ общихъ измѣненій международнаго порядка: съ болѣе спеціальной точки зрѣнія, оно представляется намъ, какъ естественный выводъ изъ факта внесенія во многіе трактаты „статьи о компромиссѣ“, какъ результатъ все возрастающаго увеличенія числа случаевъ примѣненія третейскаго разбирательства. Пока обращеніе къ третейскому суду имѣло характеръ единичный—„счастливой случайности“, не предвидѣнной заранѣе въ договорахъ, не примѣняемой къ цѣлымъ категоріямъ споровъ, до тѣхъ поръ необходимость нѣкоторой устойчивости въ организаціи относящейся сюда юрисдикціи не могла чувствоваться. Въ настоящее время этотъ порядокъ измѣнился. Ежегодно случаи примѣненія третейскаго суда становятся болѣе и болѣе многочисленны, а статьи о компромиссахъ встрѣчаются все чаще. Вслѣдствіе измѣненія всѣхъ отношеній не исключительно случайная, но болѣе прочная организація третейскаго производства будетъ лишь отвѣчать потребностямъ жизни.

Если, въ сущности, вникнуть въ смыслъ статей о компромиссѣ, то нельзя не замѣтить, что онѣ уже въ самѣхъ себѣ заключаютъ предположеніе о наличной организаціи третейскаго суда. Такимъ образомъ, весь вопросъ заключается въ томъ, необходимо ли заранѣе и разъ навсегда организовать этотъ судъ и дать, слѣдовательно, статьямъ о компромиссѣ ихъ правильное, есте-

---

функціонированія существованія опредѣленной юрисдикціи? Не заключаетъ ли она въ себѣ средствъ для организаціи этой юрисдикцій со всѣми желаемыми гарантіями?“

ственное развитіе, или же обращаться къ суду, организованному лишь для каждаго даннаго случая, безконечно увеличивая черезъ это возможность уклоненій отъ него и придавая указаннымъ статьямъ чисто случайный характеръ.

3. Другой сильный аргументъ въ пользу организаціи международнаго третейскаго суда даетъ намъ бѣглый обзоръ недостатковъ въ дѣлѣ созыва третейскихъ судей, въ той формѣ, какъ онъ практикуется въ настоящее время, и неудобствъ, вытекающихъ изъ созыва третейскаго суда лишь для каждаго даннаго дѣла. Лавеле въ своемъ интересномъ трудѣ „О современныхъ причинахъ войны въ Европѣ и о третейскомъ судѣ“ справедливо замѣчаетъ, что въ настоящее время государствамъ стоитъ много времени и труда, чтобы придти къ передачѣ своихъ споровъ третейскому суду. И это совершенно вѣрно: условія, среди которыхъ они дѣйствуютъ, таковы, что необходимо „рѣдкое стеченіе обстоятельствъ“, чтобы состоялся спеціальный третейскій судъ. Дѣйствительно, надо согласиться не только относительно компетенціи, которую можно предоставить третейскому судьѣ, но и по поводу довольно многочисленныхъ вопросовъ судопроизводства, а также и объ организаціи этого случайнаго суда.

Все это приходится устанавливать въ такое время, когда обстоятельства могутъ особенно затруднить соглашеніе сторонъ. Кромѣ этихъ затруднительныхъ обстоятельствъ, весьма серьезныя препятствія вызываетъ самое указаніе третейскаго судьи или судей. Прежде всего возникаетъ вопросъ о томъ, избирать ли одного или нѣсколькихъ третейскихъ судей. Въ дѣлахъ большой важности избраніе единаго судьи представляетъ исключительныя затрудненія, такъ какъ его приговоръ, по современной практикѣ, не можетъ быть обжалованъ. Когда рѣшаются, по взаимному соглашенію, обратиться къ единому судьѣ, обыкновенно къ главѣ государства, то требованія приличія, если только споръ значителенъ, не допускаютъ предложе-

нія въ судьи завѣдомаго союзника или предполагаемаго противника одной изъ заинтересованныхъ сторонъ. Во избѣжаніе затрудненій этого рода, обыкновенно, принято обращаться къ суду нейтральнаго государства, но узы гарантіи, существующія между большею частію нейтральныхъ и другихъ государствъ, дѣлаютъ часто затруднительнымъ и маложелательнымъ принятіе функцій третейскаго судьи единымъ лицомъ.

Не меньшія затрудненія являются и при обращеніи вмѣсто одного судьи къ коллегіи. Конечно, возможно образовать третейскую комиссію, составленную изъ членовъ, назначенныхъ поровну каждою стороною (какъ въ простыхъ смѣшанныхъ комиссіяхъ) и общаго судьи, выбраннаго сообща. Но затрудненіе въ этомъ случаѣ лишь отдаляется. Вся тяжесть рѣшенія должна, почти неизбѣжнымъ образомъ, лежать на общемъ посредникѣ, который засѣдаетъ, скорѣе, какъ бы между противниками, чѣмъ между сотрудниками, а потому и выборъ этого лица не облегчается означенной процедурой. Если не состоится по этому поводу соглашенія, то остается альтернатива – поручить избраніе общаго посредника третьему лицу или, когда самый компромиссъ, за невозможностью организовать третейскій судъ, не считается уничтоженнымъ, положиться, договорившись объ условіяхъ, на жребій.

Статья 2 § 2 проекта регламента, принятаго Институтомъ международнаго права, постановляетъ, что „компромиссъ должно признать уничтоженнымъ, если два третейскихъ судьи, назначенныхъ сторонами, не могутъ придти къ соглашенію относительно выбора общаго посредника, если одна изъ сторонъ отказывается отъ содѣйствія, которое она, на основаніи компромисса, должна оказать составленію третейскаго суда, или если лицо, обозначенное въ соглашеніи, откажется участвовать въ выборѣ“.

Проектъ конвенціи, предложенной швейцарскимъ правительствомъ Соединеннымъ Штатамъ, содержитъ въ себѣ слѣдующее постановленіе: „Если оба третей-

скіе судьи, назначенные сторонами, не могутъ согласиться въ выборѣ, общій посредникъ назначается нейтральнымъ государствомъ, которое будетъ указано обоими третейскими судьями или, въ случаѣ ихъ несогласія, жребіемъ". Здѣсь, такимъ образомъ, рѣшаетъ окончательно судьба, выступая, какъ deus ex machina.

Но каково же положеніе дѣла въ томъ случаѣ, когда государства, вмѣсто обращенія къ третейской комиссіи, гдѣ раздѣленіе голосовъ восполняется голосомъ общаго посредника, устанавливаютъ прямо и во всѣхъ частяхъ настоящій международный судъ, составленный изъ довольно большого числа лицъ, назначеніе которыхъ совершается при еще болѣе затруднительныхъ условіяхъ? *) Судъ, образуемый такимъ образомъ, если бы не его временный характеръ, подходитъ довольно близко къ организаціи, рекомендуемой конференціей, но ея образованіе весьма затруднительно и часто тянется цѣлые годы.

Во многихъ случаяхъ, въ особенности значительной важности, однако, весьма выгодно имѣть возможность прибѣгнуть сразу къ суду, доступному во всякое время, прибѣгнуть къ нему еще въ то время, когда на споръ можно смотрѣть спокойно и пока народныя страсти и дипломатическія интриги не обострили его черезъ мѣру. „Не надо терять изъ виду, — говоритъ справедливо Гольдшмидтъ, — что важные споры между государствами рѣдко получаютъ сразу всю свою силу, что, по большей части, возникающіе споры сначала не имѣютъ большого значенія и становятся

---

*) По Алабамскому дѣлу—пять третейскихъ судей, назначенныхъ президентомъ Соединенныхъ Штатовъ, королевой англійской, королемъ Италіи, президентомъ Швейцаріи и императоромъ Бразиліи. Дѣло о ловлѣ животныхъ въ Беринговомъ морѣ — изъ семи третейскихъ судей двое были назначены Англіей, двое Соединенными Штатами, трое остальныхъ — президентомъ Французской республики, королемъ Италіи и королемъ Швеціи и Норвегіи.

угрожающими, лишь зрѣя и развиваясь постепенно; такимъ образомъ, вполнѣ возможно, что своевременное посредничество или третейское разбирательство помѣшаютъ спорамъ такого рода обостриться". Графъ Камаровскій, во свою очередь, замѣчаетъ, что „споръ, каковъ бы онъ ни былъ, частный или политическій, перенесенный на почву права, уменьшается и теряетъ въ своей силѣ".

Со всѣхъ этихъ точекъ зрѣнія можно задаться вопросомъ, не принесетъ ли международный судъ драгоцѣнныхъ услугъ, умѣряя воинственный пылъ противниковъ, усиливая дѣйствія факторовъ мира, предостерегая государства отъ необдуманныхъ увлеченій и отъ капризовъ общественнаго мнѣнія, дѣлая менѣе острыми и опасными многія изъ этихъ столкновеній.

4. Учрежденіе международнаго суда имѣетъ своимъ результатомъ не только возможность, какъ мы это видѣли, своевременнаго умиротворенія, но оно способно оказать также благотворное вліяніе на развитіе третейской практики вообще и не даетъ, въ то же время, основаній для злоупотребленій третейскимъ судомъ, такъ какъ обращеніе къ послѣднему остается для обѣихъ сторонъ добровольнымъ. Наличность организованнаго и всегда доступнаго суда была бы уже сама по себѣ достаточнымъ побужденіемъ для вступленія на столь справедливый, мудрый и вѣрный путь, такъ какъ въ этомъ случаѣ образовалось бы нѣчто въ родѣ общей тенденціи къ мирному разрѣшенію споровъ и превращеніе третейскаго суда въ обычное учрежденіе для народовъ. Конечно, учрежденіе это не имѣло бы силы уничтожить всѣ явныя или тайныя козни людей, но, по крайней мѣрѣ, доброе желаніе не будетъ заглушено искусственными препятствіями, а небрежность будетъ менѣе простительна, бездѣятельность менѣе извинительна. Споры, поддающіеся, въ дѣйствительности, прекращенію посредствомъ третейскаго суда, были бы, вмѣсто

своего безконечнаго увеличиванія, накопленія, обострeнія, окончательно сглажены и третейскій судъ явился бы въ этомъ отношеніи важнымъ орудіемъ замиренія

Прибавимъ, что постоянный третейскій судъ, оставаясь факультативнымъ, не умаляетъ значенія всѣхъ прежнихъ средствъ примиренія международныхъ несогласій. Установленіе такого суда было бы, повидимому, по своей природѣ, способнымъ оказать иногда хорошее вліяніе на предварительные переговоры между государствами. Они сдѣлались бы въ такомъ случаѣ болѣе объективными, менѣе связанными съ элементами, посторонними для справедливой оцѣнки спора и для доброй воли обѣихъ сторонъ, готовой, подобно тому какъ гласитъ старое римское правило, которое, во всякомъ случаѣ, и донынѣ еще—лучшая основа политики государствъ: honeste vivere, alterum non laedere, suum cuique tribuere,—удержать и отдать то, что должно.

5. Мы не входимъ здѣсь въ разсмотрѣніе спеціальныхъ гарантій, которыя представила бы правильная и постоянная юрисдикція, основанная на традиціяхъ. Члены ея вмѣсто того, чтобы образовать чрезвычайный и случайный судъ, созданный въ моментъ спора и расходящійся послѣ произнесенія приговора, несли бы на себѣ въ каждомъ случаѣ тяжесть отвѣтственности, обнимающей все прошлое и все будущее. Даже и при одинаковыхъ остальныхъ условіяхъ мы имѣемъ здѣсь такія гарантіи, которыя заслуживаютъ, быть можетъ, и большей оцѣнки.

6. Но мы предпочитаемъ, углубляясь въ разсматриваемый вопросъ, отмѣтить важность учрежденія третейскаго суда съ точки зрѣнія укрѣпленія чувства международной справедливости, развитіе котораго становится все болѣе и болѣе необходимымъ, по мѣрѣ того какъ умножаются международныя сношенія и масса народа принимаетъ все большее участіе въ отправленіи государственныхъ дѣлъ. Если государства

знаютъ, что они могутъ обращаться къ суду, хотя еще и не образовавшемуся, но организація котораго уже познана ими,—это, конечно, много. Имѣть же постоянно передъ глазами авторитетныхъ представителей международной юстиціи, доступной всѣмъ,—это уже совсѣмъ иное. Здѣсь мы имѣемъ, какъ бы средство наглядnаго обученія государствъ, смыслъ котораго ясенъ и значеніе велико. Толпа не должна полагаться только на силу. Не слѣдуетъ, чтобы люди думали, что современный международный порядокъ, отчасти неизбѣжно, за исключеніемъ рѣдкихъ моментовъ, когда появляется на землѣ образъ преходящей справедливости, также скоро и исчезающій, преданъ въ жертву анархіи. Важно напоминать наличностью существующихъ учрежденій о томъ, что, если право можетъ быть фактически нарушено, а случается это слишкомъ часто (къ несчастію, благопріятствуя печальному стремленію отрицать самое его существованіе), оно остается все-таки правиломъ международной, какъ и всякой общественной жизни; важно напоминать, что въ сердцахъ цивилизованныхъ народовъ живетъ правосудіе и что нѣкоторое представленіе о правосудіи между народами совмѣстимо съ современнымъ понятіемъ о независимости государствъ.

Въ то время какъ со всѣхъ сторонъ собирается столько горючаго матеріала, угрожающаго намъ самыми опасными переворотами, полезно и своевременно открыто поддержать въ мірѣ органы юридической жизни народовъ. Такое зрѣлище, по природѣ своей, способно внушить всѣмъ болѣе умѣренности и мудрости. И кто не найдетъ здѣсь своей выгоды?

7. Въ какой степени учрежденіе третейскаго суда могло бы способствовать не только общему укрѣпленію чувства права въ мірѣ, но и усовершенствованію положительнаго международнаго права?—это другой пунктъ, который обращаетъ на себя вниманіе всякаго, кто знаетъ, какъ медленны и тяжелы успѣхи въ данномъ направленіи и какъ сильно сказывается не-

обходимость нѣкоторой точности и устойчивости международной юрисдикціи въ нѣкоторыхъ изъ ея областей. Мы имѣемъ здѣсь въ виду не только спеціальный прогрессъ въ области международнаго процесса, являющійся очевиднымъ слѣдствіемъ постояннаго суда, но и прогрессъ болѣе общій, достигаемый международнымъ правомъ въ его цѣломъ объемѣ. Конечно, не слѣдуетъ преувеличивать значенія постояннаго третейскаго суда, какъ это сдѣлали, привѣтствуя въ немъ въ будущемъ либо орудіе рѣшенія вопросовъ всякаго рода — политическихъ и юридическихъ, либо въ конституціонномъ отношеніи что-то въ родѣ оффиціальнаго органа обнародованія международныхъ законовъ и ихъ кодификаціи. Сохраняя за судомъ ему свойственный характеръ и его скромную миссію, можно предвидѣть услуги, которыя учрежденіе постоянной юрисдикціи оказало бы въ области положительно осуществимыхъ успѣховъ международнаго права и въ установленіи объективной системы его нормъ. Быть можетъ, посредствомъ организаціи юрисдикціи, совмѣстимой съ суверенитетомъ государствъ, вокругъ которой, мало-по-малу, и для нѣкоторыхъ дѣлъ развилась бы извѣстная кристаллизація положительнаго международнаго права, было бы легче домогаться этого прогресса, такъ какъ попытки реформы международнаго права, стремящіяся къ его оффиціальной кодификаціи, постоянно встрѣчаютъ противъ себя многочисленныя возраженія. Мы имѣемъ здѣсь путь не идеальный, но путь практическій. Исторія ясно показываетъ намъ, что развитіе права, независимо отъ дѣятельности законодателя, можетъ быть связано съ эволюціей судопроизводства и юридической организаціи *).

---

*) Обращаемъ въ этомъ отношеніи вниманіе читателей на Парижскій третейскій судъ между Англіею и Соединенными Штатами по поводу ихъ спора относительно ловли морскихъ животныхъ въ Беринговомъ морѣ. См. выше стр. 400. *Ред.*

8. Даже и не придавая третейскому суду характеръ источника законодательства, не дѣлая изъ него чего-то въ родѣ центральнаго органа международнаго права, можно предположить, что это установленіе, отвѣчая всецѣло возлагаемымъ на него народами надеждамъ, содѣйствовало бы пополненію нѣкоторыхъ изъ общепризнанныхъ въ настоящее время пробѣловъ. Оно могло бы, напримѣръ, при отсутствіи истинно международной юрисдикціи, явиться послѣднею инстанціею въ дѣлахъ о морскихъ призахъ, оно могло бы парализовать отсутствіе суда въ вопросахъ о столкновеніяхъ въ открытомъ морѣ кораблей, принадлежащихъ различнымъ государствамъ, оно удовлетворило бы потребности рѣшенія коллизій между законами различныхъ государствъ и т. д. Напомнимъ, по этому поводу, что уже двадцать лѣтъ тому назадъ Гольцендорфъ предполагалъ, что возможна попытка учредить постоянные международные суды для извѣстныхъ категорій споровъ. Но во всякомъ случаѣ это лишь пожеланія, возможное осуществленіе которыхъ должно быть предоставлено исключительно предусмотрительности государствъ.

9. Но уже въ настоящее время можно утверждать, что учрежденіе постояннаго суда дастъ простое и легкое средство для разрѣшенія весьма важнаго въ области развитія третейской юрисдикціи вопроса. Вопросъ этотъ весьма щекотливъ, настолько щекотливъ, что Институтъ международнаго права, изучивъ его внимательно, предпочелъ, вырабатывая свой проектъ устава третейскаго суда, оставить его открытымъ. Мы имѣемъ здѣсь въ виду вопросъ о пересмотрѣ въ нѣкоторыхъ случаяхъ приговоровъ третейскихъ судовъ.

И дѣйствительно, Институтъ, постановляя въ 27 статьѣ своего устава, что „рѣшеніе недѣйствительно въ случаѣ недѣйствительности компромисса, или превышенія власти, или доказаннаго подкупа одного изъ третейскихъ судей, или существенной ошибки“, не считалъ возможнымъ рѣшить вопросъ, какъ и передъ

кѣмъ будетъ происходить пересмотръ. Были сдѣланы различныя предложенія:—обратиться къ первоначальнымъ третейскимъ судьямъ, получающимъ въ этомъ случаѣ значеніе судей аппеляціонныхъ, что не всегда легко и возможно;—признать компетенцію верховнаго національнаго суда той территоріи, гдѣ засѣдалъ третейскій судъ, но это также не удовлетворительно; организовать,—по примѣру перваго, новый судъ, что, конечно, лучше всего, но, быть можетъ, связано со многими затрудненіями. Понятны также практическая трудность предусмотрѣть и установить въ компромиссѣ двѣ инстанціи, одна изъ которыхъ являлась бы ревизіонною. Такимъ образомъ, юристы, изучавшіе преимущественно эти трудные вопросы, напримѣръ, Роленъ Жакмэнъ, предвидятъ, что усилія для ихъ разрѣшенія приведутъ государства къ установленію постояннаго международнаго суда.

Въ самомъ дѣлѣ, третейскій судъ легко можетъ быть организованъ такимъ образомъ, чтобы въ составъ его была допущена, если стороны этого пожелаютъ, ревизіонная инстанція. Прибавимъ, что даже въ случаѣ, когда стороны избрали бы третейскихъ судей внѣ состава постояннаго суда, за послѣднимъ было бы полезно признать характеръ апелляціонной инстанціи, чтобы, съ одной стороны, избѣжать практическихъ неудобствъ устройства новаго третейскаго суда, съ другой стороны, избѣжать юридической аномаліи, при которой основанія недѣйствительности приговора опредѣлялись бы въ послѣдней инстанціи самими заинтересованными сторонами.

Итакъ, созданіе постояннаго международнаго суда, котораго правосознаніе цивилизованныхъ народовъ потребуетъ, какъ завершенія учрежденій, имѣющихъ своею задачей охрану права, представляется намъ при окончательномъ выводѣ важнымъ звеномъ съ точки зрѣнія хорошаго дѣйствія всего механизма третейскаго разбирательства.

VII. Препятствія къ учрежденію международнаго третейскаго суда.

Мы не должны скрывать отъ себя, что препятствія къ учрежденію третейскаго суда многочисленны и велики. Но развѣ они неустранимы? Это вопросъ, который мы сейчасъ и разсмотримъ вкратцѣ.

Первое препятствіе — заключается въ предубѣжденіи, связанномъ съ каждымъ нововведеніемъ,—законномъ въ нѣкоторой мѣрѣ. Поэтому важно опредѣлить, до какой степени и въ какомъ смыслѣ мы имѣемъ въ разсматриваемомъ вопросѣ нововведеніе. Учрежденіе, рекомендуемое конференціей, имѣетъ, на нашъ взглядъ, двоякое достоинство: оно удовлетворяетъ новымъ признаннымъ потребностямъ и дѣлаетъ это, вводя какъ можно меньше новаго. Вмѣсто того, чтобы добиваться общей реформы международной организаціи, оно имѣетъ въ виду только одинъ пунктъ, который важно укрѣпить, чтобы дать нѣкоторую устойчивость юридическому порядку въ международной жизни: учрежденіе добровольной, постоянной юрисдикціи. Оставляя неприкосновеннымъ современный двойной механизмъ,—дипломатическій и принудительный,—который въ международномъ общеніи соотвѣтствуетъ тремъ правительственнымъ властямъ государственнаго общенія, оно ограничивается введеніемъ въ него, признавая принципъ факультативности, въ цѣляхъ утвержденія права постояннаго органа.

Спенсеръ говоритъ, что наша современная международная организація приспособлена къ военной дѣятельности. Но, быть можетъ, и не будетъ чрезмѣрнымъ требованіемъ, если этой организаціи придать органъ, приспособленный, въ скромныхъ размѣрахъ и безъ уничтоженія формы, о которой говоритъ Спенсеръ, до извѣстной степени къ дѣятельности юридической?

Впрочемъ, предлагаемое учрежденіе не имѣетъ

вовсе характера нововведенія безъ корней въ существующихъ учрежденіяхъ. Мы считаемъ необходимымъ обратить на это обстоятельство особенное вниманіе, такъ какъ оно въ состояніи разсѣять нѣкоторыя сомнѣнія. Организація постояннаго международнаго суда имѣетъ, напротивъ, явное сродство со многими изъ дѣйствующихъ органовъ современной жизни государствъ.

Милль, въ своемъ капитальномъ трудѣ „о народномъ представительствѣ", констатировавъ, что современнымъ государствамъ прежде всего недостаетъ разумно организованнаго третейскаго суда, обращается затѣмъ къ конституціи Соединенныхъ Штатовъ и привѣтствуетъ въ ихъ верховномъ судѣ „первый важный примѣръ той международной юрисдикціи, въ которой такъ нуждаются современныя цивилизованныя государства". Не безъинтересно, быть можетъ, напомнить о томъ, что учрежденіе это, представляющее въ наши дни столь замѣчательный примѣръ правильной организаціи суда надъ федеративными государствами, развилось первоначально изъ своего рода третейскаго суда, устанавливаемаго спорящими сторонами. Швейцарскій федеральный судъ прошелъ также черезъ фазисы, интересные съ точки зрѣнія третейской юрисдикціи.

Но оставимъ въ сторонѣ федеративныя учрежденія: ихъ область, скорѣе, національная, уменьшаетъ ихъ значеніе для тѣхъ, кто хочетъ изучать реформу международнаго права.

Мы уже отмѣтили выше нѣкоторые изъ видовъ судебной дѣятельности, связанныхъ съ всемірными уніями, какъ, напримѣръ, третейское производство, установленное 57 ст. конвенціи 1890 г. о международныхъ транспортахъ. Въ ней заключается любопытный и важный прецедентъ, которому Германія желала придать въ конвенціи 1878 г. еще большее значеніе. Нѣмецкіе делегаты выражались тогда слѣдующимъ образомъ: „Международный судъ для разрѣшенія несо-

гласій между правленіями желѣзныхъ дорогъ составлялся бы изъ судей, назначенныхъ договаривающимися государствами и представляющихъ по своимъ качествамъ всѣ гарантіи, необходимыя для справедливой и испытанной судебной дѣятельности. Его процедура могла бы быть весьма простою и подобна производству третейскаго суда: его рѣшенія могли бы быть окончательны". Такое учрежденіе представляло бы, намъ кажется, всевозможныя гарантіи быстрой, безпристрастной и однообразной юрисдикціи. Оно содѣйствовало бы самымъ существеннымъ образомъ установленію и поддержанію единства на всемъ пространствѣ территоріи, подчиняющейся нормамъ договорнаго права.

Напомнимъ, что аналогичныя соображенія побудили комиссію Института международнаго права предложить на Кембриджскомъ его съѣздѣ (1895) учрежденіе международнаго суда, вытекающаго изъ факта существованія уніи для охраны литературныхъ и артистическихъ произведеній.

Смѣшанные суды въ Египтѣ—также постоянныя установленія, являющіяся по своей природѣ — судебными, а по формѣ — международными учрежденіями. То же самое можно сказать и относительно нѣкоторыхъ государственныхъ судебныхъ установленій, вѣдающихъ опредѣленную сферу дѣлъ, касающихся судоходства по международнымъ рѣкамъ. Въ различныхъ смѣшанныхъ комиссіяхъ можно усмотрѣть ясно выраженную организацію суда въ спеціально очерченной области.

Что же касается до призовыхъ судовъ, до сихъ поръ національныхъ по своему составу, хотя международныхъ по своей компетенціи, то они представляютъ всѣми признанную анормальность, которая очевидно требуетъ измѣненія въ смыслѣ придачи имъ въ большей степени международнаго характера. Судебная организація, рекомендуемая въ этомъ отношеніи Ин-

ститутомъ международнаго права и разсматриваемая имъ, какъ крайне необходимая, международна *).

Изученіе международныхъ учрежденій, существующихъ нынѣ или стоящихъ на пути къ своему осуществленію, даетъ намъ не мало примѣровъ, подобныхъ предлагаемому нововведенію, даетъ не одинъ камень, годный для возведенія будущаго храма международной справедливости. Въ своемъ основаніи предлагаемое нововведеніе высказываетъ требованіе считаться, хотя и весьма осторожно, съ глубокими измѣненіями, происшедшими въ положительномъ международномъ правѣ и въ международномъ общеніи, а также требуетъ нѣсколько болѣе приспособить юридическое разрѣшеніе несогласій между народами къ этимъ измѣненіямъ. Но въ то же время предлагаемое конференціей учрежденіе не изъ такихъ, которыя могли бы быть отвергнуты апріорно, какъ нововведеніе.

Слѣдуетъ ли далѣе отвергнуть его какъ невозможное?

Мы этого не думаемъ. Конечно, легко рѣшить однимъ рѣзкимъ словомъ изучаемую нами проблему, сказать вмѣстѣ съ нѣкоторыми критиками: „учрежденіе постоянной третейской юрисдикціи было бы, конечно, одной изъ лучшихъ побѣдъ современной эры. Это очень желательная реформа; она даже необходима; но... она невозможна! Безполезно поэтому примѣнять къ ней наши усилія“. Мы не начнемъ съ формулированія столь скораго и легкомысленнаго признанія въ безсиліи и не бросимъ оружія при первомъ же препятствіи. Невозможное, какъ это часто говорятъ, вѣчно побѣждаемо прогрессомъ человѣчества. Большая часть великихъ реформъ, которыми гордится человѣчество, со времени уничтоженія пытки и до уничтоженія продажи невольниковъ, считались прежде невозможными. Представленіе невозможности создается именно по-

*) Работы Института были очень важны по этому вопросу. Заключенія его см. въ превосходномъ его изданіи Tableau général de M. Lehr, p. 193. (Ср. также выше стр. 342 и сл. *Ред.*).

тому, что къ новымъ потребностямъ, вытекающимъ изъ новыхъ отношеній, нельзя тотчасъ же приспособить учрежденія, которыя соотвѣтствовали бы имъ.

Можно ли утверждать, что учрежденіе третейскаго суда способно угрожать до нѣкоторой степени независимости государствъ? Независимость государствъ, не будучи доводима до той крайности, при которой она уже заключаетъ въ себѣ отрицаніе самаго права и всякаго международнаго общества, должна быть охраняема съ большою ревностью, мы это охотно признаемъ; и можно допустить, что тотъ или иной изъ существующихъ проектовъ третейскаго суда трудно согласуется съ этою верховною прерогативою. Но вопросъ сводится къ тому, что можно ли сдѣлать такой же упрекъ проекту конференціи. Проектъ этотъ не угрожаетъ независимости государствъ; онъ не вноситъ никакихъ измѣненій ихъ самоопредѣленію какъ во внутреннихъ, такъ и во внѣшнихъ отношеніяхъ. Дѣло вовсе не въ томъ, чтобы устроить организацію международнаго общества по образцу организаціи внутренно государственной и чтобы лишь воспроизвести въ большихъ размѣрахъ въ первой то, что существуетъ во второй: рѣчь идетъ не о созданіи надъ государствами новаго правительства, которое въ числѣ другихъ суверенныхъ функцій обладало бы и судебною властью. Надлежитъ просто предоставить въ распоряженіе государствъ, въ формѣ факультативной и доступной для нихъ всѣхъ юрисдикціи, добавочное судебное производство, соотвѣтствующее требованіямъ современной международной жизни. Итакъ, намъ кажется, что, только благодаря смѣшенію проекта конференціи съ другими проектами, чуждыми его идеямъ, можно придти къ возбужденію вопроса о національной независимости.

Но вотъ другое возраженіе. Новое учрежденіе, говорятъ намъ, безполезно. Международный третейскій судъ есть и будетъ всегда только средствомъ, подходящимъ для нѣкоторыхъ отдѣльныхъ случаевъ, когда обѣ

стороны, въ сущности, желаютъ избѣжать войны; онъ не является обыкновеннымъ и правильнымъ способомъ рѣшенія международныхъ споровъ. Нѣтъ надобности въ учрежденіи постоянной юрисдикціи для тѣхъ рѣдкихъ случаевъ, когда можетъ дѣйствовать третейскій судъ. Въ этомъ взглядѣ мною преувеличено. Третейскій судъ примирилъ многіе споры, которые безъ его вмѣшательства затянулись бы и обострились и которые получили бы, затѣмъ, окончательное разрѣшеніе только оружіемъ. Съ другой стороны, это возраженіе не достаточно принимаетъ въ разсчетъ факты, засвидѣтельствованные статистикой третейскихъ рѣшеній. Можно, въ самомъ дѣлѣ, утверждать что третейское производство не одинаково приложимо ко всѣмъ спорамъ, но невозможно отрицать значительное и постоянное увеличеніе случаевъ третейскаго разбирательства и не признавать практическихъ требованій, которыя влечетъ за собою это новое положеніе. Достаточно указать на вопросы, переданные въ настоящее время третейскимъ судьямъ или на тѣ изъ нихъ, которые, вѣроятно, будутъ имъ предоставлены, чтобы убѣдиться, что постоянный третейскій судъ, организованный государствами не подвергся бы опасности оставаться долго безъ дѣла.

Но было не только выражено сомнѣніе относительно пользы вообще, вытекающей изъ учрежденія международнаго третейскаго суда, а оспаривались также и выгоды, которыя могли вытекать изъ его дѣятельности, и говорили, что такой судъ не всегда можетъ имѣть подходящую способность, необходимую для рѣшенія разнообразныхъ споровъ. Надо встать на практическую почву, чтобы сдѣлать оцѣнку этого возраженія. Въ этомъ отношеніи важно привести къ возможно точному итогу выгоды и неудобства, присущія учрежденію постоянной третейской юрисдикціи. Обратимся къ фактамъ и дадимъ себѣ трудъ разсмотрѣть длинную серію третейскихъ рѣшеній въ продолженіе этого столѣтія: мы убѣдимся, что не было такихъ, по которымъ судъ, состоящій изъ лицъ свѣдущихъ въ

международной теоріи и практикѣ, не могъ бы постановить рѣшенія съ полнымъ знаніемъ дѣла, тогда какъ, напротивъ, во многихъ случаяхъ, спеціалисты, техники, мало знакомые съ международною теоріею и практикою, подвергались бы опасности запутаться въ своихъ сужденіяхъ. Изъ того что судьи могутъ нуждаться для выясненія дѣлъ въ техникахъ, надо остерегаться заключать, будто техники всегда лучшіе судьи.

Наконецъ, не надо забывать, что здѣсь, какъ во всякомъ судебномъ разбирательствѣ, спеціальныя знанія, необходимыя для рѣшенія споровъ, могутъ быть пріобрѣтены обыкновенными путями добыванія доказательствъ—слѣдствіемъ, экспертизою, показаніями, докладами и т. д.; что стороны сохраняютъ право назначать при судѣ одного или нѣсколькихъ представителей или делегатовъ техниковъ, что, во всякомъ случаѣ, неудобство, могущее возникнуть въ началѣ въ какой-либо мѣрѣ отъ недостатка техническихъ знаній, будетъ широко возмѣщено опытностью людей, привыкшихъ къ разбирательству международныхъ споровъ и обладающихъ нужными традиціями для хорошаго рѣшенія этихъ затрудненій. Нѣтъ, впрочемъ, никакого сомнѣнія, что, благодаря соревнованію, государства назначатъ членами суда людей наиболѣе способныхъ и лучшихъ. Отводъ на основаніи некомпетентности поэтому кажется недопустимъ и если даже какое-либо затрудненіе могло бы возникнуть съ этой точки зрѣнія относительно учрежденія постояннаго суда, выгоды, соединенныя съ послѣднимъ, съ другихъ точекъ зрѣнія, не идутъ въ уровень съ этимъ предполагаемымъ несовершенствомъ.

Дѣлаютъ еще другое возраженіе, болѣе спеціальное. Международное право, говорятъ, еще слишкомъ неопредѣлено и недостаточно установилось для того, чтобы допустить учрежденіе постояннаго суда, призваннаго его примѣнять. Учреждать судъ ранѣе созданія закона нелогично. Создать судъ безъ закона было бы опасно. Это возраженіе имѣетъ двойной

недостатокъ: оно преувеличиваетъ неопредѣленность международныхъ нормъ во многихъ областяхъ и забываетъ реальныя условія, при которыхъ дѣйствуютъ третейскіе суды.

Международное право, не будучи кодифицировано, имѣетъ, однако, признанные источники, изъ которыхъ два главныхъ, обычаи и договоры, во многихъ случаяхъ надежные руководители *). Можно еще прибавить, что это право стремится съ каждымъ днемъ къ большей точности своихъ нормъ и къ расширенію сферы своего примѣненія. Конечно, мы вообще не имѣемъ передъ собою писанныхъ законовъ, которые въ большей части странъ служатъ руководствомъ для національныхъ судей. Но отъ сторонъ зависитъ помочь въ широкой степени этому неудобству. Онѣ могутъ въ компромиссѣ выразить судьямъ принципы, которые тѣ должны будутъ прилагать къ данному вопросу, и исторія третейскихъ рѣшеній показываетъ намъ, что такой пріемъ прилагался.

Итакъ. разсмотрѣнное возраженіе болѣе кажущееся, чѣмъ дѣйствительно и, во всякомъ случаѣ, оно слишкомъ радикально. Въ прекрасномъ и основательномъ трудѣ, о которомъ мы уже упоминали, Мериньякъ говоритъ подробно о принципахъ, которыми должны руководиться третейскіе судьи при рѣшеніи спорныхъ вопросовъ и ясно показываетъ, разбирая различные случаи, которые могутъ представиться, что третейская юрисдикція не лишена элементовъ права, нужныхъ для хорошаго исполненія ея миссіи. Прибавимъ, что въ постоянномъ судѣ пріобрѣтенная опытность и традиціи естественно много облегчаютъ эту задачу.

Въ сущности, возраженіе, которое мы разсмотрѣли, представляется намъ не свободнымъ отъ софизма. Говорить, что судъ недопустимъ, потому что нѣтъ закона, чтобы прибавить, конечно, потомъ, что законъ

*) Подъ источниками права слѣдуетъ разумѣть тѣ внѣшнія формы, въ которыхъ это право выражается. *Ред.*

излишенъ, такъ какъ нѣтъ суда для его приложенія, не есть ли это выставленіе противорѣчивыхъ аргументовъ болѣе остроумныхъ, нежели удовлетворительныхъ?

Но вотъ важное возраженіе, вытекающее изъ недостатка санкціи третейскаго рѣшенія. Воображать, говорятъ намъ, что право, предоставленное своимъ собственнымъ силамъ, одержитъ всегда верхъ, это значитъ быть мало знакомымъ съ человѣческой природой. Рядомъ съ третейскимъ рѣшеніемъ надо было бы предполагать существованіе организованной принудительной власти, которою располагалъ бы судъ. И здѣсь является затруднительная дилемма. Или оставить третейское рѣшеніе безъ дѣйствительной санкціи,—и тогда, каковъ будетъ его авторитетъ и какъ сохранится престижъ международнаго суда? Или стараться подкрѣпить рѣшеніе третейскихъ судей дѣйствительной силой и тогда средство это не опаснѣе ли самого зла? Разсмотримъ ближе это новое возраженіе.

Начнемъ съ утвержденія, что дѣлая третейскому рѣшенію упрекъ въ недостаткѣ организованной принудительной санкціи, придираются скорѣе къ международнымъ отношеніямъ вообще, нежели къ рѣшенію третейскихъ судей.

Что говорится здѣсь о третейскомъ судѣ, можно отнести и ко всѣмъ международнымъ трактатамъ и обязательствамъ. Эти обязательства, тѣмъ не менѣе, постоянно уважаемы и соблюдаемы. Почему народы приняли бы другое положеніе относительно третейскихъ рѣшеній? Не надо забывать, что третейскій судъ, какъ мы его понимаемъ, добровольенъ; стороны были свободны обратиться къ нему, или иначе разрѣшить свой споръ: можно ли допустить, чтобы государства самовольно отвергнули рѣшеніе суда, къ которому они обратились по своей доброй волѣ?

Въ дѣйствительности исторія третейскихъ рѣшеній доказываетъ, что государства не уклоняются отъ нихъ. И Кальво поэтому могъ сказать, что нѣтъ случаевъ,

въ которыхъ государства, передавъ свой споръ рѣшенію третейскихъ судей, пытались бы избѣжать дѣйствія произнесеннаго противъ нихъ приговора.

Такимъ образомъ, возраженіе имѣетъ на практикѣ меньше силы, чѣмъ это можно было бы предположить на первый взглядъ. Въ дѣйствительности, оно покоится на смѣшеніи понятія санкціи совершенной и санкціи достаточной въ опредѣленныхъ обстоятельствахъ. Изъ того что не существуетъ способа для санкціи крайней и высшей, нельзя заключать, что нѣтъ на лицо никакой достаточной санкціи. Если предположить, что государства для исполненія третейскаго рѣшенія связаны только нравственнымъ долгомъ и узами чести, то и тогда не слѣдовало бы не признавать силы такой санкціи у цивилизованныхъ народовъ. Справедливо замѣчено, что честь, которая есть форма патріотизма, властно повелѣваетъ государствамъ подчиняться рѣшенію. Чувство чести, которое не всегда побудило бы истца въ гражданскихъ отношеніяхъ подчиниться осужденію, направленному противъ него, получаетъ, напротивъ, спасительную силу въ международныхъ сношеніяхъ.

Не случалось ли, что государства покорялись рѣшенію, постановленному третейскими судьями въ дѣлахъ, въ которыхъ они были глубоко оскорблены въ виду приговоровъ, въ справедливости которыхъ они сомнѣвались? Всѣмъ памятно окончательное заявленіе сера Кокберна во время рѣшенія Женевскимъ судомъ Алабамскаго дѣла, говорившаго о необходимости „повиненія и уваженія къ рѣшенію суда, постановленію котораго государство добровольно согласилось подчиниться“.

Прибавимъ, что общественное мнѣніе, которое въ этомъ вопросѣ есть голосъ совѣсти цивилизованныхъ народовъ, можетъ въ такихъ обстоятельствахъ только притти на помощь чувству національной чести. Вѣрно, что государство, которое не послушалось бы въ этомъ голоса долга и чести, навлекло бы на себя всеобщее неодобреніе и причинило бы само себѣ нравственный

ущербъ, въ нѣкоторомъ родѣ непоправимый. Есть требованія общественной совѣсти, уважать которыя всѣ государства заинтересованы.

Но важно замѣтить, что народы связаны съ исполненіемъ третейскаго рѣшенія болѣе тѣсными узами, чѣмъ простымъ нравственнымъ долгомъ. Здѣсь, правда, дѣло идетъ не только о естественномъ обязательствѣ, основанномъ на добросовѣстности: дѣло идетъ о положительномъ юридическомъ обязательствѣ, основанномъ на договорѣ. Неисполненіе третейскаго рѣшенія, заранѣе принятаго по договору, также не допустимо, какъ и грубое нарушеніе трактата, и это по той причинѣ, что такое исполненіе есть именно нарушеніе трактата. А „это существенный принципъ международнаго права", снова подтвержденный 13 марта 1871 г. на Лондонской конференціи, „что никакая держава не можетъ себя освободить отъ обязательствъ трактата, ни измѣнить его условій, иначе какъ съ согласія договаривающихся сторонъ посредствомъ дружественнаго соглашенія".

„Право выбирать третейскихъ судей, говоритъ Буатаръ, вытекаетъ изъ права принимать на себя обязательства и изъ права отчуждать... Компромиссъ, въ сущности, только обязательство, отчужденіе, условное исполненіе. Каждая сторона заранѣе обязуется признать справедливымъ рѣшеніе, постановленное избранными третейскими судьями, если она не имѣетъ права ихъ обжаловать". Эти замѣчанія также справедливы для компромисса въ международномъ правѣ, какъ и въ частномъ. Иногда старались ослабить ихъ значеніе. Такимъ образомъ, одна изъ знаменитостей бельгійскаго парламента, мой уважаемый коллега и старый наставникъ, Thonissen, считалъ возможнымъ увѣрять, что условіе о компромиссѣ оставляетъ за народами право принять или отвергнуть третейское рѣшеніе, такъ какъ международное право не считаетъ это рѣшеніе обязательнымъ по праву.

Конечно, государства могутъ дѣлать въ компромиссѣ

такія оговорки, въ силу которыхъ они получаютъ большую или меньшую свободу усмотрѣнія относительно принятія рѣшенія. Но внѣ этихъ исключительныхъ и точно выраженныхъ случаевъ мнѣ не кажется возможнымъ присоединиться къ мнѣнію моего знаменитаго наставника. Третейскій судъ не есть попытка къ примиренію. Третейскій судья есть судья и поставляетъ рѣшенія, какъ таковой.

Въ отношеніи приговора третейскаго суда можетъ представиться много вопросовъ, которые не слѣдуетъ смѣшивать.

Во-первыхъ: что будетъ правомъ спорящихъ сторонъ? Этотъ пунктъ рѣшается авторитетно и окончательно приговоромъ. Третейское рѣшеніе составляетъ для сторонъ законъ, заранѣе ими принятый. Характеристическая черта третейскаго суда есть именно общее подчиненіе сторонъ судьѣ, свободно ими избранному, съ формальнымъ *обязательствомъ* честно выполнить его рѣшеніе.

Второй вопросъ: какимъ образомъ будетъ приведено въ исполненіе рѣшеніе? Съ этой точки зрѣнія необходимо, какъ замѣчаетъ Мериньякъ, чтобы вступила въ дѣйствіе надлежащая власть осужденнаго народа, не для утвержденія приговора, который обязателенъ самъ по себѣ, но для постановки рѣшенія о вопросѣ относительно путей и средствъ для предоставленія, напримѣръ, въ распоряженіе правительствъ денежныхъ суммъ, нужныхъ для уплаты вознагражденія за убытки по опредѣленію третейскаго суда. Но, надо замѣтить, потерявшая сторона не призвана ратификовать приговоръ объ ея осужденіи, потому что она его приняла безповоротно уже въ день подписанія ею компромисса; ей остается только дать общественнымъ властямъ полномочія къ его исполненію. Таковымъ намъ представляется единственно возможный юридическій принципъ.

Представляется еще третій вопросъ: не слѣдовало ли бы организовать средства принужденія по отношенію

къ сторонѣ, проигравшей дѣло, въ виду возможности отказа съ ея стороны въ исполненіи? Мы этого не думаемъ, потому что это было бы мало исполнимо и опасно, такъ какъ существуютъ общія средства санкціи, испытанныя до сихъ поръ и признанныя достаточными, и такъ какъ касательно спеціальной санкціи народы могутъ прибѣгать, въ случаѣ нужды, къ второстепеннымъ средствамъ, которыми они обезпечиваютъ исполненіе трактатовъ, напримѣръ, къ реторсіи.

Сверхъ того, ничто не мѣшаетъ сторонамъ, въ той мѣрѣ, въ какой онѣ найдутъ это удобнымъ, дать третейскимъ судьямъ въ компромиссѣ средства подкрѣпить особеннымъ способомъ свои рѣшенія. Въ результатѣ неправильно утверждать, что, вслѣдствіе отсутствія особой принудительной власти для третейскихъ рѣшеній, исполненіе ихъ предоставляется исключительно доброй волѣ государствъ. Право далеко не лишено всякой санкціи. Существующіе элементы санкціи были до сихъ поръ всегда достаточными и даже съ каждымъ днемъ они укрѣпляются; поэтому надо для избранія другихъ, новыхъ, дождаться необходимости, которая оправдала бы ихъ принятіе. Во всякомъ случаѣ государства могутъ, если они считаютъ это для себя полезнымъ, юридически уничтожить въ компромиссѣ то, что напрасно называютъ вынужденнымъ пробѣломъ.

Люди испытанной преданности вопросу третейскаго суда думали, что сторонники постояннаго суда ошибались, настаивая на его организаціи. Они полагаютъ, что всего важнѣе настаивать на заключеніи общихъ трактатовъ о третейскомъ судѣ; разъ они заключены, всегда сумѣютъ выйти изъ затрудненій процессуальныхъ. Этотъ пріемъ не только нельзя считать лучшимъ, но трудно признать за нимъ приписываемыя ему практическія достоинства. Не слѣдуетъ, въ самомъ дѣлѣ, скрывать отъ себя, что заключеніе общихъ трактатовъ будетъ, по всѣмъ признакамъ, еще долго встрѣчать серьезныя препятствія и что неблагоразум-

но все подчинять достиженію этого результата; что почти всегда будутъ ограничительныя статьи, которыя доставятъ сторонамъ одинъ изъ способовъ избѣгнуть третейскаго суда; что необходимость сговориться о довольно трудномъ учрежденіи случайнаго суда представитъ имъ лишній способъ избѣжать послѣдствій компромисса. Поэтому мы полагаемъ, что домогаться исключительно расширенія круга компетенціи третейскаго суда ошибочно: существенно важно, чтобы третейскій судъ создавался на основаніяхъ менѣе случайныхъ, которыя дѣлали бы его болѣе скоро и непосредственно доступнымъ. Учрежденіе суда, который, не нарушая независимости государствъ, не подвергая ихъ неизвѣстнымъ опасностямъ, былъ бы всегда открытъ для рѣшенія ихъ споровъ, способно оказать значительное вліяніе на развитіе третейской практики. Такимъ факторомъ никакъ нельзя пренебрегать.

Боязнь, чтобы подобное учрежденіе не получило со временемъ слишкомъ большое значеніе или не сдѣлалось бы орудіемъ въ служеніи искусному честолюбію, боязнь эта, кажется, не покоится на серьезномъ основаніи. Если бы произошли злоупотребленія, то судъ, обладая только производной компетенціей, былъ бы скоро оставленъ и обратился бы въ ничто. Онъ можетъ существовать только при условіи постоянной вѣрности своему призванію—служить справедливости и безпристрастію.

Замѣтимъ еще, что, благодаря добровольному характеру обращенія къ третейскому суду, значеніе остальныхъ способовъ примиренія, которыми располагаютъ стороны, не ослаблено и нечего страшиться преувеличеннаго умноженія третейскихъ рѣшеній.

Нельзя также опасаться, что къ суду обратятся когданибудь съ просьбою принять на себя посредничество въ вопросахъ, которые глубоко раздѣляютъ нѣкоторыя государства и которые не имѣютъ исключительнаго отношенія къ юридическому порядку. Такіе вопросы стоятъ внѣ сферы компетенціи и дѣйствія

суда и чисто добровольный характеръ обращеній къ нему, не позволяютъ предполагать, чтобы онъ могъ выйти изъ сферы своей спеціальной дѣятельности. Если разрѣшеніе обостренныхъ вопросовъ войны, и должно произойти дружелюбно, то это будетъ дѣломъ международной конференціи или соглашеній между непосредственно заинтересованными сторонами. Они не зависятъ отъ третейскаго суда. Здѣсь скрытыя причины недовѣрія кажутся намъ еще менѣе оправдываемы, такъ какъ государствамъ предоставляется свобода рѣшать, по своему собственному желанію, вопросы о недопущеніи обратнаго дѣйствія существующихъ договоровъ.

Остаются возраженія, касающіяся подробностей организаціи суда. Спеціальныхъ вопросовъ, которые надо разсмотрѣть, много и они важны, но они могутъ быть рѣшены безъ сильныхъ препятствій, если предположить твердую волю придти къ цѣли. Принципъ равенства государствъ, такъ часто прилагаемый въ ихъ современныхъ соглашеніяхъ, кажется, сразу пресѣкаетъ наиболѣе важныя затрудненія. Какъ это замѣчено въ докладѣ конференціи, это правило не представляетъ здѣсь никакихъ неудобствъ.

Конечно, никто не утверждаетъ, что судебная организація, которую хотятъ установить, учрежденіе вполнѣ совершенное, и не вызываетъ противъ себя никакой критики. Намъ неизвѣстно никакого человѣческаго творенія, одареннаго такимъ безусловнымъ совершенствомъ. Но возможно утверждать, что даже со своими недостатками она явилась бы большимъ и законнымъ успѣхомъ, сравнительно съ настоящимъ положеніемъ вещей. И можно думать, что если бы собраніе дипломатовъ занялось ею, съ истинно серьезною и практическою мыслью, оно безъ особаго труда могло бы извлечь изъ проекта конференціи что-либо хорошее и прочное. Этотъ проектъ имѣетъ, впрочемъ, лишь притязаніе, явиться точкой отправленія для будущихъ переговоровъ между государствами.

Это канва, которая можетъ быть — мы это признаемъ — значительно улучшена. Можно бы, напримѣръ, предпочесть пересмотръ—аппеляціи, различныя группировки государствъ—открытой конвенціи. Можно предусмотрѣть указаніе сторонами сообща ограниченной коллегіи третейскихъ судей въ средѣ суда. Эти улучшенія, равно какъ другія, которыя могли бы быть внушены болѣе продолжительнымъ, нежели на конференціи, обсужденіемъ, могутъ быть легко внесены въ окончательный проектъ. Дипломаты не имѣютъ недостатка въ мудрости и опытности, чтобы это сдѣлать, оставаясь на почвѣ, которую, можно ручаться, они не покинутъ: —уваженія къ суверенитету государствъ. Прибавимъ, что, исполняя эту работу, дипломатія только закончитъ дѣло, которое, по большей части, ея же собственное. Не она ли, приводя въ движеніе различные способы умиротворенія, которыми она обладаетъ, заставляя проникать въ сознаніе цивилизованныхъ народовъ мысль о томъ, что обращеніе къ насилію допустимо лишь послѣ использованія всѣхъ мирныхъ средствъ, приготовляя тысячами способовъ почву къ сближенію народовъ въ международномъ общеніи, открыла тотъ поистинѣ „царскій путь“, который ведетъ къ учрежденію постояннаго третейскаго суда?

VIII. Третейскій судъ и небольшія государства.

Если второстепенныя государства, какъ мы увидимъ это скоро, не одни заинтересованы въ созданіи третейскаго суда, нельзя не признать, что его учрежденіе имѣетъ для нихъ большое значеніе. Именно потому, что они малы и слабы въ международномъ обществѣ, всякое учрежденіе, предназначенное къ бо́льшему укрѣпленію справедливости въ этомъ обществѣ, становится для нихъ драгоцѣннымъ элементомъ безопасности.

Небольшія государства не любятъ войны: они многое теряютъ отъ нея, а выгодъ она имъ не приноситъ. Ихъ интересы, равно же какъ и чувство человѣко-

любія, отвращаютъ ихъ отъ воинственныхъ предпріятій и привязываютъ къ учрежденіямъ, охраняющимъ право и миръ. Если имъ случается иногда выказывать крайнее усердіе для защиты этихъ учрежденій, это потому, что необходимость, эта суровая, но могучая мать столькихъ успѣховъ, несомнѣнно выработала въ нихъ съ теченіемъ времени особыя способности, сообразно съ извѣстнымъ біологическимъ закономъ. Какъ можно упрекать ихъ за это? Странное и ненормальное международное положеніе, въ которомъ мы живемъ, зависитъ отъ причинъ имъ чуждыхъ. Они все-таки страдаютъ отъ него, потому что оно возлагаетъ на нихъ большія тягости, которыя они переносятъ по національному долгу и ради лучшаго исполненія своихъ международныхъ обязательствъ. Можетъ быть, съ этой точки зрѣнія, слѣдовало бы разсматривать болѣе устойчивое установленіе справедливости между народами въ предѣлахъ, совмѣстимыхъ съ независимостью ихъ всѣхъ, какъ законное вознагражденіе и наименьшее возмѣщеніе жертвъ, вытекающихъ по несчастью съ роковою силою для небольшихъ государствъ изъ соперничества большихъ.

Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ (1895 г.), въ то время какъ оканчивалась конференція въ Брюсселѣ, графъ Аппоньи въ рѣчи, которая осталась въ памяти у всѣхъ, кто ея слышалъ, говоря о маленькихъ государствахъ Европы, назвалъ ихъ „великими душами народовъ, заключенными въ малыя тѣла“, и „вотъ,— прибавилъ онъ,— явленіе, которое происходитъ: эти тѣла, слишкомъ малыя для этихъ душъ, не могутъ поглотить въ себѣ всѣ ихъ способности, всѣ силы, всѣ привычки; и здѣсь остается избытокъ силъ, который великодушно отдается служенію всѣмъ великимъ интересамъ и лучшимъ стремленіямъ человѣчества“. Да, малыя государства счастливы, всякій разъ какъ имъ представляется случай быть полезными великой семьѣ народовъ въ дѣлахъ цивилизаціи и общаго прогресса. Они любятъ считать своимъ естественнымъ призваніемъ и

своею историческою задачею содѣйствіе такимъ дѣламъ согласія, которыя способны установить благодѣтельныя узы между государствами. Ихъ имена почетно связаны съ движеніемъ этихъ дѣлъ и ихъ территорія съ давнихъ поръ, съ общаго согласія великихъ державъ, является излюбленною ареною, гдѣ берутъ свое начало великія мирныя предпріятія, имѣющія международный интересъ. Не дастъ ли это небольшимъ государствамъ новое право на сохраненіе, при болѣе благопріятныхъ условіяхъ, такого юридическаго порядка, который бы позволилъ имъ исполнять ихъ скромную и плодотворную миссію въ средѣ международнаго общества.

Для государствъ нейтрализованныхъ вопросъ представляется съ еще болѣе интересной стороны, хотя мало замѣченной до сихъ поръ. Углубляясь въ юридическое понятіе постояннаго нейтралитета, мы можетъ быть, нашли бы въ немъ начала новаго права:— на третейскій судъ. Одно вѣрно: отказываясь въ широкомъ смыслѣ, какъ въ общихъ интересахъ международнаго союза, такъ и въ своемъ собственномъ, отъ права на войну, нейтрализованное государство навсегда не отказалось и не могло отказаться отъ охраны права. Въ той степени, въ какой ему закрытъ путь войны, ему долженъ быть открытъ доступъ къ третейскому суду, иначе оно оказалось бы лишеннымъ основного права, отъ котораго оно не отрекалось.

Если это такъ, третейскій судъ для государствъ нейтрализованныхъ, въ ихъ сношеніяхъ съ другими государствами, которыя признали этотъ нейтралитетъ, не является болѣе исключительно зависящимъ отъ доброй воли этихъ послѣднихъ. Право на третейскій судъ, организованный при условіяхъ, ограждающихъ отъ отказа со стороны государствъ, которымъ онъ предлагается, можетъ быть разсматриваемо, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, какъ присущее самому акту учрежденія вѣчно нейтральнаго государства. И установленіе третейской юрисдикціи представляется намъ, какъ

дополненіе, если не необходимое, то, по крайней мѣрѣ, вполнѣ законное для такого государственнаго строя.

IX. Третейскій судъ и великія державы.

Могутъ ли великія державы сохранять относительно третейскаго суда выжидательное положеніе? Было бы трудно допустить это, потому что и имъ можно сказать относительно даннаго вопроса: Vestra res agitur!

Современныя великія державы, имѣя сознаніе своей могучей личности, видятъ, тѣмъ не менѣе, въ правѣ общее начало международныхъ сношеній. Онѣ не могутъ остаться равнодушными къ учрежденію, являющемуся практической санкціей этого признанія и дающему имъ возможность утверждать такъ благородно честность своей политики. „Нѣтъ зрѣлища,— говоритъ Либеръ,—болѣе благороднаго, чѣмъ то, которое представляетъ сильный народъ или индивидуумъ, складывающій свою силу, какъ мечъ къ своимъ ногамъ, говоря: „мы будемъ сообразоваться съ приговоромъ мудраго. Пусть правосудіе сдѣлаетъ свое дѣло“!

Великія державы желаютъ мира и провозглашаютъ это. Онѣ чувствуютъ необходимость закрѣпить его съ тѣмъ большею твердостью, чѣмъ онъ по временамъ кажется менѣе надежнымъ. Могутъ ли онѣ перестать интересоваться учрежденіемъ, прямая цѣль котораго укрѣпленіе мира посредствомъ права? Въ самомъ дѣлѣ, миръ и справедливость тѣсно связаны другъ съ другомъ, и было бы страннымъ заблужденіемъ желать мира безъ справедливости или желать послѣдней безъ учрежденій, которыя ее освящаютъ и организуютъ.

Великія державы занимаютъ въ мірѣ привиллегированное положеніе, которому соотвѣтствуютъ великая миссія и громадная отвѣтственность. Въ дѣйствительности судьбы вселенной зависятъ въ значительной степени отъ немногихъ государствъ. Отъ нихъ зависитъ окончательно направить эти судьбы на путь на-

силія или, напротивъ, утвердить ихъ на прочномъ юридическомъ основаніи. Онѣ, конечно, достаточно богаты военной славой, чтобы посвятить свои усилія цѣли, при осуществленіи которой величіе и благоденствіе ихъ отечества развиваются въ согласіи съ правами всѣхъ и прежде всего безопасностью каждаго. Можетъ быть, онѣ заинтересованы въ этомъ, потому что для великой державы существуетъ иногда опасность болѣе значительная, чѣмъ внѣшніе враги,—опасность увлеченія представленіемъ собственной мощи. Прочное утвержденіе международной юстиціи дастъ державамъ возможность ограждать себя отъ этихъ вредныхъ представленій. Оно дастъ имъ новую точку опоры и драгоцѣннаго совѣтника ихъ мудрости и въ то же время оно, по природѣ своей, можетъ способствовать благодѣтельнному проявленію ихъ гегемоніи.

Не слѣдуетъ, кромѣ того, преувеличивать выгоды отъ комбинацій, которыя, повидимому, на первый взглядъ великія державы могли бы извлечь, благодаря отсутствію постояннаго международнаго суда. Въ сношеніяхъ съ одинаково могущественными государствами эти выгоды ничтожны или уравновѣшены. Это замѣтилъ Либеръ по поводу знаменитаго англо-американскаго спора. Оба названныхъ народа,—говорилъ онъ,—были слишкомъ предусмотрительны и тверды, стояли на совершенно одинаковомъ уровнѣ развитія и цивилизаціи и слишкомъ сходились въ своихъ воззрѣніяхъ на справедливость и честность, чтобы принять иную почву, кромѣ признанія права черезъ третейскій судъ.

Что же касается сношеній съ государствами неравныхъ силъ, но одинаково цивилизованныхъ, достаточно обратить вниманіе на то, что дѣлается въ наше время на свѣтѣ, когда, съ одной стороны, въ спорѣ съ слабымъ государствомъ сильное заподозрѣвается въ томъ, что оно употребляетъ несправедливые способы давленія, и, съ другой стороны, когда

болѣе могущественное государство честно соглашается подвергнуть споръ рѣшенію посредника или третейскаго судьи—какъ сдѣлала это Германія въ дѣлѣ Каролинскихъ острововъ—чтобы понять, что великія державы имѣютъ полную выгоду требовать только такого способа признанія справедливости, которое именно представляетъ для всѣхъ третейское разбирательство.

Законныя стремленія народовъ, а также прогрессивное развитіе международной жизни и права требуютъ, кромѣ того, какъ мы видѣли, учрежденія третейскаго суда. Не считаться съ этими стремленіями и съ этимъ прогрессомъ было бы для великихъ націй уклоненіемъ отъ долга. Вмѣстѣ съ тѣмъ это былъ бы и дурной разсчетъ, такъ какъ никто не можетъ надѣяться оставаться всегда самымъ сильнымъ или даже самымъ ловкимъ. Ловкость подвержена разнымъ случайностямъ, а комбинація силъ имѣетъ что-то измѣнчивое и случайное. Даже слава и геній не уничтожаютъ ихъ хрупкости. Только диктатура, основанная на справедливости, прочна. Всѣ государства заинтересованы въ настоящее время въ установленіи на прочныхъ основаніяхъ организаціи зданія международной юстиціи, потому что право есть твердый принципъ согласованія интересовъ. Послѣдніе могутъ широко развернуться подъ его защитой; оно осуждаетъ только ихъ необузданное и пагубное проявленіе. И, можетъ быть, въ его ясномъ и успокаивающемъ свѣтѣ государства поймутъ, что ихъ раздѣляютъ не столько самые интересы, сколько ложныя и пристрастныя о нихъ представленія. Дневной свѣтъ заставилъ нѣкогда братьевъ, которые боролись во тьмѣ, бросить оружіе.

Будущность Европы можетъ зависѣть въ большей мѣрѣ, чѣмъ это часто думаютъ, отъ предусмотрительнаго укрѣпленія органическихъ учрежденій въ области юридическаго порядка между государствами. Во всякомъ случаѣ все предписываетъ Европѣ не прене-

брегать ничѣмъ, чтобы ускорить часъ, когда она будетъ въ состояніи употребить въ болѣе плодотворныхъ условіяхъ чудныя средства, которыми она обладаетъ, для цѣлей истинно достойныхъ нашего вѣка. Конечно, нѣтъ недостатка въ этихъ цѣляхъ. Вся Африка открывается для нашей цивилизаторской дѣятельности и для нашей торговли. Восточный міръ двигается впередъ въ условіяхъ, которыя возбуждаютъ въ высшей степени наше вниманіе. Со всѣхъ сторонъ до насъ доходятъ предупрежденія, вразумленія, примѣры. И вотъ Америка опередила насъ въ смѣломъ движеніи впередъ на пути къ третейскому суду. Много умовъ, мы это знаемъ, признавая, что „надо сдѣлать что-нибудь“, ссылаются именно на тревожное положеніе, въ которомъ мы живемъ, какъ на побудительную причину, чтобы ничего не дѣлать, и они считаютъ должнымъ отсылать сторонниковъ третейскаго суда къ тѣмъ временамъ, которыя послѣдуютъ за великимъ разсчетомъ съ причинами современныхъ войнъ, - разсчетомъ, въ которомъ сила кажется имъ роковымъ образомъ призвана играть кровавую и рѣшающую роль. Мы не раздѣляемъ этотъ западный фанатизмъ. Мы не допускаемъ теоріи „скрытыхъ силъ“, непреодолимо толкающихъ народы другъ противъ друга, безъ возможности воздѣйствія на нихъ; и мы не далеки отъ того, чтобы считать, вмѣстѣ съ Генри Ричардомъ, что это мнѣніе выдумано людьми, чтобы прикрывать ихъ дурныя страсти то дѣйствіемъ естественнаго закона, то волею Провидѣнія. Мы не можемъ примкнуть къ мрачному ученію Лассона: „народы ненавидятъ другъ друга и имѣютъ на это право“. Современное положеніе Европы связано съ причинами, которыя не имѣютъ ничего неотразимаго, и не доказано, что задачи, которыя держатъ нерѣшенными судьбы нашего континента, были бы неразрѣшимы иными путями, кромѣ силы. Вѣрно одно, что зрѣлище такого судопроизводства, каковъ третейскій судъ, по природѣ своей, способно внѣдрить въ сердца на-

родовъ убѣжденія и чувства, содѣйствующія къ мирному рѣшенію европейскихъ споровъ.

X. Заключеніе.

Сильное и глубокое движеніе направляетъ современные народы къ третейскому суду. Это движеніе связано съ успѣхами международныхъ сношеній, съ развитіемъ демократическихъ учрежденій, съ экономическимъ преобразованіемъ общества, съ смягченіемъ нравовъ, съ духомъ вѣка, съ многочисленными факторами, которые не позволяютъ видѣть въ немъ преходящее явленіе въ жизни народовъ.

Оно вырабатываетъ просвѣщенное выраженіе юридической совѣсти современныхъ народовъ. Это—сила, вытекающая изъ поступательнаго движенія права въ цивилизованномъ мірѣ. Несмотря, порою, на тѣни, несмотря на частыя уклоненія, цивилизація побѣдоносно продолжаетъ, въ пространствѣ и во времени, свое прогрессивное движеніе.

Географически мы видимъ ее распространяющейся на земномъ шарѣ при помощи средствъ, неизвѣстныхъ прежнимъ временамъ, и въ формахъ, въ высшей степени пригодныхъ для обезпеченія прочности ея побѣдъ. Соглашенія государствъ, различныя по природѣ, связываютъ теперь воедино почти всѣ народы, разсѣянные на поверхности земли, и, повидимому, мы приближаемся къ моменту, когда не будетъ болѣе обездоленныхъ расъ въ великой семьѣ человѣчества, такъ какъ современныя державы стараются соединить съ осуществленіемъ своихъ законныхъ интересовъ и исполненіе цивилизаторской миссіи, которая падаетъ на долю великихъ народовъ по отношенію къ низшимъ отраслямъ человѣчества. Обратимъ лишь въ этомъ отношеніи вниманіе на совершившійся прогрессъ: въ прошломъ вѣкѣ европейскіе народы раздѣлили между собою часть западнаго африканскаго берега, чтобы, безспорно, удобнѣе заниматься торговлею

неграми. Теперь же, раздѣляя между собою Африку вплоть до ея центральныхъ мѣстностей, они ставятъ въ число своихъ самыхъ священныхъ обязанностей уничтоженіе негроторговли и уваженіе, возведенное на высоту международнаго обязательства, человѣческихъ правъ въ лицѣ раба.

Съ точки зрѣнія исторической, такъ же какъ географической, распространеніе цивилизаціи и владычества права, являющагося ея выдающеюся чертою,— какъ царство чистой силы — истинный признакъ варварства,—не менѣе поразительно въ международныхъ сношеніяхъ. Въ продолженіе долгаго времени сношенія между государствами сводились къ ряду интересовъ, которые правительства произвольно опредѣляли и поддерживали посредствомъ силы и хитрости. Но право, мало-по-малу, освободилось отъ этихъ роковыхъ узъ. Оно укрѣпилось и перешло, какъ говоритъ Іеллинекъ, отъ идеальнаго требованія къ состоянію дѣйствительнаго могущества въ международной жизни. Старое воззрѣніе, что право царитъ внутри государствъ и не господствуетъ въ ихъ внѣшнихъ сношеніяхъ, окончательно отвергнуто обществомъ цивилизованныхъ народовъ. Это общество ставитъ надъ государствами, которыхъ соединяетъ полное сознаніе своей національной личности съ признаніемъ принциповъ и юридическихъ правилъ, возведенныхъ на высоту общаго права,—право международное. И не рѣдкость видѣть, что державы въ торжественныхъ засѣданіяхъ сознательно напоминаютъ объ этомъ всемірномъ публичномъ правѣ и заботятся о большемъ его распространеніи.

Подъ защитой этого права всякое государство сохраняетъ свою автономію, согласно съ своимъ первымъ и непосредственнымъ стремленіемъ жить собственною жизнью, своими духовными потребностями, на своей территоріи, дѣятельностью своею народа, своими собственными средствами, имѣя въ виду увеличить свое нравственное и матеріальное благосостояніе и утвердить во всемъ свое законное величіе. Но,

вмѣстѣ съ тѣмъ, всякое государство признаетъ себя связаннымъ въ юридическомъ порядкѣ съ другими членами международнаго союза, обязуясь на этомъ основаніи согласовать силу своего внѣшняго роста съ равнымъ правомъ другихъ государствъ на сохраненіе и развитіе. Оно находитъ, кромѣ того, въ богатомъ обмѣнѣ услугъ, которое предоставляетъ международное общеніе, и въ многочисленныхъ благахъ, которыя оно ему доставляетъ, увеличеніе своего благосостоянія, превосходящее справедливыя жертвы, возлагаемыя на его неограниченное стремленіе къ внѣшнему росту, и необходимаго помощника своему личному развитію.

„Въ настоящемъ вѣкѣ нѣтъ ни одного цивилизованнаго народа, какъ это замѣтилъ проф. Мартенсъ, который могъ бы найти всѣ элементы своей жизни и своего развитія въ границахъ своей собственной территоріи“.

Таково международное общеніе цивилизованныхъ народовъ. Право проявляется въ немъ, какъ регулирующій принципъ, всѣми признанный, хотя это право и не всегда соблюдается. Послѣднее, впрочемъ, случается нерѣдко и въ частной жизни. Различные народы существуютъ не для своего взаимнаго порабощенія или уничтоженія, но для соединенія въ плодотворное общество, гдѣ уваженіе къ каждому члену великой семьи государствъ гармонируетъ съ общей пользой всѣхъ.

Если право—правило согласованія понятой такимъ образомъ международной жизни, миръ—нормальная форма этой жизни. Въ мирѣ государства взаимно сближаются, чтобы вступить между собою въ прочную связь; подъ его сѣнью раздаются блага, присущія общенію народовъ. Такимъ образомъ, если нельзя сказать, что миръ—всегда самое драгоцѣнное благо для государствъ,—справедливость, честь, національная защита могутъ его перевѣшивать,—то справедливо, по крайней мѣрѣ, утверждать, что миръ является сред-

ствомъ, по преимуществу предоставляющимъ всѣ другія блага въ жизни народовъ.

Когда возникаютъ споры въ международномъ обществѣ, покоящемся на указанныхъ основаніяхъ, нѣтъ ничего удивительнаго, что третейскій судъ, какъ способъ въ одно и то же время юридическій и мирный, представляется самымъ удобнымъ средствомъ установить отношенія сторонъ сообразно съ правомъ каждаго и благомъ всѣхъ. Чѣмъ далѣе впередъ идетъ право и проникаетъ въ общество народовъ, тѣмъ болѣе третейскій судъ представляется намъ какъ бы связаннымъ со всѣмъ строемъ этого общества.

Ему принадлежатъ обѣтованія будущаго и принадлежатъ они въ такой мѣрѣ, что государственные люди, напримѣръ, лордъ Салисбюри, не боялись сказать, что международныя войны должны исчезнуть передъ дѣйствіемъ третейскаго суда болѣе передовой цивилизаціи, въ то время какъ другіе государственные люди, какъ, напримѣръ, Гладстонъ, не колебались признавать желательнымъ созданіе „центральнаго суда въ Европѣ“.

Третейскій судъ имѣетъ всѣ симпатіи настоящаго. Одинаково тяжелое и ничего не обезпечивающее состояніе вооруженнаго перемирія, въ которомъ мы живемъ, ужасныя ожиданія, которыя вызываютъ въ насъ битвы будущаго, глубокое вліяніе, которое оказываютъ въ наши дни даже войны лишь между двумя государствами на сношенія всѣхъ народовъ, наконецъ, убѣжденіе, подтверждаемое опытомъ, что война, эта игра случая и силы, далеко не рѣшая спорныхъ вопросовъ, чаще всего причиняетъ лишь новыя затрудненія и родитъ новыя столкновенія,—обращаютъ все сильнѣе умы къ способу рѣшенія международныхъ споровъ, болѣе сообразному съ разумомъ, справедливостью, человѣчностью, съ христіанскими чувствами, съ благосостояніемъ общества.

Третейскій судъ все болѣе и болѣе проникаетъ въ международные нравы, умножая категоріи споровъ, заранѣе изъятыхъ отъ насильственнаго и грубаго

разрѣшенія, и создавая, какъ мы это замѣтили, въ извѣстныхъ областяхъ, на которыя распространяется дѣятельность народовъ, прочный миръ, опирающійся на трактатъ. Учрежденіе показало себя на опытѣ въ продолженіе нашего вѣка и опытъ показалъ, что, въ большинствѣ случаевъ, ничего нѣтъ практичнѣе и вмѣстѣ съ тѣмъ ничего нѣтъ болѣе сообразнаго съ правильно понятыми достоинствами и интересами государствъ, какъ третейскій судъ.

Третейскій судъ имѣетъ теперь свои органы въ общественномъ мнѣніи и въ печати, онъ проникъ и въ парламенты, и въ министерства. Государственные люди занимаются имъ и хотя относятся къ нему еще съ неполнымъ довѣріемъ, но оно увеличивается, однако, съ каждымъ днемъ. Правительства, освободившись отъ признанія стараго и ложнаго принципа неограниченности суверенитета,—принципа, заключающаго въ себѣ отрицаніе какого бы то ни было международнаго общества и права, понимаютъ, что мудрое ограниченіе ихъ суверенитета—его лучшая охрана. Они, понемногу, свыкаются съ мыслью обращаться въ случаѣ спора, поскольку это совмѣстимо съ ихъ юридическою независимостью, къ благодѣтельному способу примѣненія третейской юрисдикціи *).

Новые горизонты со всѣхъ сторонъ открываются для третейской практики; не наступило ли время совершить что-либо для ея организаціи? Каждый отдѣльный фактъ третейскаго суда былъ до сихъ поръ только счастливою случайностью, но наличность правильнаго, хотя и добровольнаго, судопроизводства можетъ создать обычай. Государство, которое возьметъ на себя

---

*) Собравшаяся въ Гаагѣ „конференція мира“, на которую всѣ государства международнаго союза прислали своихъ делегатовъ, ставитъ одною изъ главныхъ задачъ своей работы разсмотрѣніе вопроса о международномъ третейскомъ судѣ. Не является ли этотъ фактъ краснорѣчивымъ подтвержденіемъ мысли автора, о томъ, что идея третейскаго суда проникла въ сознаніе правительствъ.

Ред.

починъ въ его распространеніи, сдѣлаетъ благородное и полезное дѣло. Если оно успѣетъ только отчасти, оно получитъ, мы увѣрены, поддержку общественнаго мнѣнія, благодарность народовъ и одобреніе исторіи.

Едва ли можно оспаривать, что существуютъ препятствія къ исполненію такого плана. Но въ вопросѣ, которымъ затрогивается то, „что всего священнѣе:— миръ между людьми“, слѣдуетъ не отчаиваться передъ препятствіями, а, напротивъ, слѣдуетъ стараться изыскать способы борьбы и одержанія надъ ними побѣды. Нельзя также отрицать, что соотвѣтственная эпоха— необходимый факторъ нѣкоторыхъ реформъ. Но не слѣдуетъ, однако, забывать того, что воля просвѣщенныхъ правительствъ и людей добра, имѣя за себя согласіе народовъ, можетъ ускорить часъ осуществленія прогресса. Это до очевидности доказываетъ исторія побѣдъ, одержанныхъ международнымъ правомъ въ XIX вѣкѣ. Не довольно знаютъ, или скорѣе слишкомъ забываютъ, что можетъ, при наличности великодушныхъ симпатій, сдѣлать умъ съ твердою и прямою рѣшимостью, посвятившій себя служенію праваго дѣла. Однако, опытъ налицо: когда государства отваживаются на что-нибудь великое въ дѣлѣ общаго прогресса, рѣдко бываетъ, чтобы они не видѣли, какъ препятствія, которыя сначала возставали противъ ихъ великодушнаго предпріятія, окончательно сглаживаются при условіяхъ почти неожиданныхъ. Увѣренно присоединяясь къ правильному теченію человѣческаго прогресса, имъ случалось чувствовать себя подкрѣпленными, поощряемыми, какъ бы уносимыми высшею силою. Эта сила, которая работаетъ вмѣстѣ съ ними, это та сила, которую Channing объявилъ выше всѣхъ предразсудковъ и притѣсненій вѣковъ; которую онъ видѣлъ выростающей съ каждымъ новымъ шагомъ цивилизаціи и полетъ которой возвѣщалъ паденіе всѣхъ учрежденій, позорящихъ человѣчество; сила, имѣющая союзницу во всякой совѣсти, въ сердцѣ даже того, кто совершаетъ несправедливость; сила, которая не мо-

жетъ окончательно пропасть, потому что она, говоритъ Channing, въ союзѣ съ всемогуществомъ Божіимъ; это сила правды, справедливости, чувство человѣческаго и христіанскаго братства Опираясь на эту силу, цивилизованныя государства Европы достигли возможности создать для Африки учрежденія, гдѣ примѣняются посредничество и третейскій судъ въ размѣрахъ, невѣдомыхъ установленіямъ Европы. Обнаруживъ такую широту взглядовъ на цивилизацію чужого континента и сожалѣніе къ обездоленной его расѣ, теперь время, намъ кажется, чтобы европейскіе народы возымѣли жалость и къ себѣ самимъ. Если скипетръ цивилизаціи долженъ остаться въ ихъ рукахъ, то не подъ условіемъ ли оказывать въ нашемъ обществѣ преимущество дѣламъ жизни и мира, а не дѣламъ раздора и смерти.

До тѣхъ поръ пока можно было утверждать, что независимость государствъ противится учрежденію международной коллегіи третейскихъ судей, сопротивленія этому учрежденію были понятны. Но, повидимому, теперь вполнѣ доказано, что существуютъ формы третейскаго суда, совершенно согласующіяся съ сохраненіемъ суверенитета народовъ. Можно ли при этомъ выставлять возраженія, основанныя на фактѣ національной независимости?

Можно ли, съ другой стороны, утверждать, что настоящее положеніе международнаго союза слишкомъ мало подвинулось впередъ, чтобы допустить учрежденіе суда? Какъ ни слаба, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, связь, соединяющая государства, мы, тѣмъ не менѣе, видимъ, что они ежедневно соединяются ради достиженія сообща весьма важныхъ прогрессивныхъ задачъ. Мы видимъ, что они собираются на съѣзды, принимаютъ мѣры для установленія опредѣленнаго международнаго порядка, соотвѣтствующаго безопасности и спокойствію всѣхъ государствъ. Справедливость—первое благо международнаго общества: неужели же государства безсильны изыскать, хотя въ

нѣкоторой степени, самые легкіе и вѣрные способы мирнаго ея осуществленія? Мы не отрицаемъ того, что въ современномъ международномъ порядкѣ равновѣсіе силъ и интересовъ — этотъ моментъ защиты права—соединяется съ мудростью и искусствомъ, которыя обнаруживаютъ государства, чтобы достичь счастливыхъ плодовъ отъ этого равновѣсія. Но почему же не смотрѣть далѣе и выше этой, по увѣренію исторіи, довольно зыбкой почвы? Почему не искать улучшенія настоящаго и приготовленія будущаго черезъ укрѣпленіе учрежденій, способныхъ наилучшимъ образомъ обезпечить уваженіе къ праву? Неужели современные государства обречены на неопредѣленное время на безумную скачку, когда дѣло идетъ о развитіи орудій войны, и на топтаніе на мѣстѣ, когда идетъ рѣчь объ усиленіи учрежденій мирнаго порядка? Если отмѣна жестокихъ войнъ между народами представляется многимъ благороднымъ умамъ слишкомъ отдаленнымъ идеаломъ, если не считаютъ даже благоразумнымъ и возможнымъ уменьшить въ настоящее время военные снаряды народовъ *), не можетъ ли международное общество, по крайней мѣрѣ, законно стремиться къ осуществленію, по возможности, справедливости и большей прочности мира? И честь, и интересы цивилизованныхъ народовъ — не требуютъ ли они, чтобы рядомъ съ арміями и крѣпостями, представляющими необходимость защиты силою, существовали въ области международной жизни также и постоянныя учрежденія, выражающія собою мирную организацію международной юстиціи?

* * *

Мы, какъ намъ кажется, доказали, что учрежденіе третейскаго суда не только постулатъ общихъ успѣ-

---

*) Конференція мира и въ этомъ отношеніи свидѣтельствуетъ о значительномъ развитіи солидарности интересовъ международнаго союза. *Ред.*

ховъ, осуществленныхъ въ жизни народовъ и въ международномъ правѣ, но и естественный результатъ увеличенія въ трактатахъ статей о компромиссѣ, умноженія дѣйствительныхъ случаевъ третейскаго суда, увеличенія спорныхъ дѣлъ въ международномъ союзѣ. Мы старались показать, какимъ образомъ созданіе постоянной коллегіи третейскихъ судей, устраняя неудобства и важныя затрудненія, связанныя съ установленіемъ случайныхъ судовъ, способствовало бы улучшенію положительнаго международнаго права и столь нужному укрѣпленію въ мірѣ чувства международной справедливости. Мы доказали, что это учрежденіе не есть нововведеніе безъ прецедентовъ въ международномъ правѣ и не представляетъ ничего противнаго независимости государствъ. Мы старались поставить на видъ выгоду, которую имѣютъ великія державы, а равно и малыя государства, въ учрежденіи постояннаго международнаго суда съ добровольнымъ къ нему обращеніемъ и съ опредѣленной мирной санкціей.

Мы почтительно представляемъ всѣ эти основанія благосклонному вниманію державъ.

Намъ знакомы мудрыя попеченія государей и главъ государствъ обо всемъ, что касается блага ввѣренныхъ имъ народовъ, и о мирномъ развитіи международныхъ сношеній. Мы знаемъ, что авторитетные голоса раздаются въ совѣтахъ правительствъ въ пользу введенія улучшеній въ третейской практикѣ. Парламенты почти всѣхъ государствъ дали цѣнныя доказательства участія въ этому великому дѣлу. Надлежитъ привести его къ благополучному окончанію. Намъ кажется, всѣ народы въ одинаковой степени желаютъ этого и нуждаются въ этомъ. Мы твердо надѣемся, что все, что можетъ быть сдѣлано для распространенія и организаціи третейскаго суда, будетъ дѣйствительно осуществлено.

Мы хорошо знаемъ, что третейскій судъ не даетъ рѣшенія всѣхъ затрудненій, стоящихъ на очереди, но

это учрежденіе—важный факторъ проблеммы, которую можно опредѣлить въ слѣдующихъ выраженіяхъ: облегчить способы обращенія къ праву и ослабить попытки обращенія къ силѣ. Эта цѣль представляется достаточно оправданною.

Мы полагаемъ, кромѣ того, что добровольная юрисдикція не вполнѣ обезпечиваетъ юридическій порядокъ народовъ. Но мы думаемъ, что и доставленіе государствамъ всегда возможнаго доступа къ скорой и вѣрной юстиціи не малое дѣло. Когда въ Средніе вѣка, при невозможности уничтожить частныя войны, установили Божіе перемиріе, то этимъ исполнили, при особенно затруднительныхъ условіяхъ, часть долга, падавшаго на то время. Пусть современныя государства воодушевятся этимъ воспоминаніемъ и исполнятъ, въ свою очередь, часть своего долга, сообразно съ юридическимъ и мирнымъ направленіемъ современныхъ обществъ.

Мы заклинаемъ всѣхъ, имѣющихъ въ рукахъ власть и вліяніе, соединиться для совершенія такой чудесной и плодотворной задачи.

Когда въ первый разъ былъ поставленъ вопросъ о томъ, чтобы ввести въ трактаты Бельгіи статью о третейскомъ судѣ, августѣйшій основатель бельгійской династіи, спрошенный на этотъ счетъ, далъ свое согласіе на предложенное нововведеніе, прибавивъ слѣдующее простое и знаменательное объясненіе: „Это — вопросъ справедливости и человѣколюбія“! Воспоминаніе объ этихъ словахъ, произнесенныхъ государемъ, извѣстнымъ въ Европѣ своею мудростью, часто представлялось памяти автора этихъ страницъ во время составленія его работы. И дѣйствительно, онъ возвысилъ голосъ, какъ органъ многочисленныхъ членовъ 14 европейскихъ парламентовъ, представленныхъ на конференціи въ Брюсселѣ, только во имя „справедливости и человѣколюбія“, во имя сближенія народовъ на почвѣ мира посредствомъ права. Что бы ни случилось, онъ не будетъ сожалѣть, что написалъ эти

страницы, потому что онъ исполнилъ свой долгъ. И въ то время какъ много ученыхъ изслѣдователей посвящаютъ свой досугъ проблеммѣ: „Какой наилучшій способъ убивать возможно большее число людей въ наименьшій срокъ“, авторъ счастливъ, что посвятилъ нѣсколько вечеровъ вопросу: „Какой существуетъ способъ, по крайней мѣрѣ въ большей части случаевъ, окончанія международныхъ споровъ въ наиболѣе короткій срокъ, съ наименьшими усиліями, способъ, достойный разумныхъ существъ, созданныхъ для взаимнаго уваженія и помощи, а не истребленія?“

На свѣтѣ всегда будетъ достаточно элементовъ для споровъ и слугъ войны; никогда не можетъ быть достаточно попытокъ къ соглашеніямъ и работниковъ для мира.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I.

Будущая война.

1. Усовершенствованіе въ техникѣ оружія и будущая война.

Техническое усовершенствованіе ручного оружія идетъ впередъ съ неимовѣрною быстротою. По единогласному свидѣтельству компетентныхъ людей, почти всѣ улучшенія въ оружіи, происшедшія въ теченіе пяти вѣковъ, т.-е., со времени изобрѣтенія пороха, не могутъ сравниться по своему значенію съ тѣми, какія произошли со времени войнъ 1870 и 1877—78 гг.

Но стремленіе къ усовершенствованію оружія не остановится и на этомъ, и государства будутъ стараться еще уменьшить калибры до 4, а можетъ быть даже и до 3 миллиметровъ. Правда, представляются еще значительныя трудности, чтобы перейти къ такимъ минимальнымъ калибрамъ, но успѣхи, уже осуществленные техникой, ручаются въ томъ, что ей удастся ихъ преодолѣть.

Такое ружье будетъ совершеннѣе нынѣшняго еще въ большей степени, чѣмъ нынѣшнее сравнительно съ старымъ. Уменьшеніе калибра до 5 миллим. даетъ солдату возможность имѣть при себѣ 270 патроновъ вмѣсто тѣхъ 84-хъ, которые онъ носилъ въ 1877 году; уменьшеніе же калибра до 4 миллим. позволитъ носить запасъ въ 380 патроновъ;

Настоящая статья является резюмированіемъ замѣчательнаго изслѣдованія г. Бліоха о „будущей войнѣ“ (т. I—VI. Спб. 1898), составленнымъ имъ самимъ и напечатаннымъ на нѣмецкомъ языкѣ въ журналѣ: Zeitschrift für Socialwissenschaft, 1898, Heft 12.

наконецъ, при калибрѣ въ 3 миллим. число носимыхъ патроновъ возросло бы до 575 штукъ. Проф. Геблеръ утверждаетъ, что достоинство этихъ, наиболѣе усовершенствованныхъ, ружей будетъ въ 40 разъ больше, сравнительно съ ружьями, бывшими въ рукахъ солдатъ въ 1870 году. Это значитъ, что при настоящемъ положеніи техники всѣмъ государствамъ предстоитъ въ скоромъ времени полное перевооруженіе, если только ранѣе не будетъ положенъ предѣлъ дальнѣйшему соперничеству въ приготовленіяхъ къ войнѣ. А для перевооруженія пѣхоты Германія, Франція, Россія, Австрія и Италія должны были бы, по нашимъ исчисленіямъ, израсходовать круглую сумму въ 4,000 милліоновъ франковъ.

Здѣсь будетъ достаточно привесть нѣсколько данныхъ о дѣйствіи новыхъ ружей, сравнительно съ ружьями, бывшими войску въ войны 1870 — 71 и 1877 — 78 гг. Такъ, пуля ружей Шасспо, Бердана или прусской игольчатки, при дистанціи въ 1,600 метровъ, уже не пробивала человѣческаго черепа, а пуля нынѣшнихъ малокалиберныхъ ружей еще на разстояніи 3,500 метровъ пробиваетъ твердыя воловьи кости. Но, кромѣ ружейныхъ пуль, будутъ поражать и артиллерійскіе снаряды безпримѣрнаго въ прошломъ могущества. Профессоръ Ланглуа въ 1891 году исчислилъ увеличеніе могущества артиллерійскаго огня со времени 1870 г., на основаніи данныхъ современной практики, слѣдующимъ образомъ: нынѣшнія орудія будутъ поражать непріятеля въ открытомъ полѣ, предполагая равное число выпущенныхъ снарядовъ, впятеро больше, чѣмъ въ 1870 г., а такъ какъ нынѣшнія орудія бросаютъ въ данный промежутокъ времени въ 2—3 раза большее число снарядовъ противъ прежняго, то выходитъ, что могущество артиллерійскаго огня усилилось съ 1870 года не менѣе, чѣмъ въ 12—15 разъ.

Но исчисленіе, сдѣланное профессоромъ Ланглуа въ 1891 году, въ настоящее время уже отстаетъ отъ дѣйствительности. Во Франціи, Германіи и Россіи стали изготовлять скорострѣльныя пушки, и, по заявленію такихъ авторитетныхъ писателей, какъ ген. Вилле, профессора По-

тоцкаго и др., можно принять, что огонь этихъ орудій обладаетъ въ совокупности, по меньшей мѣрѣ, двойной силой дѣйствія въ сравненіи съ орудіями типовъ 1891 года. Поэтому, чтобы составить себѣ полное понятіе объ итогѣ потерь въ будущей войнѣ, намъ необходимо было сопоставить и сравнить дѣйствіе новѣйшихъ усовершенствованныхъ орудій съ дѣйствіемъ старыхъ, бывшихъ до сихъ поръ въ употребленіи. Съ введеніемъ бездымнаго пороха и употребленіемъ никелевой стали—съ одной стороны, скрѣпленія проволокою дулъ—съ другой—устраиваются орудія страшной силы. Не меньшіе успѣхи достигнуты и относительно усовершенствованія снарядовъ. Употребленіе стали для изготовленія снарядовъ дозволило наполнять ихъ болѣе значительнымъ числомъ пуль, а начиненіе ихъ въ 4 раза сильнѣе дѣйствующими взрывчатыми веществами противъ употреблявшагося въ прежнее время пороха придало вообще каждому осколку и пулѣ большую силу.

Въ будущей войнѣ гранаты, производя гораздо меньшее пораженіе, чѣмъ шрапнели, будутъ употребляемы рѣже, чѣмъ послѣднія. Шрапнель станетъ главнымъ снарядомъ артиллеріи.

Шрапнели, бывшія въ употребленіи въ 1870 году, разрывались на 37 частей, а нынѣшнія даютъ до 340; что же касается разрывныхъ гранатъ, то сравненія съ 1870 годомъ сдѣлать невозможно; однако, нѣкоторое понятіе можетъ намъ дать слѣдующее сопоставленіе: чугунная бомба вѣсомъ въ 37 килограммовъ, которая, при селитрянномъ порохѣ, давала 42 осколка, теперь, наполненная пироксилиномъ, производитъ 1,200 осколковъ.

Съ увеличеніемъ количества пуль, и осколковъ, и силы ихъ разброса увеличились также поражаемыя пространства. Осколки и пули несутъ смерть и опустошеніе не только, какъ въ 1870 году, на близкихъ къ разрыву разстояніяхъ, но болѣе чѣмъ на 200 метровъ отъ него, и это при стрѣльбѣ съ дистанціи 3,000 метровъ.

Улучшенное во всѣхъ отношеніяхъ ружье и въ высокой степени усовершенствованныя орудія и артиллерійскіе снаряды не составляютъ еще всего, что предпріимчивый

умъ человѣка изобрѣлъ для усиленія средствъ войны; со времени послѣдней войны, усовершенствованъ, а отчасти придуманъ цѣлый рядъ средствъ, правда, вспомогательныхъ, но которыя будутъ имѣть въ будущей войнѣ важное значеніе: велосипеды, голубиныя почты, полевые телеграфы и телефоны, оптическіе дневные и ночные свѣтовые аппараты для сигнализаціи и освѣщенія полей сраженія, фотографическіе приборы для съемки мѣстностей съ большихъ разстояній, средства наблюденія за передвиженіемъ войскъ посредствомъ обсерваціонныхъ лѣсовъ, лѣстницъ, вышекъ и воздушныхъ шаровъ — въ значительной степени устранятъ тотъ недостатокъ свѣдѣній о расположеніи и движеніяхъ противника, который препятствовалъ своевременному и удачному дѣйствію противъ него оружіемъ. И въ этомъ отношеніи будущая война будетъ отличаться отъ прежнихъ, представляя совсѣмъ новыя условія. Въ общемъ, можно сказать, что на прежнія войны собиралась государствами едва одна десятая той совокупности силъ, какая приготовлена для войны въ будущемъ. Приготовленія эти идутъ одновременно и равномѣрно во всѣхъ странахъ, такъ что равновѣсіе между ними поддерживается, возрастаетъ же не превосходство силъ на чьей-либо сторонѣ, но истребительность самой войны для всѣхъ

Объ усовершенствованіяхъ, достигнутыхъ въ орудіяхъ и снарядахъ, нами было уже говорено выше. Вмѣстѣ съ тѣмъ сюда присоединяется особое дѣйствіе малодымнаго пороха, выражающееся въ повышеніи мѣткости прицѣла.

Пока употреблялся обыкновенный порохъ, не было необходимости особенно заботиться о мѣрахъ для мѣткости и ускоренія стрѣльбы, такъ какъ скорая стрѣльба производила такой дымъ, что ее послѣ короткаго промежутка времени приходилось прекращать, кромѣ случаевъ, когда дулъ благопріятный вѣтеръ; поэтому и мѣткость не имѣла тогда того значенія, какъ въ настоящее время. При бездымномъ порохѣ возможно выпускать въ нѣсколько, наиболѣе удобныхъ для дѣйствія, минутъ такое количество снарядовъ, какое прежде выпускалось въ теченіе цѣлаго однодневнаго боя. Особенно при этомъ замѣчательна мѣт-

кость стрѣльбы. Пушки на дистанціи 1,828 метровъ сажаютъ по 4 снаряда въ одну и ту же пробоину.

Число и сила орудій во всѣхъ арміяхъ увеличились въ нѣсколько разъ. Если цифры, представляющія это увеличеніе, помножить одну на другую, то окажется, что, въ сравненіи съ тѣмъ, что было въ 1870 году, дѣйствіе артиллеріи нынѣ должно быть сильнѣе: французской въ 116 разъ, а германской—въ 42 раза. Но послѣ производящагося уже въ настоящее время введенія орудій новѣйшихъ типовъ сила дѣйствія артиллеріи еще удвоится. Если для того, чтобы составить себѣ понятіе, насколько потери въ будущей войнѣ отъ одного дѣйствія артиллеріи могли бы превзойти соотвѣтственныя потери въ войну 1870—71 годовъ, помножить цифру тѣхъ потерь на множители, которые представляютъ собою увеличеніе силы современной артиллеріи, то получатся цифры баснословныя въ томъ смыслѣ, что не можетъ быть армій столь громадныхъ, чтобы въ нихъ могли оказаться потери въ такихъ размѣрахъ.

По многимъ причинамъ иные авторы признаютъ, что въ будущемъ жертвъ будетъ несравненно болѣе, чѣмъ до сихъ поръ. Новое оружіе не только увеличиваетъ опасность, но парализируетъ и оказаніе врачебной помощи, такъ какъ врачи и фельдшера не будутъ въ состояніи устраивать перевязочныхъ пунктовъ близъ мѣстъ, засыпаемыхъ хотя бы даже шальными непріятельскими пулями, не будетъ даже возможности уносить раненыхъ для поданія помощи. Вѣдь современныя ружья бьютъ на 4 версты, орудія же—болѣе чѣмъ на 7 верстъ.

2. Работа солдатъ и офицеровъ въ будущей войнѣ.

Генералъ графъ Каприви высказалъ въ парламентѣ, что народами овладѣло „помѣшательство на цифрахъ“. И дѣйствительно, всѣ безъ исключенія европейскія государства съ введеніемъ всеобщей воинской повинности въ состояніи призвать подъ знамена почти все годное къ службѣ мужское населеніе.

Въ виду такого положенія мы старались дать понятіе о настоящемъ положеніи дѣла мобилизаціи.

Военныя силы державъ, относящіяся къ 1896 году, представляются такъ:

Германія	2.550 тыс.	Франція	2.554 тыс.
Австро-Венгрія . .	1.304 „	Россія	2.800 „
Италія	1.281 „		
Итого	5.135 „	Итого	5.354 „

Не подлежитъ сомнѣнію, что многочисленность нынѣшнихъ армій и способы ихъ снаряженія значительно увеличатъ необходимость въ выносливости солдатъ.

Пѣхотинцу приходится несть на себѣ тяжесть, доходящую отъ 25 до 35 килогр., или 60—87 фунтовъ. Привыкать къ этому постепенно не будетъ времени; придется сразу начать большіе переходы, а при этомъ не малая часть людей будетъ падать отъ изнеможенія. Французскіе врачи утверждаютъ, что послѣ первыхъ двухъ недѣль похода въ госпиталѣ окажутся 100.000 человѣкъ, не считая раненыхъ.

Размѣщать огромное число людей на квартирахъ окажется невозможнымъ и войска именно въ первое время будутъ лишены самыхъ необходимыхъ удобствъ. Трудно обезпечить огромныя массы продовольствіемъ съ тою же быстротой, какъ можно собрать ихъ. Мѣстные запасы на главныхъ путяхъ движенія скоро будутъ истощены, а на правильную организацію складовъ и подвоза изъ нихъ къ войскамъ потребуется время.

О томъ, что происходитъ при мобилизаціи, можно, хотя только отчасти, судить по маневрамъ. И вотъ во Франціи при маневрахъ уже выказалась недостаточная подготовка офицеровъ и весьма неудовлетворительное исполненіе резервистами боевыхъ задачъ. При всякомъ препятствіи они обращались въ нестройныя толпы, стрѣляли плохо, такъ что признано было, что въ случаѣ войны ихъ придется еще обучать въ теченіе 3—4 недѣль, прежде чѣмъ ихъ возможно будетъ выпустить, особенно для дѣйствій наступательныхъ.

Съ приростомъ населенія возрастаютъ арміи и уже нынѣ многочисленность войскъ при современномъ вооруженіи и тактикѣ дѣлаетъ аппаратъ войны до того сложнымъ, что воз-

можность управлять, кормить и заставить войска идти въ бой безъ оглядки значительно затруднилась.

Въ будущей войнѣ арміи, необходимыя для отдѣльныхъ театровъ военныхъ дѣйствій, опредѣляются спеціалистами въ милліонъ человѣкъ одного строевого состава. Для свободнаго стратегическаго развертыванія такой массы потребуется отъ 800 до 1.000 верстъ по фронту. До введенія дальнобойнаго оружія поля сраженій были не болѣе современнаго учебнаго плаца одной бригады.

Въ минувшія времена успѣхъ на войнѣ зависѣлъ отъ таланта главнокомандующаго и мужества войскъ. Въ будущемъ же успѣхъ будетъ зависѣть еще отъ талантливости командировъ отдѣльныхъ частей, отъ иниціативы и энергіи всѣхъ офицеровъ, отъ подаваемаго ими людямъ личнаго примѣра, а наконецъ и отъ развитости самихъ рядовыхъ.

Французскій профессоръ Кумесъ въ сочиненіи „La tactique de demain“ говоритъ, что для командованія пѣхотой на полѣ сраженія потребуется столько умѣнія, что ни въ одной арміи не найдутся на 500 офицеровъ 100 такихъ, которые сумѣли бы повести роту въ огонь“. Быть можетъ, въ этихъ словахъ и заключается нѣкоторое преувеличеніе. Но, во всякомъ случаѣ, если даже обратить вниманіе лишь на одни внѣшніе признаки, то и то станетъ очевиднымъ, что въ будущей войнѣ требованія относительно дисциплины войска и умственнаго развитія офицеровъ должны быть совсѣмъ иныя, чѣмъ до настоящаго времени.

Облака дыма не будутъ разстилаться по полю битвы и прикрывать всѣ ужасы сраженія. Солдатъ не увидитъ врага, не услышитъ даже выстрѣла, могущаго отнять у него жизнь, а между тѣмъ увидитъ пораженнаго возлѣ себя товарища. Поэтому-то въ будущихъ столкновеніяхъ страшному, небывалому до сихъ поръ, напряженію подвержены будутъ нервы призванныхъ къ оружію.

Въ виду возросшаго при такихъ условіяхъ значенія въ будущей войнѣ офицеровъ, во всѣхъ европейскихъ арміяхъ будутъ прилагаемы старанія къ тому, чтобы вѣрнѣе перебить офицеровъ противника. Уже опытъ послѣднихъ войнъ, когда еще не было возведено въ принципъ прежде всего вы-

вести изъ строя офицеровъ противника, показалъ, до какой степени возможно быстрое уменьшеніе численности офицеровъ на полѣ битвы; въ концѣ франко-прусской войны во главѣ баталіоновъ и полубаталіоновъ стояли низшихъ чиновъ резервные офицеры и даже фельдфебеля.

Такимъ образомъ, потребность въ людяхъ усилится, а эти послѣдніе едвали обнаружатъ въ качествѣ солдатъ ту же пригодность, что въ прежнія войны.

Въ прежнее время удержать массы въ рукахъ, даже въ случаѣ неудачи, было сравнительно легко. Долголѣтняя служба и практическіе пріемы превращали солдата въ автомата. На маневрахъ, затѣмъ и на войнѣ, двигались массы людей, могущественныя своимъ инертнымъ послушаніемъ.

Вслѣдствіе необыкновеннаго увеличенія современныхъ армій и осложненія ихъ вооруженія правильный подвозъ провіанта и средствъ для борьбы получаетъ безпримѣрное значеніе.

А воспрепятствовать правильности подвоза припасовъ будетъ вовсе не такъ трудно. Дальнобойность и мѣткость современныхъ ружей при бездымности выстрѣловъ облегчаютъ дѣйствіе партизанскихъ отрядовъ и вполнѣ вѣроятно, что такимъ отрядамъ предстоитъ въ будущей войнѣ значительная роль.

Для правильной доставки продовольствія и боевыхъ припасовъ можно разсчитывать только на желѣзныя дороги. А желѣзныя дороги легко подлежатъ во время войны поврежденіямъ.

Грунтовыя дороги, служившія прежде путями подвозовъ, не представляли изъ себя почти ничего искусственнаго. Сами по себѣ онѣ были неуязвимы; на всемъ ихъ протяженіи могли подвергнуться порчѣ только немногія искусственныя сооруженія, каковы: мосты, гати и др.; между тѣмъ желѣзныя дороги искусственны въ каждой точкѣ. Проведеніе ихъ требуетъ много времени, труда и денегъ, а между тѣмъ достаточно одного динамитнаго патрона, чтобы разрушить путь и надолго прекратить правильное движеніе по линіи.

Приведемъ здѣсь отзывъ русскаго военнаго писателя: „Не-

посредственная охрана полотна желѣзной дороги и всѣхъ ея сооруженій—задача весьма трудно разрѣшимая. О прочномъ занятіи всей линіи не можетъ быть рѣчи, потому что оно потребовало бы несоразмѣрнаго расхода войскъ; слабые же посты не обезпечатъ дороги и будутъ легко сняты непріятелемъ".

Знаменитый политикъ кардиналъ Ришельё писалъ:

„Исторія представляетъ болѣе примѣровъ гибели армій вслѣдствіе недостатка хлѣба или дисциплины, чѣмъ подъ дѣйствіемъ непріятельскаго оружія".

3. Экономическія и общественныя силы народовъ въ будущей войнѣ.

Прежде всего намъ необходимо отмѣтить тотъ фактъ, что большинство военныхъ писателей, какъ спеціалисты, обращаютъ главное вниманіе на техническія условія дѣла, смотрятъ на будущую войну и на планы дѣйствій лишь съ точки зрѣнія достиженія цѣлей войны посредствомъ уничтоженія армій противника оружіемъ, экономическія же и соціологическія потрясенія, которыя явятся съ минуты мобилизаціи, а также и послѣдствія войны, если обсуждаются ими, то лишь какъ нѣчто второстепенное.

Намъ случалось нѣсколько разъ говорить объ этомъ предметѣ съ бывшимъ французскимъ морскимъ министромъ (впослѣдствіи президентомъ совѣта) Бюрдо, человѣкомъ выдающихся способностей. Онъ прямо признался, что во Франціи, въ то время, когда военнымъ министромъ былъ Фрейсинѐ, предположено было предпринять составленіе разсчета тѣхъ экономическихъ условій, какія бы сопровождали войну, но что предположеніе это было оставлено, вслѣдствіе оппозиціи военныхъ сферъ.

Между тѣмъ взвѣшиваніе только одной военно-технической стороны хода и результатовъ операцій совершенно недостаточно. Въ противоположность тому, что происходило въ предшествовавшихъ войнахъ, будущая война, по всѣмъ вѣроятіямъ, прекратится не вслѣдствіе того, что большее или меньшее число крупныхъ побѣдъ надъ арміи-

ями будетъ одержано одной изъ сторонъ, но по причинѣ разложенія военнаго аппарата, вслѣдствіе именно вліяній экономическихъ и соціологическихъ.

Несомнѣнные авторитеты военнаго дѣла, какъ фельдмаршалъ Мольтке, и многіе военные писатели высказали предположеніе, что будущая война будетъ длиться многіе годы.

Но такъ какъ каждое государство характеризуется опредѣленными слабыми сторонами, то болѣе или менѣе продолжительное веденіе войны, необходимое для достиженія успѣшныхъ результатовъ, немыслимо. Большая часть государствъ не выдержитъ необходимаго для веденія войны напряженія силъ болѣе одного года.

Еще въ послѣднихъ войнахъ арміи, за исключеніемъ одной прусской, состояли, главнымъ образомъ, изъ старослуживыхъ солдатъ. Нынѣ, наоборотъ, наибольшая часть силъ будетъ состоять изъ чиновъ запаса, солдатъ и офицеровъ, которые до войны предавались мирнымъ занятіямъ. Людямъ, которые занимались экономическими вопросами, вполнѣ ясно, что внезапное отнятіе отъ производительнаго труда огромныхъ контингентовъ рабочихъ силъ должно вызвать небывалое экономическое потрясеніе.

Экономическія явленія, какія должны быть вызваны будущею войной, составятъ положительно нѣчто доселѣ безпримѣрное.

Государство, которому война наименѣе опасна, которое наименѣе уязвимо, это Россія, что обусловлено громадностью ея пространства, свойствами ея почвы и ея климата, а еще болѣе—соціальнымъ бытомъ ея населенія, занятаго, по преимуществу, земледѣліемъ. При этомъ, какъ на обратный примѣръ, слѣдуетъ обратить вниманіе на Англію.

Громадный флотъ Великобританіи, охраняющій ее отъ высадки непріятеля, не въ состояніи, однако, охранить безопасность ея коммерческихъ судовъ на всѣхъ моряхъ свѣта. Нѣсколько быстроходныхъ непріятельскихъ крейсеровъ, принадлежащихъ воюющимъ между собою государствамъ, достаточны, чтобы прекратить морскую торговлю Великобританіи. А, при колоссальномъ развитіи англійской промышленности и крайне недостаточномъ для прокормле-

нія населенія мѣстномъ производствѣ хлѣба, прекращеніе морскихъ сообщеній немедленно угрожало бы Англіи огромнымъ сокращеніемъ заработковъ и сильнымъ вздорожаніемъ припасовъ, даже голодомъ *).

Въ лучшемъ—но, во всякомъ случаѣ, весьма стѣсненномъ—положеніи будутъ Германія и Италія, которыя принуждены 2—3 мѣсяца въ году довольствоваться иностраннымъ хлѣбомъ. Франція же нуждается въ иностранномъ зернѣ только на одинъ мѣсяцъ, а Австрія можетъ вовсе обойтись безъ него.

Кромѣ недостатка хлѣба, въ Великобританіи, Германіи, Франціи и Италіи окажется также недостатокъ и въ другихъ продуктахъ, необходимыхъ для насущнаго потребленія, а именно: овса для корма лошадей, мяса, соли и т. д.

Сдѣланный нами разсчетъ относительно размѣровъ потребленія вышепоименованныхъ продуктовъ показываетъ, что осуществленіе проектовъ о составленіи запасовъ во время мира неосуществимо. Количества запасовъ, которыя бы пришлось содержать и обновлять, потребовали бы ежегодныхъ расходовъ въ такихъ размѣрахъ, что на эти жертвы въ настоящее время нелегко бы было добиться согласія парламентовъ.

Но замѣчательно то явленіе, что съ каждымъ годомъ положеніе государствъ, нуждающихся въ привозномъ хлѣбѣ, будетъ, вслѣдствіе прироста населенія—съ одной стороны, а уменьшенія площадей посѣва,—съ другой, ухудшаться.

Въ періодъ 1894—95 гг. привозъ увеличился, сравнительно съ періодомъ 1888—91 гг.

въ Германіи	на	33	дня	(съ	69	до	102 дней)
„ Франціи	„	4	„	(„	32	„	36 „)
„ Англіи	„	96	„	(„	178	„	274 „).

Одно изъ дальнѣйшихъ соображеній, весьма сильно говорящихъ противъ войны, заключается въ томъ, что она

---

*) Сравн. сказанное объ Англіи съ тѣмъ, что было говорено о ней выше въ статьѣ „Мирное разрѣшеніе международныхъ несогласій“, стр. 330—331. *Ред.*

требуетъ для своего веденія въ настоящее время чрезвычайно большихъ денежныхъ средствъ. Принимая за мѣрило расходы послѣднихъ войнъ, ежедневные расходы въ будущую войну для пяти главныхъ державъ Европы въ совокупности равнялись бы суммѣ въ 104,890,000 франковъ. Разсчетъ слѣдующій:

Для Германіи	(на 2,550 тыс. чел. войска)	25,500,000 фр.
„ Австріи	(„ 1,304 „ „ „)	13,040,000 „
„ Италіи	(„ 1,281 „ „ „)	12,810,000 „
Итого для тройственнаго союза		51,350,000 фр.
Для Франціи	(на 2,554 тыс. чел. войска)	25,540,000 „
„ Россіи	(„ 2,800 „ „ „)	28,000,000 „
Итого для двойственнаго союза . .		53,540,000 фр.

А такъ какъ, по мнѣнію военныхъ авторитетовъ, будущая война можетъ длиться не менѣе двухъ лѣтъ, то для насъ представляется весьма существеннымъ вопросомъ: будетъ ли возможность добыть средства на ея веденіе?

Бюджеты современныхъ государствъ и безъ того сильно обременены военными расходами даже и въ мирное время Сокращеніе части расходовъ, нынѣ безплодно употребляемыхъ на вооруженныя силы, представляетъ первостепенный интересъ для блага народа и развитія жизненныхъ силъ государства, необходимыхъ для веденія иной борьбы: не на полѣ брани, но—съ экономическою отсталостью, бѣдностью и невѣжествомъ народа. Успѣхи внутренней жизни и развитіе производительныхъ силъ представляются болѣе настоятельными, чѣмъ увеличеніе вооруженныхъ полчищъ.

II.

Юридическій характеръ вопроса о разоруженіи.

Правда ли, что, обращаясь къ изученію вопроса о разоруженіи, мы покидаемъ область международнаго права и вступаемъ на жгучую почву политики?

Утвердительный отвѣтъ на этотъ вопросъ, конечно, не достаточно обоснованъ, если мы скажемъ, что изученіе чрезмѣрныхъ вооруженій различныхъ государствъ связано съ разсмотрѣніемъ и осужденіемъ ихъ прошлой и современной политики. Въ самомъ дѣлѣ, будь это такъ, лишь весьма небольшое число вопросовъ международнаго права не должно бы насъ устрашать.. Укажемъ, напримѣръ, на тѣ изъ нихъ, которые были разрѣшены въ прежнихъ постановленіяхъ Института и которые поставлены на очередь его те-

---

Въ маѣ 1887 г. членамъ Института международнаго права было разослано предложеніе Роленъ-Жакмэна (бывшаго министра въ Бельгіи, извѣстнаго публициста, въ настоящее время совѣтника Сіамскаго короля) приступить къ изученію вопроса „о договорномъ установленіи государствами наличнаго состава ихъ военныхъ силъ“. Въ своемъ письмѣ, представленномъ съѣзду Института въ Гейдельбергѣ (9 сент. 1887 г.), Роленъ-Жакмэнъ указываетъ на слѣдующіе три вопроса, разрѣшеніе которыхъ, по его мнѣнію, является задачею Института: 1) Возможно ли, съ точки зрѣнія принциповъ международнаго права, чтобы два или нѣсколько государствъ взаимно обязались, на основаніи договора, ограничить свои вооруженія?

2) Въ какой мѣрѣ такое взаимное обязательство могло бы быть принято различными европейскими государствами и связывало ли бы оно ихъ, разъ оно принято?

3) Какими средствами можно было бы дать дѣйствительную санкцію подобному трактату?

Институтъ не согласился принять предложеніе Ролена-Жакмэна, такъ какъ большинство опасалось слишкомъ большого сродства

перешняго съѣзда (1887 г.). Можно ли утверждать, что регламентація судоходства по международнымъ рѣкамъ, право морскихъ призовъ, занятіе новыхъ территорій, законы и обычаи войны, мирная блокада, выдача и изгнаніе иностранцевъ—все это не поддается обсужденію съ политической точки зрѣнія? Нѣтъ, напротивъ того, каждый изъ этихъ вопросовъ именно съ этой точки зрѣнія способенъ вызвать самыя страстныя пренія. Почему же, несмотря на это, Институтъ не поколебался обратиться къ ихъ разсмотрѣнію? Потому что, если они доступны со стороны исключительно политической, они доступны также изученію и со стороны исключительно юридической. Въ послѣднемъ отношеніи эти вопросы могутъ быть изслѣдуемы въ цѣляхъ установленія принциповъ права и справедливости, признаваемыхъ и охраняемыхъ цивилизованнымъ міромъ такимъ образомъ, что законнымъ интересамъ отдѣльныхъ государствъ, къ удовлетворенію которыхъ должна и можетъ стремиться политика, не причиняется ущерба.

Конечно, исходя отъ общепризнаннаго факта, что безконечное возрастаніе вооруженій, если оно будетъ продолжаться, приведетъ къ крушенію всей Европы, возможно задаться и вопросомъ о томъ, на комъ лежитъ отвѣтственность за такое положеніе вещей и его постоянное продолженіе? Но эта политическая точка зрѣнія должна быть совершенно исключена изъ нашего обсужденія; останавливаться на ней для насъ даже совершенно безполезно. Съ другой стороны, политическое значеніе имѣлъ бы вопросъ о своевременности для того или иного государства, при его современномъ положеніи, иниціативы, имѣющей въ

предлагаемаго вопроса съ политикою и относилось весьма скептически къ его практической осуществимости.

Въ настоящее время, когда „конференція мира“ въ Гаагѣ является краснорѣчивымъ доказательствомъ того, что справедливость была скорѣе на сторонѣ бельгійскаго ученаго, мы считаемъ небезъинтереснымъ предложить въ нашемъ Сборникѣ переводъ той части письма Роленъ-Жакмэна, которая трактуетъ объ юридическомъ характерѣ вопроса о разоруженіи.

Ред.

виду предложить опредѣленіе взаимныхъ ограниченій въ вооруженіяхъ.

Но совсѣмъ другое дѣло, если поставить вопросъ о томъ, *въ какой степени общепризнанные принципы международнаго права стоятъ въ противорѣчіи, или допускаютъ договорное установленіе подобныхъ ограниченій и, въ случаѣ возможности таковыхъ, какія мѣры должны быть приняты для ихъ обезпеченія.* Достаточно установить этотъ вопросъ, чтобы видѣть, что обсужденіе его въ означенныхъ предѣлахъ не рискуетъ превратиться въ споры политическаго характера. Въ сущности, выставленное положеніе резюмируетъ, съ точки зрѣнія принципа, его предѣловъ и санкціи, тѣ три различныхъ вопроса, которые были мною выше формулированы (см. прим. стр. 515).

Я обращаюсь къ разсмотрѣнію основного принципа, значеніе котораго Институтъ будетъ вынужденъ опредѣлить, прежде всего, въ тотъ день, когда онъ займется предлагаемымъ мною вопросомъ,—обращаюсь къ нему съ цѣлью точнаго выясненія этого важнаго и главнаго вопроса, который, разъ онъ будетъ установленъ, надѣюсь, дастъ мнѣ возможность болѣе легко отразить остальныя возраженія противъ моего предложенія.

Этотъ основный принципъ — независимость и автономія всякаго суверенаго государства и, какъ его слѣдствіе, право и обязанность государства защищать всѣми имѣющимися въ его власти средствами предупрежденія и отраженія свое существованіе. Я и въ качествѣ патріота, и въ качествѣ юриста признаю этотъ принципъ, и настаиваю на немъ, при чемъ, конечно, его не преминутъ привести противъ моего предложенія. Я соглашаюсь съ тѣмъ, что государство, отказавшееся отъ права защищать себя, совершаетъ, какъ и тотъ, кто отказывается отъ права на существованіе, актъ самоубійства. Законность подобной свободы я не допущу ни для моего отечества съ его небольшой территоріей, какъ не допущу его и для громаднѣйшаго государства.

Тѣ изъ насъ, кто опасается, что пренія по поводу моего предположенія явятся предлогомъ нападенія на вооруженія

того или иного изъ отдѣльныхъ государствъ, могутъ успокоиться: вопросъ сводится не къ сужденію, а еще менѣе къ осужденію пожертвованій, которыя, при современномъ состояніи международныхъ отношеній, то или иное изъ государствъ признаетъ необходимымъ сдѣлать, чтобы оставаться господиномъ себя самого. Вопросъ имѣетъ болѣе возвышенное и болѣе общее значеніе. Онъ стремится выяснить, имѣются ли рядомъ съ индивидуальнымъ правомъ на существованіе и защиту также общія всѣмъ государствамъ, членамъ одного и того же союза, право и обязанность оказывать препятствія тому, чтобы увеличивающіяся злоупотребленія средствами защиты не явились, въ свою очередь, для всего союза причинами ослабленія, разложенія и экономическаго, равно какъ общественнаго, разстройства. Другими словами, принципъ жизни, создающій права и возлагающій на каждое отдѣльное государство индивидуальныя обязанности, не возлагаетъ ли и на всю совокупность государствъ коллективныя обязанности? Жить безоружнымъ среди вооруженныхъ сосѣдей—несомнѣнно равносильно совершенію акта самоубійства. Но развѣ не будетъ другимъ родомъ самоубійства, когда союзъ государствъ, связанныхъ общею цивилизаціей, допускаетъ увлекать всѣхъ своихъ членовъ ежегодно, благодаря своего рода головокруженію, бросать во все болѣе и болѣе развертывающуюся пропасть военныхъ издержекъ постоянно увеличивающіяся суммы денегъ, свой кредитъ, свою физическую и умственную дѣятельность?

Невозможно отрицать, что положеніе такого рода существуетъ, и на пути, по которому идетъ Европа, нѣтъ иного выхода, кромѣ войны, т. е., уничтоженія слабаго болѣе сильнымъ, и разоренія, т. е., уничтоженія бѣднаго болѣе богатымъ. Даже тѣ изъ насъ, кто формальнымъ образомъ выразилъ несогласіе съ моимъ предложеніемъ, не рѣшатся признать нормальнымъ современное положеніе. Оно было нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ опредѣлено знаменитымъ фельдмаршаломъ Мольтке слѣдующимъ образомъ: „Вся Европа, говорилъ онъ 4 декабря 1886 г. въ рейхстагѣ, живетъ во всеоружіи: куда бы мы ни взглянули, мы видимъ на-

шихъ сосѣдей, и справа и слѣва, вооруженными и нагруженными аппаратомъ войны, тяжесть котораго трудно нести даже для богатаго государства. *Положеніе это не можетъ продолжаться до безконечности.*

Я не стану повторять здѣсь того, что уже говорилъ въ замѣткѣ, представленной мною Институту въ маѣ мѣсяцѣ. Не стану въ подробностяхъ говорить ни о трехъ милліонахъ человѣкъ, ни о четырехъ милліардахъ ежегодныхъ издержекъ, до которыхъ въ началѣ текущаго года доросли цифры мирнаго состава арміи, и издержекъ на нее 17 европейскихъ государствъ. Я не буду также указывать на тѣ опасности политическаго, экономическаго и соціальнаго характера, вытекающія изъ такого порядка вещей, и на быстрое увеличеніе, а равнымъ образомъ и на губительное неравенство въ борьбѣ за существованіе между государствами Европы и Америки. Я спрашиваю только, развѣ можно вопросъ о томъ, возлагаетъ ли или нѣтъ такое очевидно опасное положеніе на европейскія державы строгую необходимость согласиться, если не немедленномъ его уничтоженіи, то, по крайней мѣрѣ, о пріостановкѣ его развитія,—разсматривать, какъ вопросъ чуждый международному праву.

Понятно, что, ставя этотъ вопросъ, я не предрѣшаю отвѣта на него. Возможно, что Институтъ, послѣ его разсмотрѣнія, признаетъ, что европейскія державы не имѣютъ подобной обязанности, или что эта обязанность, если и существуетъ, входитъ въ область нравственности, а не права. Но я тщетно ищу отвѣта, на основаніи какихъ соображеній можно уже въ настоящее время, не вдаваясь въ болѣе подробное изслѣдованіе, признать, что вопросъ не заслуживаетъ нашего вниманія, какъ потому, что его отрицательное разрѣшеніе очевидно, такъ и потому, что международное право должно быть въ сторонѣ отъ его разрѣшенія. Быть можетъ, это зависитъ отъ того, что вопросъ не обсуждался насколько мнѣ извѣстно, ни въ одной изъ работъ по международному праву, кромѣ Institutes of the law of nations Лоримера? *)

*) Въ концѣ своего письма авторъ указываетъ на труды гр. Камаровскаго. *Ред.*

Но кто же не знаетъ, что область международнаго права расширяется непрерывно и что современныя изслѣдованія разсматриваютъ много предметовъ, о которыхъ наши предшественники не имѣли ни малѣйшаго представленія? И я говорю здѣсь не только о теоретическихъ представленіяхъ, но и о договорномъ правѣ, относящемся къ юридическимъ отношеніямъ во время мира и во время войны.

Быть можетъ, это зависитъ отъ того, что обязанность, о которой идетъ рѣчь, разсматривается не какъ юридическая, но какъ просто нравственная обязанность? Но вѣдь въ области международнаго права границы этихъ двухъ видовъ обязанностей не неподвижны. Было время, когда изъ области международнаго права было исключено все, что являлось простою человѣчностью. Но этотъ взглядъ не можетъ имѣть мѣста въ настоящее время, когда всѣ государства признаютъ, какъ строго право (jus strictum), то, что называютъ законами войны т.-е., совокупность предписаній, вытекающихъ изъ соображеній человѣчности, которыя всякое государство, даже въ моменты, гдѣ повидимому, не можетъ имѣть мѣста никакой иной законъ, кромѣ необходимости крайней обороны, обязано уважать.

Въ концѣ концовъ, предполагая даже, что поставленный вопросъ сомнителенъ, по меньшей мѣрѣ вѣрно то, что въ отрицательномъ смыслѣ онъ не можетъ быть разрѣшенъ a priori и кромѣ того, онъ можетъ быть разсматриваемъ также исключительно въ предѣлахъ международнаго права.

Если это такъ, то можно сказать, что уже въ силу этого вопросъ не чуждъ цѣлямъ Института, какъ они формулированы первою статьею нашего устава. По моему, онъ совершенно согласенъ съ духомъ и буквою этой статьи во многихъ отношеніяхъ и, въ особенности, потому что онъ имѣетъ въ виду поддержаніе мира (ст. 1 § 4). Но мнѣ достаточно, даже не опираясь на это основаніе, указать, что, разсматриваемый въ указанномъ выше значеніи, онъ, несомнѣнно, затрогиваетъ „основные принципы науки“ (ст. 1 §1).

Правда, что рядомъ съ вопросомъ о принципѣ, мы имѣемъ вопросъ о его предѣлахъ и организаціи. Главныя возраженія моихъ почтенныхъ товарищей почерпаются именно изъ этихъ сторонъ. Возможно ли, говорятъ они,

чтобы кто-либо, имѣя въ виду современное состояніе умовъ, отнесся съ довѣріемъ къ мечтѣ увидѣть великія державы, согласившимися взаимно уменьшить свои вооруженія и военныя издержки, или же даже просто остановить ихъ непрерывный ростъ? Не хотятъ ли, предлагая обсужденіе этого вопроса, смѣшать насъ съ обществами, требующими уничтоженія войны или желающими, чтобы государства заранѣе обязались, посредствомъ всеобщаго компромисса, предоставлять всѣ свои споры, каковы бы они ни были, третейскимъ комиссіямъ? Съ другой стороны въ спорахъ, которые вызвало бы обсужденіе идей, предлагаемыхъ мною, развѣ мы не стоимъ слишкомъ близко къ тому, чтобы затронуть жгучіе вопросы, которые возмутятъ спокойную атмосферу, въ коей вращаются наши дебаты.

Я допускаю, М. Г., что опасенія эти имѣютъ основаніе. Нашъ Институтъ долженъ особенно заботиться о своей репутаціи строго ученаго собранія, преслѣдующаго исключительно практически осуществимыя цѣли. Онъ не можетъ также не придавать особаго значенія возможности, существовавшей до сихъ поръ, благодаря духу терпимости и высокимъ чувствамъ своихъ членовъ, обсуждать темы наиболѣе щекотливыя.

Что касается до второго изъ этихъ замѣчаній, то я скажу, что именно исключительное положеніе, утвердившееся совмѣстною четырнадцатилѣтнею работою и научнымъ единеніемъ, дало мнѣ смѣлость вѣрить, что вопросы, неподходящіе для обсужденія въ другихъ мѣстахъ, могутъ изучаться нами, не нарушая нашихъ добрыхъ отношеній.

Что касается большей или меньшей степени практичности и основательности подобнаго обсужденіи, то я не раздѣляю опасеній тѣхъ изъ моихъ почтенныхъ коллегъ, которые идутъ такъ далеко, что находятъ, что это обсужденіе можетъ поставить насъ въ смѣшное положеніе. Нѣкоторые высказали даже пожеланіе, чтобы въ интересахъ достоинства Института изсчезъ всякій слѣдъ моей злосчастной мысли, какъ будто бы ваше общее достоинство было скомпрометировано абсурдною мыслью отдѣльнаго лица. Сознаюсь, что мнѣ тяжело видѣть такой страхъ не только потому, что дѣло нашего общества не можетъ вѣдь

дѣлать насъ отвѣтственными за мысль, высказанную однимъ изъ насъ подъ своею личною отвѣтственностью, но также и потому, что я могъ бы привести въ защиту моего предложенія существенныя основанія. Я приведу лишь одинъ прецедентъ, заимствованный мною изъ прекраснаго сборника, печатаемаго нашимъ коллегою проф. Мартенсомъ на основаніи оффиціальныхъ документовъ, почерпнутыхъ изъ архивовъ русскаго правительства. Я оставляю за собою право указать другіе примѣры въ иное время и въ иномъ мѣстѣ.

Вотъ что я читаю въ 1-ой ч. IV тома, на 36-й страницѣ этого собранія:

„Вопросомъ, занявшимъ въ это время (1816) вниманіе Вѣнскаго и Петербургскаго правительствъ, былъ вопросъ о разоруженіи, возбужденный по личной иниціативѣ англійскаго принца-регента. Идея послѣдняго заключалась въ томъ, чтобы международная конференція, состоящая изъ военныхъ, уполномоченныхъ европейскими великими державами, опредѣлила нормальный мирный составъ арміи для каждой державы. Русское правительство встрѣтило съ полнѣйшимъ сочувствіемъ предложеніе Англіи и высказало желаніе, чтобы вмѣстѣ съ тѣмъ было также опредѣлено на будущемъ конгрессѣ „состояніе естественнаго мира“ между европейскими народами.

Что касается австрійскаго правительства, то оно, съ своей стороны, приняло въ серьезное соображеніе англійское предложеніе, тѣмъ болѣе, что финансы Австріи находились въ самомъ плачевномъ положеніи. По поводу этого вопроса князь Меттернихъ, въ особенномъ меморандумѣ, высказываетъ свой взглядъ на назначеніе постоянныхъ армій вообще.

Съ точки зрѣнія внутренняго государственнаго порядка, постоянныя арміи—необходимая опора правительства. Но, продолжаетъ князь, ошибочно видѣть въ нихъ *единственную* силу и наиболѣе надежную опору правительства. „Вѣдь дѣйствительная сила государей, говоритъ князь, гораздо болѣе коренится въ ихъ образѣ правленія и въ началахъ, на которыхъ они основываютъ свою администрацію, однимъ словомъ, болѣе заключается въ ихъ дѣйствительной нравственной силѣ, нежели въ содержаніи большихъ военныхъ силъ“.

Огромная армія представляетъ значительную опасность даже для самаго внутренняго порядка въ государствѣ, потому что ею истощаются средства, необходимыя для мудраго управленія народами. Особенно же опасны большія арміи въ настоящую минуту (1816), когда сами военные пропитаны революціонными идеями и предаются такимъ надеждамъ, которыя осуществимы только при полнѣйшемъ измѣненіи нынѣшнихъ государственныхъ порядковъ.

Обращаясь, затѣмъ, къ разсмотрѣнію этого вопроса съ точки зрѣнія внѣшней политики, австрійское правительство также не видитъ никакой необходимости въ огромныхъ арміяхъ въ то самое время, когда великимъ державамъ, по взаимному соглашенію, окончательно назначены ихъ территоріальныя границы, которыя онѣ не желаютъ ни расширить, ни сузить. При такомъ настроеніи правительствъ, огромныя арміи могутъ только вызывать опасенія и боязнь за нарушеніе европейскаго мира.

На основаніи всѣхъ этихъ соображеній, австрійское правительство уже само уменьшило численный составъ своей арміи и оно съ удовольствіемъ принимаетъ какъ англійское, такъ и русское предложеніе. На будущей конференціи, которая должна быть созвана въ силу ноябрьскаго договора 1815 г., возбужденный вопросъ можетъ быть рѣшенъ окончательнымъ образомъ. Вѣнскій дворъ согласился поддерживать на ней предложеніе русскаго правительства относительно „état de paix naturel“ европейскихъ армій и народовъ“.

Я не сократилъ этой цитаты, несмотря на то, что во многомъ она носитъ отпечатокъ обстоятельствъ и политическихъ взглядовъ, неприложимыхъ къ нашему времени. Но, признавая даже за этими отличіями самый широкій характеръ, несомнѣнно, что шестьдесятъ лѣтъ тому назадъ великія державы, направлявшія европейскую политику, не разсматривали утвержденіе, съ общаго согласія, „état de paix naturel“ европейскихъ армій и народовъ ни неразумнымъ, ни неосуществимымъ. Остается несомнѣннымъ что англійскій принцъ-регентъ считалъ вполнѣ возможнымъ, чтобы международная конференція, состоящая изъ военныхъ, „уполномоченныхъ европейскими великими державами, опредѣлила нормальный мирный составъ арміи для каждой державы“.

Развѣ со времени эпохи Священнаго Союза мы ушли въ этомъ отношеніи назадъ, и что представлялось тогда правителямъ государствъ практичною идеею представляется въ настоящее время лишь химерою, способною скомпрометировать разумность тѣхъ, кто ею увлекается *).

*) Манифестъ мира 12 авг. 1898 г. и собравшаяся въ Гаагѣ конференція мира лучшій отвѣтъ на поставленный вопросъ, даже и въ томъ случаѣ, если оправдаются предсказанія нѣкоторыхъ изъ скептиковъ, въ которыхъ, конечно, никогда не будетъ недостатка, о томъ, что означенная конференція не ознаменуется непосредственнымъ практическимъ успѣхомъ.

Ред.

III.

Общія положенія Брюссельской декларації *).

Ст. 1.—Международная война есть состояніе открытой борьбы между независимыми государствами (дѣйствующими отдѣльно или въ союзѣ) и ихъ вооруженными и организованными силами.

Ст. 2.—Военныя дѣйствія должны быть направлены только противъ военныхъ силъ и средствъ государства, а не противъ подданныхъ его, пока послѣдніе сами не принимаютъ активнаго участія въ войнѣ.

Ст. 3.—Для достиженія цѣли войны допускаются всѣ средства и мѣры, согласныя съ законами и обычаями войны и оправдываемыя военною необходимостью.

Законы и обычаи войны не только не разрѣшаютъ безцѣльныхъ жестокостей и варварства противъ непріятеля, но требуютъ немедленнаго, со стороны подлежащихъ властей, наказанія виновныхъ въ подобныхъ дѣйствіяхъ, не вызванныхъ необходимостью.

Ст. 4.—Военною необходимостью не могутъ быть оправдываемы: ни вѣроломство въ отношеніи непріятеля, ни объявленіе его внѣ защиты законовъ, ни разрѣшеніе противъ него насилій и звѣрствъ.

Ст. 5.—Въ случаѣ несоблюденія законовъ и обычаевъ войны, опредѣленныхъ настоящею конвенціею, противная сторона можетъ, въ видѣ только неизбѣжнаго зла, прибѣгнуть къ репрессаліямъ, не упуская, однако, изъ виду требованій человѣколюбія.

---

*) Положенія эти въ виду ихъ исключительно теоретическаго характера не были внесены въ проектъ декларации, выработанный конференціею.

IV.

Брюссельская декларація о законахъ и обычаяхъ войны.

О военной власти по отношенію къ правительству и территоріи непріятельскаго государства.

Ст. 1. Территорія признается занятою непріятельскимъ войскомъ, если въ дѣйствительности подчиняется авторитету его военной власти.

Занятіе непріятелемъ распространяется только на тѣ территоріи, гдѣ этотъ авторитетъ уже утвердился и способенъ проявлять себя на дѣлѣ.

Ст. 2. Съ прекращеніемъ авторитета законнаго правительства и по переходѣ онаго къ начальству занимающей арміи, послѣднее обязано принять всѣ зависящія отъ него мѣры къ тому, чтобы возстановить и обезпечить, насколько это возможно, общественные порядокъ и благоустройство въ занятой территоріи.

Ст. 3. Для достиженія сего оно обязано сохранить обязательную силу существовавшихъ въ странѣ, въ мирное время, законовъ, и только вслѣдствіе необходимости можетъ ихъ измѣнять, пріостанавливать на время и даже замѣнять новыми.

Ст. 4. Всѣ должностныя лица и чиновники, которые, по приглашенію военнаго начальства, согласились бы продолжать исполненіе своихъ обязанностей по службѣ, должны пользоваться его покровительствомъ. Лица эти могутъ быть устраняемы отъ должностей и подвергаемы дисциплинарнымъ взысканіямъ только въ случаѣ дурного исполненія принятыхъ ими обязательствъ; преданію же суду они подлежатъ только за вѣроломное нарушеніе оныхъ.

Ст. 5. Оккупаціонная армія можетъ взимать съ населенія налоги, подати, повинности и пошлины, только установленные уже правительствомъ; а въ случаѣ невозможности собрать ихъ, можетъ истребовать равную имъ сумму, соблюдая при этомъ, насколько это возможно, существующіе въ странѣ порядокъ и обычаи взиманія сборовъ. Доходы эти она должна употреблять на удовлетвореніе расходовъ по управленію страною, въ размѣрахъ, установленныхъ для сего законнымъ правительствомъ.

Ст. 6. Армія, занявшая территорію, можетъ завладѣть только принадлежащими собственно правительству наличными деньгами, капиталами, податями и прочими цѣнностями, складами оружія, перевозочными средствами, магазинами, запасами продовольствія и вообще всякимъ правительственнымъ движимымъ имуществомъ, могущимъ служить цѣлямъ войны.

Подвижной составъ желѣзныхъ дорогъ, сухопутные телеграфы, пароходы и другія суда, за исключеніемъ случаевъ, указанныхъ въ морскихъ законахъ, равно какъ и склады оружія и вообще всякаго рода боевые запасы, хотя бы и принадлежащіе обществамъ и частнымъ лицамъ, считаются средствами, могущими служить цѣлямъ войны, и оккупаціонная армія можетъ не оставлять ихъ въ распоряженіи непріятеля. При заключеніи мира подвижной составъ желѣзныхъ дорогъ, телеграфы, пароходы и другія вышеуказанныя суда подлежатъ возвращенію, при чемъ должно быть опредѣлено и удовлетвореніе за убытки.

Ст. 7. Государство, коего войска заняли территорію, должно считать себя распорядителемъ и только имѣющимъ право пользоваться публичными зданіями, недвижимыми имуществами, лѣсами и угодьями, принадлежащими непріятельскому государству и находящимися въ занятой странѣ. Оно обязано заботиться о сохраненіи въ цѣлости этихъ имуществъ и можетъ ими распоряжаться и управлять на точномъ основаніи правилъ о пользованіи оными.

Ст. 8. Собственность общинъ, а также учрежденій религіозныхъ, богоугодныхъ, учебныхъ, художественныхъ и ученыхъ заведеній, хотя бы и принадлежащихъ государ-

ству, должна быть уважаема наравнѣ съ частною собственностью.

Всякій захватъ, а также умышленное разрушеніе или поврежденіе подобныхъ учрежденій, памятниковъ, художественныхъ и научныхъ произведеній преслѣдуются подлежащею властью.

Кто долженъ быть признаваемъ воюющею стороною: сражающіеся и несражающіеся.

Ст. 9. Военные законы, права и обязанности присвоиваются не только арміи, но также ополченіямъ и отрядамъ волонтеровъ, если послѣдніе соединяютъ въ себѣ нижеслѣдующія условія:

1) чтобы во главѣ ихъ находилось лицо, отвѣтственное за своихъ подчиненныхъ;

2) чтобы имъ было присвоено извѣстное форменное и притомъ легко различаемое отличіе;

3) чтобы они открыто носили оружіе, и

4) чтобы въ своихъ военныхъ дѣйствіяхъ строго подчинялись законамъ и обычаямъ войны.

Въ тѣхъ странахъ, гдѣ изъ ополченія образуется армія, или гдѣ оно составляетъ часть оной, ополченію присвоивается названіе арміи.

Ст. 10. Населеніе незанятой территоріи, которое, въ виду приближенія непріятеля, добровольно вооружится для отраженія нападающаго войска и которое не имѣло еще времени организоваться, согласно *ст. 9*, должно быть признаваемо воюющею стороною, если только оно будетъ соблюдать законы и обычаи войны.

Ст. 11. Вооруженныя силы воюющихъ сторонъ могутъ состоять изъ сражающихся и несражающихся (combattants et non-combattants). Въ случаѣ взятія въ плѣнъ, какъ тѣ, такъ и другіе должны пользоваться правами, предоставленными военноплѣннымъ.

О средствахъ нанесенія вреда непріятелю.

Ст. 12. Законы войны не признаютъ за воюющими сторонами неограниченной власти въ выборѣ средствъ нанесенія другъ другу вреда.

Ст. 13. На этомъ основаніи *запрещается*:

1) Употребленіе яда или отравленнаго оружія.

2) Вѣроломное убійство лицъ, принадлежащихъ къ составу непріятельской арміи.

3) Убійство непріятеля, который, положивъ оружіе или не имѣя болѣе возможности защищаться, безусловно сдается.

4) Объявленіе о томъ, что никому не будетъ дано пощады.

5) Употребленіе оружія, снарядовъ и веществъ, причиняющихъ напрасныя физическія страданія, а также употребленіе разрывныхъ пуль, запрещенныхъ С.-Петербургскою декларацією 1868 года.

6) Злоупотребленіе парламентерскимъ и національнымъ флагами, военными знаками или форменной одеждой непріятеля, а равно отличительными знаками, установленными Женевскою конвенціею.

7) Всякое разрушеніе и захватъ собственности непріятеля, не вызванные крайнею военною необходимостью.

Ст. 14. Военныя хитрости и употребленіе необходимыхъ способовъ къ полученію свѣдѣній о непріятелѣ и о занимаемой имъ мѣстности (кромѣ случаевъ, указанныхъ въ *ст. 36*) почитаются позволительными и *законными*.

Объ осадѣ и бомбардированіи.

Ст. 15. Только одни укрѣпленныя мѣста могутъ подлежать осадѣ. Открытые и незащищаемые города, поселенія и деревни не подлежатъ ни атакѣ, ни бомбардированію.

Ст. 16. Если же городъ, военное укрѣпленіе, поселеніе или деревня защищаются, командующій осаждающими войсками, прежде чѣмъ приступить къ бомбардированію, обязанъ принять всѣ отъ него зависящія мѣры къ предупрежденію городскихъ властей о своемъ намѣреніи, исключая случаи, когда онъ имѣетъ въ виду сдѣлать нападеніе врасплохъ.

Ст. 17. Во время бомбардированія должно принимать всѣ зависящія мѣры для пощады, сколько возможно, церквей, художественныхъ, научныхъ и человѣколюбивыхъ сооруженій, госпиталей и другихъ пунктовъ, назначаемыхъ для

сбора больныхъ и раненыхъ, если только послѣдніе не употребляются въ то же время и для достиженія какихъ-либо военныхъ цѣлей.

Осажденные же обязываются обозначить эти сооруженія посредствомъ особыхъ видимыхъ знаковъ, которые должны быть заблаговременно указаны непріятелю.

Ст. 18. Городъ, взятый приступомъ, не можетъ быть отданъ на разграбленіе войскамъ.

О лазутчикахъ (шпіонахъ).

Ст. 19. Лазутчикомъ можетъ быть признаваемо только такое лицо, которое, дѣйствуя тайнымъ образомъ и подъ разными ложными предлогами, собираетъ или только еще старается собрать свѣдѣнія въ мѣстности, занятой непріятелемъ, съ намѣреніемъ объ открытомъ донести противной сторонѣ.

Ст. 20. Лазутчикъ, пойманный при совершеніи преступленія, подлежитъ преданію суду и взысканію на основаніи военныхъ законовъ, дѣйствующихъ въ арміи, взявшей его.

Ст. 21. Шпіонъ, вернувшійся къ своей арміи и впослѣдствіи захваченный непріятелемъ, обращается въ военноплѣннаго и не подлежатъ никакой отвѣтственности за свой прежній проступокъ.

Ст. 22. Военныя лица, проникнувшія въ предѣлы дѣйствій непріятельскихъ войскъ, съ цѣлью собиранія свѣдѣній, не считаются шпіонами, если ихъ можно было распознать въ качествѣ военныхъ.

Равнымъ образомъ, не должны быть признаваемы шпіонами: военныя лица (а также и *не*военныя, но открыто исполняющія свою обязанность), посланныя для передачи депешъ какъ своей, такъ и непріятельской арміи, въ случаѣ, если бы эти лица были захвачены непріятелемъ.

Къ той же категоріи принадлежатъ и лица, захваченныя на воздушныхъ шарахъ, посылаемыя для передачи депешъ и вообще для поддержанія сношеній между различными частями войскъ или территоріи.

О военноплѣнныхъ.

Ст. 23. Военноплѣнные признаются законными обезоруженными непріятелями.

Они находятся во власти непріятельскаго правительства, но не лицъ или отрядовъ, взявшихъ ихъ въ плѣнъ.

Обращаться съ ними слѣдуетъ человѣколюбиво.

Всякое нарушеніе ими подчиненія можетъ вызвать принятіе относительно ихъ необходимыхъ мѣръ строгости.

Всякое имущество, лично имъ принадлежащее, за исключеніемъ оружія, какъ собственность, не подлежитъ отобранію отъ нихъ.

Ст. 24. Военноплѣнные могутъ быть водворяемы въ какомъ-либо городѣ, крѣпости, лагерѣ или мѣстности, съ обязанностью не отлучаться далѣе опредѣленныхъ границъ; но содержать ихъ въ мѣстахъ заключенія можно не иначе, какъ въ видахъ необходимой безопасности.

Ст. 25. Военноплѣнные могутъ быть употребляемы на нѣкоторыя общественныя работы, не имѣющія прямого отношенія къ дѣйствіямъ, происходящимъ на театрѣ войны, съ тѣмъ, чтобы работы эти не были изнурительны и унизительны для военнаго ихъ чина, буде они принадлежатъ къ арміи, или для ихъ оффиціальнаго общественнаго положенія, если они не входятъ въ ея составъ.

Равнымъ образомъ, они могутъ заниматься разными промыслами и другими частными работами, подчиняясь правиламъ и распоряженіямъ, могущимъ быть изданными на сей предметъ военною властью.

Заработанныя ими деньги должны служить средствомъ къ улучшенію ихъ содержанія, или же будутъ имъ выплачиваемы при освобожденіи. Въ этомъ случаѣ расходы по содержанію ихъ могутъ быть удержаны изъ причитающейся имъ суммы вознагражденія.

Ст. 26. Военноплѣнные никакими способами не могутъ быть принуждаемы къ принятію какого-либо участія въ продолжающихся военныхъ дѣйствіяхъ.

Ст. 27. Правительство, во власти коего находятся военноплѣнные, принимаетъ на себя ихъ содержаніе.

Условія содержанія военноплѣнныхъ могутъ быть устанавливаемы по взаимному соглашенію воюющихъ сторонъ.

Въ случаѣ несуществованія соглашенія по сему предмету, признается общимъ правиломъ, чтобы военноплѣнные относительно пищи и одѣянія были довольствуемы наравнѣ съ войсками правительства, взявшаго ихъ въ плѣнъ.

Ст. 28. Военноплѣнные подчиняются законамъ и постановленіямъ, дѣйствующимъ въ арміи, во власти коей они находятся.

Въ случаѣ бѣгства военноплѣннаго, дозволяется употребленіе противъ него оружія, если только онъ не подчинится требованію о возвращеніи. Въ случаѣ поимки, онъ подлежитъ дисциплинарному взысканію или болѣе строгому надзору.

Въ случаѣ, если, послѣ удачнаго совершенія побѣга, военноплѣнный впослѣдствія снова будетъ взятъ въ плѣнъ, онъ не подлежатъ никакому взысканію за свой прежній побѣгъ.

Ст. 29. Каждый военноплѣнный обязанъ по требованію объявить свой настоящій чинъ и имя, а въ случаѣ нарушенія этого правила, можетъ подлежать ограниченію преимуществъ, предоставленныхъ военноплѣннымъ той категоріи, къ которой онъ принадлежитъ.

Ст. 30. Обмѣнъ военноплѣнныхъ опредѣляется по взаимному соглашенію воюющихъ сторонъ.

Ст. 31. Военноплѣнные могутъ быть освобождаемы на честное слово, если только это имъ дозволяется законами ихъ страны, и, въ такомъ случаѣ, они обязаны, подъ отвѣтственностью своей личной чести, добросовѣстно выполнять какъ въ отношеніи собственнаго правительства, такъ и въ отношеніи правительства, взявшаго ихъ въ плѣнъ, всѣ принятыя ими на себя обязательства.

При этомъ ихъ собственное правительство не должно ни требовать, ни принимать отъ нихъ услугъ, противныхъ данному ими честному слову.

Ст. 32. Военноплѣннаго нельзя принудить къ принятію освобожденія на честное слово, равно какъ и непріятельское правительство не обязывается непремѣнно соглашаться на просьбу военноплѣннаго о таковомъ освобожденіи.

Ст. 33. Всякій военноплѣнный, освобожденный на честное слово и снова взятый съ оружіемъ въ рукахъ противъ правительства, въ отношеніи коего онъ обязался честью, можетъ подлежать лишенію правъ, предоставляемыхъ военноплѣннымъ, и преданію военному суду.

Ст. 34. Равнымъ образомъ могутъ быть сдѣланы военноплѣнными и тѣ лица, кои, состоя при войскахъ, тѣмъ не менѣе не входятъ въ дѣйствительный составъ ихъ, какъ-то: корреспонденты журналовъ, маркитанты, подрядчики, и т. д. Но эти лица должны быть снабжены отъ подлежащей власти разрѣшеніемъ состоять при войскахъ и удостовѣреніемъ въ личности.

О больныхъ и раненыхъ.

Ст. 35. Обязанности воюющихъ сторонъ въ отношеніи ухода за больными и ранеными воинами опредѣляются Женевскою конвенціей 22-го августа 1864 года, если только послѣдняя не подвергнется измѣненіямъ.

О военной власти по отношенію къ частнымъ лицамъ.

Ст. 36. Неселеніе занятой территоріи не можетъ быть принуждаемо къ принятію участія въ военныхъ дѣйствіяхъ противъ своей страны.

Ст. 37. Населеніе занятой территоріи не можетъ быть также принуждаемо къ принятію присяги въ постоянномъ подданствѣ непріятельскому государству.

Ст. 38. Честь и семейныя отношенія, жизнь и собственность частныхъ лицъ, равно какъ и ихъ религіозныя убѣжденія и исполненіе обрядовъ своего вѣроисповѣданія должны быть уважаемы непріятелемъ.

Частная собственность не можетъ подлежатъ конфискаціи.

Ст. 39. Положительно воспрещается разграбленіе частнаго имущества.

О контрибуціяхъ и реквизиціяхъ.

Ст. 40. Собственность частныхъ лицъ должна быть уважаема; поэтому непріятель можетъ требовать отъ общинъ, а также и жителей платежа налоговъ и исполненія повин-

ностей, только вполнѣ соотвѣтствующихъ дѣйствительнымъ общепринятымъ нуждамъ войны, соразмѣрныхъ со средствами страны и не вынуждающихъ населеніе къ принятію участія въ военныхъ дѣйствіяхъ противъ своего отечества.

Ст. 41. При взиманіи контрибуцій, налагаемыхъ—или въ суммѣ, равной окладу податей (смотри *ст. 5*), или взамѣнъ слѣдующихъ съ населенія натуральныхъ повинностей, или же въ видѣ пени, непріятель долженъ руководствоваться, насколько возможно, дѣйствующими въ занятой территоріи правилами относительно распредѣленія и раскладки податей.

Гражданское начальство законнаго правительства, если оно осталось при исполненіи своихъ обязанностей, окажетъ этому взиманію свое содѣйствіе.

Контрибуціи могутъ быть налагаемы только по распоряженію и подъ личною отвѣтственностью главнокомандующаго или высшаго гражданскаго начальства, установленнаго непріятелемъ въ занятой территоріи.

При взиманіи контрибуцій должны быть выдаваемы квитанціи лицамъ, имъ подвергшимся.

Ст. 42. Реквизиціи не иначе могутъ быть производимы, какъ по распоряженію командующаго войсками въ занятой мѣстности.

За всякую реквизицію должно быть назначено вознагражденіе или выдана установленная квитанція.

О парламентерахъ.

Ст. 43. Парламентеромъ считается лицо, уполномоченное одною изъ воюющихъ сторонъ на вступленіе въ переговоры съ другою и являющееся съ бѣлымъ знаменемъ, въ сопровожденіи трубача (горниста или барабанщика), а также и знаменоносца. Правомъ личной неприкосновенности должны пользоваться какъ самъ парламентеръ, такъ и сопровождающіе его трубачъ (горнистъ или барабанщикъ) и знаменоносецъ.

Ст. 44. Начальникъ войскъ, къ которому отправленъ парламентеръ, не обязанъ принимать его всегда и при всѣхъ условіяхъ. Ему предоставляется принимать всѣ нужныя мѣ-

ры къ тому, чтобы парламентеръ не воспользовался своимъ пребываніемъ въ лагерѣ непріятеля во вредъ послѣднему, и если парламентеръ окажется виновнымъ въ злоупотребленіи этимъ довѣріемъ къ нему, то начальникъ войскъ пользуется правомъ временно его задержать. Независимо отъ сего, ему предоставляется заранѣе объявить о томъ, что въ теченіе извѣстнаго срока онъ не приметъ никакихъ парламентеровъ. Послѣ такого объявленія парламентеры, отправленные къ непріятелю стороною, поставленною о томъ въ извѣстность, не пользуются уже правомъ на личную неприкосновенность.

Ст. 45. Если самымъ положительнымъ и несомнѣннымъ образомъ будетъ доказано, что парламентеръ воспользовался своимъ привилегированнымъ положеніемъ для подстрекательства къ измѣнѣ и для совершенія оной, то онъ лишается правъ на личную неприкосновенность.

О капитуляціи.

Ст. 46. Условія капитуляціи опредѣляются договорами воюющихъ сторонъ.

Условія эти не должны быть противны воинской чести.

Если соглашеніе состоялось, то опредѣленныя условія капитуляціи должны быть свято соблюдены обѣими сторонами.

О перемиріи.

Ст. 47. По взаимному соглашенію воюющихъ сторонъ, перемиріемъ пріостанавливаются на время военныя дѣйствія. Если срокъ перемирія не опредѣленъ, то воюющимъ сторонамъ предоставляется во всякое время возобновить военныя дѣйствія, съ тѣмъ только, чтобы непріятель предварительно былъ объ этомъ извѣщенъ, на точномъ основаніи условія о перемиріи.

Ст. 48. Перемиріе можетъ быть общимъ или мѣстнымъ. Первое пріостанавливаетъ повсюду военныя дѣйствія воюющихъ государствъ; послѣднее только между извѣстною частью воюющихъ армій, въ предѣлахъ извѣстной мѣстности.

Ст. 49. О заключеніи перемирія надлежитъ объявлять оффиціально и безъ всякаго замедленія подлежащимъ вла-

стямъ и войскамъ. Непріязненныя дѣйствія должны быть прекращены тотчасъ же по таковомъ объявленіи.

Ст. 50. Отъ договаривающихся сторонъ зависитъ опредѣлять, при какихъ условіяхъ могутъ происходить сношенія между населеніемъ занятыхъ ими областей.

Ст. 51. Нарушеніе перемирія одною изъ сторонъ даетъ право другой считать перемиріе и для себя необязательнымъ.

Ст. 52. Нарушеніе условій перемирія отдѣльными лицами, по собственной ихъ иниціативѣ, даетъ только право требовать наказія виновныхъ въ томъ и вознагражденія убытковъ, если таковые дѣйствительно произошли.

О водвореніи воюющихъ и о пользованіи раненыхъ въ странѣ нейтральной.

Ст. 53. Нейтральное государство, допуская на свою территорію войска, входящія въ составъ воюющихъ армій, обязывается водворить ихъ какъ можно далѣе отъ театра войны.

Отъ него зависитъ содержать войска въ лагеряхъ или же заключить ихъ въ крѣпостяхъ и другихъ приспособленныхъ къ тому мѣстахъ.

Отъ него же зависитъ разрѣшеніе офицерамъ оставаться на свободѣ, съ отобраніемъ отъ нихъ обязательства, подъ честнымъ словомъ, не отлучаться, безъ особаго на то разрѣшенія, изъ предѣловъ нейтральной территоріи.

Ст. 54. Въ случаѣ, если не будетъ особаго о томъ соглашенія, нейтральное государство, принимающее на свою территорію воюющіе отряды, обязано снабдить водворенныхъ продовольствіемъ, пищею, одеждою и оказать имъ, согласно съ человѣколюбіемъ, необходимую помощь.

При заключеніи мира расходы по водворенію войскъ должны быть возмѣщены.

Ст. 55. Нейтральное государство можетъ разрѣшать провозъ чрезъ свою территорію больныхъ и раненыхъ воиновъ, принадлежащихъ къ воюющимъ арміямъ, съ тѣмъ только ограниченіемъ, чтобы въ поѣздахъ этихъ не было

перевозимо ни боевыхъ запасовъ, ни людей на пополненіе арміи.

При этомъ отъ него зависитъ принять всѣ необходимыя мѣры для обезпеченія правильности таковой перевозки и для установленія за нею надлежащаго контроля.

Ст. 56. Относительно больныхъ и раненыхъ, водворенныхъ на нейтральной территоріи, дѣйствуютъ правила, установленныя Женевскою конвенціей (т. е. 1864 г.).

V.

Проектъ договора о третейскомъ судѣ между Англіею и Соединенными Штатами.

12 января 1897 г. въ Вашингтонѣ представителями двухъ великихъ государствъ англо-саксонской расы былъ подписанъ проектъ договора о третейскомъ судѣ. Договоръ этотъ, правда, не устанавливаетъ организаціи постояннаго третейскаго суда, такъ какъ имъ предусматривается созваніе каждый разъ особаго суда лишь для каждаго даннаго спорнаго отношенія. Но фактически, такъ какъ судъ постоянно предполагается организовывать на основаніи однихъ и тѣхъ же принциповъ, а равнымъ образомъ потому, что почти всѣ возможныя категоріи споровъ предположено разрѣшать третейскимъ судомъ, организація этого послѣдняго имѣетъ большое сходство съ постояннымъ международнымъ судомъ, предметомъ многочисленныхъ мечтаній друзей мира.

Текстъ проекта этого договора слѣдующій.

„Правительства Великобританіи и Соединенныхъ Штатовъ, желая упрочить дружественныя отношенія, существующія между обоими государствами, и утвердить посредствомъ трактата принципъ международнаго третейскаго суда, заключили слѣдующій договоръ:

Ст. 1. Высокія договаривающіяся стороны соглашаются представлять третейскому разбирательству всѣ спорные вопросы, за исключеніемъ упомянутыхъ ниже, которые возникнутъ между ними и не могутъ быть разрѣшены дипломатическимъ путемъ.

Ст. 2. Рѣшенію третейскаго суда, организованнаго на основаніяхъ нижеслѣдующихъ статей, будутъ предоставлены денежныя требованія или совокупность денежныхъ требованій, не превышающихъ въ общей сложности суммы въ 100.000 ф. стерл. и не имѣющія характера притязаній на территорію. Выраженіе „сово-

купность денежныхъ требованій", употребленное въ настоящей статьѣ и въ статьѣ 4-й, обозначаетъ требованіе однимъ или нѣсколькими лицами денегъ, покоющееся на однихъ и тѣхъ же происшествіяхъ или вытекающее изъ однихъ и тѣхъ же юридическихъ и фактическихъ данныхъ.

Ст. 3. Каждая изъ Высокихъ договаривающихся сторонъ укажетъ въ лицѣ авторитетнаго юриста по одному третейскому судьѣ; эти два судьи, въ теченіе двухъ мѣсяцевъ со дня назначенія, изберутъ общаго посредника. Въ случаѣ, если онѣ не сдѣлаютъ этого въ назначенный срокъ, общій посредникъ будетъ указанъ, по взаимному соглашенію, членами Верховнаго суда Соединенныхъ Штатовъ и членами Судебной комиссіи англійскаго тайнаго совѣта, при чемъ назначеніе въ каждомъ изъ этихъ установленій будетъ произведено по большинству голосовъ. Если они, въ теченіе трехъ мѣсяцевъ со дня приглашенія ихъ обѣими или одною изъ Высокихъ договаривающихся сторонъ, не будутъ въ состояніи согласиться относительно выбора общаго посредника, то этотъ послѣдній назначается способомъ, предусмотрѣннымъ въ 10 статьѣ. Указанное такимъ образомъ лицо будетъ исполнять обязанности предсѣдателя суда, рѣшеніе котораго, постановленное по большинству голосовъ, окончательно.

Ст. 4. Рѣшенію третейскаго суда, организованнаго на основаніи предшествующей статьи, будутъ предоставлены всѣ денежныя требованія или совокупность денежныхъ требованій, превышающихъ въ общей сложности сумму въ 100.000 ф. ст., а равнымъ образомъ всѣ остальные споры, по поводу которыхъ одна изъ Высокихъ договаривающихся сторонъ можетъ ссылаться относительно другой стороны на права, вытекающія изъ трактата или изъ всякаго иного основанія, лишь бы эти споры не имѣли характера притязаній на территорію.

Ст. 5. Упомянутые въ 4-й статьѣ споры будутъ предоставлены рѣшенію суда, организованнаго на основаніи 3-й статьи. Приговоръ этого суда окончателенъ, если онъ постановленъ единогласно; въ противномъ же случаѣ, каждая изъ договаривающихся сторонъ можетъ просить, въ теченіе шести мѣсяцевъ со дня постановленія приговора, о его пересмотрѣ. Тогда споръ будетъ переданъ третейскому суду, составленному изъ пяти авторитетныхъ юристовъ, исключая тѣхъ, приговоръ которыхъ подлежитъ пересмотру. Каждая изъ Высокихъ договаривающихся сторонъ назначитъ по два третейскихъ судьи и они четверо, собравшись, укажутъ въ теченіе трехъ мѣсяцевъ, со дня своего назначенія, общаго посредника Въ случаѣ, если они не сдѣлаютъ этого въ предписанный срокъ, общій посредникъ будетъ избранъ по взаимному соглашенію установленіями, упомянутыми въ 3-й статьѣ, и способами, указанными въ этой статьѣ. Если они, въ теченіе 3 мѣсяцевъ со дня приглашенія ихъ обѣими или одной изъ Высокихъ договаривающихся сторонъ, не будутъ въ состояніи согла-

ситься относительно выбора общаго посредника, то этотъ послѣдній назначается способомъ, предусмотрѣннымъ въ 10 статьѣ. Указанное такимъ образомъ лицо будетъ исполнять обязанности предсѣдателя суда, рѣшеніе котораго, постановленное по большинству голосовъ, окончательно.

Ст. 6. Всякій споръ, имѣющій характеръ притязанія на территорію, будетъ предоставленъ суду шести лицъ, трое изъ которыхъ будутъ назначены, за исключеніемъ случаевъ, предусмотрѣнныхъ въ 8-й статьѣ, изъ числа членовъ Верховнаго суда или изъ членовъ окружныхъ судовъ Президентомъ Соединенныхъ Штатовъ, а трое другихъ, при соблюденіи тѣхъ же ограниченій, изъ числа судей Верховнаго англійскаго суда или Судебной комиссіи англійскаго тайнаго совѣта Ея Величествомъ королевой Великобританіи. Приговоръ суда будетъ окончательнымъ, если онъ постановленъ единогласно или большинствомъ пяти голосовъ противъ одного. Въ случаѣ простого большинства онъ также будетъ окончательнымъ, если только ни одна изъ сторонъ не заявитъ въ теченіе трехъ мѣсяцевъ со дня его произнесенія о признаніи его недѣйствительнымъ. Это заявленіе уничтожитъ приговоръ. Договаривающіяся державы въ случаѣ признанія приговора, постановленнаго простымъ большинствомъ, на указанномъ основаніи, ничтожнымъ, или же въ случаѣ равнаго раздѣленія голосовъ третейскаго суда, обязуются не прибѣгать ни къ какимъ враждебнымъ мѣрамъ какого-бы то ни было рода, прежде чѣмъ обратиться, вмѣстѣ или порознь, къ посредничеству одной или нѣсколькихъ дружественныхъ державъ.

Ст. 7. Компетенція третейскаго суда, организованнаго согласно съ постановленіями настоящаго трактата, можетъ быть оспариваема только въ слѣдующемъ случаѣ. Когда третейскій судъ, организованный на основаніи 3 или 5 статей, передъ окончаніемъ разслѣдованія представленнаго ему притязанія, признаетъ, по просьбѣ одной изъ Высокихъ договаривающихся сторонъ, что опредѣленіе этого притязанія необходимымъ образомъ повлечетъ за собою разрѣшеніе спора о вопросѣ принципіальной важности, имѣющаго существенное и общее значеніе, затрогивающаго національныя права, то, такъ какъ сторона, дѣлающая заявленіе, выступаетъ въ сущности, не какъ представительница частныхъ интересовъ, а какъ субъектъ международнаго права, третейскій судъ явится некомпетентнымъ для постановленія рѣшенія по данному притязанію. Это послѣднее будетъ предоставлено третейскому суду, предусмотрѣнному 6-ю статьею.

Ст. 8. Когда споръ касается одного изъ штатовъ или одной изъ территорій Соединенныхъ Штатовъ, президентъ можетъ указать третейскимъ судьей судебнаго чиновника этого штата или территоріи. Когда споръ касается одной изъ британскихъ колоній или владѣній, Ея Величество можетъ указать третейскимъ судьею судебнаго чиновника этой колоніи или владѣнія.

Ст. 9. Кромѣ непосредственныхъ требованій территоріи, подъ

выраженіемъ притязанія на территорію слѣдуетъ понимать всѣ споры о сервитутахъ, о правѣ судоходства, о рыболовствѣ и о всѣхъ правахъ и интересахъ, осуществленіе которыхъ непосредственно связано съ управленіемъ или пользованіемъ территоріею, на которую имѣетъ притязаніе одна изъ Высокихъ договаривающихся сторонъ.

Ст. 10. Если установленія, обозначенныя въ 3-й и 5-й статьяхъ, не могутъ согласиться относительно назначенія общаго посредника, то этотъ послѣдній будетъ указанъ его Величествомъ королемъ Швеціи и Норвегіи. Каждая изъ Высокихъ договаривающихся сторонъ можетъ, тѣмъ не менѣе, во всякое время обозначить, вслѣдствіе измѣненія характера отношеній, при наличности которыхъ заключенъ настоящій трактатъ, всякое другое государство, которымъ оно признаетъ удобнымъ замѣстить государство Его Величества. Къ указанному государству можно будетъ по этому поводу обратиться за совѣтомъ.

Ст. 11. Въ случаяхъ смерти и т. д. третейскаго судьи его замѣщеніе будетъ произведено такимъ же образомъ, какъ и назначеніе.

Ст. 12. Каждое государство будетъ уплачивать вознагражденіе совѣтникамъ и судьямъ, имъ избраннымъ. Впрочемъ, въ случаяхъ особенной важности, представленныхъ третейскому суду, одна изъ сторонъ можетъ согласиться на дѣйствія по веденію спора, защиты и представленія опроверженій, издержки на каковыя не ложатся на нее. Третейскій судъ въ своемъ окончательномъ рѣшеніи постановитъ, необходимо ли расходы выигравшей дѣло стороны, и въ какомъ размѣрѣ, возложить на противную сторону.

Ст. 13. Судъ опредѣлитъ самъ время и мѣсто своихъ засѣданій, а равнымъ образомъ онъ сдѣлаетъ постановленіе о способѣ производства разслѣдованія и о всѣхъ вопросахъ процедуры. Приговоръ суда будетъ, если возможно, постановленъ черезъ 3 мѣсяца по окончаніи слѣдствія. Онъ долженъ быть письменнымъ и снабженъ указаніемъ числа своего составленія и подписями участвовавшихъ въ немъ третейскихъ судей.

Ст. 14. Настоящій трактатъ будетъ имѣть силу въ теченіе 5 лѣтъ со дня своего перваго примѣненія и будетъ, затѣмъ, продолжаться до тѣхъ поръ, пока одна изъ Высокихъ договаривающихся сторонъ не увѣдомитъ за двѣнадцать мѣсяцевъ заранѣе, о своемъ намѣреніи отказаться отъ договора.

Ст. 15. Настоящій трактатъ будетъ ратификованъ Президентомъ Соединенныхъ Штатовъ и Ея Величествомъ королевою Великобританіи и Ирландіи. Обмѣнъ ратификацій будетъ имѣть мѣсто въ Вашингтонѣ или въ Лондонѣ черезъ шесть мѣсяцевъ или, если возможно, скорѣе.

Представленный, согласно конституціи Сѣверо-Американскихъ Штатовъ, на одобреніе сената, вышеприведенный проектъ договора не встрѣтилъ здѣсь требуемаго тою же конституціей большинства двухъ третей голосовъ и та-

кимъ образомъ не могъ быть ратификованъ, не могъ получить въ указанной закономъ формѣ обязательную силу для государства Соединенныхъ Штатовъ. 5 мая 1897 г. въ сенатѣ за ратификацію высказались 43, а противъ нея 26 голосовъ.

Такое сопротивленіе сената введенію въ жизнь соглашенія, въ пользу котораго опредѣленно высказалось въ Америкѣ общественное мнѣніе, объясняется опасеніемъ, что Соединенные Штаты по заключеніи договора оказались бы вынужденными передать на разрѣшеніе третейскаго суда вопросы чрезвычайной политической важности,—вопросы объ Аляскѣ и Никарагуа. Въ то же время въ сенатѣ отнеслись весьма подозрительно къ той роли, которая предоставляется договоромъ шведскому королю, безпристрастіе котораго слишкомъ заподозрѣвалось.

Поправки къ проекту договора, которыя были вотированы въ сенатѣ наглядно обнаруживаютъ его настроеніе и его опасенія. Предлагалась, прежде всего, слѣдующая поправка: „Никакой изъ вопросовъ, затрогивающихъ внутреннюю и внѣшнюю политику каждой изъ высокихъ договаривающихся сторонъ или ихъ отношенія со всякимъ другимъ государствомъ, не будетъ предоставленъ третейскому суду иначе, какъ въ силу особаго на данный случай соглашенія". Затѣмъ уже стали высказываться и требованія о совершенномъ исключеніи изъ вѣдѣнія третейскаго суда территоріальныхъ вопросовъ, а также вопросовъ, связанныхъ съ внутреннею и внѣшнею политикою,—требованія, чтобы каждый случай примѣненія трактата представлялся на особое одобреніе сената.

Несмотря на неудачу, постигшую проектъ договора 1897 г., дѣло установленія постояннаго третейскаго суда между Англіей и Соединенными Штатами не слѣдуетъ считать погибшимъ, такъ какъ общественное мнѣніе и многочисленныя политическія и экономическія связи между обоими этими государствами обусловливаютъ возможность и желательность такого суда. При поддержкѣ благопріятно настроеннаго общественнаго мнѣнія партизаны третейскато суда достигнутъ признанія договора, уже подписаннаго государственными людьми Англіи и Соединенныхъ Штатовъ.

VI.

Проектъ постояннаго международнаго третейскаго суда.

Междупарламентская конференція на своемъ собраніи въ Брюсселѣ, принимая въ соображеніе часто встрѣчающіеся случаи третейскихъ рѣшеній споровъ между государствами, а равно большое число условій о компромиссахъ, въ трактатахъ и желая, съ другой стороны, прочнаго утвержденія въ жизни международной юстиціи и юрисдикціи, поручаетъ своему президенту довести до благосклоннаго свѣдѣнія правительствъ цивилизованныхъ государствъ нижеслѣдующія постановленія, которыя могли бы послужить предметомъ обсужденія на дипломатической конференціи или войти въ спеціальныя конвенціи.

I.

„Договаривающіяся стороны учреждаютъ *постоянный международный третейскій судъ* (une Cour permanente d'arbitrage international) для рѣшенія споровъ, которые будутъ ему предъявлены. Въ случаѣ возникновенія несогласія между двумя или нѣсколькими сторонами онѣ рѣшаютъ, можетъ ли этотъ споръ, по природѣ своей, быть представленъ въ судъ, не касаясь притомъ обязательствъ, могущихъ существовать между ними въ силу договоровъ".

II.

„Судъ пребываетъ въ... *)

Онъ можетъ избрать для себя и другое мѣсто по рѣшенію большинства трехъ четвертей государствъ, приступи-

*) Въ городѣ, на который ему укажутъ державы. Въ средѣ комиссіи раздавались голоса въ пользу Берна, Брюсселя, Ло-

вшихъ къ акту объ его учрежденіи. Правительство страны, гдѣ судъ находится,обезпечиваетъ ему безопасность, а равно свободу его занятій и рѣшеній".

III.

„Каждое изъ договаривающихся или приступающихъ къ договору правительствъ назначаетъ въ судъ по два члена. Впрочемъ, два или нѣсколько государствъ могутъ избрать и сообща двухъ членовъ. Эти лица назначаются на пятилѣтній срокъ, полномочія ихъ могутъ быть впослѣдствіи про-должены".

IV.

„Содержаніе члены получаютъ отъ назначившаго ихъ государства.

Расходы же на судъ падаютъ равными частями на всѣ признавшія его государства".

V.

„Судъ изъ своей среды избираетъ на одинъ годъ предсѣдателя и товарища его. Предсѣдатель можетъ быть избранъ вторично лишь по истеченіи пяти лѣтъ. Товарищъ замѣняетъ его во всѣхъ случаяхъ, гдѣ того потребуютъ обстоятельства. Судъ назначаетъ секретаря и другихъ служащихъ въ нужномъ для него числѣ. Секретарь живетъ въ городѣ, гдѣ находится судъ, и хранитъ его архивъ".

VI.

„Стороны могутъ по общему соглашенію предъявлять свой споръ непосредственно въ судъ".

VII.

„Судъ составляется посредствомъ нотификаціи, представляемой секретарю. Послѣдній препровождаетъ ее немедленно къ предсѣдателю".

занны или Льежа, но справедливо замѣчаетъ Мошъ, что наиболѣе подходящимъ мѣстомъ для суда былъ бы Бернъ. Здѣсь постоянный третейскій судъ явился бы, „какъ естественный вѣнецъ цѣлаго ряда международныхъ бюро, составляющихъ украшеніе этого города и славу нашего времени".

„Если стороны не воспользовались правомъ непосредственнаго представленія своихъ несогласій въ судъ, предсѣдатель назначаетъ тѣхъ его членовъ, которые должны будутъ составить судъ въ первой его инстанціи.

По желанію одной изъ сторонъ, члены, имѣющіе составить этотъ судъ (tribunal), назначаются самимъ судомъ въ полномъ его составѣ (par la Cour elle même).

Лица, назначенныя тяжущимися государствами, не входятъ въ составъ суда.

Тѣ, на которыхъ палъ выборъ, не могутъ отклонить его отъ себя".

VIII.

„Компромиссъ составляется самими спорящими правительствами; въ случаѣ ихъ несогласія по этому поводу, онъ составляется назначенною инстанціей или, если нужно, всѣмъ судомъ. Суду можетъ быть предъявленъ и встрѣчный искъ (demande reconventionelle)".

IX.

„Рѣшеніе суда мотивируется; оно постановляется въ двухмѣсячный срокъ по заключеніи преній и сообщается сторонамъ секретаремъ".

X.

„Каждая изъ сторонъ имѣетъ право апелляціи въ теченіе трехъ мѣсяцевъ послѣ этого сообщенія. Обжалованіе это вносится въ судъ. Лица, назначенныя спорившими государствами, а равно составлявшія первую инстанцію, не входятъ въ составъ второй. Порядокъ дѣлопроизводства остается прежній. Постановленіе суда въ этомъ составѣ окончательное. Оно не подлежитъ оспариванію, въ какой бы то ни было формѣ".

XI.

„Исполненіе рѣшеній суда предоставляется чести и добросовѣстности спорящихъ государствъ.

Судъ воспользуется конвенціями сторонъ, если онѣ, въ заключенномъ ими компромиссѣ, дадутъ ему возможность мирною санкціей подкрѣпить свое рѣшеніе".

XII.

„Назначенія, упоминаемыя въ ст. III, дѣлаются въ шестимѣсячный срокъ послѣ обмѣна ратификаціи настоящей конвенціи. Они дипломатическимъ путемъ доводятся до свѣдѣнія уговорившихся государствъ.

Судъ считается установленнымъ и имѣющимъ право собраться въ мѣста своего пребыванія мѣсяцъ спустя послѣ указаннаго срока, независимо отъ числа своихъ членовъ. Онъ приступаетъ къ выборамъ предсѣдателя, товарища его, секретаря и къ составленію устава о порядкѣ дѣлопроизводства“.

XIII.

„Договаривающіяся стороны вырабатываютъ для суда органическій уставъ, который составитъ часть настоящей конвенціи“.

XVI.

„Государства, не принимавшія участія въ этомъ соглашеніи, могутъ приступить къ нему впослѣдствіи въ обычной формѣ.

Это приступленіе ихъ сообщается правительству той страны, гдѣ пребываетъ судъ, а послѣдній доводитъ объ этомъ до свѣдѣнія всѣхъ остальныхъ присоединившихся государствъ“.

ФАБРИКА
Н.В.ГАЕВСКАГО
В.О.5 лин.54
СКЛ.ВЛАДИМІРСК.ПР.4

Камаровскій
и
Богаевскій

ПРАВО
и
МИРЪ

М. Ф.